КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
ПО ИСТОРІИ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

СОСТАВЛЕННАЯ КРУЖКОМЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

П. Г. Виноградова

Удостоена большой преміи имени Императора Петра Великаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Москва.—1896 г.

Типографія и цинкографія.
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Потребность въ книгахъ для чтенія по исторіи вызывается различными условіями. Если даже оставить въ сторонѣ интересы читающей публики, которая стремится къ самообразованію и ожидаетъ отъ специалистовъ доступнаго изложенія научныхъ результатовъ, если имѣть въ виду лишь запросы школы и учащагося юношества, то составленіе „книгъ для чтенія“ окажется одною изъ главныхъ педагогическихъ задачъ. Школа не можетъ ограничиваться сообщеніемъ извѣстнаго запаса свѣдѣній, признанныхъ обязательными и занесенныхъ въ учебники. Она подготовляетъ къ жизни, и учащіеся, такъ или иначе, съ помощью или безъ помощи школы, дѣлаютъ первые шаги на пути духовнаго развитія, первые шаги, отъ которыхъ будетъ зависѣть очень многое въ судьбѣ взрослыхъ людей. Развитіе, интересъ къ общественной жизни и ея историческому росту, живое отношеніе къ знанію и литературѣ не могутъ быть пріобрѣтены простымъ заучиваніемъ заданныхъ уроковъ; и потому всякій добросовѣстный учитель не просто заботится о затверживаніи учебника, но дѣйствуетъ на учениковъ разсказомъ и бесѣдой, старается возбудить самостоятельную мысль, пріохотить къ чтенію и дать ему цѣлесообразное направленіе.

Но въ этомъ отношеніи положеніе учителя особенно отвѣтственное и трудное. Передъ нимъ огромная литература: съ какими сочиненіями познакомиться, гдѣ ихъ достать, что изъ нихъ выбрать, какъ изложить выбранные эпизоды въ до-

ступной для учениковъ формѣ? Лучшіе изъ преподавателей справляются мало-по-малу съ затрудненіями, вырабатываютъ опытомъ систему разсказовъ и указаній для чтенія, но достигается это несоотвѣтственной затратой труда, а многіе, за неимѣніемъ подходящихъ пособій, останавливаются въ началѣ дороги и запускаютъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ преподаванія.

Составленіе книгъ для чтенія или хрестоматій по исторіи можетъ, конечно, оказать существенную пользу дѣлу. Ученикъ не только учится, но слушаетъ и читаетъ: учебникъ даетъ основныя и обязательныя свѣдѣнія, хрестоматія должна быть пособіемъ для дополнительной работы, т. е. для разсказа преподавателей и чтенія учениковъ. Такая постановка задачи предполагаетъ разнообразіе матеріала: нѣкоторыя главы будутъ, можетъ быть, прочтены въ классѣ, другія указаны для чтенія внѣ класса, третьи послужатъ пособіемъ при устномъ разсказѣ преподавателя; въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспользуется статьями весь классъ, въ другихъ—лучшіе ученики; примѣнительно къ инымъ статьямъ могутъ быть поставлены темы для сочиненій. Разнохарактерность матеріала неизбѣжна еще въ другомъ отношеніи: значительная часть книги состоитъ изъ очерковъ, предназначенныхъ дать представленіе о конкретной сторонѣ исторической жизни, и въ такихъ случаяхъ изложеніе стремится прежде всего къ живости и образности. Но многіе изъ предметовъ и вопросовъ, относительно которыхъ желательно расширить свѣдѣнія учебника, имѣютъ отвлеченный характеръ; при характеристикѣ феодализма, городского строя, успѣховъ королевской власти, политическихъ и религіозныхъ ученій нельзя ограничиваться картинными эпизодами и устранять все „сухое“ и отвлеченное. Можно надѣяться, что ученики старшихъ классовъ заинтересуются анализомъ историческихъ фактовъ, выясненіемъ идей, руководившихъ обществомъ, указаніемъ причинъ совершавшагося въ исторіи процесса.

Необходимо указать также и ограниченія, которыя поставили себѣ составители предлагаемаго сборника. Немыслимо съ одинаковой подробностью касаться всѣхъ частей средне-

вѣковой исторіи и стремиться къ связному изложенію ея теченія: при такомъ изложеніи получился бы или нѣсколько распространенный учебникъ, или многотомная библіотека. Цѣлесообразнѣе выбрать наиболѣе характерные явленія и моменты, сказать о нихъ подробно и опустить остальное. Чтобы дать, напр., понятіе о переселеніи народовъ, нѣтъ надобности описывать похожденія всѣхъ племенъ и вождей этой эпохи: мотивы и условія движенія раскроются, даже если мы опустимъ Аттилу, Гензериха и др. и остановимся, напр., на Аларихѣ.

Авторы „книгъ для чтенія“ обыкновенно прибѣгаютъ къ хрестоматической формѣ, но при выборѣ отрывковъ не всѣ слѣдуютъ одному и тому же плану [1]). Легче всего воспользоваться для хрестоматіи вырѣзками изъ памятниковъ и историческихъ сочиненій: при такомъ подборѣ для читателя сохранится отчасти впечатлѣніе свѣжести и непосредственности, которое даютъ источники; онъ иногда получитъ разсказъ въ изящной литературной формѣ. Но въ хрестоматіяхъ, подобранныхъ изъ готовыхъ отрывковъ, есть и серьезные недостатки, которые, на нашъ взглядъ, перевѣшиваютъ достоинства. Источники, въ особенности средневѣковые, требуютъ многочисленныхъ поясненій и оговорокъ, а безъ поясненій и оговорокъ останутся недоступными для учащейся молодежи. Ученыя сочиненія, изъ которыхъ берутся отрывки, написаны не для публики хрестоматій, задаются высшими литературными и научными цѣлями, разсчитаны на свой особый масштабъ и на опредѣленную связь частей, которая разрушается хрестоматическими вырѣзками. Если подбирать отрывки по важности сюжетовъ, то придется во многихъ случаяхъ помѣщать статьи слишкомъ пространныя или малодоступныя; если руководствоваться доступностью, то по нѣкоторымъ вопросамъ при всемъ обиліи литературы не окажется ничего подходящаго. При недостаткѣ времени и средствъ можетъ

---

[1]) Нѣтъ надобности пояснять, что наша „книга для чтенія“, составленная примѣнительно къ потребностямъ средней школы, обращается къ иному кругу читателей, чѣмъ извѣстная „Хрестоматія по исторіи среднихъ вѣковъ“ Стасюлевича.

быть весьма полезна и хрестоматія, подобранная изъ вырѣзокъ, но намъ казалось болѣе желательнымъ составить рядъ статей спеціально для чтенія учениковъ старшихъ классовъ. Въ большинствѣ случаевъ понадобились компиляціи; въ нихъ вошли данныя изъ источниковъ и пособій, иногда были сохранены даже отдѣльныя выраженія источниковъ и пособій; но въ общемъ авторы статей имѣли въ виду свой кругъ читателей и переработывали матеріалъ сообразно съ его потребностями и особенностями.

Свойства читателей приходится принимать во вниманіе не только при изложеніи отдѣльныхъ статей, но и при установленіи общаго направленія сборника. Такъ называемая „внѣшняя“ исторія — свѣдѣнія о территоріальныхъ перемѣнахъ и военныхъ столкновеніяхъ — сама по себѣ не имѣетъ развивающаго характера и потому вошла въ хрестоматію, лишь поскольку она была необходима, чтобы поставить изложеніе въ опредѣленную рамку, или поскольку она служитъ для иллюстраціи культурнаго состоянія. Ходъ битвъ при Гастингсѣ или при Креси, напр., даетъ богатый матеріалъ для характеристики рыцарства, общественныхъ классовъ и политической организаціи, и потому разсказамъ объ этихъ сраженіяхъ отведено мѣсто въ хрестоматіи; вообще же говоря, мы избѣгали изложенія военныхъ операцій.

Кромѣ того, приходилось считаться съ общей постановкой преподаванія въ нашей школѣ. Такъ какъ въ ней не проходятся ни философія, ни политическая экономія, ни энциклопедія права и преподаватель исторіи не имѣетъ достаточно времени, чтобы знакомить учениковъ съ основными элементами этихъ наукъ, то и въ хрестоматіи многіе вопросы культурной и соціальной исторіи пришлось изложить далеко не въ томъ объемѣ, какого требовало бы ихъ научное значеніе. Сообщая свѣдѣнія объ общинѣ и помѣстьѣ, о ленномъ, обычномъ и римскомъ правѣ, составители принуждены были особенно принимать въ расчетъ недостаточную подготовку учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній къ усвоенію подобныхъ вопросовъ.

Несмотря на вышеуказанныя ограниченія, сборникъ разросся до значительныхъ размрѣовъ. Обширность сборника

представляетъ неудобство, потому что удорожитъ изданіе и направитъ его преимущественно въ библіотеки и въ руки преподавателей. Но едва ли возможно было избѣжать этого неудобства при исполненіи намѣченной програмы. Что же касается выбора статей для чтенія, то обширность сборника, какъ намъ кажется, дастъ возможность приноравливать указанія къ различнымъ уровнямъ и требованіямъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будутъ прочитаны не всѣ статьи, можетъ быть, даже меньшая часть ихъ, но изъ общаго запаса преподаватель безъ труда выдѣлитъ то, что представляется ему полезнымъ и необходимымъ.

I.

Германцы до великаго переселенія народовъ.

Нашими свѣдѣніями о древнихъ германцахъ мы обязаны главнымъ образомъ римскимъ, и отчасти греческимъ, писателямъ. Первое знакомство римлянъ съ германцами начинается въ самомъ концѣ II-го вѣка до Р. Х., когда кимвры и тевтоны, угрожая нашествіемъ на Италію, привели въ ужасъ римскій сенатъ и гражданъ. Въ половинѣ слѣдующаго вѣка, при Цезарѣ, римляне снова имѣли столкновеніе съ германцами, которые подъ предводительствомъ Аріовиста явились въ большомъ количествѣ въ Галлію, заняли тамъ области нѣкоторыхъ галльскихъ племенъ и угрожали въ будущемъ наводнить всю Галлію и сдѣлаться такимъ образомъ ближайшими сосѣдями римскаго государства. Цезарь не только прогналъ Аріовиста за Рейнъ, но и самъ съ войскомъ дважды переходилъ эту рѣку, отдѣлявшую германцевъ отъ кельтовъ. Съ этихъ поръ столкновенія между римлянами и германцами становятся все болѣе и болѣе частыми, борьба съ этимъ, сначала ничтожнымъ, врагомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе, пока, наконецъ, могущественная римская имперія не изнемогаетъ окончательно въ этой борьбѣ. **Сношенія германцевъ съ римлянами.**

Когда римляне впервые познакомились съ германцами, эти послѣдніе представляли собой народъ полудикій, жизненный строй котораго вполнѣ заслуживаетъ названіе первобытнаго. Они вели еще кочевой образъ жизни, часто и легко мѣняя мѣста своей осѣд- **Степень культуры.**

Источники: *Caesar*, De bello gallico; *Tacitus*, Germania, Annales *Plinius*, Historia naturalis; *Strabo*, Geographica. **Пособія:** *Arnold*. Deutsche Urzeit, *Dahn*, Urgeschichte der romanischen und germanischen völker.

лости; съ земледѣліемъ они уже были знакомы, но занимались имъ мало и жили главнымъ образомъ охотой и скотоводствомъ, питаясь преимущественно мясомъ и молокомъ, а не хлѣбомъ; государства, въ настоящемъ смыслѣ, у нихъ не было; не только каждое племя, но и мелкія части племени были самостоятельны и постоянно вели другъ съ другомъ войны. Они едва были знакомы съ металлами и употребляли для своихъ орудій и оружія, главнымъ образомъ, камень, дерево, кость и рога животныхъ. Одѣвались эти дикари въ звѣриныя шкуры, оставлявшія большую часть тѣла открытою, и жили въ наскоро сколоченныхъ избахъ, которыя не жаль было бросить.

Постепенныя измѣненія въ бытѣ. Такъ жили германцы въ эпоху первыхъ своихъ столкновеній съ Римлянами. Но они не остановились на этой низкой ступени развитія подобно нѣкоторымъ племенамъ Африки или Америки, которыя и до сихъ поръ извѣстны у насъ подъ именемъ дикарей. Напротивъ, развитіе германцевъ пошло довольно быстро подъ вліяніемъ благопріятно сложившихся обстоятельствъ. Что это за обстоятельства, какъ и въ какомъ направленіи они дѣйствовали на жизненный строй германцевъ, — объ этомъ мы подробнѣе узнаемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи; пока замѣтимъ только, что всѣ они сводятся, собственно говоря, къ двумъ главнымъ: 1) столкновенія, какъ мирныя, такъ и враждебныя, съ другими, болѣе образованными народами—сначала съ галлами, потомъ съ римлянами: 2) необходимость удовольствоваться опредѣленной, строго ограниченной территоріей между моремъ, Рейномъ и Дунаемъ—съ востока на германцевъ напирали народы славянскаго и финскаго происхожденія. Подъ вліяніемъ этихъ условій германцы становятся мало по малу осѣдлыми, земледѣліе получаетъ въ ихъ быту все бо̀льшее и бо̀льшее значеніе, мелкія общины сливаются въ крупныя соединенія, появляется болѣе или менѣе правильно устроенное государство, король объединяетъ подъ своей властью не только все племя, но и нѣсколько родственныхъ племенъ, цѣлый народъ; между народами образуются союзы для борьбы съ римлянами.

Различія между германскими племенами въ культурномъ отношеніи. Само собой разумѣется, что не всѣ германскія племена развивались съ одинаковой быстротой. Такъ, еще Цезарь говоритъ, что „убіи находились въ довольно цвѣтущемъ состояніи, насколько это вообще можно сказать о германцахъ; они даже нѣсколько образованнѣе прочихъ племенъ, потому что живутъ возлѣ Рейна; убіевъ часто посѣщаютъ купцы, и вслѣдствіе близости къ галламъ нравы у нихъ мягче“. Между тѣмъ, даже черезъ 150 лѣтъ послѣ Цезаря,

на крайнемъ востокѣ заселеннаго германцами пространства нѣкоторыя племена вели такой образъ жизни, что Тацитъ не зналъ, слѣдуетъ ли ихъ отнести къ германцамъ, въ то время вообще болѣе образованнымъ, или же къ сарматамъ: по его словамъ, венеты постоянно кочуютъ по своей гористой и покрытой лѣсомъ странѣ и живутъ почти исключительно грабежомъ, какъ сарматы. „Тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ Тацитъ, они скорѣе германцы, чѣмъ сарматы, потому что строютъ дома, имѣютъ щиты и ходятъ пѣшкомъ, тогда какъ настоящіе сарматы проводятъ всю жизнь на конѣ или въ повозкѣ“. Совершенными дикарями изображаетъ этотъ писатель сосѣдей венетовъ, фенновъ, которые не имѣютъ ни оружія, ни коней, ни домовъ. Они питаются травой, одѣваются въ шкуры и спятъ на голой землѣ. Вооружены фенны только стрѣлами, къ которымъ придѣланы, за неимѣніемъ желѣза, наконечники изъ заостренной кости. Женщины наравнѣ съ мужчинами выходятъ на охоту. Единственное убѣжище ихъ дѣтей отъ непогоды и дикихъ звѣрей—шалашъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтокъ.

Бытъ хавковъ.

Вообще нужно замѣтить, что то̀, что мы будемъ говорить въ настоящей статьѣ о германцахъ, относится къ *большинству* германскихъ племенъ, а не ко всѣмъ германцамъ безъ исключенія. Между тѣмъ у древнихъ писателей встрѣчаются иногда извѣстія, характеризующія исключительно бытъ того или другого германскаго племени и не относящіяся къ германцамъ вообще. Таково, напримѣръ, сдѣланное Пливіемъ Старшимъ описаніе быта хавковъ, приморскаго племени между Эльбой и Эмсомъ: „два раза въ сутки океанъ заливаетъ ихъ область, такъ что не знаешь, можно ли причислить эту страну къ сушѣ, или ее слѣдуетъ считать морскимъ дномъ. Жалкое племя, обитающее въ этой мѣстности, ютится на немногихъ возвышенностяхъ или строитъ свои убогія хижины на особаго рода помостахъ, которые настилаются на сваи, вбитыя въ дно съ такимъ расчетомъ, чтобы при самомъ высокомъ уровнѣ вода не заливала жилищъ. Жители этихъ свайныхъ построекъ во время прилива похожи на обитателей корабля, во время отлива—на потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Не отходя далеко отъ своихъ водяныхъ жилищъ, они охотятся за уплывающей въ море рыбой. У нихъ нѣтъ домашнихъ животныхъ, молокомъ которыхъ они могли бы питаться подобно своимъ сосѣдямъ, нѣтъ и дикихъ звѣрей, за которыми можно было бы охотиться, потому что на далекое пространство вокругъ ихъ селеній нѣтъ ни кустика. Изъ тростника и водяныхъ растеній хавки плетутъ сѣти, которыми

ловятъ рыбу. Руками собираютъ они морской илъ и, высушивши его больше на вѣтру, чѣмъ на солнцѣ, употребляютъ въ видѣ топлива, чтобы готовить себѣ пищу и отогрѣвать свое окоченѣвшее отъ постояннаго сѣвернаго вѣтра тѣло. Пьютъ они исключительно дождевую воду, которую собираютъ въ особаго рода ямахъ, устроенныхъ во дворѣ за хижиной“.

Земледѣліе и война. Раньше было уже сказано, что, хотя въ моментъ своего перваго столкновенія съ римлянами германцы были уже знакомы съ земледѣліемъ, но оно еще не имѣло существеннаго, первостепеннаго значенія въ ихъ быту. Цезарь прямо говоритъ, что германцы мало занимаются земледѣліемъ; о свевахъ, одномъ изъ самыхъ значительныхъ германскихъ народовъ, онъ разсказываетъ, что только половина взрослыхъ мужчинъ оставалась дома для хозяйства, другая же половина почти постоянно находилась въ отсутствіи, занимаясь войной и охотой. Почти 70 лѣтъ спустя Страбонъ пишетъ, что занятія земледѣліемъ не мѣшали германцамъ сниматься съ мѣста поселенія съ легкостью настоящихъ кочевниковъ. Даже во времена Тацита, т. е. еще черезъ 70 слишкомъ лѣтъ послѣ Страбона, далеко не всѣ германцы занимались земледѣліемъ: лучшая часть молодежи оставляла заботы о домѣ и хозяйствѣ старикамъ и женщинамъ, а сами поступали въ дружину какого-нибудь славнаго вождя. „Награбить побольше добычи, говоритъ про этихъ дружинниковъ Тацитъ, хотя бы съ опасностью для жизни, они считаютъ болѣе легкимъ и пріятнымъ, чѣмъ пахать землю и терпѣливо ждать урожая; имъ даже кажется признакомъ постыдной лѣни добывать потомъ то, что можно добыть кровью“. Среди племени хаттовъ нѣкоторые посвящали себя исключительно войнѣ, занимаясь ею до глубокой старости; у нихъ не было ни семьи, ни дома, ни земельнаго надѣла; они жили войной, а въ мирное время ходили изъ двора въ дворъ, гдѣ ихъ радушно принимали, угощая, чѣмъ Богъ послалъ. Даже обыкновенные германцы, особенно изъ болѣе зажиточныхъ, старались взвалить бо́льшую часть земледѣльческаго труда на рабовъ и женщинъ, занимаясь больше охотой и войной, а досуги посвящая пьянству и игрѣ въ кости.

Способъ обработки. Самый способъ обработки земли представляется совершенно первобытнымъ. Главнымъ земледѣльческимъ орудіемъ древнихъ германцевъ былъ деревянный плугъ, которымъ они ковыряли землю, едва поднимая тонкій верхній слой чернозема. Кромѣ того, страна, доставшаяся на долю германцевъ въ Европѣ, не отличалась осо-

бымъ плодородіемъ и была большей частью покрыта болотами и дѣвственнымъ дремучимъ лѣсомъ. О величинѣ лѣсовъ въ Германіи того времени можно судить по Герцинскому лѣсу, который по словамъ Цезаря, тянулся отъ Швейцаріи вдоль Дуная; въ ширину онъ простирался на 6 дней скораго пути, въ длину можно было идти 2 мѣсяца и не дойти до конца, котораго никто не знаетъ. И такихъ лѣсовъ было много; какъ велики были деревья, растущія въ германскихъ лѣсахъ, видно изъ того, что въ челнокѣ, выдолбленномъ въ стволѣ одного дерева (такъ наз. „однодеревка“) помѣщалось, по свидѣтельству Плинія, до 30 человѣкъ. Описаніями же непроходимыхъ болотъ сѣверной и сѣверо-западной Германіи полны всѣ разсказы о зарейнскихъ походахъ римскихъ войскъ. Трудно было обрабатывать такую почву, особенно съ такими несовершенными орудіями. Только что распаханная новь, выкорчеванный участокъ лѣса, особенно если онъ былъ покрытъ слоемъ пепла отъ сожженныхъ деревьевъ, которыя прежде росли на немъ [1],—давали въ первые годы хорошій урожай; но потомъ почва быстро истощалась, тѣмъ болѣе, что германцы не умѣли удобрять ее; какъ выражается Тацитъ, „они не спорили съ размѣрами и естественнымъ плодородіемъ земли“, т. е. не умѣли помощью разныхъ искусственныхъ мѣръ извлекать изъ земли больше, чѣмъ она сама давала при весьма малой обработкѣ. Они не устраивали ни садовъ, ни огородовъ и не были знакомы съ искусственнымъ орошеніемъ; сѣяли преимущественно овесъ и ячмень, которые легче другихъ хлѣбныхъ злаковъ переносятъ суровый климатъ; ржи и пшеницы у нихъ было мало. Въ виду всего этого германцы сначала каждый годъ мѣняли пашню [2]), что не представляло особенныхъ затрудненій, потому что земли было вволю. По тѣмъ же причинамъ они легко соблазнялись надеждой переселиться въ болѣе плодородныя страны, каковы Галлія и сѣверная Италія.

При такомъ первобытномъ способѣ обработки земли [3]) каждому германцу, естественно, ея нужно было гораздо больше, чѣмъ со-

---

[1]) Это—такъ называемое *подсѣчное хозяйство*, и до сихъ поръ еще встрѣчающееся на крайнемъ сѣверѣ Россіи.

[2]) Такая система называется *переложной*.

[3]) Этотъ способъ называется обыкновенно *экстенсивнымъ* въ противоположность *интенсивному* хозяйству, которое различными искусственными мѣрами (удобреніе, орошеніе, цѣлесообразная смѣна разныхъ видовъ засѣваемаго хлѣба и т. д.) доводитъ плодородіе почвы до высшей степени, какая только возможна.

временному земледѣльцу любой европейской страны: къ тому же и занятіе охотой и скотоводствомъ, которымъ преимущественно жили въ то время германцы, требуетъ бо́льшаго земельнаго простора, чѣмъ земледѣліе [1]). Поэтому германское племя селилось чрезвычайно широко, захватывая сравнительно громадную область, въ которой только середина была занята поселками; вокругъ же на значительное пространство тянулся пустырь, который былъ, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе и значительнѣе было поселившееся въ данной области племя. Часто случалось (и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще), что германское племя находило область, въ которой оно собиралось поселиться, уже занятой; и тогда приходилось или итти дальше, или прогонять прежнихъ жителей страны: такъ, маркоманны прогнали бойевъ изъ Богеміи, хамавы и ангриваріи прогнали бруктеровъ. Тацитъ разсказываетъ, что эти пришельцы съ согласія сосѣднихъ племенъ перерѣзали большую часть бруктеровъ (причемъ погибло до 60 тыс. человѣкъ), а остальныхъ изгнали и сами заняли ихъ земли. Особенно страдали отъ этого мелкія племена, имѣвшія несчастіе быть сосѣдями такихъ могущественныхъ народовъ, какъ, наприм., свевы. Узипеты и тенктеры многіе годы выдерживали натискъ свевовъ, которые, по выраженію Цезаря, не давали имъ заниматься земледѣліемъ. Наконецъ, вытѣсненные изъ своей области, они 3 года блуждали по разнымъ мѣстамъ Германіи, пока не пришли къ Рейну. Здѣсь они разными правдами и неправдами захватили зарейнскую область галльскаго племени менапіевъ, заняли ихъ жилища и провели остальную часть зимы, питаясь ихъ запасами. Но и тутъ судьба не оставила ихъ въ покоѣ: явился Цезарь и потребовалъ, чтобы они оставили область менапіевъ, находившихся подъ покровительствомъ римлянъ; въ отвѣтъ на это требованіе германцы просили Цезаря или оставить ихъ въ этой области, уже пріобрѣтенной ими силой оружія, или же отвести имъ какія-нибудь другія земли для поселенія; Цезарь обѣщалъ ихъ поселить въ области убіевъ, очевидно на пустыхъ земляхъ, принадлежавшихъ этому германскому племени.

Эти пустыри достигали иногда громадныхъ размѣровъ: такъ, по свидѣтельству Цезаря, съ одной стороны свевской области пустырь тянется на 600 римскихъ миль. Значительная часть этихъ

---

[1]) Тогда галльскому племени гельветовъ (которое въ общемъ стояло выше современныхъ имъ германцевъ) въ 200 слишкомъ тысячъ человѣкъ было *тѣсно* въ странѣ, питающей теперь двухмилліонное населеніе.

незаселенныхъ пространствъ земли была покрыта лѣсомъ и служила надежной естественной границей между сосѣдними племенами, значительно затрудняя взаимные набѣги и защищая населеніе отъ внезапныхъ нападеній. Въ эти же лѣса германцы прятались при приближеніи опаснаго непріятеля, который казался имъ слишкомъ сильнымъ для сраженія съ нимъ въ открытомъ полѣ; такъ поступили хатты, подвергшіеся внезапному нападенію Германика, тоже сдѣлали и сигамбры: узнавъ о томъ, что Цезарь наводитъ мостъ черезъ Рейнъ, они забрали свое имущество и скрылись въ лѣсахъ. Свевы въ народномъ собраніи постановили оставить селенія, женъ, дѣтей и все добро упрятать въ лѣсахъ, а всѣмъ способнымъ носить оружіе собраться въ опредѣленномъ мѣстѣ; въ другой разъ, узнавъ о приближеніи римлянъ, они удалились въ отдаленнѣйшій край своей области, въ пограничный лѣсъ, и тамъ рѣшили ожидать римское войско.

Землевладѣніе.

Но особенно важное значеніе имѣли такіе пустыри для хозяйства. Когда какое-нибудь племя занимало извѣстную область, то прежде всего выбирали для обработки часть земли, обыкновенно лежащую посрединѣ области, сообразно числу рабочихъ; вслѣдъ за тѣмъ происходилъ раздѣлъ земли между домохозяевами, причемъ князья, родовые старѣйшины, вожди дружинъ получали больше, чѣмъ простые свободные. Остальная земля оставалась не подѣленной; это былъ именно тотъ пустырь, о которомъ мы говорили раньше и который широкой полосой окаймлялъ мѣста осѣдлости племени. Все это пространство находилось въ общемъ пользованіи и состояло изъ дѣвственнаго лѣса, полянъ, озеръ, рѣкъ и ручьевъ, а также горъ; каждый могъ срубить въ этомъ лѣсу столько деревьевъ, сколько ему нужно, или же, если у него были лишнія рабочія руки, выжечь и выкорчевать извѣстный участокъ подъ пашню и пользоваться ею; каждый могъ пасти на этихъ пастбищахъ свой скотъ и ловить въ этихъ водахъ рыбу. Обиліе такой общинной земли (Allmende) давало возможность мѣнять по мѣрѣ надобности мѣста осѣдлости; изъ нея же потомъ нарѣзывали надѣлы для новыхъ членовъ общины, для подростающихъ сыновей, какъ только они вступали въ бракъ и обзаводились собственнымъ хозяйствомъ, наконецъ для чужаковъ-переселенцевъ, которыхъ община могла принять въ число своихъ членовъ. Надѣлъ, получаемый каждымъ свободнымъ германцемъ отъ общины не считался его полной собственностью, которую онъ могъ бы завѣщать, продать или подарить кому угодно; даже въ пользованіи своимъ надѣломъ онъ дол-

женъ былъ сообразоваться до извѣстной степени со всей общиной т. е. пахать и засѣвать его въ одно время со всѣми; снявши хлѣбъ, предоставлять свой участокъ для общаго пользованія, для пастбища скота всей общины и т. д. Вообще нужно замѣтить, что понятіе частной, личной собственности развивалось у древнихъ германцевъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, чрезвычайно медленно. Сначала полная собственность признавалась только по отношенію къ движимости: каждый могъ распорядиться, какъ ему вздумается, своимъ оружіемъ, припасами, земледѣльческими орудіями, скотомъ. Потомъ является уже собственность на домъ и дворъ: при Тацитѣ домъ, дворъ и рабовъ наслѣдуетъ старшій сынъ вмѣстѣ съ правами главы семейства; боевого коня у тенктеровъ получаетъ тотъ изъ сыновей, который проявилъ наибольшую воинскую доблесть. Но земельнымъ надѣломъ еще никто не можетъ распорядиться по своему личному усмотрѣнію. Завѣщанія древніе германцы не знали: послѣ смерти отца естественными наслѣдниками являются непремѣнно сыновья, за ихъ отсутствіемъ братья покойнаго; если нѣтъ братьевъ, то дядья по отцу и по матери. Представленіе о томъ, что земля можетъ быть предметомъ полной личной собственности, появляется сначала только по отношенію къ участку нови, которую человѣкъ самъ своимъ личнымъ трудомъ поднялъ, выкорчевалъ, вспахалъ и засѣялъ. Потомъ уже это понятіе личной собственности переносится и на земельный надѣлъ, на тотъ участокъ принадлежащей общинѣ земли, который каждый получаетъ сначала только во временное пользованіе. Все это могло произойти только тогда, когда германцы прочно осѣли на занятыхъ ими мѣстахъ, когда одинъ и тотъ же участокъ въ теченіе многихъ поколѣній оставался въ пользованіи одной и той же семьи, такъ что члены ея привыкали смотрѣть на этотъ надѣлъ, какъ на свой, какъ на землю, которую покрыли своимъ трудовымъ потомъ отцы, дѣды и прадѣды. Этого не могло быть при Цезарѣ, когда германское племя чуть не ежегодно мѣняло мѣста всоей осѣдлости; не было еще и въ эпоху Тацита. Прочная осѣдлость германцевъ начинается лишь съ конца I-го вѣка по Р. X., уже послѣ того, какъ римляне установили твердую границу не только по линіи Рейна и Дуная, но и между верховьями этихъ рѣкъ. Такимъ образомъ дальнѣйшее движеніе германцевъ на западъ и югъ было прекращено; съ сѣвера естественной границей являлось море, съ востока все болѣе и болѣе плотной стѣной становились народы славянскаго, литовскаго, финскаго и тюрко-татарскаго племени. Въ предѣлахъ

пространства, очерченнаго этими границами, свободное передвиженіе племенъ становилось съ каждымъ поколѣніемъ все труднѣе и труднѣе вслѣдствіе естественнаго роста населенія. Приходилось поневолѣ оставаться на разъ уже занятыхъ мѣстахъ, заселять постепенно пустырь, окружающій первоначальныя мѣста осѣдлости; приходилось стараться извлечь изъ земли какъ можно больше, усерднѣе заниматься земледѣліемъ, выдвигая его на первый планъ и ограничивая размѣры скотоводства, потому что осѣдлый земледѣлецъ можетъ удовольствоваться меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ кочевникъ-пастухъ.

Скотоводство.

Но все это произошло лишь впослѣдствіи, подъ вліяніемъ стѣсненія границъ; сначала же, какъ мы видѣли, германцы представляются скорѣе пастушескимъ, чѣмъ земледѣльческимъ народомъ. Цезарь говоритъ о нихъ, что эти варвары особенно жадны до скота и стараются какъ можно больше награбить его во время своихъ набѣговъ. По словамъ Тацита (писавшаго черезъ 150 лѣтъ послѣ Цезаря), германцы особенно радуются количеству скота; въ этомъ для нихъ единственный и во всякомъ случаѣ самый пріятный видъ богатства. И дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ жизненныхъ случаевъ германцы пользуются скотомъ, какъ привычнымъ и повидимому самымъ удобнымъ для нихъ видомъ цѣнности, какъ мы теперь пользуемся деньгами [1]): скотомъ платилъ древній германецъ выкупъ за свою жену ея родственникамъ, изъ скота состоялъ штрафъ за разныя преступленія и даже за убійство (вергельдъ) своимъ королямъ германцы подносятъ ежегодно въ видѣ почетнаго подарка извѣстное количество скота и плодовъ; оброкъ раба, посаженнаго на земельный участокъ, состоитъ изъ хлѣба, скота и одежды.

Германскій скотъ былъ тощъ и мелокъ и не могъ конечно сравниться съ откормленными и выхоленными представителями улучшенныхъ породъ римскаго скота. Изъ различныхъ видовъ германскаго скота необходимо прежде всего отмѣтить свиней, которыхъ было великое изобиліе: громадныя стада этихъ животныхъ въ полудикомъ состояніи бродили по первобытнымъ лѣсамъ Германіи, питаясь желудями. Важную роль въ германскомъ быту играли также лошади, особенно у тѣхъ племенъ, которыя жили въ сѣверо-западной части страны, плоской и менѣе заросшей лѣсомъ, и у которыхъ

---

[1]) Вообще у всѣхъ первобытныхъ народовъ первоначальной мѣновой единицей, т. е. первоначальной формой денегъ, былъ скотъ.

поэтому существовала болѣе или менѣе значительная конница. Впрочемъ и лошади у германцевъ не отличались своей наружностью: онѣ были малорослы, некрасивы и даже не особенно быстры въ бѣгѣ; ихъ единственнымъ достоинствомъ считалась замѣчательная выносливость.

Охота. Кромѣ земледѣлія и скотоводства важнымъ занятіемъ въ германскомъ быту была охота. Охота представляла для древнихъ германцевъ не развлеченіе, какъ для насъ теперь, а насущную потребность жизни, промыселъ, одинъ изъ главныхъ способовъ добывать себѣ средства къ жизни. Древніе писатели рѣшительно свидѣтельствуютъ о томъ, что германцы занимались охотой больше, чѣмъ земледѣліемъ, особенно вначалѣ: по Цезарю вся жизнь ихъ проходитъ въ охотѣ и войнѣ. Охота представляла собой занятіе нелегкое и сопряженное съ немалыми опасностями; вооруженный кое-какъ, иногда самыми первобытными орудіями, древній германецъ долженъ былъ прибѣгать на охотѣ къ разнаго рода хитростямъ: на крупныхъ звѣрей, наприм. туровъ, онъ охотился при помощи рва, куда заманивали звѣря.

Селенія и постройки. Германцы селились обыкновенно или отдѣльными дворами (хуторами), или цѣлыми деревнями. Но и въ послѣднемъ случаѣ ихъ деревни не представляли собой сплошного поселка съ правильными улицами, гдѣ постройки болѣе или менѣе тѣсно примыкаютъ другъ къ другу. Каждый селился въ томъ мѣстѣ, которое ему почему-нибудь понравилось: одинъ ставилъ свою избу на берегу ручья, другой на лѣсной полянѣ, третій въ открытомъ полѣ, такъ что германская деревня представляла собой безпорядочную кучу дворовъ, разбросанныхъ на обширномъ пространствѣ и отдѣленныхъ другъ отъ друга довольно большими промежутками. Городовъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова у германцевъ не было, хотя уже очень рано появляются поселки, укрѣпленные самой природой или руками человѣческими. Такъ, Катуальдъ, изъ племени готоновъ, является къ маркоманнамъ и, склонивши на свою сторону знать, захватываетъ королевскій замокъ, укрѣпленіе, въ которомъ хранилась добыча прежнихъ лѣтъ. Германскія избы были исключительно деревянныя, съ соломенной или тростниковой крышей, такъ какъ лѣсу было много, а камень, если и попадался, то сравнительно рѣдко, и притомъ требовалъ болѣе тщательной обработки; кирпича и черепицъ германцы не умѣли дѣлать. Вообще деревянныя постройки болѣе соотвѣтствовали всѣмъ условіямъ древне-германскаго быта: при постоянныхъ войнахъ и набѣгахъ сосѣдей

приходилось часто возобновлять жилища, сожженныя или разрушенныя врагомъ; съ другой стороны, частая, особенно вначалѣ, перемѣна мѣстъ требовала устройства жилищъ легкихъ, коекакъ сколоченныхъ на скорую руку, чтобы ихъ не жаль было бросить, или чтобы ихъ можно было взять съ собой; и дѣйствительно, отправляясь на новыя мѣста, германцы часто брали съ собой и свои избы: такъ поступили не только кимвры во II в. до Р. Х., но даже готы въ концѣ IV в. по Р. Х. Изба ставилась на четырехъ столбахъ на нѣсколько футовъ надъ землей, напоминая собой такимъ образомъ сказочную „избушку на курьихъ ножкахъ"; къ входной двери или къ отверстію, замѣняющему собой входную дверь, вела лѣсенка. Внутри избы на полу былъ устроенъ очагъ, на которомъ почти никогда не потухалъ огонь; дымъ, за неимѣніемъ трубы, расходился по всему помѣщенію, ища себѣ выхода въ закоптѣломъ отъ сажи отверстіи въ потолкѣ. Какъ говоритъ Тацитъ, древніе германцы „нисколько не заботились о красотѣ и изяществѣ своихъ жилищъ; только нѣкоторыя мѣста они старательно вымазываютъ цвѣтной глиной, такой чистой и яркой, что кажется, будто эти мѣста раскрашены". Кромѣ избъ германцы устраивали еще и землянки, на которыя сверху наваливали кучи навоза; нижнее отдѣленіе такой землянки служило погребомъ, гдѣ хранились припасы, и куда пряталось болѣе цѣнное имущество на случай внезапнаго появленія непріятеля; въ верхнее же отдѣленіе они забирались сами на зиму, прячась здѣсь отъ стужи и морозовъ. Во дворѣ можно было встрѣтить собаку, которая часто сопровождала своего хозяина даже въ походѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда племя переселялось на новое мѣсто. Плиній разсказываетъ случай, когда при нападеніи на германскій таборъ всѣ его защитники, даже женщины, были перебиты; остались однѣ собаки, которыя продолжали яростно отстаивать укрѣпленіе отъ враговъ.

Пища. Пища древнихъ германцевъ, естественно, опредѣлялась родомъ ихъ занятій: такъ какъ они занимались больше охотой и скотоводствомъ, чѣмъ земледѣліемъ, то и питались больше мясомъ и молочными продуктами, чѣмъ хлѣбомъ, какъ о томъ говоритъ Цезарь. Плиній упоминаетъ уже и овсяный кисель. Овощи также появляются довольно поздно, и то сначала только самые простые: рѣдька, морковь, горохъ, бобы, чечевица. Садовъ разводить германцы не умѣли, а потому, если и ѣли плоды, такъ только дикіе, напр. яблоки. Главную пищу, кромѣ молочныхъ продуктовъ (мо-

локо свѣжее и кислое, сыръ, масло), составляло мясо, притомъ больше мясо дикихъ, чѣмъ домашнихъ животныхъ; этими послѣдними германцы пользовались больше для работы и молока. Исключеніе, конечно, составляли свиньи, мясо которыхъ употреблялось во всевозможныхъ видахъ: свѣжее, вареное, копченое и соленое. Впрочемъ, въ пищу шло иногда и мясо другихъ домашнихъ животныхъ, но главнымъ образомъ только въ двухъ случаяхъ: въ видѣ жертвеннаго мяса (между прочимъ ѣли и конину), и мясо скота, который былъ убитъ осенью, чтобы не кормить его всю зиму. Въ послѣднемъ случаѣ только часть мяса съѣдали свѣжимъ, остальное готовили въ прокъ: сушили, солили и коптили. По словамъ Мэлы, германцы ѣли и сырое мясо.

Любимымъ напиткомъ тогда, какъ и теперь, было пиво; племена, ближайшія къ римской границѣ, знакомы были и съ виномъ. Одобряя простоту и умѣренность германской пищи, Тацитъ не можетъ не сознаться, что гораздо менѣе воздержными они были относительно питья; по его словамъ, германцевъ легче побѣдить виномъ, чѣмъ оружіемъ.

Одежда. Одежда древняго германца въ эпоху Цезаря состояла лишь изъ звѣриной шкуры, чаще всего изъ кожи лани; такъ какъ эти кожи не велики, то обыкновенно большая часть тѣла оставалась открытой. При Тацитѣ германцы уже были знакомы съ болѣе совершенной одеждой: они носили короткій плащъ до колѣнъ; этотъ плащъ представлялъ собой четыреугольный кусокъ шерстяной матеріи, который обертывалъ тѣло черезъ лѣвое плечо, а подъ правымъ застегивался пряжкой или же, за неимѣніемъ пряжки, простой колючкой, древесной иглой. Такъ какъ въ это время германцы уже умѣли прясть и ткать, то они пользовались для своей одежды также льняной матеріей т. е. холстомъ; по свидѣтельству Плинія, они выдѣлывали родъ парусины, подобно галламъ, „и ихъ женщины не знаютъ лучшей одежды“. Научившись шить, они стали дѣлать узкія рубашки изъ холста, также до колѣнъ. Одежда женщинъ мало чѣмъ отличалась отъ мужской, развѣ только тѣмъ, что она чаще всего дѣлалась изъ льняной матеріи, расцвѣченной иногда пурпуромъ: у нихъ такъ же, какъ и у мужчинъ, руки, плечи и часть груди оставались открытыми. Впрочемъ, и въ болѣе позднее время шкуры животныхъ не теряютъ своего важнаго значенія, какъ матеріалъ для одежды, особенно у дальнихъ племенъ, которыя не имѣютъ почти никакихъ торговыхъ сношеній съ другими болѣе цивилизованными народами и не могутъ поэтому ни откуда получать гото-

вое платье или матеріи; эти племена подвергаютъ предназначенные для одежды мѣха весьма тщательной отдѣлкѣ: они выбираютъ для этого особыя породы звѣрей, мѣха которыхъ украшаютъ еще шкурками рѣдкихъ животныхъ, обитающихъ только „въ отдаленнѣйшей части океана“, Балтійскомъ морѣ и другихъ невѣдомыхъ римлянамъ моряхъ.

Обувь германцевъ была грубая, изъ покрытаго шерстью куска кожи, чаще же всего всего они ходили босые.

Такъ какъ нѣтъ народа, на какой бы низкой ступени развитія онъ ни стоялъ, который бы не носилъ украшеній, то и у древнихъ германцевъ, конечно, они были; эти украшенія состояли изъ разнообразныхъ по формѣ и матеріалу пряжекъ, застежекъ и запястій, цѣпей, бляхъ, діадемъ и особенно колецъ, начиная отъ маленькихъ, которыя носились на пальцахъ, и кончая браслетами и большими кольцами, надѣвавшимися на шею.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что древній германецъ весьма рѣдко появлялся въ полномъ облаченіи: обыкновенно, какъ дома, во время отдыха, такъ и на работѣ въ полѣ, во время сраженій или охоты (особенно лѣтомъ), онъ снималъ съ себя верхнюю одежду, оставляя тѣло едва прикрытымъ. Дѣти же все время ходили на половину или даже совсѣмъ голыми.

Оружіе.

Если платье часто оказывалось лишнимъ, то этого никакъ нельзя сказать объ оружіи, въ которомъ всегда могла встрѣтиться надобность, и съ которымъ поэтому древній германецъ никогда не разставался. Торжественное врученіе оружія юношѣ въ присутствіи народнаго собранія означало, что молодой человѣкъ признанъ совершеннолѣнимъ и полноправнымъ; и съ этихъ поръ онъ ни на минуту не покидалъ своего оружія, являясь съ нимъ и въ народное собраніе и на пиръ, унося его съ собой даже въ могилу. Этимъ свободный германецъ отличался отъ раба; и не будь у него оружія, онъ легко могъ въ то время господства грубой силы потерять свою свободу. Только у суйоновъ, во главѣ которыхъ, не въ примѣръ прочимъ германцамъ, стоялъ король съ сильной властью, оружіе въ мирное время находится взаперти подъ присмотромъ раба, да и то потому только, что океанъ защищаетъ это племя отъ внезапныхъ нападеній враговъ.

Вооруженіе древнихъ германцевъ было грубое, первобытное. Оружіе всѣхъ видовъ и формъ выдѣлывалось сначала изъ камня и дерева (отчасти также изъ кости, рога и зубовъ животныхъ). Потомъ только германцы начинаютъ знакомиться съ употребле-

ніемъ металла (по Тациту, готины добывали желѣзную руду, у другихъ племенъ также встрѣчается металлическое оружіе), но еще долго деревянное и каменное оружіе продолжаетъ существовать наряду съ бронзовымъ и желѣзнымъ: только въ эпоху великаго переселенія народовъ желѣзо вошло во всеобщее употребленіе среди германцевъ, бронзовое же оружіе встрѣчается у лангобардовъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ еще при Карлѣ Великомъ.

Разнообразное наступательное оружіе, встрѣчающееся у древнихъ германцевъ, представляетъ собой всевозможныя видоизмѣненія трехъ основныхъ типовъ: 1) палица (дубина, молотъ, каменный топоръ) для удара; 2) копье и стрѣлы (дротики, пики); 3) мечъ (различной длины и формы, а также кинжалъ, ножъ и т. п.). Самымъ распространеннымъ видомъ палицы была такъ называемая framea, представляющая собой короткую деревянную рукоятку съ наконечникомъ въ формѣ топора или молота изъ камня, мѣди или желѣза; въ рукопашномъ бою framea употреблялась для удара, а передъ тѣмъ, какъ сойтись въ рукопашную, ее метали въ непріятельскіе ряды; чтобы ее можно было возвратить назадъ, въ этой палицѣ было устроено ушко съ продѣтымъ въ него ремнемъ, конецъ котораго оставался въ рукѣ.

Для обороны служилъ прежде всего, конечно, щитъ, который у германцевъ представлялъ собой большой четыреугольникъ, футовъ 6 длины и 4—ширины; для того, чтобы сдѣлать щитъ, плели ивовыя прутья и обивали ихъ тонкими досками. На внутренней сторонѣ щита было двѣ ручки для плеча и кисти, кромѣ того былъ прикрѣпленъ ремень для закидыванія щита на спину, когда нѣтъ боя, или когда приходится освободить обѣ руки для удара. Щиты обыкновенно раскрашивались, причемъ у каждаго племени былъ свой особый цвѣтъ: у кимврскихъ всадниковъ, напр., были бѣлые щиты, у скандинавовъ и саксовъ—красные, у фризовъ—коричневые. Небольшіе и круглые щиты были только у всадниковъ и легковооруженныхъ, да въ видѣ исключенія у племени ругіевъ и лемовіевъ.

Панцыри и особенно шлемы, какъ кожаные, такъ и металлическіе, встрѣчались чрезвычайно рѣдко. Вмѣсто нихъ, впрочемъ скорѣе въ видѣ украшенія, чѣмъ для защиты, германскіе предводители надѣвали иногда цѣльную шкуру, причемъ головная кожа съ ушами и рогами надѣвалась на голову, замѣняя собой такимъ образомъ шлемъ; это придавало воину свирѣпый и отчасти фантастическій видъ, наводившій ужасъ на непріятеля.

Само собой разумѣется, что далеко не каждый германецъ имѣлъ полное вооруженіе: во время войны съ Германикомъ въ германскомъ войскѣ только первый рядъ съ грѣхомъ пополамъ былъ вооруженъ длинными копьями (до 16 ф. длины съ обоюдоострымъ бронзовымъ или желѣзнымъ наконечникомъ отъ 9—15 дюймовъ); у остальныхъ же были только стрѣлы да короткія копья, частью даже безъ всякаго наконечника, а просто съ обожженнымъ концомъ. Обыкновенно всадникъ вооруженъ только framea и щитомъ, пѣхотинецъ пращей и метательными дротиками. Болѣе совершенное оружіе было въ то же время и болѣе цѣннымъ и поэтому не всякому доступнымъ. Чаще всего оно пріобрѣталось въ видѣ добычи или подарка: въ войскѣ Арминія напр. на многихъ было вооруженіе римлянъ, отнятое у нихъ послѣ извѣстнаго пораженія Вара; вожди дружинъ и предводители племенъ часто получали въ подарокъ отъ другихъ племенъ вмѣстѣ съ отборными конями и сбруей дорогое оружіе; женихъ дарилъ родственникамъ невѣсты въ видѣ выкупа обыкновенно коня съ сбруей, щитъ съ мечемъ и framea; дружинники получали боевого коня и оружіе отъ своего вождя. Насколько дорого было оружіе, можно судить по тому, что еще въ Рипуарской Правдѣ (слѣдовательно въ VI в.) мечъ съ ножнами цѣнится въ 7 коровъ, безъ ноженъ—въ 3, щитъ съ копьемъ—въ 2.

Ремесла и торговля.

Въ связи съ простотой и несложностью быта древнихъ германцевъ стоитъ слабое развитіе у нихъ ремеслъ. Выдѣлывались только тѣ предметы, которые были существенно необходимы для войны, земледѣлія и домашняго хозяйства. И всѣ эти предметы каждый могъ сдѣлать самъ для себя: каждый германецъ могъ сколотить себѣ избу, выдѣлать шкуру убитаго звѣря, смастерить свое нехитрое оружіе; его жены, сестры и дочери сами ткутъ, прядутъ и шьютъ, варятъ и пекутъ пищу, мелютъ муку на простой ручной мельницѣ, гдѣ зерно размалывается между двумя камнями. У кого было много рабовъ, тотъ предоставлялъ имъ большую часть ремесленнаго труда; могло случиться, что рабы производили больше, чѣмъ нужно ихъ господину, и тогда часть ихъ произведеній шла на продажу; но такая торговля ремесленными издѣліями рабовъ не была особенно значительной, потому что рабство у древнихъ германцевъ было далеко не такъ сильно развито, какъ, напр., у современныхъ имъ римлянъ. Вообще у нихъ въ ту эпоху каждый былъ въ одно и то же время и производителемъ и потребителемъ т. е. самъ дѣлалъ все, что ему было нужно; если у кого являлась нужда въ чемъ-нибудь такомъ, чего у него не было, и чего

онъ не могъ самъ сдѣлать, онъ вымѣнивалъ нужный ему предметъ на свои произведенія. Такое хозяйство называется натуральнымъ, и при такихъ условіяхъ торговля не можетъ быть, конечно, сильно развитой, тѣмъ болѣе, что въ это время войны всѣхъ противъ всѣхъ торговыя сношенія были чрезвычайно затруднены: если люди и сталкивались другъ съ другомъ, то большею частью враждебно. Мирныя сборища происходили только во время народныхъ собраній или религіозныхъ праздниковъ, когда къ какому-нибудь святилищу сходились германцы изъ разныхъ родственныхъ племенъ; такъ напр., въ область семноновъ на праздникъ въ честь общаго бога являлись посольства отъ всѣхъ другихъ свевскихъ племенъ. Такія сборища были временемъ самыхъ оживленныхъ торговыхъ сношеній и сопровождались обыкновенно ярмаркой. Важнымъ предметомъ внутренней торговли германцевъ были, между прочимъ, мѣха, и рабы. Но болѣе всего древніе германцы торговали съ сосѣдними оолѣе образованными народами, особенно тѣ племена, которыя жили близко отъ римской границы. Съ теченіемъ времени римскіе купцы стали заходить и вглубь страны. Германцы продавали заѣзжимъ купцамъ различные предметы, пріобрѣтенные въ видѣ добычи, а также мѣха и шкуры, янтарь, рабовъ, перо птицъ и волосы: взамѣнъ этого получали вино, украшенія, матеріи, металлъ въ обработанномъ и необработанномъ видѣ. Торговля германцевъ была болѣе пассивная, чѣмъ активная, т. е. они ждали, пока къ нимъ придутъ чужеземные купцы, а сами рѣдко пускались за предѣлы своей области съ торговой цѣлью; къ тому же сами римляне не особенно охотно пускали къ себѣ германцевъ: при Тацитѣ лишь дружественному римлянамъ племени гермундуровъ позволялось въ видѣ исключенія торговать не только на границѣ, но и являться для этого во внутреннія части провинціи Реціи. Сначала германцы вели исключительно мѣновую торговлю, потомъ въ видѣ денегъ у нихъ появляется скотъ. Первые познакомились съ употребленіемъ римскихъ денегъ пограничныя племена, но знакомство съ благородными металлами очень скоро распространилось и среди другихъ племенъ, и ко времени великаго переселенія народовъ мы видимъ, что германцы пользуются золотыми кольцами разной величины и вѣса, какъ деньгами, и копятъ ихъ въ видѣ сокровищъ. Тацитъ очень хвалитъ Германцевъ за то, что они не знаютъ ростовщичества, хотя на этотъ счетъ у нихъ и нѣтъ такихъ строгихъ законовъ, какъ у Римлянъ.

Родъ и племя. Въ настоящее время существуютъ обширныя соединенія въ нѣсколько десятковъ милліоновъ человѣкъ, живущихъ въ извѣст-

ной странѣ съ строго опредѣленными границами; такія соединенія называются государствами, и въ составъ ихъ входятъ цѣлые народы, иногда даже нѣсколько народовъ. Люди, живущіе въ одномъ государствѣ, тѣсно связаны между собой разнообразными общими интересами, сознаніемъ своего единства, взаимной защитой, общимъ правительствомъ, которое должно заботиться о благѣ всего населенія, и которое имѣетъ для защиты каждаго изъ своихъ гражданъ отъ обидъ и насилій законы, судъ, полицію и войско. У древнихъ германцевъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, не было государства въ нашемъ смыслѣ этого слова, люди не были связаны другъ съ другомъ мѣстной связью, которая образуется отъ долгой жизни въ одной и той же странѣ, потому что они не имѣли сначала прочной осѣдлости и часто переходили съ мѣста на мѣсто. Въ началѣ могла быть только личная связь между людьми, да и то только такая, которая доступна пониманію самаго грубаго, первобытнаго человѣка, а именно связь кровнаго родства. Поэтому первоначальнымъ соединеніемъ является соединеніе родственниковъ: родъ представляетъ собой самый древній видъ государства, члены котораго тѣсно связаны между собой взаимной защитой, общимъ имуществомъ, общимъ начальникомъ и даже общей религіей, такъ какъ каждый родъ имѣлъ сначала свою особую религію, обоготворяя своихъ предковъ, поклоняясь своему домашнему очагу. Съ теченіемъ времени родъ разростается настолько, что изъ него образуется цѣлое колѣно, въ свою очередь распадающееся на нѣсколько родовъ, или даже цѣлое племя, въ составъ котораго входитъ нѣсколько колѣнъ [1]); иногда такое соединеніе нѣсколькихъ родовъ въ болѣе обширное цѣлое происходитъ искусственно, въ интересахъ защиты отъ общаго врага. Съ древними германцами мы знакомимся въ то время, когда государствомъ у нихъ является уже не родъ, а цѣлое племя, хотя родъ сохраняетъ еще большую часть своего прежняго значенія, и родичи представляются еще очень тѣсно связанными другъ съ другомъ. По прежнему каждый человѣкъ находитъ себѣ защиту отъ обидъ въ своихъ родственникахъ, которые мстятъ за него обидчику; но въ это время уже очень часто обидчикъ вмѣсто того,

[1]) Мы будемъ называть подраздѣленія германскаго племени (pagus, Gau) колѣномъ или областью: областью—тогда, когда имѣется въ виду племя въ осѣдломъ состояніи колѣномъ,—когда приходится говорить о племени безъ всякаго отношенія къ занимаемой имъ территоріи или же о племени еще полукочевомъ.

чтобы подвергаться кровавой мести и сопряженной съ ней опасности быть убитымъ или по крайней мѣрѣ разореннымъ, платитъ родственникамъ обиженнаго выкупъ; даже убійца могъ откупиться отъ мести, заплативши родственникамъ убитаго извѣстное количество рогатаго скота. [1]) Такимъ образомъ первоначально не существовало суда надъ преступникомъ и наказанія, которому въ наше время государство подвергаетъ всякаго нарушителя законовъ. Древнее государство — племя, распадающееся на нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, начинаетъ вмѣшиваться только въ тѣ преступленія, которыя касаются всего племени, какъ, наприм., измѣна, трусость и т. п. Во время Тацита народное собраніе каждаго германскаго племени судило такихъ преступниковъ, и обыкновенно приговаривало ихъ къ смертной казни: измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшали на деревѣ, а трусовъ топили въ болотѣ, набрасывая сверху кучи хвороста. Во всѣ другія преступленія государство не вмѣшивается, предоставляя каждому расправляться по своему. Лишь мало по малу входитъ въ сознаніе людей понятіе о мирѣ и порядкѣ, существенно необходимомъ для жизни всякаго сколько-нибудь благоустроеннаго общества. Такъ какъ этотъ миръ представлялся даромъ боговъ, то его хранителями на землѣ естественно должны быть служители боговъ—жрецы: вотъ почему у древнихъ германцевъ жрецамъ принадлежитъ власть карать преступниковъ во время войны, а также нарушителей тишины и порядка въ народномъ собраніи. Кромѣ жрецовъ оберегать этотъ божій даръ обязано, конечно, и правительство каждаго племени. Преступникъ начинаетъ разсматриваться уже не только какъ нарушитель частныхъ интересовъ, обязанный возмѣстить причиненный имъ убытокъ, заплатить выкупъ потерпѣвшему или его родственникамъ; онъ является кромѣ того нарушителемъ народнаго или королевскаго мира, и поэтому кромѣ выкупа потерпѣвшему обязанъ еще заплатить штрафъ народу или королю. Благами народнаго или королевскаго мира т. е., выражаясь современнымъ языкомъ, покровительствомъ законовъ пользуется всякій членъ государства — племени; если же онъ совершитъ преступленіе, то лишается этого покровительства; чтобы примириться съ государствомъ, онъ долженъ заплатить ему извѣстный штрафъ,— иначе его объявляютъ „лишеннымъ мира“, т. е., по нашему, внѣ законовъ.

---

[1]) Этотъ выкупъ назывался вергельдомъ.

Гостепріимство.

Какъ мы уже сказали, всѣ родственники должны мстить за убійство одного изъ своихъ: враждебныя отношенія къ убійцѣ или къ обидчику кого-либо изъ родственниковъ обязательны для каждаго германца. Но не менѣе обязательны для него и дружественныя отношенія, возникшія между его родичемъ и кѣмъ-либо изъ чужихъ, особенно отношенія гостепріимства: гость древняго германца священная особа не только въ его домѣ, но и въ домѣ каждаго изъ его родственниковъ. Вообще гостепріимство представляетъ собой характерную черту всякаго первобытнаго общества; безъ этого никакія сношенія между людьми не были бы возможны въ тѣ времена: всякій пришелецъ очутился бы въ самомъ безпомощномъ положеніи, если бы ему не было обезпечено покровительство хозяина того домашняго очага, у котораго онъ садился въ качествѣ гостя, и всего его рода. О германскомъ гостепріимствѣ единодушно свидѣтельствуютъ многіе древніе писатели: по словамъ Цезаря, „оскорбить гостя считается беззаконіемъ; зачѣмъ бы онъ онъ ни пришелъ, особа его священна; его защищаютъ отъ всякой обиды, ему вездѣ открытъ доступъ и готово угощеніе“. Тацитъ говоритъ, что „германцы отличаются чрезвычайнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ; отказать кому-нибудь въ гостепріимствѣ считается святотатствомъ. Каждый угощаетъ гостя, чѣмъ только можетъ. Если у него не хватаетъ на это средствъ, онъ ведетъ гостя въ сосѣдній дворъ. То обстоятельство, что они являются туда неприглашенными, не имѣетъ никакого значенія; ихъ обоихъ принимаютъ съ одинаковымъ радушіемъ, — передъ священнымъ долгомъ гостепріимства нѣтъ разницы между знакомымъ и незнакомымъ. Если, уходя, гость попроситъ что-нибудь, обычай требуетъ отдать ему эту вещь безпрекословно; въ свою очередь и хозяинъ можетъ, не стѣсняясь, выпросить что-нибудь у своего гостя. Впрочемъ, этимъ подаркамъ не придаютъ особеннаго значенія, и они ни къ чему не обязываютъ, являясь простымъ обмѣномъ любезностей“.

Значеніе рода въ хозяйствѣ и правѣ.

Въ только что приведенномъ отрывкѣ сказано, что германецъ велъ своего гостя не къ родственнику, а къ сосѣду; Тацитъ имѣлъ право такъ выразиться, потому что въ то время слова „сосѣдъ“ и „родичъ“ указывали на однихъ и тѣхъ же лицъ. Родъ представлялъ собой тѣсно сплоченную группу, члены которой всегда держались вмѣстѣ. Въ походѣ они не разлучались, такъ какъ каждый родъ составлялъ отдѣльный отрядъ, и войско передъ сраженіемъ строилось по родамъ; когда племя занимало какую-нибудь область, землю распредѣляли между родами, и каждый родъ селился на своемъ участкѣ, или образуя

сплошную деревню, и лиразселяясь въ немъ отдѣльными хуторами. Такимъ образомъ родъ превращался въ сельскую общину, члены которой связаны между собой, какъ мы уже видѣли, не только общимъ владѣніемъ землей, но отчасти и общимъ хозяйствомъ.

Тѣсная связь родичей другъ съ другомъ проявляется въ цѣломъ рядѣ случаевъ: ни одинъ торжественный моментъ въ жизни древняго германца не обходится безъ участія его родственниковъ. Когда дѣвушка выходитъ замужъ, то выкупъ за нее отъ жениха получаютъ не только родители, но и родственники невѣсты. Если мужъ желаетъ прогнать жену изъ своего дома за дурное поведеніе, онъ это дѣлаетъ въ присутствіи родственниковъ. Во время объявленія юноши совершеннолѣтнимъ, ему торжественно вручаютъ въ народномъ собраніи оружіе; дѣйствующимъ лицомъ въ этой церемоніи является или кто-нибудь изъ князей племени, или отецъ юноши, или же его родственники; послѣдніе во всякомъ случаѣ присутствуютъ при этомъ, такъ какъ только членъ одного изъ родовъ, входящихъ въ составъ племени, можетъ сдѣлаться полноправнымъ гражданиномъ этого племени.

Германская семья была патріархальной: всѣ члены этой семьи находились подъ опекой главы, домохозяина, отца. Дѣвушку выкупалъ изъ-подъ этой опеки женихъ, сынъ освобождался отъ нея при совершеннолѣтіи, когда отецъ торжественно въ народномъ собраніи вручалъ ему оружіе, и еще болѣе, когда, женившись, онъ получалъ самостоятельный земельный надѣлъ. Отецъ семьи былъ полновластный господинъ всѣхъ ея членовъ: онъ могъ не признать новорожденнаго своимъ ребенкомъ и убить его, особенно если ребенокъ былъ слабъ или уродливъ (впрочемъ, отецъ имѣлъ право сдѣлать это только до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не принялъ пищи— молока или меда); но и впослѣдствіи глава семьи могъ продать своихъ дѣтей, такъ же какъ и жену,—и это случалось иногда, въ крайнихъ случаяхъ, напр., во время голода.

Народное собраніе.

Таково было значеніе рода и семьи у древнихъ германцевъ въ то время, когда у нихъ образовалось уже болѣе сложное государственное соединеніе, племя. Величину германскаго племени нельзя, конечно, опредѣлить точно, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предположить среднюю величину племени въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Были племена и гораздо большія, въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, но они обыкновенно въ свою очередь распадались на нѣсколько почти совершенно самостоятельныхъ колѣнъ.

Рѣшеніе дѣлъ, касающихся всего племени, иными словами,

верховная власть въ этомъ маленькомъ государствѣ принадлежала собранію всѣхъ свободныхъ германцевъ, входившихъ въ составъ племени. Такія народныя собранія происходили въ опредѣленные дни, за исключеніемъ, конечно, чрезвычайныхъ случаевъ; обыкновенно день собранія совпадалъ съ новолуніемъ или полнолуніемъ, такъ какъ именно эти дни древніе германцы считали самыми счастливыми [1]). Собираются не сразу; проходитъ 2—3 дня, пока наберется достаточно народу, чтобы открыть собраніе. Это время (такъ же какъ и свободные часы въ дни народнаго собранія) посвящается пирушкамъ, гдѣ за чашей толкуютъ и объ общественныхъ дѣлахъ, по поводу которыхъ народу предстоитъ высказаться на слѣдующій день. Въ собраніе германцы являются вооруженные. За тишиной и порядкомъ наблюдаютъ жрецы, которымъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ и власть налагать извѣстныя наказанія. Собственно говоря, правильнаго обсужденія разныхъ вопросовъ на этихъ собраніяхъ не бываетъ: всѣ дѣла подготовляются предварительно князьями племени (отъ которыхъ зависитъ также окончательное рѣшеніе маловажныхъ дѣлъ), затѣмъ кто-нибудь изъ этихъ князей, наиболѣе почтенный возрастомъ или же отличающійся особенной знатностью, воинской славой или краснорѣчіемъ, выступаетъ передъ народомъ въ качествѣ докладчика; впрочемъ, необходимо при этомъ замѣтить, что личный авторитетъ оратора не имѣетъ рѣшающаго значенія, и ему приходится дѣйствовать на толпу силой своего убѣжденія, а не на основаніи принадлежащей ему власти. Если мнѣніе говорящаго не нравится, его съ шумомъ отвергаютъ; если же оно приходится слушателямъ по сердцу, они потрясаютъ своими палицами, вообще производятъ шумъ оружіемъ, что считается у нихъ самымъ почетнымъ видомъ одобренія.

Областные судьи и герцоги.

Народное собраніе рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, о союзахъ и договорахъ, о преступленіяхъ противъ племени, выбираетъ вождей, а также областныхъ судей; эти послѣдніе творятъ судъ по областямъ и селамъ въ присутствіи мѣстнаго населенія, которое является въ качествѣ ихъ совѣтниковъ и въ то же время своимъ присутствіемъ увеличиваетъ авторитетъ судьи. Въ народномъ-же собраніи какой-нибудь вождь выкликаетъ охотниковъ, которые пожелали бы участвовать въ предпринимаемомъ имъ на-

[1]) Во время войны съ Цезаремъ, въ лагерѣ Аріовиста производили гаданія, слѣдуетъ ли начинать сраженіе или нѣтъ,— и выходило, что нужно обождать до полнолунія.

бѣгѣ. Тутъ же могли происходить и разныя частныя сдѣлки, которымъ торжественность обстановки придавала особую прочность.

Не только въ эпоху Цезаря (въ 50-хъ годахъ до Р. Х.), но даже при Тацитѣ (въ концѣ I в. по Р. Х.) у большинства германскихъ племенъ не было общаго начальника, единоличнаго главы всего племени. Только во время войны, въ которой участвуетъ все племя, оно выбирало себѣ общаго предводителя, герцога [1]; при этомъ главное вниманіе обращалось на доблесть и воинскую славу. Впрочемъ, власть такого вождя далеко не была похожа на диктаторскую; если ему и повиновались, то не столько изъ страха передъ его властью, сколько потому, что герцогъ обыкновенно подавалъ примѣръ остальнымъ воинамъ своей храбростью и энергіей, сражался всегда въ первыхъ рядахъ, возбуждая удивленіе своими подвигами. Онъ не имѣлъ даже права наказывать воиновъ, заключать ихъ въ оковы или подвергать побоямъ; все это было поручено жрецамъ, такъ что казалось, будто бы наказываютъ провинившагося воина не по волѣ вождя, а по велѣнію самого бога, который, какъ думали германцы, всегда присутствуетъ во время сраженія. Вообще, по единогласному свидѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, германцы не умѣли безпрекословно повиноваться своимъ предводителямъ на войнѣ и страдали почти полнымъ отсутствіемъ дисциплины.

Король. Уже при Тацитѣ во главѣ многихъ германскихъ племенъ стояли короли; съ теченіемъ времени число такихъ племенъ все болѣе и болѣе увеличивается. Понятіе королевской власти не было чуждо германцамъ и въ самую древнѣйшую эпоху: когда родъ разростался въ племя, старѣйшина этого рода, ближайшій потомокъ родоначальника, естественно становился главой всего племени, королемъ. Но впослѣдствіи у германцевъ появляются короли совсѣмъ иного происхожденія: ими дѣлаются обыкновенно люди сильные своимъ богатствомъ, своей многочисленной дружиной, обаяніемъ своей воинской славы; они захватываютъ власть чаще всего силой и силой же стараются сохранить свое положеніе, укрѣпить его за собой и своимъ родомъ. Такимъ королемъ былъ Марбодъ, котораго „имя царя дѣлало ненавистнымъ“ для подвластныхъ ему германцевъ; такимъ королемъ хотѣлъ сдѣлаться знаменитый Арминій, который, однако, погибъ во время борьбы, вызванной его стремле-

[1] Что собствено, и значитъ „предводитель войска“ отъ словъ Heer—войско и ziehen—тянуть, вести.

ніемъ къ царской власти. У суйоновъ король боялся оставлять оружіе въ рукахъ гражданъ и держалъ его взаперти подъ присмотромъ раба. Часто такіе короли опирались на постороннюю силу, особенно на римлянъ, которые помогали, напр., королямъ квадовъ и маркоманновъ иногда оружіемъ, чаще же всего деньгами; Аріовистъ еще до войны своей съ Цезаремъ получилъ титулъ короля отъ римскаго сената. Появленію королей во главѣ племенъ или даже цѣлыхъ народовъ, образовавшихся изъ соединенія нѣсколькихъ племенъ, много содѣйствовала также борьба съ римлянами, которая становилась съ каждымъ поколѣніемъ все ожесточеннѣе: интересы этой борьбы требовали возможно большаго сплоченія подъ властью сильнаго военнаго вождя, и при условіяхъ постоянной войны съ могущественнымъ врагомъ выборный начальникъ войска легко и незамѣтно превращался въ постояннаго главу племени и въ мирное время, — герцогъ такимъ образомъ становился королемъ. Избирательный характеръ королевской власти сохранился даже и тогда, когда она уже окончательно утвердилась въ германскомъ быту: древніе германцы подымали на щитъ того изъ родственниковъ покойнаго короля, который имъ больше нравился, и который по своимъ личнымъ качествамъ казался имъ болѣе способнымъ занимать положеніе вождя племени. Впрочемъ, и на этихъ королей — военныхъ предводителей мало по малу перенесены были понятія, связанныя съ представленіемъ о древнѣйшихъ короляхъ племени, ближайшихъ потомкахъ родоначальника племени—полубога; почти всѣ позднѣйшіе германскіе короли божественнаго происхожденія, если вѣрить ихъ родословнымъ: такъ, короли остготовъ ведутъ свое начало отъ Гаута—перваго гота, давшаго свое имя всему племени; Генгистъ и Горза, предводители первыхъ англосаксовъ, явившихся въ Британію, происходятъ будто-бы отъ Одина.

Власть германскаго короля была въ сущности весьма ограниченной. Въ своей правительственной дѣятельности онъ былъ чрезвычайно стѣсненъ народнымъ собраніемъ, въ которомъ выступалъ лишь какъ ораторъ, дѣйствующій на толпу не силой своей королевской власти, а силой убѣжденія. Правительственная дѣятельность короля и не могла быть особенно сложной и разнообразной въ тѣ времена, когда государство только что складывалось, когда почти единственной связью, которая соединяла отдѣльные роды, вошедшіе въ составъ этого государства, была защита отъ общаго врага: при такихъ условіяхъ король былъ прежде всего военный предводитель и почти не выступалъ, какъ государь въ нашемъ смыслѣ

слова. Необходимо, указать также и на религіозный характеръ власти древне-германскаго короля: въ качествѣ главы племени, онъ былъ представителемъ его передъ богами наряду съ жрецомъ и игралъ выдающуюся роль во всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ; онъ былъ также хранителемъ мира — божьяго дара и поэтому получалъ часть штрафа, который обязанъ былъ заплатить преступникъ: эти штрафы, вмѣстѣ съ военной добычей, представляли собой одинъ изъ главныхъ источниковъ королевскихъ доходовъ. Никакихъ податей древніе германцы не знали, считая подать признакомъ рабскаго состоянія и смѣшивая ее съ оброкомъ, который рабъ обязанъ былъ платить своему господину. Вмѣсто этого свободные германцы дѣлали своему королю добровольные подарки, состоявшіе изъ скота и плодовъ; это былъ почетный даръ, который въ то же время служилъ важнымъ подспорьемъ въ королевскомъ хозяйствѣ.

Князья. Какъ уже было сказано раньше, каждое германское племя представляло собой отдѣльное государство, которымъ управляли король или племенные князья и народное собраніе. Но это государство было весьма грубое, дурно устроенное: его отдѣльныя составныя части не были тѣсно сплочены, слиты въ одно цѣлое и долго еще сохраняли значительную степень самостоятельности, особенно въ тѣхъ большихъ племенахъ, которыя распадались на нѣсколько колѣнъ или областей. Каждая такая область имѣла своего князя, и всѣ эти князья, которые сообща участвовали въ управленіи племенемъ, очень часто враждовали другъ съ другомъ. Для примѣра достаточно указать на раздоры херусскихъ князей, особенно Арминія и Сегеста, который былъ его невольнымъ тестемъ (Арминій похитилъ дочь Сегеста, сосватанную за другого): въ то время, какъ Арминій напрягалъ всѣ свои силы, чтобы противопоставить римлянамъ могущественный союзъ германскихъ племенъ, Сегестъ былъ на сторонѣ римлянъ и извѣщалъ ихъ о всѣхъ замыслахъ своего соперника; онъ убѣждалъ Вара схватить его самого, Арминія и прочихъ князей, чтобы задушить возстаніе въ самомъ началѣ; послѣ знаменитаго избіенія легіоновъ Вара Сегестъ продолжалъ вражду съ ненавистнымъ ему зятемъ, и одно время ему удалось заключить Арминія въ оковы, но скоро и Арминій „со своей партіей“, какъ выражается Тацитъ, отплатилъ ему тѣмъ же. Случалось, что одна область какого-нибудь германскаго племени воюетъ съ римлянами, другая держитъ ихъ сторону, а третья сохраняетъ полный нейтралитетъ; часть племени покоряется римлянамъ, часть оставляетъ

свои жилища и уходитъ въ лѣса. Такому недостатку единства и связи между частями одного и того же племени содѣйствуетъ легкость, съ которой соединяются для общаго предпріятія части различныхъ племенъ: въ войскѣ Аріовиста, напр., были отряды, принадлежавшіе къ семи разнымъ племенамъ и въ разное время пришедшіе въ Галлію, которая всѣхъ ихъ соблазняла плодородіемъ своей почвы. Не менѣе характернымъ для политическаго быта древнихъ германцевъ является и постоянное вмѣшательство вождей дружинъ въ дѣла чужихъ племенъ: „если родное племя, говоритъ Тацитъ, долго живетъ въ мирѣ, то знатные юноши уходятъ со своими дружинами къ другимъ племенамъ, которые ведутъ войну“; „имя того, кто имѣетъ большую и храбрую дружину, дѣлается славнымъ не только среди своихъ, но и у сосѣднихъ племенъ; у вождей такихъ дружинъ заискиваютъ, къ нимъ засылаютъ пословъ, шлютъ дары; случалось даже, что одно имя того или иного знаменитаго вождя (обѣщавшаго поддержку одной изъ воюющихъ сторонъ) рѣшало исходъ войны“.

Дружина.

Дружина представляетъ собой своеобразное явленіе германскаго быта, совершенно идущее въ разрѣзъ съ нашими понятіями о благоустроенномъ государствѣ. Каждый германецъ, пользующійся репутаціей стараго, испытаннаго въ бояхъ воина, или даже юноша, если только онъ знатенъ и достаточно богатъ, можетъ набрать себѣ дружину. Почти всѣ молодые люди начинаютъ свою карьеру поступленіемъ въ дружину какого-нибудь вождя. Эта служба, по замѣчанію Тацита, „не считается вовсе унизительной; напротивъ, такъ какъ въ дружинѣ существуютъ разныя ступени, опредѣляемыя самимъ вождемъ, то дружинники соперничаютъ между собой изъ-за чести занять первое мѣсто у своего вождя. Вожди же стараются превзойти другъ друга многолюдствомъ и воинской доблестью своей дружины; въ томъ, чтобы быть постоянно окруженнымъ толпой избранныхъ юношей, они полагаютъ свое достоинство, видятъ въ этомъ свое могущество: дружина придаетъ блескъ и почетъ своему вождю въ мирное время, является надежной защитой во время войны. Въ бою вождь и дружинникъ стараются не уступать другъ другу въ доблести: пережить своего вождя и уйти съ поля битвы невредимымъ значитъ заклеймить себя на всю жизнь позоромъ; священный долгъ требуетъ, чтобы дружинникъ защищалъ и оберегалъ своего вождя, даже приписывалъ ему свои подвиги. Вожди сражаются изъ-за побѣды, дружинники — за своихъ вождей“. Содержать большую дружину можно только благодаря

войнамъ и набѣгамъ: вождь обыкновенно снабжаетъ своихъ дружинниковъ и боевыми конями, и оружіемъ; онъ же кормитъ ихъ, устраивая хотя и не замысловатыя, но обильныя пиршества. Средства для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ доставляются войной и грабежомъ. Награбить какъ можно больше добычи, хотя бы и съ опасностью для жизни, они считаютъ болѣе легкимъ и пріятнымъ, чѣмъ пахать землю и терпѣливо ждать урожая.

Союзы племенъ.

Мы видѣли, что въ эпоху своихъ первыхъ столкновеній съ римлянами германцы распадались на множество маленькихъ государствъ — племенъ. Многія племена, принадлежащія къ одному и тому же народу, были нѣсколько болѣе тѣсно соединены между собой связью религіозной, въ основѣ которой лежитъ опять таки идея общаго происхожденія. Такъ, народъ свевовъ заключалъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ племенъ; изъ нихъ самымъ древнимъ и знатнымъ считались семноны, отъ которыхъ будто бы пошли всѣ остальныя свевскія племена. Область семноновъ представляла собой религіозный центръ для всѣхъ свевскихъ племенъ, которыя вѣрили, что въ ней—жилище ихъ общаго бога; въ этой области находился священный лѣсъ, куда въ извѣстные дни собирались посольства отъ всѣхъ свевскихъ племенъ. Съ теченіемъ времени происходитъ постепенное объединеніе мелкихъ разрозненныхъ частей германской націи подъ вліяніемъ двухъ могущественныхъ причинъ, а именно: борьбы съ римлянами и все усиливавшейся тѣсноты. Постоянная война съ римлянами способствовала образованію союзовъ для общей защиты, тѣснота сближала германскія племена такъ сказать географически, вызывая между ними постоянныя столкновенія, дѣлая ихъ сношенія болѣе частыми и оживленными. Трудно было бы ожидать объединенія племенъ, которыхъ отдѣляютъ другъ отъ друга необозримыя пространства пустой, никѣмъ незаселенной земли: теперь эти пустыри замѣтно уменьшаются въ прямой зависимости отъ естественнаго роста населенія; отдѣльныя племена оказываются непосредственными сосѣдями, между которыми неизбѣжны оживленныя сношенія, какъ мирныя, такъ и враждебныя. Мирныя сношенія должны были способствовать слiянію, враждебныя—еще болѣе роковымъ образомъ приводили къ подчиненію нѣскольких окрестныхъ племенъ одному, которое оказывалось въ этой борьбѣ наиболѣе сильнымъ: въ прежнія времена племя, не устоявшее въ борьбѣ съ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ, ушло бы на новыя мѣста, теперь—уйти было некуда и волей-неволей приходилось покоряться. Еще при Цезарѣ свевы подчинили себѣ

убіевъ и сдѣлали ихъ своими данниками; кромѣ убіевъ у нихъ было еще нѣсколько подвластныхъ племенъ, которымъ въ виду предстоящей войны съ Цезаремъ свевы приказываютъ прислать вспомогательные пѣшіе и конные отряды. Въ началѣ слѣдующаго вѣка (I по Р. Х.) семноны и лангобарды находились подъ игомъ короля маркоманновъ Марбода; въ концѣ этого столѣтія квады брали дань съ готиновъ и озовъ. Въ результатѣ этого объединенія, какъ мирнаго, такъ и насильственнаго, мы видимъ, что ко времени великаго переселенія народовъ почти совершенно исчезаютъ безчисленныя мелкія германскія *племена*, и вмѣсто нихъ появляется нѣсколько большихъ *народовъ*, каковы франки, саксы, готы и др.

Свободные люди.

Составъ германскаго племени въ древнее время былъ довольно однообразенъ: въ немъ рѣшительно преобладала масса простыхъ свободныхъ. Каждый свободный германецъ былъ полноправнымъ гражданиномъ своего маленькаго государства—племени: онъ принадлежалъ къ какому-нибудь роду, защитой котораго пользовался въ случаѣ обиды; въ качествѣ члена общины онъ имѣлъ право на земельный надѣлъ и на пользованіе разными общинными угодьями. Никто не могъ отнять у него права носить оружіе, съ которымъ онъ не разставался не только всю жизнь, но даже и послѣ смерти, и которое давало ему возможность отстоять свою свободу отъ чьихъ бы то ни было посягательствъ и покушеній. Каждый свободный германецъ принималъ участіе въ народномъ собраніи, которое рѣшало всѣ важныя государственныя дѣла. У нѣкоторыхъ племенъ свободные имѣли и наружныя отличія отъ рабовъ: свевы, напр., отличались особенной прической,—они собирали волоса на макушкѣ и завязывали ихъ узломъ. Потерять свою свободу и связанныя съ нею права германецъ могъ разными путями: напр., опозоривши себя трусостью, бѣгствомъ съ поля сраженія, измѣной своему вождю, — въ этихъ случаяхъ онъ лишался права участвовать въ народномъ собраніи, его даже не допускали къ богослуженію; положеніе такихъ людей, заклейменныхъ общимъ презрѣніемъ, было настолько невыносимо, что они обыкновенно кончали самоубійствомъ. Другой случай, когда древній германецъ терялъ свою свободу и становился рабомъ, также весьма характеренъ для германскаго быта: у насъ теперь должникъ отвѣчаетъ за исправную уплату долга только своимъ имуществомъ, которое можетъ быть отобрано и продано въ пользу заимодавца, личность же должника остается неприкосновенной; у первобытныхъ же народовъ, между

прочимъ и у древнихъ германцевъ, если имущества должника не хватало на уплату долга, онъ платилъ самимъ собой, т. е. поступалъ въ кабалу къ своему заимодавцу, дѣлался его рабомъ. Особенно часто германцы проигрывали свою свободу въ кости: когда уже нечего было больше ставить, германецъ игралъ на самого себя и въ случаѣ проигрыша становился рабомъ своего счастливаго противника.

Кромѣ свободныхъ въ каждомъ германскомъ племени были рабы и знать; но ни тотъ, ни другой классъ людей не имѣлъ въ германскомъ быту особеннаго значенія. Въ противоположность римлянамъ у древнихъ германцевъ было сравнительно мало рабовъ. По свидѣтельству Тацита, „они не имѣли многочисленной дворни изъ рабовъ для разной домашней работы; эту послѣднюю обыкновенно исполняютъ жена и дѣти. Большая часть германскихъ рабовъ живетъ своимъ домомъ: такой рабъ имѣетъ свой участокъ земли и приноситъ своему господину въ видѣ ежегоднаго оброка извѣстное количество хлѣба, скота или одежды; только это и свидѣтельствуетъ о его рабскомъ состояніи. Раба рѣдко бьютъ и наказываютъ заключеніемъ или тяжелыми работами. Убійства рабовъ случаются, впрочемъ, довольно часто, но не изъ жестокости или въ видѣ наказанія, а въ порывѣ гнѣва; его убиваютъ въ запальчивости какъ врага, съ тою только разницей, что это убійство остается безнаказаннымъ. Дѣти рабовъ воспитываются вмѣстѣ съ дѣтьми свободныхъ, или, вѣрнѣе, и тѣ и другіе не получаютъ никакого воспитанія, а бѣгаютъ на свободѣ грязные и нагіе, проводя время со стадами. Лишь съ наступленіемъ зрѣлаго возраста сказывается различіе между свободнымъ и рабомъ“. Изъ всего этого видно, что положеніе рабовъ у древнихъ германцевъ было довольно сносное, хотя не слѣдуетъ забывать, что и у нихъ рабъ всетаки считался не человѣкомъ, а рабочей скотиной, вещью своего господина: за убійство раба не полагается вергельда; потомъ, когда онъ появляется, часть, а иногда даже и весь вергельдъ, получаетъ не семейство раба, а его господинъ. Рабовъ, которые въ качествѣ прислуги участвовали въ религіозной мистеріи въ честь богини Герты, убивали: ихъ топили въ томъ самомъ озерѣ, гдѣ вымывалась священная колесница и одежды богини.

Главнымъ источникомъ рабства была война. Во время набѣговъ германцы старались захватить какъ можно больше плѣнныхъ. Рабами дѣлались не только всѣ взятые съ оружіемъ въ рукахъ, но иногда и мирные жители покоренной области: ихъ часто оста-

вляли на ихъ прежней землѣ, обязавъ платить извѣстный оброкъ. Если раба отпускали на волю, то положенiе его отъ этого не много измѣнялось. По замѣчанiю Тацита, „вольноотпущенники имѣли мало значенiя въ семьѣ своего бывшаго господина, въ государствѣ же — никакого; за исключенiемъ тѣхъ племенъ, во главѣ которыхъ стоятъ короли. Въ такихъ государствахъ королевскiе вольноотпущенники возвышаются иногда не только надъ простыми свободными, но и надъ знатными“. Въ другихъ племенахъ потомки рабовъ могли получить право гражданства только въ третьемъ поколѣнiи.

Знать. Надъ массой простыхъ свободныхъ въ германскомъ племени возвышались нѣкоторыя семьи и отдѣльныя лица: таковы семьи родовыхъ старѣйшинъ, областныхъ князей, королей, вождей дружинъ. Они не составляли отдѣльнаго сословiя,—для этого ихъ было слишкомъ мало въ племени, и они были слишкомъ разобщены по отдѣльнымъ частямъ племени; кромѣ того, эта „знать“ не имѣла никакихъ особенныхъ привилегiй. Каждый германецъ могъ стать въ ряды этой знати, если только судьба ему улыбнется, и онъ получитъ на войнѣ больше добычи и рабовъ, что дастъ ему достаточныя средства, чтобы содержать дружину. Богатство и воинская слава являются главными источниками германской знатности, а эти источники доступны всякому.

Война. Познакомившись въ главнѣйшихъ чертахъ съ бытомъ древнихъ германцевъ, мы видѣли, что имъ нужно было много земли, и что этой земли съ каждымъ поколѣнiемъ становилось относительно все меньше и меньше: приходилось отымать ее другъ у друга, вести съ сосѣдями ожесточенную борьбу изъ-за земли. Средствъ къ жизни не хватало, и надо было пополнять ихъ грабежомъ и набѣгами. Съ другой стороны, каждое племя и даже каждая часть племени (колѣно, область) представляла собой самостоятельное государство, которое могло вести войну съ другими такими государствами; даже частное лицо могло набрать дружину или просто шайку охотниковъ и произвести съ ними набѣгъ на сосѣдей, начать войну на свой страхъ; кромѣ того, обычай кровавой мести вызывалъ постоянныя столкновенiя между родами, которые вели настоящую войну другъ съ другомъ. Припомнивши все это, мы легко поймемъ, какое значенiе должна была имѣть война въ жизни древнихъ германцевъ. Она не представляла собой, какъ теперь у цивилизованныхъ народовъ, исключительнаго событiя, нарушающаго обычный порядокъ жизни, катастрофы, которую стараются всѣми силами предотвратить. Война

была обычнымъ явленіемъ въ древне-германскомъ быту, нормальнымъ состояніемъ этого грубаго, полудикаго народа. Вотъ почему всѣ источники такъ много говорятъ о „любви“ германцевъ къ войнѣ, объ ихъ пресловутой воинственности и склонности къ раздорамъ. „Когда германцамъ не угрожаетъ внѣшняя опасность, говоритъ одинъ изъ этихъ источниковъ, они воюютъ между собой“; по словамъ другого, вся жизнь ихъ проходитъ въ войнѣ и охотѣ; живутъ они набѣгами и грабежомъ. Любопытную въ этомъ отношеніи картинку нравовъ того времени даетъ Цезарь, который разсказываетъ, что къ германцамъ за Рейнъ доходили слухи, будто бы земля галльскаго племени эбуроновъ предается разграбленію, и всѣ приглашаются туда за добычей; сейчасъ же въ племени сигамбровъ собирается отрядъ въ двѣ тысячи всадниковъ, которые производятъ набѣгъ на эбуронскую область и возвращаются домой съ обильной добычей въ видѣ плѣнниковъ и скота.

Черты военнаго и мирнаго быта древнихъ германцевъ до того переплетались между собой, что почти невозможно провести рѣзкую грань между тѣмъ и другимъ. Какъ мы уже видѣли, германецъ и въ мирное время никогда не покидалъ своего оружія, слѣдовательно, между воиномъ и мирнымъ гражданиномъ не существовало никакого различія; наказаніе преступника въ видѣ кровавой мести представляло собой настоящую войну между двумя родами; передвиженіе племени съ одного мѣста на другое являлось походомъ вооруженнаго войска, потому что по дорогѣ постоянно приходилось отбиваться отъ нападеній, а самая цѣль передвиженія—захватъ новой земли,—почти всегда вела за собой войну съ прежними жителями этой земли. Такъ какъ главной причиной, заставлявшей отдѣльные роды образовать болѣе обширныя соединенія—колѣно, племя, народъ,—была совмѣстная защита отъ общихъ враговъ, то и эти первоначальныя государства германцевъ носили преимущественно военный характеръ: глава такого государства былъ не столько государь въ нашемъ смыслѣ, т. е. правитель, заботящійся о внутреннемъ порядкѣ страны и благосостояніи своихъ подданныхъ, сколько военный предводитель, который вѣдаетъ защиту племени отъ внѣшнихъ враговъ, руководитъ имъ, какъ войскомъ, и почти совершенно не вмѣшивается во внутреннюю жизнь своего народа. Части, на которыя распадалось древнее германское государство-племя (колѣна или области, сотни, родовыя общины) представляли собой дѣленія войска: изъ ста свевскихъ областей каждая должна была поставлять по тысячѣ воиновъ; вообще у всѣхъ германскихъ племенъ изъ каждой области

набиралось по сотнѣ юношей-пѣхотинцевъ, которые сражались среди рядовъ конницы (объ этихъ смѣшанныхъ отрядахъ подробнѣе будетъ сказано дальше); самое мелкое дѣленіе — родъ представлялъ собой во время войны отдѣльный отрядъ.

Германское племя, особенно вначалѣ, было въ сущности странствующимъ войскомъ, всегда готовымъ къ защитѣ. Это войско сопровождаютъ обыкновенно женщины и дѣти, которыя присутствуютъ при битвахъ, воодушевляя своихъ, часто даже принимая непосредственное участіе въ сраженіи; въ случаѣ пораженія, онѣ нерѣдко убивали себя и своихъ дѣтей, чтобы только не попасть въ плѣнъ и не сдѣлаться рабынями. Во время похода каждый самъ заботился о себѣ, о своемъ вооруженіи и пропитаніи; съ этой цѣлью при войскѣ шли стада, которыя не могли стѣснять воиновъ, такъ какъ пастбища по дорогѣ было сколько угодно. Въ повозкахъ и на вьючныхъ животныхъ везли хлѣбъ и припасы, а иногда германецъ забиралъ съ собой въ походъ и свою избу, чтобы поставить ее въ томъ мѣстѣ, которое займетъ племя. Если походъ очень затягивался, то племя останавливалось для посѣва. Такъ странствовали по всей Германіи въ теченіи трехъ лѣтъ узипеты и тенктеры, прогнанные свевами съ прежнихъ мѣстъ своей осѣдлости; также шли кимвры и тевтоны, отъ нашествія которыхъ Римъ едва былъ спасенъ Маріемъ. Остановившись, германское войско не строило укрѣпленныхъ лагерей, подобно римлянамъ, а окружало мѣсто своей стоянки кругомъ изъ повозокъ [1]), устраивая такимъ образомъ Wagenburg или „таборъ“, какъ это называлось у чеховъ и малороссійскихъ казаковъ. Въ случаѣ очень продолжительной стоянки, повозки засыпались землей до колесъ, и весь кругъ укрѣплялся еще частоколомъ. Во время битвы въ этихъ повозкахъ сидѣли женщины, которыя криками ободряли сражающихся, приносили имъ пищу, перевязывали раны; иногда своими мольбами онѣ останавливали бѣгущихъ, указывая на угрожающее рабство, котораго германцы особенно боялись для своихъ женщинъ [2]). **Походъ.**

Древніе германцы вѣрили, что въ сраженіи присутствуютъ боги, и обыкновенно брали съ собой въ походъ изъ священныхъ рощъ **Сраженіе.**

---

[1]) Повозки древнихъ германцевъ представляли собой четыреугольные ящики, поставленные на четыре массивныхъ колеса.

[2]) Въ виду этого договоръ между двумя племенами считался крѣпче, если между заложниками, обезпечивающими исполненіе этого договора, находились знатныя дѣвушки.

изображенія животныхъ, посвященныхъ богамъ [1]), и значки, представлявшіе собой аттрибуты различныхъ божествъ. Передъ началомъ сраженія старались узнать его будущій исходъ посредствомъ гаданія. Для этого иногда захватывали въ плѣнъ кого-нибудь изъ непріятельскаго войска и заставляли его вступить въ единоборство съ однимъ изъ своихъ воиновъ, при чемъ каждаго вооружали его національнымъ оружіемъ; исходъ этой борьбы принимался за предзнаменованіе. Гадали также по тому, какъ прозвучалъ военный кликъ или бардитъ, съ которымъ германцы бросались въ битву (чтобы усилить шумъ, производимый бардитомъ, они прикладывали губы къ краю щита). Воины воодушевлялись не только военными кликами, но и звуками трубъ и барабановъ. Древнегерманскія трубы были грубой формы, загнутыя назадъ, и издавали оглушительный звукъ; барабанъ представлялъ собой колесо или плетеный кругъ, обтянутый звѣриной шкурой (въ кимврской войнѣ въ нихъ барабанили жрицы). Весь этотъ шумъ, который германцы производили, кидаясь въ сраженіе, преслѣдовалъ двоякую цѣль: ободреніе своихъ и устрашеніе враговъ. Для этого же они употребляли и другія средства: свевы, напр., чтобы казаться выше и страшнѣе, связывали волосы на макушкѣ въ одинъ пучекъ; аріи, чтобы увеличить еще болѣе впечатлѣніе ужаса, которое и безъ того производилъ на непріятеля ихъ свирѣпый видъ, окрашивали не только щитъ, но и все тѣло въ черную краску, а для нападенія выбирали обыкновенно темныя ночи.

Во время своихъ войнъ съ римлянами, германцы обыкновенно сжигали свои поселки, при приближеніи римскаго войска прятали что могли изъ своего имущества, а сами удалялись въ глубь страны, куда старались заманить римлянъ, незнакомыхъ съ мѣстностью. Здѣсь они устраивали имъ засады, пускаясь на всевозможныя хитрости: то затопятъ равнину, на которой расположилось римское войско; то притворнымъ бѣгствомъ заманятъ его въ тѣсную долину, окруженную лѣсомъ. Когда непріятельское войско находится въ походѣ, германцы тревожатъ его постоянными нападеніями; пользуясь знаніемъ тропинокъ и бродовъ, забѣгаютъ впередъ и встрѣчаютъ непріятеля съ фронта тогда, когда всѣ были увѣрены, что они находятся въ тылу. Передъ сраженіемъ германцы предаются пиршествамъ и поютъ веселыя пѣсни, увѣренные въ побѣдѣ; въ случаѣ

[1]) У каждаго племени и даже рода были обыкновенно свои излюбленныя изображенія: у кимвровъ, наприм., мѣдный быкъ, у тевтоновъ — драконъ, у вандаловъ—змѣя.

же неудачи легко падаютъ духомъ. Напротивъ, если счастье имъ улыбнется, то они, опьяненные успѣхомъ, предаются грабежу, совершенно забывая о непріятелѣ, какъ будто выиграть одно сраженіе значитъ кончить успѣшно войну: германцы нерѣдко побѣждали римлянъ, но никогда не умѣли пользоваться побѣдой и поэтому въ концѣ-концовъ римляне брали верхъ надъ ними. Раздоры вождей въ военныхъ совѣтахъ германцевъ представляли собой обычное явленіе; а объ отсутствіи дисциплины въ германскомъ войскѣ говорятъ всѣ древніе писатели.

Вотъ какъ характеризуетъ военные пріемы германцевъ Тацитъ, говоря о хаттахъ, которыхъ онъ противополагаетъ всѣмъ остальнымъ германскимъ племенамъ: „у хаттовъ, не въ примѣръ прочимъ германцамъ, на первомъ планѣ расчетъ и искусство; они ставятъ себѣ начальниками избранныхъ вождей и слушаются ихъ; они знакомы съ правильнымъ боевымъ строемъ, умѣютъ во время войны примѣняться къ разнымъ случайностямъ; нападаютъ обдуманно, а не очертя голову, придаютъ больше значенія мужеству и стойкости, чѣмъ удачѣ, и, наконецъ, что̀ особенно удивительно для германцевъ, больше полагаются на искусство вождя, чѣмъ на храбрость воиновъ. Сраженія, въ которыя вступаютъ другіе германцы, имѣютъ обыкновенно видъ безпорядочной стычки. Хатты же ведутъ правильную войну; они рѣдко производятъ набѣги и не ввязываются въ случайныя схватки съ непріятелемъ. Срывать побѣду стремительнымъ натискомъ, а въ случаѣ неудачи такъ же быстро удаляться съ поля сраженія,—обычный пріемъ германской конницы. Хатты же считаютъ подобную стремительность близкой къ трусости и противополагаютъ ей благоразумную медленность“.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ военномъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, германцы быстро развивались подъ вліяніемъ борьбы съ римлянами. Постоянныя войны съ этимъ опаснымъ врагомъ, далеко опередившимъ германцевъ въ военномъ искусствѣ, научили ихъ, по выраженію римскихъ писателей, „слѣдовать за значками, укрѣплять себя резервами, слушаться приказаній полководца“.

Въ войскѣ германцевъ преобладала пѣхота. Болѣе или менѣе значительная конница существовала только у немногихъ племенъ, которыя жили въ плоскихъ и низменныхъ областяхъ Германіи, не слишкомъ заросшихъ лѣсомъ. Лошади германскія, низкорослыя и некрасивыя, отличались замѣчательной выносливостью. Германцы не употребляли сѣделъ и даже презирали тѣхъ, кто ѣздитъ на

сѣдлѣ. Во время битвы всадники часто соскакивали съ лошадей, которыя были пріучены останавливаться въ такомъ случаѣ, какъ вкопанныя. Въ большомъ ходу было употребленіе въ битвѣ смѣшанныхъ отрядовъ, въ которыхъ пѣшіе воины сражались рядомъ съ конными, выручая ихъ въ минуты опасности; если всадникъ падалъ раненый съ коня, пѣхотинецъ защищалъ его. Эти пѣшіе воины были до того ловки и проворны, что не отставали отъ лошадей при самомъ быстромъ движеніи конницы во время нападенія или отступленія.

Образъ жизни.

Наружность и внѣшній видъ древнихъ германцевъ, а также ихъ нравы и обычаи вполнѣ соотвѣтствовали условіямъ ихъ быта, съ которымъ мы теперь познакомились. Жизнь на вольномъ воздухѣ, проходившая въ охотѣ и войнѣ, въ занятіяхъ скотоводствомъ и земледѣліемъ давала полный просторъ ихъ физическому развитію: рыжеволосые германцы съ дикими голубыми глазами производили на римлянъ сильное впечатлѣніе своимъ ростомъ и массивностью своего тѣла. Съ дѣтства привыкшіе къ суровому образу жизни, они были мало чувствительны къ голоду и холоду; въ самые холодные дни они купались и ходили едва прикрытые звѣриной шкурой. Зато жары и жажды они совсѣмъ не умѣли переносить. Постоянное упражненіе развивало въ нихъ силу, ловкость, быстроту и выносливость въ бѣгѣ; образцомъ германской ловкости можетъ служить Тевтобогъ, король тевтоновъ, который перепрыгивалъ черезъ 4 и даже черезъ 6 лошадей, поставленныхъ одна возлѣ другой. Любимымъ развлеченіемъ этого народа, почти все время проводившаго въ войнѣ, была пляска среди мечей и копій, воткнутыхъ въ землю остріемъ кверху. Всю жизнь свою не разставаясь съ оружіемъ, германецъ бралъ его съ собой и въ могилу вмѣстѣ съ боевымъ конемъ, котораго закалывали при погребеніи: и то, и другое, по ихъ мнѣнію, пригодится въ загробной жизни, которая представлялась продолженіемъ земной. Тѣло покойника сжигалось на кострѣ изъ дерева особой породы, а надъ могилой насыпали курганъ. Грубый, первобытный строй жизни древнихъ германцевъ отражался и на понятіяхъ ихъ: грабежъ и разбой считались преступленіемъ только по отношенію къ своимъ, ограбить же чужого, сдѣлать набѣгъ на сосѣднюю область и разорить ее—значило совершить подвигъ, достойный похвалы и подражанія. Религія ихъ еще не освободилась отъ человѣческихъ жертвоприношеній, о которыхъ довольно часто упоминаютъ древніе авторы: тому богу, котораго Тацитъ называетъ Меркуріемъ, обыкно-

венно приносили въ жертву людей; свевскій національный праздникъ начинался принесеніемъ въ жертву плѣнника; эта же печальная участь постигла и всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ Вара; Процилла, посланнаго Цезаремъ для переговоровъ, германцы измѣннически схватили и три раза собирались сжечь живымъ, и только случай спасалъ каждый разъ несчастнаго посла, пока его не выручилъ Цезарь.

Въ своемъ сочиненіи „De situ ac populis Germaniae“ Тацитъ такъ описываетъ день зажиточнаго германца: „Вставши отъ сна довольно поздно, германцы умываются (обыкновенно теплой водой, такъ какъ зима у нихъ продолжается большую часть года). Помывшись, они ѣдятъ, причемъ глава семьи сидитъ за отдѣльнымъ столомъ. Потомъ, вооруженные, отправляются каждый по своимъ дѣламъ, очень часто на какой-нибудь пиръ: бражничать цѣлый день и даже большую часть ночи у нихъ вовсе не считается зазорнымъ. Между пирующими нерѣдко подымаются ссоры, которыя иногда ограничиваются простой перебранкой, чаще же всего переходятъ въ драку, кончающуюся увѣчьями и даже убійствомъ. Во время этихъ пировъ ведутся также и серьезные разговоры о разныхъ частныхъ и общественныхъ дѣлахъ: о примиреніи враждующихъ, о заключеніи брачныхъ союзовъ, объ избраніи вождей, о войнѣ и мирѣ. На своихъ собраніяхъ они развлекаются также игрой въ кости. Этой игрѣ германцы предаются даже въ трезвомъ видѣ съ такимъ азартомъ, что когда нечего уже больше ставить, играютъ на свою свободу. И честь требуетъ, чтобы проигравшій добровольно отдалъ себя въ рабство и далъ бы себя связать и продать, хотя бы онъ былъ моложе и сильнѣе своего счастливаго соперника. Такихъ рабовъ обыкновенно не держатъ у себя, а продаютъ на сторону“.

Женщины.

Очень много, хотя и не совсѣмъ справедливо, говорятъ о необыкновенномъ уваженіи древнихъ германцевъ къ женщинѣ. Правда, германцы не держали своихъ женщинъ взаперти, какъ народы востока; кромѣ того, по словамъ Тацита они думали, что въ женщинахъ есть что-то священное, вѣщее, и не пренебрегали ихъ совѣтами и прорицаніями; изъ многихъ германскихъ пророчицъ наибольшую славу пріобрѣла Веледа изъ племени бруктеровъ, которую многіе считали за божество и которая пользовалась большимъ вліяніемъ во время возстанія батавовъ при императорѣ Веспасіанѣ. Изъ разсказа Цезаря видно, что гаданіе передъ битвой поручается матерямъ семействъ. Но отъ всего этого до уваженія въ современномъ смыслѣ слова еще очень далеко. Многіе народы вѣрили и до

сихъ поръ вѣрятъ, что божество особенно охотно вселяется въ существа слабыя, болѣзненныя, ненормальныя, что оно выражаетъ свою волю въ словахъ и дѣйствіяхъ дѣтей, женщинъ, юродивыхъ и бѣсноватыхъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что у этихъ народовъ особеннымъ уваженіемъ пользуются дѣти и нервно-больные люди. Древніе германцы, подобно другимъ первобытнымъ народамъ, смотрѣли на женщину, какъ на болѣе слабое существо, подчиненное мужчинѣ и никогда не выходящее изъ-подъ его опеки, какъ на предметъ, который можно купить и продать. Женихъ покупалъ себѣ жену у ея родственниковъ (а иногда и похищалъ) и могъ, конечно, купить себѣ сколько угодно женъ, если только у него было достаточно средствъ на это. Но какъ теперь у мусульманскихъ народовъ, такъ и у древнихъ германцевъ по-нѣскольку женъ имѣли только сравнительно немногіе, богатые и знатные люди.

Итакъ, лѣтъ за сто до Р. Х. германцы появляются на исторической сценѣ со всѣми свойствами полудикихъ первобытныхъ народовъ. Но съ теченіемъ времени они развиваются, причемъ подъ вліяніемъ благопріятно сложившихся обстоятельствъ ихъ развитіе идетъ сравнительно, быстро (быстрѣе, чѣмъ у ихъ восточныхъ сосѣдей, славянъ): это развитіе сказывается во всемъ — какъ въ свойствахъ и жизни отдѣльной личности (нравы, характеръ, понятія, обычаи), такъ и въ строѣ общественномъ, государственномъ и хозяйственномъ, т. е. въ той обстановкѣ, въ которой приходится жить каждой отдѣльной личности. Могучій толчокъ дальнѣйшему развитію германцевъ дало завоеваніе ими западной римской имперіи: поселившись въ бывшихъ провинціяхъ этой имперіи и смѣшавшись съ ихъ туземнымъ населеніемъ, германцы стали родоначальниками большинства наиболѣе цивилизованныхъ народовъ современной Европы.

С. Моравскій.

II.

Религія германцевъ.

Арійскія основы.

Германцы принадлежатъ къ такъ называемому арійскому племени. Пока арійцы составляли одну семью и жили въ своей азіатской прародинѣ при общемъ для всѣхъ жизненномъ порядкѣ, они успѣли выработать свой языкъ, особый бытъ, юридическія понятія, наконецъ, религіозныя вѣрованія. Однимъ словомъ, арійцы достигли извѣстной степени культуры, которую выдѣлившіеся изъ этой общей семьи народы принесли съ собой на новыя мѣста своего поселенія и положили въ основу дальнѣйшей жизни. Германцы такъ же, какъ и кельты, славяне, италики или греки, не могли совершенно забыть на новыхъ мѣстахъ все, что было выработано въ періодъ совмѣстной жизни до переселенія въ Европу. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что германскій языкъ въ своихъ основахъ восходитъ къ языку первобытныхъ арійцевъ. Несомнѣнно, что и религіозныя вѣрованія, возникшія въ арійскую эпоху, не пропали у германцевъ безслѣдно, а легли въ основаніе религіи позднѣйшихъ поколѣній. Такимъ образомъ, исторію германскаго язычества приходится начинать съ очень отдаленнаго времени.

Природа и ея явленія составляютъ то зерно, изъ котораго развились всѣ языческія религіи. Небо—отецъ, земля—мать, громъ, огонь, вода—вотъ первичныя божества. Они носятъ еще вполнѣ

Пособія: *Mythologie von E. Mogk*, помѣщена въ Grundriss der germanischen Philologie, herausgegeben von Hermann Paul, I Band. Strassburg 1891 г.

W. Arnold, Deutsche Urzeit. *F. Dahn*, Urgeschichte der germanischen u. romanischen Völker (въ сборникѣ Онкена). *Ozanam*, Etudes germaniques. T. I. *K. Simrock,* Die Edda и Handbuch der deutschen Mythologie.

стихійный характеръ. Позднѣе этотъ характеръ постепенно утрачивается, затемняется и богамъ придаются новыя качества и атрибуты. Религія первобытныхъ арійцевъ въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія: въ основаніи ея также лежитъ почитаніе благодѣтельныхъ силъ природы, особенно свѣта.

Трудно прослѣдить связь религіозныхъ вѣрованій германцевъ со старыми преданіями арійской эпохи. Однако, можно привести коекакіе факты, указывающіе на эту связь. Понятіе о богѣ почти у всѣхъ народовъ арійской вѣтви обозначается словомъ (санскр. dêvás, греч. *δῖος*, лат. deus, литов. dewas), восходящимъ къ одному корню (div=свѣтлый), такъ что общее понятіе о богѣ образовалось до разселенія этихъ народовъ. У германцевъ для обозначенія понятія о высшемъ свѣтломъ богѣ употреблялось сначала слово Tiwaz, на мѣсто котораго впослѣдствіи появилось другое—Gott. Какъ у первобытныхъ арійцевъ ясное, свѣтлое небо было главнымъ предметомъ поклоненія и чтилось подъ видомъ верховнаго небеснаго бога Дьяуса (отъ того же корня div), такъ и у германцевъ божество, прежде всего олицетворявшее небо, долго пользовалось преимущественнымъ поклоненіемъ всего германскаго народа. Это сходство нельзя, конечно, считать случайнымъ; оно зависитъ отъ того, что религіозныя преданія арійской эпохи не пропали безслѣдно у потомковъ арійцевъ. Они сохранились не только у германцевъ, но и у другихъ народовъ арійскаго племени. Юпитеръ (Diu-piter) латинянъ и Зевсъ (*Ζεύς* род. п. *Διός*) грековъ представляютъ также олицетвореніе неба, и по самому наименованію верховный богъ того и другого народа является родственнымъ съ арійскимъ небеснымъ богомъ Дьяусомъ. Германцы также не утратили совершенно имени этого небеснаго бога. Въ позднѣйшей германской миѳологіи мы встрѣчаемъ бога Ціу, имя котораго, несомнѣнно происходитъ отъ того же корня dju или div, какъ и имя арійскаго небеснаго бога.

Можно затѣмъ указать на сходство преданій относительно германскаго бога Донара съ преданіями о соотвѣтствующемъ божествѣ другихъ народовъ арійскаго племени. Индійскій богъ Индра-громовержецъ является съ тѣми же характерными чертами, какъ и германскій Донаръ. Индра своимъ ашманомъ (молотомъ) побѣждаетъ злыхъ духовъ, а Донаръ, вооруженный молотомъ, находится въ постоянной борьбѣ съ врагами боговъ и людей—великанами. Это сходство преданій, вѣроятно, объясняется общностью источника, который слѣдуетъ искать въ глубинѣ временъ арійской эпохи.

Къ этому времени относится не только возникновеніе представленій объ отдѣльныхъ проявленіяхъ и силахъ природы, какъ о божественныхъ существахъ, но и представленія человѣка о самомъ себѣ, о своей природѣ, о душѣ, о загробной жизни. Вѣрованія арійцевъ въ продолженіе существованія души, отдѣлившейся отъ мертваго тѣла, перенесены потомками арійцевъ въ Европу и до сихъ поръ можно встрѣтить остатки этихъ вѣрованій въ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ.

Измѣненіе вѣрованій вслѣдствіе историческихъ условій.

Такимъ образомъ, связь религіозныхъ вѣрованій германцевъ съ преданіями арійской эпохи несомнѣнна. Конечно, невозможно прослѣдить ходъ постепеннаго развитія религіи въ теченіе такого долгаго и темнаго времени, какое протекло съ момента отдѣленія германцевъ отъ общей семьи. Мы должны ограничиться нѣкоторыми, касающимися даннаго вопроса, общими соображеніями. При этомъ необходимо имѣть въ виду внѣшнія условія новой мѣстности и жизни народа, отъ которыхъ зависитъ развитіе религіозныхъ вѣрованій. Прежде всего, нужно думать, что религіозныя вѣрованія германцевъ со времени переселенія ихъ изъ Азіи въ Европу измѣнились соотвѣтственно сѣверной природѣ. Подъ вліяніемъ суровой природы сѣвера боги германцевъ, олицетворявшіе различныя проявленія этой природы, стали болѣе мрачными, суровыми и таинственными. Вліяніе сѣверной природы особенно замѣтно отразилось на вѣрованіяхъ скандинавскихъ германцевъ. Скандинавскіе боги не безсмертны, они постоянно должны бороться съ силами мрака и въ концѣ концовъ погибаютъ въ борьбѣ съ ними. Совершенно иначе у грековъ, поселившихся подъ яснымъ небомъ Балканскаго полуострова, въ странѣ съ мягкимъ климатомъ: у нихъ борьба съ злымъ началомъ не играетъ большой роли, титаны навсегда свержены въ тартаръ и боги живутъ въ вѣчной юности. Въ такомъ же направленіи вліяли на развитіе религіозныхъ вѣрованій германскаго народа и другія условія жизни. Пришлось переживать трудное и бурное время переселенія и занятія новыхъ земель. Избытокъ населенія и давленіе одного племени на другое съ востока на западъ привели къ тому, что германцы все ближе подвигались къ римскимъ владѣніямъ и въ концѣ концовъ пришли въ столкновеніе съ Римомъ. Такимъ образомъ, жизнь германцевъ въ Европѣ требовала постоянной борьбы, поддерживала среди нихъ воинственный духъ, а это въ свою очередь не оставалось безъ вліянія на развитіе религіозныхъ вѣрованій. И, дѣйствительно, божества, первоначально олицетворявшія то или другое явленіе при-

роды, постепенно проникались этимъ, охватившимъ народную жизнь, воинственнымъ духомъ. Вотъ почему главныя изъ нихъ, какъ мы увидимъ далѣе, всѣ имѣютъ отношеніе къ войнѣ.

Извѣстія о германскомъ язычествѣ.

Нужно сознаться, что свѣдѣнія наши о германскомъ язычествѣ даже позднѣйшаго времени далеко недостаточны. Извѣстно, что германцы не только заняли значительную часть материка Европы, но избытокъ населенія долженъ былъ переправиться съ береговъ сѣвернаго и Балтійскаго морей въ Скандинавію. Отъ религіи континентальныхъ или южныхъ германцевъ остались одни обломки. Наши свѣдѣнія о ней весьма незначительны сравнительно съ тѣмъ, что мы знаемъ о религіи германцевъ сѣверныхъ, заселившихъ Скандинавію. Въ первомъ случаѣ источники ограничиваются краткими извѣстіями римскихъ писателей, Цезаря и Тацита, а также позднѣйшихъ лѣтописцевъ (Григорій Турскій, Іорнандъ, Адамъ Бременскій, Павелъ Діаконъ и пр.) и остатками язычества, сохранившимися въ актахъ церковныхъ соборовъ, въ языкѣ (названіе дней недѣли, мѣстностей), народныхъ повѣрьяхъ и сказкахъ. По этимъ даннымъ, отрывочнымъ и часто даже несогласнымъ между собою, трудно возстановить германскую миѳологію съ достаточной полнотой. По необходимости приходится пополнять наши свѣдѣнія изъ скандинавскихъ сагъ, въ которыхъ отражаются религіозныя вѣрованія сѣверныхъ германцевъ. Эти саги дали матеріалъ для цѣлыхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Эддъ“ и составленныхъ въ XI—XIII вѣка.

Разсказы Эдды записаны уже въ то время, когда въ Скандинавію проникло христіанство. Нужно думать, что христіанскія воззрѣнія повліяли на ихъ содержаніе. Все это однако не мѣшаетъ съ извѣстной осторожностью пользоваться сказаніями Эдды въ качествѣ источника при характеристикѣ южногерманскаго язычества. Сѣверные германцы принадлежатъ къ общегерманской семьѣ, по языку, нравамъ и обычаямъ близки къ своимъ континентальнымъ собратьямъ и гораздо долѣе сохранили въ своей жизни первобытные порядки. Бытъ сѣвера въ XI—XIII вѣка во многомъ соотвѣтствуютъ быту материковой Германіи въ VI—VIII вѣка. Понятно, что и религіозныя вѣрованія скандинавовъ, отразившіяся въ Эддѣ, характерны и для континентальныхъ германцевъ.

Безсмертіе души.

Почти у всѣхъ народовъ, даже въ древнѣйшую пору ихъ жизни, существовало представленіе, что душа послѣ смерти человѣка продолжаетъ свое существованіе, какъ нѣчто совершенно отдѣльное. Душа, такимъ образомъ, является какъ бы спутницей человѣка

во время его жизни на землѣ. Но какъ только человѣкъ умираетъ, она отдѣляется отъ тѣла и возвращается въ природу, причемъ или продолжаетъ обитать на землѣ или присоединяется къ сонму ей подобныхъ душъ и носится въ вѣтрѣ. Душа, какъ самостоятельное существо, нуждается во всемъ, что необходимо для жизни человѣка: для вполнѣ спокойнаго существованія ей нужны пища и питье. Поэтому она обыкновенно принимаетъ участіе въ похоронныхъ поминкахъ, устраиваемыхъ въ честь умершаго. Всѣ подобнаго рода воззрѣнія существовали у древнихъ германцевъ. Раскопки могильныхъ холмовъ раскрываютъ передъ нами обычаи, которые вытекаютъ изъ подобныхъ представленій. Такъ, напримѣръ, эти раскопки показываютъ, что у древнихъ германцевъ былъ обычай класть въ могильный холмъ то, что было дорого и пріятно человѣку при его жизни: въ могилахъ находятъ оружіе, сосуды, различныя украшенія и другіе предметы. Слѣдствіемъ того воззрѣнія, что душа по смерти человѣка оставляетъ тѣло, и становится самостоятельной, является довольно распространенный въ Германіи обычай: какъ только умираетъ человѣкъ, нужно отворить всѣ окна и двери и такимъ образомъ дать возможность душѣ улетѣть и присоединиться къ сонму подобныхъ ей душъ; опрокидываютъ всю мебель, изъ боязни, какъ бы душа не осталась отдыхать въ домѣ. Оставившая тѣло душа имѣетъ способность указывать людямъ будущее и люди заставляютъ ее дѣлать это особыми пѣснопѣніями (carmina diabolica, qui supra mortuum nocturnis horis cantantur, о которыхъ говоритъ Бурхардъ Вормсскій). Пока тѣло покоится въ домѣ, душа блуждаетъ вблизи него; потому мертвеца хоронили какъ можно скорѣе, такъ что тѣло рѣдко оставалось въ домѣ даже на одну ночь. Какъ только мертваго предавали землѣ, душа, какъ дыханіе, улетала въ воздушное пространство, иногда же возвращалась въ свое прежнее тѣло и жила въ могилѣ. Часто можно было видѣть, по народнымъ повѣрьямъ, какъ она носится въ видѣ пламени надъ своей могилой; иногда она являлась людямъ привидѣніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ она принимала всевозможные образы и большею частію являлась въ видѣ животныхъ. При этомъ души дѣтей являлись въ образѣ птицъ, души молодыхъ женщинъ въ образѣ лебедя, душа хитреца принимала видъ лисицы. Еще въ XIV столѣтіи соборы издавали постановленія противъ языческихъ обычаевъ судить о будущемъ по пѣнію птицъ или судить объ удачѣ или неудачѣ, смотря потому какое животное попадется на встрѣчу при выходѣ изъ дома. Иногда душа принимаетъ образъ человѣка и въ

такомъ видѣ является людямъ. Нѣмецкія саги полны разсказами о такихъ привидѣніяхъ. Убитые вставали и показывали убійцъ и это повѣрье стоитъ въ близкой связи съ обязанностью родичей мстить за смерть убитаго. Душа умершаго могла также принять образъ человѣка и показать людямъ клады, залежи золота и серебра.

Душа иногда покидала человѣка и во снѣ, такъ какъ сонъ подобенъ смерти. Человѣкъ часто видитъ во снѣ, что къ нему являются близкіе и знакомые люди и вступаютъ съ нимъ въ разговоръ, хотя на самомъ дѣлѣ они находятся далеко отъ него. По народному представленію это объясняется тѣмъ, что душа спящаго человѣка покидаетъ тѣло, вступаетъ въ общеніе съ душами другихъ людей, иногда мучаетъ ихъ, приноситъ вредъ, иногда открываетъ будущее. Насколько эти представленія крѣпко держались среди германскаго народа, показываетъ слѣдующій старинный разсказъ. Однажды одна дѣвушка легла спать и вотъ бывшія съ ней ея подруги увидали, что изо рта у нея вышелъ красный мышенокъ и черезъ окно ушелъ изъ дома. Тогда одна изъ подругъ взяла спящую и повернула ее лицемъ внизъ. Когда черезъ нѣкоторое время мышенокъ возвратился обратно, то никакъ не могъ найти рта, чтобы направиться на прежнее мѣсто и, поблуждавъ немного около спящей, удалился навсегда, а дѣвушка такъ и не проснулась, она стала мертвой (mausetodt). Иногда душа умершаго или даже живого человѣка являлась къ другому во время сна и давала себя чувствовать какъ нѣчто тяжелое, давящее. Вѣра въ такое свойство душъ, которыя человѣку являются во снѣ и давятъ его, была распространена среди всѣхъ германскихъ племенъ и до насъ дошли имена, которыя давалъ народъ такимъ душамъ въ разныхъ концахъ Германіи (Alp, Mare, Trut и др.). Наиболѣе распространеннымъ было имя Mare, которое сохранилось до нашихъ дней въ словѣ кошемаръ (calcare—давить и mare), которымъ обыкновенно обозначаютъ тяжелый, давящій сонъ.

Эльфы и карлики. Итакъ, душа послѣ смерти человѣка продолжаетъ свое существованіе и, отдѣлившись отъ тѣла, возвращается въ природу. Воздухъ, вода, горы и равнины, лѣса и поля все служитъ мѣстопребываніемъ душъ умершихъ. Съ теченіемъ времени эти души, населяющія всю природу, превратились въ особыя существа и по всей Германіи извѣстны подъ именемъ эльфовъ. Эти существа являются въ германской миѳологіи олицетвореніемъ мелкихъ силъ природы, невидимо и незамѣтно дѣйствующихъ. Они имѣютъ близкое отношеніе къ людямъ, доброжелательны къ нимъ, помогаютъ имъ

въ работѣ, даютъ добрые совѣты и приносятъ драгоцѣнные подарки. Такими существами, по представленію германцевъ переполнена вся вселенная — воздухъ, земля и все, что на ней находится: деревья, горы, вода и огонь. Они составляютъ свой особый міръ и часто имѣютъ своего короля. Народная фантазія различаетъ среди этихъ существъ особый міръ свѣтлыхъ эльфовъ и особый міръ черныхъ карликовъ. Свѣтлые эльфы собираются въ лунныя ночи и веселятся на зеленыхъ лужайкахъ. Добрые водяные эльфы (никсы) обитаютъ въ ручьяхъ; были и свои покровители домашняго очага (кобольды). Карлики маленькаго роста, часто меньше пальца, но въ тоже время являются они въ образѣ старика съ длинной сѣдой бородой; голова ихъ слишкомъ велика сравнительно со всей фигурой и покрыта остроконечной шапкой, а вмѣсто обыкновенныхъ ногъ у нихъ часто бываютъ гусиныя лапы. Черные карлики живутъ внутри земли, обыкновенное ихъ мѣстопребываніе въ горахъ и тамъ у нихъ свое царство, причемъ власть и образъ жизни королей этого царства рисуется въ чертахъ, какими полна была жизнь германскаго конунга временъ переселенія народовъ. По ночамъ карлики уходятъ изъ своего обыкновеннаго мѣстопребыванія, но при первой утренней зарѣ должны вернуться въ горы; кого изъ нихъ застанетъ дневной свѣтъ, тотъ обращается въ камень. Это повѣрье указываетъ на то, что карлики когда-то были просто души умершихъ, для которыхъ ночные часы были обыкновеннымъ временемъ странствованія. Живя внутри горъ, карлики добываютъ металлы, искусны въ ихъ обработкѣ, вообще свѣдущи въ разныхъ ремеслахъ: къ нимъ обращаются, когда нужно что-нибудь сковать или построить.

Демоны. На ряду съ этими мелкими существами, которыми полна была природа, народная фантазія создала еще цѣлый разрядъ существъ, такъ называемыхъ демоновъ. Происхожденіе демоновъ совершенно иное, чѣмъ происхожденіе эльфовъ: они не имѣютъ ничего общаго съ вѣрой въ загробное существованіе души. Происхожденіе ихъ коренится въ самой природѣ, передъ которой человѣкъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Первоначально они, какъ олицетвореніе элементарныхъ силъ природы, сами почитались за боговъ. По мѣрѣ того, какъ жизнь усложнялась и духовная сторона занимала въ ней видное мѣсто, эти олицетворенія элементарныхъ силъ отступили на второй планъ. На ихъ мѣсто появились новые боги, въ которыхъ природа и духовный элементъ соединились въ равной мѣрѣ. Можно, напримѣръ, указать слѣды того положенія, которое занимали

великаны въ отдаленныя времена. Въ сѣверной миѳологіи они называются искони рожденными, такъ какъ они родились раньше существованія міра и прежде всѣхъ другихъ существъ. Они обладаютъ особенными качествами, какъ, напримѣръ, мудростью, знаніемъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда всѣ вещи получили начало. Этимъ существамъ приписывается громадный ростъ, вообще большіе размѣры и страшная сила, чтó вполнѣ соотвѣтствуетъ олицетворенію элементарныхъ силъ природы, передъ которыми человѣкъ чувствовалъ себя ничтожнымъ. Они то имѣютъ образъ людей и представляются великанами, то принимаютъ видъ страшныхъ животныхъ (змѣя-дракона, волка; въ сѣверной миѳологіи—змѣя Іормундгардръ, которую боги бросили въ море, гдѣ она и обвила своими кольцами весь людской міръ; волкъ Фенрисъ, котораго связали боги). Демоны являлись олицетвореніемъ элементарныхъ силъ природы, такъ что одни изъ нихъ царствовали надъ водой, другіе проявляли свою силу въ воздухѣ и смотря потому, какіе элементы преобладаютъ въ той или другой мѣстности, возникали различные образы демоновъ, великановъ или чудовищъ. Наиболѣе распространенными были демоны вѣтра, силу и проявленіе котораго всюду приходилось чувствовать. Если поднималась буря и дулъ сильный вѣтеръ, то все это производило, по представленію народа, существо, обладающее страшной силой, демонъ въ образѣ великана. Такое представленіе уживалось наряду съ другимъ, болѣе древнимъ, по которому вѣтеръ происходилъ отъ движенія душъ, носившихся въ воздухѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ Германіи, гдѣ много воды, особенно въ сѣверной ея части, по берегу моря, народная фантазія создала особыхъ демоновъ воды, водяныхъ въ образѣ чудовищъ-драконовъ или страшныхъ великановъ. Въ древнѣйшей германской (англо-саксонской) эпической поэмѣ Беовульфъ, названной такъ по имени главнаго героя, разсказывается о борьбѣ героя съ страшнымъ чудовищемъ Гренделемъ и съ опустошавшимъ страну дракономъ. Грендель царствуетъ надъ моремъ, онъ живетъ съ своей матерью въ роскошномъ дворцѣ, онъ называется „eoton“ (великаны обыкновенно носятъ названіе „thrs“ или „eoton“). Какъ Грендель, такъ и его мать имѣютъ стальные когти на лапахъ, которыя имъ замѣняютъ руки. Надъ жилищемъ Гренделя высоко поднимаются волны, вѣтеръ производитъ страшную бурю: во всемъ этомъ проявляется сила чудовища. Въ сѣверной миѳологіи особенно много сказаній о такихъ демонахъ воды, а въ пѣсняхъ Эдды часто встрѣчаются великаны холода и снѣга. Были еще особые великаны горъ

и, по народному повѣрью, самыя горы ничто иное, какъ окаменѣвшіе великаны. Всѣ эти демоническія существа по сѣвернымъ сказаніямъ составляютъ особое царство Іотунгеймъ (припомнимъ названіе, обычное для великановъ — eoton, jotunn), которое лежитъ гдѣ-то далеко на сѣверѣ. По сѣвернымъ сагамъ племя великановъ существовало еще до начала міра, и первый изъ нихъ, Имиръ, произошелъ изъ льда ядовитаго потока. Злые по своей природѣ, великаны являются самыми заклятыми врагами боговъ и людей. Борьба между ними и богами выступаетъ въ сѣверной миѳологіи на первый планъ и тѣмъ придаетъ ей трагическій характеръ. Несомнѣнно, что и среди южныхъ германцевъ существовало подобное представленіе о демонахъ, и не даромъ народная фантазія рисовала ихъ въ видѣ какихъ-то страшныхъ чудовищъ, не даромъ народная поэма англосаксовъ прославляла героя Беовульфа за его побѣды надъ страшнымъ Гренделемъ. Такъ, великаны гоняются за луной и солнцемъ, стараясь похитить съ неба благодѣтельныя для человѣка свѣтила. До сихъ поръ существуетъ повѣрье, что волкъ или драконъ похищаетъ солнце всякій разъ, когда происходитъ солнечное затмѣніе. Существовалъ обычай, противъ котораго вооружалось духовенство,—поднимать шумъ, когда происходило солнечное или лунное затмѣніе, съ цѣлью перепугать и прогнать чудовище, которое скрывало свѣтило отъ людей.

Дуализмъ міровоззрѣнія.

Представленія о великанахъ являются въ германской миѳологіи олицетвореніемъ стихійныхъ, преимущественно разрушительныхъ силъ природы. Съ другой стороны, благодѣтельныя силы природы, какъ уже сказано, почитались германцами, какъ особыя высшія существа, на которыя человѣкъ взиралъ съ благоговѣніемъ. Такимъ образомъ, весь міръ существъ распадается на двѣ части: съ одной стороны дѣйствуютъ силы злыя, разрушительныя, враждебныя человѣчеству, съ другой—силы добрыя, расположенныя къ людямъ. Это представленіе о двойственности міровыхъ силъ (дуализмъ) присуще всѣмъ германцамъ, такъ какъ въ основахъ своихъ относится къ общеарійской эпохѣ, но особенно рѣзко оно проявляется въ вѣрованіяхъ сѣверныхъ германцевъ. Тамъ это дуалистическое міровоззрѣніе прежде всего обнаруживается въ самомъ представленіи о происхожденіи вселенной, какъ оно раскрывается намъ по первой пѣснѣ Эдды-Волуспѣ. Въ началѣ, разсказывается тамъ, не было ничего, кромѣ зіяющей бездны. На сѣверѣ ея лежалъ міръ мрака и холода — Нифльгеймъ. Изъ находящагося тамъ источника вытекали двѣнадцать потоковъ, воды которыхъ обращались въ ледъ.

На югѣ находился міръ огня — Муспельгеймъ; изъ него вылетали искры и, расплавляя ледъ сѣверныхъ потоковъ, давали ему жизнь. Такъ произошелъ на свѣтъ родоначальникъ всѣхъ великановъ — Имиръ. Вмѣстѣ съ Имиромъ появилась корова Audhumbla, изъ вымени которой текли четыре молочныхъ потока. Она родила существо огромнаго роста и страшной силы, по имени Бури. Его сынъ Бöръ взялъ себѣ въ жены дочь великана и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей: Одина, Вили и Ве. Братья убили великана Имира и создали изъ его мяса землю, изъ костей — горы, изъ крови — море, изъ черепа — небо, а изъ мозга — густыя облака. Они взяли летѣвшія изъ Муспельгейма искры и, обративъ ихъ въ звѣзды, прикрѣпили на небесномъ сводѣ. Въ защиту отъ великановъ Одинъ создалъ изъ бровей Имира замокъ Мидгардъ и назначилъ его для жилища людямъ. Первыхъ людей, мужчину и женщину (Аска и Эмблу) братья создали изъ ясени и ольхи. Они же произвели на свѣтъ карликовъ. Такъ произошла вселенная. Она распадалась на девять міровъ, и всѣ они соединялись корнемъ, стволомъ и вершиной огромнаго ясеня Иггдразила.

Такимъ образомъ, въ самомъ миѳѣ о происхожденіи вселенной лежитъ идея двойственности міровыхъ силъ: вселенная произошла отъ взаимодѣйствія міра мрака и міра свѣта. Свѣтлое начало одерживаетъ верхъ надъ порожденіемъ мрака—великаномъ Имиромъ, и свѣтлые боги съ Одиномъ во главѣ являются властителями вселенной.

Асы и Ваны

Свѣтлые боги, представители добраго начала, составляютъ въ сѣверной миѳологіи особую группу и носятъ названіе *Асовъ*. Этой группѣ боговъ-асовъ противополагается другая семья боговъ — *Ваны*. Асы и Ваны вели между собою борьбу, которая окончилась мирнымъ договоромъ; это даетъ возможность думать, что Асы и Ваны представители культовъ различныхъ племенъ, которыя послѣ долгой борьбы слились воедино. Подобной стройной системы, въ которую сведены въ пѣсняхъ Эдды скандинавскіе боги, мы не находимъ у южныхъ германцевъ, хотя они, повидимому, называли своихъ боговъ тоже Асами.

Ціу—богъ неба.

Но какое божество пользовалось у нихъ наибольшимъ почитаніемъ и было главнымъ божествомъ? Между тѣмъ какъ въ сѣверной миѳологіи Одинъ занимаетъ первое мѣсто среди боговъ, на континентѣ Европы Воданъ не скоро занялъ подобное положеніе, да и впослѣдствіи не у всѣхъ южныхъ германцевъ онъ пользовался значеніемъ главнаго божества. Несомнѣнно, что въ древнѣйшія времена и, можетъ быть, еще въ первые вѣка христіанства глав-

нымъ божествомъ всѣхъ южныхъ германцевъ былъ богъ яснаго неба. Раньше было уже сказано, что у всѣхъ арійскихъ народовъ мы находили поклоненіе божеству, имя котораго восходитъ къ общему корню *div*=свѣтить. Такимъ образомъ видъ яснаго неба послужилъ основаніемъ для созданія особаго миѳическаго образа и для германцевъ, и это древнѣйшее германское божество на континентѣ у однихъ германскихъ племенъ почиталось подъ именемъ бога Ціу (свевы потому назывались Ciuvarii), у другихъ подъ иными названіями (Er у баваровъ, Heru и Saxnot у саксовъ).

Ціу—богъ войны. Но затѣмъ мало-по-малу германцы забыли, что богъ Ціу—властитель яснаго неба и вмѣсто того стали его почитать, какъ бога войны. Эта перемѣна вполнѣ согласуется съ характеромъ германскаго быта, такъ какъ война въ силу обстоятельствъ сдѣлалась главнымъ и даже любимымъ ихъ занятіемъ. Поэтому и римскіе писатели (Тацитъ), примѣняя къ германскимъ богамъ названія своихъ собственныхъ боговъ, отождествили бога Ціу съ Марсомъ. Вслѣдствіе того же многія германскія племена по Рейну, въ верхней и сѣверной Германіи второй день недѣли—вторникъ, dies Martis называли по имени бога Ціу (Ziestag, Erestag, сѣверный Tirsdag, англосакс. Tuesday). Въ сѣверной миѳологіи Тyr (Ziu) не только богъ неба, воздуха и дождя, но и главнымъ образомъ богъ войны, а потому мечъ сталъ главнымъ его орудіемъ, при помощи котораго онъ поражаетъ своихъ враговъ — силы мрака. По той же причинѣ нѣкоторыя германскія племена (квады, напр.) почитали бога Ціу подъ видомъ обнаженнаго меча. Нельзя не обратить вниманія на одну особенность, которою надѣляетъ Ціу сѣверная миѳологія — онъ изображается съ одной рукой — и эта особенность напоминаетъ, что Ціу собственно богъ неба: замѣнившій его впослѣдствіи въ этомъ отношеніи богъ Воданъ (Одинъ) изображается въ сѣверной миѳологіи съ однимъ глазомъ, а этотъ глазъ есть олицетвореніе солнца—единственнаго свѣтила на дневномъ небѣ.

Воданъ. Мало по малу, среди нѣкоторыхъ германскихъ племенъ выдвинулось на первый планъ другое божество—Воданъ, такъ что поклоненіе ему затмѣваетъ собой поклоненіе богу Ціу. Это новое божество выдѣлилось также изъ представленія о богѣ яснаго неба. Какъ богъ яснаго неба, Ціу былъ сначала богомъ воздуха и всѣхъ явленій, которыя въ немъ происходятъ, но затѣмъ воздушныя проявленія выдѣлились изъ свойствъ Ціу и олицетвореніемъ всюду проникающаго воздуха явился богъ Воданъ (отъ древ-

не-верхне-нѣмецкаго watan=durchwehen, durchdringen). Такое божество, царящее надъ воздухомъ, знали всѣ германскія племена, но только у многихъ изъ нихъ оно такъ и осталось низшимъ божествомъ (демономъ воздуха), тогда какъ у нѣкоторыхъ Воданъ занялъ положеніе верховнаго бога и сталъ пользоваться особымъ поклоненіемъ. Водану особенно усердно поклонялись въ сѣверной Германіи—среди лангобардовъ, франковъ, саксовъ (лангоб. Gwodan, фран. Godan). Отсюда уже культъ Водана распространился далѣе на сѣверъ, въ Данію и Скандинавію. Въ сѣверной миѳологіи Воданъ (Одинъ) является верховнымъ богомъ, отцемъ боговъ и людей и творцомъ всего существующаго (Allvater). Но такое положеніе Воданъ (Одинъ) занялъ только по вѣрованіямъ высшихъ классовъ и оно отразилось въ поэзіи скальдовъ, между тѣмъ какъ масса народа продолжала главнымъ образомъ поклоняться тѣмъ богамъ, которые и раньше пользовались особымъ почитаніемъ — Фрейру (тотъ же Ціу) и Тору.

Римскіе писатели, сравнивая Водана съ своими богами, нашли возможнымъ называть его Меркуріемъ и указаніе Тацита, что германцы болѣе всего почитаютъ Меркурія, повидимому, должно относиться къ племенамъ сѣверной Германіи, гдѣ преимущественно и получилъ развитіе культъ Водана. Павелъ Діаконъ, лангобардскій историкъ времени Карла Великаго, прямо говоритъ, что Меркурій Тацита и есть Воданъ: „Воданъ, котораго съ прибавкой буквы называютъ Гводанъ и есть тотъ самый богъ, который у римлянъ называется Меркуріемъ“. Въ чемъ же заключалось сходство между Меркуріемъ и Воданомъ, побудившее римскхъ писателей называть послѣдняго именемъ перваго?

Воданъ — богъ культуры.

Меркурій былъ покровителемъ всякаго рода успѣховъ въ области культуры. Между тѣмъ, значительные успѣхи въ этомъ отношеніи были достигнуты германскими племенами на нижнемъ Рейнѣ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ римлянами. Такъ у германцевъ появляются римскія названія дней недѣли, хотя и измѣненныя на германскій ладъ, названія мѣсяцевъ. Затѣмъ ими былъ заимствованъ и приспособленъ къ своимъ цѣлямъ римскій алфавитъ. Вмѣстѣ съ распространеніемъ римской культуры среди германскихъ племенъ за Рейномъ и стали воздавать особое поклоненіе Водану, какъ представителю этой новой культуры. Эта сторона природы Водана съ особенной силой выступаетъ въ Скандинавіи, куда перешелъ культъ этого бога изъ сѣверо-западной Германіи. Въ сѣверныхъ сагахъ онъ рисуется богомъ мудрости, всякаго рода знанія и поэтическаго

воодушевленія: онъ принесъ Асамъ тотъ напитокъ, отъ котораго зависитъ поэтическое дарованіе, онъ изобрѣлъ буквы — „руны“, служившія символомъ мудрости. Потому и самъ Воданъ, изобрѣтатель этихъ таинственныхъ знаковъ, представляется великимъ волшебникомъ и обладателемъ многихъ волшебныхъ предметовъ, которыми онъ даритъ своихъ любимцевъ (мечъ, доставляющій побѣду, шапка-невидимка, плащъ-самолетъ, волшебное кольцо).

Воданъ— богъ воздуха.

Но не слѣдуетъ забывать, что по своей природѣ Воданъ былъ божествомъ, которое проявляется въ воздухѣ. Души умершихъ, по вѣрованіямъ народа, отдѣлившись отъ тѣла, продолжаютъ свое существованіе, пребывая въ воздухѣ: тамъ онѣ съ шумомъ носятся цѣлыми толпами. Воданъ, какъ богъ воздуха, былъ, конечно, властителемъ этого сонма душъ и часто носился въ воздухѣ во главѣ ихъ. Если поднимались зимніе вихри, то у германцевъ при этомъ являлось представленіе о „неистовой дружинѣ“ (Wütendes Heer) Водана, съ которой онъ несется по воздуху. Въ Мекленбургѣ обыкновенно говорятъ, когда слышатъ шумъ вѣтра, думая, что это несется неистовая дружина Водана: „der Woode thüt“. Въ другихъ мѣстахъ при этомъ возникало представленіе о Воданѣ, какъ о дикомъ охотникѣ (wilde Jagd), который гонится за своей жертвой. Въ Австріи, напримѣръ, создалось представленіе, что Воданъ (Wotn) охотится, носясь по воздуху на бѣломъ конѣ, закутавшись въ плащъ и надвинувъ широкую шляпу на голову.

Воданъ— богъ плодородія.

Вѣтеръ приноситъ съ собой плодородіе: много вѣтра, много и плодовъ (viel Wind, viel Obst), говоритъ крестьянская примѣта, а потому отъ бога вѣтра—Водана зависитъ плодородіе. Вотъ почему повсюду въ Германіи оставляютъ на полѣ снопъ, который долженъ принадлежать Водану или сопровождающимъ его на охотѣ псамъ. Въ сѣверной Германіи оставляютъ послѣдній колосъ „Водану для его лошади“. Это поклоненіе Водану, какъ богу плодородія, слѣдуетъ отнести къ тому давнему времени, когда германцы стали заниматься земледѣліемъ.

Воданъ— богъ войны.

Бушеваніе вѣтра послужило для сѣверныхъ поэтовъ образомъ, которымъ они пользовались при изображеніи битвъ. Точно также и Воданъ, богъ воздуха и вѣтра, обратился въ вѣрованіяхъ германцевъ въ бога войны и битвы. Трудно сказать, когда именно началось поклоненіе Водану, какъ богу войны, но по всей вѣроятности, начало его надо отнести ко времени около Рождества Христова, когда началась продолжительная и упорная борьба между римлянами и германцами. Воданъ (der wütende = неистовый) оли-

цетворялъ ярость и возбужденіе сражающихся. Воданъ, говоритъ Адамъ Бременскій, это сама ярос ть,онъ ведетъ войны и даетъ людямъ мужество противъ непріятелей. Эти черты Водана—бога войны, раздавателя побѣдъ должны были пріобрѣсти особенное значеніе у тѣхъ сѣверо-западныхъ германскихъ племенъ, которымъ приходилось вести постоянную борьбу. У Павла Діакона, сохранился разсказъ, цѣль котораго разъяснить, откуда лангобарды получили свое названіе. Но для насъ этотъ разсказъ имѣетъ другое значеніе. Онъ показываетъ, какъ твердо вѣрили германцы въ то, что только Воданъ можетъ даровать побѣду. Занимавшее Лангобардію племя, разсказываетъ Павелъ Діаконъ, называлось winiles; оно воевало съ вандалами. Послѣдніе стали молить Водана о побѣдѣ и богъ отвѣтилъ, что онъ дастъ побѣду той изъ воюющихъ сторонъ, которую увидитъ первой на полѣ битвы при восходѣ солнца. Царица племени winiles съ своей стороны обратилась съ мольбой къ богинѣ Фреѣ, женѣ Водана, и просила у ней побѣды для своего народа. Тогда Фрея посовѣтовала ей поступить слѣдующимъ образомъ. Всѣ женщины ея племени должны привязать свои длинные волосы къ подбородку на подобіе бороды и на разсвѣтѣ стать на полѣ битвы такъ, чтобы Воданъ увидалъ ихъ съ востока, куда онъ обыкновенно смотритъ утромъ изъ окна своего дворца. Совѣтъ былъ принятъ, и когда на разсвѣтѣ Воданъ замѣтилъ толпу людей съ длинными бородами, то воскликнулъ: кто эти длиннобородые? Фрея воспользовалась этимъ восклицаніемъ своего супруга и убѣдила его, что теперь онъ уже не можетъ отказать въ побѣдѣ тѣмъ, кого онъ какъ бы усыновилъ, давъ такое прозваніе. Winiles... одолѣли своихъ враговъ и съ тѣхъ поръ стали называться лангобардами.

Воданъ— богъ мертвыхъ.

Воданъ считался также богомъ мертвыхъ. Душа человѣка послѣ его смерти продолжала, по вѣрованіямъ древнихъ германцевъ, свое существованіе и сонмы такихъ душъ носились въ воздухѣ, а богъ воздуха, Воданъ, предводительствовалъ ими во время ихъ воздушныхъ странствованій. Среди южныхъ германцевъ поклоненіе Водану, какъ богу мертвыхъ, не получило такого полнаго развитія, какое нашло оно въ сѣверныхъ сагахъ. Тамъ Воданъ (Одинъ) не только господствуетъ надъ мертвыми, но и распоряжается надъ жизнью и смертью людей. „Отправиться къ Одину“ на сѣверѣ обычное выраженіе, замѣняющее слово „умереть“ и тамъ онъ, между прочимъ, носитъ названіе walvater т. е. отца мертвыхъ. Какъ богъ кровавой битвы, онъ выбираетъ свои жертвы среди сражающихся

и посылаетъ за ними своихъ служительницъ—валькирій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сѣверныхъ сагахъ создалось наиболѣе законченное представленіе о царствѣ мертвыхъ, гдѣ владычествуетъ Одинъ.

Тамъ это царство представляется въ видѣ обширныхъ чертоговъ Одина—Валгаллы, куда попадали только храбро сражавшіеся и павшіе на полѣ битвы. При входѣ въ Валгаллу жена Одина, Фрея, встрѣчала героевъ съ рогомъ для питья. Жизнь ихъ на небѣ характеризуется тѣми же чертами, какими была полна жизнь всякаго германца въ его отечествѣ. Въ одномъ изъ сказаній младшей Эдды встрѣчается прекрасное описаніе Валгаллы. Въ ней разсказывается, какъ король Швеціи Гильфи, мужъ мудрый, отправился въ Асгардъ испытывать мудрость Асовъ. Войдя въ небесный чертогъ, Гильфи увидалъ три трона одинъ надъ другимъ, и на каждомъ сидѣлъ человѣкъ. Сидѣвшій на нижнемъ тронѣ назывался Харъ, слѣдующій Яфнхаръ и послѣдній Тридди *). Задавая имъ различные интересовавшіе его вопросы Гильфи, назвавшійся при входѣ въ чертоги Ганглери, разспрашиваетъ, между прочимъ, и о Валгаллѣ. Валгалла.

Тогда сказалъ Ганглери: ты сказалъ, что всѣ мужи, которые пали отъ начала міра, пойдутъ къ Одину въ Валгаллу. Мнѣ кажется, что ихъ тамъ будетъ большое множество. Тогда отвѣчалъ Харъ: это правда, чтó ты говоришь: ихъ тамъ уже большое множество и будетъ еще больше; но кажется, что будетъ ихъ слишкомъ мало, когда придетъ волкъ. И никогда численность въ Валгаллѣ не бываетъ такъ велика, чтобы имъ недоставало мяса кабана.

Тогда спросилъ Ганглери: ѣстъ ли Одинъ ту же пищу, что и Ейнгеріи (души героевъ)? Харъ отвѣчалъ: пищу, которая стоитъ на его столѣ, онъ даетъ двумъ волкамъ, которые называются Гери и Фреки, а самъ не нуждается ни въ какомъ кушаньѣ; вино служитъ ему питьемъ и ѣдой; какъ сказано:

Гери и Фреки питаетъ воинственный
Славный отецъ войска.
Только виномъ живетъ
Славный оружіемъ Одинъ.

Тогда спросилъ Ганглери: какое питье у Ейнгеріевъ, которымъ

*) Это какая-то таинственная троица, вѣроятно заимствованная скандинавской миѳологіей изъ христіанскихъ представленій.

бы они могли довольствоваться? Или тамъ пьютъ воду? Тогда отвѣчалъ Харъ: чудно ты спрашиваешь теперь, чтобы Альфатеръ пригласилъ королей и другихъ славныхъ мужей и далъ бы имъ для питья воду. Я полагаю, что тѣ, которые приходили въ Валгаллу, подумали бы, что имъ дорого пришлось купить напитокъ изъ воды послѣ того, какъ они претерпѣли раны и смертельную боль. Но много другого я могу тебѣ о томъ разсказать. Коза, которая называется Хейбрунъ, стоитъ надъ Валгаллой и пасется на вѣтвяхъ прославленнаго дерева, которое называется Лэрадъ, и изъ ея вымени течетъ такъ много молока, что оно ежедневно наполняетъ большой сосудъ, изъ котораго Эйнгеріи пьютъ до сыта. Тогда Ганглери сказалъ: отличная эта коза и превосходное, должно быть, дерево, на которомъ она пасется. Тогда возразилъ Харъ: еще замѣчательнѣе олень Эйктирниръ, который стоитъ въ Валгаллѣ и обгладываетъ вѣтки того самаго дерева; а съ его рогъ падаетъ такъ много капель, что онѣ текутъ въ Хвергельмиръ, а оттуда вытекаютъ рѣки, онѣ окружаютъ владѣнія Асовъ.

Тогда сказалъ Ганглери: удивительныя вещи ты разсказываешь! Валгалла должна быть ужасно большимъ домомъ, и страшная давка должна быть передъ ея дверями. Тогда возразилъ Харъ: почему ты не спросилъ, сколько дверей въ Валгаллѣ и какой величины? Когда ты объ этомъ услышишь, то сознаешь, что было бы удивительно, если бы не могъ всякій войти и выйти, когда захочетъ. Вотъ, послушай, какъ говорится въ Гримнисмалъ:

Пятьсотъ сорокъ дверей
Знаю я въ Валгаллѣ;
Восемь тысячъ Ейнгеріевъ выходятъ изъ комнатъ,
Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы защититься отъ волка.

Тогда сказалъ Ганглери: огромная толпа въ Валгаллѣ и надо думать, что Одинъ сильный владыка, если повелѣваетъ такими большими войсками. А чѣмъ занимаются Ейнгеріи, когда не пируютъ? Харъ отвѣчалъ: всякое утро, какъ только одѣнутся, вооружаются, идутъ на дворъ и сражаются другъ съ другомъ, и нападаютъ другъ на друга. Вотъ какъ они проводятъ время. А какъ наступаетъ время обѣда, идутъ они въ Валгаллу, садятся за пиршественный столъ; объ этомъ говорится такъ:

Ейнгеріи въ чертогахъ Одина
Сражаются день за днемъ;
Они рѣшаютъ споры и возвращаются съ битвъ
Чтобы пить пиво съ Асами.
Тогда они мирно сидятъ вмѣстѣ.

Воданъ— богъ неба.

Среди нѣкоторыхъ племенъ на сѣверо-западѣ Германіи, Воданъ, занявшій у нихъ первенствующее положеніе, какъ богъ новой жизни и новой культуры, получилъ тамъ еще новое значеніе и ему стали поклоняться какъ богу неба. Припомнимъ разсказъ Павла Діакона о томъ, откуда лангобарды получили свое названіе. Тамъ между прочимъ говорится, что Гводанъ каждое утро изъ своихъ чертоговъ глядитъ въ окно, обращенное на востокъ—это олицетвореніе утренняго неба, которое на востокѣ озаряется свѣтомъ. Въ сѣверныхъ сагахъ Одинъ, какъ богъ неба и солнца, получилъ значеніе верховнаго бога, творца міра и людей, отца всѣхъ боговъ—тамъ онъ Allvater, т. е. отецъ всего существующаго.

Его внѣшній обликъ.

Что касается до внѣшняго облика, какимъ представляли себѣ германцы Водана, то онъ обрисовывается со всею полнотою и ясностью въ сѣверной миѳологіи и мы можемъ его оттуда заимствовать, полагая, что въ общемъ онъ будетъ соотвѣтствовать тому представленію, которое имѣли о немъ германцы. Прежде всего, какъ богъ войны, который самъ принимаетъ участіе въ битвѣ, Одинъ представлялся въ полномъ вооруженіи: онъ сидитъ на статномъ боевомъ конѣ, вооруженъ копьемъ и мечемъ, на немъ шлемъ и латы. Шлемъ бога сдѣланъ изъ чистаго золота: онъ представлялъ солнце на чистомъ небѣ. Такъ какъ Одинъ былъ богомъ неба, то этимъ объясняется и другая особенность его внѣшняго облика: у него только одинъ глазъ. Одинъ пришелъ однажды къ источнику великана Мимира, въ которомъ была скрыта мудрость и знаніе будущаго, и хотѣлъ отвѣдать изъ него питья, чтобы увеличить свои свѣдѣнія. Но ради этого ему пришлось отдать одинъ свой глазъ въ залогъ великану. Заложенный великану глазъ есть не что иное, какъ солнце. Какъ богъ неба, Одинъ одѣтъ въ широкій голубой плащъ, соотвѣтствующій ясному небу, а иногда онъ закрываетъ свое лицо широкой шляпой, надвигая ее низко на лобъ. Здѣсь, очевидно, кроется указаніе на тотъ случай, когда небо бываетъ покрыто тучами. Одинъ и живетъ высоко надъ землею, въ одномъ изъ девяти міровъ, въ Асгардѣ, и занимаетъ въ Валгаллѣ самое высокое мѣсто, откуда обозрѣваетъ всю вселенную. На плечахъ

бога сидятъ два ворона, Хугинъ и Мунинъ (мысль и воспоминаніе), которые шепчутъ ему на ухо все, о чемъ узнаютъ, летая въ теченіе дня.

Донаръ. Изъ представленія о верховномъ властителѣ неба, какое сложилось еще у арійцевъ въ ихъ прародинѣ и какое германцы принесли съ собою на новыя мѣста своего поселенія, выдѣлилась у нихъ способность этого бога производить громъ на небѣ и метать молнію и эту способность германцы приписали новому божеству, которое они называли Донаромъ (Donner-громъ; сканд. Торъ). Если заглянуть въ миѳологію грековъ и римлянъ, то тамъ громъ и молнія — явленія, олицетвореніемъ которыхъ былъ До́наръ, остались за верховными божествами неба—Зевсомъ и Юпитеромъ. Слѣды поклоненія этому бога грома и молніи можно встрѣтить почти у всѣхъ германскихъ племенъ. Такъ, напримѣръ, четвертый день недѣли (четвергъ), называвшійся у римлянъ днемъ Юпитера, почти у всѣхъ германскихъ племенъ назывался именемъ бога Донара (врхн. Donarestag, ниж. нѣм.—Douresdach, у фризовъ—Thunresdey, англосакс.—Thunoresday, норв.—Thórsdag). Далѣе, на основаніи цѣлаго ряда свидѣтельствъ мы можемъ заключить, что именно четвертый день недѣли у германцевъ былъ посвященъ Донару, что этотъ день былъ праздничный, когда нельзя было приниматься ни за какое дѣло. Этому богу германцы приносили особенно усердно жертвы, и время, предназначенное для жертвоприношеній, совпадало съ маемъ мѣсяцемъ. Все это показываетъ, что богъ Донаръ имѣлъ важное значеніе въ жизни германцевъ. Впослѣдствіи, когда между германцами распространилось христіанство, представители духовенства никакъ не могли искоренить обычаи, которые являлись остатками культа Донара. Даже до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Германіи существуетъ повѣрье, что не слѣдуетъ ничего дѣлать въ четвергъ: нельзя срубить дерево, вывезти навозъ въ поле или сѣсть за пряжу. Поклоненіе Донару, какъ особому богу грома, существовало уже во времена Тацита: римскій историкъ, перечисляя боговъ, которымъ поклонялись германцы, наряду съ Марсомъ и Меркуріемъ называетъ Геркулеса. Поводомъ къ такому сближенію между Геркулесомъ и богомъ Донаромъ послужило, по всей вѣроятности, то, что Донаръ представлялся обладающимъ необыкновенной силой и вооруженнымъ палицей, какъ и греческій полубогъ. Ему, по словамъ Тацита, приносились въ жертву животныя, какъ это дѣлалось въ честь Марса-Ціу. Адамъ Бременскій говоритъ, что шведы совершали жертвоприношенія въ

честь Тора всякій разъ, какъ угрожалъ моръ или голодъ. По всей рейнской области въ надписяхъ находятъ имя Геркулеса, подъ которымъ конечно разумѣется германское божество; тамъ это имя встрѣчается съ разными эпитетами и, между прочимъ, эти надписи называютъ намъ „бородатаго Геркулеса" (Hercules barbatus).

Такимъ образомъ уже изъ приведенныхъ свидѣтельствъ очевидно, что германцы и Донара представляли себѣ въ видѣ человѣка съ бородой, вооруженнаго палицей. Въ сѣверной миѳологіи обликъ Донара, какъ и образъ Водана, рисуется съ большею полнотой и соотвѣтственно тѣмъ явленіямъ, которые онъ олицетворялъ. Главная особенность его та, что онъ имѣлъ рыжую бороду, и эта особенность характерна для бога молніи. Характерно и то, что Торъ одинъ изъ всѣхъ боговъ имѣлъ колесницу (другіе ѣздили верхомъ), запряженную козлами. Молотъ Міольниръ (молнія) составляетъ главное оружіе Тора, хотя иногда онъ бываетъ вооруженъ просто палицей. На рукахъ у него надѣты желѣзныя перчатки, ими онъ бросаетъ молнію и безъ нихъ ему нельзя обойтись, когда онъ берется за рукоятку молота. Есть у Тора и свое сокровище,—это его чудесный поясъ, отъ котораго прибавляется у него силы на половину. **Его внѣшній обликъ.**

Въ сѣверной миѳологіи, даже въ наиболѣе древнихъ сагахъ, богъ Донаръ называется сыномъ Водана, но по вѣрованіямъ германцевъ, которые не успѣли выработать стройной системы боговъ, подобной скандинавскимъ „Асамъ" или греческимъ „Олимпійцамъ", мы не можемъ найти и слѣдовъ какихъ либо родственныхъ отношеній между Донаромъ и Воданомъ. Вообще нужно сказать, что представленіе о богѣ Донарѣ (Торѣ) и его проявленіяхъ въ сѣверныхъ сагахъ получило болѣе полное развитіе, можетъ быть потому, что въ Скандинавіи это выдѣлившееся изъ природы небеснаго бога божество было самымъ любимымъ богомъ народной массы. Какъ богъ грозы, олицетворявшій собою благодѣтельную сторону этого явленія, очищающаго воздухъ и оплодотворяющаго землю, Донаръ сдѣлался на сѣверѣ самымъ желаннымъ богомъ простого народа, другомъ и защитникомъ боговъ и людей. Онъ считается тамъ богомъ плодородія и, какъ сынъ земли, особенно охраняетъ свою мать и воздѣлывающихъ землю крестьянъ и рабовъ. Въ скандинавской миѳологіи даже сохранилось представленіе, что по смерти рабовъ, главное занятіе которыхъ составляло земледѣліе, ихъ души отходили въ царство бога грозы. Такъ какъ молотъ Тора, символъ молніи, **Донаръ—Торъ.**

освящалъ все своимъ прикосновенiемъ, то имъ обыкновенно опредѣлялись границы владѣнiй и межи полей. Вообще Торъ въ противоположность Одину былъ богомъ болѣе мирнаго характера; подъ его покровительствомъ находилась семейная жизнь и весь общественный строй, онъ былъ богомъ брака и супружеской жизни.

Торъ и великаны. Кромѣ того, въ сѣверной миѳологiи Донару-Тору приписывается особаго рода дѣятельность: какъ благодѣтельный богъ, другъ боговъ и людей, онъ является защитникомъ тѣхъ и другихъ противъ злыхъ враждебныхъ силъ. Всѣ миѳы, сюда относящiеся, чисто скандинавскаго происхожденiя, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые могли бы намъ указать на существованiе подобныхъ сказанiй среди южныхъ германцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эти подвиги Тора вполнѣ соотвѣтствуютъ божеству, олицетворяющему благодѣтельныя силы природы, дополняютъ образъ бога-благодѣтеля, какимъ его представляли себѣ, несомнѣнно, всѣ германцы. По скандинавскимъ миѳамъ Торъ на небѣ главный боецъ противъ злыхъ силъ, враждебныхъ какъ богамъ, такъ и людямъ. Онъ является опаснымъ врагомъ и побѣдителемъ великановъ, а его молотъ страшнымъ оружiемъ, противъ котораго ничего не могутъ подѣлать силы мрака. Великанъ Тримъ укралъ однажды у Тора молотъ, и мiру грозила страшная опасность, такъ какъ нечѣмъ было поражать вредный родъ великановъ. Однако хитростью Тору удалось получить его обратно, и онъ отплатилъ великанамъ, уничтоживъ весь ихъ родъ. Это выраженiе Эдды, очевидно, преувеличено, такъ какъ великаны далеко не всѣ были уничтожены и при концѣ мiра выступаютъ противъ свѣтлыхъ боговъ. Для истребленiя великановъ Торъ совершаетъ свои путешествiя на востокъ и тамъ ведетъ съ ними борьбу. Какъ богъ земледѣлiя и плодородiя, онъ главнымъ образомъ борется съ великанами горъ. Тяжела для него эта борьба, великаны сильны, громадны и искусны въ волшебствѣ, такъ что иногда приходится подвергаться большимъ опасностямъ. Вотъ что случилось съ нимъ однажды, во время одного изъ его путешествiй на востокъ.

Отправившись въ Iотунгеймъ, страну великановъ, въ сопровожденiи бога Локи и еще двухъ спутниковъ, Торъ переплылъ море и сошелъ на землю. Отойдя немного отъ берега, они пришли въ большой лѣсъ, черезъ который пришлось идти цѣлый день, пока не стемнѣло. Тогда путники стали искать ночлега и нашли довольно помѣстительную хижину съ широкими входами. Въ полночь произошло сильное землятресенiе, полъ дрожалъ подъ ногами и

вся хижина колебалась. Торъ всталъ и, взявъ на всякій случай молотъ въ руки, сѣлъ у двери, а его спутники остались внутри хижины. Всю ночь слышался сильный шумъ. Когда насталъ день, Торъ вышелъ наружу и увидалъ человѣка огромнаго роста, который спалъ неподалеку отъ него и издавалъ сильный храпъ. Онъ понялъ, чтó за шумъ слышался ночью, и изъ опасенія надѣлъ свой чудесный поясъ, отчего удвоились его силы. Но, говоритъ Эдда, въ первый разъ онъ не осмѣлился убить великана молотомъ, до того онъ ему показался страшнымъ. Между тѣмъ великанъ проснулся, быстро всталъ и на вопросъ Тора объ имени, назвался Скримиромъ. „А мнѣ не нужно, сказалъ онъ, спрашивать тебя объ имени. Я знаю, что ты Асъ-Торъ. Но куда затащилъ ты мою перчатку“? При этомъ великанъ протянулъ руку и поднялъ свою перчатку. Только теперь Торъ понялъ, что въ этой перчаткѣ ему пришлось провести ночь. Скримиръ попросилъ у Тора позволенія сопутствовать ему и предложилъ ему сложить провизію вмѣстѣ, на что Торъ согласился. Великанъ связалъ всю ѣду въ одинъ узелъ и взвалилъ его себѣ на спину. Шли они цѣлый день и только къ ночи расположились ночевать подъ могучимъ дубомъ. Скримиръ велѣлъ Тору взять узелъ и приготовить ужинъ, а самъ заснулъ и сильно захрапѣлъ. Торъ долго трудился надъ узломъ и всетаки не могъ развязать его. Это разгнѣвало бога, онъ схватилъ молотъ, подошелъ къ Скримиру и ударилъ его въ голову. Но великанъ почти и не почувствовалъ удара и, проснувшись, только спросилъ Тора, не упалъ ли ему на голову листъ съ дерева, да поинтересовался узнать, какъ имъ пришлось закусить и готовы ли они теперь идти на покой. Путники расположились подъ другимъ дубомъ, но заснуть побоялись. Въ полночь снова раздался по лѣсу храпъ великана. Торъ поспѣшилъ къ нему и, сильно размахнувшись молотомъ, ударилъ его въ самое темя, такъ что конецъ молота глубоко вошелъ въ голову. Но и второй ударъ не причинилъ вреда великану. Проснувшись, онъ только спросилъ, не упалъ ли ему на голову желудь. Торъ снова отошелъ къ своему дубу и рѣшилъ подождать, пока Скримиръ крѣпко заснетъ, чтобы въ третій разъ поразить его на смерть. Какъ только раздался храпъ, Торъ подошелъ къ великану и, взмахнувъ изъ всѣхъ силъ молотомъ, попалъ великану въ високъ—молотъ ушелъ по рукоятку. Однако и тутъ ожиданія Тора не оправдались: великанъ остался невредимъ и, проснувшись, только спросилъ, не сидятъ ли надъ нимъ на деревѣ птицы. „Когда я проснулся, сказалъ онъ, мнѣ какъ будто

чтó упало на голову съ дерева". Между тѣмъ настало утро, и Скримиру пришлось разстаться съ своими спутниками: его дорога лежала на сѣверъ, а Торъ продолжалъ свой путь на востокъ. Впослѣдствіи оказалось, что Скримиръ былъ не кто иной какъ великанъ Утгардлока, который околдовалъ Тора, чтобы запугать его. Торъ думалъ, что наноситъ ему удары молотомъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности рубилъ по скалѣ.

Богини. Подобно тому, какъ всѣ германскіе боги вышли изъ представленія о верховномъ богѣ яснаго неба, такъ всѣ богини развились изъ представленія о матери-землѣ. Въ древнѣйшія времена, несомнѣнно, почитали землю, какъ богиню, которая весною проходитъ по странѣ и одѣваетъ новою зеленью поля и рощи; затѣмъ, поклонялись ей, какъ богинѣ, принимающей въ свое царство тѣла умершихъ. Впослѣдствіи такая богиня была извѣстна подъ разными именами среди отдѣльныхъ племенъ Германіи. Такъ Тацитъ сообщаетъ о почитаніи нѣкоторыми германскими племенами (въ нынѣшней Шлезвигъ-Голштиніи) матери-земли подъ именемъ Нерты. Въ священной рощѣ, на островѣ, стояла колесница, посвященная богинѣ; въ извѣстное время въ нее впрягали коровъ, и куда они заѣзжали, тамъ наступали самые праздничные и радостные дни. Празднества, происходившія въ честь Нерты, имѣютъ большое сходство съ торжественными процессіями, какія совершались на скандинавскомъ сѣверѣ, въ Упсалѣ, во время праздника богини Фреи, которая выдѣлилась точно также изъ представленія о матери-землѣ и почиталась какъ богиня весны, а также любви и красоты. Несомнѣнно, что торжества, которыя происходили въ извѣстное время въ честь Нерты среди нѣкоторыхъ племенъ континентальныхъ германцевъ или въ честь Фреи въ Упсалѣ, были выраженіемъ радости по поводу пробужденія земли весной къ новой жизни. Даже до сихъ поръ сохранились среди народа обычаи, связанные съ празднованіемъ весенняго пробужденія жизни на землѣ. Таковъ обычай украшать дома зелеными деревьями въ извѣстные дни, перваго мая, въ Троицынъ день или 23 іюня. Сюда же относится обычай выбирать „майскаго короля" или „майскую королеву". Вотъ что разсказывается о нидерландскомъ обычаѣ XII столѣтія: во время праздника Пасхи или Пятидесятницы священники и прочіе церковнослужители избирали „королевой" жену какого-либо священника, наряжали ее въ пурпуровую одежду съ діадемой на головѣ, помѣщали на возвышенномъ мѣстѣ и, обступивъ ее, въ теченіе цѣлаго дня воспѣвали подъ аккомпаниментъ тимпановъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ,

такъ что какъ бы обращались къ идолопоклонству и поклонялись ей, какъ идолу. Часть свевовъ, по свидѣтельству Тацита, почитала богиню Изиду, которая была, вѣроятно, тоже богиня земли и плодородія, какъ и Нерта. **Нерта.**

Въ другихъ мѣстахъ Германіи Фрея почиталась подъ именемъ Фригги. Поклоненіе Фреѣ-Фриггѣ совершалось особенно среди тѣхъ племенъ сѣверной Германіи, у которыхъ Воданъ занялъ положеніе главнаго божества, такъ что тамъ она являлась супругой Водана (сказаніе Павла Діакона о происхожденіи имени лангобардовъ). Она, подобно своему супругу, носится въ вихрѣ съ своими псами и время ея путешествій совпадаетъ съ рождественскими днями. Вмѣстѣ съ тѣмъ она является покровительницей домашнихъ работъ, особенно покровительствуетъ тѣмъ, кто занимается пряжей. Такою же является Фригга не только въ сѣверной Германіи, гдѣ началось поклоненіе этой богинѣ, но и въ Скандинваіи, куда оно перешло. Тамъ она почиталась также какъ богиня плодородія и богиня брака. **Фригга.**

Земля принимаетъ въ себя тѣла умершихъ, потому и богиня земли должна быть властительницей мертвыхъ, богиней смерти. Такая богиня существовала среди всѣхъ племенъ Германіи, хотя и подъ различными именами. Она соотвѣтствуетъ скандинавской богинѣ смерти Гель и такимъ образомъ служитъ какъ бы дополненіемъ къ богу воздуха и вѣтра, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся богомъ мертвыхъ. Несомнѣнно, что среди племенъ сѣверной Германіи такой богиней смерти почиталась Фригга, а у другихъ богиня смерти носила иныя имена. Подъ именемъ Гольды почиталась богиня смерти у племенъ средней Германіи (особенно въ области древнихъ хаттовъ и турингова), и что эта богиня тождественна съ Фриггой, видно изъ слѣдующихъ словъ Бурхарда Вормскаго: „есть какое-то божество женскаго рода, которое людская глупость называетъ Фригга-Гольда“. Эта Гольда, по народному повѣрію, и есть настоящая богиня смерти, которую окружаютъ души умершихъ, такъ что съ ними она носится по воздуху. Она живетъ въ прудѣ, у источника или въ горахъ, гдѣ обыкновенно обитаютъ души умершихъ. Между тѣмъ какъ Гольда была извѣстна въ средней Германіи, въ верхней ея части та же богиня почиталась подъ именемъ Перхты или Берты. **Богиня смерти.**

Души умершихъ обладали свойствомъ открывать будущее, и вотъ отсюда среди германцевъ выработалось представленіе о какихъ-то божественныхъ существахъ, во власти которыхъ находится судьба **Норны.**

каждаго человѣка (др в. нѣм. wurt, англос. vyrd, сканд. Urdr= судьба). Въ сѣверной миѳологіи богини судьбы называются норнами, и изъ нихъ три носятъ такія имена: Урдръ (прошедшее), Верданди (настоящее) и Скульдъ (будущее). Соотвѣтственно дуалистическому воззрѣнію, которое проходитъ черезъ всю скандинавскую миѳологію, и норны неодинаковы по своей природѣ. Добрыя норны, свѣтлаго происхожденія, создаютъ счастье, а если нѣкоторые люди впадаютъ въ несчастіе, это вина злыхъ норнъ.

Бальдеръ. Таковы были религіозныя вѣрованія германцевъ, насколько ихъ можно возстановить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ. Опять приходится упомянуть, что вѣрованія скандинавскихъ германцевъ, насколько мы узнаемъ ихъ изъ сагъ, оказываются болѣе цѣльными и получили полное, всестороннее развитіе. Ихъ боги, подобно греческимъ Олимпійцамъ, составляютъ отдѣльную семью, и эта семья довольно многочисленна, такъ что боговъ у сѣверныхъ германцевъ гораздо больше, чѣмъ у ихъ южныхъ собратьевъ. Боги эти рисуются со всѣми страстями и слабостями людей, живутъ въ своихъ дворцахъ, забавляются пирами и играми, такъ что антропоморфизмъ играетъ въ религіи сѣверныхъ германцевъ такую же роль, какъ и въ религіи грековъ. Кромѣ того, сѣверная миѳологія разъясняетъ намъ такіе вопросы, отвѣтовъ на которые мы напрасно стали бы искать въ остаткахъ религіозныхъ вѣрованій южныхъ германцевъ. Таковы, напримѣръ, вопросы о началѣ міра и его конечной судьбѣ. Раньше было приведено сѣверное сказаніе о томъ, какъ произошелъ міръ, теперь можно привести другой сѣверный миѳъ, гдѣ говорится о концѣ міра, судьбѣ боговъ и людей. Въ судьбѣ міра важную роль играютъ два бога сѣверной миѳологіи, которые оба — Бальдеръ и Локи — принадлежатъ къ семьѣ асовъ. Среди свѣтлыхъ боговъ - Асовъ Бальдеръ, считавшійся сыномъ Одина, занимаетъ совершенно особенное положеніе. Между тѣмъ какъ всѣ почти скандинавскіе боги рисуются болѣе или менѣе мрачными красками и на всѣхъ лежитъ отпечатокъ суровости, Бальдеръ не только красивъ лицомъ, но и самый кроткій и милостивый изъ всѣхъ боговъ. Одно изъ сказаній младшей Эдды въ такихъ словахъ говоритъ объ этомъ богѣ: „о немъ можно сказать только доброе; онъ самый добрый и всѣ его хвалятъ. Онъ такъ прекрасенъ лицомъ и свѣтелъ, что отъ него исходитъ свѣтъ. Есть свѣтлая трава, которая сравнивается съ бровями Бальдера и она самая блестящая изъ всѣхъ травъ. По этому ты можешь судить о красотѣ его лица и тѣла. Онъ самый мудрый, самый крас-

норѣчивый, самый кроткій изъ всѣхъ Асовъ. Онъ имѣетъ ту особенность, что никто не можетъ порицать его рѣшеніе. Онъ обитаетъ на небѣ въ томъ мѣстѣ, которое называется Breidablick. Тамъ не допускается ничто нечистое". Богъ Бальдеръ не только былъ любимцемъ всѣхъ боговъ, но имѣлъ важное значеніе для существованія всего міра. По сѣвернымъ сагамъ міръ можетъ существовать и Асы будутъ владычествовать надъ этимъ міромъ только до тѣхъ поръ, пока живетъ Бальдеръ. Поэтому Асы болѣе всего заботились о сохраненіи его жизни. Миѳъ о томъ, какъ погибъ Бальдеръ и какъ за его смертью послѣдовала гибель всего міра, занимаетъ видное мѣсто въ сѣверной миѳологіи. Смерть Бальдера предсказала одна древняя пророчица, которая для того проснулась въ своей могилѣ. Предсказаніе пророчицы произвело сильный переполохъ среди боговъ. Мать Бальдера Фригга рѣшилась на послѣднее средство, чтобы отвратить печальный конецъ. Она стала просить природу и все, что въ ней находится, пощадить ея сына. Огонь, вода, желѣзо, камни дали ей на это свое согласіе, но богиня забыла попросить о томъ же одно ничтожное растеніе — омелу. Этой оплошностью воспользовался богъ Локи, взялъ омелу и далъ ее въ руки слѣпому отъ рожденія брату Бальдера—Ходуру. Когда Асы стали испытывать, насколько успѣшна была просьба Фригги и стали наносить Бальдеру удары различными предметами, то и слѣпой братъ его участвовалъ въ этомъ испытаніи и въ свою очередь ударилъ его омелой.. Отъ этого рокового удара Бальдеръ потерялъ жизнь и сошелъ въ преисподнюю къ богинѣ Гель. Серьезная опасность грозила со смертью Бальдера всѣмъ богамъ; нужно было, во что бы то ни стало, освободить его изъ царства богини смерти. Богиня согласилась отпустить своего плѣнника подъ условіемъ, чтобы ей дали по слезинкѣ каждаго существа. Все въ природѣ заплакало, чтобы доставить ей этотъ выкупъ, только дочь одного великана не хотѣла пролить ни одной слезы, такъ что Бальдеръ долженъ былъ остаться въ царствѣ мертвыхъ. Миѳъ о Бальдерѣ, богѣ весенняго солнца, взятъ изъ жизни природы. Пока свѣтитъ солнце вся природа цвѣтетъ, но затѣмъ совершается поворотъ на зиму, дни становятся короче, и природа начинаетъ увядать. Съ другой стороны за этимъ миѳомъ нельзя не признать извѣстнаго нравственнаго значенія. Бальдеръ не только богъ весенняго солнца, но и богъ справедливости; и его сынъ, Форсети, считался богомъ правосудія. Потому и миѳъ получаетъ другой смыслъ: міръ можетъ прочно стоять

только до тѣхъ поръ, пока въ немъ живутъ правда и справедливость.

Локи. Совершенную противоположность съ Бальдеромъ составляетъ Локи, богъ огня. Огонь по своей природѣ является то благодѣтельной, то разрушительной стихіей: такъ и Локи раздваивается по своей природѣ. Онъ принадлежитъ къ семьѣ свѣтлыхъ боговъ, Асовъ, принимаетъ близкое участіе въ ихъ жизни, является часто ихъ помощникомъ и избавителемъ во многихъ затруднительныхъ положеніяхъ, но въ концѣ концовъ выступаетъ противъ нихъ и, какъ мы только что видѣли, является главнымъ виновникомъ смерти Бальдера и гибели всего міра. Вообще, въ сѣверной миѳологіи образъ Локи рисуется болѣе мрачными красками, и такія качества, какъ злобность, ложь и коварство, являются преобладающими въ его характерѣ.

Конецъ міра. Міръ долженъ погибнуть въ борьбѣ съ злыми силами - великанами. Первоначально въ основаніи представленія о подобной борьбѣ лежали явленія природы, особенно смѣна временъ года съ ихъ то благопріятными для развитія жизни, то неблагопріятными особенностями. Вотъ почему, по воззрѣнію сѣверныхъ германцевъ, прежде чѣмъ наступить послѣднему моменту борьбы, когда должны погибнуть боги и весь міръ, прекратится благодѣтельная смѣна временъ года и наступитъ продолжительная и суровая трехлѣтняя зима. Позднѣе это представленіе перенесено было отъ явленій природы въ область духовную и здѣсь явилось выраженіемъ силы нравственнаго порядка въ жизни боговъ. Эта нравственная окраска ярко выступаетъ въ сѣверной миѳологіи. Сначала боги жили безпечально въ своемъ свѣтломъ небесномъ отечествѣ, не обремененные никакими грѣхами. Они, говоритъ Эдда, весело играли въ кости на дворѣ и не знали еще жажды золота. Въ это безпечальное время имъ и не грозила опасность со стороны великановъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока боги не запятнали своей совѣсти всякаго рода грѣхами. Не даромъ злой богъ Локи, присутствуя на одномъ пиру боговъ, немилосердно бичуетъ ихъ проступки противъ нравственности. Запятнавъ чистую совѣсть, они стали слабѣе физически, и вотъ тогда выступаетъ наружу та опасность со стороны великановъ, которая въ концѣ концовъ приводитъ къ печальной развязкѣ. Впрочемъ, Одину и другимъ свѣтлымъ богамъ удалось отсрочить эту развязку и на время обезопасить себя отъ чудовищныхъ порожденій великановъ. Они низвергли богиню смерти Гель во мракъ преисподней, связали волка Фенриса, а огромную

змѣю Іормундгардръ бросили въ море. Наконецъ, имъ удалось и родоначальника этихъ злыхъ существъ, бога Локи, приковать къ скалѣ, гдѣ онъ испытывалъ мученія, подобныя мукамъ Прометея. Но не могли боги окончательно предовратить катастрофу. Послѣдняя наступитъ непремѣнно и время ея наступленія зависитъ отъ того, когда нравственность, на которой держится міръ, вполнѣ уступитъ мѣсто порочнымъ наклонностямъ.

"Сумерки боговъ".

Тогда наступитъ конецъ міра и противъ боговъ выступятъ великаны съ своими порожденіями. Локи соберетъ вокругъ себя всѣ силы мрака. Волкъ Фенрисъ разорветъ оковы, которыми его связали боги, змѣя, обвивающая землю, затопитъ ее, а съ юга прибудутъ разрушительныя силы огненнаго міра съ Сюртуромъ во главѣ. Тогда Хеймдаль, сторожъ на Бифростѣ (мостъ съ земли на небо— радуга) затрубитъ въ свой рогъ, и боги вооружатся на послѣдній бой. Всѣ они станутъ вокругъ Одина, а съ нимъ примутъ участіе въ этой борьбѣ и души павшихъ на войнѣ героевъ. На равнинѣ передъ воротами Валгаллы произойдетъ послѣдняя битва, гдѣ оба враждебныя войска будутъ уничтожены. Одина пожретъ волкъ Фенрисъ, Торъ погибнетъ отъ яда змѣи, а Фрейѣ должно пасть подъ ударами Сюртура. Тогда и земля погрузится въ океанъ, звѣзды потухнутъ на небѣ и все охватитъ огонь, который принесутъ съ собой сыны Муспельгейма. Наконецъ, когда потухнутъ солнце, луна и звѣзды, вселенная сгоритъ и превратится въ прахъ, тогда наступятъ тѣ сумерки, о которыхъ, какъ о конечномъ моментѣ катастрофы, говорятъ сѣверныя пѣсни.

Но на этомъ не останавливается народная фантазія: подъ вліяніемъ знакомства съ христіанствомъ она идетъ такъ далеко, какъ ни у одного языческаго народа. Въ сѣверныхъ сагахъ говорится о возрождени вселенной. Изъ того пепла, въ который обратился отягченный грѣхами міръ, произойдетъ другой міръ, новая земля, небо, и новое солнце будетъ свѣтить надъ вселенной. Народится и новое поколѣніе людей эѳирной природы, пищей для которыхъ будетъ служить утренняя роса. Мѣсто прежнихъ боговъ займутъ новые боги, сыновья погибшихъ. Боги обновленнаго міра будутъ жить въ новой Валгаллѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышался старый Асгардъ, посреди вѣчнаго міра и свободные отъ всякаго грѣха и страстей.

Культъ.

Въ религіи всякаго болѣе или менѣе развитого народа между почитаемыми имъ богами и людьми устанавливаются извѣстныя отношенія, слѣдствіемъ которыхъ является молитва, жертвоприно-

шенія, изображенія боговъ, наконецъ, постройка храмовъ, однимъ словомъ вырабатывается извѣстнаго рода культъ. У германцевъ, народа варварскаго, сравнительно съ цивилизованнымъ міромъ грековъ или римлянъ, культъ не могъ получить особенно широкаго развитія. Тацитъ отзывается о немъ такимъ образомъ: „они (германцы) считаютъ сообразнымъ съ величіемъ небесныхъ существъ не держать боговъ заключенными въ стѣнахъ и не изображать ихъ на подобіе человѣческаго лица; они посвящаютъ богамъ лѣса и рощи и именами боговъ называютъ то таинственное, что созерцаютъ только благоговѣніемъ". Выходитъ, что римскій историкъ не нашелъ у германцевъ храмовъ, посвященныхъ богамъ, не видалъ и изображеній боговъ.

Жертвоприношенія. Что касается до самой существенной стороны культа—жертвоприношеній, то они получили большое распространеніе. Нужно ли было отблагодарить боговъ за дарованныя блага или умилостивить ихъ гнѣвъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ лучшимъ средствомъ оказывалась жертва. Поэтому относительно жертвоприношеній у германцевъ существовали строгія и опредѣленныя правила; было установлено, изъ чего должна состоять жертва тому или другому богу. Геркулеса и Марса (Тора и Ціу) умилостивляли принесеніемъ въ жертву животныхъ, впрочемъ не всѣхъ безъ различія, а только спеціально для того назначенныхъ. Такъ, напр., бѣлая лошадь, посвященная Одину, исключалась изъ числа животныхъ, дозволенныхъ для жертвоприношенія. Верховному богу—Одину въ жертву приносились не только животныя, но и люди. По словамъ Тацита, германцы считали позволительнымъ въ опредѣленные дни приносить ему человѣческія жертвы. Въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ о семнонахъ, которые собирались въ освященный предками лѣсъ и тамъ принесеніемъ въ жертву человѣка на глазахъ всѣхъ справляли страшный обрядъ наидревнѣйшаго времени. Обычай этотъ долго держался въ Германіи, и еще въ VIII в. апостолъ германцевъ Бонифацій запрещалъ христіанамъ продавать на рынкѣ рабовъ, гдѣ ихъ покупали язычники для своихъ жертвоприношеній. Изъ приносимаго въ жертву животнаго сожигалось обыкновенно сердце, печень и легкое, а остальное мясо раздѣлялось между присутствующими. Жертвенную кровь собирали въ чашу и окропляли ею какъ народъ, такъ и изображенія боговъ.

Праздники. Жертвы приносились въ различное время, но наиболѣе торжественныя жертвоприношенія совершались въ праздничные дни. Та-

цитъ, напримѣръ, упоминаетъ о празднествахъ, которыя наступали въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ появлялась колесница богини Нерты. Затѣмъ, повсюду въ Германіи торжественно справлялся праздникъ въ честь умершихъ, и въ это время по нимъ совершались поминки. Это былъ у германцевъ, кажется, самый главный праздникъ, и въ дни его души умершихъ, по народнымъ повѣріямъ, свободно могли витать въ воздухѣ. Дни этого праздника были временемъ, когда Гольда или Перхта пускается въ странствованія, а Воданъ носится во главѣ своей неистовой дружины или предается охотѣ. Тогда наступало лучшее время для всѣхъ, кто желалъ узнать будущее посредствомъ гаданія. Въ честь душъ умершихъ совершали жертвоприношенія и къ нимъ обращались съ просьбой, особенно о хорошемъ урожаѣ. Праздникъ мертвыхъ въ разныхъ концахъ Германіи справлялся въ различное время. Между тѣмъ, какъ въ южной Германіи онъ приходился на время отъ Рождества до Новаго года, на сѣверѣ ея (у франковъ) и въ Скандинавіи празднество совершалось въ первыхъ числахъ января. Другіе же праздники связаны были съ жизнью природы, съ ея возрожденіемъ послѣ зимняго времени. Три праздника пріобрѣли особенно важное значеніе, изъ нихъ первый совпадалъ съ поворотомъ солнца на лѣто, другой съ временемъ весенняго равноденствія, а третій съ поворотомъ солнца на зиму. На скандинавскомъ сѣверѣ еще въ XI вѣкѣ справлялись всѣ эти праздники.

Жрецы. Въ связи съ жертвоприношеніями стоитъ вопросъ о жрецахъ, которые ихъ совершали. Какъ посредники между богами и людьми, жрецы играли довольно важную роль въ жизни германцевъ, хотя и не пользовались такимъ исключительнымъ положеніемъ, какое занимали друиды у кельтовъ. Обязанности жреца въ семьѣ лежали на отцѣ семейства, но во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся цѣлой общины, посредникомъ между нею и богами являлся особо избираемый жрецъ. Въ виду важности ихъ обязанностей жрецы выдѣлялись изъ народа и были подчинены особой дисциплинѣ; такъ, жрецы саксовъ не имѣли права носить оружіе или садиться на коня.

Гаданія. Значеніе жрецовъ основывалось между прочимъ и на томъ, что они, какъ посредники между богами и людьми, являлись и вопрошателями высшей божественной воли посредствомъ всякаго рода гаданій. Наиболѣе распространеннымъ способомъ узнавать будущее было гаданіе при помощи рунъ.

Руны, вырѣзанныя на отдѣльныхъ палочкахъ, бросались на полотно, и, смотря по тому, какъ онѣ ложились, составлялся от-

вѣтъ. Такъ какъ каждая буква носила названіе какого-либо лица, предмета или состоянія, (напр., Th=Thurs, великанъ; N=Noth, нужда, бѣда; O-Ohnmacht, безсилие), то изъ упавшихъ рунъ и можно было составить какой-нибудь отвѣтъ. Разсказывая объ этого рода гаданіяхъ, Тацитъ прибавляетъ, что если руны давали отрицательный отвѣтъ, то вопрошавшій покорялся и вторично въ этотъ день не испытывалъ воли божества. Но благопріятный отвѣтъ рунъ не давалъ еще гадавшему полнаго удовлетворенія. Нужно было повѣрить справедливость отвѣта, и въ этихъ случаяхъ прибѣгали къ помощи ауспицій.

Ауспиціи у германцевъ состояли не только въ гаданіи по полету и крику птицъ, но, какъ національная особенность, практиковалось также гаданіе по ржанію лошадей. Въ священныхъ рощахъ на общественный счетъ содержали бѣлыхъ лошадей, которыхъ вовсе не употребляли въ работу. Ихъ запрягали въ колесницу, и жрецъ, царь или просто глава общины наблюдалъ за ихъ ржаніемъ и фырканіемъ. „Нѣтъ предсказанія, добавляетъ Тацитъ, которому бы у нихъ довѣряли больше не только среди простого народа, но и между знатными и жрецами: послѣдніе считаютъ себя служителями боговъ, лошадей же этихъ посвященными въ ихъ тайны.“

Вотъ въ какомъ видѣ представляется религія древнихъ германцевъ. Она имѣетъ въ основаніи тѣ же религіозныя преданія арійской эпохи, изъ которыхъ развились религіи другихъ родственныхъ народовъ, какъ грековъ, такъ италиковъ и славянъ. Германцы признавали многихъ боговъ, которые первоначально олицетворяли различныя явленія природы, а съ теченіемъ времени стали отражать въ себѣ и различныя стороны духовной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ выработался извѣстный культъ. Если римскій историкъ не встрѣтилъ у германцевъ пышности богослуженія и роскошныхъ храмовъ, какими была богата Греція или Римъ, тѣмъ не менѣе существовали формы, въ которыхъ выражалась связь между германцами и ихъ богами. Вся жизнь германца шла по волѣ боговъ, которую приходилось выпытывать всякаго рода гаданіями. Эти религіозныя вѣрованія, развившіяся вѣками, были весьма дороги для германцевъ, такъ какъ имѣли тѣсную связь съ самою жизнію. Вотъ почему германскія племена, оставшіяся на своей родинѣ за Рейномъ и не подпавшія сильному вліянію римскихъ порядковъ, долго и упорно отстаивали свои вѣрованія, когда къ нимъ стала проникать христіанская проповѣдь.

В. Розановъ.

III.

Разселеніе славянъ.

Далеко за предѣлами русскаго государства, на западъ и на юго-востокъ, живетъ родственное намъ племя славянъ, говорящее сходными съ нашимъ языками и отчасти исповѣдующее одинаковую съ нами религію. Кромѣ поляковъ, подѣленныхъ въ прошломъ вѣкѣ между тремя сосѣдними государствами, къ славянскому племени принадлежитъ въ Германіи небольшой остатокъ лужицкихъ сербовъ или виндовъ, живущій по верховьямъ Шпрее, къ сѣверо-востоку отъ Дрездена. Въ Австро-Венгріи, гдѣ на каждую сотню жителей приходится 45 славянъ (т. е. почти половина),—славяне живутъ двумя сплошными массами, на сѣверѣ и на югѣ. На сѣверо-западѣ чехи вдаются обширнымъ полуостровомъ среди нѣмецкихъ поселеній, окруженные своимъ четыреугольникомъ горъ, какъ естественными укрѣпленіями. На юго-востокъ отъ нихъ, составляя какъ-бы перешеекъ этого полуострова, живутъ моравы, къ которымъ еще дальше на юго-востокѣ примыкаютъ словаки, занявшіе сѣверо-западный горный

Современное разселеніе славянъ.

Источники: *Procopius*, de bello gothico; *Paulus Diaconus*, Historia Langobardorum. **Пособія:** *Krek*, Einleitung in die slaviche Literaturgeschichte, Gratz 1887 (изд. 2); *М. С. Дриновъ*, Заселеніе Балканскаго полуострова славянами (Чтенія Общ. Ист. Др. 1872, IV), *М. И. Соколовъ*, Изъ древней исторіи болгаръ, СПБ. 1879; *К. Я. Гротъ*, Извѣстія Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ и ихъ разселеніи на Балканскомъ полуостровѣ (Записки Имп. Русск. Геогр. Общества по отд. этнографіи, т. IX, СПБ. 1882); *Hertzberg*, Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens,, Gotha, 1878 (т. I); *Pallmann* Geschichte der Völkerwanderung, II томъ; *Müllenhoff*, Deutsche Alterthumskunde, Berl. 1887, II томъ; (*Šafarik*, Starozitnosti, изд. Jireček, Прага, 1862; *Первольфъ*, Славяне и ихъ взаимныя отношенія, т. I, Варшава, 1886.

уголъ Венгріи. Прямо на востокъ эта славянская полоса продолжается поляками и малорусскимъ населеніемъ Галиціи. Южная полоса славянъ начинается на западѣ поселеніями хорутанъ или словенцевъ, разселившихся по верховьямъ Дравы и Савы (въ южной Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ). Непосредственно на юго-востокъ, въ низовьяхъ этихъ рѣкъ и по направленію къ далматскому берегу, примыкаютъ къ словенцамъ хорваты. На юго-востокъ отъ хорватовъ южная полоса славянскихъ поселеній продолжается, уже внѣ предѣловъ Австріи, поселеніями сербовъ (въ Сербіи и Черногоріи) и болгаръ.

Древнее разселеніе славянъ. Болѣе тысячи лѣтъ славяне занимаютъ всѣ эти мѣста. Но тысячу лѣтъ тому назадъ, кромѣ этихъ мѣстъ они занимали еще далеко на западъ обширныя земли, потомъ отнятыя у нихъ нѣмцами. Поселенія лужицкихъ сербовъ тянулись тогда непрерывной полосой отъ Одера за Эльбу, до ея притока Заалы; а на сѣверъ отъ этой полосы, вплоть до Балтійскаго моря жили совсѣмъ вымершія теперь племена балтійскихъ славянъ. На среднемъ Дунаѣ еще не было тогда венгровъ, а ихъ предшественники и единоплеменники, авары, не разобщали такъ далеко сѣверную и южную полосу словенскихъ поселеній, какъ это мы видимъ теперь. Наконецъ, на Балканскомъ полуостровѣ славяне жили въ самыхъ окрестностяхъ древней Спарты и византійскіе писатели меланхолически жаловались, что „ославянилась вся Эллада и сдѣлалась варварской".

Извѣстія о разселеніи. Западное и южное славянство достигло въ VIII и IX вѣкѣ наибольшихъ предѣловъ своего распространенія. Но какъ это произошло,—объ этомъ мы знаемъ, къ сожалѣнію, очень мало.

Франки, готы, лангобарды сохранили по крайней мѣрѣ, коекакія легенды о своихъ странствіяхъ въ Европѣ, и легенды эти рано были записаны ихъ національными историками. У славянъ же историки и лѣтописцы появились гораздо позже, и о древнѣйшихъ судьбахъ славянскаго племени намъ приходится узнавать у тѣхъ же франкскихъ (Фредегаръ) готскихъ (Іорданъ), и лангобардскихъ (Павелъ Діаконъ) повѣствователей. Конечно у всѣхъ нихъ не было особыхъ причинъ интересоваться славянской исторіей, кромѣ случаевъ, когда она соприкасалась съ ихъ собственной. Всего больше были заинтересованы въ передвиженіяхъ славянъ византійцы, такъ какъ передвиженія эти грозили отнять у нихъ весь Балканскій полуостровъ. Здѣсь, поэтому, мы имѣемъ и самыя лучшія извѣстія.

Помимо древнихъ лѣтописцевъ есть, правда, и другія средства

узнать древнѣйшую исторію славянъ: это, во-первыхъ, самый языкъ славянскій и во-вторыхъ, тѣ вещественные остатки древней жизни, которые археологи находятъ въ землѣ, въ могильныхъ насыпяхъ и т. п. Но оба эти средства пока испробованы очень мало и не дали рѣшительныхъ результатовъ.

Древнѣйшая родина славянъ.

Естественно, что за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній открывалась возможность для всевозможныхъ догадокъ. Чувство національной гордости побуждало многихъ ученыхъ вплоть до нашего времени предполагать и доказывать, что славяне всегда или, по крайней мѣрѣ, съ очень давняго времени жили на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ они становятся извѣстны въ VII—IX столѣтіи, или даже на еще болѣе обширныхъ пространствахъ. Однако, болѣе тщательныя изслѣдованія не подтверждаютъ этихъ выводовъ. Оказывается, напротивъ, гораздо болѣе вѣроятнымъ, что нигдѣ въ западной Европѣ славяне не были исконными или даже очень старинными жителями. Древнѣйшія извѣстія, какія мы имѣемъ о восточной половинѣ Европы, (т. е. около времени Рождества Христова) не знаютъ славянъ на западъ отъ Вислы и на югъ отъ Карпатъ. Правый берегъ Вислы и сѣверный склонъ Карпатъ и можно считать самымъ древнимъ намъ извѣстнымъ мѣстомъ жительства славянъ.

Еще въ половинѣ VI вѣка, когда славяне уже перешли эти границы, готскій историкъ Іорданъ сохраняетъ представленіе о томъ, что тутъ была древняя славянская родина. „На сѣверномъ склонѣ высокихъ горъ (Карпатъ), какъ бы вѣнкомъ окружающихъ Дакію, говоритъ онъ, начиная отъ верховья Вислы на неизмѣримомъ пространствѣ поселился многочисленный народъ винидовъ".

Названія славянъ.

Виниды или венеды — таково было древнѣйшее названіе славянъ, данное имъ сосѣдями и прилагавшееся не къ однимъ только славянамъ. Сами себя славяне называли именемъ „сербовъ". Названіе „славянъ" становится извѣстнымъ только со второй четверти VI вѣка и прилагается въ это время не ко всему славянскому племени, а только къ западной половинѣ его. Восточная же половина, граничившая съ западною на Днѣстрѣ, называлась именемъ „антовъ".

Начало нападеній на Византію.

Широкій поясъ германскихъ, кельтскихъ и иллиро-ѳракійскихъ народностей отдѣлялъ славянъ отъ предѣловъ римской имперіи. Съ конца II вѣка послѣ Р. Х. среди германскихъ народностей на римской границѣ начинается какое-то броженіе. Одинъ римскій писатель сохранилъ намъ извѣстіе, что броженіе это вызвано было напоромъ на германцевъ „сѣверныхъ варваровъ". Нѣтъ ничего не-

возможнаго, что этими „варварами“ были именно славяне; но во всякомъ случаѣ имъ долго не удавалось воспользоваться плодами поднятаго ими движенія и пробраться на югъ къ Дунаю. Съ начала третьяго вѣка начались набѣги на имперію готовъ, возобновившіеся съ новой силой полтора вѣка спустя и приведшіе къ переселенію вестготовъ на южный берегъ Дуная (375). За вестготами продвинулись къ Дунаю гунны, за гуннами остготы, причинившіе не мало хлопотъ восточной |имперіи вплоть до ухода Теодориха въ Италію, т.-е. до конца V вѣка. Каждый изъ этихъ народовъ приводилъ съ собой пеструю смѣсь племенъ, обитавшихъ въ разныя времена въ его сосѣдствѣ; каждый изъ нихъ, уходя, оставлялъ свой этнографическій осадокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Естественно, что у ученыхъ не разъ являлась мысль искать среди этой этнографической смѣси славянъ. Одни предполагали, что славяне могли появиться на Дунаѣ вмѣстѣ съ гуннами въ V-мъ вѣкѣ; другіе приводили ихъ на Дунай вмѣстѣ съ готами въ IV-мъ вѣкѣ, третьи даже думали, что славяне могли явиться здѣсь немедленно послѣ первыхъ германскихъ движеній (маркоманской войны) во II и III столѣтіи. Всѣ эти догадки возможны, но доказательства, приводившіяся въ пользу каждой изъ нихъ, сомнительны; удалось найти на Балканскомъ полуостровѣ нѣсколько названій мѣстностей (напр., Pelso, Tsierna), которыя можно объяснить изъ славянскаго, но можно и изъ другихъ языковъ; нѣсколько лицъ съ именами, похожими на славянскія, служили въ византійскомъ войскѣ, но неизвѣстно, гдѣ они родились; нѣсколько нарицательныхъ именъ славянскаго корня употреблялось на Балканскомъ полуостровѣ, но неизвѣстно, славянами ли и въ качествѣ ли туземцевъ; наконецъ, нѣсколько именъ народовъ ученые пытались съ натяжками уподобить славянскимъ (напр., Karpi=Хорваты).

Что отдѣльныя славянскія поселенія могли, дѣйствительно, въ это время появиться на южномъ берегу Дуная, это вполнѣ возможно; но навѣрное такія переселенія не измѣнили сколько-нибудь замѣтно племенного состава придунайскаго населенія. Массовыя переселенія славянъ за Дунай начинаются не раньше того времени, когда ушелъ съ Дуная Теодорихъ. Немедленно послѣ удаленія остготовъ составъ задунайскаго населенія сразу измѣняется. Вмѣсто старыхъ готовъ и гунновъ начинаютъ нападать на Балканскій полуостровъ новыя народности, которыхъ тогдашніе историки, по дурной литературной привычкѣ, называютъ классическими именами скиѳовъ и гетовъ. Кажется, подъ гетами разумѣлись славяне. Въ та-

комъ случаѣ, первые набѣги славянъ на Византію слѣдуетъ отнести къ концу V-го столѣтія.

Одновременно или, можетъ быть, даже нѣсколько раньше славянъ появляются на дунайской границѣ новые кочевники—*болгары*. Съ своей обычной тактикой Византія спѣшитъ воспользоваться новыми пришельцами противъ старыхъ непріятелей—остготовъ. Съ этой цѣлью приглашаетъ болгаръ на нижній Дунай императоръ Зенонъ (482 г.). Скоро, однако, изъ союзниковъ они сами становятся врагами и очень опасными. Въ 499—502 гг. они совершаютъ цѣлый рядъ набѣговъ на имперію и повторяютъ эти набѣги черезъ полтора десятилѣтія (514—517). Какъ трудно приходилось уже въ то время Византіи, видно изъ того, что въ ожиданіи набѣговъ императоръ Анастасій не нашелъ ничего лучшаго, какъ отгородить столицу и ея окрестности отъ остальнаго государства стѣною, тянувшейся отъ Чернаго моря до Мраморнаго (512).

Набѣги при Юстиніанѣ.

Этотъ „памятникъ безсилія и трусости“ мало однако же принесъ пользы византійскому правительству. „Съ тѣхъ поръ, какъ Юстиніанъ вступилъ на императорскій престолъ“ (527), говоритъ византійскій историкъ Прокопій, „почти не проходило года, чтобы болгары, славяне и анты не нападали на иллирійцевъ и на всю Ѳракію, совершая страшныя жестокости надъ мѣстнымъ населеніемъ“. Къ сожалѣнію, Прокопій провелъ все это время вдалекѣ отъ дунайской границы, слѣдуя за своимъ другомъ Велизаріемъ. Событія на Дунаѣ становились ему извѣстными изъ вторыхъ рукъ, и изъ того, что ему было извѣстно, онъ разсказываетъ въ своей исторіи готской войны лишь факты, имѣющіе отношеніе къ главному предмету его сочиненія. И всетаки его повѣствованія о славянскихъ набѣгахъ даютъ о нихъ достаточно яркое представленіе. Уже набѣги первыхъ лѣтъ (531) заставили Юстиніана принять экстренныя мѣры: для защиты Дуная былъ назначенъ особый полководецъ Хильбудъ, родомъ антъ. Черезъ три года онъ былъ, однако, убитъ славянами, во время неосторожнаго похода на лѣвый берегъ Дуная (534). „Съ этихъ поръ варвары могли свободно переходить черезъ рѣку и имъ стало легко нападать на римскую имперію“. Дѣйствительно, не говоря о мелкихъ нападеніяхъ, три раза варвары (болгары и славяне) огромными массами обрушивались на полуостровъ и проходили его изъ конца въ конецъ: въ 540, 551 и 559 годахъ. Тактика ихъ, повидимому, всегда была одна и та же. Переправившись черезъ Дунай, они раздѣляли обыкновенно свое войско на три части. Одна изъ нихъ устремлялась на Константинополь, другая

прямо на югъ, на Ѳессалонику (Солунь), а третья старалась пробраться западнѣе, въ предѣлы древней Греціи и держала путь къ Ѳермопиламъ. Для образца приведемъ разсказъ Прокопія о вторженіи 552 года.

Набѣгъ 552 г. „Въ то время какъ Германъ (византійскій полководецъ) собиралъ и устраивалъ войска въ иллирійскомъ городѣ Сардикѣ (теперешняя Софія), усердно приготовляясь къ походу (въ Италію противъ остготскаго короля Тотилы), появились на римской землѣ толпы славянъ въ небываломъ дотолѣ множествѣ. Переправившись черезъ Дунай, они направились въ страну около Ниша. Небольшую кучку ихъ, отдѣлившуюся отъ войска и заблудившуюся въ тамошнихъ мѣстахъ, римляне взяли въ плѣнъ и допытывались у нихъ, зачѣмъ славяне перешли Дунай. Плѣнные разсказали, что славяне хотятъ взять приступомъ Ѳессалонику и окружающіе города. Когда императоръ узналъ объ этомъ, онъ очень обезпокоился и немедленно написалъ къ Герману, чтобы тотъ отложилъ на время походъ въ Италію, а прикрывалъ бы Ѳессалонику и другіе города и со всѣмъ своимъ войскомъ остановилъ бы наступленіе славянъ. Германъ поэтому отсрочилъ свое выступленіе. Славяне же, получивши отъ плѣнныхъ точныя извѣстія, что Германъ находится въ Сардикѣ, испугались, такъ какъ Германъ у этого народа имѣлъ большую славу, и вотъ почему. Когда Юстинъ, дядя Германа, былъ императоромъ, анты, сосѣди славянъ, переправились черезъ Дунай и съ большимъ войскомъ вторглись въ римскую землю. Императоръ же незадолго передъ тѣмъ назначилъ Германа главнокомандующимъ надъ всей Ѳракіей. Германъ выступилъ противъ враговъ, одержалъ въ битвѣ рѣшительную побѣду и почти всѣхъ перебилъ. Это-то событіе дало Герману большую извѣстность у всѣхъ народовъ, въ особенности у этихъ варваровъ. Придя поэтому, какъ сказано, въ большой страхъ и разсчитывая, что когда императоръ отошлетъ Германа противъ Тотилы и готовъ, тотъ уведетъ съ собой и большую часть войска,—славяне тотчасъ остановили свое нападеніе на Ѳессалонику и удалились черезъ Иллирійскія горы въ Далматію. Германъ, успокоившись на ихъ счетъ, приказалъ войску собираться въ походъ, такъ какъ черезъ два дня онъ предполагалъ выступить въ Италію". Но онъ скоро заболѣлъ и умеръ; императоръ назначилъ на его мѣсто новыхъ полководцевъ—Іоанна и Юстиніана, зятя и сына покойнаго Германа. „Они выступили въ Далматію, чтобы перезимовать въ Салонѣ (теперь Спалато на адріатическомъ берегу), такъ какъ считали невозможнымъ въ тогдашнее время года идти въ Ита-

лію кругомъ морского залива, а для морской переправы у нихъ не было судовъ“. Весной оба полководца разсчитывали идти прямо на Равенну. „Тогда славяне, частью пришедшіе раньше, какъ разсказано выше, въ предѣлы имперіи, частью вновь переправившіеся черезъ Дунай и присоединившіеся къ прежнимъ, принялись свободно разгуливать по римской странѣ. Многіе предполагаютъ, что Тотила подкупилъ этихъ варваровъ большими суммами денегъ и направилъ ихъ противъ стоявшихъ наготовѣ римлянъ, чтобы отвлечь вниманіе императора и помѣшать ему сосредоточить силы противъ готовъ. Не берусь однако рѣшать, пришли ли славяне, чтобы сдѣлать удовольствіе Тотилѣ, или же они вторглись безъ всякаго приглашенія.

Варвары раздѣлились при этомъ на три отряда и нанесли непоправимый вредъ всей Европѣ *). Они не ограничились грабежомъ тамошнихъ имѣній, но остались тамъ на зимовку, какъ будто у себя дома, не опасаясь непріятельскаго нападенія. Позднѣе однако Юстиніанъ послалъ противъ нихъ очень сильное войско подъ начальствомъ одного изъ придворныхъ евнуховъ, Схоластика. Это войско настигло часть варваровъ въ окрестностяхъ Адріанополя, лежащаго въ центрѣ Ѳракіи, въ пяти дняхъ пути отъ Константинополя. Варвары не могли идти дальше, такъ какъ вели съ собой безчисленное множество людей, скота и прочей добычи. Они остановились на мѣстѣ и рѣшились дать врагамъ битву, ничѣмъ однако не обнаруживая этого своего рѣшенія. Славяне укрѣпились въ лагерѣ на горѣ; римляне стояли неподалеку оттуда въ равнинѣ. Прошло немало времени въ этомъ стояніи, пока, наконецъ, солдаты не вышли изъ терпѣнія. Они взбунтовались и стали упрекать предводителей въ томъ, что, имѣя возможность доставать себѣ самимъ всѣ припасы, они нисколько не заботятся о солдатахъ, которые терпятъ нужду въ самомъ необходимомъ. Они требовали битвы. Поневолѣ вожди вывели войска противъ непріятеля, но римляне были совершенно разбиты. Лучшіе солдаты въ огромномъ количествѣ остались на мѣстѣ, а предводители, едва не попавшіе въ плѣнъ къ непріятелю, спаслись бѣгствомъ, кто какъ могъ. Варвары отняли знамя и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на римлянъ, двинулись теперь

*) Рѣчь идетъ далѣе о дѣйствіяхъ только *одного* отряда. Европой называлась ближайшая къ Длинной стѣнѣ область, доходившая на западъ до устья Марицы и Бургаса. Дѣйствія двухъ другихъ отрядовъ разсказаны, какъ самостоятельный набѣгъ, въ другомъ мѣстѣ „Готской войны“.

впередъ. Они совершенно безнаказанно разграбили область, называемую Астика *); область эта съ давнихъ поръ не подвергалась опустошенію, и поэтому варвары нашли въ ней много добычи. Разоривъ, такимъ образомъ, обширный край, они дошли до Длинной стѣны, не болѣе дня пути отъ Константинополя. Немного времени спустя, римское войско послѣдовало за варварами, наткнулось на одинъ отрядъ ихъ и, завязавъ неожиданно съ ними перестрѣлку, заставило ихъ отступить, убило много непріятелей, освободило не мало плѣнныхъ и отняло у нихъ найденное тутъ знамя. Прочіе же варвары съ остальной добычей вернулись домой".

Приведенный разсказъ Прокопія въ высшей степени характеренъ для тогдашнихъ обстоятельствъ. Византійская армія стоитъ наготовѣ; но она предназначается не для защиты собственной страны, которой грозитъ опасность, а для того чтобы возстановить власть Юстиніана надъ Западной имперіей. На необходимость защищать Балканскій полуостровъ въ Византіи смотрятъ, какъ на досадное отвлеченіе, подстроенное Тотилой. Въ концѣ концовъ войско отправляется въ Италію, предоставляя славянамъ зимовать въ двухъ дняхъ пути отъ столицы, „какъ у себя дома". Вмѣсто главной арміи, мы видимъ „сильное войско" подъ командой придворнаго евнуха, робко слѣдующаго за арьергардомъ варваровъ, останавливающагося при ихъ остановкѣ, жалующагося, что варвары упорно не хотятъ сражаться, и вынужденнаго, наконецъ, солдатами дать битву въ невыгодной позиціи. „Сильное войско" терпитъ полное пораженіе отъ непріятеля, отягощеннаго добычей и неспособнаго сдвинуться съ мѣста; затѣмъ этотъ непріятель безцеремонно возвращается назадъ, начинаетъ опять безнаказанно грабить въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Константинополя, и спокойно возвращается къ себѣ за Дунай. Въ заключеніе всего римляне вступаютъ въ мелкую стычку съ запоздавшимъ отрядомъ и раздуваютъ ничтожную удачу въ значительный военный успѣхъ. Всѣ эти подробности показываютъ намъ, что византійское правительство не сознавало вполнѣ при Юстиніанѣ опасности славянскихъ набѣговъ, не приняло достаточныхъ мѣръ для ихъ отраженія и что „варвары" совершенно основательно относились съ пренебреженіемъ къ оборонительнымъ силамъ, какія выставляла противъ нихъ имперія. Эти явленія приготовляютъ насъ также къ тому, что мы увидимъ послѣ Юстиніана, во второй половинѣ шестого столѣтія.

---

*) Ближайшая къ Длинной стѣнѣ часть „Европы".

Набѣги славянъ при Тиверіи и прочное поселеніе ихъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Славяне къ этому времени стали дѣйствительно чувствовать себя въ имперіи, „какъ у себя дома"; они оставались въ ея предѣлахъ по нѣскольку лѣтъ подрядъ и, наконецъ, поселились въ ней окончательно. Вотъ для сравненія съ разсказомъ Прокопія другой разсказъ ефесскаго епископа Іоанна, написавшаго свою церковную исторію на сирійскомъ языкѣ въ 584 году. Въ 581 г., по его словамъ, „выступилъ проклятый народъ славянъ и производилъ набѣги на всю Элладу, мѣстности Өессалоники и всю Өракію (т. е. въ тѣхъ же трехъ направленіяхъ, какъ и въ первой половинѣ VI вѣка). Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошали, жгли, грабили страну и овладѣли ею. Они поселились въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала. Это продолжалось четыре года, т. е. пока императоръ (Тиверій) былъ занятъ войною съ персами и посылалъ всѣ свои войска на востокъ. Поэтому славяне имѣли полную власть въ странѣ, поселялись тамъ и распространялись, пока Богъ не низвергъ ихъ. Они опустошали, грабили и жгли до внѣшней стѣны. Всѣ императорскія стада, нѣсколько тысячъ головъ, и всѣ другія вещи грабили они. Даже до нынѣшняго [времени (584) живутъ, сидятъ и покоятся они въ римскихъ провинціяхъ, безъ заботы и страха, грабя, убивая и поджигая, такъ что они разбогатѣли и пріобрѣли много золота, серебра, стадъ, лошадей и оружія. Они выучились и войны вести лучше римлянъ, — эти глупые люди, которые не дерзали прежде выходить изъ лѣсовъ и показываться въ безлѣсныхъ мѣстахъ и не знали, что такое оружіе". Дѣйствительно, славяне усвоили себѣ всѣ тонкости римскаго военнаго дѣла, — единственное, чего имъ недоставало для прочной побѣды надъ Византіей. Вотъ, напримѣръ, какъ разсказываетъ византійскій лѣтописецъ объ осадѣ славянами Өессалоники въ 597 г. Подступая къ городу, славяне „приготовили осадныя машины и желѣзные тараны, огромныя орудія для метанія камней и такъ называемыя черепахи [1]), покрывъ ихъ сухими кожами; потомъ, перемѣнивъ намѣреніе, чтобы предохранить черепахи отъ горячей смолы, они употребили кожи недавно убитыхъ быковъ и верблюдовъ, прикрѣпя ихъ къ машинѣ гвоздями. Распорядясь такимъ образомъ вблизи стѣны, съ третьяго дня они стали бросать каменья; стрѣлки ихъ метали стрѣлы подобно темнымъ облакамъ, такъ что нельзя было стоявшимъ на стѣнѣ безъ опасности показаться за стѣну и посмо-

[1]) Testudo-подвижной навѣсъ, которымъ осаждающіе защищались отъ непріятельскихъ снарядовъ: его подкатывали къ стѣнѣ осажденнаго города.

трѣть, что тамъ дѣлается. Придвинувъ черепахи къ наружной стѣнѣ, сильно потрясали они основанія ея рожнами и крючьями. Орудія для метанія камней были четвероугольныя, на широкихъ основаніяхъ, оканчивавшіяся узкими верхами. На этихъ верхахъ были утверждены весьма толстые цилиндры, по концамъ вооруженные желѣзомъ, и деревья, утвержденныя гвоздями, вмѣщавшія въ себѣ метательныя машины, на подобіе брусьевъ дома; машины, поднимаемыя снизу, выбрасывали непрерывный дождь огромныхъ камней. Чтобы находившіеся на нихъ воины не потерпѣли вреда отъ бросавшихся со стѣны стрѣлъ, три стороны этихъ четвероугольныхъ машинъ были обшиты досками".

Ефесскій епископъ, кажется, ошибался, когда думалъ, что въ концѣ концовъ „Богъ низвергъ" варваровъ, грабившихъ въ 80-хъ годахъ шестого вѣка имперію. Славяне остались съ этихъ поръ на полуостровѣ навсегда. Правда, византійскимъ полководцамъ удалось очистить отъ нихъ Астику, но за то, по другимъ извѣстіямъ, они пробрались въ это время вплоть до самаго юга балканскаго полуострова *). Очевидно, нечего было надѣяться освободить отъ нихъ полуостровъ собственными силами. Византійская политика пробуетъ теперь въ ихъ собственной странѣ отыскать имъ враговъ. Она пользуется для этого вновь появившейся тюркской ордой аваровъ. Еще въ 558 году авары посылали къ Юстиніану посольство, предлагая свои услуги для борьбы съ черноморскими племенами (болгарами и антами), безпокоившими Византію. Теперь, „когда славяне грабили Элладу, и со всѣхъ сторонъ грозили ей всевозможныя опасности", а „силы не было никакой, которую можно было бы противопоставить хотя бы части варваровъ",—византійское правительство вспомнило объ аварахъ; императоръ Тиверій въ свою очередь послалъ къ нимъ посольство съ просьбой напасть на славянъ въ ихъ собственныхъ жилищахъ. Такимъ образомъ, разсчитывали въ Византіи, „разорители римскихъ областей, бывъ отвлечены собственными бѣдствіями, вступятся за свою родину и, желая помочь ей, перестанутъ грабить римскую имперію (рѣчь идетъ о тѣхъ самыхъ грабежахъ 580-хъ годовъ, которые описаны Іоанномъ ефесскимъ)". Дѣйствительно, хаганъ аварскій, Баянъ, пробравшись по южному берегу Дуная до низовьевъ, перешелъ на лѣвую сторону, опусто-

*) Впрочемъ, не всѣ ученые признаютъ конецъ шестаго вѣка временемъ окончательнаго утвержденія славянъ на югъ отъ Дуная. По мнѣнію нѣкоторыхъ, только съ начала VII вѣка (т. е. со времени Гераклія) славяне начинаютъ селиться массами на Балканскомъ полуостровѣ.

шилъ нѣсколько славянскихъ поселеній, награбилъ добычу и освободилъ не мало римскихъ плѣнниковъ. Но этимъ дѣло и кончилось. Постоянной и прочной помощь аваръ не могла быть уже потому, что при случаѣ эти кочевники не прочь были пограбить и самую византійскую имперію.

Борьба Маврикія съ славянами.

Преемникъ Тиверія, Маврикій, дѣлаетъ послѣднюю отчаянную попытку;—онъ пытается осуществить своими средствами ту же самую идею: отвлечь славянъ съ Балканскаго полуострова путемъ нападеній на ихъ собственныя земли за Дунаемъ. Идея была для того времени, несомнѣнно хорошая. Только что усѣвшіеся на Балканскомъ полуостровѣ славяне, вѣроятно, не успѣли еще порвать связей съ своей задунайской родиной. Если бы они поспѣшили къ ней на помощь, Византія добилась бы своей цѣли,—отдѣлалась бы отъ непрошенныхъ гостей. Если бы, напротивъ, они остались на новыхъ мѣстахъ, Византія могла бы, возстановивъ власть надъ Дунаемъ, прекратить притокъ свѣжихъ славянскихъ силъ съ лѣваго берега; отдѣливши такимъ образомъ балканскихъ славянъ отъ задунайскихъ, византійское правительство могло надѣяться умиротворить ихъ силой оружія или силой культуры.

Но собственныхъ средствъ Византіи оказалось недостаточно для выполненія этого замысла. По плану Маврикія нужно было не только сдѣлать нѣсколько отдѣльныхъ набѣговъ на лѣвый берегъ, но укрѣпиться тамъ и остаться на зимовку, какъ оставались славяне въ предѣлахъ имперіи. Только прочное занятіе лѣваго берега могло произвести впечатлѣніе на варваровъ; притомъ, и по военнымъ соображеніямъ Маврикій предпочиталъ зимній походъ, такъ какъ зимой легче было переправиться черезъ Дунай и преслѣдовать славянъ въ лѣсахъ, ихъ обычныхъ убѣжищахъ. Но всѣ эти разсчеты сокрушились передъ сопротивленіемъ—не непріятелей, а собственнаго войска. Избалованные византійскіе солдаты возстали противъ трудностей зимняго похода и зимовки. Одинъ разъ (593—594) они заставили своего полководца уйти съ лѣваго берега послѣ ряда блестящихъ успѣховъ. Въ другой разъ дѣло дошло до открытаго бунта; подъ предводительствомъ центуріона Фоки солдаты пошли на Константинополь, свергли и казнили Маврикія, а Фоку сдѣлали императоромъ (602). Такимъ образомъ, и послѣдняя попытка борьбы съ славянами не удалась: въ седьмомъ столѣтіи Дунай не представлялъ болѣе преграды и скоро пересталъ быть этнографической границей между славянами и „ромеями“.—Къ VIII-му вѣку славянская стихія сдѣлалась господствующей въ этнографіи Балканскаго полу-

острова. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій славяне сохраняли здѣсь это преобладаніе.

Разселеніе славянъ въ теперешней Австріи.

Переходимъ теперь къ разселенію славянъ въ другихъ направленіяхъ. Кольцо карпатскихъ горъ, окружающее теперешнюю Венгрію, въ двухъ мѣстахъ прорывается теченіемъ Дуная. Въ первый разъ Дунай пробиваетъ себѣ дорогу черезъ „Малые Карпаты" нѣсколько ниже Вѣны у Пресбурга. Во второй разъ Дунай встрѣчается съ крутыми утесами Карпатъ въ сѣверо-восточномъ углу Сербіи, нѣсколько разъ мѣняетъ направленіе среди горныхъ массъ и, наконецъ, находитъ себѣ путь на обширную валашскую низменность сквозь непроходимыя „Желѣзныя ворота". Легчайшій путь съ сѣвернаго склона Карпатъ на Дунай лежалъ внизъ по теченію Днѣстра, Прута, и Серета; онъ приводилъ къ низовьямъ Дуная, къ Добруджѣ и къ лѣсистой и болотистой низменности Валахіи. Этимъ путемъ шли на Дунай тѣ массы славянъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло Византіи; здѣсь, въ низовьяхъ Дуная, они встрѣчались съ другимъ этнографическимъ потокомъ тюрковъ - кочевниковъ, приливавшихъ сюда изъ южнорусскихъ степей все новыми и новыми волнами. Но былъ и другой путь съ Карпатъ на западъ—въ Моравію и Чехію; на юго-западъ — къ Дунаю и за Дунай въ Штирію, Каринтію и Крайну, отсюда на адріатическое побережье и въ сѣверо-западный уголъ Балканскаго полуострова. Нѣкоторыя славянскія племена сохранили преданія о томъ, что они прошли именно этотъ путь. Чехи, хорваты и сербы помнили въ старину, что родиной ихъ былъ сѣверный склонъ Карпатъ и верховья Вислы; послѣднія два племени помнили также, что они прошли оттуда землями, сосѣдними съ франками и баварами. Но какъ и когда именно совершилось разселеніе этой части славянъ, объ этомъ мы не имѣемъ точныхъ извѣстій. Вѣроятно, не встрѣчая здѣсь такого организованнаго сопротивленія, какъ на нижнемъ Дунаѣ отъ Византіи, славяне подвигались впередъ не густыми массами, а отдѣльными поселеніями, такъ что и на самомъ дѣлѣ трудно было бы обозначить моментъ, когда край сдѣлался славянскимъ. Очень далеко въ глубь вѣковъ мы, во всякомъ случаѣ, не можемъ отодвигать этого момента. Вѣроятно, Чехія сдѣлалась славянской въ теченіи V-го вѣка. Для Дуная, а также для Штиріи, Каринтіи и Крайны, это время наступило значительно позднѣе. Лангобарды, ушедшіе съ средняго Дуная въ 568 году, ничего не помнили о томъ, чтобъ слѣдомъ за ними шли славяне. Но лѣтъ черезъ тридцать мы встрѣчаемъ уже первыя упоминанія о хорутанскихъ славянахъ. Наконецъ, хорваты и сербы, какъ сей-

часъ увидимъ, дошли до своихъ мѣстъ на Балканскомъ полуостровѣ только въ VII-мъ столѣтіи.

Авары въ Панноніи.

При безурядицѣ, господствовавшей въ мѣстностяхъ по верховьямъ Дуная, нужны были какія-нибудь необыкновенныя событія, чтобы обратить вниманіе сосѣдей на перемѣну, происшедшую въ составѣ населенія теперешнихъ австрійскихъ земель. Такимъ событіемъ, выдвинувшимъ здѣшнихъ славянъ на историческую сцену, было поселеніе въ Панноніи тюркскаго племени аваровъ. Мы видѣли, какъ въ 558 году этотъ никому тогда невѣдомый народъ посылалъ посольство къ Юстиніану. Тогда авары кочевали еще въ южно-русскихъ степяхъ. Черезъ пять лѣтъ они были уже на Эльбѣ и воевали съ австразійскимъ королемъ Сигебертомъ (563); еще черезъ пять лѣтъ лангобардскій король Альбоинъ уступилъ Паннонію по договору аварскому хану Баяну. Съ этихъ поръ подъ властью Баяна образуется на Дунаѣ сильная держава, постоянно безпокоящая своими нападеніями и франковъ, и лангобардовъ, и византійскую имперію. Въ этихъ-то набѣгахъ постоянными союзниками и подданными аваровъ оказываются славяне. Лангобардскій историкъ, Павелъ Дьяконъ, записываетъ впервые подъ 595 годомъ, что только что назначенный франкскимъ королемъ Хильдебертомъ баварскій герцогъ Тассилонъ „отправился съ войскомъ въ страну славянъ и вернулся домой съ побѣдой и добычей". Немедленно за этимъ походомъ послѣдовало и возмездіе. „Баварцы, напавшіе на славянъ, подверглись нападенію хагана и были всѣ перебиты; осталось только двѣ тысячи человѣкъ". Очевидно хаганъ мстилъ за славянъ, какъ за своихъ подданныхъ. Какъ видно изъ другихъ извѣстій, дѣло идетъ о хорутанскихъ славянахъ, временами платившихъ дань и баварскимъ герцогамъ. Но, опираясь на аваровъ, эти славяне освободились и скоро стали далеко извѣстны своими набѣгами. Въ 600-мъ году папа Григорій писалъ уже духовенству византійскаго города Салоны: „относительно славянскаго народа я и печалюсь и тревожусь: печалюсь, сострадая вашимъ бѣдствіямъ, а тревожусь, такъ какъ черезъ Истрію они начали пробираться уже и въ Италію". Дѣйствительно, въ первые же годы седьмаго столѣтія славяне вмѣстѣ съ аварами и лангобардами „вторглись въ Истрію и опустошили все грабежомъ и пламенемъ". Скоро послѣ того лангобардскій король Агилульфъ, „съ помощью славянъ, посланныхъ ему хаганомъ, королемъ аварскимъ, осадилъ Кремону, завоевалъ городъ и разрушилъ его до основанія". И ближайшія части Балканскаго полуострова начинаютъ подвергаться аварскимъ

и славянскимъ опустошеніямъ. Римское населеніе Далмаціи стало перебираться отъ этихъ набѣговъ на сосѣднія съ далматскимъ берегомъ острова. Не уцѣлѣлъ и главный городъ далматскаго побережья, Салона, когда-то любимое мѣстопребываніе Діоклетіана; жители его спаслись на острова; тѣ немногіе, которые вернулись на пепелище, всѣ помѣстились въ развалинахъ огромнаго дворца Діоклетіана (отсюда и новое названіе города—Palatium, Spalato, Сплѣтъ). Византійское правительство, безсильное и противъ этихъ опустошеній, прибѣгло, наконецъ къ испытанному средству: противопоставить варварамъ варваровъ же—аварамъ славянъ.

Заселеніе Далматіи.

Гераклій (610—641) обратился для этого къ двумъ славянскимъ племенамъ, появившимся въ это время на правомъ берегу Дуная: хорватамъ и сербамъ. Оба эти племени называвшія своей родиной Бѣлую Хорватію и Бѣлую Сербію—у верховьевъ Вислы, пришли въ Далматію и вступили въ борьбу съ аварами, конечно, не для удовольствія византійскаго императора. Но, какъ враги аваровъ, они были желанными гостями и для императора, и для папы. Гераклій поспѣшилъ формально уступить имъ западную Далматію (откуда вскорѣ они заняли также мѣстность между Дравой и Савой) съ тѣмъ, чтобы они признали верховенство Византіи *). Папа, еще въ правленіе Гераклія, прислалъ священниковъ, чтобы крестить хорватовъ; при этомъ, по преданію, записанному два вѣка спустя византійскимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, „хорваты заключили и собственноручно подписали обязательство и дали нерушимую клятву св. апостолу Петру не вторгаться въ чужія земли, а жить мирно со всѣми; а римскій папа обѣщалъ имъ, что если другіе народы пойдутъ войною на ихъ землю, то за нихъ будетъ воевать и заступится самъ Богъ, даруя имъ побѣду черезъ св. Петра, ученика Христова“. Какъ видимъ, римская политика своимъ духовнымъ вліяніемъ старалась достигнуть тѣхъ же результатовъ, какихъ достигала византійская политика юридическими договорами.

Заселеніе Сербіи.

Скоро послѣ хорватовъ и ихъ сородичи сербы, блуждавшіе нѣкоторое время по Балканскому полуострову, получили сосѣднія съ ними земли на югъ, по далматинскому поморью, отъ р. Цетины

*) Нѣкоторые полагаютъ однако, что формальная уступка Далматіи хорватамъ и сербамъ, такъ же какъ и признаніе ими верховной власти Византіи произошли позже, въ послѣдней четверти VII вѣка; при Геракліи же они вмѣстѣ съ аварами продолжали грабить старое римское населеніе.

до Антивара, и на востокъ отъ хорватскихъ поселеній *). Пограничная между обоими область Боснія, между рѣками Вербасомъ и Босной, надолго сдѣлалась предметомъ взаимныхъ споровъ.

Болгары за Дунаемъ.

Такимъ образомъ, къ серединѣ VII вѣка составъ славянскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ окончательно опредѣлился. Для полноты очерка намъ остается только упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, стоящемъ въ связи съ той же противоаварской политикой Гераклія. Противопоставляя аварамъ хорватовъ и сербовъ, Гераклій въ то же время заключилъ союзъ съ соплеменниками аваровъ, болгарами, и помогъ князю ихъ, Куврату, освободиться отъ аварскаго ига **). При одномъ изъ слабыхъ преемниковъ Гераклія, Константинѣ Погонатѣ, сынъ этого Куврата, Аспарухъ, заставилъ уступить себѣ (въ 679 г.) всю страну между Дунаемъ и Балканами, въ которой уже около столѣтія жили славяне. Покоривъ жившія здѣсь славянскія племена, болгарскіе завоеватели скоро слились съ ними и передали имъ свое имя.

Само и Западные славяне.

На сѣверной границѣ аварской державы еще одно событіе, тоже очень важное для славянской исторіи, связано съ паденіемъ въ VII вѣкѣ аварскаго владычества. Событіе это осталось вовсе неизвѣстнымъ для византійскихъ лѣтописцевъ; о немъ сообщаетъ намъ только франкскій лѣтописецъ Фредегаръ. А между тѣмъ, смыслъ этого событія совершенно такой же, какъ и описанныхъ происшествій на Балканскомъ полуостровѣ. Оказывается, что въ одно время съ хорватами, сербами и болгарами, но уже безъ помощи Византіи, возстали противъ аварскаго ига славяне всей сѣверозападной окраины. По разсказу Фредегара, въ 623 году пришелъ къ этимъ славянамъ нѣкій Само, по его словамъ, франкъ, по другому извѣстію—славянинъ. Онъ засталъ славянъ уже въ самомъ разгарѣ войны съ аварами, сталъ во главѣ ихъ и одолѣлъ аваровъ; изъ благодарности славяне выбрали его своимъ королемъ (627), и онъ правилъ ими цѣлые 35 лѣтъ (до 662), воюя съ аварами и франками и подчинивъ себѣ сосѣднія славянскія племена. Изъ другихъ сообщеній Фредегара, мы узнаемъ, что на сѣверѣ полабскіе сербы (жившіе между Заалой и Эльбой) признавали власть Само; на югѣ хорутанскіе славяне были его союзниками въ войнахъ съ

*) Тогдашнія сербскія владѣнія по Савѣ не доходили до ея устья, т. е. Бѣлграда, а на востокъ не шли, вѣроятно, дальше р. Колубары, и стало быть занимали только небольшой западный уголъ теперешней Сербіи.

**) Договоры съ хорватами, сербами и болгарами относятъ обыкновенно къ концу царствованія Гераклія, къ 630—641 г.

франками; на западѣ государство его граничило съ владѣніями франковъ, съ Тюрингіей и Баваріей, а на востокѣ оно доходило до Татръ и области Одера. Нельзя, правда, считать державу Само правильно организованной. Мы навѣрное знаемъ, что нѣкоторыя изъ племенъ, признававшихъ его власть, удерживали собственныхъ князей. Вѣроятно поэтому по смерти Само его монархія распалась такъ быстро и безслѣдно, что нѣкоторые историки сомнѣвались даже въ самомъ его существованіи и относили всѣ разсказы о немъ къ области легендъ.

Разселеніе славянъ отъ Вислы до Эльбы.

Дѣйствительно, разсказы о Само стоятъ совершенно одиноко въ древнѣйшей исторіи западнаго славянства. Всѣ остальныя событія этой исторіи покрыты глубокимъ мракомъ и исторія разселенія славянства на западъ, отъ Вислы до Эльбы, остается намъ совершенно неизвѣстной. Мы можемъ только сказать, что славяне заняли эти мѣста послѣ того, какъ ихъ оставили германцы, и, вѣроятно, вскорѣ послѣ ухода послѣднихъ, такъ какъ они сохранили и передѣлали по своему старыя германскія названія мѣстностей. Напримѣръ, въ области Одера жило въ древности германское племя Силинговъ. Это племя ушло оттуда вмѣстѣ съ Вандалами и Свевами въ Испанію, въ 406 году по Р. Х. Навѣрное, славяне пришли на покинутыя Силингами мѣста раньше, чѣмъ память о послѣднихъ успѣла забыться, такъ какъ ихъ страну они назвали, по ихъ имени, Силезіей.

Такимъ образомъ, можно думать, что пространство между Вислой и Одеромъ занято было не позднѣе пятаго столѣтія. Далѣе на западъ, къ Эльбѣ, мѣста будущихъ поселеній балтійскихъ славянъ представляли еще въ VI вѣкѣ обширную безлюдную пустыню. Въ VII вѣкѣ мы застаемъ, какъ можно предполагать изъ разсказовъ о монархіи Само,—отъ Эльбы до Одера поселенія западныхъ сербовъ; но сколько нибудь достовѣрныхъ извѣстій о славянскихъ поселеніяхъ на сѣверѣ отъ этой полосы до моря — мы не имѣемъ до самаго VIII-го столѣтія.

П. Милюковъ.

IV.

Древнѣйшій бытъ славянъ.

Древніе писатели о политическомъ бытѣ славянъ.

Древніе писатели сообщили намъ немного свѣдѣній объ образѣ жизни славянъ въ первое время послѣ ихъ появленія въ исторіи. Славяне явились, какъ враги германцевъ и Византіи: естественно, что германскіе и византійскіе писатели обратили вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣ стороны славянской жизни, знаніе которыхъ нужно было для успѣшной борьбы съ славянами. Поэтому особенно интересуютъ этихъ писателей военные порядки у славянъ. Какъ славяне прятались въ своихъ лѣсахъ, какъ они умѣли скрываться въ рѣкахъ, съ какимъ вооруженіемъ и въ какомъ порядкѣ выходили на непріятеля, обо всемъ этомъ сосѣди славянъ собрали довольно хорошія свѣдѣнія. Почти всѣ они замѣтили также, что у славянъ не было недостатка въ храбрости и въ иныхъ военныхъ

Пособія (кромѣ указанныхъ въ предыдущей статьѣ): *Friedrich Krauss* Sitte und Brauch der Südsalaven, Wien 1885. *Ѳ. Демеличъ* Обычное право южныхъ славянъ, по изслѣдованіямъ *д-ра Богишича,* переводъ съ французскаго В. Гецевича. М. 1878. Hermenegild Jireček, Slovanské prȁvo v Čechȁch a na Moravč. 2 т. v Praze, 1863—4. *М. Винаверъ.* Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII вѣка, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. Варшава 1888. *И. М. Собѣстіанскій.* Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892. *В. Макушевъ* Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ. Спб. 1861. *А. А. Котляревскій*, Книга о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ) въ сочиненіяхъ т. III и *его же*, Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ. Прага. 1874 г. *Гильфердингъ*, Исторія балтійскихъ славянъ въ Сочиненіяхъ, т. IV. *Jos. Lad. Pič*. Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage, Lpz. 1886.

качествахъ, но что было въ ихъ жизни одно обстоятельство, которое мѣшало имъ сдѣлаться такими сильными, какими они могли бы быть. Недостатокъ этотъ состоялъ, какъ замѣтили сосѣди, въ томъ, что у славянъ не было сильной государственной власти. „Не будь они во враждѣ другъ съ другомъ, вслѣдствіе раздѣленія своего на многочисленные роды и племена, ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы помѣряться съ ними силами“,—такъ замѣчаетъ одинъ арабскій писатель. А византійскій императоръ Маврикій, самъ воевавшій съ славянами, извлекаетъ изъ этого наблюденія полезный совѣтъ для своихъ преемниковъ. „Такъ какъ“, говоритъ онъ, „у славянъ множество царьковъ, и они между собою несогласны, то не лишнее нѣкоторыхъ изъ нихъ, и особенно пограничныхъ, привлечь на свою сторону убѣжденіями, или подарками, а затѣмъ уже нападать на остальныхъ. Иначе, вступивъ въ борьбу сразу со всѣми, можно вызвать среди нихъ объединеніе или монархію“.

Что у славянъ не было „монархіи“, это хорошо чувствовали ихъ непріятели. Но какое же у нихъ было общественное устройство? Объ этомъ сосѣди славянъ имѣли только приблизительное представленіе. „Народъ этотъ, говоритъ Прокопій, не управляется однимъ человѣкомъ, но изстари живетъ въ демократіи. Поэтому обо всемъ, что для нихъ полезно или вредно, они разсуждаютъ сообща“. Изъ этого наблюденія византійскіе политики выводили только то, что на славянъ нельзя полагаться въ между-народныхъ сношеніяхъ. „Они совершенно ненадежны и несговорчивы въ переговорахъ, такъ какъ при столкновеніи противоположныхъ мнѣній они или ни на что не соглашаются, или же согласіе однихъ тотчасъ нарушается несогласіемъ другихъ, всѣ другъ другу противорѣчатъ, и никто не хочетъ уступить другому“. Естественно, что общественный строй славянъ представлялся византійскому правительству полнымъ „безпорядкомъ и безначаліемъ“ *(ἄτακτος και ἄναρχος)*.

Греку временъ Юстиніана, дѣйствительно, трудно было понять основы славянской общественной жизни. За то ихъ отлично бы понялъ грекъ древнѣйшей, до-солоновской эпохи. Онъ нашелъ бы въ славянскомъ быту знакомые ему роды, фратріи и филы, встрѣтилъ бы множество сходныхъ чертъ въ частномъ и общественномъ быту, въ нравахъ и учрежденіяхъ. Дѣло въ томъ, что славянство проходило ту же самую ступень до-государственной, племенной жизни, которую прошли и греки и римляне въ самомъ началѣ своей исторіи, и объ которой они, конечно, во времена Юстиніана давнымъ давно забыли.

Остатки древняго строя въ позднѣйшемъ быту.

У славянъ, однако же, этотъ періодъ исторической жизни затянулся надолго, и, благодаря этому, мы узнаемъ о немъ не только изъ разсказовъ иностранныхъ писателей. Когда черезъ много столѣтій послѣ своего разселенія отдѣльныя славянскія племена начали записывать свои старые обычаи и законы (XIII вѣкъ), древнѣйшій ихъ быть во многомъ еще сохранился, и въ древнѣйшіе сборники сляванскихъ законовъ вошло поэтому много постановленій, уцѣлѣвшихъ отъ глубокой старины. Конечно, вмѣстѣ съ обломками старины въ эти сборники вошло также и много новаго; старые обычаи къ тому времени уже начали измѣняться подъ вліяніемъ новой исторической обстановки. Всего скорѣе разрушились старые общественные порядки у западныхъ славянъ, у поляковъ и чеховъ, такъ какъ имъ рано пришлось начать самостоятельную жизнь, завести собственное государственное устройство. Южные славяне, попавшіе подъ опеку Византіи, могли дольше остаться при своемъ старомъ племенномъ бытѣ; поэтому здѣсь дольше сохранились и черты древняго общественнаго строя. Въ одномъ же, самомъ дальнемъ уголкѣ Балканскаго полуострова, въ Герцеговинѣ и Черногоріи, старые порядки уцѣлѣли вплоть до нашего времени почти безъ всякаго измѣненія; сюда не проникало, какъ слѣдуетъ, ни вліяніе Византіи, ни власть смѣнившей ее Турціи. Оттого по образу жизни теперешнихъ герцеговинцевъ и черногорцевъ мы можемъ составить себѣ самое наглядное представленіе о томъ, какъ жили больше тысячи лѣтъ тому назадъ наши славянскіе предки.

Общественныя дѣленія.

Какъ мы говорили, государства у древнихъ славянъ не было. Самымъ крупнымъ общественнымъ соединеніемъ было у нихъ *племя*. Каждое племя занимало особый округъ, который у всѣхъ южныхъ и западныхъ славянъ носилъ названіе жупы *). Во главѣ жупы стоялъ *жупанъ*. Императоръ Константинъ Багрянородный сообщаетъ намъ объ этомъ, какъ объ общемъ славянскомъ порядкѣ. „Начальствующихъ, по его словамъ, эти народы (хорваты) не имѣютъ, кромѣ жупановъ — *старѣйшинъ (Ζουπάνους γέροντας)*, подобно тому, какъ это въ обычаѣ и у остальныхъ славянскихъ народовъ“.

Жупа—семья и жупанъ—старѣйшина, оба эти названія прямо

*) У южныхъ славянъ слово это до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ семьи, домашнихъ. Старшій въ домѣ говоритъ, если у него большая семья: „у мене е (есть) много жупе“, и гость, увидѣвъ за столомъ или у очага много домашнихъ, привѣтствуетъ хозяина словами: „о домачине, много ли имашь жупе“.

указываютъ намъ на то, что древнѣйшее славянское общество строилось на началѣ родства. Но наблюденію древнихъ писателей доступны были только верхушки этого родового устройства; они знали лишь самую обширную родовую группу—племя. Что дѣлалось внутри жупы, какъ отражалась кровная связь на всемъ строѣ славянской жизни, объ этомъ мы напрасно стали бы искать у нихъ какихъ-либо свѣдѣній. Всего лучше поэтому будетъ оставить пока въ сторонѣ тѣ скудные отголоски, какіе дошли до насъ отъ глубокой древности, и познакомиться съ родовымъ строемъ древняго славянства по тому живому образчику этого строя, который дошелъ до нашего времени среди славянъ Герцеговины и Черногоріи. Въ этомъ углу Балканскаго полуострова до сихъ поръ сохранились всѣ древнія родовыя дѣленія славянства. *Племя* по прежнему состоитъ здѣсь изъ нѣсколькихъ *братствъ*; братство состоитъ изъ нѣсколькихъ *домашнихъ общинъ*. Домашняя община составляетъ, такимъ образомъ, основную ячейку родового устройства. Среди ученыхъ эта община извѣстна болѣе подъ названіемъ „задруги". Но сами мѣстные славяне чаще всего называютъ домашнюю общину иначе: или „складные (т. е. сложившіеся, по нашему древнему выраженію—„складники"), неотдѣленные братья" или просто „велика куча" (т. е. большой домъ, большая семья).

Домашняя община.

Какъ видно уже изъ этихъ названій, домашняя община есть размножившаяся семья, оставшаяся нераздѣльной послѣ смерти родоначальника. Составляющіе общину кровные родственники *) живутъ въ одномъ дворѣ, владѣютъ общей собственностью, пользуются равными правами другъ съ другомъ и подчиняются распоряженіямъ представителя семьи, выбираемаго всѣми ея членами съ общаго согласія. Число членовъ „великой кучи" колеблется обыкновенно между 15—25 человѣками, рѣдко достигая болѣе высокихъ цифръ (до 50—70). Со стороны можно войти въ семью, или сдѣлавшись зятемъ, или будучи усыновленнымъ хозяиномъ семьи, или, наконецъ, получивъ разрѣшеніе „приселиться" къ семьѣ, въ виду какихъ-либо хозяйственныхъ соображеній. Но, во всякомъ случаѣ, чужіе люди составляютъ исключеніе въ „кучѣ". Представитель семьи называется „*главаремъ*", „старѣйшиной" или, всего чаще, „домачиномъ". Умирая или достигнувъ болѣе чѣмъ 60-лѣтняго возраста, домачинъ передаетъ свою власть другому, по собственному выбору. Если онъ

*) Обыкновенно во 2-мъ, 3-мъ колѣнахъ по мужской линіи, очень рѣдко въ 4-мъ или 5-мъ.

умреть, не назначивъ преемника, члены семьи собираются и старшій изъ нихъ предлагаетъ имъ выбрать новаго главаря. Обыкновенно онъ получаетъ въ отвѣтъ, что „нечего и выбирать; не къ чему новый законъ вводить въ старую землю“. Затѣмъ званіе „старѣйшины од куче“ передается ему самому съ родственными поцѣлуями. Все, что касается домашняго хозяйства (за исключеніемъ женскихъ работъ, за которыми смотритъ „домачица“, жена домачина) находится подъ присмотромъ старѣйшины. Ни одно дѣло не рѣшается безъ его совѣта, хотя въ совѣщаніяхъ по поводу общаго имущества онъ имѣетъ только одинъ голосъ, наравнѣ съ другими. Онъ разбираетъ ссоры домашнихъ, заботится объ интересахъ семьи и служитъ ея представителемъ въ сношеніяхъ съ другими общественными группами и лицами. Имущество семьи, т. е. земля, постройки, скотъ, земледѣльческія орудія и телѣги, словомъ весь хозяйственный инвентарь считается общей родовой собственностью („баштина, дѣдина“) и не можетъ быть проданъ безъ общаго согласія. Впрочемъ и вообще продажа этихъ вещей считается грѣхомъ, позоромъ и безуміемъ. Продавать можно только приплодъ отъ скота и урожай. Въ старину члены семьи вовсе не имѣли отдѣльнаго имущества. Все пріобрѣтенное ими принадлежало семьѣ.

Такова внутренняя жизнь „великой кучи“. Далеко не всегда, однако же, родные братья остаются жить вмѣстѣ нераздѣльной семьей. Очень часто они заводятъ себѣ отдѣльныя семьи на общей землѣ. Ихъ потомки помнятъ свою родовую связь и продолжаютъ послѣ раздѣла владѣть сообща той долей родового имущества, которая осталась неподѣленной. Такія раздѣлившіяся семьи составляютъ „братство“. Каждый членъ братства есть „братственикъ“. Число „братствениковъ“ въ каждомъ братствѣ колеблется отъ 30—50 до 700—800 человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Братство, насчитывающее до 200 „ружей“, считается довольно значительнымъ. Каждое братство выбираетъ своего представителя, который носитъ названіе „кнезъ“ (или тоже главарь, старѣйшина); въ случаѣ войны онъ является предводителемъ своего братства и въ качествѣ предводителя носитъ славянское названіе „воеводы“ (или заимствованныя отъ сосѣдей названія — итальянское „капитана“ или турецкое—„сердаря“). Званіе „кнеза“ въ нѣкоторыхъ братствахъ удерживается по наслѣдству за членами одной и той же семьи. Кромѣ предводительства на войнѣ, кнезъ въ менѣе важныхъ дѣлахъ самъ судитъ братствениковъ; онъ созываетъ общее собраніе братства и предсѣдательствуетъ на немъ. Голосъ въ собраніи

Братство.

принадлежитъ главарямъ домашнихъ общинъ; остальные могутъ присутствовать и присоединяться къ рѣшеніямъ главарей общимъ крикомъ: да или нѣтъ. Главнымъ предметомъ обсужденія служатъ общія хозяйственныя дѣла братства.

Каждое братство живетъ, смотря по числу душъ, въ одной или нѣсколькихъ деревняхъ, обыкновенно сосѣднихъ. Церковь, кладбище, мельницы считаются общей собственностью братства. Каждое братство имѣетъ, кромѣ того, свой отгороженный общій выгонъ для скота, которымъ пользуются всѣ семьи братства. Порядокъ пользованія этимъ выгономъ опредѣляется приговоромъ всего братства. Свое собственное имущество братственикъ не можетъ продать мимо своихъ сочленовъ; и даже если его братственики не воспользуются правомъ покупки, то все же онъ не имѣетъ права искать покупателя на сторонѣ, а долженъ обратиться къ другимъ братствамъ своего племени.

Братственики считаютъ себя родственниками другъ другу и поэтому до послѣдняго времени никто не бралъ жену въ своемъ братствѣ. Каждое братство сохраняетъ обыкновенно преданіе объ общемъ родоначальникѣ, по имени котораго и называется. Такимъ образомъ, названія братствъ, а вмѣстѣ и ихъ поселеній обыкновенно кончаются на *ичи* (т. е. потомки такого-то). Напримѣръ, потомство „ковача“ образуетъ братство Ковачевичей, при чемъ каждая семья этого братства въ случаѣ своего раздѣленія получаетъ добавочное прозвище отъ своего ближайшаго родоначальника; напр., Янковичи, Милутиновичи отъ Янка или Милутина Ковачевичей. Такъ какъ размноженіе и дробленіе семей постоянно продолжается, то постоянно появляются и новыя прозвища отъ отцовъ раздѣлившихся братьевъ. Но эти перемѣны прозвищъ происходятъ только внутри братства; по отношенію же къ другимъ братствамъ или къ чужеродцамъ братственикъ продолжаетъ носить имя своего братства: Янковичъ или Милутиновичъ будетъ называться Ковачевичемъ.

По отношенію къ другимъ союзамъ братство вообще выступаетъ, какъ одно цѣлое. Если членъ одного братства убьетъ члена другого братства, то всѣ братственики убитаго обязаны мстить убійцѣ. Кровная месть до сихъ поръ сохранилась въ Черногоріи и Герцоговинѣ, несмотря на всѣ усилія австрійскаго правительства уничтожить ее. Братственикъ обязанъ, если не можетъ убить самого „кровника“ (убійцу),—убить, по крайней мѣрѣ, человѣка наиболѣе къ нему близкаго, отца, брата или сына. Примиреніе мсти-

теля съ убійцей также заключается отъ имени цѣлаго братства. Если убійца или его семья не могутъ заплатить выкупа (101—124 дуката) семьѣ убитаго, то деньги на выкупъ собираетъ все братство убійцы. Если братственикъ породнится путемъ брака или покумится съ членомъ другого братства, то все братство считаетъ себя породнившимся съ послѣднимъ. Если членъ другого братства войдетъ въ вымирающую семью зятемъ, женившись на единственной наслѣдницѣ семьи,—въ такомъ случаѣ онъ долженъ купить свое мѣсто въ новомъ братствѣ особомъ взносомъ и угощеніемъ своихъ новыхъ братственниковъ.

Племя. Братство образовалось изъ семьи. Точно также племя образовалось изъ братства. Нѣкоторыя племена, дѣйствительно, возникли сравнительно недавно и состоятъ изъ 5—6 братствъ. Ихъ легко, однако же, отличить отъ большихъ и старыхъ племенъ, гораздо болѣе многочисленныхъ. Въ 1860 году вся Черногорія состояла изъ семи племенъ; самое сильное изъ нихъ (Бѣлопавличи) насчитывало до 3000 ружей. Племена долгое время сохраняли полную политическую независимость и составляли вполнѣ самостоятельныя единицы. Эта замкнутость племенъ и ревнивая охрана ими своей самостоятельности всегда была одной изъ главныхъ причинъ, мѣшавшихъ славянскимъ племенамъ слиться въ высшее государственное единство. До временъ князя Данила Черногорскаго въ Герцеговинѣ существовало послѣднее изъ такихъ свободныхъ племенъ (Васоевичи), не признававшее надъ собой ни черногорской ни турецкой власти. Область ихъ простиралась на 12 часовъ пути въ длину и въ ширину; въ составъ ихъ входило 10 братствъ, насчитывавшихъ въ совокупности до 4000 чел. способныхъ носить оружіе.

Племена, подобно братствамъ, имѣютъ свои легенды о родоначальникахъ. Обыкновенно время жизни этихъ родоначальниковъ племени отодвигается въ далекое прошлое и имъ приписываются всевозможные геройскіе подвиги. Въ составѣ племени можетъ впрочемъ, иногда оказаться братство завѣдомо чуждаго происхожденія. Большею частью это пришельцы, вынужденные какими-нибудь обстоятельствами покинуть свою прежнюю родину и искать на чужбинѣ покровительства чужого племени. Такимъ образомъ въ 50-хъ годахъ одно братство выселилось изъ Герцоговины въ Черногорію; и еще недавно пришли туда же два братства изъ-за австрійской границы, правда, вернувшіеся скоро обратно.

Во главѣ племени стоитъ „главарь племенскій" или „воевода". Сильнѣйшему братству племени обыкновенно удавалось избирать

воеводу изъ своей среды и во многихъ племенахъ достоинство воеводы изстари сдѣлалось наслѣдственнымъ въ извѣстной семьѣ *).

Каждое племя занимаетъ точно опредѣленный округъ. Общественныя работы въ предѣлахъ этого округа исполняются племенемъ. Каждое племя имѣетъ также выгоны, на которыхъ всѣ братства имѣютъ право пасти скотъ, и лѣсъ, пользованіе которымъ принадлежитъ членамъ племени. Нужно, впрочемъ, сказать, что тѣсная связь между братствами племени мало по малу исчезаетъ; племя все болѣе и болѣе теряетъ древній характеръ родового союза и становится простымъ областнымъ дѣленіемъ, округомъ.

Разложеніе родового строя.

Въ такой цѣлости, въ какой мы застаемъ родовой общественный строй въ Герцеговинѣ и Черногоріи, мы уже не найдемъ его ни въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ исторіи другихъ славянскихъ народовъ. Разложеніе родовыхъ порядковъ началось у славянства очень рано. Въ самыхъ этихъ порядкахъ, какъ мы ихъ сейчасъ видѣли, уже заключались зародыши ихъ разложенія. Семьи, изъ которыхъ выбирались главари братствъ и племенъ, рано выдѣлились надъ остальными, и самая должность главаря все чаще стала передаваться по наслѣдству членамъ этихъ первенствующихъ семей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и выборъ главаря все болѣе становился простой формальностью или, какъ это было у древнихъ хорватовъ, замѣнялся жребіемъ, который кидали между собой нѣсколько знатнѣйшихъ фамилій. „Староста—это благороднѣйшій въ деревнѣ“ (der Staroste—das ist der edelste im Dorfe) такъ опредѣляетъ древнюю выборную должность старинный польскій сборникъ законовъ, составленный въ XIII столѣтіи. Такимъ образомъ надъ всѣмъ составомъ населенія возвысился мало по малу рядъ отдѣльныхъ фамилій.

Одновременно съ этимъ выдѣленіемъ аристократическихъ родовъ изъ состава племени происходила другая важная перемѣна, еще сильнѣе повліявшая на разрушеніе древняго родового строя. Какъ ни упорно держались племена за свою самостоятельность, но все же наступили обстоятельства при которыхъ имъ пришлось поступиться ею. Очутившись послѣ переселеній въ сосѣдствѣ съ правильно организованными государствами, какими была Византія и сдѣлалась франкская монархія, славянскія племена должны были поневолѣ соединиться въ интересахъ самосохраненія, чтобъ дать этимъ сосѣдямъ болѣе сильный отпоръ. Такимъ образомъ, напр., мелкія

*) Мало по малу правительство присвоило себѣ право утверждать выборъ племени. Теперь же племя сохранило только право утверждать воеводу назначеннаго правительствомъ.

племена въ низовьяхъ Эльбы составили два значительныхъ союза—лютичей и оботритовъ. Ни одинъ изъ этихъ союзовъ не выработалъ, однако, сильной центральной организаціи, чѣмъ въ значительной степени объясняется и неудача ихъ въ борьбѣ противъ онѣмеченія. У южныхъ славянъ происходили подобныя же перемѣны. Такъ, надъ жупанами или воеводами Хорватіи возвысился одинъ изъ нихъ—на сѣверной окраинѣ съ титуломъ „банъ", на южной—съ титуломъ „кнезъ" и съ еще болѣе значительной властью. Уже въ X вѣкѣ жупаны перестали быть равноправными съ „кнезомъ" и превратились въ его подчиненныхъ. Точно также надъ жупанами Сербіи возвысился „великій жупанъ"; этимъ титуломъ государи Сербіи называли себя еще въ концѣ XII вѣка, при Стефанѣ Нѣманѣ I.

Усиленіе княжеской власти помогло племенной аристократіи выдѣлиться окончательно въ особый классъ. Потерявъ свою политическую независимость, жупаны собрались около князя въ видѣ княжескаго совѣта, и совѣтъ этотъ мало по малу оттѣснилъ на второй планъ племенныя народныя собранія. Въ своей жупѣ выборный жупанъ явился въ новомъ званіи—королевскаго чиновника и намѣстника: кастеляна, коморника, ловчаго, какъ стали его называть въ Польшѣ и Чехіи. Связь съ жупой сохранялась теперь лишь въ томъ смыслѣ, что начальникомъ ея назначался обыкновенно представитель наиболѣе значительнаго въ этой жупѣ панскаго рода. Съ концомъ XIII столѣтія въ Чехіи старое дѣленіе на жупы окончательно было замѣнено новымъ дѣленіемъ на „кра́я"; средоточія управленія были вмѣстѣ съ этимъ перенесены, большей частью, на новыя мѣста и начальниками „краевъ" явились вмѣсто жупановъ чиновники—„консулы" и „крайскіе кметы".

Прибравши, такимъ образомъ, къ рукамъ управленіе жупой, государственная власть воспользовалась и старинной родовой связью между членами жупы для своихъ собственныхъ цѣлей. Мы видѣли, напр., что въ случаѣ убійства все „братство" убитаго мстило за него, а „братство" убійцы отвѣчало за преступника и платило за него выкупъ. Съ тѣхъ поръ, какъ братственныя отношенія исчезли, на мѣсто родственниковъ выступило съ своими требованіями государство. Права родичей (мстить и требовать выкупа) были теперь ограничены или вовсе уничтожены, а обязанности ихъ сохранились въ полной силѣ, но получили совсѣмъ другой характеръ; союзъ, связанный прежде родовой связью, теперь былъ связанъ круговою отвѣтственностью за всѣ нарушенія права и порядка, случившіяся въ его округѣ. Въ этомъ видѣ мы еще застаемъ остатки родового

устройства въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскаго права. Въ польскомъ правѣ, напр., такой округъ, связанный круговой порукой, носитъ названіе „ополя“. Если находили трупъ въ предѣлахъ ополя, и убійца былъ неизвѣстенъ, тогда хозяинъ призывалъ ополе и обвинялъ его въ убійствѣ. Если ополе не могло снять съ себя этого обвиненія или не хотѣло выдавать преступника (на что, по старинѣ, оно имѣло полное право), то оно платило пеню за убитаго. Но ополе могло также сложить съ себя вину, указавши на виновную деревню въ своемъ составѣ; деревня могла свалить, далѣе, вину на одинъ изъ составлявшихъ ее родовъ. Какъ видимъ, не только высшій, но и низшіе родовые союзы сохранились, но только должны были отвѣтствовать не другъ передъ другомъ, а передъ государствомъ.

Совершенно такіе же остатки родового строя сохранились и въ древнѣйшихъ законахъ чехо-моравовъ. Деревня перестала здѣсь управляться однимъ господаремъ и носить общее родовое имя; но въ случаяхъ круговой поруки, при раскладкѣ податей и т. п., деревенская община продолжала выступать, какъ одно цѣлое. Часто она сохраняла общее пастбище и недѣленный лѣсъ. Только въ XIII вѣкѣ законъ началъ смягчать отвѣтственность всей деревни за убійство и покражу, совершенныя въ ея округѣ. Отмѣненъ былъ, напр., старинный обычай, по которому деревня платила за кражу, если не могла отвести отъ себя слѣда воровъ.

Мы видимъ теперь, какъ значительны были перемѣны въ общественной жизни славянъ, особенно западныхъ. Развитіе государственной власти и образованіе аристократіи лишило старый родовой союзъ его выборныхъ властей и замѣнило ихъ королевскими чиновниками. Государство проникло и во внутреннее устройство союза и замѣнило здѣсь древнее самоуправленіе обязательной круговой порукой. Всего болѣе сохранилась только самая маленькая группа— семейная община. У чеховъ, напр., у которыхъ послѣдніе слѣды „братства“ (деревенскаго союза) разрушились, какъ мы видѣли, уже въ XIII столѣтіи, семейная организація уцѣлѣла гораздо дольше. Семейная община продолжала владѣть общимъ имуществомъ и управляться выборнымъ старостой или владаремъ. Въ Розенбергскомъ родѣ, напр., управленіе старо-славянскихъ владарей продолжало существовать, пока этотъ родъ не вымеръ. Въ 1519 г. послѣ добровольной передачи уряда отъ старшаго брата, пана Вока, владарствовалъ надъ Розенбергскимъ домомъ панъ Петръ. Въ этомъ году, задумавши сложить съ себя владарство, панъ Петръ хотѣлъ

было представить другимъ панамъ братьямъ своего племянника въ качествѣ замѣстителя. Но братья, не желая подчиняться домоправительству послѣдняго, заставили пана Петра раздѣлиться во всемъ имуществѣ поровну. Когда же раздѣлъ совершился (т. е. братья перестали зависѣть отъ старшаго владаря), панъ Іоштъ, панъ Пётръ Хромой и панъ Индрихъ выбрали между собой владаремъ пана Индриха, на что старый панъ далъ свое согласіе и уступилъ ему свое мѣсто. Мы видимъ на этомъ любопытномъ примѣрѣ, какъ живы были въ Чехіи еще въ XVI вѣкѣ обычаи старинной семейной общины и какъ даже самый обходъ старыхъ порядковъ вызванъ былъ нежеланіемъ прямо ихъ нарушить.

Зная теперь, какія перемѣны произвела исторія въ древнѣйшемъ общественномъ строѣ славянъ, мы можемъ легче представить себѣ, какимъ онъ былъ до этихъ перемѣнъ. У всѣхъ славянскихъ племенъ семья, родъ и племя были единственными формами общежитія. Государственной власти въ современномъ смыслѣ этого слова не было вовсе; не было также и того раздѣленія общества на классы по правамъ и занятіямъ, которое мы привыкли встрѣчать вездѣ въ обществахъ нашего времени. Главнымъ занятіемъ населенія было хозяйство на общей землѣ. Рядомъ съ земледѣліемъ существовало, конечно, и разведеніе домашняго скота. Изъ другихъ занятій славяне особенно славились пчеловодствомъ. Все, что добывалось отъ земледѣлія, скотоводства и пчеловодства, служило для собственнаго употребленія въ хозяйствѣ, а не для продажи на сторону. Древній славянинъ, какъ и древній германецъ, самъ производилъ въ своемъ хозяйствѣ все, что нужно было для его обихода. Самъ онъ строилъ свою избу, „жалкую хижину“, по выраженія Прокопія, которую не жаль было бросить при первой опасности, зарывши въ землю наиболѣе цѣнное имущество. Женщины въ семьѣ сами дѣлали ткани, необходимыя для одежды. Простота и несложность потребностей славянина въ одеждѣ и пищѣ приводила въ изумленіе даже германцевъ, не говоря уже о римлянахъ. „Подобно массагетамъ“, говоритъ Прокопій, „живутъ они скудно и беззаботно; подобно имъ постоянно пребываютъ въ грязи“. По словамъ Льва Мудраго, „они соблюдаютъ умѣренность въ пищѣ и питаются просомъ, не желая нести иныхъ земледѣльческихъ трудовъ; они предпочитаютъ вести праздную жизнь, чѣмъ трудиться и имѣть обильную пищу и деньги“. „Закаленные и выносливые, привыкшіе къ самому легкому житью, они готовы выносить самое жалкое существованіе ради дорогой имъ свободы. Что̀ нашимъ было бы въ тягость, то славяне считаютъ за

Образъ жизни.

какое-то удовольствіе“, такъ говоритъ о томъ же предметѣ саксонскій историкъ Видукиндъ.

Естественно, что при такомъ первобытномъ образѣ жизни у славянъ не могло быть ни богачей, ни нищихъ. Никакого богатства нельзя было нажить, при обычномъ мирномъ теченіи жизни, въ такомъ хозяйствѣ, въ которомъ ничего не продавалось и не покупалось. Богатство могла, правда, дать война. Но сколько бы драгоцѣннаго металла ни принесъ съ собой славянинъ изъ своихъ набѣговъ, ему некуда было дѣть этихъ денегъ. Поневолѣ онъ запиралъ ихъ въ сундукъ или зарывалъ въ землю: богатство могло принять только одинъ видъ—клада.

Промышленность и торговля, при такихъ условіяхъ быта, не могли быть значительно развиты у древнихъ славянъ. Характеръ жизни былъ по преимуществу сельскій; въ селѣ сосредоточивались и тѣ главные промыслы, которые нужны были для деревенскаго обихода, вродѣ, напр., горшечнаго (гончарнаго) искусства или кузнечнаго ремесла. Торговлю, какая существовала, вели преимущественно пріѣзжіе или проѣзжіе купцы, вывозившіе отъ славянъ тѣ продукты, которыми была богата срединная Европа, или провозившіе мимо славянъ иностранные товары изъ одной страны въ другую. Собственно славянское населеніе относилось къ этой торговлѣ, большей частью совершенно безучастно. Такимъ образомъ, не могло образоваться у славянъ и сколько-нибудь значительнаго торгово-промышленнаго класса, который бы обособился отъ другихъ и составилъ зерно городскаго населенія.

Города. Однако же древніе писатели говорятъ намъ о множествѣ „городовъ“ въ славянской землѣ. Скандинавы даже называли теперешнюю Россію „царствомъ городовъ (Gardariki)“. Одинъ неизвѣстный намъ по имени географъ, писавшій въ X вѣкѣ, насчиталъ у разныхъ славянскихъ племенъ юга и запада не менѣе 3760 городовъ (civitates или urbes). Само собой разумѣется послѣ всего сказаннаго, что „города“ эти не были средоточіями торговли и промышленности. Древнее значеніе славянскихъ городовъ открывается прежде всего изъ самаго названія „городъ“: такъ называли наши предки всякое огороженное или укрѣпленное мѣсто; „городъ“ значило просто—„ограда“. Древніе славянскіе города и были укрѣпленными мѣстами для обороны отъ нападенія непріятелей. Тамъ, гдѣ сама природа представляла достаточную оборону, можно было обойтись и безъ такихъ укрѣпленій; въ этомъ смыслѣ Іорданъ говоритъ намъ про славянъ, обитавшихъ въ теперешней Валахіи, что они „вмѣсто городовъ употребляютъ лѣса и болота“.

Дѣйствительно, въ эту лѣсистую и болотистую страну было тогда трудно пробраться иначе, какъ по теченію рѣкъ. Но на мѣстахъ болѣе открытыхъ, потребность въ укрѣпленіяхъ должна была почувствоваться очень рано; во многихъ мѣстахъ безъ такихъ укрѣпленій славяне не могли бы вовсе продвигаться впередъ на новыя земли среди окружавшихъ ихъ непріятелей. Какъ строился подобный „городъ", объ этомъ сохранилъ намъ разсказъ одинъ арабъ (Ибнъ-Якубъ), лично посѣтившій западныхъ славянъ въ 965 году. Вотъ какимъ образомъ, говоритъ онъ, славяне строятъ большую часть своихъ крѣпостей. „Они выбираютъ луга, богатые водой и тростникомъ, намѣчаютъ тамъ мѣсто, круглое или четыреугольное, смотря по тому, какую форму хотятъ придать крѣпости. Затѣмъ кругомъ этого мѣста они выкапываютъ ровъ и изъ вынимаемой земли насыпаютъ валъ. Они укрѣпляютъ этотъ валъ досками и сваями, утаптывая землю, пока валъ не достигнетъ желаемой высоты. Затѣмъ они продѣлываютъ ворота, на какой сторонѣ захотятъ, и подходятъ къ нимъ по деревянному мосту". Такъ строились города на влажной мекленбургской низменности. Въ мѣстахъ, болѣе холмистыхъ, для укрѣпленія выбирался обыкновенно какой-нибудь обрывъ на берегу рѣки или, еще лучше, на сліяніи двухъ рѣкъ. На краяхъ избранной возвышенности насыпался валъ, такъ что середина ея принимала видъ углубленной котловины. Обязанность строить городъ и чинить городскую стѣну лежала на всемъ племени. Самые пріемы постройки были строго опредѣлены обычаемъ. Когда польскій король Болеславъ потребовалъ разъ (въ 932 году) отъ „старѣйшинъ народа", чтобы они построили ему городскую стѣну „по римскому образцу", тѣ отвѣчали ему, что „и не умѣютъ и не хотятъ исполнять требованія, такъ какъ и отцы ихъ ничего подобнаго раньше не дѣлали".

Множество остатковъ древне-славянскихъ укрѣпленій мы и теперь находимъ на всемъ пространствѣ славянскихъ земель. Одинъ славянскій ученый насчиталъ ихъ до 2279. Величина этихъ окоповъ или такъ называемыхъ „городищъ" самая различная: отъ 150 — 300 шаговъ въ окружности до 2-хъ квадратныхъ верстъ. Понятно, что и назначеніе этихъ различныхъ по размѣрамъ городовъ было различное. Самые маленькіе изъ нихъ служили пограничными сторожевыми пунктами или временнымъ убѣжищемъ семейной общины на случай непріятельскаго набѣга. Самые большіе были средоточіемъ для цѣлаго племени: въ нихъ помѣщалось племенное управленіе. Возлѣ такихъ правительственныхъ и военныхъ центровъ

начинало мало-по-малу поселяться и торгово-промышленное население. Особенно быстро разросталось населенiе города, если онъ лежалъ на значительномъ торговомъ пути, гдѣ-нибудь на большой рѣкѣ или около моря.

Какихъ значительныхъ размѣровъ могъ достигнуть славянскiй городъ при такихъ исключительно выгодныхъ условiяхъ, видно изъ примѣра знаменитыхъ торговыхъ городовъ Балтiйскаго поморья. Штетинъ, напр., стоявшiй у устья Эльбы, занималъ три холма. На самомъ высокомъ изъ нихъ стоялъ деревянный храмъ Триглава; на другомъ помѣщалась крѣпость съ княжескимъ дворцомъ. На большой площади города два раза въ недѣлю происходилъ базаръ; въ срединѣ площади находилось помѣщенiе для народнаго вѣча. Другое обширное помѣщенiе для вѣча было на храмовомъ холмѣ. Въ началѣ XII в. въ Штетинѣ было 900 главарей (patres familias, какъ всегда называютъ ихъ латинскiе источники). Если считать, что въ семейной общинѣ тогда, какъ и теперь въ Герцеговинѣ и Черногорiи, было не меньше 15 членовъ, то цифра всего населенiя Штетина будетъ не ниже $13^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Естественно, что въ такой обстановкѣ жизнь славянъ выходила изъ обычной колеи. Подъ влiянiемъ близости къ морю не только городское населенiе, но и цѣлыя племена славянскiя мѣняли привычки земледѣльческаго быта и приспособлялись къ особенностямъ приморской жизни. Такъ было и на Балтiйскомъ и на Адрiатическомъ поморьѣ.

Гостепрiимство. Живя въ первобытномъ строѣ, славяне обладали всѣми достоинствами и недостатками первобытныхъ народовъ. Ихъ простодушiе бросалось въ глаза иноземнымъ наблюдателямъ. „Испорченности или коварства въ нихъ вовсе нѣтъ“, говоритъ о южныхъ славянахъ Прокопiй: „по прямотѣ ихъ нравъ подобенъ гуннскому“. Совершенно то же повторяютъ шесть вѣковъ спустя очевидцы, наблюдавшiе славянъ на другой, Прибалтiйской окраинѣ. „Честность ихъ такова, разсказываетъ одинъ миссiонеръ, что имъ вовсе неизвѣстны воровство и обманъ; у нихъ не видно ни замковъ, ни ключей; свои ящики и сундуки они оставляютъ незапертыми“. Въ особенности не могли иностранцы нахвалиться славянскимъ гостепрiимствомъ, которое вошло у нихъ въ пословицу. Императоръ Маврикiй и вслѣдъ за нимъ Левъ Мудрый говорятъ намъ о южныхъ славянахъ VI вѣка, что „они радушны къ пришельцамъ и дружелюбно провожаютъ ихъ изъ мѣста въ мѣсто, куда имъ нужно; если же по небрежности хозяина приключится гостю вредъ, сосѣдъ его ополчается противъ такого хозяина, считая за нечестiе обиду иностранца“. Два

христіанскихъ миссіонера, придя въ городъ прибалтійскихъ славянъ, Ологостъ (Волегощъ), были поражены радушностью пріема. „Ихъ приняла съ честью мать семейства, т. е. жена начальника города (очевидно, жена родового главаря), смиренно умыла имъ ноги, тотчасъ же накрыла столъ и подкрѣпила обильнѣйшими яствами; однимъ словомъ, они дивились и не могли придти въ себя отъ изумленія, что въ царствѣ дьявола пришлось имъ встрѣтить такую благодать смиренія и гостепріимства". Надо прибавить, что хозяйка спасла этимъ миссіонерамъ жизнь, скрывъ ихъ у себя, когда возбужденные жители города, узнавъ о ихъ приходѣ, пришли къ ея дому требовать ихъ выдачи. Тѣ же самыя впечатлѣнія вынесъ и другой очевидецъ, Гельмольдъ. „Прибыславъ (князь вагровъ), разсказываетъ онъ, просилъ насъ завернуть къ себѣ въ домъ, нѣсколько въ сторону отъ дороги, по которой мы ѣхали. Онъ принялъ насъ съ великой заботливостью и радушіемъ и приготовилъ богатое угощеніе. Передъ нами поставили столъ, уставленный двадцатью кушаньями. Тутъ-то я узналъ на опытѣ, о чемъ раньше слышалъ изъ разсказовъ, что нѣтъ народа привѣтливѣе славянъ своимъ гостепріимствомъ. Въ приглашеніи гостя они какъ бы соперничаютъ другъ съ другомъ, такъ что никогда не приходится страннику самому просить у нихъ пріема... Если же случится, что кто-нибудь отвергнетъ странника и не приметъ его, то считаютъ дѣломъ правымъ сжечь домъ и имущество такого хозяина, и всѣ единогласно называютъ его безчестнымъ, подлымъ и стоющимъ всякаго поруганія". По словамъ того же Гельмольда, не считается даже стыдомъ украсть у сосѣда, чтобы угостить гостя. По другому разсказу, „каждый домохозяинъ имѣетъ даже особый домъ, опрятный и чистый, назначенный для угощенія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами; одни снимаются, другія ставятся; въ ожиданіи гостей кушанья покрыты чистой скатертью, и въ какое бы время кто ни захотѣлъ угоститься, будь это чужой гость или домашній, его ведутъ къ столу, гдѣ все готово". Что во всѣхъ этихъ разсказахъ нѣтъ никакого преувеличенія, можно судить по наблюденіямъ современныхъ путешественниковъ по Герцеговинѣ и Черногоріи, гдѣ старинные нравы, какъ и общественный строй, сохранились въ полной неприкосновенности. Наблюденія эти часто дословно совпадаютъ съ извѣстіями древнихъ писателей VI—XII столѣтій. Путешественникамъ нашего времени тоже не приходится искать въ этихъ мѣстахъ ночлега, просить о пріемѣ или останавливаться въ наемномъ

помѣщеніи. „Какъ скоро хозяинъ семьи *), разсказываетъ одинъ изъ нихъ, завидитъ путника вблизи своего двора, онъ идетъ ему навстрѣчу“ (какъ Прибыславъ къ Гельмольду), „предлагаетъ ему ночлегъ и принимаетъ его, какъ только дозволяютъ средства семьи. Дочь-невѣста или, если таковой нѣтъ, сама хозяйка снимаетъ съ гостя обувь, моетъ ему ноги (ср. разсказъ двухъ миссіонеровъ) и обтираетъ чистымъ полотенцемъ“... Гостю предлагаютъ обильное угощеніе, и только когда онъ наѣстся и напьется, выспрашиваютъ мимоходомъ, кто онъ, откуда и т. д. „Горе дому, въ которомъ не бываетъ гостей“, говоритъ народъ. Во всемъ околодкѣ такой домъ пользуется дурной славой. Дѣвушку изъ него не легко бываетъ выдать замужъ, и порядочный крестьянинъ не отдастъ своей дочери за парня изъ негостепріимной семьи. Впрочемъ, въ десяти деревняхъ едва ли найдется хоть одинъ домъ, въ которомъ бы неохотно принимали гостей. Нѣтъ сильнѣе упрека, какъ сказать: „въ цѣлый годъ у тебя не побываетъ ни одного гостя“. Всѣ показываютъ на такого домачина пальцами. Если въ домѣ не случится хорошаго вина или вкусной закуски, хозяинъ бѣжитъ къ сосѣду и занимаетъ у него. Болѣе зажиточные имѣютъ въ Босніи для гостей особый конакъ... Всякій пришлецъ, „принятый подъ кровъ черногорцемъ, поступаетъ подъ его покровительство, и хозяинъ обязанъ защищать его противъ всякаго, хотя бы это былъ преступникъ или бѣглецъ“. (Ср. выше разсказъ миссіонеровъ). И много еще другихъ разсказовъ можно было бы привести о современномъ славянскомъ гостепріимствѣ въ подтвержденіе древнихъ извѣстій.

Военные нравы. Таковы были славяне у себя дома. Но иностранцамъ рѣдко приходилось сталкиваться съ ними въ качествѣ гостей или миссіонеровъ. Гораздо чаще являлись они къ славянамъ или встрѣчались съ ними въ своей странѣ въ качествѣ непріятелей. Разумѣется, военныя встрѣчи оставляли совсѣмъ другое впечатлѣніе и давали поводъ совсѣмъ къ другимъ разсказамъ о славянскомъ характерѣ и нравахъ. Черезъ весь разсматриваемый періодъ, отъ VI вѣка до XII, тянется безконечный рядъ извѣстій о жестокостяхъ и варварствѣ славянъ. Они жгутъ, грабятъ и убиваютъ, они не жалѣютъ ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ, они предаютъ плѣнныхъ мучительной смерти, вбиваютъ врагамъ въ голову желѣзные гвозди, вырѣзываютъ у нихъ изъ спины ремни, сажаютъ на заостренные

---

*) Т. е. именно тотъ главарь, котораго древніе писатели называютъ pater amilias.

колья, словомъ, совершаютъ всевозможныя звѣрства. Несомнѣнно, что все это такъ и было, какъ описываютъ древніе писатели. Славяне не были въ этомъ случаѣ ни лучше, ни хуже другихъ первобытныхъ народовъ. Личная храбрость и свирѣпость замѣняла имъ то, чего не хватало имъ въ военномъ искусствѣ. Плохо защищенные отъ ударовъ непріятеля, плохо вооруженные, не умѣвшіе сражаться сомкнутымъ строемъ и производить согласныхъ массовыхъ движеній, славяне не могли выдерживать правильнаго боя на открытомъ мѣстѣ съ регулярными войсками сосѣдей. Скоро сознавъ свой недостатокъ, они старались выиграть стремительностью натиска или же заманивали непріятелей въ засаду. Все это хорошо замѣтили и описали византійцы уже вскорѣ послѣ первыхъ столкновеній съ славянами. „Они любятъ схватываться съ непріятелями“, пишетъ императоръ Маврикій въ приписываемомъ ему руководствѣ къ изученію военнаго искусства, „въ узкихъ, трудно проходимыхъ и утесистыхъ мѣстахъ. Они умѣютъ пользоваться засадами, неожиданными нападеніями и ловушками, дневными и ночными, не затрудняясь въ придумываніи всевозможныхъ уловокъ. Они превзойдутъ также кого угодно въ умѣньѣ переправляться черезъ рѣки и могутъ оставаться подолгу въ водѣ. Въ случаѣ неожиданнаго вторженія въ ихъ страну они погружаются въ глубину воды, держа во рту длинные, нарочно для этого сдѣланные полые внутри стволы тростника. Лежа навзничь въ глубинѣ, они выставляютъ эти стволы на поверхность воды и черезъ нихъ дышутъ, такъ что могутъ по нѣскольку часовъ оставаться въ этомъ положеніи, не возбуждая никакого подозрѣнія: неопытные, видя тростникъ, считаютъ его растущимъ въ водѣ. Но кто знаетъ объ этой уловкѣ, можетъ догадаться по виду и положенію надрѣзанныхъ стеблей и проткнуть имъ ротъ тростникомъ или вытащить его изъ воды и этимъ лишить ихъ возможности долѣе скрываться подъ водою. Вооружаются они двумя маленькими дротиками каждый, а нѣкоторые и щитами, хотя хорошо сдѣланными, но очень затрудняющими передвиженіе. Они употребляютъ также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, который очень сильно дѣйствуетъ, если не принять противоядія и другихъ средствъ, извѣстныхъ врачамъ, и если не перевязать раны, чтобъ отрава не просочилась дальше и не заразила всего тѣла. Не подчиняясь общей власти и находясь во взаимной враждѣ, они не умѣютъ сражаться въ строю и вблизи, не любятъ встрѣчаться съ непріятелями въ открытомъ и ровномъ мѣстѣ. Если же и случится имъ отважиться

на рукопашный бой, они поднимаютъ общій крикъ и понемногу подвигаются впередъ. Если непріятели начнутъ отступать передъ ихъ крикомъ, они неудержимо устремляются на нихъ. Если же нѣтъ, они поворачиваютъ назадъ, нисколько не спѣша извѣдать силу враговъ въ рукопашной схваткѣ. Они предпочитаютъ держаться лѣсовъ, пріобрѣтая тамъ значительный перевѣсъ, такъ какъ умѣютъ искусно сражаться въ тѣснинахъ. Очень часто, неся съ собой добычу, они при малѣйшей тревогѣ бросаютъ ее и бѣгутъ въ лѣсъ; когда же непріятели столпятся кругомъ добычи, они съ той же легкостью возвращаются и наносятъ имъ вредъ".

Всѣхъ этихъ наивныхъ пріемовъ варварской тактики не могло хватить надолго. Усвоенные не столько для нападенія, сколько для обороны собственной страны, они должны были уступить мѣсто болѣе искуснымъ пріемамъ, когда славяне отъ обороны перешли къ наступленію. Мы видѣли въ предыдущей статьѣ, какъ скоро южные славяне усвоили себѣ военное искусство римлянъ и грековъ. Очевидно, постановка военнаго дѣла не могла оставаться такой неизмѣнной, какимъ оставался общественный бытъ славянства: она должна была измѣняться сообразно съ обстоятельствами. Одни племена, далекія отъ окраинъ, на которыхъ шла борьба славянства съ сосѣдями, надолго остались при первобытномъ устройствѣ военнаго дѣла. Другія, и преимущественно пограничныя, скоро воспользовались опытомъ, какой давала постоянная война, и переняли отъ сосѣдей ихъ военную технику. Естественно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый характеръ племенной жизни долженъ былъ перемѣниться подъ вліяніемъ непрерывныхъ войнъ. Такъ, племена, стоявшія впереди западнаго славянства въ борьбѣ съ нѣмцами, лютичи и оботриты, извѣстны были своей особой воинственностью.

Характеръ славянъ. Самое передовое изъ этихъ племенъ, вагры, по замѣчанію Гельмольда, чуть не въ полномъ составѣ превратилось въ пиратовъ. „Въ недавнее время, пишетъ онъ, разбойничья жизнь между ними такъ усилилась, что, пренебрегая всѣми выгодами хлѣбопашества, они вѣчно были готовы къ морскимъ походамъ и наѣздамъ, надѣясь на свои корабли, какъ на единственное средство къ обогащенію". Немногимъ уступали имъ, впрочемъ, и другія балтійскія племена. Тотъ же Гельмольдъ произноситъ всѣмъ имъ общій приговоръ: „славянамъ, говоритъ онъ, врождена свирѣпость ненасытная, неукротимая, которая наносила гибель окрестнымъ народамъ на сушѣ и на морѣ". Разумѣется, съ такимъ приговоромъ трудно согласиться: свирѣпость врождена была славянамъ такъ же мало, какъ

мало врождены были имъ занятія земледѣліемъ. Земледѣльцами въ однихъ мѣстахъ, пиратами въ другихъ сдѣлала ихъ не ихъ натура, а тѣ или другія *историческія* условія. Самъ Гельмольдъ хорошо понимаетъ это, когда говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „вся страна вагрская въ старину была населена самыми храбрыми людьми, потому что, стоя впереди всѣхъ славянскихъ народовъ и гранича съ датчанами и саксами, вагры всегда первые и направляли военное движеніе на сосѣдей, и принимали на себя ихъ удары“.

Подобныя ошибки всегда возможны, если мы вздумаемъ приписывать народному характеру тѣ свойства, которыя, можетъ быть, вытекали изъ особенныхъ условій исторической жизни народовъ Различить постоянныя свойства народа отъ преходящихъ и временныхъ, принадлежащихъ только одной какой-нибудь порѣ историческаго развитія народа, бываетъ очень трудно, а иногда и вовсе невозможно. Вотъ почему, даже получивши болѣе или менѣе отчетливое понятіе о древнемъ бытѣ славянъ, мы не должны думать, чтобы изъ характеристики этого быта можно было сдѣлать какіе-нибудь надежные выводы о національныхъ отличіяхъ славянскаго характера. Изъ всѣхъ пересмотрѣнныхъ нами чертъ славянскаго быта нѣтъ ни одной, порознь взятой, которая свойственна была бы только славянамъ. И взятыя вмѣстѣ, онѣ свидѣтельствуютъ не столько объ особенностяхъ славянскаго народнаго духа, сколько о той довольно низкой степени развитія, на которой находилось славянство въ промежутокъ времени отъ начала VI и до конца XII столѣтія.

П. Милюковъ.

V

Религія славянъ.

Прокопій о славянской религіи.

Желая показать въ короткихъ словахъ, что такое славянская религія, византійскій писатель VI вѣка опредѣлилъ эту религію слѣдующимъ образомъ. „Славяне, говоритъ онъ, не имѣютъ понятія о неизмѣнномъ порядкѣ вещей *) и не признаютъ его вліянія на человѣка. Когда грозитъ имъ смерть, или они заболѣютъ, или собираются на войну, то обѣщаютъ, если останутся въ живыхъ, принести жертву богу за свою душу. И если уцѣлѣютъ, то приносятъ обѣщанную жертву и остаются въ увѣренности, что купили свое спасеніе этой жертвой".

Въ этихъ немногихъ словахъ вѣрно отмѣчены двѣ составныя части, изъ которыхъ складывается всякая религія: съ одной стороны опредѣленный взглядъ на міръ,—то есть то, что въ позднѣйшія времена исторіи составляетъ обыкновенно предметъ философіи или научнаго знанія; съ другой стороны,—вытекающій изъ этого міровоззрѣнія культъ, богослуженіе, составляющее, въ тѣсномъ смыслѣ, содержаніе „религіи", какъ извѣстнаго отношенія,—„связи" **) между человѣкомъ и Богомъ. Въ словахъ нашего писателя указаны притомъ не только оба элемента, входящіе въ

Пособія: (кромѣ указанныхъ въ предыдущихъ статьяхъ III и IV). *Hanuš Máchal*, Nákres Slovanského bájesloví. Praha 1891. *А. Котляревскій*, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ (Сочин.,т. III). Его же, Разборъ сочиненія А. Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу (въ Сочин., т. VI.). *И. С. Ястребовъ*, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. СПБ. 1886.

*) Грекъ называлъ этотъ неизмѣнный порядокъ — „рокомъ", „судьбою" *(εἱμαρμένη)*; современники назвали бы его естественными законами природы.

**) Буквальный смыслъ латинскаго слова religio есть „связь".

понятіе религіи—міровоззрѣніе и культъ,—но также и взаимное отношеніе между ними. Извѣстный взглядъ на міръ является причиной, а культъ необходимымъ послѣдствіемъ этой причины. Славяне потому приносятъ жертвы, что не имѣютъ понятія о закономѣрности всего существующаго и воображаютъ, что явленіями природы и событіями человѣческой жизни управляетъ воля боговъ, подобная ихъ собственной волѣ. Таковъ смыслъ характеристики, сдѣланной Прокопіемъ. При всей многозначительности этой характеристики въ ней есть однако одинъ коренной недостатокъ. Греческій писатель взглянулъ на религію людей, торговавшихся въ простотѣ душевной съ своими богами,—съ высоты своей классической цивилизаціи. Онъ замѣтилъ поэтому, чего въ этой религіи *не было*, но на томъ, что въ ней *было*, онъ не сумѣлъ остановиться. По вопросу, чего въ ней не было, грекъ былъ совершенно правъ: въ религіи славянъ, дѣйствительно, не было обобщающаго философскаго начала; это была обычная религія первобытныхъ народовъ. Въ своемъ религіозномъ развитіи славяне находились на ступени такъ называемаго *анимизма*, т. е. они одухотворяли, надѣляли внутренней жизнью явленія окружавшей ихъ природы. „Почитаютъ они и рѣки, и нимфъ, и иныя разныя божества и всѣмъ имъ приносятъ жертвы, производя гаданія по этимъ самымъ жертвамъ"; такъ дополняетъ свою характеристику тотъ же Прокопій. Все это совершенно вѣрно; но всего этого мало для того, чтобы опредѣлить, чѣмъ же отличались религія славянъ отъ религіи огромнаго множества другихъ народовъ, стоявшихъ и стоящихъ донынѣ на одинаковой ступени религіознаго развитія? На этотъ вопросъ нашъ писатель врядъ ли сумѣлъ бы отвѣтить, но надо признаться, что и мы, послѣ всѣхъ нашихъ спеціальныхъ разслѣдованій по этому поводу, можемъ отвѣтить на него немногимъ обстоятельнѣе его. Дѣло въ томъ, что исторію религіи несравненно труднѣе изучить, чѣмъ исторію внѣшнихъ условій и формъ общественной жизни. Все, что отлилось и застыло въ извѣстной внѣшней формѣ, напр., учрежденія, формы матеріальной культуры или сословной жизни,—все это легко наблюдать и описывать. Даже и въ области религіи есть такая болѣе доступная наблюденію сторона: это именно культъ, обрядъ, богослуженіе. Совсѣмъ другое дѣло область религіозныхъ *вѣрованій*.

Миѳическое творчество.

Трудно уловимая сама по себѣ, религіозная мысль еще и потому плохо поддается историческому изученію, что въ теченіе всей длинной исторіи своего развитія она служитъ, такъ сказать, сама своимъ собственнымъ хранилищемъ. Мы хорошо знаемъ, что ре-

лигіозная мысль пережила много разныхъ ступеней развитія; мы даже можемъ приблизительно опредѣлить, что это были за ступени. Мы можемъ представить себѣ, что міръ явленій казался первобытному человѣку міромъ духовъ, или точнѣе—міромъ дѣйствующихъ силъ, которыя человѣкъ первоначально не ставилъ ни въ какое опредѣленное отношеніе къ себѣ, т. е. не дѣлалъ предметомъ своей религіи. Мы можемъ предположить далѣе, что среди этого міра одухотворенныхъ силъ выдвинулась одна сила, ближайшая человѣку и принявшая въ его глазахъ форму человѣческаго духа, — именно духъ его предка. Эта сила, способная вредить или благотворить, сдѣлалась первымъ предметомъ культа, а постепенный ростъ общественной организаціи превратилъ предка семьи въ предка цѣлаго рода; изъ предка рода тотъ же общественный ростъ сдѣлалъ предка цѣлаго племени; и предковъ различныхъ племенъ слилъ въ одно лицо—предка цѣлаго государства.

Такимъ образомъ, изъ безчисленнаго ряда *духовъ* развитіе культа выдвинуло впередъ нѣсколько *боговъ*, постепенно уменьшавшихся въ числѣ, но за то выигрывавшихъ въ силѣ и могуществѣ. Какъ эти боги изъ *земныхъ* сдѣлались *небесными*,—остается до сихъ поръ не совсѣмъ яснымъ; несомнѣнно только, что это перенесеніе боговъ съ земли на небо было послѣдствіемъ сліянія культа предковъ съ культомъ явленій природы. Перенеся боговъ на небо, религіозная мысль перенесла туда же ихъ земныя приключенія. Эти *разсказы* о богахъ,—а нужно прибавить, что младенчествующая мысль только и можетъ выражать свои представленія въ формѣ *разсказа*,—эти разсказы сдѣлались зародышами миѳовъ. Миѳъ былъ непроизвольнымъ продуктомъ самаго склада ума первобытныхъ народовъ; пріемы ихъ рѣчи, ихъ образныя выраженія и эпитеты, переносимые съ одного предмета на другой, въ свою очередь содѣйствовали перенесенію и самыхъ понятій, связанныхъ со словами, на то божество, къ которому прилагалось это образное слово или эпитетъ. Эти сѣмена миѳическаго творчества скоро дали повсемѣстную обильную жатву; миѳъ возникалъ всюду, гдѣ работала младенческая религіозная мысль.

Такъ создался обильный матеріалъ, съ которымъ первобытный человѣкъ обращался гораздо свободнѣе, чѣмъ съ установившимися формами культа. Обрядъ закостенѣлъ, а создавшая его религіозная мысль продолжала развиваться. Такимъ образомъ, порвалась связь между вѣроученіемъ и культомъ, и первоначальный смыслъ обрядовъ былъ постепенно забытъ вмѣстѣ съ создавшимъ его слоемъ

религіозныхъ представленій. Новыя поколѣнія, стараясь истолковать обрядъ, придавали ему обыкновенно новое, совершенно иное значеніе; и такимъ образомъ, обрядъ сдѣлался новымъ источникомъ религіознаго творчества. Весь этотъ безпорядочный запасъ религіозныхъ представленій, постоянно накоплявшійся и объединенный только одинаковыми психологическими условіями своего происхожденія,— сталъ, наконецъ, мало-по-малу приводиться въ связь и въ систему, болѣе или менѣе искусственную. Въ результатѣ такого объединенія получились тѣ законченныя миѳологическія системы, которыя дошли до насъ отъ классическихъ народовъ. Но и этимъ процессъ миѳологическаго творчества не закончился. Надъ собранными въ систему миѳами продолжали работать толкователи, болѣе и менѣе ученые,—и эти ихъ богословскія или раціоналистическія объясненія часто походили на новые миѳы.

Таковы были многочисленные слои религіозной исторіи, которые отмѣчались поочередно въ человѣческомъ сознаніи и образовали въ немъ пестрый и неразложимый осадокъ. Теперь будетъ понятна вся трудность возстановленія религіозной исторіи, если мы замѣтимъ, что главнымъ, а часто и единственнымъ источникомъ для такого возстановленія остается это самое человѣческое сознаніе, т. е. повѣрія и обычаи, первоначальный смыслъ которыхъ давнымъ давно затерянъ. Возстановлять по такимъ матеріаламъ исторію религіи—это все равно, что писать исторію искусства на основаніи груды обломковъ разныхъ временъ и стилей, сваленныхъ въ одну безпорядочную кучу въ какомъ-нибудь забытомъ дѣдовскомъ сараѣ. Можно, конечно, разобрать эти обломки и поставить ихъ въ извѣстный хронологическій рядъ. Но всякое такого рода построеніе будетъ только *вѣроятно* и будетъ основываться, главнымъ образомъ, на внутреннихъ соображеніяхъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно станетъ это построеніе только тогда, когда окажется, что послѣдовательность разныхъ ступеней развитія у нѣсколькихъ народовъ одинакова. Если же удастся доказать, что это развитіе было у этихъ народовъ не только *одинаково*, но что оно было у нихъ фактически *одно и то же*, то есть совершалось тогда, когда сравниваемые народы составляли одно цѣлое, были однимъ и тѣмъ же народомъ, въ такомъ случаѣ наше предположеніе о древности пройденныхъ ими ступеней религіознаго развитія сдѣлается уже несомнѣннымъ.

На этихъ-то основаніяхъ и приходится заключить, что почти все существенное содержаніе славянской религіи было готово раньше, чѣмъ славяне сдѣлались славянами. Другими словами, уже въ очень

отдаленномъ доисторическомъ прошломъ, когда славяне еще не составляли отдѣльнаго звена отъ другихъ народовъ арійскаго или индоевропейскаго племени, у нихъ уже была выработана большая часть ихъ религіозныхъ представленій. Такимъ образомъ, чтобы сразу рѣшить, на какой ступени развитія стояла славянская религія въ VI—IX столѣтіи, мы должны обращаться къ тѣмъ древнѣйшимъ слоямъ религіозныхъ вѣрованій, которые сложились до начала исторіи славянъ, какъ отдѣльнаго народа. Въ этихъ слояхъ мы, навѣрное, найдемъ полное сходство въ вѣрованіяхъ между всѣми индоевропейскими народами и даже не между ними одними. Чтобы найти характерныя различія, свойственныя славянской религіи, намъ надо перейти прямо къ послѣднимъ моментамъ религіознаго развитія, т. е. прямо начать съ изображенія того состоянія, въ которомъ находилась у славянъ религія природы и общественный культъ (жрецы и храмы).

Славянскіе боги. Единымъ высшимъ богомъ—„творцомъ молніи“, какимъ былъ у индусовъ Индра, у грековъ Зевсъ, у римлянъ—Юпитеръ, у германцевъ—Торъ, у литовцевъ — Перкунасъ, у славянъ былъ Перунъ. У большинства славянскихъ племенъ слово „Перунъ“ и до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ грома. „Чтобъ Перунъ тебя взялъ“, такъ бранятся теперь, одинаково на двухъ противоположныхъ окраинахъ славянскихъ земель,—русскіе и словенцы. Понятіе о богѣ-громовникѣ сливалось однакоже у славянъ съ понятіемъ неба вообще (именно — движущагося, *облачнаго* неба). Нѣкоторые ученые думаютъ, что именно такой смыслъ имѣло у древнихъ славянъ названіе бога „Сварога“. Сливаясь съ Перуномъ, Сварогъ оспаривалъ у него первое мѣсто на славянскомъ Олимпѣ. Другіе вышніе боги, по свидѣтельству нѣкоторыхъ древнихъ рукописей, считались сыновьями Сварога,—„Сварожичами“. Такими были именно солнце и огонь. Солнце обоготворялось подъ названіемъ „Даждь-бога“: слово, которое прежде переводили „палящій богъ“, а теперь переводятъ „дай богатство“. Другое названіе, обозначавшее, повидимому, того же бога солнца, было—„Хорсъ“. Наконецъ, и „Велесъ“, скотій богъ, хранитель стадъ, смѣшанный впослѣдствіи съ христіанскимъ св. Власіемъ, былъ первоначально солнечнымъ богомъ. Всѣ эти названія вышняго бога были очень древни и употреблялись *всѣми* славянами. Откуда явилась у нихъ эта разница именъ, обозначали ли эти имена первоначально разныхъ мѣстныхъ боговъ и только потомъ перенесены были на одного бога всего славянскаго племени,—этого мы уже рѣшить не можемъ. Но за то мы имѣемъ возможность наблюдать, какъ отдѣльныя славянскія племена разра-

батываютъ дальше эти общеславянскія представленія о высшемъ богѣ и придаютъ „Сварожичу“ новыя, болѣе опредѣленныя и болѣе причудливыя формы. Такъ, у балтійскихъ славянъ, на островѣ Ранѣ, высшимъ богомъ считался „Святовитъ“; въ Щетинѣ и Волинѣ поклонялись трехголовому идолу—„Триглава“, который былъ, повидимому, тождественъ съ Святовитомъ. Въ городѣ Ретрѣ тотъ же высшій богъ, сынъ Сварога, носилъ названіе „Радегоста“. Уже древніе писатели предполагали, что имя Святовита явилось вслѣдствіе смѣшенія языческаго бога съ христіанскимъ святымъ Витомъ; а въ Триглавѣ одинъ современный изслѣдователь видѣлъ отраженіе христіанскаго Троичнаго Бога. Названіе Радегоста было тоже, какъ предполагаютъ, перенесено на бога съ имени города, а городъ получилъ это имя отъ одного изъ своихъ князей. Можетъ быть, эти догадки и невѣрны. Но несомнѣнно одно, что всѣ перечисленныя имена означали одного и того же вышняго бога и что всѣ они явились позднѣе. Колеблющіяся и неясныя очертанія древняго бога превратились въ этихъ случаяхъ уже въ болѣе сложные образы многоглаваго и многолицаго бога, вооруженнаго рогомъ или кубкомъ, поставленнаго въ храмъ, болѣе или менѣе роскошно украшенный, наконецъ, окруженнаго жрецами. Ничего этого не было въ древнеславянскомъ язычествѣ. Жрецы еще не выдѣлились въ особое сословіе; жертвы родовымъ и небеснымъ богамъ приносили представители родовыхъ союзовъ; а о сношеніяхъ съ низшими демонами земли, объ избавленіи людей отъ ихъ вреднаго вліянія и о полученіи отъ нихъ разныхъ услугъ заботились вольнопрактикующіе волхвы. Мѣсто жертвоприношенія, славянское „капище“, не превратилось въ храмъ даже и тогда, когда на этомъ мѣстѣ стали ставить изображенія боговъ, языческіе „идолы“.

Вліяніе язычества на народныя преданія о святыхъ

Какъ видимъ, славянская религія не успѣла еще выработать строгихъ формъ культа, а славянская миѳологія не создала еще такихъ отчетливыхъ представленій о языческихъ богахъ, къ какимъ пришли, напримѣръ, греки. Послѣдніе рано отдѣлили своихъ боговъ отъ тѣхъ явленій природы, которыя эти боги олицетворяли; превратили ихъ въ людей и съ помощью искусства и поэзіи увѣковѣчили ихъ образы и ихъ отличительныя черты. Славянская миѳологія не дошла до этой ступени очеловѣченія боговъ (антропоморфизма). Славянскіе боги продолжали сливаться со стихіями, когда появилось христіанство. Смѣшавъ новую вѣру со старой, народное сознаніе частью слило своихъ недодѣланныхъ боговъ съ христіанскими святыми, частью низвело ихъ въ положеніе „бѣсовъ“. Но даже

и такое смѣшенiе языческихъ понятiй съ христiанскими не заставило славянъ забыть первоначальное значенiе своихъ древнихъ боговъ. Превратившись въ святого Илью, разъѣзжающаго по небу въ своей колесницѣ, языческiй Перунъ не переставъ быть богомъ-громовникомъ. Напротивъ, его стихiйные признаки сохранились съ удивительной свѣжестью вплоть до нашего времени. Здѣсь повторилось то же, что мы видѣли относительно родового быта у южныхъ славянъ. Вотъ для примѣра одна пѣсня, недавно записанная у сербовъ и сохранившая такую прозрачность и близость къ природѣ миѳологическихъ образовъ, какъ будто бы это былъ одинъ изъ стародавнихъ священныхъ гимновъ индусской Ригъ-Веды. „Слава Богу, слава единому! Года три дождя ужъ не было ни капли; малые ребята плакали о хлѣбѣ; старцы старые все о винѣ тужили. Говоритъ тогда Марiя всеблагая: ты послушай-ка, Илья-громовникъ, ты ступай да справь коней крылатыхъ, чтобъ пустить великiй громъ на землю, чтобы жгучей молнiей ударить, чтобы дождь спалъ съ неба превеликiй, чтобъ поквасить радостную землю. Вывелъ тутъ Илья коней крылатыхъ и подрѣзалъ онъ конямъ копыта; а святая Петка имъ подковы прибивала. Говорилъ тогда Илья святитель: слушай ты, Марiя всеблагая: ты пошли сестричича мнѣ Саву: Сава къ тихому пусть сходитъ морю: тамъ двѣнадцать змѣй скрываютъ тучу, не пускаютъ выйти черный облакъ. Говоритъ Ильѣ блаженная Марiя: какъ пошлю тебѣ сестричича я Саву? Сава вѣдь одинъ у матери дѣтенышъ. Отвѣчаетъ ей Илья святитель: непремѣнно ты пошли мнѣ Саву; Сава мнѣ сестричичъ очень нуженъ. И послала тутъ Марiя Саву, а Илья ему сказалъ, святитель: слушай-ка меня, сестричичъ Сава; приходи ко мнѣ съ дамасской саблей и ступай скорѣе къ тихому ты морю: тамъ двѣнадцать змѣй скрываютъ тучу. Громомъ стану я гремѣть изъ неба; змѣи тутъ попадаютъ всѣ мертвы, ты жъ имъ головы ссѣкай скорѣе. Устремился Сава къ тихому тутъ морю, а Илья метать сталъ громы съ неба; погромилъ двѣнадцать змѣй громами; мертвы вышли всѣ онѣ изъ моря, головы отсѣкъ имъ саблей Сава. Только тутъ изъ моря вышла ажда,—о двѣнадцати главахъ та ажда; пасть она раскрыла и прогнала Саву. Выпустилъ изъ рукъ своихъ онъ саблю, убѣжалъ далеко вверхъ—подъ небо, говорилъ Ильѣ святому: слушай, дядя, всѣмъ змѣямъ отсѣкъ я саблей главы, а потомъ изъ моря вышла ажда, о двѣнадцати главахъ та ажда; пасть она раскрыла и меня прогнала. Засмѣялся тутъ Илья и молвилъ: вижу, Сава, глупый ты ребенокъ; возвращайся-ка назадъ ты къ морю:

эту ажду я убью громами; мертвая она падетъ на землю, ты же голову сѣки ей саблей. Снова Сава воротился къ морю, а Илья пустилъ громы изъ неба; погромилъ онъ лютую ту ажду; пала мертвая она на землю; Сава голову отсѣкъ ей саблей. Тутъ изъ моря поднялася туча, а изъ тучи темной дождь полился; онъ поквасилъ радостную землю, напиталъ онъ глупыхъ ребятишекъ, напоилъ виномъ онъ старыхъ старцевъ". Мы нарочно выбрали для примѣра эту пѣсню, такъ какъ въ ней изображается одинъ изъ самыхъ основныхъ мотивовъ славянской религіи. Форма пѣсни съ ея „дамасской саблей", съ святымъ Ильей и всеблагой Маріей, конечно, очень нова. Но ея содержаніе восходитъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда славянскія вѣрованія сливались съ вѣрованіями другихъ родственныхъ имъ имъ по языку народовъ арійскаго племени.

Борьба свѣтлыхъ и темныхъ силъ природы, плодородія съ безплодіемъ, теплаго лѣта съ холодной зимой, свѣтлаго дня съ ночной тьмой—этотъ сюжетъ красной нитью проходитъ черезъ всѣ религіозныя представленія арійцевъ. Борьба Ильи со змѣемъ, скрывающимъ отъ людей благодатный дождь, напоминаетъ намъ индусскаго громовержца Индру, разбивающаго змѣя на части своими ударами; и самая сербская „ажда" (драконъ) происходитъ не только по смыслу, но даже и по названію изъ того же источника, какъ индусскій змѣй „ахи", побѣждаемый перунами Индры.

Круговоротъ главныхъ праздниковъ. Рождество и святки.

Подобно другимъ арійскимъ народамъ, славяне представляли себѣ весь круговоротъ временъ года въ видѣ непрерывной борьбы и поочередной побѣды свѣтлыхъ и темныхъ силъ природы. Исходной точкой этого круговорота было наступленіе новаго года,—рожденіе новаго солнца. „День рожденія непобѣдимаго солнца" праздновали, какъ извѣстно, и римляне, посвящавшіе этому празднику (такъ наз. *сатурналіямъ)* конецъ декабря и начало января. Христіанство употребляло всяческія усилія, чтобы замѣнить торжество языческаго бога празднованіемъ Рождества Христова; но долго всѣ эти усилія оставались напрасными. Папа Левъ Великій еще въ V вѣкѣ жаловался, что народъ празднуетъ въ это время не рожденіе Христа, а восхожденіе новаго солнца. Дѣйствительно, языческій характеръ празднованія святокъ, получившихъ у славянъ греко-римское названіе „коляды" (calendae, *καλάνδαι*, т. е. первый день новаго мѣсяца), сохранился во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ. Помимо колядскихъ пѣсенъ у южныхъ славянъ сохранились и нѣкоторые обряды, напоминающіе о первоначальномъ смыслѣ древняго языче-

скаго торжества. Повечеріе Рождества Христова называется у болгаръ, сербовъ, кроатовъ и частью словенцевъ—баднії день, баднії вечеръ, баднякъ. Каждый домъ запасаетъ для этого вечера два-три срубленныхъ молодыхъ дубка, стволы которыхъ и носятъ названіе бадняка. При наступленіи сумерокъ дубовые стволы эти вносятся въ домъ и кладутся на огонь. Первому визиту на слѣдующій день придается большое значеніе: обыкновенно для этой цѣли спеціально приглашаютъ какого-нибудь знакомаго. Подойдя къ двери, гость сыплетъ хлѣбомъ и произноситъ: „Христосъ се роди". Осыпанный въ свою очередь хлѣбомъ гость подходитъ затѣмъ къ баднякамъ, беретъ кочергу и ударяетъ ею по горящимъ стволамъ, такъ что изъ нихъ сыплются искры. При этомъ онъ приговариваетъ: „оволико (т. е. столько) говеда, оволико коня, оволико коза, оволико овца, оволико крмака (боровов); оволико кошница (пчелиныхъ ульевъ), оволико среће и напредка (счастья и удачи)". Затѣмъ онъ бросаетъ нѣсколько монетъ на баднякъ или въ золу. Всѣ эти обряды обращаются, очевидно, къ богу плодородія. Въ сербскихъ святочныхъ пѣсняхъ идетъ рѣчь въ это время о „старомъ бадняке" и о „молодомъ божичѣ". Чешская пѣсня проситъ у стараго „дѣда" орѣшковъ. Надо замѣтить то, что и орѣхи, и дубъ, изъ котораго дѣлается баднякъ, посвящены были Перуну. Новый „божичъ", т. е. божій сынъ, навѣрное, въ языческое время обозначалъ не новорожденнаго Христа. Одна пѣсня (правда, нѣсколько сомнительная) прямо называетъ его „Сварожичемъ". Нельзя не припомнить при этомъ и обличенія одного стариннаго русскаго памятника, что славяне „молятся огню, называя его Сварожичемъ".

Марена и май. Отпраздновавъ въ декабрѣ рожденіе новаго громовника, славяне въ концѣ великаго поста праздновали его полную побѣду надъ зимой — „смертью", олицетворявшейся въ видѣ женскаго божества „Марены". Древнѣйшее извѣстіе объ этомъ славянскомъ праздникѣ дошло до насъ отъ XIV вѣка. Именно, въ 1366 году церковь запрещала чехамъ „древній и установившійся обычай"—выносить фигуру, изображающую смерть, съ пѣснями и суевѣрными играми къ рѣкѣ, топить ее тамъ и насмѣхаться надъ смертію, что она никому уже болѣе не можетъ вредить и что она окончательно изгнана изъ страны. Несмотря на то, что подобныя запрещенія повторялись не разъ, старый обычай уцѣлѣлъ однако повсюду среди славянства. Съ этимъ обрядомъ вынесенія Марены (символъ зимы) связанъ былъ обычай ходить съ маемъ (символъ весны), справлявшійся тотчасъ послѣ похоронъ Марены — на страстной или на вербной недѣлѣ.

„Май (маякъ), лѣто“—это маленькая елка, разукрашенная разноцвѣтными лентами, разрисованной бумагой и позолоченными яйцами. Ее носятъ изъ дому въ домъ съ пѣснями соотвѣтственнаго содержанія. Наконецъ, къ весеннимъ же праздникамъ относился праздникъ розъ (dies rosae, rosalia). Это былъ собственно римскій весенній праздникъ; славяне пріурочили его къ Троицыну дню и передѣлали его римское названіе по своему („русаліи“). Отъ „русалій“ получили свое названіе, по всей вѣроятности, и русскія „русалки“. По русскому повѣрью, съ тѣхъ поръ, какъ стаетъ снѣгъ, вплоть до Троицына дня русалки живутъ въ рѣкахъ; въ этотъ же день онѣ выходятъ изъ воды и поселяются на землѣ, преимущественно на деревьяхъ. На зиму русалки опять забираются въ землю и выходятъ оттуда только къ веснѣ, когда распустятся деревья и зазеленѣетъ трава. У другихъ славянъ однако же русалки носятъ иное названіе: „вилы“; вѣроятно, такъ назывались прежде и нимфы восточныхъ славянъ. Надо прибавить еще, что „вилы“ другихъ славянъ живутъ не въ однѣхъ рѣкахъ. Однѣ изъ нихъ обитаютъ въ облакахъ, другія на землѣ (и притомъ либо въ горахъ, либо на лугахъ), третьи въ водѣ.

Канунъ Ивана Купалы.

Лѣтній солнцеворотъ, точно такъ же, какъ и зимній, сопровождался у славянъ языческими обрядами. Праздникъ лѣтняго солнцеворота пріуроченъ былъ къ кануну Иванова дня и справлялся повсюду такъ, какъ онъ справляется мѣстами и теперь. Связанный съ празднованіемъ памяти св. Іоанна *Крестителя*, языческій праздникъ получилъ отъ христіанскаго святого и свое названіе „*Купалы*“. Послѣ того, какъ имя святого перешло въ названіе праздника, нетрудно было названіе праздника превратить въ названіе того божества, въ честь котораго совершалось празднованіе. Божество солнца, провожаемаго на зиму, слилось съ названіемъ „Купалы“, а также „Ярилы“ и „Костромы“.

Всѣ три имени этихъ мнимыхъ боговъ употребляются исключительно въ связи съ празднованіемъ лѣтняго солнцеворота. Въ обрядностяхъ этого праздника всѣ они играютъ совершенно такую же роль, какъ „Марена“ въ весеннемъ праздникѣ, о которомъ говорилось выше. Вотъ какъ изображается роль Купалы въ старинномъ памятникѣ, дошедшемъ до насъ въ рукописяхъ XVI — XVII столѣтія. „Вечеромъ наканунѣ Иванова дня собираются вмѣстѣ молодцы и дѣвушки и плетутъ вѣнки изъ разныхъ цвѣтовъ, надѣвая ихъ на голову или привѣшивая у пояса. Они зажигаютъ костеръ и, взявшись за руки, пляшутъ кругомъ него и поютъ пѣсни,

въ которыхъ часто упоминаютъ Купалу. Потомъ они перепрыгиваютъ черезъ огонь, посвящая себя оному бѣсу Купалѣ, и много другихъ бѣсовскихъ вымысловъ творятъ во время этихъ сборищъ, о которыхъ и писать неприлично". Сожженіе или потопленіе въ рѣкѣ соломенной чучелы или другого изображенія Купалы, Ярилы или Костромы напоминаетъ намъ о связи праздника съ солнечнымъ божествомъ. Надо прибавить, что всѣ эти обряды совершаются на протяженіи цѣлаго праздничнаго цикла—между Ивановымъ и Петровымъ днемъ.

Такимъ образомъ, всѣ главные праздники славянскаго языческаго календаря вытекали изъ одного основного представленія,—изъ представленія о томъ, что чередованіе временъ года есть послѣдствіе взаимной борьбы свѣтлыхъ и темныхъ силъ природы. Чѣмъ болѣе отодвигалось на второй планъ это основное представленіе, тѣмъ болѣе самостоятельности получали отдѣльные моменты стихійной борьбы въ понятіяхъ народа; вмѣстѣ съ тѣмъ и разновидности одного и того же божества постепенно становились отдѣльными, независимыми другъ отъ друга божествами. Въ концѣ концовъ каждый праздникъ получилъ своего особаго бога. Христіанскіе миссіонеры, напавъ именно на эти отдѣльныя проявленія общей религіозной мысли и не имѣя повода вдумываться въ ихъ основную идею, замѣнили древнюю стройную и цѣльную систему славянскаго язычества сложной, пестрой и произвольной номенклатурой боговъ, созданныхъ на половину народной забывчивостью, на половину ихъ собственнымъ обличительнымъ усердіемъ. Какъ видно, и здѣсь, въ области народнаго календаря, такъ же, какъ въ области миѳологіи, христіанская мысль пришла на помощь славянству раньше, чѣмъ языческая мысль самого славянства успѣла выработать свою сколько-нибудь законченную систему. Въ результатѣ, и здѣсь произошло взаимное сліяніе вѣрованій, надолго исказившихъ другъ друга.

Поклоненіе предкамъ. Другого рода сліяніе должно было произойти въ области славянской *демонологіи*, т. е. въ области вѣрованій въ низшія божества природы. Этотъ древнѣйшій религіозный слой всюду представляетъ собой осадокъ вѣрованій коренныхъ обитателей края; несомнѣнно, что и въ славянской демонологіи сохранилось немало чертъ, усвоенныхъ славянами отъ туземцевъ тѣхъ странъ, куда они явились въ качествѣ колонистовъ. Разборъ этихъ этнографическихъ вліяній завелъ бы насъ однако слишкомъ далеко отъ нашей главной цѣли. Вотъ почему мы оставимъ въ сторонѣ славянскую демонологію и прямо перейдемъ къ разбору одного изъ древнѣйшихъ

элементовъ славянской религіи, вполнѣ сложившагося еще въ эпоху арійскаго единства. Рѣчь идетъ о культѣ божества дома и семьи. Культъ этотъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ древнему общественному строю. Разсказывая о родовомъ бытѣ славянъ, мы замѣтили, что единство родового союза поддерживается,—какъ бы ни разростался этотъ союзъ,—воспоминаніемъ о единомъ родоначальникѣ. Прочность этого воспоминанія происходитъ оттого, что оно имѣетъ религіозный характеръ. Умершій предокъ становится домашнимъ божествомъ, охранителемъ семьи и рода. Правда, у славянъ поклоненіе предкамъ не вылилось въ такія отчетливыя, законченныя формы и не имѣло такихъ строгихъ юридическихъ послѣдствій, какъ у грековъ и у римлянъ, но все же нѣкоторое вліяніе на организацію общественнаго быта имѣлъ и славянскій культъ предковъ. Впрочемъ, и помимо связи съ общественнымъ строемъ, поклоненіе предкамъ интересно въ томъ отношеніи, что вскрываетъ передъ нами цѣлый процессъ роста религіозныхъ представленій о душѣ и загробной жизни.

Загробная жизнь.

Было, кажется, время, когда родные хоронили своихъ покойниковъ въ самомъ домѣ, подъ порогомъ или въ переднемъ углу дома. Здѣсь, стало быть, и долженъ былъ продолжать свое существованіе покойникъ по представленію тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда понятія о загробной жизни только что начинали развиваться. Эти понятія стали, однако же, гораздо сложнѣе къ тому времени, когда славяне стали отличаться по языку отъ другихъ арійскихъ народовъ. Старыя представленія,—что мертвецъ продолжаетъ жить въ своей могилѣ и иногда изъ нея выходитъ,—существовали, правда, по-прежнему. Но рядомъ съ ними давно уже появились новыя. Душа уже представлялась существующей отдѣльно отъ тѣла, какъ какое-то тонкое существо, „легкое“ дыханіе, — „дымецъ малъ“. Еще при жизни человѣка душа его изъ него иногда вылетаетъ, — именно во время сна. Въ Далматіи, Черногоріи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сербіи эта душа носитъ особое названіе „вѣдогоня“. По смерти душа отдѣляется отъ покойника и летаетъ по деревьямъ въ видѣ птицы, бабочки и т. п. Однако же это земное пребываніе души только временное. Душа должна оставаться на землѣ до совершенія похороннаго обряда; она остается въ этомъ мірѣ навсегда только въ томъ случаѣ, если правильнаго обряда не было выполнено надъ покойникомъ. Такъ, напр., дѣвушка или ребенокъ, утонувшіе въ водѣ, становятся такими постоянными скитальцами (русалками, мавками). Напротивъ, послѣ правильныхъ похоронъ душа

отлетаетъ въ царство мертвыхъ. Царство это представлялось славянамъ въ видѣ какой-то отдаленной страны на концѣ свѣта, — тамъ, гдѣ заходитъ солнце. Въ эту страну надо наряжать покойника, какъ въ далекій путь. Чтобъ попасть въ нее, покойнику придется плыть по рѣкѣ или переходить туда по воздушному мосту,— млечному пути,—или, наконецъ, взбираться на высокую гору. Страна умершихъ называлась у славянъ „навьемъ", „раемъ" и „пекломъ". „Навь" значило первоначально—мертвецъ, гробъ, а затѣмъ вообще страна мертвыхъ. Она представлялась, какъ мы только что говорили, какой-то заморской страной, куда можно доплыть по рѣкѣ: поэтому, поминая покойниковъ въ праздникъ Воскресенія Христова, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросаютъ яичную скорлупу въ рѣку, въ полной увѣренности, что она доплыветъ въ „навье", къ роднымъ покойникамъ. Что касается „рая" и „пекла",—слова эти не имѣли первоначально того смысла, который имѣютъ теперь, и значили приблизительно одно и то же: какую-то воздушную страну между небомъ и землей, освѣщаемую и согрѣваемую солнечными лучами. Однако еще прежде, чѣмъ явилось христіанство, славяне начали, повидимому, раздѣлять свое царство мертвыхъ на двѣ половины. Рай былъ помѣщенъ при этомъ на небѣ, а пекло сведено внизъ, въ подземное царство. Подземное царство изстари представлялось царствомъ тьмы, въ которомъ жили разныя злыя силы, а небесное пространство — царствомъ свѣта. Понятно поэтому, что раздѣленіе загробнаго царства получило смыслъ — различенія судьбы мертвыхъ, которымъ предстояло попасть въ ту или другую половину. Но различеніе это въ ту пору основывалось, навѣрное, не на христіанскомъ понятіи о добродѣтельности и грѣховности. Всего вѣроятнѣе, что райскихъ жилищъ удостоивались по первоначальнымъ представленіямъ наиболѣе знатные, наприм., вожди; остальные же покойники продолжали оставаться въ пеклѣ, которое, впрочемъ, вовсе не представлялось еще мѣстомъ вѣчныхъ мученій.

Способы погребенія. Въ самой тѣсной связи съ только что изложенными представленіями о загробной жизни находились различные способы погребенія. Мы уже замѣтили, что простое погребеніе въ землѣ соотвѣтствовало древнѣйшему понятію, по которому душа покойника, не отдѣленная отъ тѣла, остается вмѣстѣ съ тѣломъ. Изъ такого именно представленія исходитъ культъ предковъ; и одной этой связи поклоненія предкамъ съ погребеніемъ въ землѣ совершенно достаточно, чтобы мы имѣли право отнести происхожденіе культа предковъ къ самому древнему періоду въ исторіи религіи. „Дѣдушка-домовой"

живетъ, дѣйствительно, тамъ же, гдѣ онъ первоначально хоронился: живетъ въ избѣ. Но въ этой избѣ мало-по-малу его мѣсто жительства опредѣляется точнѣе. Онъ не остается жить подъ землей или подъ порогомъ, какъ бы ему слѣдовало. Онъ поселяется у очага или у печки. Очагъ есть мѣсто священное: къ нему обращаются во всѣхъ важныхъ семейныхъ случаяхъ. Его покровительства ищетъ новобрачная, вступая въ домъ своего мужа. Въ случаѣ перехода въ новое помѣщеніе огонь стараго очага переносятъ съ собой въ видѣ углей. По чешскому преданію, родоначальникъ Чехъ, уходя на новую родину, несъ съ собой на плечахъ своихъ домашнихъ боговъ,—своихъ „дѣдковъ". Все это показываетъ намъ, что культъ предковъ не остался простымъ поклоненіемъ мертвецу, закопанному въ землю, а осложнился новыми элементами. Культъ гробницы соединился съ культомъ огня, и культъ семейнаго очага былъ результатомъ этого соединенія. Но что же было для такого соединенія движущей причиной? Объясненіе мы опять найдемъ въ развитіи понятій о загробной жизни и въ измѣненіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, самой формы погребальнаго обряда. Когда явилось понятіе объ отдѣльномъ существованіи души, о ея загробныхъ странствіяхъ и о предназначенномъ для нея жилищѣ мертвыхъ, — сдѣлалось необходимымъ и похоронный обрядъ приспособить къ этому новому представленію. Надо было, съ помощью обряда, облегчить покойному путешествіе въ царство мертвыхъ, точно такъ же, какъ прежде ему облегчали подземное существованіе, ставя съ нимъ въ гробъ питье и пищу. Теперь, снаряжая покойника въ дальній путь, стали погребать его въ ладьѣ или въ саняхъ; съ той же цѣлью клали въ гробъ ногти покойника или ременную лѣстницу, чтобы ему было легче взбираться на высокую гору, и т. д. Наконецъ, когда и царство мертвыхъ стало представляться раздѣльнѣе, — когда оно раскололось на двѣ половины, и одна изъ нихъ перемѣщена была съ земли на небо,— то похоронный обрядъ долженъ былъ еще разъ приспособиться къ новой перемѣнѣ взгляда. Кратчайшимъ путемъ съ земли на небо является сожженіе привилегированныхъ покойниковъ посредствомъ огня, — этой божественной стихіи, „посредничающей между землею и небомъ", по выраженію древнихъ индусскихъ гимновъ. Для того, чтобы сразу ввести въ этотъ кругъ представленій, приведемъ обрядовыя правила одного индусскаго „Домостроя" (Грихья-сутры). Около мертвеца предписывается здѣсь помѣстить три огня: сѣверовосточный, освященный на очагѣ и приготовленный для жертвы; сѣверозападный, тоже посвященный огню, „господину дома" (или богу Агни), и южный.

„Если сѣверовосточный огонь первый охватитъ покойника, то да будетъ вѣдомо, что онъ вознесъ его въ небесный міръ: онъ тамъ будетъ счастливъ, и также этотъ сынъ его здѣсь, на землѣ. Если сѣверозападный огонь достигнетъ покойника первый, да будетъ вѣдомо, что онъ вознесъ его въ воздушный міръ; онъ будетъ тамъ счастливъ и т. д... Если южный огонь достигнетъ первый покойника, да будетъ вѣдомо, что онъ вознесъ его въ міръ людей... Во время горѣнія (мертвеца) погребающій говоритъ: иди, иди по тому стародавнему пути... Если совершаетъ сожженіе человѣкъ знающій, то покойникъ уже съ дымомъ идетъ въ небесный міръ: это извѣстно. Изъ ямы, глубиной до колѣнъ, выкопанной къ сѣверу-востоку отъ перваго огня... мертвый выходитъ и съ дымомъ достигаетъ небеснаго міра; это уже извѣстно“. Къ послѣдней фразѣ одинъ индусскій толкователь прибавляетъ для поясненія: „умершій, который теперь вошелъ въ *тонкое тѣло*, ждетъ въ этой ямѣ погребенія; и когда сожжено его земное тѣло, выходитъ изъ ямы *) и идетъ съ дымомъ въ небесный міръ“. Имѣя въ виду эти объясненія индусскаго служебника, мы легко поймемъ настроеніе того русса, который разсуждалъ съ арабскимъ писателемъ Ибнъ-Фадланомъ въ IX вѣкѣ по поводу сожженія умершаго „русскаго“ купца въ г. Булгарѣ. „Вы, арабы — глупый народъ“, говорилъ этотъ руссъ Ибнъ-Фадлану; „самаго дорогого и почитаемаго человѣка вы берете и бросаете въ землю, гдѣ ѣдятъ его звѣри и черви. Мы же сжигаемъ его въ одинъ мигъ, такъ что онъ немедленно и безъ задержки попадаетъ въ рай“. „При этомъ“, разсказываетъ далѣе Ибнъ-Фадланъ, „руссъ захохоталъ неудержимо и прибавилъ: „Божья милость къ покойнику очевидна въ томъ, что подулъ вѣтеръ и поможетъ сжечь его въ одно мгновеніе“. Кто бы ни былъ этотъ „руссъ“,—норманнъ или славянинъ, его мысли и чувства точнѣйшимъ образомъ сходятся съ показаніями индусской Грихья-сутры: тотъ и другой источникъ одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, какъ однообразно и опредѣленно смотрѣли на значеніе обряда сожженія всѣ арійскія народности. Огонь погребальнаго костра отдѣлялъ душу отъ тѣла и отправлялъ ее въ райскія жилища. Этотъ огонь и послужилъ связью между двумя религіозными системами, произошедшими совершенно независимо другъ отъ друга. Съ одной стороны, огонь былъ проявленіемъ на землѣ

*) Прибавимъ, что яма, въ которой душа покойника ждетъ сожженія, весьма вѣроятно, есть остатокъ предшествовавшаго способа погребенія— зарытія въ землю.

небеснаго, солнечнаго бога, посланниковъ небесныхъ боговъ. Въ этомъ смыслѣ культъ огня неразрывно связанъ съ обоготворенiемъ явленiй природы. Но тотъ же огонь коснулся теперь покойника, способствовалъ очищенiю его души и такимъ образомъ самъ превратился въ символъ души предка. На очагѣ оба значенiя огня слились въ одно нераздѣльное цѣлое: стихiйный небесный богъ и родовое божество семейной общины одинаково чествовались на этомъ естественномъ алтарѣ безъ храма жрецами безъ посвященiя. Культъ очага показываетъ такимъ образомъ еще разъ, какiя ступени развитiя прошла славянская религiя совмѣстно съ арiйской, до чего она дошла на этомъ пути и дальше чего не успѣла развиться.

П. Милюковъ.

VI.

Аларихъ и вестготы.

„Не варвары разрушили Римскую имперію.... она пришла въ упадокъ отъ собственнаго внутренняго разложенія“...

Моммзенъ.

Расчлененіе Римской имперіи.

Великая эпоха паденія Римской имперіи и образованія на ея развалинахъ новыхъ государствъ, изъ которыхъ выросли впослѣдствіи главныя западно-европейскія народности, представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ всемірной исторіи. Происходившая въ то время борьба двухъ культурныхъ міровъ—римскаго и варварскаго, и двухъ міровоззрѣній—христіанства и древняго язычества, должна быть предметомъ серьезнаго вниманія всякаго изучающаго исторію человѣчества; а отдѣльные эпизоды этого страшнаго историческаго кризиса полны глубокаго драматизма.

Еще недавно элементарныя руководства изображали то, что называется паденіемъ Римской имперіи, какъ быстрое крушеніе ослабѣвшей монархіи, когда-то непобѣдимаго владыки міра, подъ героическимъ напоромъ могучей волны германскаго великаго переселенія, брошенной на ея территорію нашествіемъ гунновъ въ концѣ IV в. Но ближайшее изученіе источниковъ, которые сохранились отъ этихъ далекихъ вѣковъ, обнаружило, что на дѣлѣ все происходило и менѣе скоро, и не такъ просто. Событіе лишь мало-по-

Источники: *Jordanis*, De origine actibusque Getarum; *Zosimus*, Historia romana. *Claudianus*, Carmina. **Пособія**: *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom, I; *Wietersheim*, Geschichte der Völkerwanderung, Leipzig 1882; *Dahn*, Könige der Germanen V, VI; Würtzburg 1871; *Fustel de Coulanges*, L'invasion germanique; *Ешевскій* Соч., т. 3; *М. Петровъ*, Очерки всемірной исторіи. Изд. 2-е. 1892.

малу подготовлялось многочисленными фактами и разнообразными явленіями, которыя медленно развивались внутри имперіи. Отъ разлагающаго дѣйствія ихъ обширное государство клонилось къ упадку настолько постепенно, что прекращеніе его существованія на западѣ совершилось безъ рѣзкой катастрофы. Германскія племена, выступавшія на историческую сцену, полныя кипучей жизни въ то время, когда умиралъ великій государственный организмъ, объединившій страны и народы древняго міра, не разрушили собственно Римской имперіи, а скорѣе заняли освобожденное ею мѣсто въ различныхъ областяхъ, надъ которыми она властвовала и которыхъ не могла больше ни защищать, ни держать въ подчиненіи. Такимъ образомъ, ихъ нашествіе должно представляться послѣднимъ звеномъ, заключающимъ длинную цѣпь фактовъ, а не рѣзкимъ ударомъ, оборвавшимъ ихъ нормальное развитіе. Научное изслѣдованіе „паденія Римской имперіи" и „великаго переселенія народовъ" подтвердило таким образомъ лишнимъ яркимъ примѣромъ теперь уже прочно установившуюся въ исторіи идею, что никакой крупный переворотъ не можетъ совершиться сразу, а всякое важное измѣненіе въ судьбахъ человѣчества является лишь конечнымъ слѣдствіемъ долго вліявшихъ на жизнь его причинъ.

Расчлененіе западныхъ провинцій Римской имперіи германскими племенами или, какъ обыкновенно говорятъ, завоеваніе Западной Римской имперіи ими въ V в. по Р. Хр. можетъ быть понято только въ томъ случаѣ, если будетъ болѣе или менѣе ясно представляться общій ходъ отношеній между римлянами и германцами съ самаго начала; а съ характеромъ послѣднихъ великихъ вторженій можно хорошо познакомиться изъ подробнаго разсказа о событіяхъ одного изъ нихъ и тогда легче будетъ вывести ихъ слѣдствія и оцѣнить результаты.

I.

Очеркъ исторіи отношеній между римлянами и германцами въ первые три вѣка по Р. Хр.

Движеніе арійцевъ.

Первыя столкновенія римлянъ съ германцами относятся къ періоду гораздо болѣе раннему, чѣмъ появленіе въ Европѣ тюрко-монгольской орды гунновъ. Попытки германцевъ проникнуть на римскую почву связаны съ тѣмъ громаднымъ племеннымъ теченіемъ, которое, начавшись въ незапамятныя времена подъ давленіемъ обстоятельствъ,

неизвѣстныхъ исторіи, гдѣ-нибудь въ средней Азіи, мало-по-малу распространилось и на нашу часть свѣта. Оно продолжалось много вѣковъ, и само слагалось изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ потоковъ, которые одинъ за другимъ направлялись съ востока на западъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, древнѣйшій, принесъ съ собою греко-италійскую группу народовъ въ южные полуострова; дальнѣйшіе послѣдовательно покрыли болѣе сѣверныя части Европы кельтскимъ, потомъ германскимъ, наконецъ, славяно-литовскимъ населеніемъ. Сложное явленіе, на которое тутъ указано, можно въ цѣломъ по справедливости назвать „великимъ переселеніемъ арійскихъ народовъ".

Волны его не сразу улеглись, попавъ въ предѣлы сѣверо-западнаго материка стараго свѣта. Европа представляла тогда суровую землю, поросшую густыми дебрями дремучихъ лѣсовъ и громадными площадями пустынныхъ степей и непроходимыхъ болотъ; ее бороздили рѣки, гораздо болѣе полноводныя и бурныя, чѣмъ теперь; ее населяло гораздо болѣе опасное животное царство. Надо было выбирать среди обширныхъ и дикихъ пространствъ области, удобныя для утвержденія осѣдлости, къ которой сильно влекло невольныхъ странниковъ, выработавшихъ уже въ своей отдаленной „прародинѣ" первоначальныя основы земледѣльческаго быта и родового строя и, можетъ быть, даже зачатки государственныхъ формъ жизни. А мѣста эти по большей части были уже заняты болѣе древними поселенцами, принадлежавшими къ различнымъ другимъ расамъ, прибывшимъ также съ востока и принесшимъ съ собою оригинальную, но первобытную культуру. Они убивали враговъ и охотились за звѣрями кремневыми копьями и стрѣлами, наносили удары твердыми каменными топорами, приготовляли одежду и выдѣлывали предметы грубой домашней обстановки инструментами изъ камня и кости; они возводили величественные погребальные „мегалитическіе" памятники (дольмены, менгиры, кромлехи) и сооружали „озерныя жилища" на сваяхъ. Аріи, явившіеся въ новую страну, работали и сражались уже орудіями и оружіемъ изъ металла: бронзовыя и желѣзныя издѣлія наполняютъ самыя древнія ихъ могилы. Они обладали и болѣе совершенною цивилизаціею, и болѣе высокими дарованіями, чѣмъ ихъ предшественники. Но всетаки имъ пришлось упорно бороться на новыхъ мѣстахъ съ природой, звѣремъ и человѣкомъ. Кромѣ того отдѣльныя колѣна передвигавшихся арійскихъ народовъ переплетались и сталкивались между собой, тѣснили и гнали другъ друга все дальше; затѣмъ отъ времени до времени ихъ настигали сзади новые выходцы изъ Азіи, принадле-

жавшие къ различнымъ инымъ расамъ. Все это возбуждало въ Европѣ многовѣковую сутолоку племенъ, которая поднимала многочисленныя бури; послѣднія производили въ жизни страны важные перевороты, изъ которыхъ древнѣйшие скрыты отъ наблюденія историка за темною далью временъ. Борьба римлянъ съ германцами была лишь одною изъ самыхъ позднихъ фазъ великаго движенія арійцевъ въ Европу.

Кимвры и тевтоны.

Первымъ событіемъ, которое привело въ соприкосновеніе классическій бытъ съ новою незнакомою ему бѣлокурою расою сѣверныхъ людей, было знаменитое нашествіе двухъ германскихъ народцевъ, *кимвровъ* и *тевтоновъ*, на сѣверную Италію и южную Галлію незадолго до 100-го года передъ Р. Хр. Большою вооруженною толпою съ семьями, стадами и всѣмъ движимымъ имуществомъ переваливъ черезъ Альпы или спустившись по Ронѣ, вторглись они въ предѣлы республики. Они сѣяли кругомъ ужасъ и опустошеніе; но это не былъ только хищническій набѣгъ; это было племенное переселеніе: враги настойчиво требовали, чтобы имъ были уступлены земли на римской территоріи. Энергіи Марія удалось избавить разстроенное уже внутренними бѣдствіями отечество отъ грозной опасности. Остатки разбитыхъ полчищъ были захвачены и проданы въ рабство, или бѣжали назадъ и исчезли въ невѣдомыхъ краяхъ, откуда они пришли. Но страшная память о „варварахъ“ сохранилась живою у римлянъ, и въ фантазіи жителей юга стали слагаться мрачныя легенды о природѣ и людяхъ туманнаго, таинственнаго сѣвера.

Свевы.

„Исходъ“ кимвровъ и тевтоновъ былъ фактомъ, одиноко стоящимъ, какъ бы случайно долетѣвшимъ до Рима отголоскомъ волненій, совершавшихся въ глубинѣ лѣсовъ средней Европы. Еще разъ, лѣтъ 50 спустя, другое германское племя, *свевы*, большое и могущественное, пыталось утвердиться въ южной Галліи. Юлій Цезарь засталъ ихъ тамъ сидящими на земляхъ секвановъ подъ начальствомъ выдающагося вождя Аріовиста. Геніальный полководецъ отбросилъ ихъ обратно за Рейнъ; но вскорѣ затѣмъ послѣ завоеванія Цезаремъ Галліи предѣлы римскаго государства непосредственно сошлись съ германскимъ міромъ. Послѣ смерти его были захвачены римлянами даже области мелкихъ германскихъ племенъ, жившихъ на лѣвомъ берегу Рейна, и тамъ положено основаніе „провинціи Германіи“. Съ этихъ поръ, т. е. приблизительно съ момента утвержденія въ Римѣ имперіи устанавливаются постоянныя отношенія между римлянами и германцами, которыя принимаютъ

различныя формы и приводятъ къ неодинаковымъ результатамъ, смотря по тому, какими оказываются сравнительныя силы обѣихъ сторонъ.

Наступленіе римлянъ. Германцы прежде всего должны были отказаться отъ надежды отыскать себѣ новыя мѣста осѣдлости на римскихъ владѣніяхъ. Имъ пришлось даже упорно защищать свои старыя поселенія. Римская стихія еще стремится къ росту: имперія, сильная поддержкою большинства населенія, которому она дала миръ и заботливое управленіе вмѣсто междоусобій и хищеній послѣдняго періода республики, заняла всю рейнскую линію въ началѣ перваго же вѣка послѣ своего основанія. Съ юга она подступила къ Дунаю, и на длинной пограничной чертѣ, образуемой теченіемъ обѣихъ рѣкъ, происходятъ непрерывныя столкновенія между классическимъ и варварскимъ мірами и неизбѣжное взаимное вліяніе одного на другой. На великихъ рѣкахъ загорается борьба. Успѣхъ, конечно, склоняется на сторону могущественной монархіи. Распадавшаяся на мелкіе народцы германская раса еще ослабляетъ себя неспособностью къ дружному дѣйствію и подается назадъ передъ желѣзною силою легіоновъ. Римскіе орлы переправляются черезъ Рейнъ и Дунай, и провинція Германія обѣщаетъ расшириться далеко на востокъ по направленію къ Эльбѣ и дѣйствительно оправдать свое названіе.

Впрочемъ, попытки римлянъ подчинить себѣ дальнюю Германію продолжались недолго. Задача оказалась нелегкою: театръ войны былъ отдаленный, и боевая линія слишкомъ растянута; варвары храбры, хоть и раздроблены, климатъ убійственный, природа суровая. Къ тому же вниманіе правителей постоянно занято было дѣлами первостепенной важности внутри государства. Завоевательныя предпріятія среди незнакомой обстановки наталкивались также на неожиданныя опасности. Еще во время царствованія Августа страшная катастрофа, постигшая неосторожнаго полководца Квинктилія Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу (9 г. по Р. Хр.),—армія его была уничтожена славнымъ вождемъ херусковъ Арминіемъ, — дала римлянамъ серьезное предостереженіе. Говорятъ, что потрясенный неудачею императоръ завѣщалъ своему преемнику Тиберію оставить всякія мечты о дальнѣйшемъ расширеніи имперіи. Дѣйствительно, мы видимъ, что поступательное движеніе легіоновъ скоро почти останавливается. Хотя позоръ тевтобургскаго пораженія смытъ блестящими побѣдами Германика, но римскіе императоры отказываются отъ новыхъ внѣшнихъ предпріятій: на рейнской и дунайской границахъ устанавливается система обороны.

Римская граница.

Такимъ образомъ, взаимное давленіе другъ на друга римскаго и варварскаго міра къ концу I-го и началу II в. по Р. Х. какъ бы уравновѣшивается: первый не двигается больше впередъ, но второй еще не въ силахъ принудить его къ отступленію. Однако имперія чувствуетъ уже тяжесть напирающихъ на нее сосѣдей, которымъ обстоятельства помогли отстоять свою свободу. Она держитъ на одной рейнской границѣ 100-тысячную армію, а потомъ воздвигаетъ между Рейномъ и Дунаемъ для защиты занятой впереди нихъ территоріи такъ называемыхъ „Десятинныхъ полей“ *(Agri Decumates)* [1]), цѣлую систему укрѣпленій. Непрерывною цѣпью на протяженіи около 490 верстъ протянулись они приблизительно отъ Регенсбурга на Дунаѣ до Кобленца на Рейнѣ. Это былъ знаменитый „римско-германскій пограничный валъ“ („Limes Romanus“, по-нѣмецки Pfahlgraben), начатый, можетъ быть, уже Домиціаномъ, законченный Траяномъ († 117 по Р. Х.) и расширенный Адріаномъ († 138 г.), и онъ является однимъ изъ блестящихъ образцовъ строительной техники римлянъ; развалины его и впослѣдствіи поражали воображеніе мѣстнаго населенія, какъ видно изъ прозванія его „Чертовой стѣною“.

Отношенія римлянъ и германцевъ слагались не изъ однихъ военныхъ дѣйствій. Заключались дружественные договоры съ отдѣльными варварскими народцами, которыхъ римляне старались сдѣлать совсѣмъ безопасными, поддерживая нерѣдко ихъ распри помощью золота, искусно примѣняя правило—„divide et impera“; между двумя народами возникало культурное общеніе и торговый обмѣнъ. Пограничныя съ германскими землями новыя римскія области быстро романизовались. Вокругъ лагерей легіоновъ (canabae) выростали богатые и цвѣтущіе города. Предпріимчивые люди съ капиталами и знаніями, привлекаемые духомъ наживы, утверждались въ новыхъ мѣстахъ. Не только вдоль лѣваго берега Рейна и праваго Дуная расположилось осѣдлое римское населеніе, но и указанный зарейнскій уголъ покрылся городами и хорошо обработанными сельскохозяйственными культурами; воздвигались храмы и школы, театры и термы, строились виллы и мастерскія; римское земледѣліе и промышленность

---

[1]) Это имя обозначало треугольникъ, образуемый Дунаемъ, Рейномъ и Неккаромъ, который занятъ теперь отчасти великимъ герцогствомъ Баденскимъ, отчасти королевствомъ Вюртембергскимъ. Названіе это произошло, вѣроятно, оттого, что колонистамъ, желавшимъ поселиться въ новой странѣ, давались тутъ казенныя земли во владѣніе подъ условіемъ уплаты въ фискъ десятины отъ урожая.

утвердились тамъ вполнѣ, и латинскій языкъ сталъ общераспространеннымъ органомъ рѣчи.

Германцы, сохранившіе свободу, не оставались также чужды вліянію римской цивилизаціи, хотя систематическая ихъ романизація не могла преслѣдоваться императорскимъ правительствомъ, такъ какъ страна ихъ не была завоевана. Совершенно несправедливо было бы утверждать, что они воодушевлялись по отношенію къ Риму постоянною племенною ненавистью. Вражда ярко вспыхивала порывами при обостреніи пограничныхъ столкновеній; но она не установилась, какъ постоянная страсть, которая неудержимо влекла бы варваровъ къ разрушенію Рима. Такая мысль даже не могла прійти имъ въ голову; напротивъ того, варвары испытывали къ имперіи какое-то особенное, нѣсколько суевѣрное почтеніе. Одинъ римскій писатель сообщаетъ интересный случай, свидѣтельствующій объ этомъ. Разъ, когда Тиберій еще во время царствованія Августа, въ качествѣ главнокомандующаго рейнской арміи, углубился во внутреннюю Германію и расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу Эльбы, какой-то старый германскій вождь, человѣкъ огромнаго роста, бросился въ полномъ вооруженіи въ челнокъ и, переплывя на римскую сторону, испросилъ разрѣшеніе предстать передъ лицомъ того, кого называли цезаремъ. Когда онъ увидѣлъ Тиберія, онъ долго съ восторгомъ вглядывался въ него и потомъ выразилъ удивленіе безумію молодежи его племени, которая дерзаетъ сражаться противъ боговъ. Онъ удалился, отдавъ римскому военачальнику божескія почести и какъ бы ослѣпленный блескомъ могущественной державы, сила которой явилась передъ его глазами. Если анекдотъ этотъ придуманъ для прославленія Рима, то многіе другіе и позднѣйшіе факты показываютъ, что въ немъ вѣрно отражается то чувство почти религіознаго трепета, которое вызывало въ варварахъ величіе имперіи (majestas imperii Romani). Воинствующаго патріотизма мы въ германцахъ не замѣчаемъ: слишкомъ слабо было для этого въ нихъ сознаніе племенного единства.

Римъ даже притягивалъ къ себѣ варваровъ. Нѣкоторые народцы охотно заключали союзы съ римскими намѣстниками. Другіе принимали изъ рукъ императора назначаемыхъ имъ князьковъ. Многочисленные германцы различными способами проникали въ римскіе предѣлы. Отдѣльные воины, а иногда мелкіе вожди съ цѣлыми группами смѣльчаковъ добровольно вступали въ ряды легіоновъ или образовывали особые вспомогательные отряды, оставаясь на римской службѣ на время или навсегда, соглашаясь сражаться съ родичами,

не отказываясь уходить даже въ далекія провинціи. Далѣе, значительныя массы германцевъ уводились насильствено въ плѣнъ во время ихъ набѣговъ и въ качествѣ рабовъ или колоновъ воздѣлывали во всѣхъ углахъ римскаго міра земли императоровъ или латифундіи знати. Имперія уже нуждалась и въ ратныхъ людяхъ, и въ рабочихъ рукахъ, такъ какъ коренные жители уклонялись отъ тяжелой воинской повинности, а поля, опустѣлыя вслѣдствіе разоренія крестьянства, постоянныхъ войнъ и междоусобій и ослабленія въ населеніи трудовыхъ навыковъ, ждали сильныхъ и выносливыхъ земледѣльцевъ.

Въ такихъ именно формахъ прежде всего совершалось, начиная съ I-го же вѣка и постоянно усиливаясь, переселеніе германцевъ на римскую почву. Обильные варварскіе элементы незамѣтно „просачивались" вольно и невольно въ предѣлы имперіи, пополняя два важнѣйшихъ въ то время слоя населенія—войско и крестьянство, и германская кровь течетъ въ жилахъ уже довольно многихъ подданныхъ императоровъ во времена Антониновъ. Съ другой стороны многіе германцы, пожившіе въ предѣлахъ имперіи, возвращаясь на родину, приносили къ своимъ варварскимъ единоплеменникамъ знакомство съ римскимъ военнымъ искусствомъ и нестолько жажду поживиться насильственно богатствами римлянъ, сколько стремленіе воспользоваться удобствами ихъ быта и войти въ составъ ихъ общества, т. е. подчиниться имперіи.

Римляне благодаря постояннымъ сношеніямъ также узнали германцевъ. Въ самомъ концѣ I-го вѣка появилась въ ихъ литературѣ замѣчательное сочиненіе, посвященное изображенію нравовъ варварскихъ племенъ. Это была знаменитая „Германія" Тацита, до сихъ поръ остающаяся главнымъ источникомъ, изъ котораго мы почерпаемъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о первобытномъ устройствѣ германцевъ. Римское общество не представляетъ себѣ теперь такихъ фантастическихъ ужасовъ о германцахъ и ихъ странѣ, какъ послѣ первыхъ страшныхъ появленій ихъ на исторической сценѣ; но оно не можетъ также относиться къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ. Какой-то осадокъ недоумѣнія и тревоги о томъ, чего слѣдуетъ ждать отъ нихъ въ будущемъ, всетаки сохраняется въ умахъ; онъ чувствуется и въ повѣствованіяхъ Тацита.

Маркоманны.

Все было тихо въ продолженіе приблизительно полутора вѣковъ. На сѣверной границѣ довольно легко поддерживалось установившееся равновѣсіе. Легіоны и крѣпости хорошо противодѣйствовали давленію германцевъ, и только изрѣдка сравнительное спокойствіе нарушалось возстаніемъ какого-нибудь замиреннаго народца, кото-

рое подавлялось обыкновенно безъ большихъ усилій, или разбойничьимъ нападеніемъ дружины хищниковъ, которые также обуздывались безъ затрудненія, доставляя къ тому же лишнихъ рабовъ богачамъ и лишнія жертвы дикимъ звѣрямъ, потѣшавшимъ толпу на аренахъ амфитеатровъ. Но положеніе измѣнилось въ царствованіе императора Марка Аврелія (въ 165 г. по Р. Х.).

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда имперія достигла высшей точки своего процвѣтанія и могущества, неожиданная бѣда вдругъ поднимается на дунайской границѣ. Различныя германскія племена, жившія тамъ въ союзныхъ отношеніяхъ съ римлянами, — маркоманны, квады, гермундуры, вандалы, соединились между собою и наводнили провинціи Норикъ и Паннонію. Вооруженные отряды варваровъ расплываются и дальше; ими полна Рэція и Иллирія: всюду царствуетъ опустошеніе, варвары снова требуютъ римскихъ земель для поселенія. Они перебираются черезъ Альпы въ Италію, осаждаютъ Аквилею... Опасность грозила самой столицѣ, и Римъ находился въ большомъ смятеніи. Маркъ Аврелій собралъ гадателей и жрецовъ: совершены были таинственные обряды, чтобы провидѣть будущее, принесены чрезвычайныя жертвы, чтобъ умилостивить различныхъ боговъ. Императоръ самъ принялъ на себя начальство надъ поспѣшно собранной арміей. Варвары были вытѣснены изъ Италіи, но цѣлый рядъ лѣтъ Маркъ Аврелій долженъ былъ провесть на Дунаѣ въ городѣ *Carnutum* (ок. нын. Вѣны), руководя военными дѣйствіями противъ племенъ, постоянно вторгавшихся въ предѣлы имперіи. — Опасность была устранена, благодаря военной энергіи и искуснымъ переговорамъ; но М. Аврелій умеръ до полнаго замиренія враговъ (180 г.), а малодушный сынъ его Коммодъ впервые пустилъ въ ходъ деньги, чтобы купить окончательный миръ у наиболѣе упорныхъ изъ нихъ.

Гемранскіе народы. Торжество римлянъ надъ коалиціею, образовавшеюся около маркоманновъ, было облегчено опять тѣмъ, что союзники дѣйствовали вразбродъ и допускали бить себя по частямъ. Самое имя маркоманновъ скоро исчезло изъ исторіи. Части разбитаго племени были переселены въ имперію и размѣщены въ разныхъ провинціяхъ; другія примкнули къ сосѣднимъ народцамъ. Но продолжительность „маркоманнской войны“ (165—180 г.) свидѣтельствуетъ о внутреннемъ усиленіи германцевъ и о появленіи какихъ-то новыхъ обстоятельствъ, побуждавшихъ ихъ опять добиваться съ удвоенною настойчивостью утвержденія на земляхъ имперіи. — Аналогичныя явленія постоянно повторяются въ III в. — Мы уже не встрѣчаемъ тогда такихъ мел-

кихъ племенъ, какіе описываетъ Тацитъ. Современные авторы изображаютъ новыя гораздо болѣе значительныя и лучше сплоченныя массы, большія племенныя федераціи; они называютъ сильныхъ алеманновъ, бургундовъ, позже франковъ. Въ III в. первые и вторые придвинулись къ Рейну изъ заэльбскихъ странъ и замѣнили здѣсь херусковъ, бруктеровъ, хамавовъ, ангриваріевъ Тацита. Франкскій же союзъ какъ бы вновь образовался между Эльбою и Рейномъ. Сторожевая линія римскихъ пограничныхъ укрѣпленій постоянно испытываетъ ихъ усиливающееся давленіе; они предлагаютъ имперіи военную службу и обѣщаютъ ей свою вѣрность, если она дастъ имъ постоянное убѣжище на своей территоріи.

Римляне еще гордо отказываются допускать въ свои предѣлы цѣлыя воинственныя племена въ силу ихъ собственныхъ настояній. Германцы не успокаиваются. Гораздо чаще, чѣмъ ранѣе, дружины ихъ тревожатъ пограничныя провинціи и гораздо дальше проникаютъ въ ихъ глубину.—Исходъ возобновившейся борьбы будетъ зависѣть отъ прочности дальнѣйшаго сопротивленія имперіи. Силы ея уже начинаютъ колебаться отъ возникшихъ внутреннихъ смутъ. Государство страдаетъ отъ тиранническаго деспотизма отдѣльныхъ правителей и неопредѣленности порядка престолонаслѣдія; отъ исчезновенія дисциплины въ войскахъ и проявлявшагося въ нѣкоторыхъ областяхъ стремленія къ самостоятельности; отъ подкупности намѣстниковъ и хищничества низшей администраціи; отъ возобновившагося разоренія большинства; отъ борьбы богатыхъ и бѣдныхъ. Какъ разъ въ то время, когда указомъ императора Каракаллы (211 г.) всѣ свободнорожденные романизованные жители имперіи объявлены юридически равноправными римскими гражданами, на самомъ дѣлѣ въ общественномъ строѣ государства уже замѣчается подавленіе низшихъ трудящихся классовъ имперскою знатью, которая скоро будетъ держать въ рукахъ все правленіе и владѣть большею частью земель.

Во всякомъ случаѣ имперія должна отражать на своей сѣверной границѣ возобновившееся переселеніе племенъ, съ которымъ нельзя уже справиться однимъ рѣшительнымъ ударомъ.—Вотъ съ какихъ поръ,—съ конца II-го и особенно съ начала III-го в., собственно начинается почти непрерывающееся движеніе германцевъ въ пограничныя территоріи римской имперіи. Маркоманнская война была какъ бы „прелюдіею“ такъ называемаго „великаго переселенія народовъ“. Потрясая оружіемъ, тѣснились варвары позади римскихъ укрѣпленій. Подымающаяся волна разбивается о достаточно еще

крѣпкую и хорошо защищенную стѣну. Если Римъ останется прежнимъ, германцамъ никогда не овладѣть имъ! Но если ослабѣетъ еще больше сила, направляющая легіоны, внѣшній напоръ можетъ побѣдить внутреннее сопротивленіе, валъ будетъ прорванъ, и дикія толпы наводнятъ имперію.

Чѣмъ же объяснить это замѣчательное событіе? Какія обстоятельства побудили германцевъ къ новому переселенію? Почему не могли они довольствоваться занятою ими между Рейномъ и Вислою частью Европы? — Трудно съ полною достовѣрностью опредѣлить причины, обусловливающія великія движенія въ жизни народовъ въ первобытныя эпохи. Но отчасти могутъ быть раскрыты историческія силы, которыя дѣйствовали на германскія племена, начиная съ половины II-го в. по Р. Хр. — Цезарь — древнѣйшій изъ римскихъ писателей, сообщающихъ свѣдѣнія о бытѣ германцевъ — рисуетъ ихъ племенами полуосѣдлыми, находившимися еще въ состояніи броженія. Они испытывали на себѣ еще дѣйствіе того невѣдомаго могучаго толчка, который вывелъ ихъ съ востока. Они вторгаются въ Галлію, воюютъ и между собой, отнимая другъ у друга земли и постоянно передвигаясь. — У Тацита мелкія племена уже осѣли на болѣе или менѣе опредѣленныхъ территоріяхъ. Они управляются вѣчами или царьками; распадаются на волостные, а потомъ сельскіе союзы, которые на общинныхъ началахъ обрабатываютъ выдѣленныя для нихъ части принадлежащихъ племени земель. Большія пространства остаются невоздѣланными, но уже нельзя сказать, какъ Цезарь, что главная пища ихъ состоитъ изъ мяса, молока и сыра, что они живутъ преимущественно въ пастушескомъ быту. Римское военное могущество остановило такимъ образомъ у границъ имперіи долгое шествіе германцевъ впередъ; назадъ идти было некуда — съ востока надвигались новые „рои“ племенъ. Надо было упрочить свое существованіе на занятыхъ мѣстахъ и перейти къ формамъ земледѣльческаго быта.

Постоянное занятіе хлѣбопашествомъ значительно лучше, чѣмъ кочевое скотоводство, обезпечиваетъ жизненныя потребности людей, и переходъ племенъ къ осѣдлому земледѣлію обыкновенно скоро сопровождается сильнымъ приростомъ населенія, который и служитъ признакомъ возвысившагося благосостоянія. Но за такимъ прогрессомъ часто слѣдуетъ новое бѣдствіе. Увеличившееся населеніе нуждается въ большемъ количествѣ пищи, а грубое первобытное земледѣліе совершенствуется медленно, улучшеніе способовъ культуры земли не поспѣваетъ за умноженіемъ требующихъ хлѣба

ртовъ. Страшная язва голода заставляетъ искать спасенія, и передъ грозною опасностью племени остается одинъ выходъ—идти въ новыя земли. Оно или все снимается съ мѣста, или отсылаетъ на поиски новыхъ владѣній и новаго пропитанія своихъ младшихъ сыновъ, которыхъ уже не въ состояніи кормить старая родина.

Можно легко предполагать, что нѣчто подобное произошло и съ германцами. Осѣдлые во время Тацита (около нач. II в.), эти недавніе еще кочевники (по Цезаревымъ описаніямъ) снова поднимаются съ мало еще насиженныхъ гнѣздъ (съ конца II и нач. III в.) и съ гораздо большею силою тѣснятъ римскія границы: они размножились; скудная почва уже не насыщаетъ обильнаго потомства первыхъ поселенцевъ; удобныхъ для земледѣлія мѣстъ мало—кругомъ лѣса и болота, и они стремятся въ предѣлы богатой имперіи, такъ какъ эта дорога одна казалась имъ возможною и привлекательною.

Движеніе готовъ.

Однако охарактеризованное явленіе не можетъ въ полной мѣрѣ объяснить вновь усилившихся съ конца II в. передвиженій германскихъ племенъ, находившихся вблизи отъ Дуная и Рейна. Тутъ дѣйствовали и другія причины, главнымъ образомъ давленіе болѣе отдаленныхъ народовъ, среди которыхъ происходили различныя внутреннія волненія, принуждавшія ихъ къ переселенію. Исходною точкою такого давленія были южные берега Балтійскаго моря, и движеніе начато народомъ, о которомъ упоминаетъ уже Тацитъ, называя его „готонами“. Это были предки историческихъ *готовъ*. Они составляли главную часть восточной отрасли германской расы и разселились первоначально на нижнемъ теченіи Одера (Vistuda) и Вислы (Vistula). Одна вѣтвь ихъ, думаютъ, переправилась на Скандинавскій полуостровъ, въ географическихъ названіяхъ котораго сохранились созвучія съ ихъ именемъ.

Ко II в. по Р. Хр. готы образовали уже могучую племенную массу, и она-то около этого времени стала сдвигаться съ своихъ первыхъ мѣстъ осѣдлости. Толчкомъ, вызвавшимъ этотъ фактъ, вѣроятнѣе всего, послужило обратное переселеніе скандинавскихъ готовъ черезъ Балтійское море вновь на его южные берега. Суровость климата и негостепріимная природа дикаго сѣвера, можетъ быть, помѣшали имъ устроиться тамъ надолго, и они вернулись назадъ къ оставленнымъ братьямъ. Такое увеличеніе населенія въ малоплодородныхъ и плохо культивируемыхъ мѣстностяхъ нынѣшней Пруссіи въ соединеніи съ постепеннымъ распространеніемъ съ востока славяно-литовской колонизаціи вынудило готовъ двинуться на югъ, такъ какъ дорога на западъ была преграждена

другими германскими племенами. Во вторую половину II в. широкое теченіе ихъ, несущее въ себѣ все многочисленное племя, спускается по линіи отъ южнаго угла Балтійскаго къ сѣверо-западному углу Чернаго моря; около 215 г. мы видимъ готовъ уже въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, а около половины III в. они разселились на широкомъ пространствѣ нынѣшнихъ южно-русскихъ степей отъ Днѣстра до Дона.

Готское передвиженіе потѣснило болѣе западные германскіе народцы—заставило маркоманновъ ринуться на римскую территорію, алеманновъ и бургундовъ податься къ рейнской границѣ. На старыхъ ихъ посельяхъ усаживаются другія племена; между ними образуются, какъ бы на второй боевой линіи противъ римлянъ, позади авангардныхъ переселенцевъ, новые крупные союзы—вандалы, лангобарды и др. Громадная туча собирается вдоль сѣверной части горизонта имперіи. Покинутыя готами прибалтійскія страны за Одеромъ впослѣдствіи наполнятся славянами.

Названныя племена — готы, алеманны, бургунды, франки — не представляютъ еще объединенныхъ государствъ; это соединенія народцевъ, управляемыхъ своими отдѣльными князьками, которыхъ выбирала народная сходка. Но они умѣютъ уже дѣйствовать болѣе дружно и иногда подчиняются всѣ власти общаго предводителя — короля. У готовъ особенно сильно развилась военная монархія избираемыхъ конунговъ. Вѣроятно, она возникла давно вслѣдствіе нуждъ войны, потомъ укрѣпилась изъ-за необходимости крѣпкой организаціи во время переселеній и, наконецъ, окончательно утвердилась на новыхъ мѣстахъ, благодаря борьбѣ, которую готамъ пришлось вести съ имперіею и восточными кочевниками.

Готы въ продолженіе полувѣка (прибл. съ 220 до 270 г.) упорно громятъ провинцію Дакію, расположенную на лѣвомъ берегу нижняго Дуная и обнимавшую край, завоеванный тутъ Траяномъ (нын. Румынія и Трансильванія). Вооруженныя массы ихъ постоянно вторгаются въ Дакію и Мизію (нын. Болгарію). Кромѣ того готы, вспоминая, можетъ быть, свои балтійскія привычки, скоро становятся мореходцами, и многочисленныя толпы ихъ, переплывая Черное море на тысячахъ лодокъ, выдолбленныхъ изъ громадныхъ древесныхъ стволовъ, наводятъ ужасъ не только на его западные—европейскіе и южные—азіатскіе берега, но забираются черезъ Босфоръ въ Пропонтиду (Мраморное море) и черезъ Геллеспонтъ (Дарданеллы) въ Эгейское море (Архипелагъ) подступаютъ къ Солуни и Аѳинамъ, производя всюду опустошенія, убійства, насилія, грабежи, пожары

и уводя къ себѣ массы плѣнныхъ. Сухопутные и морскіе походы готовъ въ своихъ деталяхъ представляютъ лѣтопись, полную трагическихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, въ какой степени разложенія находилась уже Восточная имперія. Аналогичная картина рисуется и на западной границѣ; дѣйствующими лицами тамъ являются также усилившіеся варвары, ослабѣвшія римскія арміи и неумѣлые ихъ полководцы и правители.

Когда читаешь эти мрачныя повѣствованія, кажется, что послѣдній часъ имперіи уже насталъ. Нашествія варварскихъ ордъ и племенъ часто обладаютъ такою своеобразною разрушительною силою, что могутъ поколебать безопасность великихъ культурныхъ государствъ. Однако уничтожить ихъ варварамъ нелегко. Могущественное общественное тѣло не можетъ скоро потерять жизнь. Нашлась энергія и въ разстроенной Римской монархіи. Въ концѣ III в. на престолѣ ея чередуется рядъ выдающихся императоровъ, которые поняли, что имперія нуждается прежде всего въ крѣпости своихъ границъ, чтобы возможно было внутреннее возрожденіе. Это были Клавдій II, Авреліанъ и др. Они сумѣли показать себя даровитыми военачальниками, и имъ удалось нанести алеманнамъ на западѣ и готамъ на востокѣ рѣшительныя пораженія (ок. 270 г.). Насколько сильны и многочисленны были нападавшіе на имперію варвары, это видно изъ того, напр., что 320,000 готовъ было убито въ одномъ сраженіи, въ которомъ Клавдій одержалъ блистательную побѣду, а число захваченныхъ въ плѣнъ готскихъ женщинъ болѣе, чѣмъ въ два раза, превосходило численность римскихъ легіонеровъ. Нелегко было бороться съ такими массами на такой растянутой боевой линіи. Съ другой стороны, ослаблена была упругость военныхъ силъ имперіи и энергія воздѣйствія ея на внѣшній міръ; объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, несмотря на разгромъ варваровъ, императоры сочли нужнымъ отдать имъ двѣ провинціи—готамъ Дакію, алеманнамъ описанный выше Десятинный край. Впервые римскій богъ *Terminus*, вопреки исконной священной традиціи, отступаетъ передъ врагами: римская стихія сжимается, уходя за естественную рейнскую и дунайскую границы.

Такимъ образомъ, не германцы сами по себѣ разрушаютъ римскую имперію, а внутреннія неустройства подкашиваютъ ея жизненныя силы, и общественное разложеніе отдаетъ въ руки варваровъ земли, которыя великое государство уже не въ состояніи отстаивать.

II.

Римъ и вестготы (нашествіе Алариха).

Реформы Діоклетіана и Константина.

Разсказанныя событія наглядно свидѣтельствуютъ о ростѣ наступательной силы варварскаго міра. Императоры не могли не понимать серьезной опасности, которою германцы угрожали спокойствію Римскаго государства. Съ другой стороны, они хорошо замѣчали ослабленіе единства и крѣпости самой имперіи отъ постоянныхъ переворотовъ въ центрѣ и возстаній въ провинціяхъ. Необходимы были существенныя реформы въ устройствѣ и управленіи государства, чтобы возродились его силы сопротивленія внѣшнимъ ударамъ и внутреннимъ неустройствамъ. Въ концѣ III в. такое коренное преобразованіе было дѣйствительно предпринято Діоклетіаномъ (284—305 г.). Живыя еще въ I в. по Р. Хр. преданія республики мало-по-малу заглохли; государи римскаго міра давно оставили демократическую политику первыхъ временъ, и въ обществѣ не намѣчалось такихъ классовъ или группъ, которые могли бы завоевать и отстоять свободныя формы государственнаго строя. Все способствовало расширенію монархическаго абсолютизма; но истинно монархическія учрежденія еще не были выработаны: императоръ продолжалъ считаться избранникомъ народа; сенатъ по закону раздѣлялъ съ нимъ правленіе, какъ бы олицетворяя гражданство. Такое положеніе лишало монарховъ необходимой для нихъ силы, такъ какъ имъ не хватало надежныхъ и послушныхъ органовъ дѣйствія.

Діоклетіанъ задался цѣлью завершить развитіе Римской монархіи. Вся полнота верховной власти была рѣшительнымъ образомъ сосредоточена имъ въ особѣ императора, который обратился въ настоящаго деспота (dominus), независящаго ни отъ чьего избранія, никѣмъ не ограничиваемаго въ своемъ могуществѣ и самовольно назначающаго себѣ преемника. Пышная обстановка, сложный этикетъ, роскошь и блескъ, заимствованные изъ придворныхъ нравовъ царей востока, должны были служить внѣшнимъ выраженіемъ всесилія правителей римскаго міра. Императоръ хотѣлъ играть роль солнца, дающаго всему жизнь: какъ солнце, онъ долженъ былъ ослѣплять своимъ сіяніемъ тварей земли; какъ солнце, высоко царить надъ землею, являясь божественнымъ существомъ, недоступнымъ для простыхъ людей. Высшее руководство различными отраслями управленія (дворомъ, внутреннею безопасностью, финансами, судомъ и т. д.) было централизовано въ рукахъ первыхъ сановни-

ковъ императора (по нынѣшнему министровъ), безусловно ему подчиненныхъ, имъ назначаемыхъ и смѣняемыхъ. Этимъ послѣднимъ, въ свою очередь, должно было служить и повиноваться многочисленное чиновничество, сложною лѣстницею размѣстившееся между государемъ и народомъ, раздѣлявшее ихъ почти непроницаемою стѣною. Оно было безпрекословно обязано исполнять всѣ указы, исходившіе сверху и передававшіеся послѣдовательно („іерархически“) отъ старшаго должностного лица къ младшему. Внушительная армія и искусно устроенная полиція были предназначены для охраненія реформированной имперіи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Свобода и самоуправленіе совершенно отнимались у жителей; граждане (cives) окончательно обращались въ подданныхъ (subjecti).

Новая имперія выбрала для себя и новый центръ: старый Римъ не могъ быть подходящею столицею для абсолютной монархіи Діоклетіана; она перенесена была на востокъ и скоро утвердилась въ Византіи, преобразованной Константинтомъ Великимъ (306 — 337), въ Новый Римъ—Константинополь. Государство, казалось, крѣпко объединило общество, начинавшее распадаться, подчинивъ его самодержавному правителю, связавъ стройною системою учрежденій, которыя обезпечивали быстрое осуществленіе высшей воли монарха при помощи твердой администраціи и должны были держать населеніе въ полной покорности. Реформы были произведены помимо участія самого общества, лишь въ видахъ упроченія верховной власти императоровъ и могущества монархіи. Положеніе новаго государства было нелегкое: чтобы отстаивать свою безопасность, оно нуждалось въ постоянной напряженной работѣ населенія и въ огромныхъ денежныхъ средствахъ для содержанія очень большого двора, громаднаго войска, безчисленнаго чиновничества. Оно обращалось для удовлетворенія этихъ нуждъ къ обществу съ тяжелыми требованіями, облагая народъ высокими податями и повинностями, гнетъ которыхъ все увеличивался. Между тѣмъ государство не имѣло подъ собою общества богатаго и сильнаго, которое могло бы много жертвовать въ его пользу изъ своего достоянія. Большинство крестьянства было лишено земли притѣсненіями крупныхъ собственниковъ, съ которыми оно не въ силахъ было бороться, и обращено въ зависимыхъ земледѣльцевъ (coloni), воздѣлывавшихъ чужую землю и погруженныхъ въ тяжелую нужду. Среднее землевладѣніе было также разорено, благодаря продолжительной военной анархіи, которую имперія пережила въ III в. Ремесленные классы страдали отъ разстройства промышленности, и торговли. Внизу общества, несмотря на многочи-

сленныя освобожденія, всетаки оставалась значительная безправная рабская масса. Народъ бѣдствовалъ, а государство мало заботилось объ интересахъ населенія. Реформа была выгодна лишь для высшаго класса, богатой и сановной сенаторской аристократіи, на которую имперія опиралась. Члены ея владѣли обширными имѣніями; имъ щедро раздавались императорскія земли, и они захватили всѣ высшія должности, дававшія имъ значительную власть и большіе доходы. Они собственно и правили народомъ, и правленіе это было тираническое: „магнатъ" угнеталъ бѣдный людъ и какъ крупный помѣщикъ, и какъ всесильный намѣстникъ, уполномоченный императора. Кромѣ высшихъ представителей правящаго класса новое государственное устройство ставило въ благопріятное матеріальное положеніе сословіе чиновниковъ вообще: они находились подъ покровительствомъ государства, какъ его слуги, получали обезпечивавшее ихъ жалованье, и имѣли возможность обогащаться поборами съ населенія. При низкомъ уровнѣ общественной нравственности въ изучаемое время, поборы эти часто обращались въ настоящій грабежъ.

Таковы были единственныя привилегированныя группы; большинство же несло на себѣ однѣ тяжелыя обязанности, не видя ни уваженія къ своимъ правамъ, ни улучшенія своего благосостоянія. Опасаясь уклоненія отъ налоговъ и повинностей, государство постаралось закрѣпостить всѣ низшіе классы общества, чтобы облегчить себѣ контроль за ними. Такъ, крестьянинъ былъ пригвожденъ къ землѣ, ремесленникъ къ своему цеху, мелкій землевладѣлецъ (куріалъ) къ городу, въ которомъ онъ долженъ былъ нести разорительную службу по мѣстному управленію, солдатъ къ войску, даже мелкій наименѣе обезпеченный чиновникъ къ канцеляріи; отъ отца къ сыну неумолимо передавались имъ трудныя обязанности; они должны были работать по принужденію, и государство жестоко преслѣдовало и строго наказывало каждаго за недоимку, неисправность или уклоненіе отъ повинностей. Вслѣдствіе такого положенія имперіи и такого направленія политики не могла выработаться солидарность между государствомъ и все болѣе разоряющимся обществомъ. Страхъ, ненависть или безнадежное равнодушіе охватили населеніе; всѣ служили государству, какъ рабы, и никто не хотѣлъ стоять за него, какъ гражданинъ. Усталость или отвращеніе — плохія свойства въ населеніи государства, которому угрожаютъ серьезныя опасности. Внутреннее разложеніе должно привести къ распаденію огромнаго цѣлаго, утерявшаго связь, дававшую ему жизнь, утерявшаго созна-

ніе, что защищая государство, народъ борется за свое благо. Высшій классъ, несмотря на привилегіи, которыми онъ былъ надѣленъ и которыя дѣлали его всесильнымъ, также мало обнаруживалъ готовность самоотверженно трудиться для государства. Распаденіе зашло уже такъ далеко, что самъ Діоклетіанъ предпринявшій реформы для объединенія власти, для удобства администраціи раздѣлилъ имперію на четыре части, предоставивъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ трехъ изъ нихъ, почти „верховныя“ права и непосредственно руководя дѣлами лишь на востокѣ.

Примиреніе имперіи съ церковью.

Въ числѣ явленій, подтачивавшихъ крѣпость Римской имперіи въ первые вѣка, важное мѣсто занимала та борьба, которую языческое государство вело съ распространявшимся во всѣхъ углахъ римскаго міра христіанствомъ: новая вѣра привлекала къ себѣ самые лучшіе и самые сильные элементы древняго общества, а организованныя противъ христіанъ гоненія, не будучи въ состояніи побѣдить ихъ, безполезно отнимали у государства силы и лишали его поддержки христіанскихъ гражданъ. Императоры довольно поздно поняли это, и только Константиномъ Великимъ совершено было примиреніе государства съ религіею Христа. Этотъ замѣчательный государь, закончившій реформы Діоклетіана, видѣлъ въ прекращеніи религіозной распри, долго разстраивавшей имперію, важное условіе для возстановленія ея внутренняго единства. Законъ Константина (миланскій эдиктъ 313 года) объявлялъ христіанство равноправнымъ со всѣми допущенными имперіею культами, многочисленные поклонники Распятаго призывались къ службѣ государству, которое перестало насиловать ихъ совѣсть и обѣщало имъ покровительство, а руководившая ими церковь получала характеръ самостоятельнаго государственнаго учрежденія. Исторія назвала Константина „Великимъ“ именно за установленіе „религіознаго мира“ въ имперіи, и несомнѣнно этотъ государственный актъ его имѣетъ первостепенное всеміpно-историческое значеніе, знаменуя побѣду новаго міровоззрѣнія. И онъ привелъ къ очень важнымъ непосредственнымъ слѣдствіямъ и въ религіозно-нравственной, и въ общественной областяхъ, такъ какъ имъ создавалась широкая возможность для церкви вліять гуманизирующимъ образомъ на различныя стороны жизни; но общіе политическіе расчеты императора на дѣятельную и продолжительную поддержку христіанскаго общества невполнѣ оправдались. Христіанскіе подданные императора подвергались тому же гнету государства, которое вообще убивало въ народѣ чувство преданности къ имперіи; а церковь, въ которой им-

перія думала найти крѣпкую опору, одушевлялась цѣлями, не совпадавшими съ интересами государства. Проповѣдуя людямъ спасеніе душъ и презрѣніе къ земнымъ благамъ, она не могла развивать въ нихъ гражданскія добродѣтели, не могла воодушевлять ихъ къ борьбѣ за величіе государства. Вѣруя въ то, что она единственная носительница высшей истины, она не могла стать сама покорною слугою имперіи, а, напротивъ, скоро выдвинула теократическую идею о первенствѣ церкви надъ государствомъ и желала подчинить себѣ послѣднее. Въ церкви уже установилось ученіе о „царствѣ Божіемъ на землѣ", царствѣ всемірномъ, которое должно включить въ себя всѣ народы и въ которомъ равны между собою варваръ и римлянинъ. Оно будетъ какъ бы пріуготовленіемъ будущаго небеснаго царства. Церковь должна быть главою его на землѣ; существованіе имперіи для него необходимо. Такая точка зрѣнія не могла поддерживать въ населеніи римскаго патріотизма. Наконецъ, христіанская церковь, которая скоро сдѣлалась господствующею и должна была служить единству имперіи, сама въ это время была раздираема внутреннею борьбою съ ересями, особенно съ аріанствомъ, и она вовлекла государство въ эту борьбу, что подало поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ и новымъ волненіямъ, разрушившимъ миръ, растрачивавшимъ силы, пагубно дѣйствовавшимъ и на нравственность.

Обращеніе готовъ въ христіанство.

Въ то время, какъ имперія пытается возвратить себѣ потерянное единство и крѣпость, могущество варварскаго міра все растетъ. На черноморскихъ берегахъ господствуютъ *готы*. Они распадаются на два большія племени. Въ Нижне-Дунайской равнинѣ (въ бывшей Дакіи, обратившейся въ „Готію") живутъ *тервинги (вестготы)*; восточнѣе за Днѣстромъ вплоть до самыхъ приволжскихъ странъ широко разселились *грейтунги (остготы)*. Каждое изъ этихъ племенъ распадалось на мелкія колѣна, но часто во главѣ ихъ появлялись національные короли. Въ теченіе IV вѣка между готами стало распространяться христіанство. Главнымъ учителемъ новой вѣры у нихъ были Ульфила (Ulphilas, Wulfila), родившійся около 310 г. въ области вестготовъ, но происходившій отъ плѣнной семьи малоазіатскихъ грековъ, перевезенной на Дунай. Онъ составилъ съ помощью греческаго алфавита азбуку для готовъ, перевелъ на ихъ языкъ библію, и этотъ древнѣйшій памятникъ готской письменности, сохранившійся до насъ только въ отрывкахъ, является очень важнымъ источникомъ для изученія старо-германскаго языка и литературы. Ульфила, котораго часто называютъ „Моисеемъ готовъ", бу-

дучи самъ аріаниномъ, какъ многочисленные жители восточныхъ провинцій имперіи, проповѣдовалъ своимъ новымъ соотечественникамъ ученіе этой секты, хотя и осужденное Никейскимъ соборомъ (325 г.), но пользовавшееся покровительствомъ нѣсколькихъ императоровъ. Такимъ образомъ, готы мало-по-малу, оставляя поклоненіе Одину, переходили въ аріанство, а черезъ нихъ оно перешло и къ другимъ германскимъ племенамъ. Это религіозное различіе оказалось потомъ важнымъ препятствіемъ для сліянія германцевъ, занявшихъ въ V в. западныя провинціи имперіи, съ туземнымъ римскимъ населеніемъ.

Въ борьбѣ между имперіей и готами въ началѣ IV в. произошла нѣкоторая передышка. Они живутъ болѣе или менѣе въ мирѣ съ имперіею, какъ бы удовлетворенные уступленными имъ землями; иногда только возобновляются съ ихъ стороны непріязненныя дѣйствія, съ которыми римскія арміи справляются вполнѣ успѣшно. Особенное значеніе во второй половинѣ IV в. пріобрѣла восточная отрасль готскаго племени. Царство Германриха Остготскаго простиралось не только на область, занятую его племенемъ; ему подчинены были также мелкіе финскіе народцы Поволжья; въ его государство входили, вѣроятно, нѣкоторые и славянскіе элементы; ему повиновались вестготскіе конунги и другіе германскіе вожди. Современные лѣтописцы утверждаютъ даже, что онъ объединилъ подъ своею властью огромное пространство отъ Волги до Тейсы и Балтійскаго моря. Однако разсказы эти, нужно думать, преувеличены, и самая держава Германриха, должно быть, не отличалась большою сплоченностью; это видно изъ того, что она распалась и исчезла отъ перваго нанесеннаго ей удара. Правда, что ударъ этотъ былъ ужасный. Онъ данъ былъ *гуннами*.

Переходъ вестготовъ въ предѣлы имперіи.

Это тюрко-монгольское племя долго кочевало въ глубинѣ среднеазіатскихъ степей, постепенно подвигаясь на западъ. Отдѣльныя орды его проникали понемногу въ равнину Волги, а въ концѣ IV в. вся масса гунновъ устремилась въ Европу. Это были страшные люди. Дикіе и свирѣпые, безобразные по внѣшности, грубые по нравамъ, воинственные и неустрашимые, жадные до добычи, удалые конники, стойкіе и хитрые, они казались непобѣдимыми. Римскій историкъ Амміанъ Марцеллинъ оставилъ намъ очень яркое описаніе гунновъ, которые представлялись образованнымъ римлянамъ исчадіемъ демоновъ.

Вся сила ихъ перваго бурнаго натиска обрушилась (ок. 375 г.). на остготовъ. Храбро сражался Германрихъ съ ужасными восточ-

ными завоевателями; но побѣдить ему не удалось, и онъ погибъ въ бою, а племя его было захвачено громадною нахлынувшею волною и вовлечено въ новыя передвиженія обратно на западъ. Орда пошла, увеличиваясь, какъ лавина, покоренными по дорогѣ народцами, по направленію къ Паннонін (нынѣшняя Венгерская низменность) и потѣснила на пути вестготовъ, которые придавлены были къ Дунаю. Необозримая масса этого племени,—ихъ было 200,000 человѣкъ способныхъ носить оружіе мужчинъ, съ женами, дѣтьми и стариками (т. е. всего около 700,000—900,000 человѣкъ),—должна была искать убѣжища на земляхъ имперіи.

Въ это время имперія была раздѣлена на двѣ половины, и на востокѣ правилъ Валентъ. Въ 376 г., когда онъ находился въ Антіохіи, къ нему прибыло посольство вестготовъ съ просьбою пріюта и пропитанія и съ предложеніемъ подчиненія и службы. Валентъ колебался; внушительное количество варваровъ страшило его. Но совѣтники скоро убѣдили его въ выгодности сдѣлки: императоръ пріобрѣталъ солдатъ, которые сдѣлаютъ его непобѣдимымъ. Самъ онъ, какъ аріанинъ, былъ склоненъ покровительствовать готамъ; онъ принялъ ихъ въ свое подданство, разрѣшилъ имъ размѣститься гарнизонами въ Мизіи и приказалъ мѣстнымъ властямъ снабжать ихъ провіантомъ. Варвары обязались явиться на почву Римской имперіи безоружными; но они не выполнили этого условія, такъ какъ завѣдывавшіе переселеніемъ римскіе чиновники согласились за деньги оставить имъ ихъ мечи. Нѣсколько дней длилась опасная переправа. Вестготы, обезумѣвшіе отъ страха и голода, бросались въ рѣку, на чемъ попало, быстрое теченіе уносило внизъ наскоро сколоченные плоты и легкіе челноки, и многіе изъ нихъ погибли.

Такимъ образомъ не въ качествѣ завоевателей вступило на землю имперіи одно изъ самыхъ многочисленныхъ германскихъ племенъ; оно принято было подъ защиту съ обязанностью военной службы во время бѣгства отъ страшнаго врага. Положеніе вестготовъ въ имперіи было незавидное. Они сразу подверглись эксплуатаціи корыстолюбивой римской администраціи. Обязанные выдавать готамъ даромъ казенные съѣстные припасы, чиновники утаивали въ свою пользу назначенныя для этого деньги, вслѣдствіе чего готы терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и принуждены были отдавать все свое имущество и даже продавать въ рабство женъ и дѣтей, чтобы пріобрѣсти незначительное количество хлѣба или мяса. Но и для государства такая масса вооруженныхъ варваровъ могла быть очень опасна. Голодъ и притѣсненія побудили готовъ къ открытому мя-

тежу. Нестройною, но сплошною толпою двинулись они прямо къ столицѣ. Самъ Валентъ выступилъ противъ нихъ во главѣ своей лучшей арміи, но войско его потерпѣло пораженіе при Адріанополѣ (378 г.), и самъ онъ палъ въ бою. Шайки разсвирѣпѣвшихъ варваровъ разсыпались по всему полуострову, лишенному защитниковъ, и такъ разорили страну, что (по выраженію одного отца церкви) „не оставили въ ней ничего, кромѣ неба и земли“. Недовольные своею судьбою рабы и крестьяне массами перебѣгали къ нимъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ удалось справиться съ ними знаменитому полководцу Ѳеодосію, который призванъ былъ въ соправители западнымъ императоромъ Граціаномъ, а послѣ смерти его сдѣлался самъ императоромъ и еще разъ соединилъ вмѣстѣ обѣ половины имперіи. Ѳеодосій разбилъ по частямъ отряды готовъ, занимавшіеся грабежомъ, а съ вождями главныхъ силъ заключилъ договоръ, по которому они обязывались быть послушными и подчиненными союзниками и получали квартиры и содержаніе въ разныхъ мѣстностяхъ Балканскаго полуострова (382 г.). Такимъ способомъ готы были замирены, и энергичный императоръ умѣлъ держать ихъ въ повиновеніи въ продолженіе всего своего царствованія. Ѳеодосій ясно понималъ, что присутствіе въ имперіи такихъ значительныхъ и неупорядоченныхъ варварскихъ элементовъ должно препятствовать дальнѣйшему правильному развитію страны; но онъ видѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что вытѣснить ихъ за ея предѣлы уже нѣтъ возможности и что безъ нихъ, за неимѣніемъ достаточной римской арміи, даже нельзя обезпечить защиты дунайской границы отъ другихъ посягательствъ. Все войско Восточной имперіи скоро подверглось сильной варваризаціи. Ревностный сторонникъ православія, Ѳеодосій не рѣшался даже запретить готамъ ихъ аріанское богослуженіе. Константинополь кишѣлъ варварами: они служатъ въ гвардіи императора, ихъ вожди пріобрѣтаютъ даже важные посты при дворѣ. Въ мѣстахъ своего постоя они производятъ нерѣдко насилія надъ жителями. Общественное мнѣніе, особенно литература, рѣзко протестуетъ противъ наплыва варваровъ, но правительство должно преклониться передъ силою вещей.

Федераты и лэты.

Въ то самое время, когда на востокѣ остготы были захвачены гуннскимъ нашествіемъ и невольно присоединились къ ихъ странствующей ордѣ, а вестготы вступили на Балканскій полуостровъ на западѣ вдоль рейнской границы, намѣстникамъ императоровъ IV в. приходилось постоянно удерживать все усиливающійся напоръ германскихъ племенъ—бургундовъ, алеманновъ, франковъ. Они часто вры-

ваются въ Галлію, которая вся разорена отъ ихъ безпрерывныхъ опустошительныхъ набѣговъ. Имперія не отталкиваетъ варваровъ и тутъ, а добровольно принимаетъ въ свои предѣлы и разселяетъ на почвѣ Галліи очень многочисленные обрывки племенъ въ видѣ союзниковъ (федератовъ), которымъ даже уступаются нежнерейнскія территоріи, или военныхъ поселенцевъ (лэтовъ), которые работаютъ на розданныхъ земляхъ въ качествѣ подданныхъ императора и образуютъ особые военные отряды. Всѣ эти варвары несутъ пограничную военную службу въ интересахъ имперіи противъ своихъ вторгающихся въ нее одноплеменниковъ. Варвары соглашаются очень охотно на такіе договоры, добиваются ихъ и счастливы ими; такъ далеки они отъ мысли о завоеваніи имперіи; ихъ вожди ищутъ римской служебной карьеры и часто достигаютъ высшихъ военныхъ командованій. Въ пограничныхъ войнахъ противъ германцевъ солдаты-варвары помогаютъ римскимъ полководцамъ одерживать блестящія побѣды. Но эти массы варваровъ, внѣдрившихся въ составъ населенія Галліи или верхне-дунайскихъ провинцій, въ которыхъ повторяется та же картина, постепенно „германизируютъ" занятыя ими мѣстности; римская стихія не можетъ уже уподобить ихъ себѣ: германская кровь все расширяющимся потокомъ вливается въ римскія земли на западѣ, и рѣзкость пограничной черты между римскимъ и варварскимъ міромъ сглаживается все больше и больше— ослабѣвающій тутъ элементъ мало-по-малу замѣняется новымъ, свѣжимъ и сильнымъ.

Преемники Θеодосія. Θеодосій, несмотря на крупный правительственный талантъ и большую личную энергію, не могъ обезпечить за государствомъ продолжительнаго внѣшняго мира и прочнаго внутренняго порядка. Послѣ кратковременнаго усиленія, благодаря реформамъ Діоклетіана и Константина, имперія вновь стала приходить въ упадокъ, такъ какъ язвы ея не могли быть излѣчены ими. Самъ Θеодосій, повидимому, не вѣрилъ въ жизненность возстановленнаго имъ единства. Умирая, онъ счелъ нужнымъ раздѣлить имперію на двѣ половины и далъ восточную старшему сыну, 18-лѣтнему Аркадію, а западную 11-лѣтнему Гонорію. Печальные годы настаютъ для имперіи послѣ смерти послѣдняго выдающагося ея государя. Ко всѣмъ указаннымъ выше общественнымъ бѣдствіямъ и религіознымъ раздорамъ присоединялось теперь еще то обстоятельство, что новые монархи, изъ которыхъ одинъ былъ слабоумнымъ ребенкомъ, другой несложившимся, вялымъ и сонливымъ юношей, не проявляли ни способностей, ни стремленій къ дѣятельному руководству политическими дѣлами. Такія

свойства правителей давали полный просторъ самымъ наглымъ и низкимъ интригамъ между вельможами, добивавшимися власти. Придворныя козни уже не разъ бывали причинами кровавыхъ преступленій и дворцовыхъ революцій, а теперь онѣ должны были окончательно запутать положеніе государства.

Ѳеодосій, желая, чтобы престолъ во всемъ греко-римскомъ мірѣ сохранился въ рукахъ членовъ его дома, не могъ не понимать, что сыновья его не подготовлены къ несенію тяжелой чести, которую онъ на нихъ возлагалъ: онъ далъ обоимъ руководителей-совѣтниковъ. Рядомъ съ Аркадіемъ стоялъ Руфинъ, человѣкъ умный и тонкій, родившійся въ Галліи въ самыхъ низшихъ слояхъ общества и собственною ловкостью создавшій себѣ карьеру. Хитрый царедворецъ, онъ искусно заслужилъ довѣріе императора и достигъ высокаго званія префекта преторія; но это не былъ истинно-государственный дѣятель, а настоящій искатель приключеній, думавшій лишь о собственномъ возвышеніи, равнодушный ко благу государства, которое онъ беззастѣнчиво грабилъ, пользуясь безнаказанностью перваго сановника. На западѣ же мы видимъ въ качествѣ замѣстителя малолѣтняго государя очень замѣчательную личность. Варваръ по происхожденію и христіанинъ лишь по внѣшности, Флавій Стилихонъ, однако, глубоко уважалъ римскую культуру, которую онъ самъ въ значительной степени усвоилъ, и питалъ къ имперіи искреннюю привязанность. Блестящій полководецъ, онъ обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крупными правительственными талантами: хотя также очень честолюбивый, онъ не ограничивался всетаки преслѣдованіемъ однѣхъ эгоистическихъ цѣлей, а одинъ изъ послѣднихъ одушевлялся идеею служить величію Рима и честно бороться противъ разрушавшихъ его бѣдъ.

Стилихонъ былъ другомъ умершаго императора, онъ получилъ руку его пріемной дочери Серены, и эта даровитая женщина, сильная волею и страстно желавшая быть первою въ государствѣ, завладѣла воспитаніемъ Гонорія и стала для мужа видною опорою въ дѣлахъ правленія. Стилихонъ сумѣлъ реорганизовать войско, установить искусную систему договорныхъ отношеній съ пограничными варварскими князьями, съ которыми ему, ихъ соотечественнику, приходилось быть всегда готовымъ къ войнѣ. Онъ заботился о правосудіи, о мягкости при взысканіи податей, и имъ введена была въ религіозныхъ дѣлахъ разумная терпимость, которая дала населенію отдохнуть отъ преслѣдованій, примѣнявшихся Ѳеодосіемъ не только къ язычникамъ, но и къ христіанамъ, уклонявшимся отъ никей-

скаго исповѣданія. Странно видѣть варвара отстаивающимъ римскую государственную и культурную идею, когда римляне сами ее забыли; но въ такомъ видѣ часто обнаруживается вліяніе высшей цивилизаціи на выдающагося представителя еще мало тронутой ею расы; и такіе контрасты, когда для спасенія государства работаютъ люди, чужіе ему по крови, при апатіи большинства и безпечности правящихъ классовъ, иногда проявляются въ періодѣ великихъ общественныхъ кризисовъ.

Въ числѣ разрушительныхъ силъ, подтачивавшихъ государство, не послѣднее мѣсто занимала вражда между обѣими половинами расколовшейся имперіи—эллинскимъ востокомъ и романскимъ западомъ: вражда, коренившаяся въ самомъ фактѣ завоеванія странъ греческой культуры Римомъ, поддерживалась различіями языка, быта и этнографическихъ особенностей и обострялась соперничествомъ стараго Рима съ новымъ Константинополемъ, который отнялъ у перваго часть его славы и значенія. Соперничество это въ изучаемый моментъ какъ бы воплощалось въ ненависти другъ противъ друга первыхъ совѣтниковъ государей; а по примѣру ея загоралась зависть между двумя братьями, призванными къ великой исторической роли и способными лишь на мелкія душевныя движенія и ничтожныя дѣла. Стилихонъ присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Θеодосія, и тотъ поручилъ ему наблюденіе за обоими сыновьями. Романизованный варваръ смотрѣлъ на слова императора, какъ на юридическій актъ. Онъ стоялъ во главѣ почти всѣхъ военныхъ силъ и захватилъ въ свои руки всю казну Θеодосія; такимъ образомъ войскомъ и деньгами онъ могъ подкрѣпить свои притязанія. Заявленіе имъ своихъ правъ опеки и надъ Аркадіемъ встрѣтило однако жестокій отпоръ со стороны Руфина. Стилихонъ удержался отъ междоусобной войны, поджидая, когда сами обстоятельства потребуютъ его вмѣшательства въ дѣла востока, и предоставляя константинопольскому двору ослаблять себя кознями и заговорами.

Всѣ указанныя условія, разлагавшія крѣпость учрежденій и правильность администраціи, выдвигали на первый планъ варваровъ, которые были расквартированы въ качествѣ союзныхъ племенъ или вспомогательныхъ отрядовъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Они проникли уже и въ сердце государства и почти составляли большинство въ арміи. При ослабленіи правительственной власти они получали возможность свободно хозяйничать въ странѣ. Между такими варварами самыми многочисленными были *вестготы*. Разбросанные гарнизонами по различнымъ населеннымъ пунктамъ Балкан-

скаго полуострова, постоянно подвергавшіеся вымогательствамъ римскихъ чиновниковъ, они чувствовали опасность потерять племенную цѣлость и инстинктивно стремились объединиться около національнаго вождя и пріобрѣсти въ собственность сплошную территорію. Традиціи военной избирательной монархіи были живы у готовъ, и они по старому обычаю, собрались на бурное вѣче, подняли на щитъ уже прославившагося воина Алариха и торжественно обнесли его вокругъ вооруженной сходки, провозглашая конунгомъ.

Новый вождь принадлежалъ къ знатному роду „Balta“ („храбрецовъ“), изъ котораго готы и раньше выбирали себѣ королей. Аларихъ родился около 370 г.; въ юности пережилъ ужасы гуннскаго нашествія, опасности переправы черезъ Дунай и тяжелыя лишенія, которыя терпѣли его соплеменники уже на почвѣ имперіи. Выросшій въ лагерѣ, онъ отличался дикою смѣлостью, свойственной вообще германскимъ предводителямъ; но находясь въ сношеніяхъ съ римлянами, онъ выработалъ въ себѣ и ту особую смѣтливость, коварство, искусство всматриваться въ обстоятельства и извлекать изъ нихъ выгоду, которыя также часто характеризуютъ варваровъ при ихъ столкновеніяхъ съ государствами высшей культуры. Эта культура уже коснулась готскаго вождя, затронула его впечатлительность и не могла не увлечь его своими удобствами. Онъ видѣлъ такихъ же варваровъ, какъ онъ самъ, Гайнаса, самого Стилихона, въ роли важныхъ сановниковъ государства. Ѳеодосій давалъ и ему самому второстепенныя военныя порученія, и въ немъ теперь зажглась страсть завоевать для себя крупный постъ въ имперіи. Готскому королю нельзя было отказать въ политической дальновидности, и онъ ловко сумѣлъ воспользоваться смутами, вызванными интригами правителей послѣ смерти Ѳеодосія, чтобы попытать счастья въ борьбѣ съ великимъ государствомъ.

Походъ Алариха на Грецію.

Сплоченіе готовъ около племенного короля обнаружило ихъ силу. Заволновались опять ихъ отряды, наводнили Ѳракію, проникали въ Ѳессалію и дальше на югъ, готовились соединиться вмѣстѣ, чтобы идти на Константинополь. Руфинъ, мечтавшій не только объ упроченіи въ своихъ рукахъ правительственной власти, но даже объ императорской коронѣ, хотѣлъ найти въ Аларихѣ выгоднаго сторонника; вотъ почему онъ обрадовался движенію готовъ и обѣщалъ Алариху надѣлить его народъ землями и отдать ему военное управленіе провинціею Иллиріею, если тотъ обяжется поддерживать его притязанія. Обѣщанія онъ подтвердилъ богатыми подарками, и подкупленный варваръ, разсчитывая на еще болѣе щед-

рую награду въ будущемъ, согласился пока остановить свои набѣги. Однако Руфинъ вскорѣ погибъ во время военнаго бунта въ Константинополѣ, и обманутый въ своихъ ожиданіяхъ Аларихъ рѣшилъ силою добиваться желаемаго. Въ огромномъ количествѣ двинулись готы противъ столицы, которая только дорогимъ выкупомъ освободилась отъ ужасовъ осады и разграбленія, такъ какъ была плохо обороняема сомнительно настроеннымъ и также полуварварскимъ войскомъ. Аларихъ спустился въ Грецію; онъ пощадилъ почему-то Аѳины и даже, говорятъ, любовался Акрополемъ, стоявшимъ тогда еще въ полной красѣ. Въ небольшомъ кружкѣ аѳинскаго образованнаго общества, оставшемся вѣрнымъ старой языческой философіи, стали ходить слухи, что самъ Ахиллесъ въ чудесномъ вооруженіи, воспѣтомъ Иліадою, и даже богиня Аѳина появились на стѣнахъ города и устрашили Алариха. Но отступивъ отъ Аѳинъ, готы расхитили сокровища элевсинскаго храма, наводнили Пелопоннесъ и грабили города и помѣстья.

Константинопольское правительство, руководимое неспособнымъ Эвтропіемъ, бездѣйствовало. Тогда появился въ Греціи съ войскомъ Стилихонъ, объявляя, что онъ идетъ спасать имперію отъ враговъ. Онъ намѣревался уничтожить Алариха въ Пелопоннесѣ, затѣмъ отправиться въ Константинополь, получить тамъ въ силу оказанной услуги высшую власть и объединить имперію, если не подъ скипетромъ одного государя, то подъ управленіемъ одного перваго сановника. Такимъ образомъ, мы видимъ другъ противъ друга двухъ германцевъ: одинъ преслѣдуетъ свое племенное дѣло, хотя и не отказывается отъ подданства имперіи; другой прямо отстаиваетъ достоинство ея противъ перваго. Аларихъ былъ загнанъ Стилихономъ въ горы Элиды, но при помощи хитрости ему удалось прорваться сквозь окружившее его кольцо вражескихъ силъ и уйти на сѣверъ, а подозрительный Аркадій подъ давленіемъ своихъ совѣтниковъ рѣзко потребовалъ отъ Стилихона немедленно очистить земли восточной имперіи, грозя въ случаѣ неповиновенія объявить его врагомъ отечества. Стилихонъ удалился, а съ Аларихомъ былъ заключенъ договоръ, по которому восточный императоръ предоставлялъ ему по давнишнему его желанію военное начальство въ Иллиріи (съ титуломъ *dux*), а его готы, подтвердивъ свою вѣрность имперіи, были поселены на земляхъ этой провинціи, опустѣвшей отъ постоянныхъ набѣговъ, но богатой плодородіемъ почвы и великолѣпными пастбищами. Кромѣ того воинамъ роздано было полное вооруженіе и одежды, и все племя обильно снабжено провіантомъ,

впредь же оно должно было кормиться на средства жителей, въ домахъ которыхъ готамъ назначенъ былъ постой. Наконецъ, Аларихъ, занимая страну, завладѣлъ всѣми крѣпостями, арсеналами и государственными магазинами, такъ что сталъ въ Иллиріи твердой ногою.

Первое нападеніе Алариха на Италію.

Восточные правители надѣялись достигнуть важнаго результата: избавиться отъ постояннаго страха вестготскихъ нападеній и, испомѣстивъ готовъ Алариха въ провинціи, пограничной съ Западной имперіей, пріобрѣсти въ нихъ необходимыхъ защитниковъ отъ дальнѣйшихъ поползновеній Рима на самостоятельность Константинополя. Аларихъ хорошо понялъ, что условія договора обращали его въ неизбѣжнаго посредника въ предстоящихъ распряхъ, которыя сулили ему неисчислимыя выгоды. Онъ направлялъ уже свои взоры на Италію, подготовляясь къ вторженію въ прославленную страну и постоянно пополняя силы своего племени изъ задунайскаго міра, который кипѣлъ рвавшимися къ удалымъ предпріятіямъ германскими и тюркскими элементами.

Стилихону также было ясно, что придется помѣриться силами съ Аларихомъ на италійской почвѣ, и онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы организовать хорошую оборону. Римскихъ войскъ въ Италіи было немного—вся армія и тутъ была сильно „варваризована"; оказалось необходимымъ покинуть наиболѣе отдаленныя провинціи, чтобы лучше охранять ослабѣвшій центръ. Стилихонъ рѣшилъ вывести легіоны изъ Британіи, предоставляя страну ея собственной судьбѣ. Отозвана была въ Италію и значительная часть рейнской арміи, и всѣ эти войска предназначались для защиты Рима и другихъ городовъ полуострова, которые снабжены были новыми укрѣпленіями. Чтобы обезпечить спокойствіе на германской границѣ, заключались новые договоры съ франками и алеманнами. Имъ давались новыя земли въ Галліи и Рэціи, и они должны были въ качествѣ федератовъ защищать имперію отъ своихъ зарейнскихъ и задунайскихъ родичей. Варварскіе вожди и ихъ отряды покорно служатъ Стилихону, который умѣлъ возбуждать въ нихъ почтеніе къ своему авторитету и къ величію имперіи, которую онъ представлялъ. Въ умѣ смѣлаго полководца выросъ обширный планъ защиты имперіи съ помощью варваровъ, которые своею храбростью возродили бы ее отъ великаго безсилія. Но для достиженія этой цѣли надо было обуздать новаго черезчуръ усилившагося сосѣда.

Среди такихъ тревожныхъ обстоятельствъ открылся для римлянъ V вѣкъ. Слѣдя за приготовленіями Стилихона, Аларихъ также

не хотѣлъ терять времени. Въ ноябрѣ 401 г. онъ поднялся съ своимъ племенемъ, перешелъ границу Италіи и осадилъ Аквилею. Походъ его былъ ускоренъ подстрекательствами Аркадія: онъ побуждалъ Алариха заставить западнаго императора отказаться отъ всякихъ притязаній на Иллирію, которую Римъ оспаривалъ у Константинополя. На самомъ же дѣлѣ, толкнувъ Алариха въ Италію, онъ хотѣлъ удалить съ востока союзника, который уже опять казался непріятнымъ; самъ же Аларихъ имѣлъ въ виду, повидимому, получить для своихъ готовъ еще болѣе удобныя и богатыя мѣста осѣдлости, а не посягать на цѣлость имперіи.

Стилихонъ за недостаткомъ готоваго войска въ Италіи поспѣшилъ на Дунай вербовать ополченія алеманновъ и другихъ варваровъ. При наступленіи слѣдующей весны онъ спустился во главѣ ихъ съ Альпійскихъ высотъ и нанесъ рѣшительный ударъ Алариху. Послѣдній уже угрожалъ Милану, за стѣнами котораго спрятался устрашенный Гонорій, до тѣхъ поръ ничего не думавшій о своихъ обязанностяхъ правителя, а безпечно предававшійся любимой потѣхѣ, дрессировкѣ боевыхъ пѣтуховъ. Въ день праздника Пасхи, 6 апрѣля 402 г., оба вождя встрѣтились у города Полленціи. Аларихъ былъ разбитъ и послѣ вторичной неудачи при Веронѣ долженъ былъ вернуться въ Иллирію. Хотя христіанскіе писатели, напр., историкъ Оросій, жестоко обвиняютъ Стилихона за оскверненіе кровопролитіемъ святого дня, но побѣда при Полленціи имѣла очень важное значеніе. Италія была ограждена отъ вестготовъ, и панегиристъ Стилихона, поэтъ Клавдіанъ, сравниваетъ его подвигъ съ торжествомъ Марія надъ кимврами. „Учитесь, восклицаетъ онъ, обращаясь къ варварамъ, учитесь, безумные народы, почитать Римъ („Discite vesanae Romam non temnere gentes“)!“ Гонорій явился въ древнюю столицу и отпраздновалъ великолѣпный тріумфъ, въ которомъ передъ глазами жителей вѣчнаго города прошла длинная процессія плѣнныхъ германцевъ и въ послѣдній разъ въ стѣнахъ большого Флавіева амфитеатра даны были гладіаторскія игры.

Вторженіе Радагайса. Но съ сѣвера надвигалось новое нашествіе, и недостойный тріумфаторъ поспѣшилъ скрыться въ Равеннѣ, неприступной среди окружавшихъ ее лѣсовъ и болотъ, забывая „славу вѣчной побѣды надъ варварами“ и предоставляя защиту имперіи военачальнику, который только что доставилъ ему случай показаться передъ подданными въ незаслуженномъ блескѣ. Опять трудная задача ложилась на плечи Стилихону. Сосредоточеніе войскъ въ Италіи ослабило оборону сѣверныхъ провинцій. Это усилило движеніе туда герман-

скихъ племенъ, и въ 404 л. многочисленныя полчища, составленныя изъ различныхъ народцевъ, подъ предводительствомъ суроваго вождя Радагайса, переходятъ черезъ Альпы, обрушиваются на Италію и свободно гуляютъ по ней, доходятъ до центра полуострова, разоряя все на пути. Нашествіе было настолько жестоко и сначала такъ успѣшно, что страхъ охватилъ самый Римъ. Среди всеобщей паники Стилихону лишь медленно удалось организовать войско, одно зерно котораго состояло изъ легіонеровъ, главная же масса изъ германскихъ наемниковъ и рабовъ, и только въ 405 г. послѣ ряда успѣшныхъ стычекъ онъ загналъ варваровъ на Фэзуланскія высоты (около Флоренціи) и окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Тамъ они скоро стали погибать отъ голода и болѣзней и тысячами падали отъ вражескихъ стрѣлъ; остальные принуждены были сдаться, вождь ихъ былъ казненъ, а плѣнные проданы въ рабство, и только жалкимъ остаткамъ удалось бѣжать за Альпы.

Во второй уже разъ Италія спасена энергіею Стилихона; но заальпійскія провинціи, очищенныя римскими легіонами, наполняются разноплеменными варварами: дунайскія провинціи—Рэція, Норикъ (не говоря о Панноніи, которая во власти гунновъ) уже и раньше наводнены ими; бургунды, алеманны и франки окончательно утверждаются на лѣвомъ берегу Рейна; свевы, вандалы и аланы проникаютъ даже за Пиренеи и временно хозяйничаютъ въ Испаніи. Современный церковный писатель Сальвіанъ Марсельскій разсказываетъ, что галлоримское населеніе не хочетъ оборонятся и прогонять варваровъ. Тупое равнодушіе къ судьбамъ имперіи и покорная апатія овладѣваютъ всѣми. „Люди только и думаютъ о пищѣ и снѣ“. Св. Іеронимъ въ краснорѣчивомъ письмѣ, полномъ горечи, изображаетъ мрачное зрѣлище расчлененія имперіи. Итакъ, мы видимъ, что варвары прочно осѣдаютъ въ провинціяхъ имперіи, только когда императорское правительство, обезсиленное внутреннимъ истощеніемъ, отказывается ихъ защищать; завоевательныя нашествія представляютъ лишь исключенія. Варварскій міръ, соприкасающійся съ римскимъ, расширяется по мѣрѣ того, какъ сжимается послѣдній; но даже тѣ варвары, которые занимаютъ мѣста, освобождаемыя имперіей, не разрушаютъ ее, а признаютъ обыкновенно ея верховную власть. А противъ нападающихъ племенъ, несмотря на то, что далеко зашло разложеніе государства общества, имперія еще можетъ побѣдоносно бороться.

Гоненіе на Стилихона.

Бѣдственное положеніе государства усиливается оттого, что общество все больше и больше теряетъ внутреннее единство и соли-

дарность. Тайные заговоры лишаютъ имперію необходимыхъ ей дѣятелей. Жертвою предательства придворныхъ завистниковъ палъ и Стилихонъ. Враги обвинили его передъ императоромъ въ намѣреніи завладѣть престоломъ для своего сына, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Аларихомъ и измѣнѣ имперіи. Гонорій, который тяготился опекою Стилихона, забывая объ оказанныхъ имъ услугахъ, приказалъ предать его смерти. Что обвиненія были лживы, это ясно изъ самаго поведенія Стилихона: онъ не сталъ защищаться, хотя при помощи преданныхъ ему варварскихъ силъ могъ бы легко сокрушить противниковъ; онъ не желалъ спасать себя мятежомъ и палъ, пораженный мечемъ исполнителей воли императора у входа въ одну изъ равеннскихъ церквей, гдѣ хотѣлъ найти убѣжище. Такъ имперія лишилась единственнаго достойнаго защитника. Это происходило въ 408 году.

Гнусный заговоръ, во главѣ котораго стоялъ ничтожный любимецъ Гонорія Олимпій, прикрывался патріотическимъ воодушевленіемъ противъ варваровъ и мнимымъ религіознымъ рвеніемъ къ православію. Убійцы Стилихона, завладѣвшіе властью, подняли во всей Италіи жестокое преслѣдованіе противъ германцевъ, аріанъ и язычниковъ. Разрушались древніе храмы, фанатическая ненависть обрушивалась на иновѣрцевъ, недовольство населенія противъ пришельцевъ быстро обратилось въ ярость, и ужасающія бойни, въ которыхъ принимали участіе разнузданные солдаты и разсвирѣпѣвшіе мирные жители, обагрили почву Италіи не только кровью варварскихъ воиновъ, защищавшихся съ оружіемъ въ рукахъ, но и ихъ беззащитныхъ женъ и дѣтей. Но погибали не одни варвары и еретики; всѣ друзья убитаго правителя объявлены были врагами отечества; въ сущности дѣло представляло лишь придворную интригу, которая поставила страну въ новое опасное затрудненіе... 30000 изъ расквартированныхъ въ Италіи союзныхъ варваровъ, устрашенные и негодующіе, покинули свои гарнизоны и ушли къ Алариху. Другіе, затаивъ ненависть, ждали удобнаго мгновенія, чтобы отомстить.

Второе нападеніе Алариха на Италію.

Описанныя событія подали поводъ вестготскому королю вновь вмѣшаться въ дѣла запада. Стилихонъ дѣйствительно велъ съ нимъ дружескіе переговоры, но не для личной преступной цѣли, а въ видахъ обезпеченія защиты распадавшейся имперіи военными силами вестготовъ: онъ предлагалъ готамъ окончательно уступить имъ въ собственность какую-нибудь пограничную провинцію и уплачивать имъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ. Аларихъ, выстав-

ляя себя обманутымъ вслѣдствіе разрыва заключеннаго уже предварительно отъ имени императора союза, снова двинулся черезъ восточныя Альпы въ Италію. Необходимость защиты единоплеменниковъ и единовѣрцевъ отъ преслѣдованій являлась для него другимъ предлогомъ, оправдывающимъ нападеніе. Имперія не имѣла защитниковъ. Власть находилась въ рукахъ совершенно негодныхъ правителей, которые въ виду враговъ продолжали гоненія противъ остающихся въ живыхъ сторонниковъ Стилихона, и лишь въ послѣднюю минуту стали нанимать въ войско тѣхъ же варваровъ, готовъ-аріанъ, гунновъ-язычниковъ, отъ которыхъ они только что освобождали родину.

Римъ въ началѣ V в.

Аларихъ, не останавливаясь въ сѣверной Италіи, гдѣ въ крѣпкой Равеннѣ снова заперся малодушный Гонорій, прошелъ черезъ разоренную долгими смутами среднюю Италію, направляясь прямо къ Риму. Какой-то демонъ, разсказываетъ преданіе, толкалъ варварскаго конунга къ вѣчному городу. Одинъ отшельникъ, скрывавшійся въ Апеннинахъ, пытался мольбами остановить его при переходѣ черезъ горы. Аларихъ отвѣтилъ ему: „Не въ моей власти пойти назадъ; невѣдомая сила влечетъ меня въ Римъ!...“ Скоро передъ глазами вестготовъ, спускавшихся съ Сабинскихъ высотъ, предстала всемірная столица. На красотѣ и богатствѣ великаго города, конечно, отразились многочисленныя бѣдствія, испытанныя имперіею. Періодъ его блестящаго процвѣтанія прошелъ. Населеніе его, когда-то, можетъ быть, выше милліона, значительно упало. Городъ много потерялъ также изъ своей прежней роскоши и великолѣпія. Но всетаки въ немъ еще было, какъ можно судить по оставшимся описаніямъ, болѣе 45000 жилыхъ домовъ и около 1800 частныхъ дворцовъ, представлявшихъ, по выраженію одного поэта, какъ бы „самостоятельные городки внутри города“. За новыми стѣнами, которыми Римъ былъ окруженъ въ концѣ III в. императоромъ Авреліаномъ, и могучія развалины которыхъ сохраняются до сихъ поръ, съ двухъ сторонъ возвышались величественныя массы недавно возникшихъ христіанскихъ святынь—соборовъ св. Петра и св. Павла, а вдоль улицъ и на площадяхъ столицы красовались изящные древне-языческіе храмы изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, громадный амфитеатръ и обширные цирки, театры и термы съ тѣнистыми портиками и горѣвшими на солнцѣ золочеными куполообразными кровлями. Между ними были разставлены чудныя статуи, высились обелиски и стройныя колонны съ литыми изъ серебра фигурами императоровъ наверху. Великолѣпныя зданія блистали дра-

гоцѣнными украшеніями и вызывали въ воображеніи заманчивую картину сокровищъ, которыя должны были скрываться въ глубинѣ ихъ покоевъ. Среди вѣковыхъ памятниковъ славнаго языческаго прошлаго выростали грандіозныя и строгія очертанія христіанскихъ базиликъ временъ Константиновыхъ и его преемниковъ—Латеранъ, св. Агнессы, св. Климента, св. Маріи Матери Божіей (Santa Maria Maggiore) и другихъ святилищъ новой побѣдоносной вѣры.

Древняя столица представляла такимъ образомъ странное соединеніе превосходныхъ образцовъ древняго искусства съ оригинальными созданіями новаго времени. Новая жизнь, появляющаяся тамъ, какъ будто знаменовала собою рожденіе новаго Рима, начало новаго ряда вѣковъ господства вѣчнаго города надъ вселенной.

Контрасты, которыми Римъ V в. поражалъ въ своей архитектурной физіономіи, повторялись и въ населеніи города: языческія вѣрованія невполнѣ уступили въ немъ восторжествовавшей религіи Христа. Какъ среди знати, такъ и въ черной массѣ простонародья можно было найти въ Римѣ многочисленныхъ явныхъ и тайныхъ приверженцевъ язычества. Но одна общая черта сближала и римлянина-язычника, и римлянина-христіанина временъ упадка—полное вырожденіе въ нихъ гражданскихъ доблестей и нравственной энергіи; такъ что и представители новой вѣры утратили подъ развращающимъ вліяніемъ тяжелыхъ бѣдствій ту чистоту и силу, которую вдохнула въ первыхъ христіанъ проповѣдь евангелія и необходимость героической борьбы за идею. Языческій писатель, историкъ Амміанъ Марцеллинъ и христіанскій отецъ церкви, св. Іеронимъ, оставили намъ описаніе римскаго общества того времени. Картина, нарисованная обоими, совпадаетъ въ тѣхъ краскахъ, которыми изображается у нихъ развратъ, подкосившій силы и верхнихъ, и нижнихъ слоевъ населенія Рима и дѣлавшій ихъ неспособными къ смѣлому акту самоотверженія, даже къ твердой самозащитѣ. Такое нравственное состояніе римскаго общества было плохимъ условіемъ для города, который долженъ былъ самъ отстоять себя отъ враговъ. Настроеніе общества деморализовалось еще больше разсказами о различныхъ таинственныхъ явленіяхъ, предвѣщавшихъ недоброе: луна померкла, странныя и страшныя звѣзды видны были на ночномъ небѣ; вспоминали о 12 орлахъ Ромула, предсказавшихъ будто бы Риму 12 вѣковъ существованія, которые уже истекли. Грозныя предсказанія христіанскихъ отцовъ о неминуемой гибели нечестиваго города въ возмездіе за зло, причиненное исповѣдникамъ и мученикамъ правой вѣры, также волновали жителей ужасомъ, и,

несмотря на увѣщанія поэта Клавдіана о мужествѣ, всѣ, кто могъ, покидали столицу и, увозя съ собою самое цѣнное имущество, бѣжали и укрывались въ наиболѣе безопасныхъ пунктахъ.

Оставшіеся, вмѣсто того, чтобы дружно приготовиться къ защитѣ, ослабляли себя взаимною ненавистью. Среди жителей стали распространяться слухи объ измѣнѣ. Разсказывали, что уединенно жившая въ постоянномъ страхѣ за жизнь вдова Стилихона Серена изъ мести призвала Алариха; и находившаяся также въ городѣ сестра Гонорія, красавица Плацидія, женщина полная честолюбивыхъ замысловъ, поддержанная сенатомъ, потребовала ея смерти. Несчастная пріемная дочь Θеодосія и теща царствующаго императора, который послѣдовательно былъ женатъ на обѣихъ ея дочеряхъ, была схвачена и черезъ нѣсколько дней задушена въ тюрьмѣ. Языческая часть населенія столицы объяснила трагическую судьбу Серены карою боговъ за оскорбленіе, которое она нанесла раньше религіи отцовъ, захвативъ для себя часть сокровища храма Весты. **Первая осада Рима.**

Между тѣмъ Аларихъ окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ массами жаждавшихъ крови и добычи готскихъ воиновъ и густыми отрядами гуннской конницы. На мгновеніе въ жителяхъ пробудилась энергія. На стѣны были подняты метательныя машины, всему населенію роздано оружіе. Рѣшено было упорно защищаться, и овладѣвшій римлянами порывъ храбрости питался надеждою на скорую выручку изъ Равенны. Готы зорко стерегли выходы изъ всѣхъ городскихъ воротъ, и Аларихъ искусно прервалъ сношенія Рима съ Остіей, откуда доставлялся необходимый для пропитанія столицы заморскій хлѣбъ. Жители увидѣли, что врагъ серьезно замышляетъ овладѣть городомъ. Скоро почувствовался недостатокъ въ провіантѣ, такъ какъ Римъ не готовился къ осадѣ и запасы были незначительны; а затѣмъ открылся настоящій голодъ и его неизбѣжные спутники—эпидемія и моръ. День проходилъ за днемъ, а желанная помощь отъ Гонорія не являлась. Варвары опустошили окрестности; улицы и площади были усѣяны разлагающимися трупами умершихъ отъ чумы, которыхъ надо было хоронить. Всѣми овладѣла паника, и единственнымъ возвышающимъ душу зрѣлищемъ были высокіе подвиги благотворительности, которые совершены были вдовою императора Граціана Лэтою и другими знатными римскими женщинами.

Минутное мужество смѣнилось мрачнымъ уныніемъ, и по настоянію населенія, доведеннаго до послѣдней крайности, сенатъ отпра-

вилъ къ Аларнху посольство съ мирными предложеніями. Готскій предводитель, возбужденный успѣхомъ, потребовалъ выдачи всего имѣющагося въ Римѣ золота и серебра. На вопросъ пословъ: „Что же онъ предполагаетъ оставить жителямъ?“ Аларихъ отвѣтилъ: „Жизнь!“ Его пробовали поколебать угрозою: „Населеніе Рима многочисленно, какъ песокъ морской, и все это воины, проводящіе дни въ боевыхъ упражненіяхъ и готовые на отчаянное сопротивленіе“. — „Чѣмъ гуще трава, тѣмъ легче косить“, насмѣшливо возразилъ хитрый варваръ, которому, повидимому, хорошо было извѣстно малодушіе римлянъ. Онъ, впрочемъ, соглашался дать нѣсколько дней перемирія, чтобы осажденные могли обдумать предложеніе. Возмущенный жестокостью условій, сенатъ приказалъ приготовиться къ вылазкѣ. Но отчаяніе населенія скоро убѣдило правителей, что такое предпріятіе заранѣе обречено на неудачу. Въ этотъ моментъ, когда всѣ предавались безумному ужасу, рѣзко проявилась въ Римѣ религіозная реакція въ пользу запрещенныхъ властями языческихъ культовъ. Старо-римская языческая партія, довольно сильная въ самомъ сенатѣ, громко заявляла, что всѣ бѣдствія города — наказаніе и мщеніе разгнѣванныхъ боговъ, и настаивала на возвращеніи къ вѣрѣ предковъ. Ревнители старой религіи указывали на открытыхъ въ городѣ тосканскихъ жрецовъ, которые брались при помощи таинственныхъ этрусскихъ богослуженій (мистеріи) спасти Римъ отъ Алариха. Потерявшій голову префектъ готовъ былъ согласиться допустить совершеніе обрядовъ, которые объявлены были преступными по законамъ послѣднихъ императоровъ; враждебный христіанству греческій историкъ Зосимъ разсказываетъ, что даже римскій епископъ Иннокентій поколебался и прямо не вооружился противъ оскорбительнаго для христіанства намѣренія. Но въ концѣ концовъ власть, разрѣшивъ частныя молитвы богамъ, не отважилась устроить офиціальную торжественную процессію, которую жрецы считали необходимою для очищенія города.

Попробовали опять попытать счастья въ переговорахъ. Аларихъ смягчилъ свои требованія; благоразуміе побѣдило въ немъ разгорѣвшуюся алчность. Онъ назначилъ въ видѣ выкупа за цѣлость города 5000 ф. золота, 30000 ф. серебра, 4000 шелковыхъ туникъ, 3000 овечьихъ шкуръ съ выкрашенною въ пурпуръ шерстью, которыя должны были служить подобіемъ панцыря для наиболѣе именитыхъ воиновъ Алариха, и 3000 ф. перцу, до котораго варвары были очень лакомы. Сенатъ принужденъ былъ согласиться, но договоръ подлежалъ утвержденію Гонорія, и въ Равенну было отправ-

лено специальное посольство, которое должно было также передать императору предложенie Алариха о заключенiи общаго мира и союзныхъ отношенiй. Послѣднiй утвердилъ соглашенie города Рима съ вождемъ вестготовъ, но оставилъ безъ отвѣта мирныя предложенiя. Обѣднѣвшему городу трудно было найти въ своей казнѣ нужное количество золота; специально назначенный на всѣхъ налогъ также не доставилъ необходимой суммы; пришлось обратить въ слитки дорогiя статуи старыхъ боговъ. Между обреченными на это золотыми изваянiями находилось и почитаемое, какъ великая нацiональная святыня, изображенie римской богини „*Virtus*". Негодующiе языческiе писатели горько жалуются, что съ тѣхъ поръ, какъ распустился въ плавильной печи священный символъ старо-римской доблести, отлетѣли послѣднiе остатки древняго мужества изъ сердецъ римскихъ гражданъ, и пропало дѣло великаго города и всей имперiи. Нужно только спросить себя, не гораздо ли раньше потеряли храбрость далекiе потомки нѣкогда славныхъ героевъ.

Получивъ выкупъ, Аларихъ снялъ осаду, и жители Рима вздохнули свободнѣе. Онъ отступилъ къ сѣверу, и вестготы расположились стоянками въ Тусцiи (Тосканѣ). Аларихъ заботился о безопасности мѣстнаго населенiя, но, несмотря на то, что онъ строго наказывалъ за насилiя, многочисленныя передвиженiя отрядовъ германцевъ сопровождались грабежами. Число воиновъ короля значительно увеличилось постоянно перебѣгавшими къ нимъ массами рабовъ и колоновъ, въ числѣ которыхъ находилось много раньше плѣненныхъ варваровъ. Говорятъ, что до 40000 такихъ перебѣжчиковъ прибыли къ Алариху. Дальнѣйшiя свои намѣренiя онъ ставилъ въ зависимость отъ дѣйствiй Гонорiя, т. е. отъ его согласiя обезпечить готамъ прочное положенie въ имперiи. Новое посольство римскаго сената умоляло императора снизойти на желанie Алариха. Ничтожный Гонорiй находился всецѣло въ рукахъ у своихъ совѣтниковъ. Пока силенъ былъ Олимпiй, низвергнувшiй Стилихона, равеннское правительство продолжало безсмысленное и жестокое преслѣдованiе своихъ враговъ—еретиковъ и варваровъ, разыскивало послѣднихъ приверженцевъ прежняго правителя и предавало заподозрѣнныхъ безчеловѣчнымъ пыткамъ. По отношенiю къ вестготскому вождю оно выказывало пренебреженie, не оправдываемое его собственнымъ безсилiемъ. Приказано было приступить къ вооруженiямъ, но не хватало военныхъ силъ.

Императоръ Атталъ.

Аларихъ, видя упорство равеннскаго императора, снова двинулся къ югу и во второй разъ обложилъ Римъ. Онъ не открывалъ, впро-

чемъ, рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, выжидая отвѣта Гонорія на опредѣленно поставленныя имъ условія, которыя должны были передать императору римскому уполномоченные, снова посланные къ нему, съ самимъ епископомъ Иннокентіемъ въ ихъ числѣ. Варваръ соглашался очистить Италію, но требовалъ уступки готамъ провинцій Норика, Венеціи и Далматіи и ежегоднаго жалованья деньгами и хлѣбомъ, а для себя званія высшаго римскаго военачальника (magister militum). Въ отплату за это онъ не только обѣщалъ миръ, но готовъ былъ поклясться за себя и за готовъ въ подданствѣ и вѣрности имперіи. Условія Алариха были, собственно говоря, выгодны для правительства Гонорія: принятіе ихъ не только избавляло центръ римскаго міра отъ готскаго нашествія, но въ племени Алариха Западная имперія пріобрѣтала недостававшую ей военную силу, необходимую ей для сохраненія господства въ провинціяхъ, надъ которыми еще сохранялась ея власть. Это понято было Іовіаномъ, который новою дворцовою революціею былъ поставленъ на мѣсто перваго сановника въ правительствѣ. Но другая придворная интрига опять измѣнила благоразумное настроеніе, и раздосадованный Аларихъ послѣ того, какъ въ Равеннѣ отвергнуты были даже болѣе скромныя требованія и не произвели впечатлѣнія угрозы, сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

У него былъ теперь новый планъ—низвести съ престола Гонорія и замѣнить его лицомъ, болѣе сговорчивымъ и покорнымъ. Захвативъ гавань Остію и овладѣвъ всѣми хлѣбными магазинами, Аларихъ принудилъ римлянъ подчиниться его волѣ. Сенатъ объявилъ Гонорія низложеннымъ за его равнодушіе къ бѣдствіямъ имперіи и столицы и провозгласилъ императоромъ, по желанію готскаго вождя, городского префекта Аттала. Это былъ человѣкъ греческаго происхожденія, утонченно образованный, но легкомысленный и пустой, лишенный государственныхъ талантовъ, но тщеславный и самоувѣренный. Онъ былъ язычникомъ, но въ угоду Алариху принялъ аріанство. Такимъ образомъ, мы видимъ изъ поступковъ короля вестготовъ, что онъ не только не собирался разрушить имперію, но даже не хотѣлъ захватить верховную власть въ ней въ свои руки. Избранникъ готскаго вождя былъ легко признанъ Римомъ и значительною частью Италіи, находившейся подъ страхомъ готскаго оружія. Только сидѣвшій въ неприступныхъ стѣнахъ Равенны Гонорій, не отрывавшійся отъ любимыхъ забавъ, съ наивнымъ или преступнымъ упрямствомъ отрицалъ совершавшіеся факты.

Атталъ однако скоро обнаружилъ полнѣйшую неспособность

разумно пользоваться властью, доставленною ему Аларихомъ. Вмѣсто того, чтобы по совѣту послѣдняго предпринять серьезную экспедицію для завоеванія Африки, намѣстникъ которой оставался вѣрнымъ Гонорію и прекратилъ подвозъ хлѣба въ Римъ, новый императоръ готовился къ походу противъ Равенны. Гордый своимъ неожиданнымъ величіемъ, онъ держалъ себя высокомѣрно даже съ Аларихомъ, которому былъ обязанъ престоломъ. Между тѣмъ голодъ опять открылся въ городѣ съ ужасающею силою. Бѣдное населеніе должно было довольствоваться самою отвратительною пищею. Толпа, собравшаяся въ циркѣ,—гдѣ, несмотря на народное бѣдствіе, не прекращались представленія,—грозно требовала, чтобы назначили цѣну на человѣческое мясо („Pone pretium carni humanae“). Выведенный изъ терпѣнія Аларихъ лишилъ Аттала власти и въ концѣ лѣта 410 г. раскинулъ въ третій разъ свои становища кругомъ Рима теперь уже съ твердымъ намѣреніемъ взять его; онъ далъ уже своимъ людямъ обѣщаніе предоставить имъ городъ на разграбленіе.

Взятіе Рима.

Косматые гунны войска Алариха, вооруженные луками и стрѣлами, и сильные готы, одѣтые въ звѣриныя шкуры, суровыя дѣти природы, привыкшіе къ приключеніямъ войны и опасныхъ странствованій, съ жаднымъ нетерпѣніемъ ожидали, когда они вступятъ, наконецъ, въ столицу, въ которой сложены всѣ сокровища, отнятыя римлянами у всѣхъ завоеванныхъ ими народовъ. Аларихъ не отважился на открытый приступъ, а воспользовался измѣною рабовъ, которые открыли готамъ одни изъ воротъ (Porta Salaria), и 24 августа 410 г., среди ночи, страшные враги съ дикимъ крикомъ ворвались въ вѣчный городъ при звонѣ оружія, рѣзкихъ звукахъ боевыхъ трубъ, при блескѣ молній и жестокихъ ударахъ грома отъ разразившейся надъ великой равниной грозы. Прежде всего разграбленъ былъ великолѣпный дворецъ Саллюстія, и пожаръ этого знаменитаго жилища многихъ императоровъ послужилъ первымъ факеломъ для начавшейся мрачной работы. Исторія изобилуетъ разсказами о паденіи знаменитыхъ городовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., Сиракузы, Карѳагенъ, Іерусалимъ, погибали со славою. Картина взятія Рима Аларихомъ не смягчается зрѣлищемъ мужества и самоотверженія его жителей. Они не защищаются, а прячутся или молятъ о пощадѣ; безъ сопротивленія, полные ужаса и отчаянія, отдаютъ они свою жизнь побѣдителямъ, отыскивающимъ добычу, не отстаиваютъ грудью своихъ богатствъ. Три дня и три ночи продолжалось жестокое опустошеніе. Съ разгорѣвшимися хищными инстинктами, при видѣ нагроможденныхъ драгоцѣнностей, свирѣпые

воины Алариха вторгаются во дворцы, храмы и церкви; они срываютъ со стѣнъ дорогія украшенія, забираютъ роскошныя ткани и цѣнную посуду и мебель, въ поискахъ за золотомъ опрокидываютъ и ломаютъ въ куски великолѣпныя статуи боговъ и роскошную утварь христіанскихъ базиликъ. Они оскверняютъ ограду монастырей отвратительными актами насилія, обращаютъ въ рабство множество плѣнныхъ.

Картина разграбленія Рима Аларихомъ, которую рисуютъ нѣкоторые современные авторы, несомнѣнно ужасна. Да и врядъ ли могло быть иначе. Христіанскіе писатели, правда, обращаютъ вниманіе на то, что Аларихъ сдерживалъ неистовство своихъ воиновъ, приказалъ щадить по возможности жизнь населенія, особенно укрывавшагося въ церквахъ, и уважать честь римскихъ женщинъ; запретилъ разрушать христіанскіе храмы и даже прикасаться къ сокровищамъ, принадлежащимъ св. Петру. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ, что, когда одна беззащитная христіанская дѣвушка объявила ворвавшимся къ ней въ домъ варварамъ, что она хранитъ у себя часть этихъ сокровищъ, ее не только оставили въ покоѣ, но, по приказанію Алариха, въ торжественной процессіи перевезли въ соборъ найденныя у нея драгоцѣнности. Однако рядомъ съ этимъ передается фактъ, что другая очень знатная женщина, Марцелла, также христіанка, которая не могла указать мѣста, гдѣ спрятаны ея богатства, такъ какъ у нея ихъ совсѣмъ не было, подверглась жестокимъ палочнымъ ударамъ и лишь съ трудомъ могла спасти отъ оскорбленій свою молодую дочь. Можно было бы привести изъ скорбной лѣтописи о взятіи Рима много и другихъ подобныхъ примѣровъ варварскихъ насилій, совершенныхъ безразлично какъ надъ христіанами, такъ и надъ язычниками.

Смерть Алариха. Но во всякомъ случаѣ Аларихъ, какъ только прошли назначенные имъ три дня, приказалъ сложить на огромныя телѣги награбленное имущество и очистить городъ. Трудно сказать, вызвано ли было это дѣйствіе желаніемъ спасти городъ отъ полнаго разоренія или страхомъ чумы, которая начинала уже свирѣпствовать, развиваемая міазмами гнившихъ на улицѣ труповъ убитыхъ. Нужно замѣтить, что разрушить зданія или уничтожить значительную часть ихъ пожаромъ готы не успѣли,—они всецѣло были поглощены грабежомъ, и это избавило знаменитые памятники отъ уничтоженія. Аларихъ двинулъ свое войско въ южную Италію, гдѣ Кампанія подверглась также безжалостному опустошенію; онъ думалъ изъ Регіума перебраться въ Сицилію, а затѣмъ въ Африку. Неизвѣстно, какія соображенія руководили имъ. Влекла ли его дальше та же

стихія переселенія, которая захватила его племя и уже заставила его пройти громадное пространство отъ береговъ Балтійскаго моря къ Черному, оттуда до самыхъ южныхъ областей Балканскаго полуострова и потомъ черезъ Альпы до Рима; или имъ руководилъ сознательный расчетъ отрѣзать Италію отъ сицилійскаго и африканскаго хлѣба и тѣмъ принудить Гонорія къ уступчивости; или, наконецъ, хотѣлъ онъ основать въ плодородной Африкѣ свое самостоятельное государство. Алариху, впрочемъ, не удалось привести свой планъ въ исполненіе: суда, которыя онъ приготовилъ для переправы, были разбиты бурею, и самъ король скоро палъ жертвою болѣзни, которая внезапно поразила его.

Такъ неожиданно и преждевременно оборвалась жизнь вождя, фигура котораго ярко вырисовывается на фонѣ исторіи Римской имперіи въ началѣ V в. Современные писатели заканчиваютъ повѣствованіе о его жизни романическимъ разсказомъ. Воины Алариха отвели въ сторону теченіе рѣчки Бузенто въ Калабріи, заставили плѣнныхъ римлянъ вырыть въ обнажившемся днѣ ея громадную могилу, положили въ нее тѣло умершаго конунга, зарыли съ нимъ его главныя сокровища; потомъ вода была вновь пущена въ старое русло, работавшіе при этомъ римляне убиты, и мѣсто погребенія варварскаго вождя, впервые овладѣвшаго столицею міра, осталось неизвѣстно.

III.

Основаніе Вестготскаго государства въ Галліи.

Впечатлѣніе, произведенное взятіемъ Рима.

Итакъ, всемірная столица была взята и разграблена варварами. Городъ, который не видѣлъ въ стѣнахъ своихъ враговъ со временъ знаменитаго нашествія галловъ (390 г. до Р. Хр.) и который самъ распоряжался судьбой всѣхъ народовъ, сталъ добычею дикихъ полчищъ вестготовъ и былъ опозоренъ ихъ гнусными насиліями. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на весь цивилизованный міръ, было страшное и подавляющее. Сила, которая считалась незыблемымъ оплотомъ культуры и права, была сокрушена, и вѣра въ прочность человѣческихъ учрежденій расшатана. Особенно потрясены были послѣдніе представители античной мысли и языческаго общества. Одушевлявшее ихъ убѣжденіе въ вѣчности великой „Roma“ разрушалось, какъ пустая иллюзія; надо было признать, что ошибся Вергилій, когда говорилъ словами Юпитера о судьбахъ Рима:

His ego non metas rerum nec tempora pono,
Imperium sine fine dedi!.. [1])

Наступалъ опять новый порядокъ вѣковъ, неизвѣстно какихъ, но оракулы блестящаго прошлаго, предвѣщавшіе, что господству Рима не будетъ конца, очевидно, говорили неправду. Мы не слышимъ надъ опустошеннымъ городомъ надгробнаго плача языческихъ писателей, но отъ такого молчанія какъ-то особенно вѣетъ смертельнымъ уныніемъ. Историкъ Зосимъ, дойдя до повѣствованія о страшной катастрофѣ, пересталъ писать. Пѣвецъ дѣяній послѣдняго защитника Рима, Стилихона, поэтъ Клавдіанъ также замолкъ, оканчивая жизнь въ бѣдности и изгнаніи. Приходило, можетъ быть, невольно на память роковое предчувствіе Сципіона, который при видѣ пылавшаго Кароагена вспоминалъ паденіе Трои и плакалъ о темномъ будущемъ своей родины. И нѣтъ никакого величія въ паденіи Рима, нѣтъ героя, который воплощалъ бы въ себѣ безстрашіе римлянъ даже передъ несчастіемъ, о которомъ можно было бы сказать вмѣстѣ съ Гораціемъ:

Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae. [2])

Тотъ, кого называли императоромъ, бѣжалъ отъ опасности подъ защиту лѣсовъ и болотъ и въ то время, какъ падала его столица, сокрушался лишь о смерти своего любимаго пѣтуха, котораго онъ назвалъ также великимъ именемъ Рима. Даже нѣкоторые христіанскіе писатели поражены трагическою судьбою города, который не могъ возбуждать въ нихъ сильной любви. Одинъ изъ наиболѣе пылкихъ отцовъ церкви, скрывшійся въ Палестинѣ отъ пороковъ запада, блаженный Іеронимъ, оплакиваетъ бѣдствіе Рима горькими словами глубокой жалости. „Кто могъ думать, восклицаетъ онъ, что Римъ, воздвигнутый изъ добычи, отнятой у всего міра, долженъ былъ стать добычею враговъ; что этотъ городъ будетъ въ одно время колыбелью и могилою народовъ, и что будутъ продаваться въ Африкѣ, Египтѣ и Азіи, какъ рабыни, знатныя жительницы столицы, которая сама была госпожею этихъ земель; что св. Виолеемъ будетъ призрѣвать, какъ нищихъ, мужчинъ и женщинъ, блиставшихъ такъ недавно въ Римѣ благородствомъ происхожденія и богатствомъ“.—„Сердце горитъ во мнѣ, голосъ мой пропадаетъ и ры-

[1]) Я не ставлю имъ границъ и сроковъ—пусть властвуютъ вовѣки!
[2]) Хоть бы обрушился міръ, развалины его падутъ на человѣка безстрашнаго.

данья прерываютъ слова, которыя я пишу. Факелъ міра потухъ, и въ одномъ сраженномъ городѣ погибаетъ весь человѣческій родъ"... Знаменитый старецъ оплакиваетъ крушеніе Рима прежде всего потому, что множество христіанъ пострадали тамъ отъ варваровъ, но въ словахъ его сквозитъ также остатокъ старой идеи, что неприкосновенность Рима нужна для спокойствія міра. Въ IV в. другой церковный писатель Лактанцій также говорилъ, что паденіе Рима угрожаетъ существованію цивилизаціи.

Нужно, впрочемъ, сказать, что не всѣ христіанскіе отцы такъ горячо приняли къ сердцу ударъ, нанесенный столицѣ міра. Первый богословъ того времени—св. Августинъ, епископъ гиппонскій, отнесся къ страшному событію гораздо равнодушнѣе. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что роковой конецъ предсказанъ Евангеліемъ и пророками; онъ протестуетъ противъ обвиненія, будто его не трогаетъ несчастіе Рима, увѣряетъ, что его христіанское сердце полно печали, но горе его мало ощущается въ его твореніяхъ. Взятіе Рима вызвало вообще горькіе упреки язычниковъ противъ христіанъ. Они жаловались на несправедливость или безсиліе христіанскаго Бога, который не спасъ Рима отъ варваровъ, призванныхъ мщеніемъ божествъ, оставленныхъ прежними поклонниками. Августинъ написалъ въ защиту христіанства противъ этихъ нападокъ свой трактатъ „*О царствіи Божіемъ*", въ которомъ доказываетъ, что взятіе Рима Аларихомъ, напротивъ, было карою римлянъ за ихъ грѣхи, за упорное отрицаніе истинной вѣры, и что Христосъ оградилъ во время разгрома жизнь, честь и имущество искренно вѣрующихъ въ него, спасавшихся въ его храмы людей и смягчилъ сердце самого варвара. Въ глубинѣ души христіане вообще не могли не радоваться позору „всемірной блудницы", какъ давно называли они Римъ. Это было страшное возмездіе за гоненія. Нѣкоторые и не скрываютъ своего удовлетвореннаго чувства. Историкъ Оросій, ученикъ Августина, прямо называетъ Римъ Содомомъ и Вавилономъ и только выражаетъ сожалѣніе, что нечестивый городъ попалъ въ руки не кровожаднаго Радагайса, а болѣе умѣреннаго Алариха. Но и послѣдній былъ мстителемъ въ рукахъ Провидѣнія, орудіемъ, помощью котораго Богъ отдѣлилъ доброе сѣмя отъ плевелъ: первое онъ спасъ въ лонѣ св. церкви, вторыя предалъ сожженію. Конечно, слова Оросія являются лишь крайнимъ выраженіемъ христіанской ненависти противъ города, олицетворившаго для нихъ грѣхъ и проклятіе. Но и для всякаго христіанина паденіе Рима не могло имѣть того значенія, какъ для язычниковъ. Вся ихъ надежда была въ будущемъ,

и тотъ же блаженный Іеронимъ съ гордою вѣрою въ неразрушимость христіанства торжественно восклицаетъ: „Римскій міръ рушится, но не склоняется наша высоко поднятая глава!“ („Romanus orbis ruit, et tamen cervix nostra erecta non flectitur“); а св. Августинъ въ томъ же знаменитомъ сочиненіи „*De civitate Dei*“ развиваетъ теорію этого новаго государства, царства Божія, которому дѣйствительно не будетъ конца.

Атаульфъ. Такъ различно выражалось настроеніе, вызванное взятіемъ Рима, въ представителяхъ старой и новой религіи. Факты эти ярко характеризуютъ переживавшійся тогда человѣчествомъ великій переломъ міровоззрѣній. Но что же дѣлали готы и какова была дальнѣйшая судьба Рима? Алариху наслѣдовалъ родственникъ его Атаульфъ, котораго готы провозгласили конунгомъ. Онъ отказался отъ африканской экспедиціи, но не вернулся и въ Римъ. Два года простоялъ онъ съ своимъ племенемъ въ Италіи, но въ 412 г. перебрался съ нимъ въ южную Галлію и оттуда открылъ съ правительствомъ римскаго императора переговоры о мирѣ и союзѣ. Такимъ образомъ всемірная столица, а съ нею вмѣстѣ имперія были спасены. Разграбленный, но не разрушенный городъ довольно быстро оправился отъ жестокаго удара; онъ не могъ вернуть себѣ прежняго величія, но галльскій поэтъ-язычникъ Рутилій Намаціанъ, посѣтившій Римъ скоро послѣ 410 г., ничего не говоритъ о его разоренномъ видѣ, а, напротивъ, называетъ его „чудною царицею міра, роскошные храмы которой поднимаются въ небеса“. Римъ опять какъ бы опровергалъ христіанскія предсказанія, вновь оправдывая старую традицію, хотѣлъ быть вѣчнымъ. Его дѣйствительно ждетъ новый рядъ великихъ вѣковъ, когда онъ станетъ снова столицею міра, только духовною, мѣстопребываніемъ главы всемірнаго христіанства. Онъ опять будетъ „regere imperio populos [1]“; про него будутъ говорить: „Roma caput mundi regit orbis frena rotundi [2]“, и воплощенною въ немъ идеею всемірной монархіи будутъ одушевляться не только теократическія стремленія папъ, но и государственные идеалы средневѣковыхъ императоровъ. Въ разсматриваемый же періодъ освобожденіе Рима отъ готовъ явилось выраженіемъ того факта, что Римская имперія еще жива и что варварамъ не удается ее разрушить.

Названный выше церковный историкъ Оросій, современникъ

---

[1]) Властвовать надъ народами.

[2]) Римъ, глава міра, правитъ земнымъ кругомъ.

описываемыхъ событій, передаетъ намъ любопытныя слова, будто бы сказанныя преемникомъ Алариха Атаульфомъ. „Въ юности, говорилъ онъ, я жаждалъ разрушить Римъ, поставить на мѣсто Римской имперіи (Romania) Готскую державу (Gothia) и стать самому на мѣсто Августа („et fieret nunc Athaulphus quod quondam Caesar Augustus“). Но опытъ показалъ мнѣ, что готы слишкомъ грубы, чтобы повиноваться законамъ, а безъ законовъ нѣтъ государства. Тогда я поставилъ себѣ цѣлью укрѣпить Римскую имперію силами готовъ и видѣлъ лучшую славу свою въ томъ, чтобы получить у потомковъ названіе возстановителя Рима“. Врядъ ли слова эти подлинно принадлежатъ Атаульфу; первая часть ихъ даже мало вѣроятна. Мы видѣли уже, что и Аларихъ никогда не обнаруживалъ стремленія уничтожить имперію или стать во главѣ ея. Римъ также привлекалъ его, какъ средство дать воинамъ богатое вознагражденіе, а не какъ желанная столица для его собственнаго государства. Сила Алариха покоилась именно на племенной власти его надъ готами, и онъ хотѣлъ укрѣпить свою національную монархію пріобрѣтеніемъ для своего народа удобной территоріи и упрочить ее выработкою болѣе высокихъ культурныхъ формъ устройства своего государства. И того и другого онъ могъ достигнуть только съ помощью имперіи и въ связи съ нею; онъ воевалъ съ нею только, чтобы получить земли и союзныя отношенія. Онъ желалъ быть не на мѣстѣ имперіи, а внутри ея. Менѣе пылкій и болѣе практичный и умудренный только что пережитымъ опытомъ, къ тому же свыкшійся лучше съ римскими формами жизни, Атаульфъ, конечно, никогда не могъ мечтать о большемъ. Вторая же часть приведенныхъ словъ хорошо иллюстрируетъ мысль варварскихъ королей: они готовы поддерживать имперію силами своихъ племенъ, помѣстившись на ея земляхъ и ставъ подъ ея культурное руководство. Это планъ Стилихона о защитѣ имперіи варварами, о созданіи подъ верховною властью Рима вассальныхъ варварскихъ государствъ. Это единственный выходъ изъ запутаннаго положенія имперіи, который выгоденъ и для нея, такъ какъ она потеряла самостоятельную военную организацію, и для варваровъ, такъ какъ они ищутъ упроченія своего быта. Разумѣется, вполнѣ сознательно идея не формулировалась въ суровыхъ умахъ германскихъ королей, но всѣ они питали уваженіе къ Риму и охотно служили ему, хотя служба эта не всегда была покорною и часто оканчивалась войною и грабежами.

Галлія въ началѣ V вѣка.

Уже нѣсколько разъ приходилось указывать на печальное положеніе, въ которомъ находилась Галлія въ началѣ V в. Бур-

гунды, алеманны и франки осѣли въ ея западныхъ частяхъ. Внутреннія мѣстности страны были разорены только что прошедшимъ черезъ нее вандальскимъ погромомъ и охвачены возстаніемъ крестьянъ („багаудовъ"). Эти послѣдніе, доведенные до крайности притѣсненіями крупныхъ помѣщиковъ и не надѣясь на помощь безчестной администраціи, пытались собственными силами облегчить свое положеніе, становясь на сторону „антиимператоровъ", постоянно появлявшихся въ Галліи, готовы были даже подчиниться варварамъ. Крупная галльская знать, державшая въ тяжелой зависимости отъ себя мелкій людъ, предавалась необузданной роскоши, проводила время въ развлеченіяхъ, закрывая глаза на опасности, угрожавшія имперіи, не понимая серьезности положенія вещей, не обнаруживая гражданскаго чувства, а легкомысленно наслаждаясь цѣлыми еще богатствами и разнообразными впечатлѣніями праздной, но утонченной жизни.

Готы не встрѣтили при вступленіи въ Галлію серьезнаго отпора и легко овладѣли Нарбонною, главнымъ городомъ ближайшей галльской провинціи. Атаульфъ держалъ при себѣ въ качествѣ плѣнницы захваченную въ Римѣ сестру Гонорія Плацидію; онъ просилъ у императора ея руки и думалъ черезъ нее добиться утвержденія договора. Гонорій однако, несмотря на желаніе самой Плацидіи, не далъ согласія на этотъ бракъ и отказался отъ всякой сдѣлки съ готскимъ королемъ, оставаясь вѣренъ той постыдной безпечности, которая всегда характеризовала этого государя, такъ много сдѣлавшаго для ускоренія гибели монархіи. Атаульфъ тогда помимо воли Гонорія торжественно отпраздновалъ въ Нарбоннѣ по всѣмъ правиламъ римскаго церемоніала свою свадьбу съ Плацидіей; но вскорѣ потомъ самъ былъ убитъ во время похода противъ вандаловъ въ Испаніи, куда онъ отправился, вѣроятно, все еще не рѣшивъ вопроса о мѣстѣ окончательнаго поселенія своего племени. Преемникъ его Валлія возвратилъ Плацидіи свободу, и послѣ этого довѣренные совѣтники убѣдили Гонорія въ необходимости прійти къ какому-нибудь прочному соглашенію съ готами. По состоящемуся въ 419 г., оффиціально утвержденному императоромъ договору (foedus), вестготамъ представлялась для поселенія провинція Аквитанія съ главнымъ городомъ Толозою (нын. Тулуза), т. е. пространство земли между Пиренеями, Атлантическимъ океаномъ и р. Гаронною. Тутъ въ роскошномъ бассейнѣ „золотой" рѣки, въ странѣ, славившейся своимъ плодородіемъ, среди миртовыхъ и платановыхъ рощъ, богатыхъ виноградниковъ, тучныхъ полей и великолѣпныхъ садовъ,

хотя нѣсколько разоренныхъ послѣдними годами анархій, размѣстилось племя Алариха послѣ долгихъ странствованій, и такимъ образомъ возникло первое варварское государство на римской почвѣ, Вестготское (Тулузское) королевство.

Тулузское королевство вестготовъ.

Строеніе этого новаго политическаго тѣла было очень своеобразно, и особенностями его устройства и положенія живо иллюстрируется смутный характеръ переходнаго времени, которое переживала тогда западная Европа, а самымъ фактомъ его возникновенія и быстраго усиленія ясно обнаруживается близость для имперіи рокового конца. Король вестготовъ оставался государемъ своего племени, которое, поселяясь съ согласія императора на римской территоріи, само становилось имперскою арміею, а вождь ея по отношенію къ императору становился подданнымъ, назначеннымъ имъ главнокомандующимъ (съ высшимъ военнымъ званіемъ *magister militum*). Гражданское управленіе занятою готами страною и административная власть надъ туземнымъ галлоримскимъ населеніемъ была, по всей вѣроятности, также предоставлена имперіею королю варваровъ въ качествѣ высшаго намѣстника. Скоро мы перестаемъ встрѣчать въ источникахъ упоминаніе о префектахъ преторіи Галліи, а готскіе короли часто называются „патриціями", т. е. обозначаются именемъ, которое употребляется въ періодѣ паденія, какъ титулъ старшихъ представителей административной власти въ провинціяхъ. Формально вестготскій король является первымъ уполномоченнымъ, замѣстителемъ римскаго императора въ южной Галліи, фактически же онъ несомнѣнно оказывается господиномъ всего населенія занятой имъ области. Мы видѣли, какъ слаба была власть императора даже въ Италіи; въ болѣе отдаленной отъ центра провинціи онъ тѣмъ менѣе имѣлъ возможность контролировать дѣйствія не очень склоннаго къ покорности варварскаго короля и не владѣлъ никакими средствами, которыми могъ бы принудить его къ повиновенію. Пока король самъ считаетъ выгоднымъ признавать стоящую надъ нимъ верховную власть, связь имперіи съ готскою Галліею будетъ сохранена, но когда онъ, окончательно устроившись, захочетъ достигнуть полной самостоятельности, то отдѣленіе отъ имперіи совершится безъ усиленной борьбы.

Военный постой варваровъ.

Говоря объ образованіи Тулузскаго государства въ южной Галліи, необходимо отвѣтить на вопросъ, какимъ способомъ была испомѣщена на новыхъ земляхъ масса вестготскаго племени. Полныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ источники не даютъ, но по имѣющимся въ нихъ данымъ все же можно построить вѣ-

роятную картину. Когда занятіе западныхъ провинцій имперіи германцами изображалось, какъ быстрое и рѣзко-насильственное завоеваніе, обыкновенно думали, что они отбирали у туземнаго романизованнаго населенія всю его землю и обращали прежнихъ землевладѣльцевъ въ зависимый классъ крѣпостныхъ людей. Теперь, когда вопросъ изученъ лучше, такое представленіе становится невозможнымъ. Только рѣдко происходило нѣчто подобное въ тѣхъ случаяхъ, когда столкновеніе римлянъ съ германцами принимало форму особенно кровавой войны, наприм., при занятіи Африки вандалами (ок. 430 г.) или завоеваніи Британіи англо-саксами (около 450 г.). Въ общемъ же правилѣ и въ частности въ разсматриваемомъ случаѣ дѣло происходило иначе. Поселенные въ Аквитаніи вестготы были признаны, какъ сказано, римскимъ союзнымъ вспомогательнымъ войскомъ. Оно и было поэтому устроено на основаніи римскаго закона о военномъ постоѣ. Каждый готъ съ семьею, какъ и римскіе легіонеры, получалъ квартиру въ жилищахъ галло-римскаго мирнаго населенія. Часть дома (обыкновенно $^1/_3$) отдавалась готскому воину, и затѣмъ часть урожая съ земли владѣльца, у котораго онъ помѣщался, шла на его продовольствіе, и вообще хозяинъ доставлялъ ему полное содержаніе. Раньше мѣстные землевладѣльцы обязаны были только давать жилище солдатамъ, а остальнымъ потребностямъ его удовлетворяла казна: но въ послѣднія времена государство возложило и эту новую повинность на землевладѣльцевъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ стояли войска. Такое же „обязательное гостепріимство“ *(hospitalitas)* было предписано жителямъ Аквитаніи, когда страна эта была отдана вестготамъ для поселенія.

Такимъ образомъ, не было произведено насильственнаго отнятія земель у туземныхъ владѣльцевъ; они сохранили собственность, но часть продукта, извлекаемаго изъ ихъ помѣстій ихъ хозяйственнымъ трудомъ, они обязаны были отдавать новымъ „постояльцамъ“ (hospites). Тяжесть эта, впрочемъ, была нелегкая, такъ какъ число готовъ было весьма значительно, а первоначально занятая территорія сравнительно не очень велика. По всей вѣроятности, не менѣе 300000 готовъ вступили въ предѣлы Галліи. Остальные изъ тѣхъ 700—900 тысячъ, которые перешли Дунай въ 376 г., либо погибли въ битвахъ или отъ болѣзней, либо отстали, отошли въ сторону или растерялись. Тѣсное сожительство съ варварами, которые чувствовали себя господами, несомнѣнно было сопряжено съ большими неудобствами и даже страданіями для

населенія. Вымогательства ихъ должны были постоянно превосходить законную мѣру продуктовъ, назначенныхъ для ихъ содержанія, да и вообще дикіе и жадные вооруженные люди среди безоружныхъ, разоренныхъ и деморализованныхъ жителей Аквитаніи часто производили разнообразные акты насилія. Все теченіе жизни туземцевъ нарушалось постояннымъ сосѣдствомъ грубыхъ и назойливыхъ варваровъ. Сочиненія современныхъ авторовъ полны жалобъ на печальное положеніе Галліи подъ властью новыхъ поселенцевъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что новые союзники имѣли скорѣе видъ завоевателей и приносили больше зла и вреда, чѣмъ враги, противъ которыхъ они должны были сражаться, защищая имперію. Сальвіанъ пишетъ: „Мы подъ игомъ варваровъ; мы платимъ имъ дань; мы живемъ среди нихъ, какъ среди непріятелей; мы окружены опасностями и полны ужаса; мы живемъ, какъ плѣнные; они—господа римской территоріи“. Такихъ отрывковъ можно было бы привести очень много. Отъ притѣсненій варваровъ терпитъ не только мелкій людъ, но и крупные магнаты. Сидоній Аполлинарій, поэтъ, ораторъ, епископъ и крупный помѣщикъ Галліи, въ это время даетъ богатое описаніе насилій вестготовъ. Утонченно-образованнаго человѣка возмущаетъ постоянное обращеніе съ неопрятными дикарями. „Какъ могу я, обращается онъ къ одному другу, написать тебѣ свадебный гимнъ, когда я вѣчно окруженъ толпами этихъ длинноволосыхъ людей, которые оглушаютъ меня рѣзкими звуками своихъ голосовъ... Ты счастливъ, что не долженъ вдыхать десять разъ въ утро ихъ чесночный запахъ“. Конечно, это меньшее изъ несчастій, которыя причиняли готы, но изнѣженныя жалобы эти характеризируютъ знатнаго барина.

Описанный порядокъ взаимныхъ отношеній между готами-поселенцами и галло-римлянами владѣльцами былъ довольно неопредѣлененъ, постоянно приводилъ къ столкновеніямъ и потому не могъ долго удержаться. Готы, утомленные войнами и передвиженіями, сами стремились къ мирной осѣдлой жизни. Въ нихъ должна была проснуться склонность къ земледѣльческому быту въ такой плодородной странѣ, какъ Аквитанія, и это привело, по всей вѣроятности, скоро послѣ первоначальнаго поселенія ихъ тамъ, къ необходимости раздѣла территоріи между ними и туземцами. Повидимому, готы получили $^1/_3$ земель, остальныя же $^2/_3$ сохранены были прежними владѣльцами. Варвары, по выраженію Павла Оросія, „перековали свои мечи на плуги (aratra)“. Мѣстные жители, нужно думать, также были довольны такою перемѣною. Они, правда,

теряли часть земель, но личная свобода и уже нераздѣленное владѣніе оставленными участками были за ними обезпечены, равно какъ и защита ихъ интересовъ королемъ готовъ, который мало-по-малу привыкъ смотрѣть и на нихъ, какъ на своихъ подданныхъ; кромѣ того они избавлялись отъ тяжелаго сожительства и произвольныхъ поборовъ варваровъ-постояльцевъ.

Отношенія между вестготами и имперіей. На такихъ главныхъ началахъ устроились вестготы въ Галліи, образовавъ вассальное государство Римской имперіи. Несомнѣнно, что зависимость ихъ отъ Рима была очень слабая, почти номинальная. Императоры предоставили вестготскимъ королямъ управленіе занятою страною, отказавшись какъ бы отъ правъ на нее; они требовали отъ варваровъ только военной помощи при борьбѣ ея съ врагами. Вестготы дѣйствительно постоянно воюютъ съ вандалами по порученію императоровъ. Но результатомъ ихъ походовъ оказывается, что короли ихъ оставляютъ за собою земли, отнятыя у вандаловъ въ Испаніи, и не преслѣдуютъ ихъ въ Африкѣ, когда тѣ обрушиваются на эту провинцію. Затѣмъ они обращаютъ и противъ имперіи свои дальнѣйшія завоевательныя предпріятія — они оружіемъ присваиваютъ себѣ Нарбоннскую Галлію. Теперь государство вестготовъ протягивается отъ Альпъ до океана и уходитъ за Пиренеи.

Упрочившееся могущество и увеличившіяся притязанія варварскихъ элементовъ въ новомъ государствѣ, а, можетъ быть, и размножившееся ихъ число привели къ новому раздѣлу, по которому, вѣроятно, еще $^1/_3$ земель была отобрана у мѣстнаго населенія и перешла къ готамъ. Туземцы еще обѣднѣли, но все же сохранили достаточно земель для обезпеченія своей жизни, тѣмъ болѣе, что на собственности не тяготѣли болѣе всѣ огромныя обязательства, которыми она обложена была римскимъ фискомъ: надежда на облегченіе тягости налоговъ вообще мирила галло-римлянъ съ варварскимъ нашествіемъ. Между ними многіе оставались даже крупными и богатыми владѣльцами, такъ какъ не вездѣ раздѣлъ былъ проведенъ съ одинаковою строгостью, да и сохраненныя трети иной разъ представляли еще изрядныя состоянія. Варвары же въ новой обстановкѣ подъ вліяніемъ римскихъ земельныхъ порядковъ начинаютъ забывать свое первобытное общинное землевладѣніе.

Вновь установившаяся Вестготская держава производитъ впечатлѣніе могущественнаго государства, принимающаго культурныя формы. Король правитъ совмѣстно и своимъ племенемъ, и галло-римлянами; и тѣ и другіе — его подданные. Къ послѣднимъ онъ

примѣняетъ римскіе писаные законы и сохраняетъ для нихъ прежнія судебныя и административныя учрежденія; варварами управляетъ по устнымъ обычаямъ старины, которые мало-по-малу слагаются въ болѣе или менѣе опредѣленную „Правду". Онъ владѣетъ обширными императорскими землями, которыя попали въ его распоряженіе. Онъ богатъ и силенъ ими; онъ увлеченъ римскою формою абсолютной монархіи, пользуется политическими совѣтами римскихъ юристовъ, стремится расширить свою власть надъ готами, освободиться отъ обязанности совѣщаться съ вѣчевою сходкою, на которую, впрочемъ, уже гораздо труднѣе созвать племя, разбросанное на обширной территоріи; король хочетъ наслѣдственно, помимо народнаго избранія, передавать власть своему потомству; онъ живетъ уже, какъ римскій владыка, и формы римской культуры и быта значительно измѣняютъ дикіе нравы готовъ. Многіе изъ нихъ уже говорятъ по-латыни, и на языкѣ римлянъ скоро будутъ редактироваться первые варварскіе своды.

Послѣдній разъ видимъ мы вестготовъ въ роли римскаго союзнаго войска въ знаменитой битвѣ на *Mauriacus campus* (такъ называемое сраженіе на Каталаунскихъ поляхъ) въ 451 г., въ которой послѣдній римскій знаменитый полководецъ Аэцій отразилъ нашествіе на Галлію страшнаго гуннскаго вождя Аттилы. Но вскорѣ затѣмъ король Эйрихъ (466—484) окончательно отказался отъ подчиненія Риму. Историкъ готскихъ дѣяній Іорданисъ говоритъ объ этомъ: „Видя постоянную смѣну императоровъ и слабость имперіи, Эйрихъ занялъ, какъ независимый государь (jure suo), Галлію и Испанію". Верховная власть римскаго императора перестаетъ существовать для вестготскаго конунга; отъ имперіи отторгнуты превосходныя земли, и на нихъ создается независимое королевство вестготовъ (первое культурное государство германцевъ) около 50 лѣтъ послѣ прибытія этого племени въ Галлію.

По пути, аналогичному съ только что описаннымъ на примѣрѣ вестготовъ, происходило въ большинствѣ случаевъ дальнѣйшее отдѣленіе западныхъ провинцій отъ имперіи и утвержденіе на ихъ почвѣ различныхъ варварскихъ государствъ; въ такой же формѣ совершилось въ концѣ концовъ и исчезновеніе императорской власти на западѣ. Италія, еще ослабленная нашествіемъ Аттилы (452 г.) и жестокимъ набѣгомъ вандаловъ (455 г.), также вся находилась въ рукахъ варваровъ: только ихъ ополченія составляютъ ея военную защиту, и военная власть переходитъ въ руки ихъ вождей; одна гражданская остается въ рукахъ императоровъ; но первые

распоряжаются вторыми, пока одинъ изъ предводителей германскихъ войскъ, расквартированныхъ въ Италіи, Одоакръ не захватилъ и гражданскаго управленія Италіею. Онъ лишилъ послѣдняго западнаго императора Ромула Августула престола, который тотъ занималъ, не имѣя на дѣлѣ никакой власти (476 г.), произвелъ раздѣлъ земель для раздачи ихъ варварскимъ воинамъ и объявилъ себя королемъ Италіи по выбору германцевъ и по постановленію римскаго сената. Событіе это, впрочемъ, не произвело впечатлѣнія на западный міръ, уже привыкшій къ слабости императора; самъ виновникъ его Одоакръ не чувствуетъ себя разрушителемъ имперіи; онъ признаетъ даже верховную власть единаго римскаго, т. е. восточнаго императора, и проситъ царствовавшаго тогда въ Константинополѣ Зенона утвердить его власть надъ Италіею. Еще нѣкоторое время различные варварскіе короли будутъ обращаться къ восточному императору, какъ къ господину, хотя они правятъ въ своихъ земляхъ, какъ самостоятельные государи, и довольно долго будутъ съ гордостью носить титулъ и названіе высшихъ римскихъ сановниковъ: идея непрерывности существованія имперіи не сразу умретъ въ сознаніи варварскихъ народовъ.

Германцы расчленили весь организмъ Западной Римской имперіи. Но они не могли сразу разрушить ея еще живой, хотя и расшатанный общественный строй и быстро уничтожить ея умственную культуру. Первый проникаетъ различными путями въ образованныя варварами государства и измѣняетъ ихъ первобытныя учрежденія; вторая черезъ римскихъ подданныхъ германскихъ королей преобразовываетъ понемногу понятія, нравы и бытъ. Наконецъ, самымъ живымъ и самымъ новымъ наслѣдіемъ исчезнувшей старины остается сильная и могущественная церковь; она является въ новыхъ обществахъ проводникомъ не только христіанскихъ религіозно-нравственныхъ, но и римскихъ общекультурныхъ идей и традицій, вліянію которыхъ она сама подвергалась, развиваясь подъ покровомъ Римской имперіи. Только изъ медленнаго взаимодѣйствія и сочетанія *романскихъ*, *германскихъ* и *христіанскихъ* началъ рождаются ново-европейскія націи и создаются ново-европейскія государства, совершенно такъ же, какъ медленно разлагалась Римская имперія вслѣдствіе постепеннаго вымиранія принциповъ и формъ жизни, которые давали ей силы; какъ бы шагъ за шагомъ уступала она новымъ племенамъ мѣсто, великое мѣсто, которое долго со славою занимала въ Европѣ.

И. Гревсъ.

VII.

Меровингское общество [1]).

I. Сигбертъ и Хильперикъ.

Королевская вилла.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Суассона, на берегахъ маленькой рѣчки, находится деревня Бренъ. Въ VI вѣкѣ она была одною изъ тѣхъ обширныхъ фермъ, въ которыхъ держали свой дворъ франкскіе короли. Королевское жилище того времени вовсе не имѣло воинственнаго вида средневѣковыхъ замковъ. То было обширное зданіе, окруженное портиками римской архитектуры, иногда построенное изъ гладко выструганнаго дерева и украшенное рѣзьбой, не лишенной изящества. Вокругъ главнаго зданія располагались въ порядкѣ жилища дворцовыхъ чиновъ и начальниковъ германскихъ дружинъ. Другіе дома, поменьше, были заняты многочисленными семействами, въ которыхъ мужчины и женщины занимались всякаго рода ремеслами, отъ мастерства золотыхъ дѣлъ и выдѣлки оружія до тканья и обработки кожи, отъ вышиванія шелками и золотомъ до самаго грубаго пряденія льна и шерсти. Семейства эти большей частью происходили отъ галловъ, родившихся на участкѣ, присужденномъ королю при дѣлежѣ завоеванія, или переселенныхъ насильно изъ сосѣдняго города для заселенія королевскаго помѣстья. Хозяйственныя постройки разнаго рода, конскіе заводы, скотные дворы, хижины земледѣльцевъ и рабовъ дополняли ферму, которая обыкновенно располагалась на опушкѣ или въ глуши дремучихъ лѣсовъ, совершенно напоминая такимъ образомъ древне-германскую деревню на зарейнской родинѣ.

[1]) По *Aug. Thierry*, Récits des temps Mérovingiens, и *Ешевскому*, Сидоній Аполлинарій.

Бренъ было любимымъ мѣстопребываніемъ Хлотаря, послѣдняго изъ сыновей Хлодвига. Тамъ сберегалъ онъ за тройными замками свои сокровища: золотую монету, сосуды и драгоцѣнности; тамъ совершалъ важнѣйшія государственныя дѣла, созывалъ соборы епископовъ, принималъ пословъ и предсѣдательствовалъ на народныхъ собраніяхъ. Если не было войны, король переѣзжалъ изъ одного помѣстья въ другое, уничтожая поочередно заготовленные въ нихъ запасы и потѣшаясь охотой со своими франкскими дружинниками.

Король Хлотарь. Подобно всѣмъ франкскимъ королямъ того времени, Хлотарь былъ истинный варваръ, какъ и его предки-язычники въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ Германіи. Христіанство еще было безсильно сдержать необузданные порывы ихъ дикой натуры, а римскій міръ часто оказывалъ на нее очень дурное нравственное вліяніе; отрѣшившись отъ своей первобытной нравственности, германцы не могли сразу усвоить болѣе возвышенные идеалы и отъ римской культуры заимствовали только пороки. Наивная жестокость, корыстолюбіе и коварство ярко проявляются во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Такими же чертами характера отличаются и меровингскіе короли въ „Исторіи франковъ“ Григорія Турскаго, писателя-современника меровингской эпохи. Вотъ одинъ изъ его драгоцѣнныхъ разсказовъ. Сыновья Хлодвига, Теодерихъ и Хлотарь, были вмѣстѣ въ походѣ противъ тюринговъ. Теодериху пришла мысль убить своего брата, чтобы захватить его владѣнія. Протянувъ въ своемъ домѣ занавѣску отъ одной стѣны комнаты къ другой, онъ спряталъ за ней вооруженныхъ воиновъ и пригласилъ къ себѣ Хлотаря подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ переговоровъ. Но занавѣска была слишкомъ коротка, и Хлотарь тотчасъ же замѣтилъ ноги спрятанныхъ воиновъ. Онъ пригласилъ свою свиту войти вмѣстѣ съ нимъ. Теодерихъ понялъ, что намѣреніе его открыто; смущенный, онъ выдумываетъ какую-то басню, говоритъ совсѣмъ не то, что слѣдуетъ и, наконецъ, въ знакъ привязанности даритъ брату огромное серебряное блюдо. Хлотарь поблагодарилъ за подарокъ, простился и ушелъ домой, унося полученное блюдо. Теодерихъ былъ въ отчаяніи: онъ оплакивалъ потерю драгоцѣнной вещи. Наконецъ, ему пришла счастливая мысль. Призвавъ своего сына Теодеберта, онъ сказалъ ему: „Ступай къ твоему дядѣ и выпроси у него для себя тотъ подарокъ, который я ему сдѣлалъ“. Теодобертъ отправился къ Хлотарю и, дѣйствительно, уговорилъ его подарить ему блюдо.

Въ 560 году одинъ изъ сыновей Хлотаря измѣнилъ ему. Хло-

тарь выступилъ противъ него, уподобляя себя Давиду, идущему противъ Авессалома. Побѣдивъ сына, онъ приказалъ сжечь его вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Въ слѣдующемъ году Хлотарь отправился въ Туръ и тамъ, у гробницы св. Мартина, съ плачемъ и рыданіями каялся въ своихъ грѣхахъ и просилъ святого быть его заступникомъ передъ Богомъ. Возвратившись оттуда въ свой бренскій домъ, онъ занялся приготовленіями къ большой осенней охотѣ. Но трудности этой охоты уже не соотвѣтствовали его возрасту; онъ заболѣлъ лихорадкой и умеръ послѣ 50-тилѣтняго царствованія. Четыре сына его, Харибертъ, Гонтрамнъ, Хильперикъ и Сигбертъ провожали тѣло отца въ Суассонъ, распѣвая псалмы и неся восковые факелы.

Бракъ Сигберта.

Столкнувшись съ новой цивилизаціей и усвоивъ новые пороки, франкскіе короли утратили и многія изъ тѣхъ добродѣтелей, которыми отличались ихъ предки. Изъ Тацита мы знаемъ, какъ высоко ставили германцы святость брака. Разводы и супружеская невѣрность были почти неизвѣстны въ старой Германіи. Положеніе измѣнилось со времени ближайшаго знакомства съ римскимъ міромъ. Даже христіанство было не въ силахъ поддержать твердость и чистоту германскаго брака. Потомки Хлодвига вели самую безпорядочную жизнь: они не только безпрестанно женились и разводились, имѣли по нѣскольку женъ, подобно Хильпериху, сыну Клотаря, но и женились на родныхъ сестрахъ. Исключеніе представлялъ только младшій сынъ Клотаря, король Австразіи Сигбертъ. Питая стыдъ и омерзѣніе къ разврату, онъ рѣшился имѣть только одну супругу и притомъ избрать ее изъ королевскаго рода. Атанагильдъ, король готовъ, водворившихся въ Испаніи, имѣлъ двухъ дочерей на возрастѣ, изъ которыхъ меньшая, Брунегильда, по свидѣтельству современниковъ, славилась красотой и благоразуміемъ, прелестью обращенія и пріятностью разговора; на нее-то палъ выборъ Сигберта. Торжество бракосочетанія совершено было съ великою пышностью въ 566-мъ году, въ королевскомъ городѣ Мецѣ. Вся знать Австразійскаго королевства приглашена была королемъ принять участіе въ празднествахъ этого дня. На этомъ оригинальномъ сборищѣ встрѣтились разныя степени образованности и варварства. Тутъ были и знатные галлы, вѣжливые и вкрадчивые, и благородные франки, надменные и суровые, и настоящіе дикари, одѣтые въ звѣриныя кожи, поражавшіе грубымъ видомъ и обращеніемъ. Брачный пиръ былъ великолѣпенъ и оживленъ весельемъ; столы ломились подъ золотыми и серебряными блюдами,

плодами воинственныхъ грабежей; вино и пиво безпрестанно лилось въ кубки, украшенные дорогими каменьями, и въ буйволовые рога, изъ которыхъ обыкновенно пивали германцы. Въ обширныхъ покояхъ дворца раздавались заздравные крики и привѣтствія пьющихъ, громкій говоръ, хохотъ, все шумное выраженіе тевтонской веселости. Отпечатокъ какой-то дикой и воинственной вольности отличалъ это сборище пирующихъ варваровъ. Ту же самую особенность варварской наружности и характера ярко выразилъ знаменитый поэтъ V вѣка, клермонтскій епископъ Сидоній Аполлинарій въ своемъ описаніи франкскихъ воиновъ. „Свѣтлорусые волосы франковъ", говоритъ Сидоній, „зачесаны ко лбу такъ, что бѣлѣется обнаженная шея; голубые глаза сверкаютъ водянистымъ блескомъ; на гладко выбритыхъ лицахъ вмѣсто бороды видны только тонкіе, хорошо приглаженные усы; узкое и короткое платье стягиваетъ ихъ гигантскіе члены, оставляя открытой ногу выше колѣна: широкимъ поясомъ затянутъ стройный станъ. Имъ легко метнуть на далекое пространство фрамею *) и узнать напередъ, куда попадетъ ударъ, кружить щитомъ и быстрымъ скачкомъ достигнуть непріятеля, прежде чѣмъ долетитъ ими же брошенное копье". И дѣйствительно, при малѣйшемъ поводѣ къ войнѣ они возобновляли грабежи, какъ въ первыя времена вторженія въ Галлію: похищали и плавили драгоцѣнные церковные сосуды и дорывались золота въ самыхъ могилахъ. Въ мирное время они изобрѣтали разныя уловки и хитрости, чтобы лишить собственности своихъ галльскихъ сосѣдей, или отправлялись на большія дороги нападать съ копьями и мечами на тѣхъ, кому желали отомстить. Самые мирные проводили время въ чисткѣ оружія, охотѣ или пьянствѣ. Тѣмъ не менѣе, когда первые удары этихъ варваровъ обрушились на западную Европу, населеніе римскихъ провинцій съ злобной радостью смотрѣло на паденіе имперіи и само призывало варваровъ, какъ избавителей отъ притѣсненій римскаго фиска. Христіанская церковь признала въ нихъ совершителей воли Божіей, пришедшихъ покончить съ политическимъ и нравственнымъ разложеніемъ галло-римскаго общества. Въ глазахъ блаженнаго Августина и марсельскаго священника V вѣка Сальвіана варварство пришельцевъ лучше современнаго растлѣнія нравовъ; анархія лучше организованнаго беззаконія.

Придворная поэзія.

Съ водвореніемъ этихъ пришельцевъ въ Европѣ начались смуты и безпорядокъ. Повсюду встрѣчается странное сочетаніе

---

*) О фрамеѣ см. въ статьѣ о германцахъ.

цивилизаціи съ варварствомъ. Мы имѣли уже случай наблюдать его на составѣ гостей короля Сигберта. Въ слѣдующей сценѣ брачнаго пира ярко выступаетъ эта черта варварскихъ обществъ. За удовольствіями свадебнаго стола послѣдовала другая болѣе утонченная забава, доступная лишь немногимъ собесѣдникамъ. При дворѣ Сигберта находился тогда итальянецъ Венанцій Фортунатъ, путешествовавшій въ то время по Галліи. Онъ былъ человѣкъ ума поверхностнаго, но пріятнаго, занесшій изъ своей родины остатокъ той римской утонченности, которая почти уже утратилась по ту сторону Альпъ. Милостиво принятый при дворѣ Сигберта, онъ сдѣлался придворнымъ стихотворцемъ и посвящалъ королю и вельможамъ латинскіе стихи, которые они часто невполнѣ понимали, но за то всегда слушали съ удовольствіемъ и щедро оплачивали. Какъ поэтъ, Фортунатъ былъ прямымъ преемникомъ типичныхъ для эпохи упадка литераторовъ V вѣка. Изысканность выраженій, восторженность головы, а не сердца, и пустота содержанія—вотъ отличительныя черты этой поэзіи.

Особенно много вниманія обращали поэты V-го вѣка на самую форму стихотворенія; они старались написать стихи, которые имѣли бы видъ креста или сѣкиры, или такіе, которые читаются отъ начала къ концу и отъ конца къ началу и сохраняютъ одинъ и тотъ же смыслъ. Къ VI вѣку эта свѣтская литература вырождается совершенно, и одинъ только Фортунатъ, ломающій голову, чтобы написать стихотвореніе въ 33 строки по 33 буквы въ каждой, остается еще вѣренъ преданіямъ старины.

Брачныя празднества не могли, конечно, обойтись безъ приличной „эпиталамы". Венанцій Фортунатъ написалъ ее въ классическомъ вкусѣ и съ важнымъ видомъ прочелъ передъ окружавшей его странной толпой. Въ этомъ произведеніи Венера и Амуръ спорятъ о достоинствѣ обоихъ супруговъ. Венера отдаетъ предпочтеніе Брунегильдѣ. „Ты — другая Венера", говоритъ богиня о Брунегильдѣ, „и приданое твое владычество красоты. Побѣждены сапфиръ, алмазъ, кристаллъ, изумрудъ и яшма; Испанія произвела на свѣтъ новую жемчужину!" Это произведеніе Фортуната очень понравилось королю Сигберту и тѣмъ изъ франкскихъ вельможъ, которые сколько-нибудь понимали латинскіе стихи. Въ сущности, главные вожди варваровъ не питали рѣшительной вражды къ образованности. Такъ, Харибертъ, старшій сынъ Клотаря, считалъ себя искуснымъ законовѣдомъ, подражалъ манерамъ римскихъ судей и любилъ слушать похвалы за свое искусство въ латинской рѣчи. Третій его братъ

Хильперикъ имѣлъ притязаніе быть грамматикомъ, богословомъ и стихотворцемъ. Слушая его стихи, въ которыхъ короткіе слоги стояли на мѣстѣ долгихъ и хромала каждая строчка, благородные галлы съ трепетомъ восклицали, что сынъ Сикамбра изяществомъ языка побѣдилъ сыновъ Ромула.

Образованность.

Но этотъ наружный лоскъ утонченности соединялся съ такими дикими привычками, съ характерами до того свирѣпыми и необузданными что не могъ глубоко укорениться. Притомъ за высшими лицами, которыхъ тщеславіе или аристократическій инстинктъ заставляли подражать обычаямъ старой туземной знати и искать ея общества, слѣдовала ватага франкскихъ воиновъ, которымъ грамотный человѣкъ казался всегда трусомъ, если только не былъ испытанъ ими на дѣлѣ. Эта грубость варварской среды, конечно, не могла благопріятно отозваться на судьбѣ старой римской образованности. Хотя эта образованность въ V вѣкѣ уже не отличалась прежней глубиной и все болѣе принимала характеръ изысканной реторики, извлеченій и сокращеній, все же Галлія въ это время была богата свѣтскими школами, славными учеными и поэтами, имена и таланты которыхъ превозносятся современниками. Но лучшіе люди V вѣка уже чувствовали приближеніе варварства. „Я почти готовъ печальной эпитафіей оплакать смерть науки“, восклицаетъ жившій въ V вѣкѣ преподаватель философіи, вьеннскій священникъ Мамертъ Клавдіанъ: „римляне какъ будто стыдятся латинскаго языка. Грамматика почти варварская; діалектики боятся, какъ амазонки, съ обнаженнымъ мечемъ стремящейся въ битву; отъ музыки, геометріи, ариѳметики отворачиваются, какъ отъ трехъ фурій. Наконецъ, философію считаютъ едва ли не за какое-нибудь зловѣщее животное“. Сидоній, питавшій особенное отвращеніе къ варварамъ, пишетъ къ своему другу Катуллину, просившему у него эпиталамы: „Какъ ты требуешь, чтобы я сложилъ стихъ въ честь Діаны среди толпы косматыхъ варваровъ и при звукахъ германскаго нарѣчія; я, принужденный съ пріятной улыбкой расхваливать пѣсню, которую поетъ объѣвшійся бургундъ, намазывая волосы тухлымъ масломъ“.

Свѣтскія школы въ Галліи содержались или на счетъ императорской казны, или на счетъ городовъ; но когда пала имперія, а города были разорены варварами, исчезли и школы. Начиная съ VI вѣка, единственными школами въ Галліи были епископскія при соборныхъ церквахъ и монастыряхъ. Свѣтская литература также уступаетъ мѣсто христіанской, церковной. Лучшій писатель меровингской эпохи Григорій Турскій получилъ нѣкоторое образова-

ніе, но онъ самъ чувствуетъ его крайнюю недостаточность. Онъ признаетъ, что ему могутъ сказать: „Ты ничего не понимаешь въ словесности, ты смѣшиваешь роды мужской и женскій; ты не ставишь на своихъ мѣстахъ предлоги, правила которыхъ освящены знаменитѣйшими писателями; ты соединяешь съ ними винительные падежи вмѣсто творительныхъ; ты думаешь, что тяжелый быкъ можетъ танцовать въ палестрѣ“.

Галло-римская аристократія.

Между тѣмъ какъ горожане и мелкіе землевладѣльцы Галліи страдали отъ варварскихъ нападеній и изнемогали подъ гнетомъ римскихъ налоговъ, одно сословіе въ послѣдніе вѣка Римской имперіи пользовалось исключительнымъ положеніемъ, это галло-римская аристократія. Чтобы избавиться отъ притѣсненій римскаго фиска, люди средняго сословія добровольно отказывались отъ своей свободы и переходили въ состояніе кліентовъ и колоновъ, т. е. лицъ, отдавшихся подъ покровительство богатаго и знатнаго человѣка. Быстро возраставшее число колоновъ и кліентовъ увеличивало могущество и богатства галльской аристократіи, большинство которой носило на себѣ яркій отпечатокъ эпохи паденія. Лишенная нравственной энергіи и всякаго національнаго чувства, эта изящная аристократія, соединявшая съ христіанскими вѣрованіями всю тонкость древняго образованія, доживала свой вѣкъ, ведя изнѣженную жизнь въ своихъ роскошныхъ виллахъ, занимаясь мелочной литературой, охотой, играми и пирами.

Но уже въ V вѣкѣ, еще до паденія имперіи, при первыхъ вторженіяхъ варваровъ виллы галльскихъ аристократовъ начали обноситься стѣнами. На крутыхъ скалахъ строятся замки, гдѣ владѣлецъ можетъ спрятать свои сокровища, а въ случаѣ опасности найти надежное убѣжище отъ враговъ. Въ VI вѣкѣ начинаютъ опоясываться стѣнами не только дома богатыхъ вельможъ, но церкви и монастыри. Жизнь становилась трудной и опасной внѣ укрѣпленій. Тревожимые новыми пришельцами, вѣчно безпокоясь за свою личность и состояніе, члены богатыхъ туземныхъ фамилій теряли душевное спокойствіе, безъ котораго погибаютъ искусства и науки. Одна часть аристократіи отказывается отъ всякой общественной дѣятельности и за стѣнами замковъ еще крѣпче замыкается въ кругу своихъ частныхъ интересовъ, другая ищетъ всѣми путями значенія и поживы при дворахъ варварскихъ конунговъ. Особенное значеніе при дворахъ королей пріобрѣтаютъ тѣ галло-римляне, которые могли своими знаніями помочь ихъ неопытности и невѣжеству; но за этими образованными людьми получаютъ вліяніе и совершенно невѣжествен-

ные представители галло-римской аристократіи, и такихъ было даже больше, чѣмъ первыхъ. „Это тѣ люди, говоритъ Сидоній, которые особенно любятъ времена смутъ, подлые и безсовѣстные, львы въ преторіи и зайцы въ лагерѣ“. Увлекаясь примѣромъ варваровъ и какимъ-то инстинктомъ дикой независимости, которую даже образованность не въ силахъ искоренить изъ человѣческаго сердца, они бросались въ варварскую жизнь и, презирая все, кромѣ физической силы, становились буйными и заносчивыми. Подобно франкскимъ воинамъ, они нападали на своихъ враговъ по ночамъ на дорогахъ и никогда не выходили изъ дому безъ скрамасакса (германскаго кинжала). Сидоній слѣдующими чертами изображаетъ этотъ типъ въ лицѣ Сероната, префекта преторіи въ V вѣкѣ. „Онъ открыто завидуетъ, онъ притворяется подлымъ образомъ, гордится, какъ рабъ, приказываетъ, какъ господинъ, произноситъ приговоры, какъ судья, клевещетъ, какъ варваръ. Постоянно вооруженный изъ трусости, страшный по корыстолюбію и жестокій изъ тщеславія, онъ безпрестанно или наказываетъ за воровство, или самъ совершаетъ его. Открыто и со смѣхомъ онъ толкуетъ о битвахъ съ мирными гражданами, о литературѣ съ варварами. Хвастливо и при всѣхъ диктуетъ письма, онъ, которому едва знакомы первыя основанія грамотности, и безстыдно исправляетъ ихъ. Онъ даетъ приказы въ засѣданіяхъ и молчитъ во время совѣщаній, кощунствуетъ въ церкви и проповѣдуетъ за обѣдомъ, произноситъ приговоры въ спальнѣ и спитъ на трибуналѣ; превозноситъ похвалами готовъ и ругается надъ римлянами. Оставляя съ пренебреженіемъ кодексъ Θеодосія и предлагая законы Теодориха, онъ повсюду ищетъ старыхъ преступленій и новыхъ налоговъ“. Это нравственное вырожденіе аристократіи особенно замѣтно въ фамиліи самого Сидонія. Самъ Сидоній былъ блестящимъ представителемъ литературныхъ и общественныхъ преданій падающаго Рима; его сынъ Аполлинарій дарами купилъ благосклонность Хлодвига и этимъ путемъ достигъ епископской каѳедры. Внукъ Сидонія Аркадій развѣ только личной отвагой уступалъ франкскимъ дружинникамъ; грубостью побужденій, отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ началъ и холодной жестокостью онъ могъ спорить съ каждымъ изъ нихъ. Вотъ какимъ образомъ отъ одной силы обстоятельствъ исчезли въ Галліи въ теченіе полутора вѣка и умственная культура, и утонченность нравовъ безъ всякаго участія въ этой плачевной перемѣнѣ какой-либо злобной воли или систематической вражды противъ римской цивилизаціи.

Бракъ Сигберта, его пышность и блескъ произвели сильное впечатлѣніе на умъ его брата, нейстрійскаго короля Хильперика. Желая во всемъ подражать Сигберту, Хильперикъ рѣшился избрать себѣ супругу высокаго рода и отправилъ посольство къ королю готовъ Анатагильду просить руки его старшей дочери Галесвинты, сестры Брунегильды. Но слухъ о безнравственной жизни Хильперика, о его многоженствѣ проникъ въ Испанію. Болѣе образованные, чѣмъ франки, и болѣе твердые въ евангельскомъ ученіи готы громко говорили, что Хильперикъ живетъ язычникомъ. Атанагильдъ колебался. Въ свою очередь Галесвинта, отъ природы робкая и грустная, характера кроткаго, трепетала при мысли ѣхать такъ далеко и принадлежать подобному человѣку. Но Хильперикъ обязался оставить всѣхъ прежнихъ королевъ, если только онъ получитъ достойную себя супругу. Съ другой стороны, двойной союзъ съ королями франковъ обѣщалъ столько политическихъ выгодъ готскому королю, что онъ далъ согласіе. Но Галесвинта не переставала питать отвращенія къ будущему супругу. Когда ей объявили, что участь ея рѣшена невозвратно, она въ ужасѣ подбѣжала къ своей матери и, обвивъ ее руками, болѣе часа держала ее въ объятіяхъ и безмолвно плакала. Франкскіе послы явились привѣтствовать невѣсту своего короля и испросить приказаній насчетъ отъѣзда; но, увидѣвъ двухъ женщинъ, рыдавшихъ на груди другъ у друга и обнявшихся такъ крѣпко, какъ будто онѣ были связаны одна съ другой, послы при всей своей суровости были тронуты и не смѣли говорить о путешествіи. Каждый день королева просила отсрочки для дочери. Но, наконецъ, вмѣшался Атанагильдъ, и отъѣздъ былъ рѣшенъ. Длинная вереница всадниковъ, колымагъ и повозокъ съ кладью выѣхала изъ Толедо. Королева ѣхала въ поѣздѣ, желая провожать Галесвинту въ первое время пути. Всякій день она говорила: „Вотъ до того мѣста хочу доѣхать“, но, достигнувъ его, ѣхала дальше. По приближеніи къ горамъ дороги сдѣлались трудны, и готскіе вельможи рѣшились не пускать свою королеву ни одной мили дальше. Надлежало покориться неизбѣжной разлукѣ. Королева нѣжными словами выразила свою горесть и материнскія опасенія. „Будь счастлива“, — сказала она: „но я страшусь за тебя; берегись, дочь моя, берегись...“ При этихъ словахъ Галесвинта заплакала и отвѣчала: „Такъ Богу угодно, я должна покориться“, и онѣ разстались.

Бракъ Хильперика.

Между тѣмъ Хильперикъ, вѣрный своему обѣщанію, развелся съ своими женами, а также и съ Фредегондой, самой любимой и

Погибель Галесвинты.

красивой изъ нихъ. Фредегонда, которая своей жестокостью и коварствомъ внушала ужасъ всѣмъ окружающимъ, покорилась своей участи съ притворнымъ смиреніемъ. На брачныхъ празднествахъ Галесвинта въ обращеніи съ гостями отличалась любезностью и добротой; принимала ихъ, какъ будто давно была съ ними знакома; однимъ предлагала подарки, другихъ привѣтствовала кроткими, ласковыми рѣчами; всѣ увѣряли ее въ преданности и желали ей долгой и счастливой жизни; Хильперикъ, положивъ руку на раку съ мощами, поклялся никогда не разводиться съ Галесвинтой, и пока жива она, не брать себѣ другой супруги. Новая королева провела первые мѣсяцы брака если не счастливо, то, по крайней мѣрѣ, спокойно. Кроткая и терпѣливая, она съ самоотверженіемъ переносила все, что было грубаго и строптиваго въ характерѣ ея мужа. Притомъ самъ Хильперикъ питалъ къ ней нѣкоторое время настоящую привязанность; сначала онъ любилъ ее изъ тщеславія, цѣня въ ней супругу королевскаго рода, потомъ изъ корысти, за огромныя суммы денегъ и множество драгоцѣнностей, которыя она принесла за собой. Но, натѣшась перечисленіемъ этихъ сокровищъ, онъ пересталъ находить въ нихъ удовольствіе, и тогда ничто уже не привязывало его къ Галесвинтѣ. Онъ не могъ плѣняться ея нравственной красотой, смиреніемъ, благотворительностью къ бѣднымъ, потому что душой и тѣломъ былъ преданъ красотѣ тѣлесной. Между тѣмъ Фредегонда ждала этой минуты. Ей стоило только встрѣтиться съ королемъ будто случайно, чтобы вновь заронить страсть въ сердце этого чувственнаго человѣка. Фредегонда заняла прежнее положеніе и не скрывала своего презрѣнія къ отвергнутой королевѣ. Оскорбленная Галесвинта плакала молча и жаловалась королю, что въ домѣ его нѣтъ ей никакого почета, а только позоръ и обиды, которыхъ она переносить не можетъ. Какъ милости, просила Галесвинта развода и предлагала оставить все, что принесла въ приданое, лишь бы дозволено ей было возвратиться на родину. Такой добровольный отказъ отъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, безкорыстіе гордой души превышали пониманіе короля Хильперика, и, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ этихъ чувствахъ, онъ не могъ имъ повѣрить. Боясь открытымъ разрывомъ потерять богатства, онъ смирилъ свои чувства и, съ лукавствомъ дикаря скрывая свои мысли, вдругъ перемѣнился въ обращеніи съ Галесвинтой, сталъ говорить съ ней кротко и ласково, изъявлялъ раскаяніе и любовь, обманувшія дочь Атанагильда. Она перестала говорить о разлукѣ и утѣшалась уже искренней взаимностью, какъ

однажды ночью, по повелѣнію короля, введенъ былъ въ ея комнату преданный ему слуга, который и задушилъ ее сонную. Увидѣвъ ее мертвою на постели, Хильперикъ притворился удивленнымъ и огорченнымъ, а черезъ нѣсколько дней возвратилъ Фредегондѣ права жены и королевы. Такъ погибла эта молодая женщина, которой внутренній таинственный голосъ предсказывалъ ужасную судьбу ея, — кроткій печальный образъ, мелькнувшій, какъ видѣніе иного міра, въ эпоху меровингскаго варварства. Несмотря на нравственную загрубѣлость этой эпохи, безчисленныя преступленія и бѣдствія, нашлись души, которыхъ глубоко поразило несчастіе столь мало заслуженное, и ихъ сочувствіе, сообразно духу времени, приняло суевѣрный оттѣнокъ. Говорили, что хрустальная лампада, повѣшенная возлѣ гробницы Галесвинты, вдругъ отвязалась сама собой и, упавъ на твердый мраморный помостъ, до половины погрузилась въ него, какъ въ мягкую массу, не разбившись и не потухнувъ. Подобныя легенды живо и поэтически воплощаютъ чувства и вѣрованія народа. У людей VI вѣка слезы лились при этихъ разсказахъ, и грустная задумчивость овладѣвала слушателями.

Вліяніе римско-христіанской культуры на варварскій міръ.

Но и для историка нашего времени легенда о лампадѣ Галесвинты можетъ имѣть глубокій смыслъ, представляя прекрасную аллегорію для объясненія великаго культурно-историческаго факта. Твердый мраморъ уступаетъ давленію и принимаетъ въ себя чуждый ему, непотухающій свѣточъ. Этотъ твердый мраморъ — дикія орды варваровъ, этотъ неугасимый свѣточъ — культура античнаго міра. Подъ развалинами павшаго Рима не погибъ ни одинъ изъ великихъ результатовъ его 12-вѣковой дѣятельности; напротивъ, на нови отъ старыхъ корней выростаютъ свѣжіе, молодые побѣги. Въ этомъ свѣтлая сторона картины. Мало-по-малу варварскій міръ воспринимаетъ въ себя и осуществляетъ тѣ великіе просвѣтительные идеалы, къ которымъ стремилась древность. Вотъ почему христіанская церковь съ надеждой смотрѣла на приближеніе варваровъ: ей предстояла высокая задача — просвѣтивъ ихъ свѣтомъ христіанской религіи, сдѣлать изъ варваровъ обновителей древняго міра. Римско-христіанскія понятія пережили имперію. Въ этихъ понятіяхъ воспитываютъ вождей германскихъ дружинъ окружающіе ихъ совѣтники и въ особенности епископы. Варварскіе короли стремятся основать свою власть на тѣхъ же началахъ, которыми держалось государство, ими разрушенное. Не умираетъ и римское право. Едва окрѣпла монархическая власть въ новыхъ государствахъ Европы, какъ уже ищетъ тотчасъ уроковъ для своей неопытности въ преданіяхъ и учреж-

деніяхъ Римской имперіи и стремится возвратить ихъ къ жизни. Мы слышали жалобы друзей просвѣщенія при видѣ паденія свѣтской науки и литературы, но не забудемъ, что рядомъ съ свѣтской литературой существовала и христіанская. Правда, эта послѣдняя заговорила теперь языкомъ грубымъ и неправильнымъ, но гораздо болѣе приличнымъ ея богатому, свѣжему содержанію, чѣмъ вычурныя фразы риторовъ V вѣка или оцѣпенѣлыя формы классической древности.

Житія святыхъ, главная отрасль христіанской литературы V, VI, VII, VIII вѣковъ, вотъ тотъ уголокъ, гдѣ люди въ это тяжкое время находили удовлетвореніе оскорбленному чувству справедливости, нравственности, права—потребности, не искоренимой въ душѣ человѣка.

2. Исторія Меровига.

Брунегильда.

Убійство Галесвинты не могло пройти даромъ Хильперику, и мстителемъ за убитую явился мужъ сестры ея Брунегильды, Сигбертъ, братъ Хильперика. Между братьями вспыхнула война, во время которой Сигбертъ былъ убитъ (575), благодаря козням Фредегонды. Освободившись такъ неожиданно отъ противника, Хильперикъ безпрепятственно захватилъ Парижъ, гдѣ въ то время жила Брунегильда. Овладѣвъ драгоцѣнностями Брунегильды, Хильперикъ, вполнѣ довольный количествомъ ихъ, ограничился тѣмъ, что сослалъ Брунегильду въ Руанъ. Между тѣмъ красота плѣнницы и ея печальная участь произвели глубокое впечатлѣніе на старшаго сына короля, Меровига. Отправленный съ войскомъ отобрать города, захваченные австразійцами, Меровигъ убѣжалъ отъ войска въ Руанъ и тамъ обвѣнчался съ Брунегильдой, хотя степень родства превращала ихъ бракъ въ союзъ, не дозволенный церковью. Узнавъ о побѣгѣ и женитьбѣ Меровига, Хильперикъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. По навѣтамъ Фредегонды, мачехи Меровига, Хильперикъ заподозрилъ сына въ намѣреніи свергнуть его съ престола и царствовать вмѣстѣ съ Брунегильдой надъ всей Галліей.

Онъ немедленно явился въ Руанъ, хитростью овладѣлъ Меровигомъ и увезъ его съ собой, оставивъ Брунегильду подъ болѣе строгимъ надзоромъ. Скоро, впрочемъ, она получила свободу и вернулась въ Австразію. Домашній судъ, въ которомъ преобладалъ голосъ Фредегонды, произнесъ приговоръ надъ Меровигомъ: онъ осужденъ былъ на острижение волосъ. Длинные волосы, то въ ко-

сахъ, то свободно распущенные, были символомъ наслѣдственнаго права Меровинговъ на королевскій санъ. Лишенный такимъ образомъ права на царство и поставленный въ священство Меровигъ въ сопровожденіи вооруженныхъ всадниковъ былъ отправленъ въ монастырь Сенъ-Кале.

Въ это время въ городѣ Турѣ, въ одномъ изъ домовъ, окружавшихъ дворъ базилики св. Мартина, жилъ нѣкто Гонтрамнъ Бозо, австразіецъ, котораго народная молва обвиняла въ убійствѣ старшаго сына Гильперика, Теодеберта. Въ то время церковь пользовалась такъ называемымъ правомъ убѣжища. Это право принадлежитъ еще языческой древности; ограниченное во времена Римской имперіи, оно было вновь расширено въ германскихъ государствахъ. Право убѣжища было чрезвычайно благодѣтельно: только церковь и могла дать защиту гонимому сильнымъ врагомъ и страдающимъ отъ насилія и произвола. Какъ ни опасно было въ варварскомъ обществѣ защищать безсильныхъ и изгнанныхъ противъ мощи и невѣрія сильныхъ, однако въ этой борьбѣ представители церкви обнаружили ничѣмъ неустрашимую твердость и осторожное достоинство. Этимъ правомъ и воспользовался Гонтрамнъ Бозъ, чтобы укрыться отъ мести Гильперика. Гонтрамнъ былъ лживый и ловкій интриганъ. Прослышавъ о несчастіяхъ Меровига, онъ задумалъ привлечь его въ свое убѣжище, разсчитывая съ помощью друзей принца найти средства къ побѣгу въ Австразію. **Убѣжище Турской церкви.**

Первая часть этого плана была выполнена удачно. На пути въ Сенъ-Кале толпа воиновъ напала на стражу, сопровождавшую Меровига и разсѣяла ее. Освобожденный Меровигъ съ радостью смѣнилъ поповское платье на воинственную одежду своего племени. Покрывъ голову капюшономъ, чтобы избѣжать удивленія и насмѣшекъ, которыя могъ возбудить видъ остриженнаго воина, онъ прибылъ къ базиликѣ св. Мартина. Тогда былъ торжественный праздникъ, и турскій епископъ Григорій совершалъ литургію. Въ концѣ обѣдни всѣ предстоящіе, кромѣ отлученныхъ, должны были получить отъ діаконовъ эвлогіи, т. е. части хлѣбовъ, оставшихся отъ освященія евхаристіи. Обходя храмъ, діаконы св. Мартина увидѣли въ дверяхъ незнакомаго имъ человѣка, съ полузакрытымъ лицомъ, который, казалось, желалъ остаться неузнаннымъ; они недовѣрчиво прошли мимо и ничего ему не предложили. Взволнованный заботами и усталостью отъ дороги, горячій по природѣ Меровигъ вспыхнулъ бѣшенымъ гнѣвомъ. Пробравшись къ клиросу, гдѣ находился Григорій, и, ставъ передъ амвономъ, онъ сказалъ

грубымъ и повелительнымъ голосомъ; „Епископъ, отчего не даютъ мнѣ эвлогій, какъ другимъ правовѣрнымъ? Говори, развѣ я отлученъ отъ церкви?“ Съ этими словами бѣглецъ откинулъ назадъ наглавникъ своего плаща, и взорамъ присутствующихъ представилось лицо, раскраснѣвшееся отъ гнѣва, и странная фигура постриженнаго воина.

Напрасно Григорій, узнавшій юнаго бѣглеца, съ обычнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ объяснялъ ему, что лицо, уличенное своей мірской одеждой и вооруженіемъ въ отступничествѣ отъ священнаго чина, не можетъ быть допущено къ пріобщенію благословеннаго хлѣба; раздраженный Меровигъ, забывъ уваженіе къ святости мѣста, вскричалъ: „Ты не имѣешь права отрѣшать меня отъ христіанскаго причащенія безъ согласія твоихъ собратій епископовъ; если же ты сдѣлаешь это, я поступлю, какъ оглашенный, и кого-нибудь убью здѣсь“. Слова эти ужаснули слушателей и глубоко огорчили епископа. Опасаясь довести до крайности молодого варвара и накликать бѣду, онъ уступилъ необходимости и приказалъ дать эвлогіи Меровигу. Съ тѣхъ поръ Меровигъ водворился въ оградѣ базилики св. Мартина.

Скоро самъ Григорій получилъ письмо отъ Хильперика съ угрозой предать на сожженіе всю страну, если епископъ не выгонитъ отступника изъ базилики. Григорій отвѣтилъ, что подобнаго дѣла не было даже при готскихъ короляхъ, которые были еретиками, и что, слѣдовательно, оно не можетъ быть во времена истинной христіанской вѣры. Принужденный перейти отъ угрозъ къ дѣйствію Хильперикъ долго медлилъ и только по настоянію Фредегонды рѣшилъ собрать войско, чтобы наказать городъ Туръ и взять силой убѣжище св. Мартина. Эти приготовленія навели ужасъ на бѣглеца. Онъ прибѣгнулъ даже къ горячей молитвѣ у гроба св. Мартина, но бдѣніе и молитвы плохо шли къ Меровигу. Вѣтренный и легкомысленный, онъ вскорѣ предался занятіямъ, болѣе соотвѣтствовавшимъ его буйнымъ наклонностямъ. По закону, укрывавшимся въ базиликѣ предоставлялась полная свобода доставать себѣ всякаго рода припасы, чтобы гонители не могли голодомъ одолѣть преслѣдуемыхъ. Бѣднымъ эти припасы доставляли священнослужители базилики, богатымъ прислуживали или ихъ собственные слуги, или посторонніе мужчины и женщины, присутствіе которыхъ нерѣдко давало поводъ къ соблазну и безпорядкамъ. При грубости тогдашнихъ нравовъ церковь часто сильно страдала отъ укрывавшихся въ ней изгнанниковъ, приносившихъ съ собой при-

вычки своей разгульной жизни. Иногда шумъ пировъ заглушалъ молитвенное пѣніе, смущалъ священниковъ на ихъ скамьяхъ и иноковъ въ тишинѣ келій. Случалось, что собесѣдники, отуманенные виномъ, доходили въ ссорахъ до драки, и тогда кровавыя сцены совершались у дверей и даже внутри самаго храма. Пиры, въ которыхъ Меровигъ искалъ развлеченія съ своими товарищами, также отличались шумнымъ веселіемъ. Громкій хохотъ и грубыя шутки, большей частью насчетъ Хильперика и Фредегонды, раздавались по залѣ; самъ Меровигъ позорилъ ихъ безпощадно. Однажды къ его столу былъ приглашенъ епископъ Григорій. Послѣ обѣда, впавъ въ набожное настроеніе, Меровигъ попросилъ епископа прочесть ему что-нибудь для душевнаго назиданія. Открывъ наудачу книгу Соломона, Григорій напалъ на стихъ: „Око, ругающееся отцу, да исторгнутъ его вранове отъ дебрія и да снѣдятъ его птенцы орли“. Грознымъ предзнаменованіемъ показались эти слова епископу.

Бѣгство Меровига. Между тѣмъ приготовленія къ побѣгу въ Австразію приближались къ концу. По указанію Гонтрамна Бозо, воины Меровига ограбили проѣзжавшаго черезъ Туръ богатаго врача короля Хильперика, Марилейфа. На деньги послѣдняго было нанято около 600 удальцовъ и бродягъ, въ сопровожденіи которыхъ Гонтрамнъ и Меровигъ и пустились въ опасный путь. Но во владѣніяхъ короля Гонтрамна, брата Хильперика, дружина ихъ была разсѣяна войсками одного изъ графовъ Гонтрамна, а сами они спаслись только бѣгствомъ и разными дорогами достигли Австразіи. Австразійскіе аристократы, управлявшіе государствомъ за малолѣтствомъ сына Сигберта, узнавъ о прибытіи Меровига, рѣшили немедленно удалить его изъ страны, чтобы не дать возможности усилиться устраненной отъ правленія Брунегильдѣ. Потерявъ послѣднюю надежду на пріютъ, Меровигъ отправился наудачу, скрываясь днемъ и передвигаясь ночью, имѣя въ виду одну только цѣль: вновь добраться до базилики св. Мартина.

Угадавъ намѣреніе Меровига, Хильперикъ занялъ войсками городъ Туръ и разставилъ часовыхъ у всѣхъ выходовъ базилики. Войска разграбили и пожгли Турскую область, не жалѣя даже церковныхъ имуществъ, а самъ Хильперикъ вступилъ въ Австразію и обшарилъ всю мѣстность, гдѣ могъ спрятаться Меровигъ. Послѣдній однако избѣгнулъ рукъ Хильперика, благодаря состраданію простого народа франкскаго и римскаго происхожденія. Эти неудачные поиски возбудили къ дѣйствію Фредегонду. При помощи вѣроломнаго Гонтрамна Бозо, жившаго въ то время въ Австразіи

и, по всей вѣроятности, поддерживавшаго сношенія съ бѣглецомъ, она придумала искусное средство погубить послѣдняго. Нѣсколько преданныхъ ей нейстрійцевъ явились въ убѣжище, гдѣ скрывался Меровигъ, и объявили ему, что ихъ соотечественники готовы покинуть Хильперика и признать его самого королемъ, такъ какъ волосы его теперь отросли. Меровигъ жадно схватился за эту надежду. Дѣйствительно, вступивъ въ Нейстрію въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ ему лицъ, онъ встрѣтилъ воинскія дружины, привѣтствовавшія его кликами: „король Меровигъ“. Но лишь только онъ и друзья его зашли отдохнуть въ одинъ изъ домовъ, какъ всѣ двери были заперты и выходы заняты часовыми. Услышавъ стукъ закладываемыхъ дверей и распоряженія, прекращавшія выходъ, Меровигъ понялъ, что онъ попалъ въ засаду, и вдругъ ему ясно представились страшныя видѣнія предстоящихъ пытокъ и истязаній. Не желая отдаться живымъ въ руки враговъ и въ то же время не имѣя достаточно духу самъ покончить съ собою, онъ обратился къ Гаилену, своему брату по оружію и неразлучному другу во дни счастья и бѣдствій, съ просьбой о послѣдней услугѣ. Гаиленъ съ покорностью дружинника обнажилъ ножъ, бывшій у него за поясомъ, и наповалъ поразилъ несчастнаго. Хильперикъ, пріѣхавшій съ великой поспѣшностью схватить своего сына, нашелъ только трупъ его. Гаиленъ и другіе спутники Меровига погибли въ самыхъ варварскихъ истязаніяхъ.

3. Левдастъ и Григорій Турскій.

Біографія Левдаста. Левдастъ былъ сыномъ одного изъ рабовъ короля Хариберта. Онъ былъ галлъ по происхожденію и свое германское имя получилъ, вѣроятно, въ честь какого-нибудь знаменитаго въ странѣ франкскаго владѣтеля. Едва выйдя изъ дѣтства, Левдастъ попалъ въ число юношей, набранныхъ для поваренной службы при дворѣ Хариберта. Но всѣ усилія пріучить Левдаста къ работѣ оказались тщетны; онъ отличался нерадивостью и непокорнымъ духомъ и неоднократно пытался бѣжать. Наконецъ, послѣ третьей неудачной попытки онъ былъ подвергнутъ послѣднему и самому строгому наказанію: его заклеймили надрѣзомъ на ухѣ. Однако онъ убѣжалъ снова. Утомленный скитаніями Левдастъ рѣшился, наконецъ, на смѣлое дѣло. Онъ улучилъ время и представился самой королевѣ Марковефѣ, бывшей дворцовой прислужницѣ, и она, тронутая мольбами бѣглеца, приняла его подъ свое покровительство.

Съ этого времени начинается быстрое возвышеніе Левдаста. Начавъ съ должности смотрителя за лучшими лошадьми королевы, онъ, благодаря ея покровительству, а также собственной дерзости и самохвальству, добился главнаго начальства надъ королевскими конными заводами и, получивъ титулъ конюшаго графа, поровнялся, такимъ образомъ, съ благороднѣйшими франками. Наконецъ, Харибертъ далъ Левдасту и нѣкоторое значеніе въ государствѣ, сдѣлавъ его графомъ города Тура. Графъ производилъ уголовный судъ въ округѣ, а въ завоеванныхъ подобно Галліи областяхъ ему принадлежала сверхъ того власть военная и диктаторская. Это былъ родъ варварскаго проконсульства, поставленнаго надъ прежними муниципальными учрежденіями. Когда по смерти Хариберта (567) городъ Туръ перешелъ къ Сигберту, Левдастъ, не пользовавшійся расположеніемъ послѣдняго, покинулъ городъ и, прибывъ въ королевство Хильперика, присягнулъ на вѣрность этому королю. Черезъ 5 лѣтъ произошла извѣстная уже намъ война между Хильперикомъ и Сигбертомъ. Неожиданная смерть послѣдняго имѣла своимъ послѣдствіемъ торжество Хильперика и возстановленіе Левдаста графомъ Турскимъ. Если прежде Левдастъ, не довѣряя прочности своего положенія въ Турѣ, воздерживался отъ злоупотребленія властью, то теперь по смерти Сигберта, почувствовавъ себя обезпеченнымъ въ будущемъ, онъ пересталъ притворяться и вдругъ предался всѣмъ дурнымъ наклонностямъ, какіе только могутъ увлекать правителя. Бывшій рабъ и буйный вассалъ короля, Левдастъ не имѣлъ ничего общаго съ римскою образованностью. Онъ былъ безграмотенъ, безъ всякихъ свѣдѣній въ законахъ ,жестокъ и корыстолюбивъ. Стараясь увеличить свои богатства, онъ вовлекалъ въ неправыя тяжбы богатыхъ людей, производилъ взысканія и поборы. Если подсудимый, погибели котораго онъ добивался, поддерживаемый сочувствіемъ толпы, смѣло требовалъ себѣ правосудія, то графъ поносилъ гражданъ бранью и, какъ бѣшеный, метался на своей судейской скамьѣ. Онъ не обращалъ вниманія ни на чье званіе, права или состояніе: приказывалъ приводить къ себѣ священниковъ въ цѣпяхъ и бить палками воиновъ франкскаго происхожденія. Казалось, этотъ сановникъ, возвысившійся изъ рабовъ, находилъ удовольствіе въ уничтоженіи всѣхъ общественныхъ отличій того времени.

Доносъ на епископа Григорія.

Но былъ въ городѣ человѣкъ, передъ которымъ Левдастъ смирялъ свою дерзость изъ боязни погибнуть самому. Это былъ славный епископъ Григорій, любимый гражданами, пользовавшійся

уваженіемъ при дворѣ короля. По своему религіозному рвенію и строгой нравственности онъ былъ однимъ изъ самыхъ совершенныхъ представителей родовитой христіанской аристократіи Галліи. Въ силу политическихъ преимуществъ, соединенныхъ въ то время съ званіемъ епископа, и по личному своему значенію Григорій пользовался верховнымъ вліяніемъ на дѣла города. Естественно, что такое лицо не могло рано или поздно не вступить въ борьбу съ Левдастомъ. Въ продолженіе 2-хъ лѣтъ кроткій и осторожный епископъ отражалъ насилія графа лишь нравственнымъ сопротивленіемъ, но, наконецъ, счелъ нужнымъ дѣйствовать. Въ концѣ 579 года были отправлены послы къ Хильперику съ жалобой на преступленія Левдаста. Посольство увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и Левдастъ былъ лишенъ званія графа. Пораженный этимъ ударомъ, онъ укорялъ друзей, не вступившихся за него передъ королемъ, и въ особенности королеву Фредегонду, которая не разъ пользовалась его вѣрной службой. Обида возбудила въ немъ желаніе отомстить епископу и Фредегондѣ. Въ союзѣ съ честолюбивымъ турскимъ священникомъ Рикульфомъ и однимъ иподіакономъ того же имени, Левдастъ составилъ заговоръ съ цѣлью низвергнуть своихъ враговъ. Заговорщики рѣшили воспользовать общимъ слухомъ о невѣрности Фредегонды и довести его до свѣдѣнія короля, а чтобы снять съ себя отвѣтственнось за доносъ на королеву, они придумали обвинить турскаго епископа въ распространеніи оскорбительныхъ слуховъ о поведеніи Фредегонды. Они полагали, что слѣдствіемъ такого доноса будетъ низложеніе Григорія и удаленіе Фредегонды и ея дѣтей изъ королевства. Хильперику, по ихъ мнѣнію, наслѣдуетъ тогда пасынокъ Фредегонды, братъ Меровига Хлодвигъ, при которомъ Левдастъ сдѣлается вторымъ лицомъ въ королевствѣ, священникъ Рикульфъ замѣститъ Григорія на епископскомъ престолѣ, а иподіаконъ займетъ мѣсто архидіакона въ Турѣ. Самъ Левдастъ отправился въ Суассонъ, чтобы лично донести Хильперику на Григорія и Фредегонду. Разгнѣванный король велѣлъ немедленно схватить свидѣтелей, могущихъ подтвердить обвиненіе. Левдастъ указалъ иподіакона Рикульфа; послѣдній былъ схваченъ и привезенъ въ Суассонъ. Рикульфъ въ точности подтвердилъ доносъ. Между тѣмъ Хильперикъ уже успокоился и, отступившись отъ первыхъ сомнѣній въ вѣрности Фредегонды, рѣшилъ вести дѣло ленно со всей точностью законника. Надлежало захватить обвиняемаго, однако у короля не хватало на это рѣшимости. Насиліе было бы опасно и могло возбудить всеобщее негодованіе, и потому

Хильперикъ избралъ другой путь. Ему казалось вѣроятнымъ, что епископъ, испугавшись взведеннаго на него обвиненія, будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ и тѣмъ обличитъ самъ себя. Въ Туръ былъ посланъ герцогъ Берульфъ съ отрядомъ воиновъ сторожить побѣгъ Григорія. Но ни слухи о грозномъ обвиненіи, ни совѣты окружающихъ, подкупленныхъ Берульфомъ, не могли побудить епископа къ недостойному бѣгству. Такимъ образомъ королю оставалось только ждать добровольнаго явленія обвиняемаго, котораго онъ хотѣлъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ. Для веденія этого важнаго дѣла всѣмъ нейстрійскимъ епископамъ было предписано явиться на соборъ въ Суассонъ (580 г.).

Судъ надъ Григоріемъ Турскимъ.

Турскій епископъ, приглашенный также, поспѣшилъ прибыть на соборъ однимъ изъ первыхъ. Обвиняемый, столь добродѣтельный и знаменитый, возбуждалъ всеобщее участіе. Его благородное обращеніе, спокойствіе и усердныя бдѣнія въ суассонскихъ церквахъ особенно расположили къ нему простой народъ и вызвали общій ропотъ противъ его обвинителей. Какъ ни было унижено въ то время сословіе людей римскаго происхожденія, однако негодованіе цѣлаго города противъ гоненія, поднятаго на епископа, должно было въ высшей степени досаждать его противникамъ и дѣйствовать въ его пользу на умы судей. Поэтому Хильперикъ велѣлъ собору епископовъ и суду переѣхать въ бренское королевское помѣстье, гдѣ члены собора и открыли свои засѣданія за неимѣніемъ церкви въ большомъ деревянномъ строеніи, служившемъ дважды въ годъ мѣстомъ народнаго собранія. Передъ началомъ засѣданій получено было стихотвореніе, написанное Венанціемъ Фортунатомъ въ честь короля Хильперика и всѣхъ членовъ собора. Когда епископы надивились литературнымъ трудностямъ и тонкостямъ панегирика, то должны были возвратиться отъ вымышленнаго идеала къ дѣйствительной жизни.

Послѣдовало открытіе собора, и всѣ судьи заняли мѣста на скамьяхъ кругомъ присутственной залы. Дружинники и франкскіе воины толпой тѣснились у дверей, раздѣляя участіе галло-римскаго населенія къ обвиняемому. Король Хильперикъ, войдя въ залу, привѣтствовалъ членовъ собора и, принявъ отъ нихъ благословеніе, сѣлъ. Тогда Бертранъ, епископъ бордосскій, котораго молва и обвинители называли соучастникомъ преступленія Фредегонды, началъ говорить, какъ истецъ. Изложивъ обвинительные факты, онъ потребовалъ отъ Григорія объясненія, справедливо ли, что онъ взводилъ такіе поклепы на него и на королеву; а если нѣтъ, то зналъ ли онъ объ этихъ дурныхъ слухахъ.

„По истинѣ, я ничего этого не говорилъ“, отвѣчалъ спокойно обвиняемый: „другіе говорили это, я могъ слышать, но никогда не выдумывалъ этого“. Легкій шопотъ одобренія, разнесшійся при этихъ словахъ по залѣ, сопровождался топотомъ и криками за дверями. Франкскіе дружинники, чуждые римскаго понятія о величіи особы государя и священной важности судебнаго засѣданія, внезапно вмѣшались въ пренія съ восклицаніями: „Зачѣмъ взводить такія вещи на служителя Божія? — Съ чего король занимается этимъ дѣломъ?— Развѣ епископъ способенъ говорить такія слова хотя бы насчетъ раба?“

Король всталъ и, возвысивъ голосъ такъ, чтобы находившіеся снаружи могли слышать его оправданіе, сказалъ: „Клевета на мою жену—личное мнѣ оскорбленіе; я долженъ былъ вступиться. Если вы считаете нужнымъ имѣть свидѣтелей вины епископа — они здѣсь“. Но онъ могъ предъявить только иподіакона Рикульфа, который хотѣлъ было говорить; но члены собора остановили его, закричавъ съ разныхъ сторонъ: „Церковнику низшаго чина нельзя вѣрить въ показаніяхъ на епископа“. Такимъ образомъ, за недостаткомъ свидѣтелей оставалось только вѣрить словамъ обвиняемаго. Но король пожелалъ, чтобы оправданіе епископа сопровождалось странными формальностями, въ которыхъ языческія суевѣрія своеобразно примѣшались къ христіанскимъ обрядамъ. По его требованію, Григорій отслужилъ три обѣдни сряду на трехъ престолахъ и, по окончаніи каждой, клялся, что не произносилъ рѣчей, ему приписанныхъ. Тогда засѣданія собора открылись снова. Хильперикъ занялъ уже свое мѣсто; но предсѣдатель собранія не садился и съ величественной важностью произнесъ: „О, король, невинность епископа доказана; что же теперь остается намъ дѣлать? Намъ остается лишить христіанскаго причащенія тебя и Бертрана, обвинившаго одного изъ собратьевъ своихъ“. Пораженный этимъ неожиданнымъ приговоромъ король измѣнился въ лицѣ и съ смущеніемъ отвѣчалъ: „Но я говорилъ только то, что самъ слышалъ“.—„Кто же говорилъ первый?—спросилъ глава собора.—„Левдастъ“, отвѣчалъ король, еще взволнованный угрозой страшнаго отлученія. Отданъ былъ приказъ представить Левдаста въ судъ, но его не нашли: онъ ускользнулъ во время преній. Епископы рѣшились судить его заочно и объявили отлученнымъ отъ церкви.

Погибель Левдаста. Съ тѣхъ поръ Левдастъ, поставленный внѣ законовъ отлучительнымъ приговоромъ и королевскимъ указомъ, велъ нѣкоторое

время жизнь бродяги, исполненную опасностей и неудобствъ, пока его друзьямъ послѣ долгихъ хлопотъ не удалось добиться согласія епископовъ на снятіе съ него отлученія. Но погибель его уже была неизбѣжна, такъ какъ надъ нимъ тяготѣло ничѣмъ неотвратимое мщеніе Фредегонды. Однажды, когда Левдастъ въ парижскомъ соборѣ во время обѣдни, бросившись къ ногамъ Фредегонды, умолялъ ее о помилованіи, королевой овладѣли гнѣвъ и досада при видѣ ненавистнаго ея врага. По приказанію короля, Левдастъ былъ выведенъ изъ церкви.

Ему было предоставлено бѣжать, но онъ не воспользовался этой минутой и въ тотъ же день былъ схваченъ слугами Фредегонды, при чемъ, защищаясь, былъ тяжело раненъ въ голову. Раны Левдаста оказались смертельны. Тогда Фредегонда, не желая упустить свою жертву, придумала ему необыкновенную казнь. Умирающій былъ вытащенъ на мостовую, гдѣ подъ затылокъ ему подложили толстую желѣзную полосу, а другой такою же полосой ударяли его по горлу, пока онъ не испустилъ духъ. Такъ окончилась жизнь этого выскочки VI вѣка, сына раба, вознесеннаго королевской милостью до сана, равнявшаго его вождямъ-завоевателямъ Галліи.

4. Мятежъ въ Лиможѣ.

По смерти Сигберта владѣнія Хильперика еще увеличились, благодаря завоеванію почти всѣхъ аквитанскихъ городовъ. Желая какъ можно скорѣе умножить доходы, добытые военнымъ счастьемъ, Фредегонда внушила королю Хильперику мысль составить для расширившагося королевства новое положеніе объ окладѣ и распредѣленіи поземельныхъ налоговъ. Поземельную подать въ Галліи платили только владѣльцы галло-римскаго происхожденія, свободные же германцы были отъ нея изъяты. Новыя подати падали не только на земли, но и на всѣ земледѣльческіе промыслы и орудія, безмѣрно увеличивая тягости туземныхъ владѣльцевъ. Обязанность произвести перепись землямъ и лицамъ и пополнить по новымъ справкамъ старыя окладныя росписи городовъ возложена была на ревностнаго къ казеннымъ и собственнымъ интересамъ референдарія *) Марка, по происхожденію галла.

Подати въ Галліи.

---

*) Начальникъ королевской канцеляріи и хранитель печати или королевскаго кольца.

Борьба противъ подати.

Объѣзжая съ этой цѣлью королевство, Маркъ въ концѣ февраля 580 года явился въ городъ Лиможъ. Перваго марта, въ день торжественнаго собранія лиможской куріи, весь городъ волновался съ утра. Множество гражданъ всякаго званія толпилось у входа въ курію. Члены куріи, епископъ и высшее духовенство заняли свои кресла и скамьи. Референдарій Маркъ вошелъ въ собраніе съ почетной стражей и слугами, несшими его оцѣночныя книги и податныя росписи. Онъ представилъ данный ему указъ, скрѣпленный отпечаткомъ королевскаго кольца, и объявилъ окладъ и родъ податей, назначенныхъ королемъ. Епископъ, со времени владычества варваровъ сдѣлавшійся первымъ лицомъ въ муниципальномъ совѣтѣ, одинъ былъ способенъ принять на себя попеченіе о выгодахъ города. И епископъ Лиможа Ферреоль не уклонился отъ этого долга. Противопоставляя правамъ казны давность, онъ сказалъ, что городъ былъ переписанъ во времена короля Клотаря, что Хильперикъ обѣщался не вводить у нихъ ни новыхъ законовъ, ни новыхъ поборовъ. За этими словами послѣдовалъ ропотъ одобренія, раздавшійся со скамей куріи. Досадуя на эту попытку сопротивленія, Маркъ грубо и высокомѣрно отвѣтилъ, что онъ пришелъ не спорить, а дѣйствовать, и съ угрозами требовалъ повиновенія указу короля. Общіе крики внезапно покрыли его голосъ; волненіе сообщилось толпѣ, собравшейся у дверей, и она ринулась въ курію. Въ залѣ раздались крики: „Не хотимъ переписи! Смерть грабителю! Смерть Марку!" Епископъ Ферреоль взялъ за руку Марка и, удерживая голосомъ и знаками напоръ мятежниковъ, остановившихся съ изумленіемъ и уваженіемъ, достигъ выхода изъ залы и отвелъ испуганнаго Марка въ ближайшую базилику, давъ ему затѣмъ возможность выбраться поскорѣе изъ Лиможа.

Между тѣмъ волненіе въ куріи продолжалось. Народъ, съ минуту остававшійся въ нерѣшимости, какъ бы изумленный тѣмъ, что выпустилъ здравымъ и живымъ своего врага, обратилъ потомъ свою ярость на оцѣночныя книги, брошенныя Маркомъ въ бѣгствѣ. Нѣкоторые предложили перенесть эти вѣдомости на площадь и тамъ сжечь съ торжествомъ въ ознаменованіе того, что лиможскіе граждане рѣшились не подчиняться новымъ налогамъ. Побѣжали обыскивать домъ, гдѣ жилъ Маркъ, и вынесли оттуда всѣ росписки и книги, предназначенныя для другихъ городовъ. При радостныхъ кликахъ толпы, упоенной мятежемъ, былъ сложенъ костеръ. Граждане высшаго званія волновались наравнѣ съ другими и руко-

плескали, глядя, какъ пламя разрушаетъ книги, привезенныя королевскимъ чиновникомъ. Но это торжество было непродолжительно, и послѣдствія его—плачевны. Узнавъ о случившемся, король Хильперикъ жестоко наказалъ гражданъ. Королевскіе пристава прибыли въ Лиможъ, и послѣ короткаго слѣдствія лиможскіе сенаторы и знатнѣйшіе граждане подверглись изгнанію, аббаты и священники, обвиненные въ подстрекательствѣ къ сожженію книгъ, были подвергнуты разнаго рода мученіямъ на городской площади. Все достояніе казненныхъ и изгнанныхъ отобрано было въ казну, и на городъ была наложена особая подать, гораздо тяжелѣе той, которую онъ отказался платить.

Н. Романовъ.

VIII.

Варварскія Правды.

Составленіе Правдъ.

Подъ Варварскими Правдами (Leges Barbarorum) разумѣютъ записи судебныхъ обычаевъ тѣхъ варварскихъ народовъ германскаго племени, выступленіе которыхъ на историческую сцену знаменуетъ собою начало среднихъ вѣковъ. Эти записи совершались отъ конца V до IX вѣка включительно. Таковы Правды: Вестготская, Салическая и Бургундская V-го в., Рипуарская VII-го в., Алеманнская, Баварская, Фризская и Саксонская VIII-го в., Правда Турянговъ IX-го в. и др. [1]. Однѣ изъ нихъ представляютъ собой впервые сдѣланныя записи, другія носятъ уже слѣды болѣе или менѣе значительной обработки подъ перомъ юриста. Послѣднія относятся къ позднѣйшимъ временамъ эпохи записей, либо возникли у варварскихъ народовъ, наиболѣе подвергшихся римскому вліянію. Такъ, Бургундская Правда записана одновременно съ Салической, но гораздо полнѣе, стройнѣе и совершеннѣе послѣдней, очевидно потому, что бургундцы романизовались ранѣе франковъ, благодаря болѣе близкому сосѣдству съ очагомъ романизаціи — Италіей. Въ составленіи Бургундской Правды замѣтна опытная рука служителей римской церкви, этихъ главнѣйшихъ проводниковъ римскаго вліянія.

Записи судебныхъ обычаевъ возникали подъ вліяніемъ потребности имѣть прочное руководство при судебныхъ процессахъ. Не-

---

Пособія: Waitz, Das alte Recht der Salischen Franken; *Pardessus*, Loi Salique; *Brunner,* Deutsche Rechtsgeschichte.

[1]) Ихъ латинскія названія: Lex Salica, Lex Burgundionum, L. Ripuariorum, L. Alamannorum, L. Bajuvariorum, L. Frisionum, L. Saxonum, L. Angliorum et Werinorum.

писанный обычай хранится человѣческой памятью, но надежность этого хранилища весьма сомнительна: по поводу обычая всегда возможенъ споръ между тяжущимися, тогда какъ писанный законъ, сохраняя всегда одну и ту же опредѣленную форму, не поддается пристрастному искаженію той или другой стороны. Далѣе, при отсутствіи письменнаго закона, обычаи чрезвычайно разнообразятся по мѣстностямъ; въ каждой отдѣльной небольшой мѣстности развиваются свои обычаи, по извѣстной пословицѣ: „что городъ— то норовъ", и центральной власти становится трудно дѣйствовать, разъ она должна соображаться съ особенностями обычаевъ каждой отдѣльной незначительной мѣстности. Наконецъ, и это самое важное, неписанный обычай—плохое руководство для дѣйствій судьи и плохое обезпеченіе въ случаѣ злоупотребленій съ его стороны. Судья, котораго назначилъ король, можетъ не знать мѣстныхъ обычаевъ, если онъ не уроженецъ данной мѣстности; даже въ случаѣ сознательнаго, недобросовѣстнаго нарушенія этихъ обычаевъ его трудно изобличить безъ яснаго письменнаго текста. Въ эпоху Правдъ встрѣчаются уже неоднократно требованія королей, чтобы судьи имѣли при себѣ книгу законовъ и руководствовались ею.

Починъ въ изданіи письменныхъ законовъ принадлежалъ по большей части правительствамъ, потому что они знакомились съ римскою образованностью скорѣе, нежели массы. Народъ же приглашался на собранія только для того, чтобы одобрить или отвергнуть составленную правительствомъ книгу законовъ. Такъ, лангобардскій король Ротари, составивъ запись лангобардскихъ обычаевъ, подвергъ ее на утвержденіе народа, который ударами копій о щиты выразилъ свое одобреніе. Однако, относительно одной изъ древнѣйшихъ Правдъ—Салической, сохранилось преданіе, что она составлена выборными изъ народа. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляли себѣ возникновеніе своего законодательства сами франки, и этотъ взглядъ изложенъ въ предисловіи, находящемся въ рукописяхъ передъ текстомъ Салической Правды. Въ этомъ предисловіи разсказывается, какъ франкскій народъ, „славный, учрежденный Богомъ, храбрый на войнѣ, твердый въ мирномъ союзѣ и мудрый въ совѣтѣ, по своему нраву приверженный къ справедливости и сохраняющій благочестіе, избралъ четырехъ мужей: Визогаста, Бодогаста, Салигаста, Видогаста; эти выборные въ мѣстностяхъ Salchamae, Bodochamae, Widochamae, имѣли три засѣданія, на которыхъ и установили Салическій законъ". Уже по именамъ какъ этихъ вы-

борныхъ, такъ и мѣстностей, можно видѣть, что вышеприведенный разсказъ не болѣе, какъ легенда, въ которую облеклось смутное, уцѣлѣвшее въ народной памяти преданіе объ участіи самого народа посредствомъ выборныхъ свѣдущихъ мужей въ самомъ составленіи закона. И въ самомъ дѣлѣ, Салическая Правда болѣе всѣхъ другихъ есть непосредственно записанный народный обычай и менѣе всѣхъ другихъ подверглась обработкѣ со стороны образованныхъ юристовъ. Это самый яркій и живой памятникъ варварскаго народнаго быта, и въ немъ римское вліяніе сказалось почти только въ латинскомъ языкѣ, на которомъ онъ написанъ. Впрочемъ, болѣе варварскаго латинскаго языка нельзя себѣ представить.

Общій характеръ Правдъ. Салической Правдѣ въ наибольшей степени свойственны всѣ черты, которыя служатъ необходимыми признаками варварскихъ законодательныхъ памятниковъ. Всѣ эти Правды очень односторонни: это вовсе не полные своды дѣйствующихъ законовъ, это только судебники, т. е. уставы судопроизводства и уложенія о взысканіяхъ. Ихъ цѣль—установить однообразныя формы судебной процедуры и перечислить подробно штрафы за различныя вредныя дѣянія. Но, несмотря на такую ограниченность содержанія, онѣ очень безпорядочны: отдѣльныя положенія закона размѣщены безъ яснаго плана, какой мы привыкли видѣть въ законодательныхъ актахъ новаго времени. Нерѣдко объ одномъ и томъ же говорится въ пяти—шести мѣстахъ, и всетаки многое не договаривается. Этотъ безпорядокъ происходитъ не только отъ времени, наслоившаго одни законы на другіе, не только вслѣдствіе искаженія и вставокъ переписчиковъ, вдвигавшихъ въ записи народныхъ обычаевъ отрывки изъ вновь изданныхъ королевскихъ эдиктовъ — была другая, болѣе существенная причина такой нестройности законодательства, причина психологическая, а именно: свойство варварскаго ума, неспособнаго къ отвлеченному мышленію, которое необходимо для того, чтобы изъ частныхъ отдѣльныхъ случаевъ выводить общія положенія и эти общія положенія соединять въ стройную логическую систему. Всякій теперешній законъ излагается въ видѣ общей формулы, подъ которую могутъ быть подведены отдѣльные частные случаи. Въ Варварской же Правдѣ, наоборотъ, сплошь и рядомъ мы находимъ положенія, относящіяся къ совершенно частному случаю; сдѣлать обобщеніе всѣхъ однородныхъ частныхъ случаевъ, объединить ихъ въ опредѣленную формулу— было не по силамъ варварскому уму. Примѣры этого свойства вар-

варскихъ законовъ можно найти въ приведенныхъ ниже отрывкахъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ у варваровъ.

Судоустройство.

Въ древнѣйшую эпоху, предшествующую описанію Германіи, сдѣланному Цезаремъ, у германцевъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, не существовало общественнаго суда, какъ особаго учрежденія. Всякій получившій обиду долженъ былъ расправляться съ своимъ противникомъ своими силами: частная месть за обиду со стороны обиженнаго служитъ единственнымъ возмездіемъ виновному. Эта месть понималась первобытнымъ обществомъ не только, какъ право, но и какъ обязанность, и влекла за собою частную войну. Именно, для того, чтобы отомстить, обиженный начиналъ войну съ своимъ обидчикомъ. Въ другихъ случаяхъ частная война возникала между двумя лицами вслѣдствіе спора о принадлежности той или другой вещи (по нашему—гражданская тяжба), и здѣсь она служила средствомъ выясненія, на чьей сторонѣ было право. Побѣда и служила доказательствомъ права. Позже, съ принятіемъ христіанства это воззрѣніе было освящено тою мыслью, что побѣда дарується Богомъ, который и даетъ ее правой сторонѣ. Такъ частная война получила значеніе „суда Божія“. Варвары упускали изъ вида, что *право*, основанное *на побѣдѣ*, тѣмъ самымъ основывалось на *силѣ*, не говоря уже о случайности, отъ которой такъ часто зависитъ побѣда. Вполнѣ понятно, какъ должны были раздирать это юное общество такія вполнѣ законныя, безчисленныя кровавыя распри между отдѣльными лицами. Въ эпоху Правдъ, однако, право частной войны уже сильно стѣсняется закономъ—оно не совсѣмъ исчезаетъ и въ гораздо болѣе позднія эпохи среднихъ вѣковъ, а въ видѣ дуэли существуетъ и до сихъ поръ. Но уже со времени Салической Правды законъ стремится придать ей смягченныя и опредѣленныя формы. Противники не могутъ уже сражаться, гдѣ только встрѣтятся, строить другъ другу засады, захватывать врасплохъ, словомъ,—пользоваться всѣми случайностями войны, чтобы повредить другъ другу какъ можно болѣе. Борьба между ними должна теперь происходить открыто, въ виду всего общества, и, что особенно важно, противники ставятся въ болѣе равныя условія, значительно уменьшающія разницу между сильнымъ и слабымъ,—разницу, которая въ прежнія времена имѣла рѣшающее значеніе. Прежняя война въ открытомъ полѣ превращается теперь въ борьбу сторонъ на судѣ, въ судебное состязаніе между обиженнымъ

(истецъ) и обидѣвшимъ (отвѣтчикъ). Но этотъ судъ не развился еще въ особое учрежденіе, подобное тѣмъ, какія мы видимъ въ позднѣйшемъ обществѣ. Судебный трибуналъ у варваровъ въ эпоху Салической Правды—это не что иное, какъ собраніе свободныхъ людей въ сотнѣ. Сотнею называлась у германскихъ варваровъ военная и территоріальная единица. Въ сотенномъ собраніи (mallus) предсѣдательствовалъ выборный сотникъ (tunginus), а членами его были всѣ свободные люди сотни (ingenui); въ качествѣ засѣдателей—членовъ судебнаго собранія они носили особое названіе—рахимбурги (rachimburgii). Таково было первоначально устройство суда у всѣхъ варваровъ. Впослѣдствіи съ усиленіемъ королевской власти, соотвѣтствовавшимъ упадку общественной самодѣятельности, главная роль въ судѣ переходитъ отъ выбираемаго народомъ сотника къ назначенному королемъ *графу* (grafio), а вмѣсто всѣхъ свободныхъ людей на судъ приглашается лишь небольшое число постоянныхъ засѣдателей (скабиновъ).

Судопроизводство. Самая судебная дѣятельность сотеннаго собранія также не походила на дѣятельность теперешняго судебнаго учрежденія. Теперешній судъ, во 1-хъ, самъ заботится о привлеченіи къ отвѣту виновнаго въ случаѣ вредныхъ для всего общества нарушеній закона съ его стороны; во 2-хъ, производитъ тщательное слѣдствіе, чтобы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли виновенъ привлеченный къ суду. Не такъ дѣйствовало сотенное собраніе. Да, лучше сказать, оно и совсѣмъ почти *не дѣйствовало*. Во 1-хъ, само оно никого не привлекало къ суду: всякое дѣло возбуждалось не иначе, какъ потерпѣвшею стороною, т. е. было, какъ мы сказали бы теперь, гражданскою тяжбой. Все равно, было ли то убійство, грабежъ, поджогъ или споръ о правѣ на какое-нибудь имущество, если потерпѣвшій не вызывалъ обидчика къ суду, преступникъ могъ оставаться вполнѣ безнаказаннымъ. Понятно, почему такъ было: теперешній судъ есть органъ государства, посредствомъ котораго оно старается препятствовать отдѣльнымъ лицамъ совершать поступки, наносящіе вредъ какъ другимъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлому обществу. Инціативу въ преслѣдованіи вредныхъ лицъ беретъ на себя само государство, дѣйствуя посредствомъ суда. Но такой органъ можетъ существовать только у высокоразвитого государства, ставящаго себѣ такую высокую цѣль, какъ общее благо, и имѣющаго обширныя средства для осуществленія этой цѣли—прежде всего сильную государственную власть. До такого государства было еще очень далеко варварамъ въ эпоху

Правдъ. Варварскій судъ не защищаетъ отдѣльныхъ лицъ отъ разнаго рода злодѣяній, предоставляя потерпѣвшимъ самимъ защищаться и расправляться съ обидѣвшимъ. Только для того, чтобы ограничить тѣ ужасныя послѣдствія, которыя могла произвести дикая ярость враговъ при этой расправѣ, законъ предписываетъ обиженному вызвать прежде обидчика предъ сотенное собраніе и расправиться съ нимъ тамъ уже на виду у всѣхъ—при публикѣ. Когда обвинитель и обвиняемый стали предъ сотеннымъ собраніемъ, оно всетаки продолжаетъ оставаться спокойнымъ зрителемъ. Оно не производитъ никакого судебнаго слѣдствія, не допрашиваетъ обвиняемаго, не вызываетъ свидѣтелей. Оно ограничивается тѣмъ, что предлагаетъ враждебнымъ сторонамъ вступить въ борьбу другъ съ другомъ и, подобно хору въ античной драмѣ, спокойно созерцаетъ эту борьбу. Борьба же происходила подъ одною изъ слѣдующихъ трехъ формъ: во 1-хъ, *поединокъ* истца съ отвѣтчикомъ, т. е. настоящее сраженіе съ оружіемъ въ рукахъ, съ тою только разницею, что шансы борцовъ на побѣду здѣсь были нѣсколько уравновѣшены [1]). Второю формой являлась такъ назыв. *ордалія*, или испытаніе посредствомъ горячей воды, раскаленнаго желѣза и т. п. По рѣшенію рахимбурговъ одинъ изъ противниковъ долженъ былъ ad hineum ambulare (идти къ котелку съ кипящей водой) и доказать свое право, опустивъ въ котелъ руку. Если по истеченіи извѣстнаго времени не оказывалось слѣдовъ обжога, то подвергавшійся ордаліи выигрывалъ процессъ. Третьей и наиболѣе сложной формой было такъ назыв. *соприсяжничество*. Оно заключалось въ томъ, что истецъ или отвѣтчикъ, по усмотрѣнію суда, долженъ былъ привести съ собою въ судъ извѣстное число лицъ, опредѣленное для каждаго даннаго случая, которые дали бы вмѣстѣ съ нимъ присягу въ его правотѣ. Эти присяги были развѣ немного менѣе труднымъ испытаніемъ, чѣмъ ордалія. Во 1-хъ, законъ требовалъ строго опредѣленное число соприсяжниковъ для каждаго случая, и чѣмъ дѣло было важнѣе, тѣмъ ихъ требовалось больше. Такъ, обвиняемый въ убійствѣ, по Рипуарскому закону, долженъ былъ для своего оправданія привести 72 соприсяжника, которые дали бы присягу въ томъ, что онъ невиновенъ. Обязанность быть соприсяжникомъ падала на долю родичей, и, слѣдовательно, такое множество ихъ могъ выставить только человѣкъ съ огромнымъ родствомъ. Одинокій не имѣлъ возможности пользоваться этою

---

[1]) Описаніе такого поединка см. ниже. Lex Alam. 84.

формой. Во 2-хъ, очень труденъ былъ самый обрядъ этой присяги: каждый соприсяжникъ отдѣльно долженъ былъ произносить длинную формулу присяги, не ошибаясь ни въ одномъ словѣ. Малѣйшая ошибка вела къ потерѣ процесса. Послѣднее обстоятельство дѣлало исходъ и этой третьей формы судебнаго состязанія немного менѣе случайнымъ, чѣмъ былъ исходъ первыхъ двухъ. Но по воззрѣніямъ варваровъ здѣсь не было мѣста случаю; въ основаніи всѣхъ трехъ формъ лежитъ все та же наивная увѣренность въ справедливости „Суда Божія“, который дѣйствуетъ теперь въ этихъ формахъ, какъ прежде дѣйствовалъ въ неограниченной частной войнѣ. Исходъ этого „Суда Божія“ и опредѣлялъ, на чьей сторонѣ право. Тогда виноватая сторона подвергалась назначенному закономъ взысканію въ пользу правой. Теперь приведемъ изъ разныхъ Правдъ образцы законовъ, опредѣляющихъ эти взысканія; мы расположимъ ихъ въ извѣстной системѣ, хотя, какъ уже было сказано выше, въ самихъ Правдахъ нѣтъ ничего похожаго на какую-нибудь опредѣленную систему.

Взысканія за убійство. Какъ и всякое другое злодѣяніе, убійство вызывало возмездіе не со стороны государства, а со стороны потерпѣвшаго. Но такъ какъ самъ потерпѣвшій убійство, разумѣется, не могъ за себя мстить, то это обязаны были сдѣлать его родичи. Кровь убитаго вопіяла о мщеніи до тѣхъ поръ, пока за смерть не было отплачено смертью. Освящаемая религіозными вѣрованіями месть имѣла двоякій, чисто практическій смыслъ и для всего общества, и для потерпѣвшихъ. Первое она охраняла, такъ какъ сознаніе возможности подвергнуться мести должно было иногда сдерживать расходившіяся страсти. У вторыхъ она удовлетворяла чувство справедливости, такъ какъ ею возстановлялось нарушенное убійствомъ равновѣсіе между родами. Въ самомъ дѣлѣ, совершавшій убійство не только отнималъ жизнь у своей жертвы, но и всему роду его наносилъ существенный матеріальный ущербъ, лишая этотъ родъ воина-защитника и въ то же время работника, раздѣлявшаго трудъ родичей на общей родовой землѣ. Нарушенное равновѣсіе возстановлялось, когда потерпѣвшій потерю родъ, умертвивъ убійцу, причинялъ роду его такую же потерю воина и работника, какой подвергся самъ. Эта частная кровавая расправа съ теченіемъ времени, по мѣрѣ смягченія нравовъ, замѣняется другою, менѣе грубою формою удовлетворенія чувства справедливости и матеріальнаго ущерба. Месть замѣняется выкупомъ. Родъ убійцы входитъ въ соглашеніе съ родомъ убитаго и за опредѣлен-

ный платежъ выкупаетъ у него жизнь убійцы. Такимъ образомъ, матеріальный вредъ, нанесенный роду убитаго потерею одного изъ его сочленовъ, устраняется здѣсь матеріальнымъ вознагражденіемъ со стороны рода убійцы. Эта уплата вознагражденія за жизнь убитаго и практикуется въ эпоху Правдъ. Вознагражденіе за жизнь, цѣна жизни — называется въ нихъ германскимъ словомъ wergeld. Обычай установилъ постепенно размѣры вергельда, а письменный законъ учредилъ для него постоянныя цыфры, стѣснивъ произволъ, который могъ имѣть мѣсто въ спорахъ о вознагражденіи между родами. Тѣмъ не менѣе въ Варварскихъ Правдахъ замѣчается большое разнообразіе въ размѣрахъ вергельда. Прежде всего эти размѣры неодинаковы въ различныхъ Правдахъ. Но и въ каждой отдѣльной Правдѣ они колеблются въ зависимости отъ трехъ условій: сословнаго положенія, пола и возраста убитаго. 1) Сословное положеніе убитаго опредѣляется преимущественно происхожденіемъ человѣка (nativitas; самое слово *vera* переводится по-латыни какъ pretium nativitatis, т. е. цѣна человѣка по его происхожденію); жизнь человѣка высшаго сословія и цѣнилась дороже. 2) Полъ убитаго: вергельдъ женщины былъ у варваровъ выше вергельда мужчины. Повышенный вергельдъ за нее вызванъ необходимостью тщательнѣе охранять существо болѣе слабое, не могущее защищаться, какъ мужчина. Такое объясненіе и приводитъ одинъ изъ помѣщаемыхъ ниже законовъ. Lex Bajuvar. III. 13. 3) Возрастъ убитаго: за убійство ребенка, неспособнаго оказать сопротивленія, платилось дороже, чѣмъ за убійство взрослаго. Различаясь въ цыфрахъ, вергельдъ вездѣ сохраняетъ одно и то же значеніе: это не государственное наказаніе за преступленіе, а только частное вознагражденіе потерпѣвшей сторонѣ. Значеніе вергельда выясняется изъ слѣдующихъ взятыхъ изъ разныхъ Правдъ статей.

L. Salic. XLI. 1. Кто убьетъ свободнаго франка или варвара, живущаго подъ покровительствомъ Салическаго закона, и будетъ въ этомъ уличенъ, пусть уплатитъ 200 солидовъ [1]).

2. Если же броситъ убитаго въ колодецъ, или въ воду, или прикроетъ его вѣтвями, или инымъ чѣмъ, чтобы скрыть, пусть уплатитъ 600 солидовъ.

3. Кто убьетъ человѣка, принадлежащаго къ королевской дружинѣ, или свободную женщину, пусть уплатитъ 600 солидовъ.

---

[1]) О значеніи солида см. L. Saxon. XIX

4. Если же бросить убитую женщину въ воду, или въ колодецъ или чѣмъ бы то ни было прикроетъ ее, пусть уплатитъ 1800 солидовъ.

5. Кто убьетъ римлянина, сдѣлавшагося королевскимъ приближеннымъ (conviva regis), и будетъ уличенъ въ этомъ, пусть уплатитъ 300 солидовъ.

6. Если же убитый римлянинъ не окажется ни землевладѣльцемъ (possessor), ни королевскимъ приближеннымъ, виновный пусть уплатитъ 100 солидовъ.

7. Кто убьетъ римлянина, обязаннаго господину поземельною повинностью (tributarius), пусть уплатитъ 63 солида.

8. Кто найдетъ на перекресткѣ дорогъ человѣка безъ рукъ и безъ ногъ, брошеннаго тамъ его врагами, и убьетъ его и будетъ уличенъ, пусть уплатитъ 100 солидовъ [1]).

9. Кто броситъ въ колодецъ свободнаго человѣка, который оттуда однако выйдетъ живымъ, пусть уплатитъ 100 солидовъ.

Sal. XXIV. 1. Кто убьетъ мальчика до 10 лѣтъ и будетъ въ томъ уличенъ, пусть уплатитъ 600 солидовъ.

Sal. XXXV. 5. Въ случаѣ, если чей-нибудь рабъ или литъ (полусвободный, близкій къ положенію раба) убьетъ свободнаго человѣка, пусть самъ убійца будетъ выданъ родственникамъ убитаго человѣка въ качествѣ половины вергельда, и пусть господинъ раба (или лита) уплатитъ остальную половину.

6. Кто похититъ или убьетъ чьего-нибудь личнаго слугу, или кузнеца, или золотыхъ дѣлъ мастера, или свинопаса, или винограддаря, или конюха, который сѣдлаетъ лошадь, пусть уплатитъ 30 солидовъ [2]).

Lex Bajuvariorum. III. 13. 2. Въ случаѣ, если убита будетъ женщина, платится за нее вдвое. Такъ какъ женщина не можетъ защищаться оружіемъ, поэтому и платится за нее двойное вознагражденіе.

Если же она, благодаря мужеству души своей, стала бы, защищаясь, сражаться, какъ и мужчина, въ такомъ случаѣ нѣтъ двойного вознагражденія, но за нее платится столько же, сколько за ея братьевъ.

[1]) Безрукій и безногій человѣкъ, неспособный ни къ труду, ни къ войнѣ, былъ менѣе цѣненъ для своего рода, чѣмъ здоровый. Тѣ враги, которые отрубили ему руки и ноги, отняли у него уже половину жизни, добившій его отнялъ только остальную, вотъ почему и вергельдъ здѣсь половинный.

[2]) Рабы и полусвободные не имѣютъ *рода*. Поэтому за ихъ преступленія отвѣчаетъ господинъ. Онъ же получаетъ ихъ цѣну въ случаѣ ихъ убійства.

Ibid., *I. 12.* Кто убьетъ епископа, котораго поставилъ король или избралъ себѣ народъ, пусть заплатитъ за него королю, или народу, или же родственникамъ убитаго сообразно съ слѣдующимъ постановленіемъ: пусть будетъ сдѣлана свинцовая рубашка по росту убитаго, и сколько она будетъ вѣсить, столько золота долженъ заплатить убійца. Если же у него нѣтъ золота, пусть отдастъ иныя цѣнности: рабовъ, землю, имѣнія или иное имущество, пока не уплатитъ должнаго. Если же у него нѣтъ настолько имущества, пусть отдастся самъ съ женою и дѣтьми въ рабство той церкви, епископа которой онъ убилъ, и пребываетъ въ немъ до выкупа.

Saxonum XII. 1. Если срубленное кѣмъ-либо дерево случайно кого-нибудь задавитъ, срубившій долженъ уплатить полный вергельдъ.

5. Если у кого изъ рукъ выпадетъ оружіе и убьетъ человѣка, уронившій долженъ уплатить вергельдъ [1]).

Alamannorum CII. Хозяинъ собаки, причинившей смерть человѣку, обязанъ уплатить половину вергельда.

Если же родственникъ погибшаго потребуетъ полнаго вергельда, то въ домѣ его слѣдуетъ запереть всѣ двери, и пусть онъ входитъ и выходитъ черезъ одинъ выходъ. И пусть на разстояніи девяти футовъ отъ его порога будетъ повѣшена собака и виситъ до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ вся и, сгнивши, не упадетъ. И кости ея должны лежать тамъ же, а требовавшій полнаго вергельда пусть не входитъ и не выходитъ иною дверью.

Если же онъ выброситъ оттуда собаку или войдетъ въ домъ инымъ входомъ, пусть вернетъ обратно половину вергельда.

Frision. V. О людяхъ, которыхъ можно убить безъ вергельда.

Можно убить безъ вергельда: бойца-соперника въ судебномъ поединкѣ, противника въ сраженіи, прелюбодѣя, вора, застигнутаго въ подкопѣ, который онъ старается подвести подъ чужой домъ, поджигателя, который, желая зажечь чей-нибудь домъ, держитъ въ рукѣ факелъ такъ, что огонь касается крыши или стѣнъ дома; того, кто взломаетъ священное зданіе.

Слѣдующая статья показываетъ, какъ распредѣлялся вергельдъ между родственниками убитаго.

Sal. LXII. 1. Если у кого будетъ убитъ отецъ, то половину

---

[1]) Что вергельдъ имѣлъ характеръ выкупа, а не наказанія, лучше всего видно изъ того, что онъ платится и въ случаяхъ убійства неосторожнаго и случайнаго.

вергельда получаютъ сыновья, а другую половину дѣлятъ между собою ближайшіе родственники убитаго съ отцовской и материнской сторонъ.

2. Если у убитаго нѣтъ родственниковъ ни съ отцовской, ни съ материнской стороны, то эта половина поступаетъ въ казну государя [1]).

Взысканія за увѣчья. Какъ возмездіемъ за смерть была смерть убійцы, такъ за поврежденіе какого-либо члена тѣла, не повлекшее за собою однако смерти, было въ древнѣйшее время возмездіемъ поврежденіе такого же у виновнаго: у германскихъ народовъ дѣйствовало то же правило, которое такъ сжато, но ясно выражено въ еврейскомъ законодательствѣ—„око за око, зубъ за зубъ, рана за рану". Но въ эпоху Правдъ и это возмездіе, переставъ быть натуральнымъ, замѣнилось денежнымъ выкупомъ. Какъ въ случаѣ убійства выкупалась жизнь, такъ при нанесеніи увѣчья выкупалась виновнымъ за опредѣленную плату часть его собственнаго тѣла. Варварскія Правды и устанавливаютъ подробные прейсъ-куранты на руки, ноги, уши, глаза, носы и прочія части человѣческаго тѣла. Размѣры цѣнъ различны въ разныхъ Правдахъ; въ каждой отдѣльно взятой онѣ увеличиваются и уменьшаются, смотря по важности сдѣланныхъ поврежденій.

Однако сословныхъ различій здѣсь незамѣтно, такъ что, напр., носъ королевскаго дружинника (антрустіона) стоилъ не дороже носа простого свободнаго человѣка и т. д.

Lex Salica XVII. 1. Кто, намѣреваясь убить другого, промахнется ударомъ и будетъ уличенъ въ покушеніи, пусть уплатитъ 63 солида.

2. Кто, намѣреваясь поразить другого отравленною стрѣлою, промахнется и будетъ уличенъ, пусть уплатитъ 63 солида.

3. Кто ударитъ другого по головѣ, такъ что обнаружится мозгъ и выпадутъ три кости, лежащія поверхъ самаго мозга — пусть уплатитъ 30 солидовъ.

4. Кто ранитъ другого въ ребро или животъ, такъ что будетъ видна рана, доходящая до внутренностей, пусть уплатитъ 30 солидовъ и кромѣ того за лѣченіе 5 солидовъ.

5. Кто такъ ударитъ человѣка, что кровь будетъ течь на землю, и будетъ уличенъ въ этомъ, пусть уплатитъ 15 солидовъ.

6. Свободный, ударившій свободнаго же палкой не до крови и

---

[1]) Послѣдняя статья показываетъ, какъ государство понемногу начинаетъ вмѣшиваться въ дѣла о вознагражденіи за убійство.

нанесшій до 3-хъ ударовъ, пусть уплатитъ 3 солида, по солиду за каждый нанесенный ударъ.

7. Если же до крови, пусть уплатитъ столько же, сколько пришлось бы уплатить при пораненіи оружіемъ.

9. Кто ударитъ другого сжатымъ кулакомъ (и нанесетъ 3 удара), пусть уплатитъ 9 солидовъ, по три солида за каждый ударъ.

L. Salic. XXIX. 1. Кто отрубитъ другому руку или ногу, или вышибетъ глазъ, или отрѣжетъ носъ, пусть уплатитъ 100 солидовъ.

2. Кто отрубитъ другому большой палецъ на рукѣ или на ногѣ, пусть уплатитъ 50 солидовъ.

3. Если же не совсѣмъ отрубитъ, такъ что большой палецъ повиснетъ, пусть уплатитъ 30 солидовъ.

4. Если отрубитъ второй палецъ, которымъ пускаютъ стрѣлу, пусть уплатитъ 35 солидовъ.

5. За слѣдующіе три пальца, если отрубитъ ихъ заразъ всѣ, пусть уплатитъ 50 солидовъ.

6. Если отрубитъ два изъ нихъ—35 солидовъ.

7. За одинъ—30 солидовъ.

L. Ripuar. LXVIII. 1. Если кто получитъ ударъ въ голову или въ иной какой-либо членъ тѣла, и оттуда выпадетъ такая кость, которая, будучи брошена на щитъ съ высоты 12 футовъ, издастъ звукъ, ударившій пусть уплатитъ 30 солидовъ.

2. Если сверхъ того выпадутъ еще нѣсколько костей, за каждую звучащую прибавляется по 1 солиду.

Взысканія за оскорбленія чести.

L. Salic. XXX. 1. Кто назоветъ другого развратнымъ, пусть уплатитъ 3 солида.

4. Кто обругаетъ другого „лисицей"—пусть уплатитъ 3 солида.

5. Кто назоветъ другого прокаженнымъ, пусть уплатитъ 3 солида.

6. Кто упрекнетъ другого въ томъ, что онъ бросилъ свой щитъ (разумѣется—въ сраженіи), и не будетъ въ состояніи подкрѣпить упрекъ доказательствомъ, пусть уплатитъ 3 солида.

7. Кто назоветъ другого сутягой или поддѣлывателемъ грамотъ и не будетъ въ состояніи подкрѣпить этого доказательствомъ, пусть уплатитъ 15 солидовъ.

Взысканія за нанесеніе имущественнаго вреда.

Въ Варварскихъ Правдахъ законы о вознагражденіи за вредъ, причиненный чужому имуществу, чрезвычайно многочисленны. За утрату, порчу и пользованіе чужимъ имуществомъ безъ разрѣшенія хозяина, платилось этому послѣднему вознагражденіе по установленной закономъ таксѣ, цыфры которой значительно превосходятъ дѣй-

ствительную стоимость имущества. Независимо отъ этого вознагражденія по таксѣ, взыскиваемаго собственно за нарушеніе чужого права на вещь, сама взятая вещь возвращалась хозяину, или вмѣсто нея уплачивалась ея дѣйствительная цѣна съ прибавленіемъ взноса за убытки, понесенные хозяиномъ отъ потери вещи за все то время, въ теченіе котораго онъ ею не пользовался (протори).

Эти законы о взысканіяхъ за вредъ имуществу очень важны для историка, потому что они, подробно перечисляя разные виды имуществъ, даютъ ему возможность составить понятіе о хозяйственномъ бытѣ того общества, среди котораго возникла Правда. Такъ, напр., изъ приведенныхъ ниже законовъ Салической Правды мы можемъ видѣть, насколько сильно были развиты у франковъ въ ея эпоху различныя отрасли хозяйства—скотоводство, въ особенности земледѣліе. Они не только сѣютъ хлѣбъ, но разводятъ разнаго рода овощи: рѣпу, горохъ, бобы, чечевицу. Они занимаются также винодѣліемъ. Упоминаніе о похищеніи льна съ поля даетъ намъ право заключить, что варвары выдѣлываютъ уже полотняную одежду. Изъ законовъ о кражѣ строевого лѣса видно, что были въ употребленіи деревянныя постройки. Названіе разнаго рода рыболовныхъ снастей служитъ признакомъ развитія рыболовства. Изъ приведеннаго закона Алеманнской Правды о кражѣ собакъ, гдѣ такъ тщательно и подробно перечислены различные виды охотничьихъ собакъ и гдѣ наложены за нихъ огромныя взысканія, видно, какъ сильно интересовалось общество того времени охотой. Въ частности можно даже составить себѣ понятіе, на какихъ звѣрей охотились.

Lex Salic. XXVII. 1. Кто украдетъ колокольчикъ изъ чужой свинарни и будетъ уличенъ, пусть уплатитъ 15 солидовъ и кромѣ того стоимость украденнаго съ проторями.

Если же украдетъ колокольчикъ, снявъ его съ животнаго, пусть уплатитъ 3 солида.

3. Кто украдетъ путы съ лошади и будетъ уличенъ, пусть уплатитъ 3 солида и кромѣ того стоимость украденнаго съ проторями.

4. Если же вслѣдствіе этой кражи пропадутъ самыя лошади—долженъ уплатить ихъ стоимость.

5. Кто съ воровскимъ умысломъ пуститъ свой скотъ на чужую ниву и будетъ самъ тамъ захваченъ, пусть уплатитъ 15 солидовъ.

6. Кто съ воровскимъ умысломъ ворвется въ чужой садъ, пусть уплатитъ 15 солидовъ и кромѣ того стоимость украденнаго съ проторями.

7. Кто съ воровскимъ умысломъ войдетъ на рѣпное, бобовое, гороховое или чечевичное поле, пусть уплатитъ 3 солида.

8. Кто, похитивъ съ чужого поля ленъ, увезетъ его на лошади или на телѣгѣ, пусть уплатитъ 15 солидовъ и кромѣ того стоимость украденнаго съ проторями.

9. Если же похититъ лишь столько, сколько можно унести на спинѣ, пусть уплатитъ 3 солида.

10. Кто скоситъ чужой лугъ—теряетъ свой трудъ.

11. Если же свезетъ оттуда сѣно къ своему дому и свалитъ его тамъ—пусть уплатитъ 45 солидовъ и т. д.

12. Если же похититъ сѣна лишь столько, сколько можетъ снести на своей спинѣ, пусть уплатитъ 3 солида.

13. Кто воровскимъ образомъ соберетъ виноградъ въ чужомъ виноградникѣ и будетъ на этомъ пойманъ, пусть уплатитъ 15 солидовъ.

14. Если же увезетъ оттуда виноградъ къ своему дому и выложитъ его тамъ изъ повозки, пусть уплатитъ 45 солидовъ.

15. Такое же правило слѣдуетъ соблюдать относительно жатвы.

16. Кто въ лѣсу срубитъ или сожжетъ чужія строевыя деревья, пусть уплатитъ 15 солидовъ.

17. Кто похититъ чужой строевой матеріалъ, уже обтесанный съ одной стороны, пусть уплатитъ 3 солида.

18. Кто похититъ въ лѣсу чужія дрова, пусть уплатитъ 3 солида.

19. Кто возьметъ отмѣченное дерево спустя годъ послѣ того, какъ на немъ была сдѣлана отмѣтка—въ этомъ нѣтъ вины [1]).

20. Кто украдетъ изъ рѣки поставленную для ловли угрей сѣть, пусть уплатитъ 45 солидовъ.

21. Кто украдетъ неводъ или верши, пусть уплатитъ 15 солидовъ.

22. Кто обокрадетъ незапертую клѣть — пусть уплатитъ 15 солидовъ.

23. Кто обокрадетъ запертую клѣть—45 солидовъ [2]).

24. Кто запашетъ чужое поле безъ разрѣшенія хозяина—пусть уплатитъ 15 солидовъ.

25. Если же сверхъ того его и засѣетъ—45 солидовъ.

---

[1]) Лѣсомъ пользовались всѣ жители селенія сообща. Каждому жителю предоставлялось право рубить въ общественномъ лѣсу извѣстное число деревьевъ, предварительно отмѣтивъ ихъ своимъ знакомъ. Этотъ знакъ и свидѣтельствовалъ о принадлежности отмѣченнаго дерева опредѣленному лицу. Онъ сохранялъ свою силу, какъ видно изъ этой статьи, въ теченіе года.

[2]) Кража со взломомъ влечетъ усиленное взысканіе.

26. Кто воспользуется услугами чужого раба безъ вѣдома его господина — пусть уплатитъ 15 солидовъ.

L. Ripuar. XL. Кто сядетъ на чужого коня безъ разрѣшенія хозяина, пусть уплатитъ 30 солидовъ.

Lex Alamannor. LXXXII. 1. Кто украдетъ главную гончую собаку, которая бѣжитъ впереди стаи, пусть уплатитъ 6 солидовъ. Кто украдетъ второстепенную—3 солида.

2. Кто украдетъ лягавую собаку, ведущую за собою человѣка, которую называютъ laitihunt, пусть уплатитъ 12 солидовъ.

3. Кто убьетъ хорошую собаку, хватающую вепрей, или медвѣдей, или дикаго быка, или корову—3 солида.

4. Кто убьетъ выученную собаку, съ которой охотятся на зайцевъ, пусть уплатитъ 3 солида.

5. Кто убьетъ стерегущую стадо собаку, которая хватаетъ волка и отнимаетъ изъ его пасти скотъ, пусть уплатитъ 3 солида.

6. Кто убьетъ собаку, стерегущую дворъ — 1 солидъ.

7. Если кого-нибудь сама собака схватитъ за платье и тотъ ударитъ ее противъ воли, такъ что она издохнетъ, пусть поклянется, что сдѣлалъ это ненарочно, а только защищаясь, и пусть въ возмѣщеніе дастъ щенка, могущаго носить ошейникъ.

Родовыя и семейныя отношенія.

Lex Sal. LX. О томъ, кто хочетъ исключить себя изъ родового союза.

1. Желающій исключить себя изъ родового союза долженъ явиться въ сотенное собраніе передъ сотникомъ и тамъ переломить надъ своею головою 3 палки, мѣрою каждая въ локоть, и, бросивъ обломки на четыре стороны собранія, заявить тамъ, что устраняется отъ соприсяжничества, наслѣдства и всякихъ другихъ отношеній къ родичамъ.

2. Такъ что, если послѣ того кто-либо изъ его родичей будетъ убитъ или умретъ, онъ не участвуетъ ни въ вергельдѣ, ни въ наслѣдствѣ. Оставшееся послѣ него самого наслѣдство переходитъ въ королевскую казну.

Lex Saxon. VI. 1. Тотъ, кто женится, обязанъ уплатить 300 солидовъ родителямъ невѣсты [1]).

2. Если женится безъ воли родителей невѣсты, но съ ея согласія, пусть уплатитъ ея родителямъ 600 солидовъ.

3. Если же не было согласія ни родителей невѣсты, ни ея самой, т. е. если она похищена насильно, похитившій обязанъ упла-

---

[1]) Вѣно.

тить родителямъ ея 300 солидовъ, дѣвицѣ самой 240 солидовъ и кромѣ того возвратить ее родителямъ.

Lex Sal. LIX. 1. Если кто умретъ, не оставивъ дѣтей, то, если осталась его мать, она получаетъ наслѣдство.

2. Если нѣтъ матери, но остались братъ и сестра, они получаютъ наслѣдство.

3. Если и этихъ не осталось,наслѣдство получаетъ сестра матери. Если же нѣтъ сестры матери, то сестра отца.

4. Затѣмъ вступаютъ въ наслѣдство болѣе отдаленные родственники въ порядкѣ ихъ близости.

5. Земля же никоимъ образомъ не переходитъ по наслѣдству къ женщинѣ, но должна переходить къ мужескому полу [1]).

L. Angliorum VI. 1. Наслѣдство послѣ умершаго получаетъ сынъ, а не дочь. Если умершій не имѣлъ сына, то къ дочери переходятъ деньги и рабы, земля же къ ближайшему родственнику по отцу умершаго.

2. Къ кому перешла по наслѣдству земля, къ тому же должно перейти и военное одѣяніе, т. е. панцырь, и обязанность мстить за ближайшаго родственника, и участіе въ платежѣ вергельда.

3. Родственники по отцу наслѣдуютъ землю до пятой степени родства. Если же таковыхъ нѣтъ, то дочь получаетъ наслѣдство вполнѣ (т. е. и землю), и только въ такомъ случаѣ наслѣдованіе земли переходитъ отъ копья къ прялкѣ.

Lex Ripuar. LX. Кто, пріобрѣтая отъ другого имѣніе, или виноградникъ, или другое какое-нибудь владѣніе, не можетъ получить письменнаго документа, пусть отправится въ назначенное для передачи уплаты мѣсто съ 6-ю свидѣтелями, если пріобрѣтаемое владѣніе средняго размѣра, если оно незначительно, то съ тремя, если же большихъ размѣровъ—съ двѣнадцатью и съ такимъ же числомъ мальчиковъ. Въ присутствіи ихъ производитъ уплату и получаетъ владѣніе. Каждому изъ мальчиковъ пусть надаетъ пощечинъ и надеретъ уши, чтобы впослѣдствіи они были ему свидѣтелями. **Имущество.**

Lex Alamannor. LXXXIV. Въ случаѣ спора между двумя родовыми союзами о границахъ ихъ земель, когда представитель одного скажетъ: „здѣсь наша граница“, а представитель другого, зайдя на другое мѣсто, скажетъ: „здѣсь наша граница“, графъ того округа,

[1]) Это и есть знаменитый „Салическій законъ“, на который нерѣдко ссылались при рѣшеніи вопросовъ о престолонаслѣдіи въ западно-европейскихъ государствахъ.

явившись на спорное мѣсто, пусть поставитъ знаки на границахъ, указанные какъ тѣмъ, такъ и другимъ. И пусть представители обойдутъ спорный участокъ земли. И послѣ того, какъ онъ будетъ обойденъ, пусть выйдутъ на середину (спорнаго мѣста) и въ присутствіи графа поднимутъ кусокъ земли, что алеманны называютъ turffodi, и воткнутъ вѣтви съ растущихъ тамъ деревьевъ въ эту землю. Сами тяжущіеся союзы, поднявъ этой земли въ присутствіи графа, пусть вручатъ ее ему. Онъ же долженъ положить ее въ священное вмѣстилище, запечатать печатью и отдать въ вѣрныя руки для храненія, впредь до назначеннаго срока. Затѣмъ пусть условятся между собою о срокѣ судебнаго поединка двухъ представителей. Когда эти послѣдніе изготовятся къ битвѣ, пусть положатъ въ серединѣ эту землю и коснутся ея своими мечами, которыми должны биться, и призовутъ Бога Творца, чтобы на чьей сторонѣ право, на той была и побѣда. Потомъ сразятся. Кто изъ нихъ побѣдитъ, выигрываетъ тяжбу. Противная же сторона, заявлявшая притязанія, пусть уплатитъ 12 солидовъ, такъ какъ оспаривала законную собственность [1]).

Отпускъ на волю. L. Ripuar. LVIII. Повелѣваемъ, чтобы всякій рипуарскій франкъ, желающій по римскому обряду отпустить на волю своего раба, для спасенія ли души [2]) или за выкупъ, въ церкви предъ пресвитерами, діаконами, при всемъ клирѣ и народѣ, передавалъ отпускаемаго въ руки епископа съ листомъ пергамента. И епископъ долженъ приказать архидіакону написать ему грамоту по римскому закону, который дѣйствуетъ въ церкви [3]). И тогда самъ отпущенный и все его потомство пребываютъ вольными и состоятъ подъ покровительствомъ церкви. И пусть такіе вольноотпущенники отдаютъ своей церкви всѣ повинности и трудъ, которыми обязано

---

[1]) Законъ относится къ тому времени, когда еще не было частной земельной собственности. Землею владѣли роды, а не отдѣльныя лица.

[2]) Обыкновенный мотивъ отпуска на волю въ средніе вѣка.

[3]) Одинъ изъ обрядовъ отпуска рабовъ на волю (римскій); вольноотпущенный (tabularius), по Рипуарскому закону, не становится сразу свободнымъ (ingenuus). Человѣкъ слабый, безъ рода и собственнаго имущества, онъ долженъ поступить подъ покровительство и защиту или церкви, о чемъ и говорится въ приведенномъ выше законѣ, или короля, или прежняго своего господина. Покровительство сильнаго человѣка или сильнаго учрежденія и служило охраной въ тѣ грубыя времена при полномъ отсутствіи того, что мы теперь называемъ полиціей. Въ пользу покровителя вольноотпущенники обязаны нести опредѣленныя повинности; ему же принадлежитъ и право суда надъ ними.

это сословіе. Никто изъ вольноотпущенниковъ да не осмѣлится бросить денарій передъ королемъ [1]). Если же это сдѣлаетъ, пусть уплатитъ 200 солидовъ, и всетаки самъ и потомство его остаются вольноотпущенниками и отдаютъ церкви всѣ повинности. И пусть судятся только церковью, которою освобождены.

Взысканія за политическія преступленія.

Lex Ripuar. LXIX. 1. Кто измѣнитъ королю, пусть уплатитъ свой вергельдъ или будетъ преданъ смерти.

L. Alam. XCIII. Кто въ войскѣ во время битвы оставитъ своего соратника сражаться и убѣжитъ, а этотъ послѣдній будетъ продолжать обороняться, пусть убѣжавшій по возвращеніи войска изъ битвы уплатитъ 160 солидовъ своему соратнику, который не убѣжалъ, но остался и не покидалъ своихъ товарищей [2]).

Преступленія противъ религіи.

Приводимые ниже законы показываютъ, при помощи какихъ жестокихъ мѣръ вводились у варваровъ христіанскіе обычаи: за простое несоблюденіе воскреснаго дня свободный могъ быть наказанъ рабствомъ, а рабъ подвергнуться отсѣченію руки.

L. Bajuvar. VI_2. 1. Если свободный человѣкъ займется въ воскресенье рабскимъ трудомъ, напримѣръ, запряжетъ воловъ и поѣдетъ съ повозкой, теряетъ праваго вола изъ пары.

2. Если станетъ въ воскресенье ставить тынъ, косить или собирать сѣно, жать или собирать жатву, или заниматься инымъ рабскимъ трудомъ, слѣдуетъ предостеречь его до двухъ разъ. Если послѣ того не исправится, пусть спина его подвергнется 50 ударамъ. Если послѣ этого онъ осмѣлится еще работать въ воскресенье, то конфискуется третья часть его имущества. Но если и тогда не перестанетъ, пусть теряетъ свою свободу и будетъ рабомъ, такъ какъ не хотѣлъ въ святой день быть свободнымъ.

3. Рабъ за такое преступленіе подвергается тѣлесному наказанію. Въ случаѣ, если не исправится, теряетъ правую руку, такъ какъ слѣдуетъ воспрещать такое дѣло, которое вызываетъ гнѣвъ Божій и за которое мы наказуемся отъ него неурожаемъ въ плодахъ и терпимъ скудость.

4. Слѣдуетъ наблюдать, чтобы даже находящійся въ воскресенье въ пути съ повозкою или на суднѣ остановился до понедѣльника.

---

[1]) Второй обрядъ, посредствомъ котораго рабъ дѣлался вольноотпущенникомъ, а вольноотпущенникъ переходилъ въ разрядъ свободныхъ (ingenui). Эта статья направлена противъ своевольнаго совершенія обряда самимъ вольноотпущенникомъ.

[2]) Даже политическое по нашимъ понятіямъ преступленіе влечетъ за собою у алеманновъ только частное вознагражденіе.

5. А если такой не захочетъ соблюдать повелѣнія Господа, такъ какъ Господь сказалъ: „Не дѣлай никакого рабскаго труда въ святый день, ни рабъ твой, ни рабыня твоя, ни волъ твой, ни оселъ, никто изъ подвластныхъ тебѣ"... И кто въ пути или гдѣ бы то ни было не захочетъ соблюдать этого, пусть уплатитъ 12 солидовъ. Если же сдѣлаетъ это болѣе одного раза, подлежитъ указанному выше наказанію.

L. *Saxon*. *II*. 10. Кто устроитъ засаду человѣку, идущему въ церковь или изъ церкви въ воскресенье, въ праздникъ Пасхи, Пятидесятницы, Рождества Христова, св. Маріи, св. Іоанна Крестителя, св. Петра и св. Мартина, и убьетъ его—подвергается смертной казни. Если же только устроитъ засаду, но не убьетъ, пусть уплатитъ государственный штрафъ за остальныхъ сообщниковъ.

Право убѣжища. Если преступленія, гдѣ задѣты были интересы церкви, карались строже, то съ другой стороны церковь смягчала иногда взысканіе за другіе проступки.

L. Alamannor. III. 1. Если свободный или рабъ, спасаясь отъ чьего-нибудь преслѣдованія, вбѣжитъ въ церковныя двери, никто да не дерзнетъ силою вытащить его изъ церкви или убить внутри церкви. Но оказывая изъ страха Божія уваженіе къ церкви, пусть преслѣдующій обратится къ пресвитеру, пусть попроситъ выдачи виновнаго и дастъ надлежащее удостовѣреніе въ томъ, что проститъ рабу своему вину его. И тогда пресвитеръ съ миромъ возвратитъ раба господину его.

Полицейскія постановленія. L. Bajuvarior. IX. 13. Кто противозаконно загородитъ общественную дорогу, по которой проѣзжаетъ король или герцогъ, или чью-нибудь подобную дорогу, пусть уплатитъ 12 солидовъ и уничтожитъ загородку. Если желаетъ оправдаться, пусть поклянется съ двѣнадцатью соприсяжниками.

14. Кто противозаконно загородитъ кому-нибудь дорогу, по которой производится сообщеніе съ сосѣдомъ, или ту, по которой гоняютъ стадо, пусть уплатитъ 6 солидовъ и откроетъ ее или пусть поклянется съ 6 соприсяжниками.

15. Кто загородитъ тропинку, ведущую къ сосѣду, пусть уплатитъ 3 солида или поклянется съ 1 соприсяжникомъ.

16. 1. Кто загрязнитъ или осквернитъ какой-нибудь нечистотой источникъ, пусть прежде очиститъ его, чтобы не осталось никакого слѣда загрязненія, и пусть уплатитъ 6 солидовъ или поклянется съ 6 соприсяжниками.

2. Если колодцемъ пользуются нѣсколько сосѣдей, пусть сами между собою взыскиваютъ штрафъ съ виновнаго.

3. Виновный же обязанъ возстановить колодецъ въ прежнемъ состояніи.

L. Bajuvar. XVIII. 6. 1. Если кто найдетъ мертваго раба или свободнаго и изъ чувства человѣчности похоронитъ его, чтобы ему не быть осквернену свиньями или растерзану дикими звѣрями или собаками, пусть, когда это станетъ извѣстнымъ, родственники умершаго или, если это былъ рабъ, господинъ его уплатятъ похоронившему 1 солидъ, если тотъ пожелаетъ взыскивать. Въ противномъ же случаѣ пусть приметъ награду отъ Господа, такъ какъ написано: „Мертвыхъ погребайте“.

Цѣнность денегъ.

L. Saxonum XIX. 1. Солидъ бываетъ двухъ родовъ: одинъ заключаетъ въ себѣ двѣ трети, и это есть цѣна годовалаго, т. е. двѣнадцатимѣсячнаго быка, или овцы съ ягненкомъ.

2. Другой заключаетъ въ себѣ три трети, и это есть цѣна шестнадцатимѣсячнаго быка.

3. Бóльшимъ солидомъ уплачиваются всякаго рода вознагражденія, кромѣ вергельдовъ, которые уплачиваются меньшимъ [1]).

М. Богословскій.

---

[1]) Монета едва ли была въ большомъ ходу. Сравненіе денежной единицы со скотомъ показываетъ, что этотъ послѣдній замѣнялъ еще иногда монету.

IX.

Имперія VI вѣка и Юстиніанъ.

Историческое назначеніе Римской имперіи.

Въ необыкновенной судьбѣ Римскаго государства древніе видѣли объясненіе всемірной исторіи и откровеніе божественнаго Промысла. „Италія“, писалъ при Веспасіанѣ Плиній Старшій, „избрана божествомъ, чтобы собрать разрозненныя власти, смягчить нравы и соединить общеніемъ единаго языка разногласящія и дикія нарѣчія столькихъ народовъ, чтобы даровать людямъ обмѣнъ мыслей и человѣчность, однимъ словомъ, — чтобы у всѣхъ племенъ міра было одно отечество“ [1]). Для христіанина завоеваніе міра Римомъ имѣло еще болѣе глубокій смыслъ. „Іисусъ родился въ царствованіе Августа, который своей единой монархіей подавилъ многихъ царей земли, потому что многочисленность царствъ была бы препятствіемъ для распространенія ученія Іисуса по всему міру“ [2]). Августъ однако былъ язычникъ, его преемники — гонители христіанства, и долгое время Римская имперія служила Евангелію безсознательно и помимо своей воли. Пониманіе всемірной исторіи сдѣлало новый шагъ впе-

---

Источники: *Procopius*, Historiae, de aedificiis; Anecdota; *Agathias*, Chronicon; *Theophanes*, Chronicon; *Novellae Constitutiones*. **Пособія**: *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung; *Mommsen*, Römische Geschichte, B. V; *Gasquet*, L'empire grec et les barbares, Clermont-Ferrand, 1887; статьи *Брайса* въ *Encyclopaedia Britannica*, въ *Dictionary of Christian Biography* и въ English Historical Review за 1889 г.; *Ranke*, Weltgeschichte, IV; *Bury*, History of the later Roman empire: *Hodgkin*, Italy and her invaders, т. 3 и 4; *Harnack*, Dogmengeschichte; *Hefele*, Conciliengeschichte, III; *Zachariae von Lingenthal*, Innere Geschichte des griechisch-römischen Rechts.

1) Hist. Nat. III, 39.

2) Origenes contra Celsum, II, 30.

редъ, когда Константинъ Великій призналъ христіанство государственной религіей. „Въ древности“, говоритъ Евсевій Кесарійскій, „міръ былъ раздѣленъ сообразно странамъ и народамъ на множество государствъ, тираній, княжествъ. Отсюда постоянныя войны и связанныя съ ними опустошенія и разбои. Причина раздѣленія заключалась въ различіи между богами, которымъ поклонялись люди. Нынѣ, когда крестъ, орудіе спасенія и знаменіе побѣды, явился на землѣ и возсталъ противъ демоновъ, — дѣло демоновъ, т. е. ложныхъ боговъ, исчезло, какъ дымъ; государства, княжества, тираніи, республики отжили свое время. Единый Богъ возвѣщенъ всѣмъ людямъ; единая имперія существуетъ, чтобы обнять и сдерживать всѣхъ людей—Римская имперія. Такъ въ одно и то же время, по произволенію неба, возросли два зерна, поднялись надъ землей и покрыли міръ своею тѣнью — Римская имперія и христіанская вѣра. Онѣ предназначены объединить вѣчнымъ согласіемъ весь человѣческій родъ. Греки, варвары, народы, живущіе на окраинахъ неизвѣстныхъ береговъ, уже услышали голосъ истины. На этомъ побѣды не остановятся. Истина распространитъ свою власть до границъ земли, и ея дѣло совершится быстро и легко. Въ мірѣ будетъ одинъ народъ, и люди составятъ единую семью подъ скипетромъ общаго отца“ [1]).

Были минуты во время варварскихъ нашествій V вѣка, когда вѣра въ предустановленный союзъ имперіи съ церковью колебалась. Блаженный Августинъ былъ современникомъ разграбленія Рима Аларихомъ, видѣлъ вандаловъ въ Африкѣ: имперія представлялась ему не какъ спутникъ христіанской церкви, а какъ одно изъ великихъ языческихъ царствъ, подготовлявшихъ разбоями и войнами пришествіе государства Божія: она должна была погибнуть, потому что „кто извлекъ мечъ, погибнетъ отъ меча“. Это ученіе годилось въ будущемъ для западнаго христіанства, подавленнаго варварами; оно не было умѣстно на востокѣ, гдѣ имперія удержала свое господство и тѣсный союзъ съ церковью. Мало того, даже на западѣ, послѣ великихъ пораженій и набѣговъ, римское и православное населеніе обращалось вновь съ надеждою къ имперіи, ожидая избавленія отъ варваровъ и аріанъ. Въ концѣ V вѣка переселеніе народовъ пріостановилось; имперія видимо оправлялась, и императорамъ предстояло позаботиться о возстановленіи власти, порядка и православія въ своихъ земляхъ. Положеніе этихъ земель было очень различно.

---

[1]) Euseb., De laudibus Constantini, cap. 16.

Области имперіи. Египетъ и Азія.

Подъ непосредственною властью имперіи остались восемь изъ четырнадцати діоцезъ, на которыя раздѣлилъ имперію Діоклетіанъ: Египетъ, Востокъ, Азія, Понтъ, Ахея (Греція), Македонія, Ѳракія и Дакія. Въ шести діоцезахъ (Иллирія, Италія, Африка, Испанія, Галлія, Британія) хозяйничали варвары, хотя и въ нихъ обыкновенно поддерживалась въ той или другой формѣ нѣкоторая связь съ имперіей.

Изъ всѣхъ областей имперіи наименѣе страдалъ отъ враговъ *Египетъ*. Съ Абиссиніей римляне издавна поддерживали хорошія отношенія, а нападенія нубійскихъ племенъ только слегка безпокоили южную границу. За то приходилось считаться съ особенностями египетскаго населенія. Низшіе классы происходили отъ коренныхъ обитателей страны, и коптское, т. е. египетское нарѣчіе упорно держалось среди нихъ. Высшія сословія приняли греческій языкъ и культуру и смѣшались съ греками, но во многомъ сохранили древне-египетскіе обычаи и воззрѣнія. Центромъ греко-египетской культуры была Александрія, главный портъ римскаго міра, полумилліонное населеніе котораго отличалось своей неугомонной дѣятельностью, строптивымъ характеромъ и кровавыми ссорами. Само христіанство, когда оно, наконецъ, осилило культъ Сераписа и другихъ греко-египетскихъ боговъ, приняло въ Египтѣ своеобразный оттѣнокъ. Нигдѣ не была такъ сильна религіозная ревность. Она увлекала людей къ созерцательному отшельничеству; начиная съ III вѣка, множество подвижниковъ стало уходить въ пустыню, и монашество сдѣлалось самымъ вліятельнымъ элементомъ въ народѣ. Съ другой стороны, блестящій расцвѣтъ греческой философіи въ Александріи отозвался на особенномъ развитіи богословскихъ интересовъ и богословскаго мышленія: Оригенъ, св. Аѳанасій и Кириллъ Александрійскіе направляли церковь въ критическіе моменты ея существованія, и ихъ дѣятельность вызывала горячее сочувствіе въ массѣ народа, а не только среди избранныхъ.

Такъ называемый „*Востокъ*“ обнималъ провинціи Сирію, Палестину, Финикію, южный берегъ Малой Азіи (Киликію и Исаврію), Аравію и Месопотамію. Важнѣйшую часть діоцезы составляли провинціи сирійскаго побережья. Во многомъ онѣ напоминали Египетъ. Масса народа продолжала говорить на арамейскомъ и финикійскомъ нарѣчіяхъ и сохраняла слѣды древней азіатской образованности. Обращеніе въ христіанство усилило значеніе низшихъ классовъ, и его проповѣдники заботились о переводѣ на сирійскій языкъ Священнаго Писанія и душеспасительныхъ сочиненій. Верхніе слои

общества состояли изъ грековъ или изъ эллинизированныхъ сирійцевъ. Греческій языкъ, греческая литература и философія широко распространились при Селевкидахъ и римлянахъ, хотя даже тѣ, кто говорилъ по-гречески, сохранили многія восточныя воззрѣнія и привычки. Въ матеріальномъ отношеніи культура Сиріи стояла чрезвычайно высоко: мѣстности, которыя въ настоящее время запустѣли, были прекрасно обработаны въ римское время; сирійскія фабрики посылали льняныя и шелковыя ткани и стеклянный товаръ по всему міру. Черезъ Сирію лежалъ важный торговый путь къ Евфрату; сирійскіе купцы не ограничивались торговлей на мѣстѣ, а занимались торговыми операціями даже на далекомъ западѣ. Столица Сиріи Антіохія была по числу жителей и важности третьимъ городомъ въ имперіи; своимъ значеніемъ она была обязана не только промышленнымъ и торговымъ условіямъ, но въ особенности заботамъ правительства. Населеніе отличалось роскошью и распущенностью, и къ имени города часто прибавляли, что онъ находится близъ Дафне, т. е. близъ великолѣпнаго парка со всевозможными увеселительными заведеніями. Беритъ (Бейрутъ) былъ знаменитъ своей школой римскаго права и потому сдѣлался главнымъ центромъ романизаціи для восточныхъ провинцій.

Къ востоку и югу сирійскія области прикрывались Аравіей и Месопотаміей, названія которыхъ не должны вводить въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ. На Аравійскомъ полуостровѣ имперія владѣла лишь сѣверо-западнымъ угломъ съ главнымъ городомъ Петрой, и безпокойныя племена арабовъ постоянно дѣлали набѣги на сирійскія области и на караванный путь изъ Дамаска къ Евфрату. А такъ называемая Месопотамія была расположена по верхнему теченію Евфрата и Тигра [1]). Еще въ 363 году римляне уступили персамъ область древнихъ вавилонянъ. Столица Сассанидовъ была въ Ктесифонтѣ (противъ Селевкіи) на Тигрѣ, и отсюда грозила восточнымъ провинціямъ великая опасность. Персидская держава была единственнымъ культурнымъ государствомъ, которое не только осталось независимымъ отъ Рима, но вело съ нимъ многовѣковую борьбу на равныхъ условіяхъ. Пѣхота легіоновъ считала легкую конницу парѳянъ и персовъ самымъ страшнымъ изъ своихъ враговъ. Арсакиды, а затѣмъ Сассаниды нанесли памятныя пораженія Крассу, Валеріану и многимъ другимъ римскимъ полководцамъ, а усилія Траяна, Северовъ, Діоклетіана

[1]) Главные города—Эдесса и Амида.

лишь отодвигали на время границу отъ Евфрата къ Тигру, но не подорвали главныхъ устоевъ Персидской монархіи. Стремленіе римлянъ къ всемірному господству встрѣчалось съ непреодолимой организованной силой, которая, опираясь на преданія Ахеменидовъ, также выставляла притязанія на всемірное владычество. Послѣ побѣдъ Діоклетіана персидскій посолъ считалъ возможнымъ сказать побѣдителю, что Римъ и Персія для міра, какъ два глаза для лица.

Переходъ къ Малой Азіи составляли дикія мѣстности вдоль Тавра—Киликія и Исаврія. Населявшіе ихъ воинственные горцы поставляли имперіи прекрасныхъ солдатъ. „Азіатская“ діоцеза обнимала острова Архипелага, западный и юго-западный берега Мало-азіатскаго полуострова. Эллинистическая культура въ нѣсколько пріемовъ захватила эту полосу: за расцвѣтомъ мало-азіатскихъ колоній по западному берегу послѣдовала эллинизація внутреннихъ частей полуострова при Селевкидахъ и пергамскихъ царяхъ. Римляне, съ своей стороны, всячески покровительствовали распространенію греческаго вліянія и городского строя. Смирна, Эфесъ, Кизикъ, Сарды и др. представляли центры оживленной промышленной [1]) и духовной дѣятельности. Острова сильно пострадали отъ упадка торговли въ Средиземномъ морѣ.

Бо́льшая часть Мало-азіатскаго полуострова входила въ составъ „*Понтійской*“ діоцезы—она занимала сѣверный берегъ вдоль Чернаго моря и восточныя области внутри полуострова. Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ болѣе дикой становилась мѣстность, тѣмъ поверхностнѣе была окраска эллинизаціи, положенная на туземцевъ. Въ Виѳиніи, близъ Мраморнаго моря, мы находимъ еще такія цвѣтущія греческія поселенія, какъ Никея и Никомидія, которыя достигли высшаго развитія въ IV и V вѣка. Далѣе лежитъ Галатія, область кельтовъ, проникшихъ въ Малую Азію; Каппадокія, жители которой были извѣстны своимъ плохимъ греческимъ выговоромъ, наконецъ, Арменія. Послѣдняя обнимала только западную часть Армянскаго плоскогорья и не заходила за Евфратъ. Въ Великой Арменіи, къ востоку отъ рѣки господствовали въ началѣ VI вѣка персы. Послѣ многихъ попытокъ овладѣть ею императоры принуждены были уступить ее Сассанидамъ. Римская Арменія и Каппадокія были постоянно на военномъ положеніи, и главный черноморскій портъ Трапезунтъ служилъ въ то же время укрѣпленнымъ лагеремъ для арміи, дѣйствовавшей противъ персовъ.

---

[1]) Особенно знамениты были малоазіатскія сукна и металлическія издѣлія.

Ахея (Грецiя) находилась въ полномъ упадкѣ. Уже во время Цицерона путешественникъ, проѣзжавшiй мимо Аѳинъ, Коринѳа, Эгины, отмѣчалъ ихъ разоренiе и съ грустью вспоминалъ о прежнемъ величiи. Само греческое племя какъ бы истощилось. Оно распространилось по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, создало эллинистическую культуру востока, воспитало въ эллинскомъ духѣ рядъ народностей. За то родина грековъ опустѣла, населенiе Грецiи вымирало, и Плутархъ могъ сказать въ эпоху Антониновъ, что вся Грецiя не въ состоянiи выставить 3000 гоплитовъ, тогда какъ какъ при Платеѣ маленькая Мегара одна выставила это число тяжеловооруженныхъ воиновъ. Древняя слава нѣсколько поддерживалась въ Аѳинахъ. Хотя многiя произведенiя искусства были увезены оттуда для украшенiя Рима, Константинополя и другихъ городовъ, но Аѳины всетаки были священнымъ городомъ для образованныхъ людей, и аѳинская академiя все еще славилась своимъ философскимъ и риторическимъ преподаванiемъ. Она оставалась центромъ языческой культуры, и для православныхъ слово „эллинъ" было равносильно слову „язычникъ". Нужны были новые люди и новыя силы. Вторженiя готовъ, гунновъ и славянъ въ III, IV и V вѣкахъ сопровождались кровопролитiемъ и грабежомъ, но иногда часть варварскихъ отрядовъ осѣдала въ пройденныхъ мѣстностяхъ, еще чаще имперское правительство селило въ нихъ плѣнныхъ, и такимъ путемъ начиналась вторичная колонизацiя Грецiи. **Балканскiй полуостровъ.**

Македонiя еще болѣе подвергалась опустошенiямъ отъ набѣговъ и также принимала варварскихъ поселенцевъ, но ея туземное населенiе было грубѣе и выносливѣе коренныхъ грековъ, и провинцiя не только не потеряла въ императорскую эпоху, но прiобрѣтала все большее значенiе по мѣрѣ того, какъ правительство стало сосредоточивать силы на сѣверо-востокѣ. Особенно возвысились Салоники, которыя сдѣлались въ это время однимъ изъ самыхъ важныхъ торговыхъ и правительственныхъ центровъ имперiи.

Къ сѣверу отъ Македонiи до Балканъ лежала *Ѳракiя*. Ея воинственное населенiе долго противилось эллинизацiи, и греческiе города вдоль морского берега оставались изолированными. Только Римская имперiя достигла лучшихъ результатовъ. Филиппополь, Сердика (Софiя) и Адрiанополь были ей обязаны своимъ процвѣтанiемъ. Усиленная дѣятельность поздней имперiи во Ѳракiи объяснялась болѣе военными, чѣмъ торговыми соображенiями. По отношенiю къ новой столицѣ, Константинополю, Ѳракiя представляла какъ бы обширный укрѣпленный лагерь. Положенiе столицы, осно-

ванной Константиномъ Великимъ у Босфора, было выгодно во многихъ отношеніяхъ: она лежала на серединѣ между европейскими и азіатскими владѣніями имперіи и вблизи отъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ, изъ которыхъ набирались хорошія войска. Въ то же время столицу легко было защищать отъ варваровъ, такъ какъ съ двухъ сторонъ ее омывали воды Босфора и Золотого Рога, а третью сторону можно было сильно укрѣпить.

Къ западу и сѣверу отъ Ѳракіи до Дуная простиралась *Дакія*. При Авреліанѣ римскіе гарнизоны были отведены на правый берегъ рѣки, и событія IV и V вѣковъ не давали повода возвратиться въ этихъ мѣстностяхъ къ наступательной политикѣ Траяна. Послѣ скиѳовъ, готовъ и гунновъ на нижнемъ Дунаѣ появились славяне (анты) и болгары, и нападенія ихъ были тѣмъ болѣе страшны, что эти племена не развлекались набѣгами на западныя области подобно гуннамъ и германцамъ, а послѣдовательно стремились прорваться на Балканскій полуостровъ. Значительную поддержку при оборонѣ сѣверной границы оказывало имперскимъ войскамъ придунайское населеніе, которое, въ противоположность остальнымъ племенамъ Восточной имперіи, придерживалось главнымъ образомъ латинской, а не греческой образованности. Это уклоненіе объяснялось тѣмъ, что въ блестящую эпоху имперіи, при Траянѣ, Маркѣ Авреліи и Северахъ, вдоль всего Дуная были выставлены большія массы римскихъ войскъ и вся колонизація получила военный характеръ, а въ лагеряхъ и военныхъ поселеніяхъ господствовалъ латинскій языкъ.

Территорія имперіи заканчивалась къ сѣверо-востоку такъ называемой „Скиѳской“ провинціей (Добруджа). Что касается до береговъ Чернаго моря, то римляне, подобно грекамъ, пытались овладѣть ими и до IV вѣка поддерживали колоніи въ Новороссіи (Ольвія, Тира), въ Крыму (Херсонесъ, Пантикапея, Ѳеодосія) и на Кавказѣ (Діоскурій—близъ Сухума). Главнымъ ихъ опорнымъ пунктомъ было зависимое Босфорское царство въ Крыму, властители котораго происходили отъ Митридата и гордились преданіями Ахеменидовъ, но приняли греческую образованность и вѣрно служили Риму. Гуннское нашествіе уничтожило римское вліяніе въ этихъ мѣстностяхъ, въ Крыму засѣло одно изъ готскихъ племенъ, Пантикапея была разрушена. Эллинизированное населеніе однако сохранилось вдоль береговъ, и главнымъ центромъ его былъ Херсонесъ.

Совершенно разстроена была переселеніемъ народовъ сѣверозападная часть Балканскаго полуострова, такъ называемая *За-*

падная Иллирія. Иллирійское племя сыграло весьма важную роль въ исторіи имперіи [1]). Это крѣпкая южная раса, черноволосая и черноглазая—трезвые, умѣренные, безстрашные и гордые люди, прекрасные воины, мало способные къ гражданской дѣятельности, болѣе пастухи, чѣмъ земледѣльцы. Насколько иллирійцы подчинились образованности, они приняли латинскую культуру, но имъ пришлось оказать существенныя услуги какъ разъ восточнымъ, эллинизированнымъ областямъ имперіи. Приливъ иллирійцевъ въ легіоны далъ имперіи возможность оправиться послѣ нашествій и усобицъ III в., и изъ Иллиріи вышелъ рядъ энергическихъ императоровъ—Клавдій, Авреліанъ, Діоклетіанъ.

Потеря этихъ провинцій была чувствительнымъ ударомъ для всего Балканскаго полуострова, а именно здѣсь расположились на нѣкоторое время вестготы при Аларихѣ, а въ концѣ V вѣка остготы. Отсюда они производили набѣги на Ѳракію и Македонію, хотя ихъ отряды считались союзными войсками имперіи и получали жалованье, а вожди носили титулы римскихъ военачальниковъ. Императоръ Зенонъ не нашелъ другого средства избавиться отъ этихъ неудобныхъ союзниковъ, какъ пригласить ихъ въ Италію, гдѣ руги и герулы Одоакра свергли западнаго императора Ромула Августула. Иллирія осталась однако подъ властью готовъ даже послѣ того, какъ большая часть племени передвинулась въ Италію. *Паннонія*, теперешняя Австрія, еще раньше Иллиріи подпала власти варваровъ. При Маркѣ Авреліи, Северахъ и Діоклетіанѣ имперія сдѣлала великія усилія, чтобы овладѣть въ военномъ отношеніи этой областью. Лагери легіоновъ въ Carnuntum (теперь Petronell), Вѣнѣ, Офенѣ, Сирміумѣ (теперь Митровица) распространили нѣкоторую романизацію, но римская культура не проникла глубоко. Въ V вѣкѣ Паннонія была завоевана гуннами, послѣ смерти Аттилы и распаденія гуннскаго царства ею овладѣли остготы, а послѣ ухода остготовъ въ Италію появились гепиды, лангобарды и славяне. Степная мѣстность къ востоку отъ Дуная до Карпатъ благопріятствовала кочевникамъ.

Западъ.

Италія, подобно Греціи, стала приходить въ упадокъ раньше, чѣмъ подверглась завоеваніямъ германцевъ. Побѣды Рима привели къ тому, что значительная часть италіанскаго населенія перешла въ провинціи. Населеніе было всетаки многочисленнѣе, чѣмъ въ

[1]) Прямыми потомками иллирійцевъ являются въ настоящее время албанцы.

коренной Греціи, и даже опустошительныя нападенія варваровъ въ V вѣкѣ не въ состояніи были сокрушить его жизненность. Одоакръ свергъ западнаго императора, но не рѣшился присвоить себѣ его власть и отослалъ императорскія регаліи въ Константинополь. Теодорихъ Остготскій явился въ Италію съ полномочіемъ отъ императора Зенона и съ титуломъ патриція. Онъ не только признавалъ номинально верховенство имперіи, чеканилъ монету съ изображеніемъ императоровъ и упоминалъ о нихъ въ своихъ распоряженіяхъ, но вся его политика была направлена къ тому, чтобы поддерживать римскія учрежденія и право. Готамъ была предоставлена треть дохода съ римскихъ имѣній, а затѣмъ треть самыхъ имѣній; какъ военное сословіе, они пользовались различными привилегіями. Но въ остальномъ остготскій король управлялъ италіанской префектурой на римскихъ началахъ. Императоръ иной разъ посылалъ даже рескрипты „своему" сенату въ Римѣ, и хотя это не значило, что его воля имѣетъ обязательную силу въ Италіи, но римское населеніе продолжало смотрѣть на императора, какъ на верховнаго государя, а на остготовъ, какъ на временныхъ узурпаторовъ. Враждебное отношеніе туземцевъ къ варварамъ обострялось различіемъ религіи. Несмотря на терпимость Теодориха, православные не могли примириться съ господствомъ аріанъ. Положеніе римскаго епископа становилось при этихъ условіяхъ особенно значительнымъ. Онъ былъ главнымъ представителемъ какъ православія, такъ и римскихъ преданій на италіанской почвѣ. Императоры постоянно сносились съ нимъ по церковнымъ вопросамъ; участіе западныхъ церквей въ разрѣшеніи догматическихъ споровъ сводилось главнымъ образомъ къ его участію. Въ то же самое время папа сдѣлался политическимъ посредникомъ между италіанскимъ населеніемъ и императоромъ, и Теодорихъ Остготскій при всемъ своемъ могуществѣ не могъ помѣшать этому.

Въ альпійскихъ странахъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ Италіи (Ретія и Noricum—теперь Швейцарія, Тироль и Штирія), смѣшивались различныя народности: какъ это часто бываетъ въ горныхъ мѣстностяхъ, въ сосѣднихъ долинахъ и плоскогоріяхъ помѣщались чуждыя и враждебныя другъ другу племена. Рядомъ держались потомки древнихъ ретовъ, лишь слегка романизованные и говорившіе на нарѣчіи „латинскаго языка", сильно романизованные кельты, проникшіе изъ „десятинныхъ земель" алеманны, мелкія готскія племена—руги, герулы, турцилинги, наконецъ, остготы, стремившіеся удержать господство надъ выходами изъ Италіи.

Занятіе *Испаніи* вестготами, долины Роны бургундами совершилось, какъ и занятіе Италіи, съ формальнаго согласія императоровъ, и варвары какъ бы вступили въ рамки римскаго порядка. Римское право, а отчасти и учрежденія, продолжали дѣйствовать при вестготахъ и бургундскихъ короляхъ. Но отдаленіе отъ Константинополя препятствовало такимъ постояннымъ сношеніямъ, какія установились между италіанцами и имперіей. Германцы обошлись съ провинціалами суровѣе—взяли, напр., двѣ трети земель вмѣсто одной, и ихъ короли не такъ послѣдовательно держались политики, благопріятной для римлянъ. Вражда противъ аріанства и сознаніе культурнаго превосходства постоянно возбуждали туземцевъ противъ варваровъ. Даже франкскій король въ отдаленной сѣверо-западной *Галліи* искалъ римскихъ титуловъ и признанія со стороны императора. Принятіе православнаго исповѣданія избавило его отъ ложнаго положенія, въ которомъ находились короли-аріане, и способствовало успѣхамъ франковъ въ готской Аквитаніи и въ Бургундіи. Практическое вліяніе константинопольскаго правительства въ Галліи, конечно, не могло быть значительнымъ.

Въ двухъ областяхъ прежней Западной имперіи германцы порвали всѣ связи съ имперіей. Англамъ, саксамъ и ютамъ, перебравшимся въ *Британію*, приходилось имѣть дѣло съ слабо романизованными областями, въ которыхъ они добились господства силой, и императоры не могли думать о возстановленіи своей власти въ этой отдаленной странѣ. Вандалы заняли *Африку*, одну изъ самыхъ хлѣбородныхъ и важныхъ областей имперіи. Ихъ короли, начиная съ знаменитаго Гензериха, относились къ римлянамъ съ открытой враждой и не вступали съ ними ни въ какія соглашенія. Характернымъ признакомъ этой полной самостоятельности была чеканка монеты съ надписями вандальскихъ королей. Обращеніе съ провинціалами было произвольное и жестокое, и соотвѣтственно этому провинціалы съ ненавистью смотрѣли на поработителей, которые къ тому же были аріане и преслѣдовали православное духовенство. Имперія была задѣта не только потерею важныхъ провинцій, но также дѣйствіями вандальскаго флота, который вытѣснилъ императорскія эскадры изъ западной части Средиземнаго моря и угрожалъ восточнымъ берегамъ. Вандалы были однако немногочисленны и быстро ослабѣли характеромъ подъ вліяніемъ непривычной роскоши и южной природы. И они, и романизированные провинціалы должны были считаться съ кочевыми маврами, которые каждую минуту готовы были напасть изъ пустыни на прибрежную по-

лосу. По мнѣнію греческихъ наблюдателей, мавры были самымъ выносливымъ, вандалы самымъ изнѣженнымъ народомъ въ мірѣ.

Императорская власть. Забота объ управленіи разнородными частями имперіи лежала прежде всего на императорѣ. Его власть отличалась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ власти современныхъ неограниченныхъ государей: не было неизмѣнной наслѣдственности въ передачѣ императорскаго достоинства. Выдающимся государямъ удавалось обыкновенно установить господство своей династіи на два-три поколѣнія, но какъ только личное значеніе императоровъ ослабѣвало, начинались интриги приближенныхъ, заговоры и возстанія, которые приводили къ возвышенію какого-нибудь энергическаго узурпатора, основывавшаго новую династію. Это постоянное возобновленіе императорской власти снизу соотвѣтствовало древнему римскому взгляду, по которому имперія была магистратурой, переданной народомъ достойнѣйшему. Правильнаго избранія не было, и дѣло рѣшалось дворцовыми партіями, гвардіей, константинопольской чернью. Во всякомъ случаѣ, благодаря частой смѣнѣ династій, представленіе о необходимости личныхъ заслугъ монарха получило перевѣсъ надъ идеей неприкосновенности монархіи, какъ учрежденія; кромѣ того императоры, выслужившіеся изъ гвардейскихъ офицеровъ или гражданскихъ сановниковъ, были значительно связаны въ своихъ дѣйствіяхъ мнѣніями своихъ бывшихъ товарищей. Противовѣсомъ такому порядку служило преклоненіе народа передъ величіемъ императора, которому досталось правленіе надъ христіанскимъ міромъ. Церковь учила, что императоръ является намѣстникомъ Божіимъ на землѣ, что самодержавіе его отъ Божіей милости [1]). Особа императора окружена была торжественнымъ почетомъ; его выходы, трапезы, смотры, праздники сопровождались сложными и великолѣпными обрядами; передъ нимъ по восточному обычаю падали ницъ. Въ глазахъ приближенныхъ и столичнаго населенія торжественная завѣса иногда раздиралась, но для массы населенія въ имперіи самодержавный государь (автократоръ) былъ поставленникомъ Господа, которому вручены высшая сила и высшія обязанности на землѣ.

Государство и національности. Задачи императора были тѣмъ труднѣе, что онъ не стоялъ во главѣ національнаго государства, въ которомъ всѣ граждане составляютъ одинъ народъ, говорятъ на одномъ языкѣ, проникнуты сознаніемъ родства по крови. Въ имперіи собрались разнородныя

---

[1]) Euseb., De laudibus Constantini, IV.

и долго враждовавшія національности, и, какъ мы видѣли, различія между ними далеко не сгладились. Римское завоеваніе распространило надъ всѣми римскую администрацію и право; на западной половинѣ *романизація* пошла глубже, переработала языки и обычаи. На востокѣ она захватила области вдоль Дуная; въ остальныхъ провинціяхъ латинскій языкъ изучался ради римскаго права, и Бейрутъ былъ единственнымъ важнымъ центромъ латинской образованности. Культурное объединеніе на востокѣ было связано съ распространеніемъ *греческаго* языка и литературы. Римляне сами испытали вліяніе и по возможности содѣйствовали эллинизаціи востока. Но было бы ошибкой считать имперію VI вѣка греческой или византійской. Ея учрежденія были римскія, и государи, царствовавшіе въ Византіи, усвоили традиціи римской политики въ той формѣ, какъ она опредѣлилась послѣ признанія христіанства государственной религіей.

Имперія волей-неволей считалась съ варварами. Съ точки зрѣнія императоровъ главное назначеніе ихъ было поставлять войска. Особенно дорожили полудикими племенами, не связанными родствомъ съ персами, германцами и славянами: иллирійцы, ѳракійцы, исавры, армяне были природными защитниками имперіи. Затѣмъ даже изъ германцевъ, славянъ, гунновъ, сарматовъ набирали дружины, которыя вѣрно служили въ походахъ и были незамѣнимы по своей храбрости. Эти наемники сражались большею частью отдѣльными отрядами подъ командою начальниковъ своего племени и сохраняли національныя особенности въ вооруженіи и строѣ. Ихъ начальники иногда достигали высокаго положенія въ имперскихъ войскахъ— между прочимъ, въ VI вѣкѣ было нѣсколько славянскихъ вождей, командовавшихъ большими отрядами: Хильбудъ, Доброгостъ, Всегордъ, Сварунъ. Самъ Велисарій, быть можетъ, былъ славяниномъ. Иногда варварскія племена занимали двусмысленное положеніе— поселялись въ провинціяхъ, получали жалованье, какъ союзники, но дѣйствовали, какъ завоеватели, и подрывали власть императора; таковы были готы, герулы, руги. Имперія смотрѣла на нихъ, какъ на узурпаторовъ, и ставила себѣ цѣлью при первомъ удобномъ случаѣ наказать ихъ и вернуть занятыя ими провинціи въ свою полную власть. Не иначе смотрѣла она и на вандаловъ, франковъ, саксовъ, алеманновъ. Наконецъ, по отношенію къ варварамъ, остававшимся за-границей, по ту сторону Евфрата, Дуная и Рейна, императоры держались оборонительной политики,—заботились объ укрѣпленіи своихъ владѣній, старались поссорить враговъ и при

случаѣ готовы были платить имъ дань, чтобы избавиться отъ нападеній. Эта политика выработалась не въ VI или V вѣкѣ, а гораздо раньше. Впервые пришелъ къ ней Августъ послѣ неудачной попытки продвинуть римскую границу отъ Рейна къ Эльбѣ; слѣдуя ей, Адріанъ отказался отъ пріобрѣтеній Траяна за Евфратомъ, Авреліанъ отвелъ римскія войска съ лѣваго берега Дуная. Выработалось убѣжденіе, что варваровъ нельзя покорить въ ихъ пустыняхъ, какъ нельзя исчерпать моря.

Финансы. Въ внутренней политикѣ на первомъ планѣ стоялъ финансовый вопросъ. Содержаніе арміи и многочисленной бюрократіи стоило дорого, и приходилось до крайности напрягать платежныя силы населенія. Въ основѣ податной системы издавна лежали поземельный и поголовный налоги. При оцѣнкѣ земель принималось въ расчетъ все имущество, связанное съ земельнымъ хозяйствомъ: постройки, орудія, скотъ, рабы и полусвободные арендаторы (колоны). На семьи рабочихъ падалъ поголовный налогъ. Кромѣ того существовали разнообразныя гильдейскія повинности, промышленные сборы и пошлины. Чиновники, завѣдывавшіе администраціей и полиціей, отличались ревностью и искусствомъ, но привыкли круто обращаться съ населеніемъ и часто набивали себѣ карманы при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Императоры не имѣли возможности за всѣмъ усмотрѣть, и злоупотребленія чиновниковъ приводили иногда къ мятежамъ.

Церковь. Наконецъ, великое значеніе въ эту эпоху имѣла церковь. Развитіе ея богословія привлекало пытливые умы, которые въ другое время, вѣроятно, посвятили бы себя философіи или изящной литературѣ. Она служила защитницей низшимъ классамъ и завѣдывала благотворительностью. Положеніе ея было самостоятельное и достойное. Императоры, подобно всѣмъ мірянамъ, принимали горячее участіе въ церковныхъ спорахъ, и ихъ громадное общественное и государственное вліяніе придавало много вѣса той сторонѣ, которую они поддерживали. Но въ церкви всегда было живо сознаніе, что, какъ соборное цѣлое, она вполнѣ свободна, и въ концѣ концовъ трудные догматическіе вопросы разрѣшались не въ угоду придворнымъ кружкамъ. Въ началѣ VI вѣка во всемъ разгарѣ былъ споръ о двоякой природѣ Іисуса Христа. Изъ Александріи распространилось ученіе, которое поглощало человѣческое естество въ Божественномъ, — монофизитская ересь Евтихія. Въ Антіохіи впали въ противоположную крайность: пресвитеръ Несторій, занимавшій одно время престолъ константинопольскаго пат-

ріарха, рѣзко разграничивалъ два Естества и училъ между прочимъ, что отъ Дѣвы Маріи родился Іисусъ лишь какъ человѣкъ, такъ что Ее не слѣдуетъ называть Богоматерью. Въ Римѣ строго держались Халкидонскаго собора, постановившаго, что оба Естества соединены въ Іисусѣ Христѣ „несліянно и нераздѣльно". Въ Константинополѣ духовенство и правительство колебались, хотя народъ былъ въ большинствѣ на сторонѣ халкидонскаго исповѣданія. Сношенія между церквами были самыя оживленныя, и въ этомъ случаѣ всѣ общины христіанскаго міра, державшіяся никео-константинопольскаго Символа, составляли единое цѣлое, независимо отъ того, подчинялись ли онѣ прямо императору, или принуждены были признавать надъ собою власть варварскихъ королей; косвенно эти церковныя сношенія поддерживали сознаніе культурнаго и политическаго родства.

Левъ I и Зенонъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ V вѣка могло казаться, что восточная половина имперіи не менѣе близка къ распаденію, нежели западная. Если на западѣ хозяйничали вестготы, франки, бургунды, то востоку угрожали остготы, гунны, славяне; если въ Равеннѣ императоровъ ставилъ свевъ Рицимеръ, то въ Константинополѣ аланъ Аспаръ сдѣлалъ императоромъ своего приближеннаго, Льва. Но именно при Львѣ I началось возрожденіе: опираясь на исаврскіе отряды, онъ отдѣлался отъ Аспара и смирилъ варваровъ-наемниковъ. Военное могущество имперіи настолько возстановилось, что Левъ I сдѣлалъ смѣлую попытку очистить Африку отъ вандаловъ. Предпріятіе было однако ведено дурно, и имперскій флотъ потерпѣлъ пораженіе. Исавры пріобрѣли такое вліяніе въ Константинополѣ, что преемникомъ Льва (послѣ номинальнаго царствованія ребенка Льва II) сдѣлался исавръ Зенонъ. Все его правленіе (474—491) прошло въ борьбѣ съ родственниками Льва и мятежными полководцами, но двѣ его мѣры имѣютъ общее значеніе. Онъ издалъ постановленіе объ условіяхъ такъ называемой эмфитевтической аренды: земли отдавались въ наемъ на льготномъ правѣ и за незначительные платежи съ тѣмъ, чтобы съемщики произвели на нихъ „насажденіе", т. е. затратили на нихъ капиталъ и улучшили обработку. Первоначально такого рода договоры заключались преимущественно на государственныхъ и городскихъ земляхъ, но затѣмъ эмфитевтическая аренда вошла въ частое употребленіе въ имѣніяхъ частныхъ лицъ, и указъ Зенона былъ главнымъ закономъ для его примѣненія. Упомянутая мѣра заслуживаетъ вниманія, потому что она была вызвана разореніемъ зем-

левладѣльцевъ и упадкомъ обработки, и лучшимъ средствомъ противъ этихъ золъ было предоставленіе всевозможныхъ льготъ земледѣльческому населенію.

Другая мѣра Зенона произвела въ свое время больше шума, чѣмъ законъ объ эмфитевсисѣ, но имѣла нежелательныя послѣдствія. Чтобы прекратить споръ объ отношеніи между двумя природами Христа, Зенонъ подъ вліяніемъ константинопольскаго патріарха Акакія издалъ „объединительный“ указъ (*Ἑνοτικόν*). По существу указъ придерживался средняго ученія, которое было провозглашено на Халкидонскомъ соборѣ, но форма была избрана неудачная: императоръ издалъ постановленіе по догматическому вопросу, не спросивъ церковь; кромѣ того, чтобы угодить еретикамъ, о Халкидонскомъ соборѣ было упомянуто лишь мимоходомъ и въ непочтительныхъ выраженіяхъ. На востокѣ *Ἑνοτικόν* былъ принятъ духовенствомъ, но папа Феликсъ отказался признать его, и римская церковь прекратила общеніе съ восточными патріархатами.

Анастасій. Церковный расколъ былъ тѣмъ болѣе опасенъ, что въ Италіи утвердились остготы и Римъ не находился подъ непосредственной властью императора. Преемникъ Зенона Анастасій дѣлалъ попытки сблизиться съ Римомъ, но папа Геласій настаивалъ на осужденіи Акакія и уничтоженіи *Ἑνοτικόν*. Онъ писалъ императору, что, какъ римлянинъ, почитаетъ римскаго государя, но помимо власти царей въ мірѣ существуетъ власть священниковъ. „Изъ этихъ двухъ властей священническая выше, потому что священники обязаны дать отчетъ о царяхъ въ день суда. Тебѣ извѣстно, милостивый сынъ, что, хотя ты превосходишь достоинствомъ все остальное человѣчество, ты долженъ тѣмъ не менѣе смиренно склонить главу передъ тѣмъ, кто сообщаетъ Божественную благодать въ таинствахъ; въ дѣлахъ церкви ты призванъ не повелѣвать, а повиноваться“. Соглашеніе съ Римомъ было тѣмъ затруднительнѣе, что Анастасій сочувствовалъ и покровительствовалъ монофизитамъ. Еще при Зенонѣ онъ любилъ вступать въ пренія съ богомольцами, приходившими въ соборъ св. Софіи, и объяснять имъ литургію съ точки зрѣнія Евтихія. Сдѣлавшись императоромъ, онъ сталъ назначать епископами приверженцевъ александрійской ереси и въ самомъ Константинополѣ вызвалъ этимъ раздраженіе народа и мятежи. Въ другихъ отношеніяхъ старый императоръ былъ мудрымъ правителемъ. Онъ избѣгалъ войны и, ограничиваясь обороной, обратилъ особенное вниманіе на укрѣпленія. На Евфратѣ онъ построилъ противъ персовъ крѣпость Дару; Константинополь онъ

защитилъ стѣной, которая шла верстахъ въ сорока отъ города, отъ Мраморнаго моря къ Черному. Мирная политика дала возможность поправить финансы, и послѣ смерти Анастасія оказались сбереженія въ 320,000 фунтовъ золота (около 140,000,000 руб.). И достигъ онъ такихъ хорошихъ результатовъ безъ увеличенія податей; напротивъ, онъ уничтожилъ „хрисаргиронъ", тягостный сборъ съ промышленныхъ заведеній. Но всѣ эти заслуги не снискали Анастасію приверженности народа: религіозная борьба отравляла отношенія. Императоръ посадилъ монофизитовъ на патріаршіе престолы въ Константинополѣ и Антіохіи; епископовъ принуждали произносить проклятіе надъ Халкидонскомъ соборомъ. За то въ Константинополѣ народъ бунтовалъ по случаю прибавленія новыхъ словъ къ церковному пѣснопѣнію „Святый Боже"; а въ 514 году честолюбивый полководецъ Виталіанъ воспользовался раздорами и неудовольстіемъ, чтобы выступить противъ Анастасія во главѣ дунайской арміи и примкнувшихъ къ ней варваровъ. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ на сушѣ, но былъ разбитъ на морѣ, и его войско разсѣялось. Но причина волненій этимъ не устранялась, и халкидонская партія продолжала угрожать императору. Во время этихъ замѣшательствъ Анастасій умеръ (518 г.).

Юстинъ. У него были племянники, но гвардія высказалась за своего начальника (comes excubitorum) Юстина, и сенатъ провозгласилъ его императоромъ. Юстинъ былъ уроженецъ Дарданіи, горной области въ теперешней сѣверной Македоніи. Онъ и его братъ были простые пастухи, которые пришли изъ горъ съ котомками за плечами, чтобы поступить въ военную службу. Юстинъ не получилъ никакого образованія и остался варваромъ до самой смерти. Когда ему приходилось подписывать свое имя, то ему подавали дощечку съ вырѣзанными первыми буквами подписи, и онъ водилъ вдоль вырѣзовъ кистью. Поводовъ для его возвышенія было два: во-первыхъ, онъ отличился въ морскомъ сраженіи противъ Виталіана и пріобрѣлъ любовь гвардіи; во-вторыхъ, онъ былъ приверженцемъ халкидонскаго исповѣданія. Въ первое воскресенье по его восшествіи на престолъ толпа народа собралась въ соборъ и встрѣтила патріарха Іоанна криками: „Многая лѣта императору! Многая лѣта патріарху! Анаѳема Северу (патріарху антіохійскому—монофизиту)! Отчего остаемся мы отлученными? Выбросить кости монофизитовъ! Кто не кричитъ—монофизитъ! Епископъ, говори или иди вонъ изъ церкви! Провозгласи халкидонское исповѣданіе! Императоръ—православный: нечего бояться! Многая лѣта новому Константину! Іu-

stine Auguste, tu vincas!“ Чтобы успокоить народъ, патріархъ совершилъ торжественное богослуженіе въ память святыхъ отцовъ Халкидонскаго собора. Затѣмъ начались переговоры о примиреніи съ римской церковью. Папа Гормизда, по примѣру своихъ предшественниковъ, выставилъ значительныя требованія. Онъ настаивалъ не только на отмѣнѣ всѣхъ постановленій, противорѣчившихъ дѣяніямъ Халкидонскаго собора, но также на проклятіи Акакія и послѣдовавшихъ за нимъ константинопольскихъ патріарховъ и на объявленіи императоровъ Зенона и Анастасія еретиками. Ради возстановленія церковнаго единства эти условія были приняты, хотя они были крайне непріятны императору и константинопольскому духовенству. Въ 518 году закончился такимъ образомъ первый расколъ между восточной и западной церквами, продолжавшійся тридцать пять лѣтъ.

Юстиніанъ. Въ переговорахъ съ Римомъ принималъ особенно дѣятельное участіе племянникъ Юстина Юстиніанъ. Онъ былъ при дядѣ какъ бы главнымъ министромъ, въ 527 году былъ провозглашенъ соправителемъ и вскорѣ послѣ этого, за смертью Юстина, сдѣлался полновластнымъ государемъ.

Въ отличіе отъ дяди, Юстиніанъ получилъ хорошее образованіе, хотя говорилъ по-гречески съ акцентомъ. Онъ предпочиталъ латинскій языкъ и особенно дорожилъ преданіями Римской имперіи. Неутомимый работникъ, онъ стремился осуществить идеалъ самодержавнаго государя, непосредственно вмѣшивался во всѣ отрасли управленія и жизни и вездѣ старался сдѣлать что-нибудь памятное и великое. Подобные люди не щадятъ ни себя, ни другихъ, и Юстиніанъ напрягалъ всѣ силы имперіи для выполненія своихъ задачъ, несмотря на тягость податей, на утомленіе подданныхъ. Обозрѣвая государство сверху, цѣня общіе результаты и дѣятельность цѣлаго, императоръ пренебрегалъ злоупотребленіями и недоборами въ подробностяхъ и охотно пользовался дурными людьми, если они казались ему пригодными для его главныхъ цѣлей. Наоборотъ, самые заслуженные и знаменитые люди не могли разсчитывать на милость и снисхожденіе, если властителю казалось, что они опасны: постоянные заговоры, мятежи и перевороты научили императоровъ относиться съ особеннымъ недовѣріемъ къ своимъ ближайшимъ помощникамъ. Не все удавалось Юстиніану,— его привычка заразъ вести по нѣскольку крупныхъ предпріятій вредила каждому изъ этихъ предпріятій въ отдѣльности; но остается только удивляться энергіи и широтѣ замысла, благодаря которымъ

лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ остраго кризиса въ жизни имперіи удалось достигнуть цѣлаго ряда не только блестящихъ, но и долговѣчныхъ результатовъ.

Какъ дѣятельный и самовластный человѣкъ, Юстиніанъ мало подчинялся вліянію окружающихъ и не имѣлъ любимцевъ. Исключеніе составляла для него жена Ѳеодора. Она была дочерью надсмотрщика за звѣрями и уже въ дѣтствѣ участвовала въ пантомимахъ въ циркѣ. Впослѣдствіи, какъ актриса, она пріобрѣла извѣстность своею бойкою веселостью, неприличными выходками и приключеніями. Юстиніанъ влюбился въ нее и женился на ней, когда умерла его мать, которая не допускала мысли о подобномъ бракѣ. Любовь Юстиніана къ этой странной женщинѣ, талантливой и привлекательной, несмотря на пороки, оказалась не легкомысленной вспышкой, а глубокимъ чувствомъ. Открыто признавая вліяніе Ѳеодоры на дѣла, Юстиніанъ вѣнчалъ ее на царство наравнѣ съ собою: она была царствующей императрицей—Theodora Augusta. И бывшая актриса вполнѣ вошла въ эту новую роль, держала въ страхѣ дворъ и сенатъ, какъ будто ея предки издавна носили пурпуръ. Въ личныхъ вопросахъ Юстиніанъ особенно охотно слѣдовалъ ея совѣтамъ; въ общемъ направленіи политики онъ менѣе поддавался ея вліянію, увлекавшему къ крайнимъ мѣрамъ, и императрица часто вела свою особую, подпольную игру наперекоръ политикѣ императора. **Ѳеодора.**

Народъ очень скоро почувствовалъ перемѣну, наступившую послѣ благодушнаго, осторожнаго и бережливаго Анастасія. На всѣхъ границахъ зашевелились войска, въ Константинополѣ закипѣла законодательная дѣятельность, администрація стала усиленно хлопотать о взиманіи податей; возвращеніе къ православію ознаменовалось преслѣдованіемъ язычниковъ и еретиковъ. Битвы въ Азіи и составленіе свода законовъ мало утѣшали населеніе; за то оно было очень недовольно строгостью квестора Трибоніана и вымогательствами преторіанскаго префекта Іоанна Каппадокійскаго. Константинопольское населеніе опять стало волноваться, и руководящую роль въ волненіяхъ, естественно, получила партія, потерпѣвшая пораженіе при воцареніи Юстина, т. е. монофизиты, которымъ въ свое время покровительствовалъ Анастасій. Клубы цирка давали возможность организоваться, подобрать отличительные знаки, устраивать демонстраціи. **Политическія партіи и циркъ.**

Состязанія атлетовъ, гладіаторовъ и колесницъ были всегда любимыми зрѣлищами греческой и римской публики; христіанская

церковь прекратила бои гладіаторовъ, и съ тѣхъ поръ толпа преимущественно увлекалась бѣгомъ колесницъ [1]). Императоры по древнему обычаю считали своей обязанностью устраивать великолѣпныя состязанія для своихъ подданныхъ, въ особенности для населенія столицы, и въ праздничные дни циркъ наполнялся народомъ—въ Константинополѣ число зрителей доходило тысячъ до пятидесяти. Публика страстно слѣдила за состязавшимися упряжками, составляла партіи, которыя держали коней и кучеровъ, и правительство разрѣшило этимъ партіямъ организоваться, выбирать распорядителей (демарховъ), имѣть кассы и взимать взносы съ своихъ членовъ. Такимъ образомъ, состязанія цирка пріобрѣли еще бо́льшее значеніе въ общественной жизни, нежели бои быковъ въ Испаніи и скачки въ Англіи. Но дѣло этимъ не ограничивалось. Массы людей, которыя собирались въ циркѣ, считали, что онѣ представляютъ общественное мнѣніе и народный голосъ, и нерѣдко обращались къ императорамъ съ шумными заявленіями и просьбами. А императоры, хотя они были самодержавны и не признавали никакихъ формальныхъ ограниченій, имѣли обыкновеніе выслушивать заявленія столичной публики, часто принимали ихъ къ свѣдѣнію, а иногда давали объясненія толпѣ. Циркъ становился политическою силою, странной замѣной вѣча или народнаго представительства, а партіи цирка вмѣсто того, чтобы посвящать все вниманіе кучерамъ и лошадямъ, нападали на министровъ, агитировали противъ императоровъ, поддерживали ту или другую богословскую формулу. Такъ, въ началѣ VI вѣка зеленые стояли на сторонѣ императора Анастасія и монофизитской ереси; синіе были недовольны императоромъ и защищали исповѣданіе Халкидонскаго собора. Какой характеръ принимали иногда игры, показываютъ, напр., событія 512 года. Въ Константинополѣ происходили безпорядки по поводу того, что пѣвчіе въ соборѣ пѣли „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, *распятый за насъ*,—помилуй насъ“. Прибавленіе „распятый за насъ“ было сдѣлано монофизитами, которые хотѣли выразить имъ, что распятію подвергся Господь въ своей единой, Божественной природѣ. Населеніе Константинополя въ большинствѣ держалось халкидонскаго постановленія, осуждавшаго монофизитовъ, и потому вооружилось противъ искаженнаго пѣснопѣнія. Въ церквахъ происходили кровавыя стычки; одному

[1]) Были и другія зрѣлища: борьба, танцы, представленія клоуновъ и укротителей звѣрей, бой съ звѣрями.

монаху толпа отрубила голову и носила ее на копьѣ съ криками: „вотъ голова врага св. Троицы!“ На третій день безпорядковъ народъ собрался въ циркѣ, и императоръ Анастасій, восьмидесятилѣтній старикъ, вышелъ къ нему безъ діадемы и пурпурной мантіи. Его встрѣтили криками, что префекта города и преторіанскаго префекта надо бросить на растерзаніе звѣрямъ. Императоръ приказалъ глашатаямъ возвѣстить, что онъ готовъ сложить власть, но такъ какъ всѣмъ нельзя быть государями, то надо позаботиться объ избраніи преемника. Это тронуло толпу, и она разошлась.

Мятежъ „Ника“.

13 января 532 года въ циркѣ произошла слѣдующая сцена, подробности которой были записаны офиціальнымъ стенографомъ (exceptor). Императоръ занялъ мѣсто въ своей ложѣ и приказалъ начать состязанія. Сначала представленіе шло въ порядкѣ, но подъ конецъ зеленые подняли шумъ. Ихъ демархъ обратился къ императору, и вся партія поддерживала его своими криками. Императоръ отвѣчалъ черезъ глашатая (mandator).

Зеленые. „Многая лѣта тебѣ, Юстиніанъ Августъ, *Τοῦ βῖγκας* (tu vincas—побѣда тебѣ)! О, единственно милостивый, меня притѣсняютъ. Богу извѣстно это, но я не смѣю произнести имени притѣснителя, чтобы не пострадать“.

Глашатай. „Я не знаю, о комъ вы говорите“.

Зеленые. „Каллоподій, начальникъ гвардіи, притѣсняетъ меня, государь.

Глашатай. „Каллоподій не занимаетъ никакой правительственной должности“.

Зеленые. „Кто бы онъ ни былъ, его ожидаетъ судьба Іуды. Богъ вознаградитъ его за его дѣла“.

Глашатай. „Чтó вы пришли сюда—смотрѣть игры или поносить правителей?“

Зеленые. „Когда меня кто притѣсняетъ, я надѣюсь, что съ нимъ будетъ то же, что съ Іудой“.

Глашатай. „Молчите, жиды, манихеи!“

Зеленые. „За что звать насъ жидами? Мы поклоняемся Пресвятой Дѣвѣ, Матери Божіей“.

Глашатай. „Если вы не замолчите, я сниму съ васъ головы“.

Зеленые. „Ваше величество напрасно гнѣвается на притѣсненныхъ; Богъ выслушиваетъ всѣ жалобы. Намъ приходится говорить теперь (т. е. здѣсь, въ циркѣ). Мы вѣдь не знаемъ, гдѣ дворецъ и гдѣ найти правительственныя мѣста. Я пріѣхалъ на мулѣ по одной улицѣ, и лучше было бы, если бы я совсѣмъ не пріѣхалъ“.

Глашатай. „Всякій свободенъ ходить по городу, гдѣ хочетъ“.

Зеленые. „Говорятъ, что я свободенъ, но я не могу пользоваться свободой. Если кого подозрѣваютъ, что онъ зеленый, тотчасъ его забираютъ и наказываютъ на площади“.

Глашатай. Висѣльники, не дорога вамъ жизнь, что вы такъ говорите?“

Зеленые. „Сними этотъ цвѣтъ (синій); правосудіе не пристрастно. Лучше бы не родиться Савватію [1]), чѣмъ имѣть сына убійцу. Вотъ уже шестое убійство случилось въ Зевгмѣ. Утромъ человѣкъ смотрѣлъ на игры, а вечеромъ ему перерѣзали горло“.

Синіе. „Вы одни совершали убійства въ циркѣ“.

Зеленые. „Государь Юстиніанъ! Они вызываютъ насъ на бой, и никто ихъ не казнитъ за это. Вспомни, императоръ, кто убилъ дровяника въ Зевгмѣ“.

Глашатай. „Вы его убили“.

Зеленые. „Кто убилъ сына Эпагаѳа?“

Глашатай. „Вы же, а теперь сваливаете вину на синихъ“.

Зеленые. „Господи, помилуй! Это издѣвательство надъ правдой. Хотѣлось бы мнѣ поспорить съ тѣми, кто говоритъ, что Богъ управляетъ міромъ. Откуда же такое бѣдствіе?“

Глашатай. „Богъ не производитъ зла“.

Зеленые. „Кто же обижаетъ меня? Пусть объяснитъ философъ или отшельникъ“!

Глашатай. „Проклятые хулители Бога, скоро ли вы замолчите?“

Зеленые. „Если такъ приказываетъ ваше величество, я замолчу, хоть и противъ воли. Я все, все знаю, но буду молчать. Прощай, правосудіе—тебѣ здѣсь не мѣсто. Я уйду отсюда и буду ждать. Лучше быть эллиномъ (язычникомъ), чѣмъ синимъ!“

Синіе. „Я ненавижу васъ; нѣтъ терпѣнія смотрѣть на васъ, ваша злоба невыносима.

Зеленые. „Откапывайте кости *убитыхъ!*“

Вслѣдъ за этимъ зеленые поднялись съ мѣстъ и вышли изъ цирка. Мятежъ перешелъ на улицы. Къ вечеру начались пожары въ городѣ. Пять дней пламя свирѣпствовало въ лучшихъ кварталахъ столицы; сгорѣли сенатъ, дворецъ преторіанскаго префекта, бани Зевксипа, больница Самсона со всѣми больными, библіотека, наконецъ, соборъ святой Софіи. Солдаты тщетно старались спра-

---

[1]) Отецъ Юстиніана.

виться съ огнемъ и съ вооруженной толпой, которая бушевала на улицахъ громаднаго города. На пятый день Юстиніанъ сдѣлалъ попытку умиротворить мятежниковъ, которые стали тѣмъ опаснѣе, что многіе изъ синихъ пристали къ зеленымъ.

Императоръ собралъ народъ въ циркъ и заявилъ, что проститъ всѣ проступки тѣмъ, кто вернется къ порядку. Въ то же время онъ обѣщалъ отставить ненавистныхъ народу Іоанна Каппадокійскаго и Трибоніана. Но уступчивость не произвела никакого впечатлѣнія; послышались насмѣшки надъ обѣщаніями. Толпа не только не вернулась къ повиновенію, но избрала новаго императора, племянника Анастасія, Гипатія. Хотя онъ всячески сопротивлялся, его принесли въ циркъ и вмѣсто діадемы возложили ему на голову золотой поясъ. Юстиніанъ созвалъ во дворцѣ совѣтъ высшихъ сановниковъ, чтобы рѣшить, что́ дѣлать. На всякій случай были приготовлены галеры для переѣзда въ Азію. Во время совѣщанія Ѳеодора обратилась къ Юстиніану съ такой рѣчью: „Всякій, кто родился въ свѣтъ, осужденъ умереть раньше или позже. Но жить въ изгнаніи—невыносимо для царя. Если ты хочешь бѣжать, государь, бѣжать нетрудно. Вотъ море, вотъ корабли. Только подумай—когда убѣжишь, не будешь ли ежедневно желать смерти? Что́ до меня, я согласна съ старой пословицей: нѣтъ лучшаго погребальнаго покрова, чѣмъ царская порфира“. Послѣ этихъ словъ императрицы мысль объ отъѣздѣ изъ Константинополя была оставлена: начальство надъ войсками поручили Велисарію, полководцу, незадолго прибывшему изъ Персіи; армянина Нарсеса снабдили большой суммой денегъ для раздачи вождямъ синихъ, чтобы успокоить эту партію. Велисарій воспользовался для нападенія удобнымъ моментомъ, когда толпа народа вмѣстѣ съ своимъ императоромъ Гипатіемъ направилась къ старому дворцу жены Ѳеодосія Великаго и по дорогѣ собралась въ циркѣ. На улицахъ и площадяхъ войско не могло справиться съ многолюднымъ населеніемъ; теперь представлялся случай покончить однимъ ударомъ. Велисарій ворвался съ войсками въ циркъ черезъ Мѣдныя Ворота, которыя находились на сторонѣ синихъ. Другой отрядъ подъ начальствомъ гота Мундо вошелъ черезъ Ворота Мертвыхъ на противоположной сторонѣ. Толпой овладѣла паника, и солдаты рубили зеленыхъ и синихъ, не встрѣчая сопротивленія. Отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ погибло въ этой рѣзнѣ. Съ тѣхъ поръ въ Константинополѣ долго не повторялись уличные бунты.

Войны съ вандалами и готами. Подавленіе возстанія развязало руки Юстиніану для выполненія обширнаго плана: онъ предпринялъ возвратить имперіи провинціи, занятыя варварами. Онъ могъ разсчитывать на сочувствіе романизованнаго населенія и на поддержку церкви; силы варваровъ были подорваны непривычной жизнью на мирномъ положеніи, среди цивилизованной обстановки; наконецъ, на персидской границѣ былъ только что заключенъ „вѣчный миръ“ послѣ короткой и нерѣшительной войны.

Первый ударъ былъ направленъ противъ вандаловъ. Юстиніанъ послалъ въ Африку Велисарія съ 10,000 пѣхоты и 5,000 конницы (533 г.). Значительная часть войска состояла изъ варваровъ, между которыми выдѣлялась гуннская конница. Несмотря на малочисленность экспедиціоннаго отряда, успѣхъ былъ полный и быстрый. Велисарій разбилъ вандаловъ въ двухъ сраженіяхъ и отлично воспользовался сочувствіемъ провинціаловъ. Онъ установилъ въ войскѣ образцовую дисциплину, и его встрѣтили въ Карѳагенѣ, какъ избавителя. Труднѣе, чѣмъ завоевать Африку, оказалось держать ее въ порядкѣ. Шайки мавровъ и вандаловъ постоянно безпокоили провинцію, и съ ними приходилось вести правильную войну.

Легкая и блестящая побѣда надъ вандалами обнадеживала идти дальше. Императоръ вмѣшался въ ссоры остготовъ изъ-за престолонаслѣдія и послалъ въ Италію Велисарія (535 г.) съ небольшимъ войскомъ (7,500 человѣкъ, изъ нихъ 3,000 исавровъ). Въ то же самое время другой отрядъ вторгся въ Далмацію. Велисарій быстро овладѣлъ Сициліей и южной Италіей; только въ Неаполѣ онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Готы, недовольные своимъ королемъ Теодагадомъ, избрали на его мѣсто Витигиса, но эта замѣна не остановила Велисарія. Витигисъ двинулся въ Равенну, чтобы дать отпоръ франкамъ, которые воспользовались войной между готами и имперіей, чтобы напасть на сѣверную Италію. Пока главныя силы готовъ находились въ Равеннѣ, Велисарій занялъ Римъ. Появленіе императорскихъ войскъ въ Римѣ было началомъ великихъ бѣдствій для города. Готы обложили его со всѣхъ сторонъ и разрушили водопроводы, доставлявшіе воду изъ окрестностей. Болѣе года продолжалась осада, и ей положило конецъ лишь появленіе отрядовъ, посланныхъ Юстиніаномъ на помощь Велисарію. Новое вторженіе франковъ осложнило дѣло. Готы отступили къ Равеннѣ, и среди нихъ возникъ странный планъ провозгласить Велисарія италіанскимъ королемъ. Ради осуществленія

этой мысли они сдали ему Равенну, но Велисарій остался вѣренъ имперіи и императору, взялъ въ плѣнъ Витигиса и отправилъ его въ Константинополь (540 г.). Завоеваніе Италіи, казалось, было окончено: готы еще держались въ Лигуріи и Венеціанской области, но всѣ главные города были въ рукахъ императора. Такъ какъ въ это время возгорѣлась новая война съ персами, то Юстиніанъ отозвалъ Велисарія изъ Италіи и послалъ его на востокъ. Но въ дѣйствительности дѣло было далеко не кончено. Хотя большая часть готовъ погибла въ борьбѣ, остальные сомкнулись тѣснѣе и выбрали королемъ талантливаго и энергическаго Тотилу. Императорскія войска были малочисленны, между предводителями не было согласія; населеніе, которое сначала держалось въ сторонѣ отъ готовъ, теперь было недовольно императорскимъ управленіемъ. Тотила настойчиво и не безъ успѣха объяснялъ италіанцамъ, что господство „грековъ“ хуже власти готовъ; особенно тяготился народъ сборщиками податей. Съ очень небольшими силами Тотила вновь отвоевалъ Италію; даже прибытіе Велисарія не остановило его успѣховъ; за имперіей оставались въ концѣ сороковыхъ годовъ лишь Равенна и нѣсколько портовъ восточнаго берега. Конечно, главной причиной неудачъ имперіи было то обстоятельство, что ея силы были отвлечены борьбою съ персами и варварами, нападавшими на Балканскій полуостровъ. Велисарій жаловался, что ему пришлось оставить на востокѣ хорошія войска и дѣйствовать въ Италіи съ никуда негоднымъ сбродомъ. Въ 552 году Юстиніанъ, наконецъ, собрался съ силами и отправилъ въ Италію большое войско, состоявшее преимущественно изъ гунновъ, геруловъ и другихъ варваровъ подъ командой стараго армянина Нарсеса, искуснаго дипломата и полководца. Готы не выдержали этого новаго нападенія. При Сассоферато былъ разбитъ и смертельно раненъ Тотила, при рѣкѣ Драко въ южной Италіи палъ послѣдній остготскій король Теясъ. Италія и Далмація были возвращены имперіи, и Нарсесъ былъ назначенъ экзархомъ (намѣстникомъ) возвращенной области.

Благодаря занятію Африки и Италіи, имперія пришла въ соприкосновеніе съ франками, алеманнами и вестготами. О походѣ въ Галлію не могло быть рѣчи, но попытка алеманновъ и франковъ проникнуть въ Италію привела къ разгрому ихъ войска Нарсесомъ. Испанія была доступнѣе, чѣмъ Галлія, для державы, владѣвшей сѣверной Африкой и Средиземнымъ моремъ. Правитель Африки Либерій вмѣшался въ распри вестготовъ и захватилъ южную

часть Пиренейскаго полуострова съ Кордубой, Картагеной и Малагой.

Войны съ Персіей. Такимъ образомъ, Юстиніанъ возстановилъ власть имперіи на западѣ, уничтожилъ два варварскихъ королевства и нанесъ чувствительный ударъ третьему. Быть можетъ, онъ достигъ бы еще большихъ успѣховъ, если бы его не отвлекала забота о восточныхъ и сѣверныхъ границахъ. „Вѣчный миръ" съ Персіей продолжался лишь восемь лѣтъ. Въ 540 году Хозрой Нуширванъ возобновилъ военныя дѣйствія. Пять лѣтъ подъ рядъ онъ лично водилъ свои войска противъ имперскихъ владѣній, избирая для нападенія всякій разъ новую провинцію. Такой способъ веденія войны причинялъ великій матеріальный уронъ, потому что враги опустошали все новыя и новыя области, но за то они всякій разъ начинали дѣло сызнова и не пользовались послѣдовательно своими побѣдами. Римскіе полководцы плохо дѣйствовали въ открытомъ полѣ, но за стѣнами войска императора защищались упорно и иногда отражали персовъ, напр., въ Эдессѣ. Главная цѣль Хозроя была пограбить, и города, которымъ грозило нападеніе, спѣшили откупиться деньгами. Въ 545 году персидскій царь заключилъ перемиріе подъ условіемъ уплаты 2000 фунтовъ золота. Несмотря на перевѣсъ силъ, персы не добились никакихъ существенныхъ уступокъ. Единственнымъ крупнымъ ихъ пріобрѣтеніемъ была Грузія, но въ 549 году грузинскія племена возстали противъ персовъ, и римляне въ цѣломъ рядѣ походовъ завоевали береговую полосу. Юстиніанъ рѣшилъ во что бы то ни стало оттѣснить персовъ отъ Чернаго моря и достигъ цѣли. Въ 555 году былъ заключенъ миръ, по которому римляне сохранили свои закавказскія пріобрѣтенія, а Хозрой обязывался защищать кавказскіе перевалы и Каспійскія Ворота противъ гунновъ, за что ему назначалась ежегодная плата отъ имперіи. Въ связи съ многолѣтней борьбой противъ персовъ стоятъ еще два предпріятія Юстиніана на двухъ противоположныхъ концахъ тогдашняго міра. Въ виду важности Чернаго моря императоръ вновь занялъ южный берегъ Крыма, а готы тетракситы, населявшіе большую часть полуострова, признали себя зависимыми отъ него и обратились съ просьбой назначить имъ епископа. Съ другой стороны, Юстиніанъ задумалъ освободиться отъ посредничества Персіи въ торговлѣ съ дальнимъ востокомъ и ради этой цѣли развилъ сношенія съ Абиссиніей. Императору однако не удалось возстановить римскій торговый путь въ Индію черезъ Красное море. Но два монаха, пришедшіе изъ Индіи и побывавшіе въ Китаѣ, доставили ему шел-

ковичныхъ червей, и въ Константинополѣ возникло производство шелка, которое скоро достигло большихъ размѣровъ и дало возможность обходиться безъ китайскаго шелка, шедшаго черезъ Персію.

Борьба съ сѣверными варварами.

При обзорѣ внѣшней дѣятельности Юстиніана остается сказать о набѣгахъ сѣверныхъ варваровъ на Балканскій полуостровъ [1]). Славяне и болгары постоянно тревожили придунайскія области. Въ началѣ царствованія Юстиніана ихъ сдерживалъ magister militum per Thraciam Хильбудъ, самъ славянинъ по происхожденію. Но онъ былъ убитъ въ одной стычкѣ, и набѣги сдѣлались опаснѣе. Въ 540 году одинъ славянскій отрядъ прорвался въ Грецію и дошелъ до Коринѳскаго перешейка, а другой переправился въ Малую Азію. Подобныя же нападенія повторились въ 546, 551, 552 годахъ. Въ 558 году орды гунновъ вмѣстѣ съ славянами перешли Дунай и Балканы и раздѣлились на три части: одна направилась къ ѳракійскому Херсонесу, другая къ Ѳермопиламъ, а третья къ Константинополю. Варвары разоряли страну по пути и неистовствовали надъ попадавшимися въ ихъ руки жителями. Константинопольское населеніе трепетало отъ страха, потому что не имѣло никакого довѣрія къ гвардейскому отряду, стоявшему гарнизономъ въ столицѣ. Императоръ обратился къ Велисарію, и тотъ съ незначительными силами разбилъ грабителей. Борьба съ варварами была тѣмъ тяжела и затруднительна, что ихъ племена не сосредоточивались въ опредѣленное цѣлое, и потому имъ нельзя было нанести рѣшительныхъ ударовъ. Въ борьбѣ между образованными народами каждый изъ противниковъ какъ бы привязанъ къ извѣстной территоріи и извѣстной организаціи и потому представляетъ опредѣленныя цѣли для ударовъ: политическіе и торговые центры страны являются въ то же время чувствительными мѣстами, на которыя направляются нападенія и отъ обладанія которыми зависитъ исходъ войны; побѣдитель можетъ воспользоваться организаціей побѣжденнаго для прочнаго покоренія его страны. Въ борьбѣ съ варварами цивилизованному государству легко одержать отдѣльныя побѣды, но крайне трудно достигнуть окончательнаго покоренія. Рыхлыя массы разступаются передъ ударами, въ пустынныхъ странахъ нельзя отыскать центровъ чувствительности и управленія. Чтобы побѣдить окончательно, надо колонизовать, а на это не всегда хватаетъ силъ, и въ этомъ случаѣ приходится поневолѣ ограничиваться обо-

---

[1]) См. статью III.

ронами. За передовыми славянами и болгарами тянулись на необозримое пространство толпы другихъ славянъ, гепидовъ, лангобардовъ, аваръ, гунновъ. Любимымъ средствомъ римской дипломатіи было поддерживать раздоры между этими варварами: гунны, напр., раздѣлялись на котригуровъ и утригуровъ, которые постоянно воевали другъ съ другомъ, и имперія поддерживала то тѣхъ, то другихъ субсидіями. Кромѣ того Юстиніанъ укрѣпилъ всѣ главные пункты на полуостровѣ. Укрѣпленія были расположены по нѣсколькимъ линіямъ—первая опиралась на Дунай, вторая—на Балканы, третья на Родопскія горы. Кромѣ того возобновлены были укрѣпленія Ѳермопильскаго ущелья и Коринѳскаго перешейка. Эти работы не могли прекратить набѣговъ, но значительно облегчали сопротивленіе и давали возможность жителямъ искать убѣжища. Въ нашествіе 558 года онѣ сослужили хорошую службу. Надо прибавить, что съ помощью крѣпостей имѣлось отчасти въ виду держать въ подчиненіи варваровъ, поселенныхъ на территоріи имперіи. Таково было, напр., назначеніе Филиппополя.

Религіозная политика. Важнѣйшимъ изъ внутреннихъ вопросовъ былъ вопросъ религіозный. Въ одномъ всѣ тогдашніе христіане были согласны—въ ненависти къ остаткамъ язычества, и императоръ далъ выраженіе этому чувству, прекративъ матеріальную поддержку, которую его предшественники оказывали неоплатонизму въ Аѳинахъ. Онъ не закрылъ прямо академію, но пересталъ платить содержаніе преподавателямъ философіи и конфисковалъ частные фонды, завѣщанные для этой цѣли. Философы уѣхали въ Персію, надѣясь найти милостивый пріемъ у Хозроя, но скоро разочаровались и вернулись обратно въ имперію. Преподаваніе въ Аѳинахъ прекратилось, и такимъ образомъ порвалась одна изъ нитей, связывавшихъ новую имперію съ классическимъ прошлымъ.

Мы уже знаемъ, что въ средѣ самой христіанской церкви происходили постоянные раздоры. Политика императора не могла миновать споровъ о природѣ Христа, если бы даже императоръ лично желалъ это сдѣлать. Но и самъ Юстиніанъ, и жена его Ѳеодора, и всѣ главные дѣятели, за весьма немногими исключеніями, увлекались богословскими спорами. Юстиніанъ много времени посвятилъ изученію отцовъ церкви и бесѣдамъ съ учеными іерархами. Ѳеодора придерживалась монофизитизма и употребляла все свое личное вліяніе въ пользу его представителей. Юстиніанъ не шелъ такъ далеко, но и по религіознымъ, и по политическимъ соображеніямъ онъ старался установить равновѣсіе между крайними приверженцами

Халкидонскаго собора и монофизитской сектой, которая преобладала въ Египтѣ и была сильна въ Сиріи. Онъ не остановился на томъ соглашеніи, которое самъ устроилъ съ римскою церковью въ царствованіе Юстина. Утвердившись на западѣ—въ Италіи и Африкѣ—онъ пожелалъ дополнить это соглашеніе такимъ образомъ, чтобы склонить монофизитовъ къ уступчивости и возвратить ихъ во вселенскую церковь. Ради этого императоръ, по совѣту епископа кесарійскаго, возбудилъ вопросъ о преданіи проклятію Θеодора Мопсуестскаго, нѣкоторыхъ сочиненій Θеодорита Кирскаго и письма Ибаса Эдесскаго къ одному персидскому епископу. Дѣло въ томъ, что Θеодоръ Мопсуестскій былъ учителемъ Несторія, Θеодоритъ писалъ противъ св. Кирилла Александрійскаго, а въ письмѣ Ибаса заключалось осужденіе третьяго, Эфесскаго собора. Всѣ три отца жили въ V вѣкѣ и давно умерли, но ихъ осужденіе должно было нравиться александрійской церкви и монофизитамъ. Императоръ издалъ въ этомъ смыслѣ указъ, который признали восточныя епархіи. На западѣ, напротивъ, указъ былъ встрѣченъ съ такимъ же негодованіемъ, какъ *Ἑνωτικόν* Зенона: западное духовенство находило, что указъ непочтителенъ по отношенію къ Халкидонскому собору, который не постановилъ приговора надъ тремя названными епископами; кромѣ того на западѣ не сочувствовали вмѣшательству императора въ догматическіе вопросы. Юстиніанъ вызвалъ папу Вигилія въ Константинополь, чтобы уладить это дѣло. Папа сначала издалъ посланіе, согласное со взглядомъ императора, но, видя, что западные епископы не подчиняются, отступился отъ своего рѣшенія и поссорился съ константинопольскимъ патріархомъ. Императоръ былъ крайне раздраженъ и даже послалъ солдатъ, чтобы арестовать папу въ церкви св. Петра, гдѣ тотъ искалъ убѣжища. Вигилія оттащили отъ алтаря, но народъ въ церкви заступился за него, и пришлось вступить въ переговоры съ папой. Рѣшено было созвать пятый вселенскій соборъ въ Константинополѣ (въ 553 году). Папа отказался присутствовать, и съ запада прибыло всего 6 епископовъ, но тѣмъ не менѣе соборъ состоялся подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго патріарха и постановилъ предать проклятію Θеодора Мопсуесткаго и писанія Θеодорита и Ибаса, выгодныя для несторіанцевъ. Вигилій нѣсколько времени упорствовалъ въ своемъ сопротивленіи, но подъ конецъ подчинился и призналъ дѣянія пятаго собора. Неудовольствіе западныхъ епископовъ однако продолжалось. Миланъ и Аквилея отказались повиноваться и прервали об-

щеніе со вселенской церковью. Это однако не устрашило императора, и въ послѣдніе годы своего царствованія онъ готовъ былъ сдѣлать еще болѣе рѣшительный шагъ въ сторону монофизитовъ. Только смерть помѣшала ему довести эту попытку до конца.

Церковное зодчество. Благочестіе императора выражалось не только въ изученіи богословскихъ сочиненій, но также въ построеніи множества церквей. Богословскіе интересы господствуютъ въ умственной дѣятельности,—въ искусствѣ преобладаетъ религіозное чувство. Художники пользуются формами, которыя выработала древность, строители обираютъ языческіе храмы для возведенія христіанскихъ церквей, но художественное творчество не сводится къ простому подражанію древнимъ, и созданные въ это время памятники обладаютъ величіемъ и красотой. Въ царствованіе Юстиніана возникаетъ такъ называемый византійскій стиль архитектуры [1]). Памятниками возвращенія Италіи подъ власть имперіи служатъ восьмиугольный храмъ св. Виталія и базилика св. Аполлинарія in Classe въ Равеннѣ. Первый знаменитъ мозаиками, изображающими Юстиніана и Ѳеодору съ ихъ придворными: лица и одежды скопированы съ дѣйствительности. Другой характеръ носятъ мозаики св. Георгія въ Салоникахъ. Куполъ украшенъ восемью картинами, которыя представляютъ фантастическіе дворцы, колонны, выложенныя драгоцѣнными камнями, бесѣдки съ пурпурными занавѣсями, развѣвающимися по вѣтру, фризы съ изображеніями дельфиновъ, птицъ, пальмъ. Посреди каждаго изъ этихъ архитектурныхъ сплетеній находится небольшое восьмиугольное или круглое строеніе, обставленное колоннами; съ потолка виситъ лампа; строеніе знаменуетъ Святую Святыхъ христіанской церкви.

Постройка св. Софіи въ Константинополѣ была начата тотчасъ вслѣдъ за подавленіемъ возстанія 532 года и продолжалась около шести лѣтъ. Значительная часть матеріаловъ была взята изъ языческихъ храмовъ; восемь большихъ колоннъ зеленаго мрамора въ главномъ кораблѣ, напр., были изъ храма Діаны Эфесской, а восемь колоннъ изъ темнаго порфира у боковыхъ алтарей когда-то стояли въ Геліополѣ. Въ длину постройка имѣетъ 241 фут., въ ширину—224, высота купола 179 футовъ. Интересно впечатлѣніе, которое произвело зданіе на современниковъ. Прокопій говоритъ: „Храмъ вышелъ великолѣпный и огромный; онъ высится надъ городомъ,

---

[1]) См. статью объ искусствѣ во II выпускѣ.

какъ корабль, который стоитъ на якорѣ. Внутри поражаетъ радостная игра свѣта: свѣтъ какъ будто растетъ въ храмѣ".

Сознаніе великихъ задачъ и заслугъ Римской имперіи побудило Юстиніана предпринять рядъ кровопролитныхъ войнъ: онъ употребилъ нечеловѣческія усилія, чтобы возсоединить въ одно цѣлое разрозненныя части государства, стремился, по образцу Константина и Өеодосія, къ устраненію разногласій въ церкви, выразилъ въ созданіи великолѣпныхъ храмовъ могущество и благочестіе римскаго общества. То же сознаніе руководило императоромъ въ его неустанныхъ заботахъ о правѣ и управленіи. „Безопасность государства зиждется и укрѣпляется оружіемъ и законами; благодаря имъ, родъ римлянъ превзошелъ всѣ остальные народы и возвысился надъ всѣми племенами; такъ было въ прошломъ и, съ помощью Божьей, такъ будетъ впредь и до вѣка". (Вступленіе къ Кодексу Юстиніана). Тотчасъ по вступленіи на престолъ Юстиніанъ предпринялъ громадную законодательную работу, которая закрѣпила результаты римскаго юридическаго творчества для послѣдующихъ поколѣній. Corpus juris.

Предстояло соединить въ одинъ сводъ многочисленные законы и указы императоровъ, устранить противорѣчія и повторенія, выдѣлить и согласить существенныя постановленія. Въ началѣ 528 года начала работать комиссія изъ десяти юристовъ съ префектомъ преторія Трибоніаномъ во главѣ; въ августѣ 529 г. „Кодексъ" уже былъ готовъ и изданъ. Въ 530 г. тому же Трибоніану поручено было вмѣстѣ съ шестнадцатью сотрудниками собрать выдержки изъ сочиненій юристовъ первыхъ вѣковъ и изъ мнѣній, высказанныхъ ими по правовымъ вопросамъ: черезъ три года императору были представлены „Дигесты" или „Пандекты", выработанные комиссіей. Въ томъ же 533 году были составлены „Институціи"—краткое руководство для усвоенія общихъ началъ права; оно должно было служить введеніемъ къ двумъ первымъ сводамъ и, въ особенности, предназначалось для изученія въ школахъ. Государство офиціально признавало три высшихъ юридическихъ школы—въ Римѣ, Константинополѣ п Бейрутѣ, и устанавливало программу и порядокъ занятій, которыя продолжались пять лѣтъ.

Кодификаціонныя работы Трибоніана и его сотрудниковъ выясняли и объединяли руководящія ученія и правила юриспруденціи. Кодификаторы пользовались матеріаломъ, накопившимся въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ, и приноравливали ихъ къ новымъ потребностямъ. Помимо того при Юстиніанѣ изданъ былъ Новеллы.

рядъ новыхъ законовъ (Новеллъ). Нѣкоторые изъ нихъ занимаются разборомъ чисто-юридическихъ предметовъ—напр., правовыхъ отношеній между супругами, завѣщаній и т. п.—и имѣютъ интересъ только при спеціальномъ изученіи права. Но даже въ этихъ чисто-юридическихъ постановленіяхъ проглядываютъ часто общія точки зрѣнія. Право разсматривается, между прочимъ, какъ ручательство за благосостояніе государства, а недостаточность права—какъ источникъ матеріальнаго ослабленія. „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ поставилъ насъ во главѣ Римской имперіи, мы всячески стараемся дѣйствовать на пользу подданныхъ, чтобы они не принуждены были вслѣдствіе ссоръ оставлять отечество и терпѣть тяжелую долю чужестранцевъ“. Чтобы быть дѣйствительнымъ, право должно быть общею, непоколебимою нормою, и передъ его законной силою склоняется даже императорская власть: никакія личныя распоряженія императора не могутъ измѣнить установленнаго закономъ хода судебныхъ дѣлъ.

Устройство провинцій. Особеннаго вниманія требуетъ отъ императора многоголовая армія чиновниковъ, которой поручено веденіе государственныхъ дѣлъ. Многочисленныя распоряженія касаются распредѣленія провинцій между намѣстниками, опредѣленія окладовъ должностныхъ лицъ и снабженія ихъ различными продуктами, измѣненій въ ихъ гражданскихъ и военныхъ полномочіяхъ. Эти распоряженія иногда измѣняютъ не только подробности административнаго механизма, но глубоко затрогиваютъ народный бытъ. Распредѣленіе Арменіи на 4 провинціи, напр., связано съ переходомъ дикихъ племенъ на одно положеніе съ народами высшей гражданственности: вмѣсто племенныхъ вождей появляются городскія общины, вмѣсто сатраповъ — римскіе магистраты. Въ областяхъ, находившихся подъ властью варваровъ и возвращенныхъ подъ власть имперіи, возобновляется дѣйствіе римскаго права и учрежденій, возобновляются въ полной силѣ и податныя требованія, которыми такъ тяготились подданные имперіи. „Прагматическая санкція“ объ Италіи опредѣляетъ подробности перехода готской Италіи подъ власть римлянъ, утверждаетъ касавшіяся частныхъ лицъ распоряженія Теодориха и другихъ готскихъ королей (кромѣ „тирана“ Тотилы), возвращаетъ государству и церкви имущества, утраченныя ими во время господства „свирѣпыхъ варваровъ“ и „нечестивыхъ аріанъ“. Изъ восточныхъ провинцій съ наибольшей заботливостью былъ устроенъ Египетъ (законъ 554 года). Такое заботливое отношеніе было вызвано особымъ значеніемъ Египта въ міровой торговлѣ того времени: онъ былъ главной житницей среди областей, лежавшихъ вокругъ

Средиземнаго моря, и снабжалъ хлѣбомъ Константинополь. „Первой заботой египетской администраціи должно быть устройство „счастливаго взноса" *(αἰσία ἐμβολή)*", т. е. доставленіе хлѣба, который населеніе обязано было собрать для государства. Отъ „счастливаго взноса" зависѣло прокормленіе Константинополя и Александріи, а между тѣмъ это дѣло первостепенной важности было организовано не совсѣмъ удачно. „До нашего свѣдѣнія дошло, что въ прежнія времена остальные государственные сборы были приведены въ нѣкоторый порядокъ, а въ египетской діоцезѣ податныя отношенія находились въ разстройствѣ: намъ бросали извѣстное количество хлѣба и не удостаивали платить ничего иного. Плательщики утверждали, что все съ нихъ взыскано, а начальники и куріалы такъ приноровились, что нельзя было ничего понять въ ихъ расчетахъ, и это, конечно, было лишь для нихъ однихъ выгодно". Въ рукахъ „августальнаго" префекта соединяется управленіе двумя Египтами, верхнимъ и нижнимъ; ему подчинены всѣ, какъ гражданскія, такъ и военныя власти. Въ помощь ему назначается 600 различныхъ чиновниковъ, помимо мѣстныхъ начальниковъ и куріаловъ. Вся эта администрація занимается прежде всего сборомъ хлѣба для „счастливаго взноса" въ количествѣ 8 милліоновъ артобъ (артоба—4 модія). Затѣмъ предстоитъ собрать 80,000 золотыхъ на расходы по нагрузкѣ и перевозкѣ на судахъ. Несмотря на значительность этихъ требованій, на египетскомъ населеніи лежали кромѣ того еще и другія подати. Взысканію призваны были содѣйствовать военныя силы; за всякое уклоненіе отъ взноса повинностей грозили тяжелыя наказанія, между прочимъ ссылка въ Абхазію или Крымъ, а для военныхъ—переводъ на службу въ сторожевыя команды, стоявшія за Дунаемъ.

Бюрократія.

Частое повтореніе однихъ и тѣхъ же предписаній и усиленныя угрозы показываютъ, что трудно было добиться исполненія всѣхъ требованій государства, и императорскіе указы признаютъ, что общество находится въ печальномъ положеніи. Учреждается, напр., новая должность квестора, чтобы стѣснить нѣсколько притокъ пришельцевъ изъ провинцій въ столицу; отовсюду прибываютъ туда крестьяне, земледѣліе приходитъ въ упадокъ, а въ Константинополѣ непомѣрно растетъ число необезпеченной и лѣнивой черни, которая составляетъ истинную обузу для городского управленія и самого правительства. Императоръ не можетъ не замѣтить однако, что умноженіе должностей и развитіе чиновничьей власти—средства недостаточныя для врачеванія общественныхъ недуговъ. Плохая

нравственность чиновничества сама становится язвой и опасностью для государства. Пространная новелла 535 года посвящена вопросу о правильной постановкѣ администраціи. „За послѣднее время“, говоритъ Юстиніанъ, „императоры старались поживиться доходами правителей и судей“. Кандидаты на должности входили въ долги, чтобы купить мѣсто, и затѣмъ съ избыткомъ старались вознаградить себя на счетъ подвластныхъ имъ лицъ. Лихоимство чиновниковъ дошло до такой степени, что населеніе стало разбѣгаться изъ провинцій; случались и мятежи противъ властей. Впредь императоръ отказывается отъ всякихъ взысканій въ казну съ вновь назначаемыхъ должностныхъ лицъ и требуетъ, чтобы „руки ихъ были чисты“ при исполненіи ихъ обязанностей. Если провинціалы подвергаются вымогательствамъ, пусть они приносятъ жалобы черезъ посредство епископовъ. Правитель, сдавшій должность, обязанъ 50 дней оставаться въ области, чтобы всѣ, подвергшіеся вымогательствамъ, могли взыскать съ него то, что онъ награбилъ. „Впрочемъ“, прибавляетъ предусмотрительно императоръ, „пусть подданные знаютъ, что они имѣютъ право жаловаться и искать противъ губернаторовъ только по поводу вымогательствъ и лихоимства, а жестокости при сборѣ наложенныхъ податей не могутъ быть поставлены въ вину администраціи. Вѣдь подданнымъ должно быть извѣстно, какъ велики военныя издержки и вторженія непріятелей, и какой они требуютъ бдительности: безъ денегъ ничего не достигнешь въ этомъ отношеніи, и мы не потерпимъ, чтобы земля римлянъ была умалена и впала въ безчестіе; мы возстановили Ливію, покорили вандаловъ и впредь уповаемъ достигнуть еще бóльшаго“.

Административная роль церкви.

Однимъ изъ главныхъ средствъ правительства для контроля за чиновничествомъ служитъ обращеніе къ содѣйствію церкви. Церковная корпорація располагаетъ великою матеріальной и нравственной силою, проникнута сознаніемъ своего достоинства и высокихъ задачъ, гордится множествомъ безкорыстныхъ, просвѣщенныхъ, энергичныхъ и безстрашныхъ дѣятелей: государственная власть старается воспользоваться этимъ могущественнымъ учрежденіемъ, чтобы поднять уровень своей администраціи и подчинить ее бдительному надзору. Епископы обязаны не только слѣдить за дѣлами благотворительности, за выкупомъ плѣнныхъ и прокормленіемъ нищихъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда есть поводъ жаловаться на представителей власти, обиженные должны обращаться къ епископамъ, и тѣ иногда рѣшаютъ дѣло сами, иногда вступаютъ въ соглашеніе съ должностнымъ лицомъ, на котораго заявлена претензія, а иногда доводятъ

дѣло до свѣдѣнія императора. Въ соотвѣтствіе съ такими полномочіями служители церкви изъяты изъ обыкновенной гражданской и уголовной юрисдикціи: низшихъ судятъ епископы, высшіе подлежатъ суду соборовъ и императора. Такимъ образомъ, церковная іерархія, во главѣ которой поставленъ первымъ папа римскій, а вторымъ патріархъ константинопольскій, занимаетъ исключительное, даже преобладающее положеніе въ политической жизни, но положеніе это опредѣляется не побѣдой церкви надъ государствомъ, а законами государства, отводится церкви императоромъ и подлежитъ его высшему надзору.

Видное мѣсто въ указахъ Юстиніана занимаетъ попеченіе о низшихъ классахъ общества. На первомъ планѣ стоитъ ихъ важность, какъ главныхъ плательщиковъ податей; помимо того, сознается ихъ значеніе, какъ устоя всей общественной жизни, и указывается на соображенія гуманности въ обращеніи съ ними. Императоръ особенно много вниманіе посвящаетъ, напр., вопросу о такъ называемыхъ адскриптиціяхъ, т. е. о крестьянахъ, прикрѣпленныхъ къ извѣстнымъ участкамъ для отбыванія податей и попавшихъ поэтому въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльцевъ. **Низшіе классы.**

Во всѣхъ частяхъ своего законодательства Юстиніанъ многое повторяетъ изъ указовъ своихъ предшественниковъ, развиваетъ ихъ идеи, старается ихъ объединить и дополнить болѣе, чѣмъ создать нѣчто совершенно новое. Примѣры прошлаго, преданія вѣковой славы, традиціонныя идеи римскаго государства господствуютъ надъ всѣмъ царствованіемъ, вдохновляютъ императора и его сподвижниковъ.

Отсюда слабыя и сильныя стороны этой эпохи, ея ошибки и заслуги. Имперія еще не стала „византійской", балканско-азіатской, въ ней еще живо сознаніе великаго единства античнo-христіанской культуры, она еще не отказалась отъ Рима и Запада, не положила оружія ни передъ германцами, ни передъ еретиками и раскольниками. Сила ея организма выражается въ гигантской попыткѣ возсоединить оторванныя области и объединить церковь. На полѣ битвы ѳракійцы, исавры, гунны Велисарія сражаются за владычество имперіи; въ засѣданіяхъ соборовъ богословы и политики пытаются установить равновѣсіе между областными теченіями, передвигая догматическія формулы въ сторону то римскаго, то александрійскаго, то антіохійскаго ученія. Тяжко было истощенному населенію нести бремя, возложенное на него велико-имперской по-

литикой; въ богословскихъ соглашеніяхъ было много искусственнаго, ложнаго и потому непрочнаго; во время борьбы съ дальними врагами самыя окрестности столицы подвергались опустошенію отъ сосѣднихъ варваровъ; на среднемъ Дунаѣ уже стояли племена, собиравшіяся замѣнить готовъ въ Италіи; на востокѣ подготовлялась новая міровая сила, исламъ, которой суждено было сдѣлаться самымъ опаснымъ противникомъ имперіи; въ средѣ послѣдней уже появлялись признаки перерожденія, поворота къ востоку, побѣды областныхъ элементовъ; постановки сравнительно узкихъ задачъ „византизма". И тѣмъ не менѣе эпоха Юстиніана оставила послѣ себя такой слѣдъ, какъ немногія другія въ исторіи. Слѣдъ этотъ виденъ не только въ исторіи права, искусства или богословія; грядущимъ поколѣніямъ были завѣщаны не только „Сводъ права", святая Софія и дѣянія V вселенскаго собора. Самая попытка очистить Западъ отъ варваровъ, которая иной разъ представляется чуть не самоубійственной тратой силъ на неразрѣшимую задачу, имѣла въ значительной степени успѣхъ и неисчислимыя послѣдствія. Побѣды надъ остготами, возвращеніе имперіи въ Италію, освобожденіе Рима — эти результаты не были разрушены ни лангобардами, ни франками. Благодаря походамъ Велисарія и Нарсеса, романское выдѣлилось въ Италіи и пріобрѣло политическую самостоятельность въ самый критическій моментъ средневѣковой исторіи. Не даромъ равеннскія мозаики напоминаютъ о Юстиніанѣ и его сподвижникахъ: сама Романья, византійскій югъ Италіи и папскій Римъ являются памятниками его попытки прогнать варваровъ изъ Римской имперіи.

Павелъ Виноградовъ.

X.

Италія и папство въ VI вѣкѣ.

Папа Григорій Великій (590—604).

Шестой вѣкъ былъ критическимъ вѣкомъ въ богатой событіями исторіи Италии. На ея населеніе палъ рядъ тяжелыхъ ударовъ, поставившихъ передъ нимъ вопросъ о жизни и смерти. Казалось, что остаткамъ римлянъ у себя дома суждено уступить мѣсто новой и чуждой германской народности. Этого нельзя было ожидать отъ столѣтія, начавшагося сравнительно благополучно. Первая четверть занята долгимъ и счастливымъ правленіемъ Теодориха. Его правительство, чуждое національной и вѣроисповѣдной исключительности, предоставило населенію жить собственною жизнью и управляться собственными законами. И сначала римляне благословляли приходъ Теодориха, оставившаго имъ старую жизнь, къ которой они привыкли, и принесшаго съ собой безопасность, которой они давно желали. Но такъ не могло быть долго. Еще жили люди, помнившіе время римскихъ императоровъ. Уцѣлѣли богатыя аристократическія фамиліи, продолжавшія собираться въ римской куріи. Духовенство, помнившее время династіи Ѳеодосія Великаго, не могло выносить господства аріанъ. Всѣ эти недовольные элементы обращали свои надежды къ Восточной имперіи, и Теодорихъ умеръ съ горестнымъ сознаніемъ, что владычество остготовъ было основано на пескѣ. Десятилѣтнее правленіе его слабыхъ преемниковъ наполнено рядомъ попытокъ привлечь къ себѣ симпатіи туземнаго населенія. Все было напрасно. Вмѣстѣ съ Юстиніаномъ ожили преданія старой Римской имперіи, а въ 536 г. начались **Упадокъ Италіи.**

Источники: Сочиненія Григорія В., изданныя въ Patrologia Latina, T. 75—78. Переписка Григорія, изд. *Эвальда и Гартманна* въ Monumenta Germaniae.

Пособія: Regesta Pontificum Romanorum, изд. *Jaffé-Ewald*. Монографіи *Lau*. (1845), *Pingaud* (1878) и др. На русскомъ яз.—*Кудрявцевъ*, Судьбы Италіи, гл. V.

готскія войны. Остготы оказали отчаянное сопротивленіе, но вся сила этого народа разбилась о военное искусство византійцевъ, о традиціи имперіи и національныя чувства римскаго населенія. Чтó же вынесла Италія изъ этой кровавой борьбы, длившейся почти 20 лѣтъ и истребившей цѣлый народъ? Вся страна была разорена, и цѣлое поколѣніе выросло, не зная безопасности. Громадныя ополченія остготовъ] и не менѣе варварскія арміи императора вели борьбу на протяженіи всего полуострова. Ужасные слѣды оставила эта народная и истребительная война. Съ этихъ поръ ведутъ свое начало пустыни на мѣстѣ плодородной Кампаніи. Частныя и церковныя земли запустѣли, покинутыя тѣми немногими колонами, которые успѣли избѣжать плѣна, голода и меча. Неаполь и другіе города были разграблены. Римъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и внутри прежней столицы міра стали сѣять хлѣбъ. Напрасно искали здѣсь убѣжища бѣжавшіе изъ своихъ имѣній землевладѣльцы. Лишенные дохода съ земель, они должны были отдать варварамъ наличныя цѣнности. Послѣ войны тысячъ пятьдесятъ, не болѣе, собралось въ прежнюю столицу съ милліоннымъ населеніемъ; изъ общаго числа жителей Италіи погибла по крайней мѣрѣ одна треть. Такъ дорого обошлось странѣ возстановленіе римскаго имени. Но чтó должно было почувствовать населеніе, видя, что всѣ жертвы его стали напрасными и имперія не можетъ оградить его отъ нашествія новыхъ завоевателей?

Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ истребленія остготовъ съ альпійскихъ горъ спустились лангобарды. Они вели съ собой дружины саксовъ, сарматовъ и болгаръ. Самыми свирѣпыми изъ варваровъ явились они въ глазахъ населенія. Не встрѣтивъ сопротивленія въ открытомъ полѣ, они заняли всю середину Италіи и отсюда дѣлали набѣги на приморскія области. Римъ былъ ими отрѣзанъ отъ Равенны, резиденціи императорскаго экзарха. Характеръ лангобардскаго господства долженъ былъ заставить римлянъ пожалѣть о времени Теодориха. Правда, частью аріане, частью еще язычники, лангобарды не были фанатиками въ религіи, но они не признавали никакой чужой національности и не знали римскихъ юридическихъ формъ. Въ занятыхъ ими округахъ право собственности было постоянно нарушаемо. Уцѣлѣвшія въ рукахъ императорскихъ чиновниковъ области ежегодно наводнялись толпами грабителей; все разрушая на пути, они не останавливались передъ мирными убѣжищами христіанской культуры, — такъ былъ разрушенъ славный Монте-Кассинскій монастырь; съ той жестокостью, которая была

имъ свойственна, лангобарды хватали всѣхъ жителей и уводили въ рабство, разлучая родителей и дѣтей.

„Что еще осталось пріятнаго для насъ на свѣтѣ?“ говоритъ одинъ современникъ. „Повсюду плачъ, повсюду стоны; города разорены, крѣпости сравнены съ землею, поля опустошены, земля сдѣлана пустыней... Взглянемъ вокругъ—видимъ только трауръ; прислушаемся — слышимъ одни стоны... Римъ, нѣкогда столица міра, до чего дошелъ ты на нашихъ глазахъ!.. Гдѣ сенатъ? Гдѣ народъ? Когда-то государи и правители Рима расходились по всей землѣ для грабежа. Сыновья людей міра сего собирались въ Римъ, чтобы составить себѣ положеніе... Теперь, когда Римъ брошенъ и разоренъ, никто не приходитъ сюда искать счастья, потому что теперь не стало силы, чтобы угнетать слабыхъ... Гдѣ тѣ, кто радовался памятникамъ римской славы? Гдѣ ихъ великолѣпіе и гордость? Гдѣ эти разгульныя пиршества, которыя каждый день повторялись въ его стѣнахъ? Съ нимъ случилось то, что нѣкогда пророкъ сказалъ объ Іудеѣ: „Ты станешь лысою, какъ орелъ“. Римъ походитъ на дряхлаго орла, у котораго больше нѣтъ ни перьевъ, ни крыльевъ, когда-то служившихъ ему, чтобы бросаться на добычу... Итакъ, отъ всего сердца отнесемся съ презрѣніемъ къ этому вѣку и обратимся съ нашими земными пожеланіями къ концу свѣта... Я замолчу, потому что моя душа устала жить“.

Императорское управленіе.

Не находя утѣшенія на землѣ, обращались съ надеждой къ небесамъ: при такомъ настроеніи общества лучшіе люди уходили въ монастыри. Люди, которымъ были доступны всѣ радости жизни, убѣгаютъ въ пустыню, тысячи мужчинъ и женщинъ населяютъ дикія ущелья, малодоступные острова. Тамъ распространяется уставъ ихъ великаго учителя, св. Бенедикта. Въ уединенныхъ кельяхъ продолжаетъ жить старое просвѣщеніе; въ отреченіи отъ себя и въ строгой дисциплинѣ куется сильная воля; въ созерцаніи небеснаго царства, въ отвращеніи къ суетѣ мірской жизни, въ изученіи Августина и Іеронима крѣпнетъ великая идея новой, единой христіанской монархіи. Со всею оставшейся энергіей общество обращается къ непосильной борьбѣ съ суровой жизнью, къ церкви. Многіе отдаютъ ей свои имущества путемъ завѣщанія, дара, продажи, залога и посвящаютъ ей самихъ себя, вступая въ ряды духовенства. Въ то же время остальная часть общества быстро грубѣетъ. Исчезаетъ классическое просвѣщеніе, кое-гдѣ продолжаютъ существовать нѣсколькихъ частныхъ учителей и школъ; нѣкото-

рое время слышны запоздалыя декламаціи передъ сенатомъ; но скоро пустѣетъ и сама курія, куда некому и незачѣмъ собираться. Прежнія богатыя и образованныя семейства вымираютъ въ безпрерывныхъ войнахъ, выселяются на востокъ или, разорившись, теряютъ значеніе. Разстроенное народными несчастіями и физическими бѣдствіями общество ожидаетъ конца міра и съ болѣзненнымъ вниманіемъ подмѣчаетъ его признаки. Въ воздухѣ носятся знаменія, видѣнія и чудеса. Мрачной тѣнью надвинулось начало среднихъ вѣковъ. Между тѣмъ, для сохраненія старинныхъ жизненныхъ формъ была призвана Восточная имперія. Сколько жертвъ было принесено Италіей для возстановленія прежняго единства! Не такой судьбы ожидала она для себя, когда оттолкнула твердое и гуманное правленіе Теодориха и погубила его народъ. Она имѣла полное право надѣяться на тѣхъ, кого считала своими избавителями. Не было сомнѣнія, въ чьи обязанности входила защита ея отъ лангобардовъ. Во главѣ управленія Италіей стоялъ императорскій экзархъ. Старая столица Теодориха, крѣпость Равенна, служила ему резиденціей. Ему непосредственно были подчинены военные начальники, magistri или duces, отряды которыхъ были расположены по городамъ. Но экзархъ былъ отрѣзанъ отъ южной и западной Италіи владѣніями лангобардовъ. У него не было средствъ одному бороться съ сильнымъ народомъ. Кромѣ того среди экзарховъ не было достойнаго преемника Нарсесу. Чужіе для страны чиновники, они не могли проникнуться интересами завоеванной провинціи, на которую смотрѣли, какъ на источникъ доходовъ, своихъ и императора. Они ограничивались тѣмъ, что по временамъ изъ Равенны вели мелкую войну. Отъ нихъ Италія не могла ждать спасенія. Видя это, она всѣми путями старается привлечь на себя вниманіе самихъ императоровъ. Черезъ папскаго повѣреннаго въ столицѣ и черезъ особыя посольства она настойчиво проситъ о помощи. Но преемники Юстиніана не хотѣли или не могли заняться дѣлами Италіи. Юстинъ II не понималъ необходимости ея защиты. Тиберій былъ занятъ войною съ персами и аварами и вернулъ обратно собранную для него римлянами субсидію. Маврикій не могъ сдѣлать многаго. Онъ смѣнилъ неспособнаго экзарха и деньгами склонялъ франковъ къ нападенію на ихъ сосѣдей-лангобардовъ. Въ концѣ концовъ ему удалось заключить перемиріе, по которому онъ призналъ за лангобардами всѣ занятыя ими земли. Имперія не могла защитить Италію. Ея правленіе было очень непопулярно. Финансовая администрація Восточной имперіи истощала средства

населенія. Мрачную картину раскрываетъ передъ нами переписка Григорія. „Даже враги, говоритъ онъ, губящіе насъ, кажутся намъ болѣе милостивыми, чѣмъ чины государства, которые не даютъ намъ жить своимъ коварствомъ, грабежомъ и обманами". Дѣйствительно, есть извѣстія, что жители перебѣгали къ лангобардамъ.

Духовенство и папы.

Потерявъ всякую надежду на помощь отъ имперіи, римское населеніе Италіи увидѣло себя предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ. Матеріально слабое, оно не могло разсчитывать прогнать лангобардовъ и вернуть себѣ старое господствующее положеніе. Привыкши къ крѣпкой государственной власти, оно послѣ ея паденія не имѣло политической организаціи. Между тѣмъ страдающему населенію нужна была матеріальная и нравственная помощь. Требовался національный объединяющій центръ. Но общественная сила, способная взять на себя обязанности національной политической власти, должна была пріобрѣсти симпатіи и покорность населенія. Теперь представлялся вопросъ, что же въ тогдашней Италіи могло явиться самостоятельной общественной силой!

V и VI столѣтія представляются эпохой, когда религіозные интересы общества достигли возможной полноты. Современному человѣку трудно представить себѣ это отдаленное отъ насъ время Церковь, выработавъ сообразное съ временемъ іерархическое устройство, сообщила христіанскій характеръ всѣмъ проявленіямъ жизни въ имперіи. Ея представители заняли первое мѣсто въ обществѣ. Законодательные сборники императоровъ Ѳеодосія II и Юстиніана отмѣчаютъ политическое значеніе новаго высшаго сословія. Введенные въ Италіи кодексъ и новеллы Юстиніана даютъ важныя права епископамъ въ мѣстномъ управленіи. Ихъ надзору подчинено все городское самоуправленіе, и они являются на первомъ мѣстѣ между городскими нотаблями. Имъ вручено наблюденіе за правильностью торговли. Ихъ суду подлежатъ всѣ дѣла, касающіяся брака, семьи и наслѣдованія; всякое свѣтское лицо, судившееся съ клирикомъ, обязано обращаться къ духовному суду подъ страхомъ громаднаго штрафа въ 10 фунтовъ золота. Мѣстныя условія давали римскому духовенству особенный вѣсъ и значеніе въ обществѣ. Всякій разъ, какъ мѣнялось чужеземное правительство, мѣстное духовенство увеличивало свое вліяніе. Въ борьбѣ туземнаго населенія съ аріанами-германцами духовенство являлось его единственнымъ вождемъ. Сильное и гордое своимъ исконнымъ православіемъ, римское духовенство осталось единственнымъ хранителемъ просвѣщенія въ странѣ, гдѣ не было

ни древнихъ культурныхъ центровъ, могущихъ соперничать съ восточными, ни живущаго умственной жизнью свѣтскаго общества. Со второй половины VI вѣка сильныя политическія потрясенія и несчастья вызвали въ римскомъ обществѣ особенный *церковническій* духъ. Еще въ періодъ Западной Римской имперіи вопросъ о томъ, кто долженъ объединить власть и нравственное вліяніе церкви и стать во главѣ организаціи этихъ новыхъ воспитательныхъ силъ, разрѣшался въ пользу папы. Государство признало то, чего требовала литература и акты помѣстныхъ соборовъ. Для иллюстраціи положенія папства въ пятомъ вѣкѣ приведемъ нѣсколько строкъ изъ одного важнаго современнаго эдикта императора Валентиніана III: „Такъ какъ заслуга св. Петра, перваго между епископами, далѣе достоинство города Рима и воля св. собора подтвердили первенство апостольскаго престола, то ничего нельзя предпринимать безъ воли этого престола. Тогда только сохранится церковный миръ, когда вселенная признаетъ своего руководителя (rector universalis)“. Эдиктъ требовалъ, чтобы непокорный епископъ былъ приводимъ на судъ папы свѣтскими властями подъ угрозой крупнаго штрафа съ послѣднихъ. Опираясь на такую власть, Левъ Великій поддерживалъ обаяніе римскаго папы въ областяхъ, уже занятыхъ германцами, диктовалъ свои взгляды греческимъ церквамъ, а при случаѣ являлся просителемъ за беззащитную столицу передъ грозными Аттилой и Гензерихомъ. Въ пылу спора съ восточнымъ императоромъ Анастасіемъ преемники Льва (Геласій, Симмахъ) имѣли возможность развить ученіе о превосходствѣ духовной власти. Но эпоха готскихъ войнъ и византійской власти въ Италіи принесла дальнѣйшія перемѣны въ положеніи римскихъ епископовъ, въ ихъ отношеніяхъ къ имперіи и къ мѣстному населенію. Передъ общими врагами—аріанами-лангобардами и передъ притѣсненіями греческихъ чиновниковъ они сознали общность своихъ интересовъ съ народными. Въ то же время власть Юстиніана не замедлила наложить на римскихъ епископовъ свою тяжелую руку. Они уже назначаются императоромъ и должны терпѣть вмѣшательство придворныхъ партій въ дѣлѣ совѣсти и вѣры. Въ Римѣ на глазахъ народа былъ схваченъ Велисаріемъ папа св. Сильверій, въ угоду императрицѣ Ѳеодорѣ. На папскомъ престолѣ появляются недостойныя личности: преемникъ Сильверія обвинялся народнымъ голосомъ въ черныхъ интригахъ и въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ выказалъ преступную угодливость передъ императоромъ. До такого положенія были доведены представители знаменитой и ува-

жаемой церкви, которые столько сдѣлали для возстановленія императорской власти въ Италіи! Все западное общество сочувствовало римской церкви. Тѣмъ болѣе осуждала императора Италія, гдѣ обстоятельства давно выдвигали папу на мѣсто ходатая и защитника населенія. Замѣтные слѣды указываютъ на постоянный ростъ политическаго значенія римскихъ епископовъ въ исторіи Рима и Италіи. Еще Одоакръ понимаетъ, какъ важно для свѣтской власти поставить избраніе папъ подъ свое вліяніе. Теодориху пришлось убѣдиться, что папа является представителемъ населенія Италіи. При Юстиніанѣ римскій народъ радуется догматическимъ побѣдамъ папы въ Византіи и сострадаетъ ихъ личнымъ несчастьямъ. За привязанность къ римскому престолу папы платили населенію заботами и матеріальной помощью. Цѣлыми годами они жили въ Константинополѣ и хлопотали о нуждахъ римскаго народа. Папа Пелагій I кормилъ и одѣвалъ разоренныхъ, собирая для нихъ пожертвованія въ Галліи, не забывая притомъ устраивать церковное хозяйство и бороться съ ересями.

Другой папа того же имени, предшественникъ Григорія, занялъ свое мѣсто при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Когда городъ былъ осажденъ лангобардами, Пелагій II явился передъ Маврикіемъ неутомимымъ просителемъ за гибнущее населеніе и требовалъ помощи, указывая на безсиліе экзарха. Въ отчаяніи Пелагій обратилъ вниманіе на Галлію и былъ однимъ изъ предугадавшихъ великое значеніе франковъ въ исторіи папства. Его просьбы не имѣли большого успѣха; но много новыхъ отношеній было завязано, и много историческаго опыта вынесла римская церковь изъ этого труднаго времени. Такъ въ тяжелой борьбѣ съ общественными несчастіями выростало національное значеніе римскаго епископа. Онъ не могъ однако развивать своего вліянія внѣ предѣловъ Италіи и стремился лишь поддержать прежнія связи, напоминая о себѣ жалобами и просьбами о помощи. Развитіе церковнаго авторитета папъ замедлилось, и появился интеллектуальный упадокъ. Сузился ихъ кругозоръ, и стали забываться традиціи великаго Льва. Темные и безвѣстные папы (напр., Іоаннъ и Бенедиктъ) появляются на римскомъ престолѣ. Между тѣмъ въ сосѣдней Галліи и Бургундіи церковь жила свѣтской жизнью, забыла бороться съ мѣстными безпорядками и остатками язычества; ослабли узы, соединявшія мѣстное духовенство съ Римомъ. Въ отдаленной Испаніи шла жестокая борьба аріанства съ католичествомъ, и вестготы брали штурмомъ послѣдніе римскіе города. Самостоятельно держалась

гордая своими преданіями и учителями африканская церковь. На сторону Византіи началъ склоняться Иллирикъ. На греческомъ Востокѣ положеніе духовнаго главы занялъ грозный для римскаго примата византійскій патріархъ. Критическій моментъ наступилъ въ исторіи папства. Не было видно, гдѣ ему взять средства для проведенія его міровой задачи, намѣченной Львомъ и его преемниками, не было на римскомъ престолѣ лица, который могъ бы вдохнуть въ него новую жизнь.

Біографія Григорія В. Осенью 589 года въ Римѣ, вслѣдъ за наводненіемъ, появился тифъ, и одной изъ первыхъ жертвъ его сталъ папа Пелагій II-й. Духовенство и народъ единогласно выбираютъ его преемникомъ діакона Григорія. Онъ отказывается отъ этихъ тяжелыхъ обязанностей, пишетъ письмо императору, умоляя не утверждать выбора. Письмо это перехватываютъ. Григорій тайно убѣгаетъ въ лѣсъ; его находятъ. Наконецъ, черезъ 8 мѣсяцевъ по смерти Пелагія, 3 сентября 590 года, Григорій былъ поставленъ римскимъ епископомъ. Кто же былъ этотъ необходимый для населенія правитель?

Григорій происходилъ изъ сенаторской и еще богатой семьи, въ которой религіозность и служеніе церкви стали наслѣдственными. Его дѣтство прошло среди ужасовъ готскихъ войнъ (онъ родился около 540 года), а его первое общественное служеніе (лѣтъ тридцати онъ уже былъ префектомъ города Рима) случилось въ разгаръ лангобардскаго вторженія. Онъ не успѣлъ получить серьезнаго образованія на памятникахъ древней литературы; это лишило умъ Григорія глубокаго развитія, но за то позволило ему быть вполнѣ человѣкомъ своего времени. Мы потомъ увидимъ какой отпечатокъ положила на его убѣжденія и характеръ эта тяжелая эпоха. Теперь въ его душѣ готовился знаменательный для исторіи его жизни, переворотъ, вѣроятно, болѣе подъ вліяніемъ личнаго его настроенія, чѣмъ увѣщаній жившихъ по сосѣдству монаховъ и его матери. „Я очень долго, говоритъ самъ Григорій, откладывалъ благодатное обращеніе и, охваченный небесною тоскою, предпочелъ сохранить свою свѣтскую наружность. Мнѣ стало яснымъ, какъ поступить въ виду моихъ интересовъ къ вѣчности, но меня побѣдила закоренѣлая привычка". Эта внутренняя борьба и колебаніе Григорія заканчиваются тѣмъ, что онъ бросаетъ свѣтъ, мѣняетъ роскошную одежду на рясу монаха, основываетъ шесть монастырей въ своихъ имѣніяхъ въ Сициліи, обращаетъ свой домъ въ Римѣ подъ седьмой и начинаетъ вести въ немъ жизнь аскета, занимаясь изученіемъ Писанія и латинскихъ отцовъ, особенно Августина, и на-

полняя остальное время постояннымъ упражненіемъ въ проповѣди. Несмотря на физическія страданія (онъ не переносилъ поста), самымъ счастливымъ и невозвратнымъ временемъ казались ему эти годы по сравненію съ послѣдующей жизнью, полной огорченій и тревогъ. Здѣсь онъ былъ окруженъ братствомъ раздѣлявшихъ его жизнь и занятія монаховъ, изъ которыхъ вышла цѣлая школа его учениковъ, восторженныхъ почитателей и дѣятельныхъ помощниковъ. Ставъ во главѣ мѣстнаго умственнаго движенія, Григорій не велъ вполнѣ созерцательной жизни. Всегда готовый на помощь, онъ прославился своею ежедневной благотворительностью и этимъ пріобрѣлъ особенную народную любовь.

Она проявилась въ слѣдующемъ эпизодѣ. По преданію, записанному біографомъ Григорія Іоанномъ, Григорій, встрѣтивъ на невольничьемъ рынкѣ молодыхъ англосаксовъ, удивился ихъ красотѣ и, узнавъ, что они не были крещены, отправился съ разрѣшенія папы въ Англію миссіонеромъ. Народъ поднялъ бунтъ и кричалъ папѣ: „Что ты сдѣлалъ? Ты обидѣлъ св. Петра и разорилъ Римъ", и заставилъ папу вернуть Григорія съ дороги. Черезъ нѣсколько времени папа вызвалъ Григорія изъ монастыря и сдѣлалъ его членомъ важной коллегіи семи регіонаріевъ, или облеченныхъ судебною властью прежняго претора правителей семи церковныхъ округовъ Рима. Новый папа Пелагій послалъ его своимъ апокрисіаріемъ ко двору императора Тиберія. Повсюду сопровождаемый нѣсколькими друзьями по монастырю, Григорій пробылъ въ Константинополѣ около семи лѣтъ. Здѣсь онъ развернулъ свои дипломатическія способности. Онъ сталъ другомъ многихъ лицъ, близкихъ къ власти, и пріобрѣлъ большое уваженіе обоихъ императоровъ, Тиберія и Маврикія, при которыхъ онъ состоялъ. Передъ ними онъ хлопоталъ о помощи разоренной Италіи. При этомъ онъ находилъ время писать свои толкованія на книгу Іова и вести долгіе споры съ патріархомъ Евтихіемъ о природѣ тѣла послѣ воскресенія. Григорій добился большого тріумфа, давно невиданнаго въ оскудѣвшей образованіемъ римской церкви. Императоръ велѣлъ сжечь книгу Евтихія, и старый патріархъ скоро умеръ съ горя, но и самъ Григорій тяжело заболѣлъ отъ волненія. Въ 585 г. онъ былъ отозванъ и, обогащенный политическимъ опытомъ, торжественно вернулся въ Римъ. Поселившись въ своемъ монастырѣ и взявъ на себя обязанность аббата, Григорій принялъ самое дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Таковы извѣстія о его прошлой жизни.

„На моемъ мѣстѣ", говорилъ Григорій, уступивъ волѣ римскаго

населенія, „всякій, называющій себя пастыремъ, вполнѣ занятъ свѣтскими заботами, такъ что часто бываетъ неясно, несетъ ли онъ обязанности пастыря или свѣтскаго начальника“. Горько всѣмъ жалуясь на потерю созерцательной жизни, Григорій энергично взялся за дѣла. Прежде всего самый Римъ требовалъ помощи. Наводненіе, голодъ, болѣзни, страшный ураганъ, лангобарды у воротъ города и суевѣрное отчаяніе населенія — вотъ при какихъ условіяхъ онъ занялъ свое мѣсто.

Хозяйственная дѣятельность Григорія

Въ краснорѣчивыхъ словахъ онъ призвалъ народъ къ покаянію. Указывая на близость кончины міра, въ которую онъ самъ искренно вѣрилъ, онъ вызвалъ порывъ религіознаго энтузіазма. Все населеніе, облекшись въ траурныя одежды, приняло участіе въ общей молитвѣ и въ семи торжественныхъ процессіяхъ, устроенныхъ имъ въ одно время. Успокоенный народъ увѣнчалъ это памятное въ его жизни событіе чудесными легендами и увѣровалъ въ своего епископа. Предстояла трудная задача поддерживать разоренное населеніе, привыкшее питаться казеннымъ хлѣбомъ. Эта задача была не подъ силу тогдашнему правительству. Григорій видѣлъ въ помощи населенію обязанность церкви и, взявъ въ руководство хозяйственныя описи (диптихи) папы Геласія, занялся устройствомъ церковныхъ имуществъ. Римская церковь была самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ полуострова. Ея владѣнія были раскинуты по плодородной Сициліи и другимъ островамъ, по областямъ Кампаніи, Африки, южной Галліи, Лигуріи, Коттійскимъ Альпамъ, Далмаціи, восточному Иллирику. Отдѣльныя имѣнія (praedia fundi) сводились въ болѣе крупныя единицы, называвшіяся massae, нѣсколько massae составляли patrimonium (напр., patrimonium Siciliae, Viae Appiae, Salonae). Въ одномъ patrimonium Siciliae былъ до 400 massae. Эти громадныя земельныя богатства составились различными путями, большею частью изъ имѣній сенаторскихъ фамилій, на что указываютъ имена въ родѣ fundus Cassianus, Antonianus, Primianus. Во время всеобщаго разоренія церковь необыкновенно увеличила свои имущества, и были случаи, что на чужихъ земляхъ ставились церковные межевые знаки. По требованію Григорія, соборъ 595 года запретилъ это подъ страхомъ отлученія. Григорій также требовалъ, чтобы земли, неправильно перешедшія въ частныя руки, были возвращаемы церкви съ большою осторожностью, дабы церковныя богатства не походили на прибыль (merces). Обширное хозяйство велось, во-первыхъ, посредствомъ такъ называемаго эмфитевсиса. Это былъ родъ вѣчной аренды, издавна встрѣчавшійся

на церковныхъ земляхъ; арендаторы-эмфитевты въ силу письменныхъ договоровъ, заключенныхъ съ епископомъ, были обязаны платить опредѣленный денежный взносъ (solaticum или просто pensio), взамѣнъ котораго имъ было гарантировано безсрочное и наслѣдственное владѣніе ихъ участкомъ. Но въ большинствѣ своихъ владѣній римская церковь вела собственное хозяйство, гдѣ рабочей силой являлось крѣпостное населеніе, такъ называемые колоны. Обладая по закону правомъ собственности на движимое имущество, слѣдовательно, правомъ завѣщанія и наслѣдованія, колоны были лишены самаго существеннаго—права свободнаго передвиженія, и поэтому ихъ положеніе было тяжелымъ. Помимо разныхъ мелкихъ пошлинъ и повинностей (барщины въ письмахъ Григорія, повидимому, не упоминаются) колоны были обязаны въ пользу владѣльца земли, въ данномъ случаѣ церкви, податью, такъ называемымъ канономъ. Эта подать взыскивалась хлѣбомъ натурою, на сумму денегъ, разъ навсегда опредѣленную. Такимъ образомъ въ урожайный годъ они должны были отдавать большее количество хлѣба; это открывало поле для злоупотребленій со стороны сборщиковъ. Для взноса подати колоны соединялись въ группы (condomae) и сдавали свои хлѣбные взносы особому агенту, происходившему обыкновенно изъ среды колоновъ, а тотъ велъ уже отъ себя счеты съ папскими казначеями. Такимъ образомъ эти агенты брали сборъ податей на откупъ (откуда ихъ названіе conductores). Чтобы оградить какъ колоновъ, такъ и этихъ conductores отъ злоупотребленій и переборовъ, Григорій входилъ во всѣ подробности этихъ операцій. Въ его довольно замѣчательной инструкціи управляющему на о-вѣ Сициліи Григорій принимаетъ мѣры противъ неустойчивости мѣръ и вѣсовъ и точно опредѣляетъ цѣнность солида.

Церковная администрація.

Управленіе „вотчинами св. Петра“ (patrimonia S. Petri) Григорій организовалъ въ стройную систему. Во главѣ ихъ онъ ставилъ назначаемыхъ изъ Рима и вполнѣ зависящихъ отъ него людей. Они часто происходили изъ самого крѣпостного населенія и при Григоріи всегда принадлежали къ составу клира, хотя Григорій не возвышалъ ихъ до священства, чтобы между ними не было самостоятельныхъ лицъ. Для всего они получали инструкціи и во всемъ отдавали отчетъ. Они назывались rectores и defensores или по своему званію писались діаконами, иподіаконами и нотаріями. За ихъ управленіемъ слѣдили особые ревизоры (responsales). Управители были подчинены коллегіи регіонаріевъ и сдавали свои отчеты черезъ папскаго эконома (dispensator ecclesiae). Этой арміи церков-

ныхъ чиновниковъ, служащихъ въ корпусѣ дефензоровъ (militantes in schola defensorum), разбросанныхъ повсюду и во всемъ покорныхъ приказаніямъ Рима, Григорій придалъ особое значеніе въ церковной администраціи. Мало того, что при ихъ помощи онъ привелъ въ порядокъ церковное хозяйство, онъ сдѣлалъ ихъ своими агентами въ дѣлахъ помощи населенію и вмѣстѣ съ тѣмъ проводниками его власти. Онъ постоянно обращался къ нимъ, требуя отъ нихъ необходимыхъ свѣдѣній, и приводилъ черезъ нихъ въ исполненіе свои указы. Они сдѣлались мѣстными орудіями церковной дисциплины. Считаясь намѣстниками папы въ предѣлахъ его патріархата, управители патримоніями во имя его власти руководили выборомъ епископовъ, слѣдили за исполненіемъ ими каноническихъ постановленій и по приказу папы подвергали ихъ наказанію. Ихъ юрисдикція была выше юрисдикціи епископа. Они являлись посредниками между духовенствомъ и населеніемъ и получили право созывать мѣстные соборы.

Монашество. Другой характерной чертой церковной политики Григорія явилось его покровительство монашеству. Этого слѣдовало ожидать, зная его личную исторію и характеръ его времени. Григорій предугадывалъ значеніе орденовъ въ будущей исторіи папства и послѣ св. Бенедикта Нурсійскаго явился вторымъ отцомъ западнаго монашества. Онъ окружилъ себя монахами, отдавалъ имъ предпочтеніе и назначалъ своихъ друзей по монастырю св. Андрея на важнѣйшія епископскія каѳедры. Онъ освободилъ монастыри отъ подчиненія епископамъ, особыми грамотами обезпечилъ за ними внутреннюю автономію и рядомъ строгихъ мѣръ противъ появившейся распущенности поднялъ нравственное значеніе монашества. Для поддержанія церковной дисциплины Григорій пользовался стариннымъ правомъ, принадлежавшимъ римскому патріарху, правомъ утвержденія епископовъ и контроля надъ ними. Григорій признавалъ епископовъ равными себѣ и называлъ ихъ братьями, но при немъ не было непокорныхъ въ предѣлахъ его патріархата. Этому помогло то счастливое условіе, что въ его время въ Италіи не было вліятельныхъ епископовъ; но послушаніе, которымъ былъ окруженъ Григорій, объясняется прежде всего тѣмъ, что онъ былъ всегда справедливъ въ своихъ требованіяхъ. Представитель церковнаго порядка, благочестія и гуманнаго отношенія къ народнымъ нуждамъ, онъ не давалъ повода подумать о сопротивленіи его нравственной власти.

Устраивая церковное хозяйство, владѣя громадными средствами и арміей преданныхъ агентовъ во всѣхъ углахъ своего патріархата, подчиняя сосѣднія церкви при помощи старыхъ преданій преемниковъ ап. Петра или личнымъ вліяніемъ, Григорій не успокоился въ гордомъ сознаніи своей власти. Систематически, съ самаго начала своего правленія онъ употреблялъ всѣ средства, бывшія въ его распоряженіи, для помощи страдающему обществу. По замѣчанію его біографовъ, онъ оставилъ своимъ преемникамъ заботу украшать Римъ великолѣпными постройками. Самъ же онъ далъ своимъ средствамъ болѣе дальновидное и благородное примѣненіе. Флотъ, нагруженный хлѣбомъ, два раза въ году приставалъ къ берегамъ Тибра и наполнялъ церковные амбары. По примѣру Пелагія I, Григорій помогалъ разореннымъ сенаторамъ и землевладѣльцамъ. Его біографъ видѣлъ въ архивѣ обширный списокъ лицъ, получившихъ отъ Григорія денежную помощь. Большая часть населенія Рима стояла отъ него въ матеріальной зависимости. Не одни римляне узнали благодѣтельное значеніе власти Григорія. Его наблюденіе за податной системой показываетъ, что ему также близки были интересы крѣпостного и иного населенія, жившаго на землѣ римской церкви. Григорій не думалъ, конечно, освободить колоновъ или снять съ нихъ оброки и повинности; да если бы онъ и хотѣлъ этого, то не могъ бы измѣнить порядокъ вещей, сложившійся исторически; но какъ разумный хозяинъ, гуманный человѣкъ и христіанскій пастырь, онъ систематически ограждалъ колоновъ отъ притѣсненій и облегчалъ ихъ тягости справедливымъ и заботливымъ отношеніемъ. Онъ уважалъ личную собственность колоновъ, возвращалъ имъ захваченное его агентами, признавалъ за ними право завѣщанія и наслѣдства, открывалъ имъ доступъ въ церковную администрацію и въ случаѣ разоренія заводилъ имъ новыя хозяйства. Его управленіе патримоніями носитъ печать патріархальности въ лучшемъ смыслѣ слова. На остальное населеніе Италіи Григорій не могъ дѣйствовать такъ широко и непосредственно. Здѣсь мы вступаемъ въ область мелкихъ фактовъ благотворенія, защиты и покровительства. Но они всего ближе сердцу современниковъ и скорѣе другихъ проникаютъ въ народное сознаніе. Роль христіанской церкви, какъ защитницы слабыхъ, никогда не была новостью для населенія; но въ эту трудную эпоху церковь дѣйствовала особенно энергично, руководимая гуманнымъ и дальновиднымъ лицомъ.

Отношенія къ низшимъ классамъ.

Переписка Григорія, драгоцѣнный памятникъ эпохи, сохранила

много извѣстій о его благотворительной дѣятельности: онъ выкупалъ изъ кабалы и плѣна, возвращалъ постороннимъ лицамъ выкупы, уплаченные ими за принадлежащихъ къ клиру; назначалъ пенсіи слѣпымъ и другимъ лицамъ, неспособнымъ къ работѣ; по просьбѣ бѣдныхъ наслѣдниковъ возвращалъ имущества, оставленныя церкви; былъ посредникомъ въ семейныхъ отношеніяхъ. Его обычными органами были церковные чиновники, но онъ привлекалъ и мѣстное духовенство къ помощи населенію. „Я узналъ, какъ въ Сардиніи притѣсняются низшіе и бѣдные тѣми, кто посильнѣе“, писалъ Григорій мѣстному епископу, требуя немедленной и энергичной помощи. Для того онъ давалъ нѣкоторымъ епископамъ суммы изъ римской церковной казны.

Долгія войны съ лангобардами повели къ преобладанію военной власти надъ гражданской въ провинціальномъ управленіи; и византійскіе офицеры, часто полуварвары, совершали насилія при всеобщемъ огрубѣніи нравовъ и слабости контроля. Узнавая о всѣхъ подобныхъ фактахъ, Григорій не оставлялъ ни одного случая безъ своего вмѣшательства, обращался съ увѣщаніемъ или жаловался высшимъ властямъ и прямо въ Константинополь.

Въ одну изъ трудныхъ минутъ своей жизни онъ разоблачаетъ передъ императрицей вопіющія беззаконія чиновниковъ въ Сардиніи, Корсикѣ, Сициліи, указывая въ свое оправданіе, что молчаніе съ его стороны было бы преступнымъ и подвергло бы его наказанію свыше. Цѣлыя общины встрѣчали защитника въ лицѣ Григорія. Жестокіе нравы византійскихъ чиновниковъ оскорбляли гуманнаго папу. Византійскій проконсулъ подвергъ тѣлесному наказанію одного изъ служащихъ, который былъ знакомъ Григорію. „Я не знаю“, пишетъ проконсулу Григорій, „виновенъ ли Либертинъ въ неосторожности или въ чемъ другомъ; но вотъ что мнѣ хорошо извѣстно: тѣмъ, что свободные люди подвергаются истязанію (я умолчу, что при этомъ оскорбляется Всемогущій Богъ и страдаетъ ваша репутація), этимъ кладется пятно на все царствованіе нашего благочестиваго государя. Вы должны соблюдать свободу тѣхъ, кѣмъ вы управляете, какъ свою собственную; и если хотите, чтобы высшіе не надругались надъ вашей свободой, то сохраняйте и уважайте независимость вашихъ подчиненныхъ“.

Кромѣ экзарха, никто изъ свѣтскихъ властей не стоитъ въ уровень съ главою римской церкви. Всѣ ищутъ рекомендаціи Григорія; однимъ онъ отказываетъ, за другихъ хлопочетъ и за нихъ ручается; высшимъ чиновникамъ дѣлаетъ выговоры о дѣлахъ, ко-

торыя не касаются непосредственно интересовъ церкви. Въ его рукахъ власть блюстителя христіанской нравственности выростаетъ до роли защитника населенія. Власть римскаго епископа увеличивается постепенно и неудержимо, благодаря тому, что является выразительницей національныхъ интересовъ и высшихъ началъ. Защита римскаго народа отъ лангобардовъ и соперничество папы съ представителемъ императора въ Италіи раскрыли для народнаго сознанія это новое значеніе римскаго престола въ народной жизни, освѣтили новое положеніе дѣлъ и явились вѣнцомъ политической дѣятельности Григорія.

Борьба съ лангобардами.

Какъ духовное лицо, онъ считалъ религіозное единство лучшимъ средствомъ поддерживать миръ съ лангобардами.и неоднократно напоминалъ епископамъ о необходимости крещенія лангобардовъ, среди которыхъ еще много оставалось язычниковъ. Въ 593 году онъ сумѣлъ завязать письменныя сношенія съ королевой Теоделиндой, католичкой по вѣрѣ. Вліятельная среди лангобардовъ Теоделинда крестила своего наслѣдника, покровительствовала католичеству и хлопотала о мирѣ съ римлянами. Это былъ вѣрный, но долгій путь: католичество утвердилось среди лангобардовъ только къ третьей четверти VII-го вѣка.

Но предстояло подумать и о защитѣ военной силой: къ Риму приближался король Агилульфъ. Григорій взялъ на себя защиту города. Онъ усиливалъ гарнизонъ, сносился съ командирами отрядовъ, стоявшихъ въ городахъ средней Италіи, извѣщалъ ихъ о непріятеляхъ, давалъ стратегическіе совѣты, посылалъ военнаго трибуна въ Неаполь, рекомендуя его горожанамъ; но его силы были слабы: въ Римѣ былъ оставленъ одинъ полкъ, и тотъ не получалъ жалованія. При извѣстіи о приближеніи лангобардовъ Григорій заболѣлъ отъ печали. А экзархъ запрещалъ вести переговоры безъ его участія! Григорію было ясно, что оружіемъ нельзя защитить безсильную Италію и нужно искать мира. Два раза деньгами или переговорами склонялъ онъ лангобардовъ удалиться изъ окрестностей города. Это не давало прочной безопасности. Мысль о всеобщемъ мирѣ въ Италіи овладѣла Григоріемъ; въ ней онъ угадалъ желаніе всего римскаго населенія страны. Но на пути къ этой цѣли стоялъ экзархъ, и столкновеніе съ нимъ стало неизбѣжнымъ на почвѣ, подготовленной несогласіемъ въ дѣлахъ церковнаго управленія. Между тѣмъ какъ управляющій Равенной патрицій Романъ мѣшалъ Григорію съ постоянствомъ, достойнымъ лучшаго приложенія, Григорій непреклонно преслѣдовалъ свою

мысль, имѣя въ виду народные интересы. Въ началѣ замѣчательнаго въ біографіи Григорія 595-го года онъ пишетъ къ одному изъ свиты экзарха: „Знайте же, что Агилульфъ, король лангобардовъ, не отказывается заключить общій миръ, если только патрицій (Романъ) пожелаетъ оказать ему справедливость. Вѣдь онъ жалуется, что на его земли было сдѣлано много нападеній въ теченіе перемирія... Слѣдуетъ быть договору... ибо вы знаете, какъ (всеобщій миръ) необходимъ намъ всѣмъ... Если (экзархъ) не захочетъ согласиться, то (король) обѣщаетъ устроить съ нами отдѣльный миръ, но мы знаемъ, что, безъ сомнѣнія, погибнутъ разные острова и другія мѣста. Пусть онъ сообразитъ все это и поспѣшитъ съ миромъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, путемъ этой отсрочки мы могли имѣть нѣкоторое спокойствіе и чтобы съ Божьей помощью успѣшнѣе возстановились оборонительныя силы государства“. Работая на пользу родной страны, Григорій долженъ былъ обращаться къ приближеннымъ экзарха въ просительномъ тонѣ. Чтó онъ чувствовалъ, видно изъ современныхъ писемъ. Онъ жалуется одному епископу: „Скажу коротко, что его (т. е. Романа) злоба превзошла оружіе лангобардовъ, такъ что враги, губители наши, кажутся намъ милостивѣе чиновъ государства, которые заѣдаютъ насъ своею злобою, грабежомъ и обманами“. Въ 595 году Григорій получаетъ отъ императора Маврикія рѣзкій упрекъ за вмѣшательство въ политическія дѣла. Намъ извѣстенъ отвѣтъ Григорія.

Отношенія къ Византіи. „Въ свѣтлѣйшихъ повелѣніяхъ своихъ, пишетъ онъ императору, Ваше императорское Благочестіе, стараясь оправдать меня отъ какихъ-то обвиненій, щадя меня, совсѣмъ не пощадило. Ибо тамъ оно называетъ меня вѣжливо—словомъ, взятымъ изъ просторѣчія, именно простакомъ (fatuus)... Значитъ, во всемилостивѣйшемъ рескриптѣ я, какъ обманутый Аріульфомъ (герцогомъ, съ которымъ Григорій заключилъ перемиріе), объявленъ простакомъ для того, чтобы назвать меня глупцомъ, что я за собой и самъ признаю. Если бы я не былъ глупцомъ, то я не сталъ бы терпѣть то, что терплю на этомъ мѣстѣ отъ оружія лангобардовъ. А въ томъ, что я узналъ отъ Аріульфа, что онъ всѣмъ сердцемъ былъ готовъ присоединиться къ государству (Римскому), мнѣ не вѣрятъ и даже упрекаютъ, что я далъ себя провести. Если бы плѣненіе моей страны не возрастало съ каждымъ днемъ, то я съ радостью умолчалъ бы объ оказанномъ мнѣ презрѣніи... Но меня сильно поражаетъ, что съ одной стороны я терплю обвиненіе во

лживости, съ другой стороны Италія уводится плѣнной подъ ярмо лангобардовъ. Пока моимъ докладамъ ни въ чемъ не вѣрятъ, силы моихъ враговъ чрезмѣрно растутъ. Однако я доношу всемилостивѣйшему императору, что пусть онъ думаетъ обо мнѣ все дурное, но гдѣ дѣло идетъ о пользѣ республики и разграбляемой Италіи, пусть онъ не всякому встрѣчному преклоняетъ свой слухъ. А на священниковъ... пусть земной государь нашъ не скоро гнѣвается, но пусть онъ отдаетъ имъ должное уваженіе. Вѣдь въ божественномъ словѣ священники называются иногда божественными (dii), иногда ангелами... Когда блаженной памяти императору Константину были предъявляемы обвиненія на епископовъ, то онъ сжегъ въ ихъ присутствіи эти писанія со словами: „Вы, божественные, поставленные истиннымъ Богомъ, идите и разбирайте сами между собою ваши дѣла, потому что не достойны мы судить божественныхъ"... Это я доношу Благочестію государей (т. е. Маврикія и его коронованнаго сына) не за себя, но за всѣхъ священнослужителей. Я же грѣшникъ и думаю, что на страшномъ судѣ мнѣ будетъ оказана милость, если я буду здѣсь подвергаться ежедневнымъ мученіямъ". И Григорій перечисляетъ Маврикію всѣ свои обиды: нарушеніе заключеннаго имъ перемирія, поведеніе экзарха, оставившаго Римъ безъ защиты, преслѣдованіе доблестныхъ защитниковъ города, префекта и магистра, изъ-за ихъ близости къ Григорію. „Если императоръ напоминаетъ о страшномъ судѣ", заканчиваетъ свое посланіе Григорій, „то еще неизвѣстно, каковъ онъ будетъ. Но я скажу коротко, что я, хотя и недостойный грѣшникъ, но болѣе полагаюсь на милосердіе грядущаго Іисуса, чѣмъ на правосудіе Вашего Благочестія".

Столкновеніе съ императорской властью не остановило Григорія. Онъ заставилъ равеннскаго архіепископа войти въ его виды. Однако этотъ прежній довѣренный другъ „заснулъ", по выраженію Григорія. Кромѣ того въ резиденціи экзарха хлопоталъ постоянный агентъ папы и посланъ былъ особый уполномоченный. Но все было напрасно, пока былъ живъ экзархъ Романъ, примиреніе съ которымъ сдѣлалось невозможнымъ послѣ появленія въ Равеннѣ пасквилей на личность римскаго епископа. Война продолжалась, и лангобарды завладѣли Сардиніей; но Григорій уже вышелъ на рѣшительный путь. При дворѣ Агилульфа хлопоталъ о мирѣ его собственный уполномоченный; и въ письмѣ, датированномъ октябремъ 598 года, Григорій могъ сообщить съ гордостью, что его агентъ заключилъ желанный миръ. Около этого времени умеръ

патриції Романъ, и его преемникъ утвердилъ условія трехлѣтняго мира. Самъ Григорій видѣлъ, что это было скорѣе перемиріе, не первое и не послѣднее: въ будущемъ предвидѣлся рядъ новыхъ нашествій и грабежей. Этотъ фактъ важенъ не самъ по себѣ, важно новое положеніе, занятое римскимъ епископомъ. Григорію страна была обязана отдыхомъ и безопасностью. Онъ имѣлъ право торжествовать, разсылая благодарственныя письма королевской лангобардской четѣ и лицамъ, помогавшимъ заключенію мира. Признакомъ новыхъ отношеній явился тотъ фактъ, что Агилульфъ потребовалъ подписи Григорія на договорномъ актѣ. Григорій отказалъ въ своей подписи, уклоняясь отъ серьезнаго конфликта съ императорской властью.

У него уже было столкновеніе съ Маврикіемъ по поводу новаго закона о запрещеніи солдатамъ вступать въ монастыри. Отвѣтъ Григорія хорошо характеризуетъ отношенія свѣтской и духовной власти въ VI вѣкѣ. Приведемъ его въ извлеченіи. „Кто не искрененъ передъ свѣтлѣйшими императорами въ своихъ словахъ и дѣлахъ, тотъ отвѣтитъ за это передъ Богомъ. Я, недостойный слуга Вашего Благочестія, говорю не какъ епископъ, не какъ подданный, но какъ частное лицо... Я признаюсь своимъ государямъ, что этотъ указъ наполнилъ меня ужасомъ, такъ какъ онъ замыкаетъ путь къ небесамъ для многихъ... Кто я такой, какъ не прахъ и червь, что смѣю такъ говорить своимъ государямъ? Всетаки, когда я вижу, что этотъ законъ нападаетъ на Бога, то не могу молчать. Вѣдь власть надъ человѣческимъ родомъ дана свыше моимъ государямъ для того, чтобы помогать тѣмъ, кто хочетъ расширить путь къ небу и заставить земное служить небесному. А вотъ запрещается бывшему на земной службѣ поступать на службу къ нашему Господу, если только онъ не немощенъ и не получилъ отставки... Вотъ что отвѣтилъ бы Христосъ такимъ государямъ моими устами: „Я тебя сдѣлалъ изъ секретарей министромъ двора, изъ министровъ кесаремъ, изъ кесарей императоромъ и, мало того, Я сдѣлалъ тебя отцомъ императоровъ. Я подчинилъ священниковъ Моихъ твоей власти, а ты гонишь своихъ солдатъ изъ служенія Мнѣ"... Вспомните, заклинаю васъ, какой императоръ издалъ подобный этому законъ, и посмотрите, стоитъ ли ему подражать (Григорій намекаетъ на Юліана)... Впрочемъ, подчиняясь вашему повелѣнію, я разослалъ этотъ самый законъ по разнымъ областямъ, но такъ какъ онъ не согласенъ съ волею Всемогущаго Бога, то я предупреждаю васъ этою

мольбою. Такимъ образомъ я исполню свой долгъ передъ обѣими сторонами: повинуюсь императорамъ и не умолчу о томъ, что мнѣ показалось противнымъ Богу". На самомъ дѣлѣ Григорій разослалъ этотъ эдиктъ 4 года спустя, вѣроятно, ожидая его отмѣны.

Наслѣдникъ традицій римскаго патріаршаго престола, гдѣ уже развивалось ученіе о первенствѣ духовнаго меча, Григорій привыкъ дѣйствовать самостоятельно. Онъ опредѣленно высказывался, что императоры не должны вмѣшиваться въ церковныя дѣла („pios dominos in causas ecclesiasticas non miscere"). Вмѣшательство Византіи стало для него тяжелымъ и въ дѣлахъ, лежащихъ внѣ компетенціи его церковной власти. При Маврикіи имперія дѣлала попытки вернуть ускользавшее изъ ея рукъ распоряженіе мѣстными дѣлами. То она присылала чрезвычайныхъ ревизоровъ, то собиралась взять въ свои руки важное дѣло—снабженіе Рима хлѣбомъ. Григорій отдавалъ должное личности благочестиваго Маврикія, и при жизни Маврикія границы приличія и этикета не переступались. Но раздраженіе, вызванное въ Григоріи внѣшней и церковной политикой этого императора, прорвалось у Григорія послѣ гибели династіи Маврикія.

Возмущеніе солдатъ и бунтъ константинопольской черни возвели на императорскій престолъ грубаго центуріона Фоку. Первымъ дѣломъ его правленія было звѣрское умерщвленіе всѣхъ членовъ прежней династіи. „Человѣкъ, жадный до вина, женщинъ и крови", какъ о немъ отзываются источники, Фока не могъ внушать ничего, кромѣ отвращенія и страха. Однако престарѣлый Григорій поспѣшилъ поздравить Фоку въ льстивыхъ и напыщенныхъ выраженіяхъ, отзываясь о правленіи Маврикія, какъ о времени наказанія за грѣхи. „Каждому пусть будетъ возстановлена его свобода подъ благочестивой властью", обращается онъ къ Фокѣ, указывая, что различіе римскаго императора отъ варварскихъ властителей заключается въ свободѣ его подданныхъ. Такова сущность знаменитаго посланія, гдѣ чувство радости отъ гибели стараго противника неудачно смѣшивается съ ожиданіемъ лучшихъ дней отъ Фоки. Если мы войдемъ въ область современныхъ церковныхъ отношеній, то этотъ документъ получитъ для насъ если не оправданіе, то объясненіе. Въ 595 году разыгрался споръ между церквами римской и константинопольской о титулѣ вселенской. Этотъ годъ былъ особенно труденъ для Григорія и вызвалъ его на обширную дѣятельность по вопросамъ политики и церковнаго устройства. Представляется при первомъ знакомствѣ съ исторіей

этого спора страннымъ, какъ могъ Григорій, говорившій неоднократно, что люди почитаются не по положенію, а по личнымъ заслугамъ, удѣлить столько вниманія вопросу о титулахъ и, будучи человѣкомъ мира и согласія, вложить въ одинъ изъ безконечныхъ церковныхъ споровъ всѣ свои силы, проявить столько горячности и ко многому измѣнить свои отношенія.

Споръ съ константинопольскимъ патріархомъ. Григорій всегда чувствовалъ себя римляниномъ и представителемъ римской церкви. „Я скорѣе готовъ умереть, писалъ онъ, чѣмъ допустить униженіе церкви св. Петра". Онъ былъ непреклоненъ, когда встрѣчалъ непослушаніе, особенно въ томъ случаѣ, если оно опиралось на сочувствіе свѣтской власти, напримѣръ, патриція Романа. Одного такого епископа (Максима изъ г. Салоны въ Далматіи) онъ заставилъ публично каяться въ самой резиденціи экзарха. Максимъ лежалъ на каменномъ помостѣ три часа, все время повторяя: „Я согрѣшилъ противъ Бога и блаженнѣйшаго папы Григорія", и послѣ того принялъ отъ Григорія почетную мантію въ награду. Но на этотъ разъ Григорій встрѣтилъ достойнаго противника въ лицѣ константинопольскаго патріарха Іоанна Постника. Это была личность аскетической, строгой жизни, заслужившая уваженіе общества и канонизованная послѣ смерти. Ихъ споръ не былъ личнымъ столкновеніемъ двухъ замѣчательныхъ монаховъ. Въ ихъ лицѣ воскресла *традиціонная вражда* стараго и новаго Рима, *церкви латинской и греческой*, что по тому времени было равносильно враждѣ западной и восточной культуръ. Соперничество западныхъ церквей съ восточными завязалось въ V вѣкѣ. Послѣ Халкидонскаго собора (451 г.) греческія церкви стали выдвигать византійскаго патріарха въ противовѣсъ Льву В. и его преемникамъ. Теперь въ резиденціи императора каѳедра была занята достойной и авторитетной личностью. Столкновеніе Григорія и Іоанна потому и замѣчательно, что характеры обоихъ исключаютъ возможность объясненія спора о первенствѣ мотивами личнаго честолюбія. Они оба явились *сознательными орудіями историческихъ силъ*. Поэтому ни съ одной стороны не могло быть уступокъ. Результатомъ конфликта явились взаимное отчужденіе и неразрѣшимая вражда. Болѣе 20-ти документовъ между письмами Григорія относятся къ этой борьбѣ. Два пресвитера восточной церкви были жестоко наказаны Іоанномъ за ересь. По ихъ жалобѣ Григорій заступился за нихъ и потребовалъ пересмотра дѣла. Іоаннъ долго отмалчивался, Григорій настаивалъ, желая напомнить Іоанну о старинномъ первенствѣ римскаго престола. Наконецъ, онъ полу-

чилъ весьма сдержанный отвѣтъ, гдѣ Іоаннъ, однако, „на каждой строчкѣ“ называлъ себя вселенскимъ патріархомъ. Григорій пришелъ въ крайнее раздраженіе. Онъ писалъ восточнымъ патріархамъ, императрицѣ, самому Маврикію. Всѣ его письма проникнуты самымъ сильнымъ негодованіемъ. Глава церкви—Петръ, говоритъ Григорій, на Халкидонскомъ соборѣ папѣ предлагали титулъ вселенскаго, но папы изъ смиренія его не носятъ. Себя Григорій называетъ „servus servorum Dei“ (рабъ рабовъ Божіихъ), занявъ у Августина это монашеское наименованіе. Духъ злобы, доказывалъ Григорій, побудилъ Іоанна присвоить новый и не принадлежащій ему титулъ. Всѣ епископы должны терпѣть этотъ скандалъ! Императорская власть должна положить ему конецъ. И эта обида нанесена ему во время общаго разоренья, когда онъ не знаетъ отдыха отъ лангобардовъ! Нигдѣ Григорій не встрѣтилъ сочуветвія. Отвѣтъ былъ, что самому ему должно беречься духа гордости. Но Григорій ни за что не хотѣлъ стерпѣть обиду. Тѣмъ не менѣе императоръ Маврикій замялъ дѣло, и Григорію пришлось замолчать. Ему оставалось только оправдывать наказанныхъ пресвитеровъ отъ обвиненія въ ереси, искать въ актахъ осудившаго ихъ собора пелагіанскихъ ученій, краснорѣчиво проповѣдовать теорію равенства епископовъ и видѣть, что имъ, римскимъ папой, открыто пренебрегали. Преемникъ Іоанна не измѣнилъ политики. Между тѣмъ Григорій не былъ свободенъ отъ гордости римлянина. Въ бытность свою въ Константинополѣ онъ счелъ лишнимъ научиться греческому языку. Онъ не любилъ, когда ему писали по-гречески, и оставлялъ такія письма безъ отвѣта. „Что за привязанность къ *городу* Константинополю“ писалъ онъ знатной римлянкѣ, жившей въ Византіи, „и что за забвеніе *столицы* Рима!“ Мѣстный патріотизмъ сказывался въ немъ сильно. Въ его дворцѣ слышалась только латинская рѣчь. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на представителя Италіи, и называлъ ее „terra mea“, моя родина. На грековъ смотрѣлъ онъ, какъ на чужихъ, и унаслѣдовалъ отъ предковъ пренебреженіе къ греческому народному характеру. „Римскія рукописи, писалъ онъ, гораздо вѣрнѣе греческихъ; у насъ нѣтъ ни ихъ хитрословія, ни ихъ плутовства“. Но его связывало съ имперіей кромѣ ненавистной всей Италіи администраціи личная преданность императору и національная гордость римскаго гражданина. По происхожденію римскій сенаторъ, онъ всегда оставался вѣрнымъ подданнымъ императора. Онъ получилъ свое политическое воспитаніе при византійскомъ дворѣ. Съ нимъ никогда не разрывались дружескія отноше-

нія. Императорская фамилія была ему знакома лично, и въ самыя горячія минуты онъ не позволялъ себѣ ничего несогласнаго съ придворными формами обращенія. Его близкіе были разсѣяны по всѣмъ областямъ имперіи. Въ ней сосредоточивались личныя и культурныя симпатіи его прошлой и настоящей жизни. Эта имперія носила имя Римской. Григорій сознавалъ себя ея членомъ и съ гордостью говорилъ объ „императорѣ свободныхъ римлянъ и всего человѣческаго рода“, въ отличіе отъ властителей варварскихъ племенъ. Теперь Григорій былъ оскорбленъ, какъ личность, какъ папа и какъ представитель Италіи. Онъ винилъ въ этомъ императора Маврикія и его экзарха. Григорій уважалъ и санъ, и особу императора, но въ немъ развилось глухое раздраженіе противъ политики Маврикія и противъ греческаго элемента въ церкви и управленіи. Съ этой стороны объясняются его отношенія къ узурпатору Фокѣ. При извѣстіи о гибели Маврикія и его рода Григорій разбудилъ въ себѣ надежды на перемѣну въ политикѣ. За себя и за Римъ спѣшитъ онъ высказать свою радость, онъ ждетъ новыхъ дней, возрожденія римской свободы, избавленія отъ 30-лѣтнихъ мучителей лангобардовъ; наконецъ, ловя минуту, онъ поднимаетъ уже оставленный споръ и шлетъ патріарху увѣщаніе о старомъ предметѣ. Запоздалыя надежды сквозятъ въ этихъ письмахъ черезъ напыщенную и вялую реторику одряхлѣвшаго писателя. Смерть его была уже недалеко.

Отношенія къ вестготамъ.

Столкновеніе съ Маврикіемъ и ссора съ Іоанномъ положили предѣлъ политическимъ планамъ Григорія на Востокѣ и въ Италіи. Оба удара пришлось ему вынести въ одно время, въ 595 году. Его раздраженіе не могло выразиться въ рѣзкой формѣ разрыва съ Восточной имперіей. Онъ отвернулся отъ Востока, поддерживалъ, сколько было нужно, старыя отношенія и не заводилъ новыхъ. Для его дѣятельности, переступившей предѣлы Италіи, оставались бывшія провинціи Западной имперіи. Дѣйствительно, Григорій сразу усилилъ свое вниманіе къ германскимъ народностямъ. Галлія и Испанія были старинными провинціями церкви Петра. Еще въ эпоху Западной имперіи онѣ были подчинены римскому патріарху законодательнымъ путемъ. Германское нашествіе нанесло ударъ этой зависимости. Она сдѣлалась лишь номинальной. Для поддержанія прежнихъ отношеній стало необходимымъ содѣйствіе національныхъ правительствъ.

Въ Испаніи утвердились ревностные аріане вестготы. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ король ихъ Леовигильдъ вор-

вался въ прибрежную область, уцѣлѣвшую въ рукахъ римлянъ со времени Юстиніана. Въ 582 г. онъ взялъ Севилью и Кордову. Казалось, католичеству угрожала гибель. Но это была послѣдняя борьба аріанства. Въ 589 г. новый король Реккаредъ принялъ католичество и послѣ Толедскаго собора сдѣлалъ его обязательнымъ для своихъ подданныхъ. Его расчетъ оказался вѣрнымъ. Черезъ 30 лѣтъ при королѣ Свинтилѣ исчезли послѣдніе слѣды императорской власти въ Испаніи. Григорій не принималъ участія въ этомъ крупномъ успѣхѣ католичества, но относился къ нему съ большою радостью; онъ хвалилъ Реккареда за его любовь къ католичеству и преподалъ ему совѣты, какъ долженъ вести себя христіанскій правитель; а затѣмъ выхлопоталъ у императора новый договоръ для него. Однако сношенія Рима съ Испаніей не были, повидимому, оживленными. Старый другъ Григорія Леандръ былъ примасомъ Испаніи и пользовался большимъ уваженіемъ и самостоятельностью. По смерти его Григорій вмѣшался въ церковныя распри и прислалъ уполномоченнаго съ подробнымъ наказомъ, куда включилъ много статей изъ римскихъ императорскихъ законовъ.

Отношенія къ франкамъ.

Важнѣе были отношенія Григорія къ франкскимъ государствамъ. Въ эпоху Западной имперіи Галлія была богатѣйшей провинціей римскаго патріархата. Для утвержденія своей власти папы давали полномочія своимъ викаріямъ, чаще всего епископамъ города Arelate (н. Арль, въ Провансѣ). Григорій началъ съ возобновленія этого викаріата. Онъ далъ льготныя грамоты монастырю св. Медарда въ Суассонѣ, одному въ Марселѣ и тремъ въ Отенѣ, завязалъ знакомства со знатными римлянами, уцѣлѣвшими въ ю. Галліи, и прислалъ для „небольшого“ имѣнія римской церкви своего дефензора. За всѣмъ тѣмъ для подчиненія и устроенія галльской церкви необходимо было содѣйствіе государственной власти. Старыя симпатіи римской куріи къ единовѣрнымъ и сильнымъ франкамъ укрѣпились въ VI в. въ виду общихъ враговъ лангобардовъ. Но въ 591 г. между франками и лангобардами былъ заключенъ миръ. Всетаки Григорій нашелъ почву для сношеній съ единовѣрнымъ правительствомъ. „Насколько царское достоинство превосходитъ другихъ людей“, писалъ онъ королю Хильдеберту, „настолько величіе вашего царства превышаетъ царства другихъ народовъ. Вѣдь неудивительно быть королемъ, какъ и другіе, но быть католикомъ, чего другіе не заслуживаютъ, дѣло великое (hoc satis est)“. Время Григорія было временемъ власти Брунегильды. Съ 593 г. она правила южнымъ и

восточнымъ королевствами через своего сына, упомянутаго Хильдеберта, а съ 597 г. через своихъ внуковъ. Григорій поддерживалъ дружескую переписку съ Брунегильдой, посылалъ ей предметы почитанія и священныя книги, рекомендовалъ ей своихъ уполномоченныхъ и миссіонеровъ, прося для нихъ покровительства. Григорій указывалъ ей на остатки язычества и свѣтскіе обычаи мѣстнаго духовенства, требуя созыва мѣстнаго собора подъ председательствомъ его викарія. Соборъ не состоялся, и Григорій напрасно грозилъ Брунегильдѣ небеснымъ гнѣвомъ. Назначеніе свѣтскихъ лицъ епископами, распорядителями церковными богатствами, было выгодно для государства, и Григорій не могъ вывести этого обычая. Тѣмъ не менѣе, цѣня ея дружбу, Григорій употреблялъ въ письмахъ къ ней такія выраженія, которыя не шли къ характеру Брунегильды и къ положенію самого Григорія. Напримѣръ, онъ пишетъ: „Опытъ многихъ случаевъ заставляетъ насъ довѣрять христіанскимъ качествамъ Вашей Свѣтлости“. Прося Брунегильду созвать соборъ, онъ пишетъ ей: „Сколько божественныхъ даровъ совмѣщено въ васъ и какая преданность вышней благодати наполняетъ васъ, въ этомъ... убѣждаетъ насъ и то, что даже дикія сердца иноплеменниковъ вы направляете предусмотрительнымъ и искуснымъ обхожденіемъ и, что еще болѣе славно, царскую власть украшаете мудростью“. Такое впечатлѣніе производили на него кровавые факты борьбы Брунегильды съ національной аристократіей. При такихъ отношеніяхъ къ франкскому правительству любопытны угрозы противъ королей въ данныхъ монастырямъ и, повидимому, подлинныхъ грамотахъ. Вотъ эти формулы: „Если же кто-нибудь изъ королей, священнослужителей, сановниковъ или простыхъ людей, зная эти строки нашего постановленія, попробуетъ пойти противъ него, то пусть у него не будетъ (careat) власти, чести и достоинства, и пусть онъ знаетъ, что онъ повиненъ Божьему суду“; если же не вернетъ похищеннаго, то будетъ отлученъ отъ церкви. Григорій VII ссылался на эти грамоты во время своей борьбы съ Генрихомъ, какъ на прецедентъ. Таковы главные факты отношеній Григорія къ государствамъ германцевъ. Путемъ учрежденія викаріатовъ и исправленія мѣстныхъ церковныхъ обычаевъ — старыми пріемами его предшественниковъ — онъ возобновилъ прежній авторитетъ римскаго патріарха. Новыя начала, внесенныя имъ въ церковное управленіе — покровительство монашеству и управленіе черезъ церковныхъ чиновниковъ — остались въ зачаткѣ на Западѣ. Развиться имъ мѣшали мѣстныя условія. Симонія и свѣтскій ха-

рактеръ церкви составляли неблагодарную почву для развитія церковной дисциплины. За то были завязаны сношенія съ правителями франковъ и вестготовъ. Они выслушивали наставленія, какъ духовныя дѣти. Они покровительствовали у себя вліянію римскаго престола. Они видѣли въ Григоріи посредника при сношеніяхъ съ восточнымъ императоромъ. Его посланія переносили на германскую почву римскія юридическія понятія. Онъ расширилъ пути, которыми шла на сѣверъ римско-католическая культура. Въ трудную для Италіи эпоху Григорій поддержалъ власть римскаго епископа на Западѣ.

Отношенія къ англосаксамъ.

Передъ нами послѣдній крупный фактъ его дѣятельности — крещеніе англосаксовъ. Знаменитая миссія, принесшая изъ Рима католическую культуру къ живущимъ варварской самобытной жизнью англосаксамъ, была плодомъ мысли и воли Григорія В. Напрасно было бы искать въ источникахъ достовѣрнаго происхожденія этого плана. Въ своей исторіи англійской церкви Бэда Достопочтенный записалъ извѣстное преданіе о встрѣченныхъ Григоріемъ въ Римѣ красивыхъ англахъ. Нельзя поручиться за частности этой легенды, но она хорошо передаетъ общій характеръ апостольской ревности, воодушевлявшей Григорія. Нужно думать, что изъ монастыря Григорій вынесъ мысль о проповѣди сѣвернымъ народамъ. Вспомнимъ умственную среду, которой онъ былъ тамъ окруженъ. О его первомъ учителѣ, св. Бенедиктѣ, сохранилось преданіе, что во время молитвы передъ нимъ раскрылся единый христіанскій міръ. Его второй учитель, св. Августинъ, проповѣдовалъ замѣну римскаго царства христіанскимъ, „Божьимъ“. Проникшись идеалами христіанскаго единства всего міра, Григорій жаждалъ ихъ осуществленія. Достигнувъ папскаго престола, онъ только въ 595 г. дѣлаетъ замѣтные шаги для осуществленія плана проповѣди англосаксамъ. Онъ поручаетъ своему управляющему въ Галліи покупать молодыхъ англовъ и готовить ихъ для миссіонерства. Но это былъ долгій путь. Услышавъ, повидимому, что франкская принцесса Берта вступила въ бракъ съ королемъ Кента Этельбертомъ, старшиною (bretwalda) всѣхъ семи англосаксонскихъ королевствъ, и взяла съ собой епископа, будучи католичкою, Григорій снаряжаетъ къ нимъ миссію изъ своихъ учениковъ, монаховъ основаннаго имъ монастыря. Во главѣ онъ ставитъ ихъ игумена Августина, римлянина знатнаго происхожденія. Прибывъ въ Галлію, миссія упала духомъ, и Августинъ былъ посланъ въ Римъ съ просьбой отпустить имъ ихъ послушаніе. Григорій вернулъ его обратно,

сдѣлалъ аббатомъ миссіи, снабдилъ его нужными рекомендаціями и прислалъ съ нимъ посланіе къ рабамъ Божьимъ, „идущимъ въ Англію". „Впередъ, во имя Божіе", писалъ онъ... „Чѣмъ больше будетъ труда, тѣмъ выше будетъ ваша слава въ вѣчности... Если я не могу раздѣлить вашихъ трудовъ, то я всетаки буду участвовать въ жатвѣ, потому что, видитъ Богъ, у меня нѣтъ недостатка въ доброй волѣ". Въ 598 г. Григорій получилъ радостныя вѣсти о блестящемъ успѣхѣ миссіи. Онъ спѣшилъ извѣстить объ этомъ патріарха александрійскаго: „Августинъ, монахъ нашего монастыря... съ моего разрѣшенія поставленный епископомъ.. пришелъ къ упомянутому народу до конца свѣта... а въ праздникъ Рождества Господня (597)... болѣе 10000 англовъ по полученнымъ нами извѣстіямъ было крещено братомъ и епископомъ нашимъ". Посылая новыхъ миссіонеровъ къ Августину, Григорій поздравлялъ его съ успѣхомъ и явленными черезъ него чудесами, но убѣждалъ беречься гордости.. Благодаря королеву Берту за покровительство миссіи, Григорій сравнивалъ ее съ Еленой и писалъ, что ея заслуги стали извѣстны самому восточному императору; Этельберта онъ сравнивалъ съ Константиномъ, уговаривалъ преслѣдовать язычество и разрушать храмы язычниковъ и слушаться совѣтовъ Августина. Одновременно онъ прислалъ Августину грамоту, гдѣ давалъ ему pallium (почетную мантію) и назначалъ епископомъ всей Англіи, поручая ему посвятить новаго митрополита въ Іоркѣ (Eboracum) съ тѣмъ, чтобы тотъ въ свою очередь поставилъ въ своей митрополіи 12 епископовъ. Глава новой миссіи Меллитъ получилъ замѣчательныя инструкціи, гдѣ Григорій рекомендовалъ поступать осторожно, не разрушать языческихъ храмовъ, но обращать ихъ въ церкви, не преслѣдовать жертвоприношенія, но обращать ихъ въ вечери любви. „Порочное дѣло", писалъ Григорій при другомъ случаѣ, „что міряне по воскресеньямъ предаются пьянству; но нужно простить имъ ихъ характеръ, чтобы они не сдѣлались хуже, если будутъ удерживаемы отъ такой привычки". „На гору не подымаются скачками", объяснялъ онъ, „нужно идти шагомъ". Инициаторъ и руководитель миссіи, Григорій не оставлялъ заботъ о ней до самой смерти. Какъ церковный учитель, онъ посылалъ изъ Рима отвѣты на всѣ затрудненія въ церковной практикѣ; (впослѣдствіи явились весьма извѣстные въ средніе вѣка, но, кажется, апокрифическіе отвѣты Григорія на вопросы Августина). Крещеніемъ англосаксовъ завершился понтификатъ Григорія. Успѣхомъ этого великаго дѣла были украшены его послѣдніе дни,

омраченные физическими страданіями, новой опасностью отъ лангобардовъ и ссорой съ Востокомъ. Исполнилась его завѣтная мечта. „Вотъ Всемогущій Господь“, пишетъ онъ въ толкованіяхъ на Іова, „простеръ свои свѣтлые лучи до послѣднихъ предѣловъ моря, ибо чудесами своихъ проповѣдниковъ онъ привелъ къ вѣрѣ даже край свѣта. Вотъ онъ проникаетъ, наконецъ, въ сердца почти всѣхъ племенъ, и соединяетъ въ единствѣ вѣры границы Востока и Запада“...

Въ мартѣ 604 г. Григорій умеръ и былъ погребенъ рядомъ со Львомъ въ базиликѣ св. Петра. Сынъ своего вѣка, онъ вынесъ изъ монастыря непоколебимую увѣренность во всеобъемлющемъ значеніи земной церкви. Всѣ свои силы онъ употребилъ на служеніе великой идеѣ церковнаго единства и порядка. Онъ не могъ жить вполнѣ созерцательной жизнью. Понимая, какъ важно было въ ту эпоху непосредственно дѣйствовать на людей, руководить ихъ поступками, править ихъ жизнью, обращать тѣхъ, кто не вѣритъ, и исправлять тѣхъ, кто вѣритъ и не исполняетъ, признавая, какъ монахъ, превосходство созерцательной жизни, онъ писалъ: „Однако умъ не можетъ долго оставаться въ созерцаніи и необходимо, чтобы онъ переходилъ къ дѣятельной жизни“.... Примѣромъ для другихъ была его неутомимая и разносторонняя дѣятельность. Словомъ и перомъ не менѣе, чѣмъ своей властью, онъ служилъ церкви и попутно обществу. Улучшая церковный обиходъ и заботясь о потребностяхъ богослуженія, онъ вводитъ такъ называемое cantus Gregorianus, учреждаетъ въ Римѣ церковную школу и руководитъ ею лично. Не будучи и не желая быть самостоятельнымъ мыслителемъ, Григорій любитъ литературныя занятія и наполняетъ весь свой досугъ толкованіями на книги Св. Писанія и проповѣдями. Одинъ сборникъ его толкованій, названный имъ Moralia, содержитъ 60 книгъ. Несмотря на мистическое содержаніе и всегда условныя формы выраженія, труды Григорія были понятны и цѣнны для его современниковъ. Его Pastoralis, четыре книги объ обязанностяхъ пастыря (если онѣ дѣйствительно принадлежатъ Григорію), такъ живо отвѣчали на потребности средневѣкового общества, что сдѣлались настольной книгой и руководствомъ для всякаго епископа. Четыре книги „Діалоговъ“, написанныя въ формѣ разговора между Григоріемъ и его ученикомъ, были посвящены описанію чудесъ и подвиговъ святыхъ Италіи. Діалоги были любимымъ чтеніемъ средневѣкового общества и были переведены на греческій и арабскій языки (отсюда Григорій получилъ въ восточной церкви имя Двоеслова). Приведемъ отрывокъ для характеристики этихъ легендъ, полныхъ благочестивой

Сочиненія Григорія.

наивности и суевѣрія. „Въ виду того, что ты постарался повѣрить (моимъ предыдущимъ разсказамъ), считаю нужнымъ разсказать тебѣ то, что мнѣ повѣдали вѣрные люди. Юліанъ, второй дефенѳоръ римской церкви, которой я служу по милости Божіей, тотъ самый, что умеръ лѣтъ семь тому назадъ, часто навѣщалъ меня здѣсь въ монастырѣ и велъ со мной бесѣды о спасеніи души. Однажды какъ-то онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: во времена короля Теодериха отецъ моего тестя отправился для сбора податей въ Сицилію и, окончивъ свое дѣло, возвращался въ Италію. Его корабль причалилъ къ острову, Линдрисъ по имени. Такъ какъ тамъ жилъ одинъ пустынникъ, человѣкъ великой добродѣтели, то, пока корабельщики занимались починкой корабля, упомянутому отцу моего тестя захотѣлось сходить къ тому Божьему человѣку и поручить себя его молитвамъ. Въ разговорѣ съ нимъ и его спутниками мужъ Господній между прочимъ сказалъ: Знаете, что король Теодерихъ умеръ?“ Они ему отвѣтили: „Врядъ ли, мы оставили его здоровымъ, и никакихъ вѣстей о немъ до насъ не доходило“. На это слуга Божій прибавилъ: „Онъ уже умеръ, потому что вчера въ девятомъ часу я видѣлъ Теодериха распоясаннаго, разутаго и связаннаго между папой Іоанномъ съ одного бока и патриціемъ Симмахомъ съ другого, и видѣлъ, какъ онъ былъ ими брошенъ въ вулканъ на сосѣднемъ островѣ“. Услышавъ это, они тщательно записали день и по возвращеніи въ Италію нашли, что король Теодерихъ умеръ въ тотъ самый день, въ который слугѣ Божьему были явлены его погибель и наказаніе. И такъ какъ Теодерихъ довелъ папу Іоанна до смерти въ темницѣ, а патриція Симмаха казнилъ мечемъ, то по справедливости онъ оказался брошеннымъ въ огонь тѣми, кого онъ беззаконно осудилъ въ этой жизни“.

Григорій осуждалъ все чуждое жизни церковной. Онъ засталъ послѣдніе слѣды свѣтской образованности съ ея реторическими и грамматическими упражненіями. Григорій относился къ ней неодобрительно. Посылая свои сочиненія, онъ писалъ: „Я не старался соблюдать самое искусство изложенія, которое намъ внушается наставленіями свѣтской науки... я считаю въ высшей степени недостойнымъ подчинять слова небеснаго пророчества правиламъ Доната (ритора)“. Въ извѣстномъ письмѣ къ епископу вьеннскому (въ ю. Галліи) Дезидерію Григорій отказываетъ ему въ почетной мантіи за занятія грамматикой. „Намъ много хорошаго говорили о вашихъ занятіяхъ“, пишетъ онъ Дезидерію: „но потомъ дошло до нашего свѣдѣнія—о чемъ мы не можемъ вспомнить безъ стыда — что ты,

братъ нашъ, обучаешь кого-то грамматикѣ. Извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, къ которому мы питаемъ большое отвращеніе, весьма насъ поразило; похвалы Христу не могутъ ужиться въ однихъ и тѣхъ же устахъ съ хвалой Юпитеру. Сообрази, какъ противозаконно и непристойно поступаютъ епископы, воспѣвая то, что не рѣшится воспѣвать благочестивый міряниъ". Были ли занятія грамматикой предлогомъ для отказа въ pallium или нѣтъ, это все равно для знакомства съ культурнымъ направленіемъ Григорія. Въ средневѣковой литературѣ встрѣчается преданіе о сожженіи Григоріемъ Палатинской библіотеки; оно записано впервые писателемъ XII вѣка (Іоанномъ изъ Солсбери) и не подтверждается ближайшими источниками.

Аскетъ-правитель. Въ отношеніи къ рабству, къ іудеямъ и язычникамъ, Григорій раздѣлялъ убѣжденія эпохи, насколько ему позволялъ его гуманный характеръ и болѣе широкій, чѣмъ у большинства современниковъ, взглядъ. Признавая рабство неизбѣжнымъ, онъ выкупалъ всѣхъ, кого могъ, и высказывалъ такое сужденіе: „Хорошо поступитъ тотъ, кто пожалѣетъ людей, которыхъ обычное право довело до рабства, и окажетъ имъ благодѣяніе, возвративъ имъ ту свободу, для которой они рождены". Онъ запрещалъ преслѣдовать іудеевъ, но требовалъ, чтобы они не строили подлѣ церкви своихъ синагогъ, запрещалъ имъ проповѣдовать ихъ вѣру и сбавлялъ подати переходившимъ въ христіанство. Искореняя остатки язычества, Григорій не отступалъ передъ обращеніемъ къ свѣтской власти.

„Исправивъ путемъ проповѣди, говоритъ его біографъ, равно какъ и тѣлесными наказаніями, племя барбарициновъ, сардовъ и поселянъ Кампаніи, онъ отвратилъ ихъ отъ язычества". Не вступая въ борьбу съ коренными соціальными взглядами общества, Григорій весь отдался интересамъ христіанскаго ученія и церковнаго порядка. Чтобы познакомиться съ его обычнымъ настроеніемъ и взглядами на жизнь, прочтемъ характерный отрывокъ изъ его „Діалоговъ". „Разъ какъ-то, утомившись чрезмѣрной суетой нѣсколькихъ мірянъ, направился я въ уединенное мѣсто, убѣжище въ печали... Когда я сидѣлъ тамъ въ сильномъ огорченіи и въ долгомъ молчаніи, ко мнѣ подошелъ дорогой мой сынъ, діаконъ Петръ, мой другъ съ ранняго дѣтства. Посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ: „Вѣрно съ тобою что-нибудь случилось, что̀ держитъ тебя въ печали, больше обыкновеннаго?" Я ему говорю: „Моя ежедневная печаль, о Петръ, всегда бываетъ для меня старой по привычкѣ и всегда новой по силѣ. Вѣдь моя несчастная душа помнитъ, какова она была нѣкогда въ монастырѣ, какъ все происходящее было ниже ея... какъ она при-

выкла думать только о небесномъ... какъ она любила самую смерть, которая для всѣхъ есть наказаніе, считала ее входомъ въ жизнь и наградой за страданіе. Теперь же по случаю пастырскихъ обязанностей она должна входить въ мірскія дѣла, и послѣ своего прекраснаго покоя она оскорбляется прахомъ земного дѣйствія. Я взвѣшиваю, что̀ я потерялъ; тѣмъ тяжелѣе становится для меня то, что я несу"...

Изнуренный постомъ, болѣзнью и трудами Григорій состарѣлся преждевременно. Слабый тѣломъ, съ голымъ черепомъ и ввалившимся лицомъ землистаго цвѣта, онъ жилъ посреди постоянныхъ физическихъ страданій. „Вотъ прошло уже два года, пишетъ онъ, какъ я лежу въ постели... и моя болѣзнь не такъ легка, чтобы перестать, и не такъ тяжела, чтобы умертвить меня". Онъ просилъ молиться о дарованіи ему смерти. Смиренный до того, что кланялся постороннимъ до земли, кроткій и снисходительный, Григорій являлся олицетвореніемъ этихъ качествъ въ памяти потомства (Гильдебрандъ называлъ его „doctor ille mitissimus"). Его щедрость къ нищимъ стала предметомъ легендъ. Въ то же время Григорій былъ неутомимъ и непреклоненъ въ своей дѣятельности, уменъ до хитрости въ своемъ обращеніи, гордъ своимъ саномъ, суровъ съ ослушниками его воли и расчетливъ въ веденіи церковнаго хозяйства. Онъ представляется прототипомъ тѣхъ средневѣковыхъ пастырей, въ которыхъ искреннее презрѣніе къ міру и личное смиреніе уживались рядомъ съ неуклоннымъ стремленіемъ къ духовной и политической власти. Впрочемъ, заботясь о достоинствѣ святого римскаго престола, Григорій В. всегда имѣлъ на первомъ планѣ общую пользу, интересы' „reipublicae", т. е. римскаго государства. Онъ не стремился, повидимому, къ власти ради ея самой. Его преемники пошли дальше.

Права на имя Великаго у Григорія безспорны. Онъ является *возстановителемъ* и реорганизаторомъ папства.. Разумнымъ управленіемъ онъ сберегъ и увеличилъ матеріальныя средства римскаго епископа. Вліяніемъ своей личности онъ укрѣпилъ его нравственный авторитетъ. Путемъ организаціи церковнаго управленія черезъ дефензоровъ и привилегій монашеству онъ заложилъ основаніе воинствующей и дисциплинированной церкви. Постояннымъ и благодѣтельнымъ участіемъ въ народной жизни онъ подготовилъ національное значеніе римскаго епископа въ исторіи Италіи. Его политика привела его къ столкновенію съ императорской властью и съ авторитетомъ константинопольскаго патріарха. Получивъ отпоръ на

Востокѣ, Григорій сосредоточилъ свое вниманіе на западныхъ народахъ и возстановилъ среди нихъ старое значеніе римскаго епископа. Его личная ревность о христіанскомъ единствѣ вселенной повела римско-католическую культуру въ наступленіе на далекій сѣверъ. Крещеніе англосаксовъ положило начало присоединенію сѣверныхъ народовъ къ общей культурной жизни Европы и вызвало основаніе знаменитыхъ въ исторіи католичества англійской—а затѣмъ и нѣмецкихъ церквей. Послѣдній отецъ церкви и первый средневѣковый богословъ (Doctor Ecclesiae), Григорій воплощалъ въ себѣ образованность эпохи. Его сочиненія являются устоями средневѣковаго просвѣщенія. Своею личностью онъ представилъ въ первой и лучшей формѣ новый историческій типъ аскета-правителя.

Б. Панченко.

———※———

XI.

Бонифацій, апостолъ Германіи.

Начало обращенія германцевъ въ христіанство. Среди германскихъ племенъ христіанство распространялось довольно медленно. Первое знакомство ихъ съ новымъ ученіемъ слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда оно стало распространяться въ Римской имперіи и уже успѣло пріобрѣсти среди ея населенія много послѣдователей. Это знакомство шло не только черезъ римскихъ плѣнниковъ, но и черезъ посредство тѣхъ германскихъ дружинъ, которыя поступали на службу имперіи и по истеченіи срока возвращались въ отечество. Понятно, что прежде всего христіанскія общины появились на пограничной линіи по Рейну и Дунаю. Такъ, уже въ III вѣкѣ возникли христіанскія общины въ прирейнскихъ провинціяхъ, а въ придунайской области приняла крещеніе часть готовъ. Обращеніе послѣднихъ въ христіанство пошло успѣшнѣе начиная съ IV вѣка, когда епископъ Ульфила (318—388) далъ народу переводъ Библіи на его родномъ языкѣ. Но благодаря тому, что онъ самъ былъ сторонникомъ ученія Арія, и среди готовъ христіанство распространилось въ еретической формѣ аріанства. Въ такой формѣ отъ готовъ приняла его большая часть германскихъ племенъ—вандалы, бургунды, лангобарды. Только франки и англосаксы крестились по ученію православной церкви. Такимъ образомъ, къ VI вѣку христіанство утвердилось среди племенъ, придвинувшихся къ римскимъ границамъ и занявшихъ римскія провинціи, но

Источники: *Jaffé,* Monumenta rerum germanicarum (Moguntina) B. III. Жизнеописанія Бонифація, составленныя Вилибальдомъ, Отлономъ; Passio S. Bonifacii; его переписка. **Пособія**: *A. Werner*, Bonifacius der Apostel der Deutschen; *Ozanam*, Etudes germaniques. T. II.

племена внутренней Германіи—аллеманы, бавары, фризы, саксы—продолжали держаться языческой религіи предковъ. Они были еще слишкомъ неподготовлены къ принятію христіанства и не очень охотно мѣняли старую религію на новое ученіе. Свое язычество, въ которомъ жили и умерли ихъ предки, они понимали лучше и потому крѣпко за него держались. Однажды вождь фризовъ—Радбодъ, современникъ Карла Мартелла, склонясь на увѣщаніе христіанскаго проповѣдника, приготовился креститься и уже опустилъ ноги въ воду, какъ у него явился вопросъ, будутъ ли его предки блаженствовать на небѣ вмѣстѣ съ нимъ. Получивъ въ отвѣтъ, что они, какъ язычники, должны мучиться въ аду, Радбодъ тотчасъ же вышелъ изъ воды и предпочелъ оставаться осужденнымъ вмѣстѣ съ своими храбрыми предками, чѣмъ безъ нихъ блаженствовать со Христомъ.

Франкскіе миссіонеры въ Германіи.

Неподготовленность племенъ внутренней Германіи къ принятію христіанства являлась отчасти слѣдствіемъ того, что миссіонерская проповѣдь среди нихъ долгое время была плохо организована. Мы въ правѣ были бы ожидать, что франки, обратившіеся къ христіанству въ концѣ V вѣка, явятся ревностными проповѣдниками новаго ученія среди своихъ соплеменниковъ, обитавшихъ за Рейномъ. Но христіанство, принятое Хлодвигомъ въ 496 году, не скоро проникло во всѣ слои франкскаго общества. Протекло цѣлое столѣтіе, прежде, чѣмъ оно успѣло утвердиться среди франкскаго народа, такъ что только къ началу VII вѣка могло явиться среди представителей франкской церкви сознаніе необходимости христіанской проповѣди среди язычниковъ. Для того, чтобы привести въ исполненіе свою задачу, франкскіе миссіонеры нуждались въ покровительствѣ свѣтской власти, а меровинги, оказывая поддержку дѣлу проповѣди, руководились при этомъ не столько религіознымъ чувствомъ, сколько политическимъ разсчетомъ. Поэтому проповѣдь франкскихъ миссіонеровъ (св. Аманда, св. Элигія Нойонскаго) была обращена только къ тѣмъ язычникамъ, которые ближе всего соприкасались съ государствомъ меровинговъ, а именно къ сѣвернымъ франкамъ, среди которыхъ еще держалось язычество, и къ фризамъ, поселившимся отчасти на прежней родинѣ салическихъ франковъ. Между тѣмъ неурядицы, наступившія въ государствѣ меровинговъ, не могли не отразиться на состояніи франкской церкви, такъ что къ концу VII и началу VIII вѣка она пришла въ сильный упадокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружился недостатокъ въ людяхъ, которые могли бы, въ силу высокаго религіознаго одушевленія, принять на себя трудныя миссіонерскія обязанности. Съ другой стороны, и Римъ въ то время не

имѣлъ еще возможности приняться въ широкихъ размѣрахъ за проповѣдь христіанства среди язычниковъ-германцевъ. Римскіе епископы, тѣснимые въ Италіи варварами-лангобардами и покинутые Византіей на произволъ судьбы, должны были направить всѣ свои заботы на то, чтобы какъ нибудь сохранить свою самостоятельность. Вотъ почему первые проповѣдники Евангелія среди языческихъ племенъ внутренней Германіи явились не изъ Рима, какъ можно было бы ожидать, а съ отдаленныхъ острововъ сѣвернаго моря, изъ Ирландіи и Англіи.

Ирландскіе миссіонеры. Среди населенія Ирландіи христіанство распространилось около V вѣка. Побуждаемые особымъ религіознымъ усердіемъ, ирландцы посылали своихъ миссіонеровъ ко многимъ германскимъ племенамъ. Самымъ дѣятельнымъ изъ нихъ былъ св. Колумбанъ, который въ концѣ VI вѣка покинулъ Ирландію и съ 12 другими монахами изъ монастыря Бангора явился ко двору франкскаго короля Гонтрана, чтобы христіанской проповѣдью и святостью собственной жизни положить конецъ той религіозно-нравственной испорченности, которая въ меровингскую эпоху охватила всѣ сословія. Здѣсь св. Колумбанъ и его спутники нашли хорошій пріемъ и, получивъ позволеніе поселиться, гдѣ имъ будетъ угодно, удалились въ область Вогезовъ, гдѣ и поселились въ уединенномъ мѣстѣ. Проповѣдь Колумбана имѣла большой успѣхъ. Легенда, разсказывая о жизни и дѣятельности святого, передаетъ намъ черты, которыя свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ обаяніи личности проповѣдника и всепокоряющей силѣ его слова. Вся природа была покорна его волѣ: скалы становились плодородными, дикіе звѣри спокойно проходили мимо уединенныхъ жилищъ миссіонеровъ, птицы радостно вились вокругъ Колумбана, когда онъ проходилъ по лѣсу, векши довѣрчиво покидали деревья и располагались у него на рукѣ. Понятно, что такой человѣкъ съ еще большимъ успѣхомъ покорялъ сердца людей, и въ теченіе двадцати лѣтъ проповѣди ему удалось поднять нравственность франкскаго духовенства и его паствы. Проповѣдь Колумбана сопровождалась основаніемъ монастырей, между которыми особенно прославился Люксейль (въ департаментѣ Верхней Соны), гдѣ жизнь шла по самымъ строгимъ правиламъ [1]) и

[1]) Вотъ правила монастырской жизни св. Колумбана: „монахъ долженъ жить въ монастырѣ, повинуясь власти одного человѣка и въ обществѣ многихъ лицъ, для того, чтобы отъ перваго научиться покорности, отъ остальныхъ терпѣнію. Онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ исполнять всякое свое желаніе, онъ долженъ ѣсть то, что ему даютъ, имѣть при себѣ только то,

служила примѣромъ для остального населенія. Слава этихъ монастырей росла съ каждымъ днемъ, число монастырской братіи увеличивалось и она пополнялась не только лицами франкскаго происхожденія, но и привлекала въ свои общежитія новыхъ выходцевъ изъ Ирландіи. Начиная съ половины VII, вѣка многіе изъ иноковъ Люксейля, сдѣлавшагося средоточіемъ не только религіозной жизни, но и науки, разошлись въ разныя стороны и явились реформаторами общественной жизни, проповѣдниками и основателями новыхъ монастырей. Дѣятельность св. Колумбана была сопряжена съ страшными трудностями и опасностями, несмотря на то, что первое время онъ проповѣдовалъ среди народа, который давно уже принадлежалъ къ христіанской церкви. Христіанскія понятія не успѣли еще глубоко проникнуть въ жизнь, а между тѣмъ св. Колумбанъ возставалъ противъ всякаго отступленія отъ христіанскихъ законовъ. Такъ одинъ изъ франкскихъ королей, держась варварскихъ обычаевъ, имѣлъ нѣсколько женъ. Колумбанъ обличалъ короля въ этомъ беззаконіи и совѣтовалъ ему вступить въ бракъ, дозволенный церковью. За это смѣлое обличеніе онъ подвергся изгнанію и долженъ былъ удалиться сначала въ Нейстрію къ Хлотарю II, а затѣмъ въ Австразію къ Теодеберту II. По просьбѣ Теодеберта Колумбанъ со своими спутниками направился проповѣдовать христіанство къ сосѣднимъ съ Австразіей язычникамъ Аллеманіи. Онъ поселился тамъ на берегу Констанцскаго озера, вблизи развалинъ римскаго города Бриганція (Брегенца), проповѣдовалъ язычникамъ Евангеліе, прекратилъ жертвоприношенія Водану и разрушилъ идолы какихъ-то боговъ, про которыхъ народъ говорилъ: „вотъ исконные боги нашей земли, покровительство которыхъ сохранило насъ до настоящаго времени“! Проповѣдь шла успѣшно въ теченіе трехъ лѣтъ, пока былъ живъ и оказывалъ покровительство проповѣднику Теодебертъ; но какъ только его не стало, Колумбанъ былъ изгнанъ изъ Аллеманіи. Онъ ушелъ тогда въ Италію и въ сѣверной ея

что получаетъ, повиноваться даже тому, кому нежелательно оказывать повиновеніе. Онъ можетъ отдаться сну не иначе, какъ истомленный отъ усталости: только когда смыкаются глаза, можно идти спать, и необходимо покинуть постель прежде, чѣмъ успѣешь выспаться. Если приходится терпѣть обиду, монахъ долженъ молчать. Онъ долженъ бояться старшаго въ монастырѣ, какъ Бога, и любить его, какъ отца. Онъ не можетъ судить рѣшенія старшихъ—его обязанность повиноваться и исполнять приказаніе, согласно словамъ Моисея: „ступай, Израиль, и молчи...“ Необходимо постоянно молиться, трудиться и заниматься наукамиˮ.

части, близъ Павіи, основалъ монастырь Боббіо, гдѣ и былъ погребенъ. Одинъ изъ учениковъ св. Колумбана, по имени Галлъ, продолжалъ дѣло своего учителя въ Аллеманіи, построилъ тамъ монастырь на рѣчкѣ Штейнахъ и такимъ образомъ положилъ основаніе знаменитому Сангалленскому аббатству, долго славившемуся ученостью своихъ монаховъ и сдѣлавшемуся центромъ, откуда стало распространяться христіанство среди окрестныхъ язычниковъ. Почти все населеніе Аллеманіи и Реціи обратилось къ христіанству въ теченіе VII и VIII вѣка; послѣднимъ великимъ проповѣдникомъ среди аллемановъ былъ Пирминъ (ум. въ 753 г.), который обошелъ съ съ проповѣдью всю Аллеманію и основалъ тамъ нѣсколько монастырей (Рейхенау, и др.).

Съ такими же трудностями, какъ дѣятельность св. Колумбана, сопряжена была проповѣдь другихъ ирландскихъ миссіонеровъ, которые успѣли проникнуть не только въ Баварію, гдѣ они нашли поддержку въ христіанскихъ общинахъ, существовавшихъ тамъ со времени римскаго владычества, но даже и въ Тюрингію, гдѣ христіанство не успѣло еще сдѣлать никакихъ пріобрѣтеній. Въ половинѣ VII вѣка пришли въ Баварію два монаха изъ Люксейля, и положили основаніе баварской церкви. Когда вслѣдъ за ними явился сюда епископъ города Пуатье, св. Эммеранъ, то онъ нашелъ, что христіанство не успѣло еще прочно утвердиться въ странѣ и народъ въ одно и то же время совершалъ Евхаристію въ воспоминаніе о Христѣ и участвовалъ въ жертвоприношеніяхъ языческимъ богамъ. Эммеранъ поселился въ Регенсбургѣ и успѣшно проповѣдовалъ Евангеліе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока мученическая кончина не прекратила его дѣятельности. Вскорѣ обращеніе баваровъ въ христіанство было вполнѣ закончено, благодаря св. Руперту, котораго потому и называютъ апостоломъ Баваріи. Онъ принялъ на себя трудъ, начатый св. Эммераномъ, обошелъ всю Баварію, крестя народъ и строя церкви, и обратилъ къ христіанству баварскаго герцога Теодона (696 г.), который посѣтилъ Римъ и получилъ благословеніе папы. Папскій престолъ въ это время занималъ Григорій II; онъ отправилъ въ Баварію своихъ легатовъ, поручивъ имъ дать новообращенной странѣ опредѣленное церковное устройство.

Въ Тюрингіи язычество держалось прочно почти до конца VII вѣка. Когда въ 622 году франкскій король Дагобертъ явился въ Тюрингію, то одинъ изъ тюрингенскихъ вельможъ, который долженъ былъ сопровождать короля, и оставить домъ на неопредѣленное время, безпокоясь объ участи своего больного старика отца, при-

казалъ домашнимъ отсѣчь ему голову въ послѣднія минуты передъ смертью, руководясь въ данномъ случаѣ вѣрованіемъ предковъ, по которому въ царство Водана попадали только тѣ, у кого на тѣлѣ оставались слѣды желѣза. Только въ концѣ VII вѣка христіанство проникло и въ Тюрингію: сюда явился ирландскій епископъ Киліанъ съ двумя спутниками и, поселившись на берегахъ Майна, въ городѣ Вюрцбургѣ, сталъ проповѣдовать Евангеліе, но вскорѣ нашелъ здѣсь мученическую кончину.

Слабыя стороны ирландской миссіи.

Впрочемъ, дѣятельность ирландскихъ миссіонеровъ почти не коснулась племенъ средней Германіи. Своей проповѣдью они поднимали религіозный духъ франкскаго духовенства и проповѣдовали съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ среди смѣшаннаго римскаго и германскаго населенія Аллеманіи и Баваріи, но ихъ проповѣдь среди племенъ, крѣпко державшихся языческой старины, не дала никакихъ результатовъ. Успѣху проповѣди, кромѣ неподготовленности этихъ племенъ къ принятію новаго ученія, препятствовали многія неблагопріятныя условія. Ирландскіе миссіонеры, чуждые по своему происхожденію германской народности и вышедшіе изъ монастырей своей родины, не умѣли въ достаточной степени отрѣшиться отъ созерцательной, отшельнической жизни. Являясь на материкъ, они спѣшили удалиться въ уединеніе и затвориться за стѣнами вновь основаннаго монастыря. Правда, жизнь этихъ миссіонеровъ за стѣнами новыхъ обителей шла по самымъ строгимъ правиламъ, но эти примѣры монашеской жизни оставались для большинства язычниковъ незамѣтными и мало понятными. Недостаточно было проповѣди примѣромъ и даже словомъ: для такого труднаго дѣла, какъ проповѣдь среди язычниковъ, требовались люди болѣе энергичные и болѣе близкіе къ обыденной мірской жизни. Оставаясь строгими аскетами, ирландцы имѣли горячее желаніе привести къ спасенію коснѣющихъ въ язычествѣ варваровъ, но никакъ не могли быть снисходительными къ ихъ слабостямъ и особенностямъ ихъ нравовъ. Они держались мнѣнія, что человѣкъ, прежде чѣмъ принять крещеніе, долженъ внутренно переродиться; но такой переворотъ не можетъ въ язычникѣ произойти быстро, онъ требуетъ подготовки и усвоенія внутренняго смысла новаго ученія. При такихъ взглядахъ на дѣло распространенія христіанства среди язычниковъ, какихъ держались ирландскіе миссіонеры, трудно было ожидать отъ ихъ проповѣди быстрыхъ и значительныхъ успѣховъ. Кромѣ того, британская церковь всегда отличалась свободнымъ направленіемъ, не знала строгой іерархіи

и не имѣла тѣхъ опредѣленныхъ формъ, въ какія вылилась церковь римская. Поэтому ирландскіе миссіонеры, являвшіеся съ проповѣдью на материкъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось распространить христіанство въ той или другой области, не умѣли упрочить существованіе новой христіанской общины, давъ ей опредѣленное устройство. Когда Баварія, благодаря дѣятельности цѣлаго ряда ирландскихъ миссіонеровъ, стала христіанской страной, то баварскій герцогъ всетаки долженъ былъ обратиться въ Римъ, и папа прислалъ въ Баварію своихъ легатовъ, чтобы довести до конца дѣло ирландскихъ миссіонеровъ и устроить баварскую церковь. Таковы были внутреннія, болѣе скрытыя причины слабаго успѣха ирландской миссіи, но сюда же нужно отнести и внѣшнія неблагопріятныя условія, среди которыхъ приходилось дѣйствовать проповѣдникамъ. Франкское королевство, главное христіанское государство на западѣ, которое могло бы служить опорой для ихъ дѣятельности, раздробленное на составныя части, само находилось въ упадкѣ, такъ что ирландскіе миссіонеры не только находили весьма мало поддержки, но часто встрѣчали явно враждебное отношеніе къ себѣ со стороны франкскихъ правителей. Наконецъ, мѣшало и то, что ирландскіе миссіонеры проповѣдовали каждый отдѣльно, безъ всякаго общаго руководительства. За ними не стоялъ авторитетъ и вліяніе римскаго епископа, не было съ его стороны того активнаго участія, которое могло бы устроить дѣло.

Англо-саксонская церковь.

Эти неблагопріятныя условія были устранены, когда вслѣдъ за ирландскими миссіонерами явились распространять христіанство среди язычниковъ-германцевъ только что принявшіе крещеніе англо-саксы. Они нашли энергичную поддержку со стороны римскаго епископа, а затѣмъ и майордомы франковъ, захватившіе къ этому времени власть въ свои крѣпкія руки, приняли проповѣдниковъ Евангелія подъ свое покровительство. Эти новые проповѣдники, германцы по своему происхожденію, не успѣли еще забыть ни языка, ни обычаевъ предковъ и, являясь, какъ братья, къ соплеменникамъ внутренней Германіи, скорѣе могли разсчитывать на успѣхъ. Съ другой стороны, они не были связаны столь суровыми требованіями, какія предписывалъ своимъ послѣдователямъ св. Колумбанъ. Англосаксонская церковь держалась болѣе снисходительныхъ правилъ устава св. Бенедикта, которыя требовали не только отшельничества, но заставляли монаховъ вести болѣе дѣятельный, чѣмъ созерцательный образъ жизни. Такимъ образомъ, англосаксонскіе монахи были ближе знакомы съ обыденной жизнью народа и потому

скорѣе могли понять особенности его быта и болѣе снисходительно отнестись къ его слабостямъ. Подобная снисходительность могла только способствовать болѣе легкому воспріятію новаго ученія со стороны язычниковъ. Но болѣе всего успѣху англосаксонской миссіи содѣйствовалъ одинъ изъ проповѣдниковъ, за свою ревностную дѣятельность, завершившуюся мученической кончиной, получившій названіе апостола Германіи. Дѣйствительно, христіанство окончательно утвердилось въ Германіи благодаря проповѣди св. Бонифація, когда германскій народъ тысячами сталъ принимать крещеніе и когда новой церкви дано было прочное устройство. Исторія обращенія германцевъ въ христіанство, такимъ образомъ, болѣе всего должна быть связана съ біографіей этого проповѣдника.

Біографія Бонифація.

Первоначальное имя Бонифація было Винфридъ. Онъ происходилъ изъ знаменитаго рода и родился въ 680 году въ графствѣ Уессексъ (въ Киртонѣ). Съ раннихъ лѣтъ въ немъ проявилась склонность къ монастырской жизни, и, хотя это совершенно не согласовалось съ желаніемъ родителей, Винфридъ еще мальчикомъ поступилъ въ одинъ изъ монастырей. Здѣсь долгое время жизнь его проходила въ обыкновенныхъ иноческихъ подвигахъ, особенно въ изученіи Св. Писанія. Начало его миссіонерской дѣятельности нужно отнести къ 716 году. Но первый опытъ былъ неудаченъ. Онъ отправился въ страну фризовъ, и, едва только началъ тамъ свою проповѣдь, какъ открылась война между герцогомъ Фрисландіи Радбодомъ и Карломъ Мартелломъ, которая отняла всякую надежду на успѣхъ. Большая часть христіанскихъ церквей, какія успѣли возникнуть подъ покровительствомъ франковъ, были разрушены, и христіанское богослуженіе снова уступило мѣсто поклоненію идоламъ и принесенію языческихъ жертвъ. Это заставило Винфрида покинуть Фрисландію и возвратиться въ Англію въ свой монастырь. Впрочемъ, первая неудача принесла пользу: въ тиши монастырскаго уединенія онъ обдумывалъ планъ своей дѣятельности и тамъ пришелъ къ убѣжденію, что на успѣхъ проповѣди можно разсчитывать только въ томъ случаѣ, если папа приметъ въ ней самое близкое участіе. Запасшись рекомендательнымъ письмомъ англійскаго епископа Даніила, онъ отправился въ 718 году въ Римъ, чтобы у престола апостолъ Петра получить необходимыя полномочія. Папа Григорій II принялъ Винфрида очень благосклонно и уполномочилъ его съ своей стороны проповѣдовать евангеліе среди язычниковъ-германцевъ. Съ этого времени началась плодотворная миссіонерская дѣятельность Винфрида. Онъ еще два раза (въ 723 и 738 гг.) посѣтилъ Римъ

По этимъ путешествіямъ можно раздѣлить его дѣятельность на два періода, изъ которыхъ первый, обнимающій время до третьяго путешествія его въ Римъ, былъ посвященъ исключительно проповѣди Евангелія. Второй періодъ его дѣятельности, начавшійся вслѣдъ за посѣщеніемъ Рима въ третій разъ въ 738 году, былъ занятъ устройствомъ германской церкви и ознаменовался цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ соборовъ, на которыхъ обсуждались различные вопросы, касавшіеся какъ внѣшняго строя церкви, такъ и вѣрованій.

Проповѣдь у фризовъ.

Итакъ, дѣятельность Винфрида началась съ благословенія папы. Въ инструкціи, данной ему папой Григоріемъ II, говорилось, между прочимъ, что онъ долженъ идти распространять царство Божіе среди всѣхъ языческихъ народовъ, какіе только въ состояніи будетъ посѣтить, и силою добродѣтели, любви и воздержанія распространить проповѣдь обоихъ Завѣтовъ. Слѣдуя папской инструкціи, Винфридъ прошелъ черезъ всю Германію. Онъ шелъ, какъ говорится въ одномъ его жизнеописаніи, обозрѣвая народы, подобно пчелѣ, которая кружится около цвѣтовъ въ саду, пока не выберетъ какой-нибудь изъ нихъ и не сядетъ на него. На этотъ разъ случай снова привелъ его къ фризамъ. Здѣсь давно уже проповѣдовалъ англо-саксонскій епископъ Виллибродъ, который, пользуясь побѣдами первыхъ каролинговъ въ странѣ фризовъ, успѣлъ распространить христіанство въ южной ея части и даже основалъ въ Утрехтѣ епископскую каѳедру, по просьбѣ Пипина Геристальскаго получившую утвержденіе римскаго епископа. Въ то время, когда Винфридъ вторично прибылъ въ страну фризовъ, Радбода не было уже въ живыхъ. Смерть этого гонителя христіанства дала возможность Винфриду оставаться среди фризовъ цѣлыхъ три года и проповѣдовать здѣсь вмѣстѣ съ епископомъ Виллибродомъ. Онъ всюду разрушалъ языческія святилища и на ихъ мѣстѣ воздвигалъ христіанскіе храмы.

Уже въ первые годы своей дѣятельности Винфридъ успѣлъ пріобрѣсти уваженіе среди населенія Германіи своими личными достоинствами, особенно силой своего слова. Въ Тюрингіи случилось ему наставить въ правилахъ вѣры двухъ братьевъ, которые еще раньше приняли крещеніе, но продолжали еще держаться языческихъ обрядовъ. Изъ уваженія къ проповѣднику они подарили ему участокъ земли, гдѣ Винфридъ на вершинѣ горы построилъ монастырь Аменабургъ. Послѣ втораго путешествія въ Римъ въ 723 году положеніе его въ Германіи упрочилось. Въ этомъ году, въ день св. Андрея, папа посвятилъ его въ епископы безъ опредѣленной каѳедры

и замѣнилъ прежнее имя Винфрида новымъ, назвавъ его Бонифаціемъ. Подъ этимъ именемъ и сталъ извѣстенъ славный просвѣтитель Германіи. Папа заставилъ Бонифація поклясться на гробѣ св. Петра, что онъ навсегда останется вѣренъ римской церкви и что всѣхъ новообращенныхъ подчинитъ римскому епископу. Съ этого момента Бонифацій сталъ папскимъ легатомъ, вполнѣ подчиненнымъ Риму. Но становясь въ подчиненное положеніе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ вліятельнаго покровителя, слово котораго уже имѣло вѣсъ на западѣ. Григорій II далъ Бонифацію рекомендательное письмо къ могущественному майордому франковъ Карлу Мартеллу, въ которомъ просилъ его оказать поддержку своему миссіонеру. Кромѣ того, были даны письма ко всѣмъ епископамъ и христіанамъ Германіи, въ которыхъ папа убѣждалъ ихъ помогать проповѣднику Слова Божія. Мало того, папа снабдилъ Бонифація воззваніемъ къ самимъ язычникамъ и рекомендовалъ его, какъ посланника Божія ради спасенія ихъ душъ.

Карлъ Мартеллъ.

Прежде всего Бонифацій явился съ письмомъ къ франкскому майордому. Почему папа направилъ его къ этому могущественному владыкѣ, котораго молва называла притѣснителемъ церкви и духовенства, похитителемъ церковныхъ имуществъ? Дѣйствительно, отношеніе Карла Мартелла къ церкви и духовенству было таково, что вполнѣ подтверждало возводимыя на него обвиненія; но не слѣдуетъ забывать, что его церковная политика вытекала изъ того положенія, въ какомъ находилось тогда франкское государство. Враги-язычники или еще болѣе опасные послѣдователи новой религіи, Ислама, со всѣхъ сторонъ подступали къ его границамъ и дѣлали попытки пробраться въ самыя владѣнія франковъ. Карлу Мартеллу, такимъ образомъ, предстояла трудная задача обезопасить границы государства отъ всякихъ вторженій, и онъ долженъ былъ воевать, не опуская меча, во все время своего управленія. Это была дѣятельность, вполнѣ достойная христіанина, такъ какъ Карлъ Мартеллъ спасъ христіанское общество на западѣ отъ его враговъ. Нуждаясь при такихъ обстоятельствахъ въ военной силѣ и не имѣя другихъ средствъ создать ее, онъ отбиралъ церковныя земли и раздавалъ ихъ вождямъ, которые со своими военными людьми должны были являться на войну по первому его призыву. Въ то же время высшіе представители франкской церкви, епископы и аббаты, занимавшіе доходныя мѣста, обязаны были на свои средства содержать извѣстное число воиновъ. Карлъ Мартеллъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы военная повинность прежде всего выполнялась

духовенствомъ, лишалъ непокорныхъ епископовъ и аббатовъ ихъ должностей, которыя передавалъ усерднымъ своимъ приверженцамъ, часто людямъ, не принадлежащимъ вовсе къ духовному званію. Отъ такихъ мѣръ падало, конечно, религіозное значеніе и нравственность духовенства, особенно высшаго, среди котораго многіе жили вполнѣ свѣтскою жизнью, но зато франкское государство имѣло хорошую военную силу и не уступило ни одного клочка земли своимъ врагамъ. Такая церковная политика Карла Мартелла, навязанная ему необходимостью, возбудила сильную ненависть франкскаго духовенства, которое иначе не называло его, какъ великимъ тираномъ и хищникомъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ былъ враждебно настроенъ противъ христіанской церкви и ея представителей. Карлъ Мартеллъ былъ прежде всего политикъ и потому для него важнѣе было удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ государства, чѣмъ пріобрѣсти любовь и уваженіе духовенства. Но насколько церковные интересы совпадали съ интересами государства, они находили въ немъ самаго энергичнаго покровителя. Какъ мудрый политикъ, онъ понималъ, что пріобрѣтенія, сдѣланныя христіанскими проповѣдниками, могутъ быть гораздо прочнѣе пріобрѣтеній, сдѣланныхъ среди сосѣдей при помощи оружія. Онъ оказывалъ, напримѣръ, покровительство евангельской проповѣди среди фризовъ, поддерживалъ Виллиброда въ его апостольскихъ трудахъ и даже подарилъ ему земли около Утрехта для основанія церквей. Нужно думать также, что отъ него не могли ускользнуть тѣ выгоды, какія могла принести ему и его дому дружба съ римскимъ епископомъ, при помощи котораго франкскій майордомъ возвысился впослѣдствіи до степени франкскаго короля. Что же касается до папы, то онъ, ради своихъ цѣлей и въ виду своего положенія въ Италіи, готовъ былъ идти на встрѣчу желаніямъ майордома. Извѣстно, что папа Григорій III обратился съ просьбой о помощи противъ лангобардовъ къ Карлу Мартеллу, и желая расположить въ свою пользу правителя франкскаго государства, прислалъ ему ключи отъ гробницы апостола Петра и предложилъ ему принять званіе римскаго консула. Однако въ то время Карлъ Мартеллъ нуждался въ помощи лангобардскаго короля Ліутпранда и, не желая съ нимъ ссориться, не исполнилъ просьбы папы, но сумѣлъ отклонить ее такъ искусно, что не оскорбилъ и римскаго епископа.

Такимъ образомъ, папа, направляя своего миссіонера къ Карлу Мартеллу, могъ разсчитывать, что тотъ окажетъ Бонифацію свою

поддержку. Въ письмѣ папы къ Карлу говорилось: „Намъ извѣстно, что ты во многихъ случаяхъ выказалъ свою ревность къ религіи, а потому мы поручаемъ тебѣ Бонифація, который направляется съ евангельскою проповѣдью къ народамъ германскаго племени и другимъ, которые живутъ къ востоку отъ Рейна". Дѣйствительно, Карлъ Мартеллъ принялъ участіе въ искавшемъ у него покровительства проповѣдникѣ и выдалъ ему охранную грамоту, скрѣпленную собственною подписью и печатью. Онъ приказывалъ въ ней чтобы епископы, герцоги, графы и всякаго рода чиновники оказывали поддержку апостольскому мужу, который можетъ идти, куда ему угодно, и всюду долженъ находить правосудіе. Важно, что Бонифацій встрѣтилъ при дворѣ франкскаго правителя готовность помогать, а не непріязнь, какая ожидала тамъ св. Колумбана, хотя отъ готовности помогать далеко еще было до энергичной поддержки, какая была необходима и какую едва ли могъ оказать Карлъ, занятый войнами и заботами внутренняго управленія. Впрочемъ, достаточно было и того, что Бонифацій получилъ охранную грамоту: съ нею въ рукахъ онъ могъ дѣйствовать болѣе рѣшительно, какъ человѣкъ, лично извѣстный майордому и порученный имъ особенному вниманію должностныхъ лицъ. Онъ самъ говоритъ о значеніи этой грамоты въ письмѣ къ епископу Даніилу, и, по его словамъ, безъ покровительства франкскаго правителя онъ не могъ бы ни управлять вѣрующими, ни помогать священникамъ и служителямъ церкви, монахамъ и монахинямъ, а въ особенности не могъ бы уничтожать языческіе обычаи и идолопоклонство. Наиболѣе сильное сопротивленіе дѣлу проповѣди Бонифацій встрѣтилъ со стороны франкскаго духовенства, не сочувствовавшаго образу мыслей и планамъ папскаго миссіонера. Когда онъ явился въ Тюрингію, то мѣстное духовенство не только не пожелало придти къ нему на помощь, но даже старалось создать для него всякія затрудненія.

Бонифацій архіепископъ.

Охранная грамота давала Бонифацію возможность всюду проповѣдовать безпрепятственно. Евангельская проповѣдь снова раздалась по всей Германіи, но болѣе всего оказалось новообращенныхъ въ Гессенѣ и Тюрингіи. Жатва была настолько обильная, что Бонифацію трудно было одному пожинать плоды своей проповѣди. Подъ руками не было людей, съ которыми онъ могъ бы подѣлить свои труды. Пришлось обратиться къ родной англійской церкви, гдѣ онъ часто находилъ облегченіе въ своихъ затрудненіяхъ и въ письмахъ къ епископамъ и аббатамъ разъяснялъ свои нужды. Ему присылали оттуда священническія облаченія, колокола

и богослужебныя книги. Немало явилось и людей, готовыхъ потрудиться вмѣстѣ съ нимъ среди язычниковъ Германіи. Луллъ, которому суждено было впослѣдствіи стать преемникомъ Бонифація, Виллибальдъ, составившій его жизнеописаніе, Вуннибальдъ и др. явились съ готовностью слѣдовать за нимъ въ качествѣ учениковъ. Когда прибыли въ Германію эти новые проповѣдники, дѣло обращенія язычниковъ въ христіанство значительно подвинулось впередъ, и къ 739 г. насчитывалось до 100 тысячъ принявшихъ крещеніе. Въ благодарность за столь успѣшную проповѣдь преемникъ Григорія II, папа Григорій III, еще въ 732 г. возвелъ Бонифація въ санъ архіепископа и отправилъ къ нему палліумъ, какъ знакъ архіепископскаго достоинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бонифацій получилъ право, по мѣрѣ необходимости, ставить епископовъ.

Характеръ проповѣди. Прежде чѣмъ перейти ко второму періоду дѣятельности Бонифація, къ которому нужно отнести устройство германской церкви, необходимо познакомиться съ тѣмъ, какой характеръ носила проповѣдь Бонифація и насколько глубоко крестившіеся проникались духомъ новаго ученія. Въ англосаксонской церкви, изъ которой вышелъ Бонифацій, твердо держалось правило, сохранившееся отъ временъ папы Григорія Великаго. Когда римскіе миссіонеры проповѣдовали христіанство среди англосаксовъ, то папа Григорій Великій постоянно совѣтовалъ не прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, но дѣйствовать силой убѣжденія и, по возможности, принаровлять христіанское ученіе къ нравамъ и обычаямъ язычниковъ. Этого взгляда и продолжали держаться въ англосаксонской церкви. Епископъ Даніилъ въ одномъ письмѣ, относящемся къ началу дѣятельности Бонифація, между прочимъ, излагаетъ ему пріемы, какими нужно искоренять суевѣрія и вселять истинныя понятія. Такъ, онъ совѣтуетъ предоставить язычникамъ полную свободу высказывать свои взгляды на происхожденіе боговъ естественнымъ путемъ, подобно тому, какъ родятся люди. Въ такомъ случаѣ имъ слѣдуетъ доказать, что подобные боги во всемъ должны походить на людей и, если они имѣютъ начало, то должны имѣть и конецъ. Затѣмъ слѣдуетъ ихъ спросить, какъ произошелъ міръ, или кто его создалъ; если онъ вѣченъ, то кто управлялъ имъ до появленія боговъ, какъ произошелъ первый изъ боговъ и т. д. Такіе вопросы слѣдуетъ задавать имъ не для того, чтобы задѣть и раздражить ихъ, но для того, чтобы была возможность сравнивать ихъ суевѣрія съ христіанскимъ ученіемъ и заставить ихъ покраснѣть отъ неосновательности своихъ мнѣній.

Бонифацій во время своей миссіонерской дѣятельности старался

слѣдовать этимъ пріемамъ. Онъ въ краткихъ и простыхъ по содержанію проповѣдяхъ знакомилъ грубыхъ варваровъ съ трудными для ихъ пониманія христіанскими воззрѣніями. До насъ дошелъ сборникъ его проповѣдей, переведенныхъ на латинскій языкъ. Вотъ, напримѣръ, содержаніе проповѣди, съ которой Бонифацій обратился къ только что принявшимъ крещеніе и разъяснялъ имъ обязанности христіанина. „Вмѣстѣ съ крещеніемъ, говорилось тамъ, вы отреклись отъ діавола и его дѣлъ“,—и затѣмъ перечисляются тѣ пороки, какихъ долженъ избѣгать истинный христіанинъ, какъ, напримѣръ, гордость, идолопоклонство, человѣкоубійство, клятвопреступленіе, ненависть, прелюбодѣяніе и т. д. Работаетъ діаволу и тотъ, кто допускаетъ волшебства и гаданія, вѣритъ въ волшебниковъ и оборотней, кто носитъ амулеты и не повинуется Богу. Указавъ новокрещеннымъ, чего они должны избѣгать, проповѣдникъ затѣмъ разъясняетъ, что имъ вмѣняется въ обязанность. Прежде всего они должны вѣровать во всемогущаго Бога, въ его сына Іисуса Христа и въ Св. Духа; они должны любить Бога и любить ближняго, какъ самихъ себя, должны быть сострадательны, добры, внушать страхъ Божій своимъ дѣтямъ и рабамъ. Каждое воскресенье они обязаны ходить въ церковь, впрочемъ, замѣчаетъ проповѣдникъ, для того, чтобы молиться, а не чтобы вести тамъ праздные разговоры. Новокрещеннымъ указывалось на необходимость быть милостивыми къ нищимъ, вдовамъ и сиротамъ. Все это нужно дѣлать, помня о будущемъ пришествіи Христа, о воскрешеніи мертвыхъ и судѣ всего міра. Но простота и сила слова Бонифація невсегда могла расположить язычниковъ къ принятію крещенія; приходилось на дѣлѣ доказывать имъ, что ихъ боги не настоящіе боги. Такъ и поступилъ Бонифацій, когда послѣ второго путешествія въ Римъ, проходя по Германіи, явился въ страну гессенцевъ. Здѣсь было много закоренѣлыхъ язычниковъ, которые крѣпко держались за свои вѣрованія и обычаи. Въ деревнѣ Гейсмаръ, недалеко отъ Фрицлара, стоялъ почитаемый язычниками дубъ, посвященный Донару. Въ надеждѣ ускорить обращеніе язычниковъ Бонифацій рѣшился уничтожить этотъ дубъ у нихъ на глазахъ. Когда онъ явился съ топоромъ и сталъ подрубать это дерево, вооруженная толпа съ напряженнымъ вниманіемъ ожидала, что вотъ разгнѣванный богъ поразитъ на смерть святотатца. Между тѣмъ надрубленное дерево подъ тяжестью собственныхъ вѣтвей съ шумомъ упало на землю. Увидавъ это, добавляетъ жизнеописаніе, язычники, раньше разражавшіеся бранью, теперь съ вѣрою воздали славу Богу. Дерево

было настолько велико, что Бонифацій могъ изъ него построить церковь, которую посвятилъ апостолу Петру.

Уступки язычеству. Требованія христіанскаго закона были для германцевъ совершенно новы и не согласовались съ ихъ взглядами. Поэтому неудивительно, что на практикѣ для проповѣдника встрѣчались различныя затрудненія, приходилось дѣлать отступленія отъ этихъ требованій. Не рѣшаясь собственною властью допустить какія-либо измѣненія, Бонифацій велъ съ этой цѣлью переписку какъ съ англосаксонскимъ духовенствомъ, такъ и съ папой. Въ этихъ письмахъ затрогивались самые жизненные вопросы, указывались наиболѣе важныя отступленія отъ христіанскаго закона. Такъ, папа Григорій II, отвѣчая въ одномъ письмѣ Бонифацію на его вопросы, касается таинства брака, упадка нравовъ духовенства, запрещаетъ употреблять мясо жертвенныхъ животныхъ. У германцевъ язычниковъ заключеніе брака между родственниками было дѣломъ обыкновеннымъ, но христіанская церковь смотрѣла на это иначе. По ея строгимъ воззрѣніямъ, даже такъ называемое духовное родство составляетъ препятствіе для вступленія въ бракъ Понятно, что приходилось дѣлать различныя послабленія, и вотъ Бонифацій получаетъ на это разрѣшеніе папы. „Ты намъ писалъ“, говорится въ письмѣ Григорія II, „до какого колѣна допускаются браки между родственниками. По нашему мнѣнію, если кто считается родственниками, то такимъ не слѣдовало бы вступать въ бракъ. Но такъ какъ гораздо лучше, особенно среди варварскаго племени, умѣренное толкованіе закона, чѣмъ строгое его исполненіе, то слѣдуетъ допускать бракъ, начиная съ пятаго колѣна“. На вопросъ о порочной жизни нѣкоторыхъ священниковъ и епископовъ, Григорій II совѣтуетъ не избѣгать ихъ общества, такъ какъ часто бываетъ, что подобные люди, упорные въ своихъ заблужденіяхъ, поддаются вліянію дружескаго обращенія. Мало того, если кто крещенъ недостойнымъ священникомъ, то въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ крестить вторично, ибо, по словамъ апостола, „единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе“. Понятно, что не всѣ германцы, принимавшіе крещеніе, становились твердыми въ вѣрѣ христіанами. Многіе изъ нихъ дѣлались христіанами только внѣшнимъ образомъ, въ душѣ продолжая держаться языческихъ вѣрованій. Одни тайнымъ образомъ, а другіе явно приносили жертву деревьямъ и ручьямъ, зажигали священные огни, совершали различныя гаданія. И это дѣлали не только міряне, но и духовенство; можно было видѣть священниковъ, которые приносили жертву языческимъ богамъ и

ѣли жертвенное мясо, а потомъ шли совершать крещеніе по христіанскому обряду. Кромѣ того, что среди духовенства попадались люди нетвердые въ вѣрѣ, это сословіе и въ нравственномъ отношеніи не стояло на высотѣ своего призванія. Даже высшее духовенство, епископы, никакъ не могло служить примѣромъ ни священникамъ, ни простымъ вѣрующимъ. Епископскія каѳедры занимали или духовныя лица, которыя, не стѣсняясь своимъ положеніемъ, вели вполнѣ свѣтскую жизнь, или прямо люди свѣтскіе, вышедшіе изъ королевской дружины и смотрѣвшіе на епископскую каѳедру, какъ на источникъ дохода.

Церковныя неустройства были опасны особенно тѣмъ, что представляли весьма удобную почву для еретическихъ ученій, которыя въ это время стали распространяться въ Германіи. Какъ главныхъ виновниковъ религіозныхъ заблужденій, одно изъ жизнеописаній Бонифація называетъ двухъ еретиковъ—Клемента и Альдеберта. Послѣдній имѣлъ большой успѣхъ въ народѣ и даже нашелъ поддержку въ придворныхъ кругахъ. Альдебертъ распространялъ слухъ, что ангелъ, во образѣ человѣка, принесъ ему изъ вышнихъ предѣловъ мощи, при помощи которыхъ онъ можетъ получить отъ Бога все, что только попроситъ. Но особенно его возвышали въ глазахъ народа мнимыя чудеса. Онъ собиралъ вокругъ себя толпу и нѣкоторыхъ за деньги заставлялъ называться разслабленными, хромыми и слѣпыми, чтобы затѣмъ во имя св. Троицы исцѣлить ихъ отъ того или другого недуга. Его высокомѣріе дошло до того, что онъ сталъ сравнивать себя съ апостолами и посвящать себѣ храмы. Юной германской церкви грозила серьезная опасность, такъ какъ множество послѣдователей Альдеберта оставляли законныхъ епископовъ и говорили: „Заслуги св. Альдеберта спасутъ насъ". Клементъ былъ шотландецъ родомъ. Извѣстно, что древняя британская и ирландская церкви имѣли нѣкоторыя отличія въ обрядахъ и церковныхъ правилахъ отъ церкви римской. Эти отличія казались Бонифацію еретическими. Понятно, что и Клемента, который отвергалъ нѣкоторыя каноническія правила и особенности римской церкви, между прочимъ безбрачіе духовенства, жизнеописаніе Бонифація называетъ еретикомъ. Ереси.

Всѣ эти церковныя неустройства давно тревожили Бонифація. Они же, повидимому, составляли главный предметъ бесѣды его съ папой Григоріемъ III, когда въ 738 году онъ въ третій разъ посѣтилъ Римъ. Въ письмахъ къ прелатамъ, новообращеннымъ христіанамъ и епископамъ Аллеманіи и Баваріи, которыя папа

далъ Бонифацію передъ тѣмъ, какъ отпустить его изъ Рима, говорилось о различныхъ неустройствахъ церкви, распущенной жизни духовенства, уклоненіяхъ отъ истины христіанскаго ученія и постоянныхъ колебаніяхъ въ вѣрѣ со стороны принимавшихъ крещеніе. Исправленію этихъ недостатковъ и была посвящена дальнѣйшая дѣятельность Бонифація. Реформа прежде всего коснулась баварской церкви. Съ согласія баварскаго герцога Одилона, къ которому Бонифацій явился по пути изъ Рима, Баварія подѣлена была на четыре епископства—Зальцбургъ, Нассау, Регенсбургъ и Фрейзингенъ, при чемъ епископскія каѳедры были поручены людямъ вполнѣ достойнымъ. Раньше мѣстное духовенство не хотѣло признавать папскаго миссіонера и почти не чувствовало своей зависимости отъ Рима. Люди просвѣщенные и энергичные, какъ Виргилій, епископъ зальцбургскій, оказывали рѣшительное сопротивленіе Бонифацію, стремившемуся подчинить германскую церковь Риму, и отстаивали самостоятельное ея существованіе. Вмѣстѣ съ новымъ церковнымъ устройствомъ положено было начало подчиненія баварской церкви престолу св. Петра. Папа одобрилъ всѣ распоряженія Бонифація въ Баваріи и просилъ его продолжать дѣло проповѣди „святого католическаго и апостольскаго ученія римской церкви".

Реформа франкской церкви.

Вскорѣ въ франкскомъ государствѣ произошла перемѣна правительства, которая благопріятно отозвалась на положеніи Бонифація и позволила ему дѣйствовать сообразно съ указаніями папы. По смерти Карла Мартелла, случившейся въ 741 г., онъ могъ обратиться къ реформѣ франкской церкви. Карлъ Мартеллъ, какъ извѣстно, не имѣлъ возможности принимать близкаго участія въ дѣлахъ церковныхъ. Мы видѣли, что Бонифацій, несмотря на данную ему охранную грамоту, встрѣтилъ враждебное отношеніе духовенства въ Тюрингіи. Теперь обстоятельства измѣнились къ лучшему. Преемники Карла Мартелла, его сыновья Карломанъ и Пипинъ, воспитывались въ аббатствѣ Сенъ-Дени. Воспитаніе велось тамъ въ строго религіозномъ духѣ, мальчикамъ внушалось уваженіе къ церкви и духовенству, а потому неудивительно, если они, сдѣлавшись правителями государства, оказывали гораздо болѣе вниманія къ интересамъ церкви, чѣмъ ихъ отецъ. Слѣды воспитанія особенно замѣтны были въ характерѣ Карломана: этотъ набожный человѣкъ кончилъ тѣмъ, что постригся въ монахи. Карлъ Мартеллъ передъ смертью подѣлилъ государство между сыновьями такимъ образомъ, что старшему, Карломану, достались восточныя области

(Австразія, Аллеманія, Тюрингія), а Пипину—западныя. Карломанъ, наиболѣе ревностный къ дѣламъ церкви, на первыхъ же порахъ обратилъ вниманіе на церковныя неустройства. Онъ пригласилъ къ себѣ Бонифація и спрашивалъ у него совѣта, „какимъ образомъ можно возстановить божественный законъ и православное исповѣданіе, которыя пали во время прежнихъ правителей; какимъ образомъ христіанскій народъ могъ бы достигнуть спасенія душъ и не быть введеннымъ въ заблужденіе лжепресвитерами“. Бонифацій въ поздравительномъ письмѣ къ папѣ Захарію (742), по случаю избранія его на папскій престолъ, сообщилъ, между прочимъ, о желаніи Карломана провести церковную реформу. При содѣйствіи сыновей Карла Мартелла, Бонифацій уже въ 742 г. созвалъ соборъ для Австразіи, (мѣсто, гдѣ онъ былъ собранъ, неизвѣстно), на которомъ и проведено было церковное устройство. Прежде всего франкское духовенство было обязано безусловнымъ подчиненіемъ папскому престолу. Съ внѣшней стороны это подчиненіе выражалось въ томъ, что Бонифацій, уполномоченный римской церкви, признанъ былъ архіепископомъ, которому были подчинены всѣ епископы. „На совѣщаніи духовенства и нашихъ вельможъ, говорилось въ актѣ собора, мы установили по областямъ епископовъ, а надъ ними поставили архіепископа Бонифація, какъ уполномоченнаго отъ престола св. Петра“. Франконія раздѣлена была на три епископства—Вюрцбургъ, Бурабургъ и Эйхштедтъ. Затѣмъ въ слѣдующемъ 743 г. собрался второй соборъ, подъ предсѣдательствомъ Бонифація, недалеко отъ Камбрэ, въ Лестинѣ. Здѣсь было обращено особенное вниманіе на поднятіе нравственности духовенства и искорененіе языческихъ суевѣрій. Все духовенство—епископы, священники, діаконы и низшіе служители церкви—обѣщали возстановить значеніе правилъ св. отцовъ церкви и церковныхъ установленій, а монашествующіе—со всей строгостью исполнять уставъ св. Бенедикта. Принявшимъ крещеніе строго запрещено было держаться языческихъ обычаевъ, подъ страхомъ денежнаго штрафа. Составленъ былъ и списокъ тридцати различныхъ суевѣрій и языческихъ обрядовъ (Indiculus superstitionum), искорененіе которыхъ вмѣнялось въ обязанность духовенства. Сохранилась формула, составленная на Лестинскомъ соборѣ, произнесеніемъ которой принимавшіе крещеніе отрекались отъ своихъ прежнихъ вѣрованій: „Я отрекаюсь отъ діавола, отъ всякаго общенія съ нимъ, отъ его дѣяній и словъ, отъ Донара, Водана и Саксноta и отъ всѣхъ нечистыхъ духовъ, которые находятся вмѣстѣ съ ними“.

Благодаря покровительству франкскихъ правителей, реформаторская дѣятельность Бонифація коснулась и Нейстріи. Въ 744 г. для установленія церковнаго порядка былъ созванъ соборъ въ Суассонѣ, постановленія котораго касаются отношеній церкви къ государству, нравственности духовенства и еретическихъ ученій. Для искорененія послѣднихъ, рѣшено было всюду опубликовать никейскій символъ вѣры и постановленія вселенскихъ соборовъ. Бонифацій энергично выступилъ противъ лжеученій Клемента и Альдеберта и добился того, что Суассонскій соборъ осудилъ обоихъ еретиковъ. Въ слѣдующемъ 745 году былъ созванъ соборъ общій для всего франкскаго государства, на которомъ Бонифацій предсѣдательствовалъ, какъ представитель римскаго епископа. На этомъ соборѣ было повторено осужденіе надъ тѣми еретиками, которыхъ осудилъ Суассонскій соборъ, но которые продолжали свою проповѣдь. По настоянію Бонифація, папа долженъ былъ вызвать еретиковъ въ Римъ, снова разобралъ ихъ дѣло и предалъ ихъ проклятію; они были переданы свѣтской власти и, по распоряженію Карломана, брошены въ темницу. Кромѣ того, было сдѣлано много важныхъ постановленій: было, напримѣръ, постановлено ежегодно созывать соборъ для обсужденія церковныхъ дѣлъ. Самое же важное постановленіе касалось устройства германской церкви. До сихъ поръ Бонифацій не имѣлъ опредѣленной епископской каѳедры. Только въ этомъ году онъ былъ офиціально возвышенъ надъ всѣми епископами Германіи, получивъ санъ архіепископа кельнскаго, а въ слѣдующемъ году архіепископская каѳедра была перенесена въ Майнцъ. Предшественникъ его на этой каѳедрѣ обагрилъ руки кровью убійцы своего отца. За этотъ поступокъ онъ былъ смѣщенъ, по настоянію Бонифація. Тогда Карломанъ и Пипинъ поручили послѣднему управленіе епископствомъ. „А чтобы возвысить его положеніе, говоритъ жизнеописаніе, эти правители рѣшили сдѣлать майнцскую церковь, которая была раньше подчинена другой, митрополіей всѣхъ германскихъ церквей. Затѣмъ, отправивъ посольство, они вскорѣ добились этого отъ папы“. Съ этихъ поръ религіозное воспитаніе всей Германіи, гдѣ Бонифацій проповѣдовалъ слово Божіе, было всецѣло поручено его вѣдѣнію, и управленіе церковными дѣлами сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Но обращеніе язычниковъ далеко еще не было закончено, такъ что Бонифацію постоянно приходилось отлучаться изъ своей митрополіи. Поэтому онъ назначилъ какъ бы своимъ замѣстителемъ и соправителемъ майнцскаго архіепископства своего ученика Лулла.

Другимъ важнымъ событіемъ, которое способствовало утвержденію христіанства среди германцевъ, было основаніе Фульдскаго монастыря въ самомъ центрѣ Германіи. По порученію Бонифація, одинъ изъ его учениковъ, по имени Штурмъ, направился въ лѣса, лежавшіе между Веррой и Майномъ, и тамъ сталъ отыскивать мѣсто, наиболѣе уединенное и удобное для постройки отшельнической обители. Послѣ долгихъ поисковъ удалось, наконецъ, отыскать подходящее мѣсто, расположенное по рѣкѣ Фульдѣ. Выборъ получилъ одобреніе Бонифація, а Карломанъ, со своей стороны, далъ разрѣшеніе занять облюбованное мѣсто. Тогда Штурмъ съ нѣсколькими спутниками въ 744 г. отправился туда, тотчасъ же началъ подготовительныя работы, а черезъ два мѣсяца, когда прибылъ Бонифацій, начатое дѣло быстро стало подвигаться къ концу. Такъ возникъ Фульдскій монастырь въ центрѣ языческой Германіи. Здѣсь, подъ руководствомъ Бонифація, воспитывались проповѣдники, за которыми раньше приходилось обращаться въ монастыри Англіи: ихъ религіозной ревностью въ значительной степени объясняется успѣхъ проповѣди. **Основаніе Фульдскаго монастыря.**

Итакъ, Бонифацій остался вѣренъ клятвѣ, которую онъ далъ папѣ Григорію II: христіанство сдѣлало значительные успѣхи среди германскихъ племенъ, новая церковь получила прочное устройство и признала свою зависимость отъ римскаго епископа. Наиболѣе ясно выразили эту зависимость представители германской церкви на одномъ изъ общефранкскихъ соборовъ, которые должны были теперь собираться ежегодно. Составленная епископами формула гласила слѣдующее: „Мы рѣшили и объявили, что желаемъ до конца дней нашихъ хранить католическую вѣру и единеніе съ католической церковью, подчиняться римской церкви, св. Петру и его намѣстнику; что ежегодно мы будемъ созывать соборъ, митрополиты будутъ получать палліумъ отъ римскаго престола; что мы будемъ слѣдовать всѣмъ каноническимъ правиламъ св. Петра, чтобы такимъ образомъ оставаться въ числѣ его паствы. Мы всѣ согласны съ этимъ и подписали это заявленіе“..... Бонифацій могъ вполнѣ гордиться достигнутыми результатами. Время, пока Карломанъ оставался у власти, было самымъ плодотворнымъ періодомъ его дѣятельности.

Между тѣмъ, въ томъ же 747 году, когда соборъ, руководимый Бонифаціемъ, торжественно заявилъ о своей преданности римской церкви, во франкскомъ государствѣ произошли новыя перемѣны, которыя не могли не отозваться на положеніи Бонифація. Карломанъ, монахъ въ душѣ, покинулъ власть и затворился въ одномъ **Пипинъ Короткій.**

изъ монастырей Италіи. Бонифацій вмѣстѣ съ тѣмъ лишился сильнаго покровителя. Пипинъ, который теперь сдѣлался властителемъ всего королевства, далеко не былъ похожъ на брата и, напоминая скорѣе своего отца, ставилъ политику выше церковныхъ интересовъ. Понятно, что онъ не могъ сочувствовать стремленію Бонифація подчинить франкскую церковь Риму. Пока дѣло шло о реформѣ франкской церкви, объ устраненіи злоупотребленій и подчиненіи духовенства дисциплинѣ, Пипинъ поддерживалъ папскаго миссіонера. Но на соборѣ 747 года духовенство, руководимое Бонифаціемъ, зашло слишкомъ далеко. Взгляды и цѣли Бонифація и франкскаго правителя разошлись, а это должно было привести ихъ къ взаимному охлажденію. Съ этого времени Бонифацій потерялъ значительную долю вліянія, какимъ онъ пользовался раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы мало слышимъ о дѣятельности Бонифація въ слѣдующіе годы, хотя около этого времени Пипинъ вступилъ въ самыя тѣсныя отношенія съ папой. Намъ уже извѣстно, что еще Карлу Мартеллу папа предлагалъ верховную власть надъ Италіей, разсчитывая такимъ образомъ избавиться отъ притѣсненій лангобардовъ. Между тѣмъ, къ половинѣ VIII вѣка положеніе папы въ Италіи оказалось совершенно безпомощнымъ, и папа больше, чѣмъ прежде, нуждался въ покровительствѣ франкскаго правителя. Помощь, въ которой отказалъ папѣ Карлъ Мартеллъ, можно было получить отъ его сына, для котораго тѣсный союзъ съ папствомъ становится потребностью. Положеніе франкскаго майордома настолько усилилось, а власть и значеніе Меровинговъ пали такъ низко, что Пипинъ могъ желать для себя королевскаго достоинства. Въ 751 году онъ отправилъ посольство къ папѣ Захарію, состоявшее изъ епископа вюрцбургскаго и аббата монастыря Сенъ-Дени, спросить, одобряетъ ли онъ такой государственный порядокъ, когда короли не имѣютъ должнаго королевскаго могущества. Папа далъ отвѣтъ, что королемъ долженъ называться тотъ, кто имѣетъ въ рукахъ дѣйствительную королевскую власть, и мы слышимъ, что въ слѣдующемъ году Пипинъ былъ провозглашенъ королемъ франковъ. Бонифацій, какъ видно, не участвовалъ въ томъ посольствѣ, которое подготовило переворотъ во франкскомъ государствѣ.

Пипинъ, ставши королемъ, не только былъ поднятъ на щитъ, по германскому обычаю, но надъ нимъ въ первый разъ былъ совершенъ обрядъ помазанія на царство. Принималъ ли Бонифацій участіе въ этомъ торжественномъ актѣ? Одни изъ лѣтописцевъ,

которые разсказывают намъ о коронаціи Пипина, говорятъ, что помазаніе было совершено по обряду англосаксонской церкви, и называютъ Бонифація участникомъ этого дѣла, другіе говорятъ только о помазаніи „епископами". Конечно, весьма вѣроятно, что Бонифацій, водворившій порядокъ въ германской церкви, не уклонился отъ участія въ торжествѣ, освящавшемъ новый государственный строй, способный дать миръ и безопасность франкскому государству. Но затѣмъ, когда черезъ два года послѣ совершившагося переворота, преемникъ Захаріи, папа Стефанъ, направился къ Пипину просить помощи противъ лангобардовъ, то франкскій король поручилъ мецскому епископу Хродегангу встрѣтить римскаго епископа. Мы вправѣ были бы ожидать, что Бонифацій явится навстрѣчу намѣстнику св. Петра, представителемъ котораго онъ былъ при франкскомъ дворѣ; а между тѣмъ Пипинъ устранилъ его отъ всякаго участія въ предстоящемъ свиданіи.

Мученическая смерть.

Такимъ образомъ событія, послѣдовавшія за отреченіемъ Карломана отъ власти, свидѣтельствуютъ намъ о какой-то перемѣнѣ, происшедшей тогда въ положеніи Бонифація, объ охлажденіи къ нему франкскаго государя. Такая перемѣна, конечно, должна была огорчить его; она же, повидимому, заставила его идти искать себѣ утѣшенія въ новыхъ миссіонерскихъ трудахъ. Бонифацій направился съ проповѣдью къ фризамъ, гдѣ началась его миссіонерская дѣятельность, и тамъ нашелъ мученическую кончину. Въ этой странѣ населеніе не могло еще совершенно забыть языческіе обряды, и отъ времени до времени новокрещеные возвращались къ почитанію своихъ старыхъ боговъ. Уже въ 753 году Бонифацій нашелъ нужнымъ обойти часть Фрисландіи и своей проповѣдью обратить поколебавшихся въ вѣрѣ на путь истины. Но этого оказалось недостаточно и вотъ, въ 755 году Бонифацій снова идетъ туда съ проповѣдью. Какъ бы предчувствуя свою кончину, онъ поставилъ Лулла архіепископомъ вмѣсто себя и поручилъ ему поддерживать христіанскую вѣру среди германскаго народа. Въ сопровожденіи епископа, священниковъ, діаконовъ и простыхъ монаховъ направился онъ, уже 75-лѣтній старецъ, въ Утрехтъ и, отдохнувъ здѣсь немного, началъ свою проповѣдь и крестилъ нѣсколько тысячъ язычниковъ. Въ іюнѣ 755 года Бонифацій раскинулъ палатку около Доккума (Dockum), на рѣкѣ Борна, и приготовилъ алтарь для совершенія таинства. Сюда должны были придти всѣ принявшіе крещеніе, такъ какъ Бонифацій хотѣлъ возложить на нихъ руки и тѣмъ окончательно присоединить ихъ къ христіанской церкви. На раз-

свѣтѣ назначеннаго дня собралась къ палаткѣ толпа вооруженныхъ фризовъ, готовыхъ напасть на проповѣдника, котораго они считали врагомъ своихъ языческихъ боговъ и поругателемъ народныхъ обычаевъ. Спутники Бонифація хотѣли защищаться, но онъ запретилъ имъ. „Дѣти, сказалъ онъ, оставьте борьбу; вспомните, что Евангеліе учитъ насъ воздавать добромъ за зло. Это день, котораго я жду уже давно, и часъ нашего освобожденія насталъ. Будьте тверды, уповая на Бога, и Онъ спасетъ ваши души“. Между тѣмъ толпа бросилась на Бонифація и его спутниковъ и, умертвивъ ихъ, ворвалась въ палатку, надѣясь тамъ найти серебро и золото. Но ихъ ожиданія не оправдались: въ палаткѣ не было ничего, кромѣ мощей, священныхъ книгъ и вина для совершенія таинства. Недовольные скудной добычей, они предались пьянству, завели ссору и стали поражать другъ друга тѣмъ же оружіемъ, подъ ударами котораго пали Бонифацій и его спутники. Кромѣ того, христіане, узнавъ о мученической кончинѣ проповѣдника, рѣшили отомстить язычникамъ и, явившись съ значительной силой, перебили ихъ большое количество. Такъ, добавляетъ жизнеописаніе, всемогущій Творецъ и Устроитель міра пожелалъ наказать невѣрныхъ.

Тѣло Бонифаціябыло найдено и погребено въ Фульдскомъ монастырѣ, который пользовался его особенною любовью. „Здѣсь, писалъ Бонифацій папѣ, я желалъ бы, съ согласія вашего Святѣйшества, впослѣдствіи или даже, можетъ быть, вскорѣ, найти успокоеніе разслабленному отъ старости тѣлу и быть погребену послѣ смерти. Ибо четыре народа, которымъ я, милостью Божьей, проповѣдовалъ слово Христа, какъ извѣстно, живутъ вокругъ этого мѣста: для нихъ я могу быть полезнымъ, при вашей поддержкѣ, пока живу и мыслю“.

Могила Бонифація навсегда осталась почитаемою святыней для германцевъ, просвѣщенію которыхъ онъ посвятилъ свою дѣятельность. Проповѣдью Бонифація германскій народъ былъ вызванъ къ новой жизни, и въ этомъ отношеніи великій апостолъ Германіи можетъ быть поставленъ на ряду съ могущественными правителями франковъ. Какъ эти, благодаря своему возраставшему политическому значенію, такъ Бонифацій проповѣдью христіанства и въ особенности устройствомъ германской церкви подготовилъ почву для образованія огромной западно-христіанской германской монархіи, той имперіи „Божьею милостью“, которую создалъ Карлъ Великій. Ко времени его правленія почти весь германскій народъ исповѣдовалъ

христіанскую вѣру. Только саксы упорно продолжали еще держаться религіи предковъ, но имъ трудно было устоять противъ огромнаго христіанскаго государства. Послѣ тридцати лѣтъ упорной борьбы саксы, наконецъ, приняли крещеніе и вошли въ составъ христіанской державы Карла Великаго.

В. Розановъ.

XII.

Левъ III Исавръ и начало иконоборства.

Задачи Византійской имперіи.

Блестящая попытка Юстиніана утвердить императорскую власть на пространствѣ отъ Евфрата до Геркулесовыхъ столбовъ оказалась недолговѣчною: она превышала силы имперіи, и послѣдующіе императоры не пытались ее продолжать, тѣмъ болѣе что съ VII вѣка на востокѣ явился новый врагъ, еще болѣе страшный, чѣмъ Сассаниды, — арабы. Нельзя было думать о поддержаніи власти въ Испаніи или въ Римѣ, когда она оказывалась непрочною и въ Константинополѣ. И вотъ, предѣлы дѣятельности восточныхъ императоровъ стали постепенно суживаться: не отказываясь теоретически отъ власти надъ Западомъ, не упуская случая при возможности примѣнять ее и на практикѣ, они устремляютъ однако главныя свои усилія на то, чтобы укрѣпить свое государство и упрочить свою власть въ болѣе узкихъ предѣлахъ:

---

[1]) **Источники:** *Theophanis*, Chronicon; *Zachariae von Lingenthal*, Collectio librorum ineditorum juris graeco-romani (Ecloga); *А. С. Павловъ*, Книги законныя. Спб. 1885 (Земледѣльческій законъ).

Пособія: *В. Васильевскій*, Законодательство иконоборцевъ, Ж. М. Н. П., 1878 г. ч. 199 и 200; *его же*, Житіе Стефана Новаго, Ж. М. Н. П., 1877 г. ч. 191; *его же*, Русско-византійскія изслѣдованія, вып. 2. Спб. 1893; *его же*, рецензія на «Книги законныя» А. С. Павлова, Ж. М. Н. П., 1886 г., ч. 243. *Ѳ. Успенскій*, Константинопольскій соборъ 842 г. и утвержденіе православія, Ж. М. Н. П., 1891 г., ч. 273; *Zachariae von Lingenthal*, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 2-te Aufl., Berl. 1877, и 3-te Auf. Berl., 1892, *Paparrigopoulo*, Histoire de la civilisation héllénique. Paris 1878; *L. von Ranke*, Weltgeschichte, V, 1; *A. Rambaud*, L'empire grec au X-me siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870; *Н. Скабалоновичъ*, Византійское государство и греческая церковь въ XI в.. Спб. 1884; *Hertzberg*, Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches. Berl. 1882.

защита Малой Азіи и Сиріи противъ арабовъ, защита Балканскаго полуострова противъ славянъ—вотъ что становится ближайшей задачей императоровъ VII в. Но измѣнились не только задачи императорской политики: вторженіе варваровъ и оборона противъ нихъ, занявшая непропорціонально громадное мѣсто во всей государственной жизни Восточной имперіи, не могли не оказывать сильнаго вліянія на весь ея политическій и соціальный строй.

Областное управленіе.

Эпоху Юстиніана можно разсматривать, какъ послѣдній моментъ существованія древней Римской имперіи. Но можно сказать, что она начинаетъ уже и новый періодъ. Въ законодательствѣ великаго императора, въ извѣстной мѣрѣ закрѣпляющемъ прежній строй, замѣчаются и начала новаго порядка вещей, а затѣмъ внутренній складъ имперіи непрерывно измѣняется съ такою же быстротою, какъ и ея внѣшніе предѣлы. Быстро падаетъ діоклетіано-константиновское областное дѣленіе: на смѣну іерархіи префектуръ, діоцезъ и провинцій, съ отдѣленными другъ отъ друга гражданскими и военными властями, является новая административная система, приспособленная, главнымъ образомъ, къ военнымъ цѣлямъ Это—организація ѳемъ (*θέματα*). Такъ назывались округа, на которые съ теченіемъ времени императоры стали раздроблять прежнія обширныя области и которыя по своимъ размѣрамъ представляли среднее между діоцезами и провинціями. Во главѣ ѳемъ ставились „воеводы“ - стратиги, начальствовавшіе войскомъ и завѣдывавшіе гражданскимъ управленіемъ округа; другія бывшія въ округѣ власти—военныя (турмархи—начальники подраздѣленій округовъ, турмъ), финансовыя (протонотарій, или практоръ) и, можетъ быть, судебныя — всѣ подчинялись стратигу [1]), и, что особенно важно, — этотъ послѣдній непосредственно сносился съ императоромъ, минуя іерархическую лѣстницу діоклетіано - константиновскаго устройства. Названіе ѳемъ первоначально прилагалось къ тѣмъ военныхъ отрядамъ, которые находились въ области, и затѣмъ уже перешло на самыя области. Это новое дѣленіе представляло, конечно, извѣстныя преимущества съ точки зрѣнія военной обороны, давало возможность начальнику области дѣйствовать быстро и самостоятельно, но въ смыслѣ правительственной техники оно не безъ основанія считается нѣкоторыми учеными шагомъ назадъ,

---

[1]) Только протонотарій пользовался значительной самостоятельностью; онъ непосредственно сносился съ центральнымъ правительствомъ и съ самимъ императоромъ, но все же въ своей дѣятельности въ ѳемѣ во многомъ зависѣлъ отъ стратига.

сравнительно съ діоклетіано-константиновскимъ устройствомъ. Первые признаки этого новаго дѣленія проявляются очень рано: уже въ V в. были области (Аравія и Исаврія), гдѣ гражданская власть сливалась съ военной. При Юстиніанѣ начинается распаденіе префектуръ, и увеличивается число провинцій, гдѣ высшая гражданская власть не отдѣляется отъ военной (Писидія, Ликаонія, Ѳракія, Каппадокія, Пафлагонія и др.); наконецъ, при Иракліи (610—641) новое дѣленіе распространяется все болѣе, и новые округа уже получаютъ названіе ѳемъ; въ послѣдущую эпоху опустошительные набѣги арабовъ все болѣе заставляютъ императоровъ дробить области и сосредоточивать въ однѣхъ рукахъ военную и гражданскую власть; административный строй все менѣе напоминаетъ древнюю имперію и становится все болѣе похожимъ на государство Карла Великаго съ его графствами и маркграфствами.

Постоянныя вторженія новыхъ племенъ въ имперію оказывали сильное вліяніе и на ея общественный строй. Съ одной стороны, императоры охотно принимали мѣры, аналогичныя мѣрамъ императоровъ послѣднихъ вѣковъ древней имперіи,—они селили варваровъ на пустыхъ земляхъ и, предоставляя извѣстныя льготы (напр., льготу отъ натуральныхъ повинностей), заставляли ихъ служить въ войскѣ. Такъ слагалось военное землевладѣніе и особый военно-землевладѣльческій классъ. Съ другой стороны, нападенія варваровъ—особенно славянъ—оказывали сильное вліяніе на положеніе земледѣльческаго класса: эти вторженія, начавшіяся со временъ Константина В., приведшія въ VII в. къ образованію хорватскаго, сербскаго и болгарскаго государствъ, къ значительному ославяненію Македоніи, Ѳессаліи, средней Греціи и Пелопоннеса и, наконецъ, къ поселенію славянъ въ Малой Азіи, сдвигали съ мѣстъ прежнее земледѣльческое населеніе—колоновъ. Покидая старыя мѣста и селясь на новыхъ, колоны вступали съ владѣльцами земель уже въ иныя условія, нежели прежде, и потому самое экономическое и даже юридическое положеніе колоновъ измѣнялось; кромѣ того, на нѣкоторыхъ (очень многихъ) земляхъ селились въ качествѣ земледѣльцевъ и славянскіе пришельцы—селились, конечно, на условіяхъ, совершенно несходныхъ съ условіями прежняго колоната. Но всѣ эти измѣненія къ началу VIII в. еще только намѣчались, все находилось еще въ процессѣ броженія, новыя отношенія нуждались въ упорядоченіи, въ окончательной формулировкѣ.

Религіозное броженіе. Не меньше броженія замѣчалось и въ области духовной жизни, проявляясь, конечно, въ той ея сферѣ, которая получила пре-

обладающее значеніе въ средневѣковомъ мірѣ—въ сферѣ религіозной. Въ Византіи никогда не угасала точно завѣщанная эллинской и эллинистической культурой способность и склонность къ тонкому изслѣдованію самыхъ трудныхъ философскихъ и религіозныхъ вопросовъ. Эта склонность нашла себѣ широкое поприще при разработкѣ различныхъ вопросовъ христіанской догматики и при установленіи ея основныхъ положеній. Но такое установленіе давалось нелегко; оно тянулось цѣлыми вѣками, и выясненіе догматовъ являлось лишь результатомъ долгой и сложной борьбы съ постоянно возникавшими при этой работѣ многочисленными ересями. Со временъ Константина Великаго государственная власть постоянно принимала энергическое и подчасъ не совсѣмъ умѣстное участіе въ этой борьбѣ, и вслѣдствіе этого, съ теченіемъ времени, то или иное отношеніе ея къ различнымъ направленіямъ въ области религіозныхъ ученій оказывало значительное вліяніе на отношеніе духовенства и чуть ли не всѣхъ слоевъ общества къ правительству. Такъ религіозные вопросы постоянно переплетались въ Византіи съ политическими. Несмотря на то, что основные вопросы догматики получили, казалось, разрѣшеніе на первыхъ вселенскихъ соборахъ, все новыя и новыя недоразумѣнія постоянно волновали и церковь, и общество. Къ началу VIII в. несогласія шли, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, не затихли еще такъ наз. „христологическіе" споры (т. е. споры о личности Іисуса Христа); ересь монофелитовъ, признававшая въ Христѣ два естества, но единую волю, находила среди быстро смѣнявшихся въ эту эпоху императоровъ не однихъ враговъ, но и покровителей; такъ, императоръ Филиппикъ Варданъ (711—713) старался поддержать эту ересь на Константинопольскомъ соборѣ 712 г. Съ другой стороны, уже давно вопросъ объ иконопочитаніи сталъ предметомъ споровъ—первоначально между христіанами и евреями. Уже около 600 г. епископъ Неаполя на Кипрѣ Леонтій въ отвѣтъ на упреки евреевъ христіанамъ въ идолопоклонствѣ выступилъ съ апологетическимъ сочиненіемъ, въ которомъ разъяснялъ основанія правильнаго почитанія изображеній Бога и святыхъ. Съ VII в. споръ необходимо долженъ былъ обостриться. Новые враги, выступившіе въ это время противъ имперіи и грозившіе самому ея существованію, арабы, были въ то же время и представителями новой, увлекательной по своей грубой простотѣ монотеистической религіи, проповѣдуемой съ самымъ необузданнымъ фанатизмомъ. Съ одной стороны, упреки арабовъ христіанамъ въ идолопоклон-

ствѣ, вносившіе соблазнъ въ самое христіанство, и идеи враждебныхъ иконопочитанію еретиковъ-павликіанъ, съ другой — охотное подчиненіе арабамъ сирійскихъ еретиковъ, монофелитовъ, оба эти обстоятельства должны были заставлять государственную власть теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, смотрѣть на религіозные вопросы, какъ на вопросы, требующіе вмѣшательства правительства. Все это сильно осложняло задачи императорской власти, которыя и безъ того были къ началу VIII в. нелегки. Арабы, захватившіе Сирію съ Іерусалимомъ, Александрію, Кипръ, нѣкоторые изъ Спорадскихъ острововъ, Критъ, Карѳагенъ, проникавшіе все далѣе и далѣе на западѣ и на востокѣ Средиземнаго моря, грозившіе христіанству и со стороны Пиренейскаго, и со стороны Балканскаго полуострововъ, уже подступали къ самому Константинополю. Въ то же время въ сѣверной части Балканскаго полуострова окончательно водворились неспокойные и грозные сосѣди—сербы и болгары. Для того, чтобы защитить христіанство и имперію, нуженъ былъ на престолѣ человѣкъ исключительныхъ дарованій, и государство, волнуемое внутренними неурядицами и вражескими вторженіями, точно лихорадочно искало такого человѣка въ ряду быстро смѣнявшихся императоровъ, возводимыхъ на престолъ и свергаемыхъ войскомъ, которое въ эти боевыя времена болѣе, чѣмъ когда-либо, играло первенствующую роль въ государственныхъ переворотахъ. За тридцать лѣтъ, прошедшихъ со смерти послѣдняго хоть до нѣкоторой степени энергичнаго государя изъ династіи Ираклія—Константина IV Погоната, до начала Исаврійской династіи (685—717) на престолѣ Византіи семь разъ смѣнялись императоры [1]), и всѣ эти смѣны были насильственныя. Такъ ко всѣмъ неурядицамъ присоединились еще государственные перевороты, окончательно потрясавшіе и безъ того уже сильно поколебленное зданіе имперіи.

Віографія Льва III. Въ эпоху этихъ-то смутъ, въ то время, когда возведенный на мѣсто неспособнаго Филиппика Вардана императоръ Анастасій II (Артемій, 713—716) энергично готовился къ борьбѣ съ арабами, грозившими самому Константинополю, на важный постъ стратига ѳемы Анатолика [2]) былъ назначенъ будущій императоръ Левъ Исавръ. Какъ можно судить по этому прозванію, родъ его былъ

[1]) Вотъ перечень этихъ императоровъ: Юстиніанъ II (с. Константина IV) въ 1-й разъ—685—695; Леонтій—695—698; Тиверій III—698—705; Юстиніанъ II, во 2-й разъ 705 — 711; Филиппикъ Варданъ — 711—713; Анастасій II (Артемій)—713 - 716; Ѳеодосій III—716—717.

[2]) Ѳема Анатоликъ занимала древнюю Ликаонію, Фригію и часть Писидіи.

изъ Исавріи, а самъ Левъ происходилъ изъ г. Германикіи (въ М. Азіи, приблизительно на границахъ древней Каппадокіи, Киликіи, Сиріи и Арменіи); въ первое царствованіе Юстиніана II (685—695) онъ переселился отсюда, очевидно, изъ-за арабскихъ нападеній, въ г. Месемврію во Ѳракіи. Во время второго царствованія Юстиніана (705—711) онъ пріобрѣлъ расположеніе императора и получилъ отъ него чинъ спаѳарія [1]). Какъ передаетъ лѣтописецъ Ѳеофанъ, подъ вліяніемъ какихъ-то наговоровъ Юстиніанъ отправилъ Льва съ опасными дипломатическими порученіями въ Грузію, откуда—надѣялся императоръ—Левъ не вернется. Но послѣ многихъ приключеній Левъ вернулся оттуда уже въ царствованіе Анастасія II (Артемія), который далъ ему почетный титулъ патриція и поставилъ его, какъ упомянуто, стратигомъ Анатолика. Здѣсь и находился Левъ, когда византійскія морскія войска, посланныя императоромъ Анастасіемъ въ Сирію для борьбы съ арабами, подняли возстаніе, убили на Родосѣ своего начальника и, повернувъ снова къ столицѣ, въ Адрамитіи провозгласили новаго императора Ѳеодосія III. Началась междоусобная война на азіатскомъ берегу Пропонтиды. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Анастасій, потерпѣвъ пораженіе въ открытомъ полѣ, отрекся отъ престола (мартъ 716 г.), и тогда Ѳеодосій вступилъ въ Константинополь.

Но ему не долго удалось удержаться на престолѣ. Левъ Исавръ не хотѣлъ признавать новаго императора, на его сторонѣ былъ и стратигъ ѳемы Арменіака [2]) Артаваздъ, впослѣдствіи зять Льва. Въ это время братъ дамасскаго халифа Сулеймана, Маслама, предпринималъ походъ противъ Византіи. Арабскіе отряды осадили г. Аморіонъ, на р. Сангаріи, почти на границахъ ѳемы Льва. Разсчитывая, что поддержка мятежнаго стратига можетъ оказаться выгодной для арабовъ, Маслама вступилъ въ сношенія со Львомъ, который съ своей стороны не прочь былъ опереться на арабовъ; онъ обѣщалъ мусульманамъ уплату дани по воцареніи, а тѣ съ своей стороны стали провозглашать его императоромъ и побуждать къ тому же жителей Аморія. Новое движеніе встрѣтило горячее сочувствіе среди малоазіатскихъ областей, въ особенности среди тамошнихъ войскъ. Трудно сказать, насколько искренни были мир-

---

[1]) Дословно—меченосецъ, одинъ изъ невысокихъ чиновъ византійской табели о рангахъ. См. Скабалановичъ, 106.

[2]) Ѳема Арменіакъ занимала западную часть древняго Понта и Каппадокіи и восточную часть Галатіи.

ныя отношенія съ Масламой, но все же они дали Льву возможность немедленно двинуться къ Константинополю. Въ Никомидіи онъ захватилъ сына Өеодосія со всѣмъ дворомъ, и тогда Өеодосій, избѣгая кровопролитія, отрекся отъ престола, получивъ черезъ ведшаго переговоры патріарха Германа обѣщаніе, что останется невредимъ [1]). Въ мартѣ 717 г. Левъ сталъ, такимъ образомъ, безспорнымъ обладателемъ престола Восточной имперіи. Мы слишкомъ мало знаемъ о томъ, чему онъ былъ обязанъ своими успѣхами, но надо думать, что энергія, смѣлость, таланты воина и полководца—всѣ эти свойства, еще долго отличавшія населеніе восточныхъ полуварварскихъ провинцій имперіи, снискали Льву такую популярность среди малоазіатскихъ солдатъ и способствовали его возвышенію, проявляясь при первыхъ его шагахъ такъ же блестяще, какъ они проявились съ достиженіемъ императорской власти.

Борьба противъ арабовъ.

Первой заботой Льва было, конечно, военное дѣло. Вѣроятно, организація ѳемъ, о которой говорено выше, получила свое окончательное развитіе при Львѣ; далѣе, какъ опытный полководецъ, онъ сумѣлъ не только наилучшимъ образомъ приспособить административное устройство къ военнымъ цѣлямъ, но и поднять дисциплину въ войскѣ и улучшить составъ военно-административнаго класса. Въ соотвѣтствіи съ этими мѣрами внѣшняя политика его царствованія была блестящею. Маслама, не получившій обѣщанной дани, скоро возобновилъ войну, прошелъ черезъ Виѳинію, захватилъ Пергамъ, и, перезимовавъ тамъ, весною 717 г. перешелъ Геллеспонтъ. Скоро сюда явился изъ Египта и Сиріи громадный флотъ, и съ августа того же года началась грозная осада Константинополя. Но благодаря энергіи Льва и такъ называемому „греческому огню", [2]) которымъ еще помогали сильныя бури, осада не приводила ни къ какимъ результатамъ, и арабскій флотъ терпѣлъ тяжелыя потери. По приказу халифа Сулеймана, Маслама однако перезимовалъ подъ Константинополемъ. Необыкновенно суровая снѣжная зима только еще болѣе истощила арабское войско. Новый флотъ, присланный весной 718 г. преемникомъ Сулеймана Омаромъ II, не помогъ дѣлу: греческій огонь и измѣна моряковъ-христіанъ сокрушили его. Пораженія фуражировъ, рыскавшихъ по азіатскому и европейскому берегамъ Пропонтиды, еще ухудшили по-

[1]) Левъ сдержалъ это обѣщаніе: Өеодосій мирно окончилъ свои дни въ монастырѣ въ Эфесѣ.

[2]) См. статью „Никифоръ Фока" во II выпускѣ.

ложеніе арабовъ; голодъ и заразительныя болѣзни окончательно подорвали ихъ силы. Въ августѣ 718 г. Маслама снялъ осаду и началъ отступленіе. Буря въ Эгейскомъ морѣ уничтожила почти всѣ остатки флота. Результатъ экспедиціи вышелъ небывалый: непобѣдимые до сихъ поръ арабы спасли, по дошедшимъ извѣстіямъ, изъ 180,000 человѣкъ только 40,000, а изъ 2,500 (съ лишнимъ) судовъ—5. По мнѣнію одного новѣйшаго историка, этотъ исходъ осады имѣлъ міровое значеніе; захватъ Константинополя арабами рѣшительно перевернулъ бы всѣ міровыя отношенія къ выгодѣ халифата и ислама. Во всякомъ случаѣ, отпоръ, данный арабамъ Львомъ, можно сопоставить съ отпоромъ, даннымъ имъ спустя 14 лѣтъ на другомъ концѣ Европы Карломъ Мартеломъ. Дальнѣйшая борьба съ арабами, не прерывавшаяся, правда, въ теченіе всего царствованія Льва, [1]) имѣла своею цѣлью защиту отъ нихъ Малой Азіи. И эта борьба нашла себѣ блестящее завершеніе въ побѣдѣ, одержанной Львомъ въ 740 г. при Акроинонѣ, въ ѳемѣ Анатоликѣ, и положившей конецъ омайядскимъ завоеваніямъ въ Восточной имперіи. Не менѣе удачно справился Левъ съ двумя попытками возстаній, происшедшими въ первые годы его царствованія. Во время осады Константинополя стратигъ Сициліи Сергій провозгласилъ новаго императора. Благодаря распорядительности Льва, немедленно пославшаго на островъ новаго стратига съ грамотой къ жителямъ, бунтовщики вмѣстѣ съ самозванцемъ были захвачены и подвергнуты жестокимъ наказаніямъ. Въ 719 г. Анастасій сдѣлалъ было попытку при помощи болгаръ вернуть себѣ царство; съ болгарскимъ войскомъ двинулся онъ къ Константинополю, но городъ не принялъ его, а болгары выдали Анастасія Льву, очевидно, найдя для себя болѣе выгодной дружбу съ энергичнымъ императоромъ, которую и сохраняли въ теченіе всего его царствованія.

Энергія, выказанная Львомъ на первыхъ же порахъ, и его умѣнье справиться съ очень трудными обстоятельствами показывали, что государство можетъ найти въ немъ такого человѣка, какой давно былъ нуженъ,—человѣка, который сумѣетъ устроить и внѣшнія, и внутреннія дѣла имперіи. И дѣйствительно, если внѣшняя дѣятельность Льва имѣла рѣшающее значеніе для отношеній мусульманскаго халифата къ христіанской имперіи Востока, то и

---

[1]) Въ эпоху Льва III въ Дамаскѣ смѣнились слѣдующіе халифы: Омаръ II (717—720), Езидъ II, (720—724) и Гишамъ (724—744).

его внутреннія мѣры составляютъ эпоху въ исторіи Византіи. Эти мѣры касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной жизни.

Военное сословіе.

Заботы объ улучшеніи устройства войска, вѣроятно, связанныя, какъ упомянуто, съ развитіемъ организаціи ѳемъ, должны были повлечь за собой другія важныя мѣры. Можно думать, что Левъ охотно водворялъ на земляхъ, опустошенныхъ вражескими набѣгами, особенно на пограничныхъ, славянъ, которые вторгались въ имперію, ища мѣстъ для поселенія. Получая значительныя льготы, поселенцы брали на себя обязательство, передаваемое по наслѣдству вмѣстѣ съ земельнымъ участкомъ, нести военную службу. Мы не знаемъ точно, насколько развилась въ эпоху Льва эта система такъ называемыхъ „воинскихъ участковъ“ (*τὰ στρατιωτικὰ κτήματα*), но въ X в. она является уже вполнѣ сложившеюся—въ это время было уже цѣлое военно-землевладѣльческое сословіе, былъ опредѣленъ нормальный размѣръ воинскаго участка, обязывающаго къ личной службѣ; тѣ, кто не владѣлъ участками, достаточными для отправленія личной службы, дѣлали складчину и на общій счетъ снаряжали солдата; все свободное населеніе имперіи дѣлилось на „солдатъ“ и „гражданъ“ (*οἱ στρατιῶται* и *οἱ πολῖται*), и не только мелкіе люди (*πένητες*), которыхъ и по ихъ экономическому положенію, и по ихъ занятіямъ справедливо будетъ назвать крестьянами, составляли такого рода „воинскія семьи“ (*στρατιωτικοὶ οἶκοι*), но и болѣе сильные и богатые (*δυνατοί*), которыхъ съ извѣстными оговорками можно сопоставить съ нашими „служилыми людьми по отечеству“ или съ феодальными баронами.

Въ связи съ устройствомъ военнаго дѣла были, вѣроятно, и финансовыя мѣры Льва, состоявшія въ усиленіи налоговъ и въ конфискаціи имуществъ [1]).

---

[1]) Въ Византійской имперіи, какъ и въ древней Римской, главною податью была поземельная; далѣе слѣдуетъ поголовная, которая въ нашу эпоху, повидимому, примѣнялась мало, вскорѣ затѣмъ совсѣмъ вышла изъ употребленія, но впослѣдствіи (въ XI в.) была возстановлена. Основная поземельная подать съ теченіемъ времени повысилась, благодаря надбавкамъ, добавочнымъ статьямъ. „Въ числѣ такихъ статей первое мѣсто занималъ дикератъ, т. е. надбавка двухъ кератіевъ или, что то же, одного миліарисія къ каждой номисмѣ поземельной подати (номисма—12 миліарисіевъ; миліарисій—серебряная монета цѣной около 40 коп.=2 сер. кератіямъ, сдѣланная еще Львомъ Исавромъ для покрытія расходовъ на возстановленіе разрушенныхъ землетрясеніемъ 740 г. стѣнъ Константинополя и оставшаяся въ послѣдующее

За этими мѣрами идетъ цѣлый рядъ другихъ, несравненно болѣе широкихъ и систематическихъ.

Повидимому, съ первыхъ же годовъ царствованія Львомъ была затѣяна большая, частью кодификаціонная, частью законодательная работа, имѣвшая своею главной цѣлью упорядоченіе гражданскихъ отношеній, а также пересмотръ уголовныхъ законовъ и нѣкоторыя улучшенія въ судебныхъ порядкахъ. Результатомъ этой работы явились два замѣчательныхъ памятника — „Эклога", изданная, вѣроятно, въ 726 г., и „Земледѣльческій законъ", появившійся или одновременно съ Эклогой, или немного позднѣе ея [1]). Эклога есть первый памятникъ систематическаго законодательства въ Византіи послѣ Юстиніана, появившійся черезъ долгій промежутокъ, въ теченіе котораго появлялись только или отдѣльныя постановленія императоровъ (novellae constitutiones—*νεαραί)*, или различныя переработки и сокращенія Юстиніановыхъ законовъ. Въ предисловіи къ Эклогѣ указывается, что она издается въ виду трудности руководствоваться законами прежнихъ царей, содержащимися во многихъ книгахъ, законами, „разумъ" (смыслъ) которыхъ для однихъ трудно постижимъ, а для другихъ, „особенно же для обитающихъ внѣ сего богохранимаго града (т. е. Константинополя), и совершенно недоступенъ", и что законодатель для водворенія правосудія рѣшилъ давать всѣмъ судьямъ и судебнымъ чиновникамъ жалованье изъ государственнаго казначейства „съ тѣмъ, чтобъ они уже ничего не брали съ какого бы то ни было лица, судимаго у нихъ, дабы не исполнилось... глаголемое пророкомъ: „Продаша на сребрѣ праведнаго". Эта попытка Льва сдѣлать судъ безденежнымъ и, слѣдовательно, доступнымъ для всѣхъ уже ясно указываетъ на намѣреніе произвести рѣшительныя улучшенія и важныя перемѣны въ судебномъ дѣлѣ, такъ какъ новый порядокъ совершенно противорѣчилъ прежнимъ привычкамъ судеб-

Эклога.

время, несмотря на то, что расходы по возобновленію стѣнъ давно окупились. Второе мѣсто между добавочными статьями занималъ экзафоллъ, т. е. надбавка шести пуллъ (пуллы или фоллы—мѣдныя монеты, (цѣною около 2 коп.) на $^2/_3$ номисмы поземельной подати, тоже сдѣланная Львомъ Исавромъ".

[1]) Львомъ, вѣроятно, были изданы еще морской законъ—*νόμος ναυτικός*, и военный законъ—*νόμος στρατιωτικός*, на которыхъ мы не останавливаемся въ виду ихъ второстепеннаго значенія. Эклога носитъ названіе „Эклоги царей Льва и Константина", такъ какъ была издана послѣ вѣнчанія на царство, въ 720 г., сына Льва, Константина Копронима, сдѣланнаго, по византійскому обычаю (несмотря на то, что ему было только около полутора года), титулярнымъ соправителемъ отца.

ныхъ чиновниковъ, всегда получавшихъ въ свою пользу разнаго рода денежные поборы (спортулы), величина которыхъ опредѣлялась отчасти закономъ, отчасти обычаемъ. Значительной новизной отличается и содержаніе самой Эклоги, представляющей собой по преимуществу постановленія гражданскаго права и лишь въ сравнительно незначительной части касающейся уголовнаго. Не останавливаясь подробно на содержаніи ея довольно многочисленныхъ параграфовъ, трактующихъ о бракѣ, обрученіи, о приданомъ, о дареніи, о завѣщаніяхъ и о наслѣдованіи безъ завѣщанія, объ опекѣ [1]), замѣтимъ, что по своему характеру постановленія, касающіяся брака, семейныхъ отношеній, наслѣдованія и т. п., представляютъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ Юстиніановымъ законодательствомъ: во взглядѣ на бракъ проводятся болѣе высокія, христіанскія начала, мало свойственныя предшествующему законодательству; касаясь отношеній между родителями и дѣтьми, Эклога „еще дальше пошла въ дѣлѣ смягченія суровыхъ римскихъ преданій, чѣмъ Юстиніаново законодательство"; въ статьяхъ, касающихся наслѣдованія, являются черты „болѣе высокаго и здраваго пониманія сущности и блага семьи, чѣмъ это можно было замѣтить въ Юстиніановомъ законодательствѣ": законодатель искусно устраняетъ или измѣняетъ тѣ пункты, которые могли вносить непріязненность и раздоры въ семейныя отношенія. И въ остальныхъ титулахъ нашего памятника, говорящихъ объ отпускѣ рабовъ, о разнаго рода обязательствахъ, о свидѣтеляхъ, о наказаніяхъ и т. п., вездѣ мы встрѣчаемъ стремленіе улучшить предшествующее законодательство, сдѣлать его болѣе понятнымъ и яснымъ, гдѣ оно неясно, измѣнить и исправить его тамъ, гдѣ оно оказалось неудобопримѣнимымъ. Въ титулѣ о наказаніяхъ нужно отмѣтить, кромѣ того, замѣну смертной казни болѣе мягкими — хотя совершенно варварскими съ нашей точки зрѣнія — наказаніями, состоящими въ тѣлесныхъ изуродованіяхъ (отсѣченіе руки, урѣзаніе носа или языка, ослѣпленіе) и въ истязаніяхъ розгами или палками, и, наконецъ, черту, которую можно съ полнымъ основаніемъ назвать гуманной: „Эклога угрожаетъ одинаковыми наказаніями бѣднымъ и богатымъ, простымъ и сановнымъ... тогда какъ въ Юстиніановомъ правѣ нерѣдко встрѣчались ничѣмъ не оправдываемыя отступленія отъ началъ справедливаго равенства".

[1]) Эклога раздѣляется на 18 „титуловъ", изъ которыхъ въ каждомъ заключается по нѣскольку короткихъ главъ или параграфовъ (отъ 52 до 1-го).

Такимъ образомъ, хотя и трудно видѣть въ Эклогѣ провозвѣстницу чуть ли не передовыхъ идей, которыя восторжествовали только въ наше время, однако она имѣетъ важное значеніе: она не только идетъ во многихъ отношеніяхъ впередъ сравнительно съ Юстиніановымъ законодательствомъ, но и отмѣчаетъ собою въ исторіи византійскаго права цѣлый періодъ, тянущійся до временъ Македонской династіи, когда произошелъ поворотъ снова къ Юстиніанову праву.

Земледѣльческій законъ.

Если Эклога представляетъ немало новаго сравнительно съ предшествующимъ законодательствомъ, то еще болѣе новизны оказывается въ „Земледѣльческомъ законѣ". Этотъ законъ, являющійся по своему содержанію земскимъ полицейскимъ уложеніемъ и трактующій, главнымъ образомъ, о кражахъ полевыхъ и садовыхъ плодовъ, о проступкахъ пастуховъ, о потравахъ, о поврежденіяхъ, нанесенныхъ чужому скоту и т. п., интересенъ не постановленіями, касающимися всѣхъ этихъ вопросовъ, а тѣми своими параграфами, которые опредѣляютъ положеніе земледѣльческаго класса и даютъ намъ яркую картину его состоянія въ VIII в. На первый взглядъ эта картина поражаетъ своею неожиданностью: настолько она непохожа на то, что мы находимъ относительно земледѣльческаго класса въ законодательствѣ Римской имперіи до Юстиніана включительно. Хотя въ Земледѣльческомъ законѣ есть упоминаніе о „рабахъ", т. е. о людяхъ, которые являются собственностью господина и представляютъ юридически не лицо, а вещь, но эти рабы не имѣютъ никакого отношенія къ земледѣльческому классу: это—слуги землевладѣльцевъ, наблюдающіе въ данномъ случаѣ за скотомъ. Не они составляли земледѣльческое населеніе: въ имперіи III—V вв. его составляли колоны, т. е. люди лично свободные, но прикрѣпленные къ землѣ, на которой они жили, платя оброкъ своему господину, и съ которой ни въ какомъ случаѣ не имѣли права уйти. Совсѣмъ не то находимъ мы въ Земледѣльческомъ законѣ, т. е. въ VIII в. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ рѣчи о крестьянахъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ. По Земледѣльческому закону, было два разряда крестьянъ. Во-1-хъ, крестьяне собственники, имѣвшіе общинное устройство. Вся земля, кромѣ земли подъ усадьбами, садами и огородами, считалась собственностью всей общины (*κοινότης τοῦ χωρίου*), и обыкновенно значительная часть ея (пастбища, лѣса, пустопорожнія земли) оставались въ общемъ владѣніи и пользованіи, но каждому общиннику выдѣлялся свой надѣлъ (*μερίς*, *σκαρφίον*), который онъ или обрабатывалъ самъ, или отдавалъ въ аренду, могъ

промѣнять другому крестьянину навсегда или на извѣстный срокъ, могъ, наконецъ, отдать въ пользованіе кредитору взамѣнъ уплаты процентовъ и погашенія капитальнаго долга. Несмотря на право общинника такъ свободно распоряжаться надѣломъ, послѣдній былъ однако, повидимому, неотчуждаемъ отъ общины и могъ перейти къ другому общиннику при передѣлахъ, которые могли производиться когда угодно, по желанію крестьянъ [1]). Таковы порядки, установленные Львомъ для крестьянской общины, являющейся въ Земледѣльческомъ законѣ и платежнымъ цѣлымъ, отвѣчающимъ за податную исправность своихъ членовъ, и до извѣстной степени самоуправляющимся „сельскимъ міромъ“ (*κοινότης τοῦ χωρίου*), имѣющимъ право предъявлять общинникамъ извѣстныя принудительныя требованія. Второй разрядъ крестьянъ, о которыхъ говорится въ Земледѣльческомъ законѣ, это крестьяне арендаторы, обрабатывающіе землю, взятую или у крестьянина же общинника, или у крупнаго землевладѣльца, у свѣтскаго человѣка, знатнаго, „властеля“ *(δυνατός)*, или у монастыря. Эти крестьяне платятъ владѣльцу за пользованіе землей или „десятый снопъ“, десятую часть жатвы, или же половину ея. Отъ названія десятины, *μορτή*, крестьяне перваго рода назывались мортитами *(μορτῖται)*; крестьяне, бравшіе землю исполу, такъ и назывались половниками *(ἡμισειασταί)*. Эти арендаторы—люди свободные: если они бросаютъ арендуемую землю, они не возвращаются насильственно на нее и лишь уплачиваютъ владѣльцу за ущербъ, нанесенный ему неисполненіемъ условій аренды.

Таковы главныя черты новаго устройства земледѣльческаго класса, совершенно несхожаго съ предшествующими порядками. Несомнѣнно, законодательство сдѣлало крупный шагъ впередъ, и притомъ шагъ въ смыслѣ несравненно большей свободы земледѣльческаго класса, чѣмъ это было прежде: свободная община, свободные, всегда могущіе покинуть свой участокъ арендаторы вмѣсто крѣпостныхъ - колоновъ, бывшихъ почти въ рабскомъ положеніи—вотъ что мы видимъ въ законахъ императора Льва. Но какъ же создались эти новые порядки? Явились ли они нововведеніемъ, созданіемъ смѣлой реформаторской, почти революціонной дѣятельности Льва, который энергической рукой сломилъ старые порядки,

---

[1]) Въ одномъ памятникѣ нач. X в. сохранилось своеобразное ограниченіе свободы передѣловъ; передѣлъ можно производить только, если со времени предыдущаго передѣла прошло не болѣе 30 лѣтъ.

уничтожилъ крѣпостное право, однимъ словомъ, произвелъ такія же приблизительно рѣзкія перемѣны, какъ тѣ, которыя пережило наше отечество тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ? Отвѣтъ на эти вопросы подсказывается тѣми фактами, которые упомянуты въ началѣ нашей статьи: вторженіе въ имперію съ начала VII в. цѣлыхъ массъ славянскихъ племенъ, занятіе ими опустошенныхъ областей, куда они приносили свое общинное устройство, необходимость для многочисленнаго изгнаннаго туземнаго населенія искать себѣ убѣжища въ другихъ областяхъ, вотъ явленія, подготовившія законодательную формулировку общиннаго строя и крестьянскихъ переходовъ въ Византіи. „Законъ не предшествовалъ этнографическому и вмѣстѣ соціальному перевороту, а послѣдовалъ за нимъ и только призналъ то, что уже существовало въ жизни“ [1]). Этимъ мы не хотимъ уменьшить значенія дѣятельности Льва въ законодательной области: сумѣть понять новыя, только что сложившіяся отношенія и дать цѣлый рядъ законодательныхъ опредѣленій, рѣзко расходящихся съ предшествовавшимъ законодательствомъ и отлично подходящихъ къ новымъ отношеніямъ,—дѣло нелегкое. Не преувеличивая значенія Льва, можно все таки сказать, что его законодательство изобличаетъ въ немъ талантливаго новатора, сумѣвшаго упорядочить разнообразныя области гражданскихъ отношеній и уголовнаго права, внести въ нихъ много свѣжаго и плодотворнаго и, такимъ образомъ, создать въ исторіи византійскаго права цѣлую эпоху.

Но Левъ не остановился на только что разсмотрѣнныхъ реформахъ. Его новаторскія стремленія привели его еще къ одной реформаторской попыткѣ, которая создала ему такую печальную славу и оказала сильное вліяніе на дальнѣйшій ходъ византійской исторіи.

Вопросъ о почитаніи иконъ.

Энергичный императоръ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что происходило въ эту эпоху въ области духовной (въ частности—религіозной) жизни. Изъ упомянутыхъ выше вопросовъ, волновавшихъ церковь и общество въ концѣ VII в. и въ началѣ VIII в., вопросъ о моноѳелитствѣ, хотя и оживленный императоромъ Филиппикомъ, находилъ для себя все таки разрѣшеніе въ постановленіяхъ VI вселенскаго собора (680 г.), безповоротно осудившаго

---

[1]) В. Г. Васильевскій, Ж. М. Н. П., ч. 200, стр. 105. „Именно для новаго славянскаго населенія имперіи, говоритъ онъ далѣе, и назначался преимущественно тотъ уставъ, который болѣе соотвѣтствовалъ его воззрѣніямъ, быту и привычкамъ, чѣмъ... установленія Римской имперіи въ родѣ колоната или прикрѣпленія къ землѣ“.

монофелитскую ересь. Но другой вопросъ — вопросъ о почитанiи иконъ — получалъ, повидимому, все большее и большее значенiе. Распространенiе мусульманства, отрицавшаго всякiя изображенiя божества, ученiя такихъ еретиковъ, какъ, напр., павликiане, отрицавшихъ поклоненiе иконамъ, упреки евреевъ христiанамъ въ идолопоклонствѣ — все это обостряло вопросъ болѣе и болѣе. Между тѣмъ съ догматической стороны вопросъ о почитанiи иконъ не былъ еще вполнѣ установленъ, а тѣ формы, какiя нерѣдко прiобрѣтало въ ту эпоху иконопочитанiе, могли возбудить серьезныя недоумѣнiя и стремленiе выяснить и упорядочить это дѣло у людей, искренно преданныхъ религiи и желавшихъ успокоенiя церкви. Такимъ человѣкомъ и былъ Левъ III, когда онъ выступилъ на борьбу съ иконопочитанiемъ. Трудно опредѣленно выяснить всѣ причины происхожденiя движенiя противъ иконъ и его истинный характеръ, трудно тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ свѣдѣнiя объ этомъ движенiи, объ этой „икономахiи", иконоборствѣ, отъ писателей православныхъ, относившихся къ описываемымъ явленiямъ и лицамъ крайне страстно, искажавшихъ и характеры, и событiя, между тѣмъ какъ иконоборческiе памятники эпохи безпощадно уничтожались впослѣдствiи. Мы остановимся поэтому только на немногихъ чертахъ, хотя бы отчасти выясняющихъ происхожденiе и характеръ начатаго Львомъ движенiя.

Несомнѣнно, что въ описываемую эпоху, при трудности пониманiя нѣкоторыхъ вопросовъ христiанскаго вѣроученiя, при маломъ распространенiи въ массахъ образованiя, къ христiанскимъ понятiямъ и обрядамъ примѣшивалось немало грубаго, чуждаго имъ, затемнявшаго христiанскiя воззрѣнiя. Такъ, почитанiе святыхъ часто прiобрѣтало неправильный, преувеличенный характеръ: на нихъ переставали смотрѣть, какъ на ходатаевъ передъ Богомъ, и смотрѣли, какъ на существъ всесильныхъ; самое поклоненiе имъ принимало неподобающiй характеръ, приличный только поклоненiю самому Богу; почитанiе изображенiй Бога и святыхъ также исказилось: къ этимъ изображенiямъ относились, какъ къ одушевленнымъ существамъ; очевидно, уже около временъ Льва „многiе изъ церковныхъ людей и мiрянъ отверглись апостольскихъ преданiй и отеческихъ постановленiй, сдѣлались виновниками злыхъ новшествъ: поставили (въ храмахъ) иконы съ возженными передъ ними свѣчами и стали оказывать имъ такое же поклоненiе, какъ честному и животворящему древу; пѣнiемъ псалмовъ и молитвами просили отъ иконъ помощи; многiе возлагали на эти иконы полотенца и

дѣлали изъ иконъ воспріемниковъ своихъ дѣтей при святомъ крещеніи. Желая принять монашескій чинъ, многіе предпочитали отдавать свои волосы не духовнымъ лицамъ, какъ это было въ обычаѣ, а складывать при иконахъ. Нѣкоторые изъ священниковъ и клириковъ соскабливали краски съ иконъ, смѣшивали ихъ съ причастіемъ и давали эту смѣсь желающимъ вмѣсто причащенія. Другіе возлагали тѣло Христово на образа и отсюда пріобщались святыхъ таинъ. Нѣкоторые, презрѣвъ храмы Божіи, устраивали въ частныхъ домахъ алтари изъ иконъ и на нихъ совершали священныя таинства, и многое другое противное... вѣрѣ допускали въ церквахъ" [1]). Такого рода преувеличенія и заблужденія, раздѣляемыя, какъ видно, и духовенствомъ, находили себѣ особенно сильную опору въ монашествѣ, нерѣдко имѣвшемъ свои выгоды въ поддержаніи такого рода воззрѣній. Но, съ другой стороны, очевидно, и среди высшаго духовенства, и среди свѣтскаго общества являлось немало людей, понимавшихъ преувеличенія такого иконопочитанія и думавшихъ объ исправленіи зла. Вѣроятно, оно съ особенной ясностью сознавалось тамъ, гдѣ приходилось чаще и больше сталкиваться съ представителями новой монотеистической религіи, выдававшей себя за единственную истинную вѣру и рѣзко подчеркивавшей свою враждебность всякому иконопочитанію запрещеніемъ дѣлать какія-либо изображенія живыхъ существъ. Очевидно, что въ Малой Азіи, гдѣ шла постоянная борьба съ арабами, всего естественнѣе могло возникнуть стремленіе „очистить" христіанство, устранить изъ его обрядовъ и вѣрованій то, что выставляло его на первый взглядъ такъ невыгодно по сравненію съ новой, болѣе грубой религіей, находившей себѣ многочисленныхъ приверженцевъ, и что не согласовалось и съ истиною христіанства. Такимъ образомъ, на востокѣ имперіи сложилось движеніе противъ злоупотребленій въ иконопочитаніи, быстро принявшее характеръ движенія противъ самого иконопочитанія. Именно, среди восточнаго духовенства, среди восточныхъ войскъ были самые энергичные сторонники новаго движенія. Не забудемъ, что и самъ Левъ былъ родомъ изъ Малой Азіи, что тамъ онъ былъ стратигомъ передъ воцареніемъ, тамъ первоначально былъ признанъ императоромъ, на тамошнія войска опирался, глав-

---

[1]) Такъ разсказывается въ письмѣ имп. Михаила II (Аморійскаго, 820—829) къ имп. Людовику Благочестивому, помѣщ. въ церковн. анналахъ Баронія подъ 824 г. Но можно думать, что факты, изображенные въ этомъ разсказѣ, относящемся къ началу IX в., всецѣло относятся и къ VIII в.

нымъ образомъ, при захватѣ престола; съ востока же (изъ Сиріи), происходилъ и главный совѣтникъ Льва Висиръ, при содѣйствіи котораго императоръ и началъ борьбу противъ иконъ.

Первыя мѣры Льва противъ иконопочитанія.

Но возникшее такимъ образомъ движеніе могло пойти разными путями. Характеръ, какой оно приняло, опредѣлился свойствами тѣхъ лицъ, которыя стали во главѣ его. А этими лицами были самъ Левъ, упомянутый выше Висиръ, нѣкоторые изъ придворныхъ; за ними стояло войско. Левъ былъ человѣкъ энергичный, рѣшительный и дѣйствовавшій настойчиво и самовластно. Онъ не счелъ нужнымъ созвать соборъ для обсужденія предполагаемыхъ мѣръ. Повидимому, онъ сразу опредѣленно выставилъ свои требованія. Вѣроятно, въ томъ же 726 г., когда, какъ можно думать, была обнародована Эклога, и, можетъ быть, не безъ связи съ этимъ важнымъ законодательнымъ актомъ, Левъ началъ, какъ выражается лѣтописецъ Өеофанъ, „держать рѣчь противъ святыхъ и досточтимыхъ иконъ“,— именно (какъ объясняетъ другой памятникъ), „собравъ весь подвластный народъ“, заявилъ, „что, такъ какъ приготовленіе иконъ есть дѣло идольскаго искусства, то не слѣдуетъ имъ поклоняться“. Это заявленіе произвело страшное смятеніе не только среди собравшагося народа, но и во всемъ государствѣ. Жители Константинополя, по словамъ Өеофана, хотѣли напасть на самого императора; папа римскій Григорій II, каөедра и страна котораго все еще считалась подчиненной Византіи, написалъ Льву посланіе, гдѣ, по словамъ Өеофана, говорилъ, что царю не подобаетъ разсуждать касательно вѣры и измѣнять древнія ученія церкви; патріархъ константинопольскій Германъ былъ противъ нововведеній. Но Левъ не смутился этимъ и рѣзко пошелъ дальше; въ томъ же году началось, по приказу Льва, разрушеніе и выламываніе иконъ [1]); такъ, въ столицѣ было приказано разломать и уничтожить чтимую такъ называемую Халкопратійскую икону (у воротъ Большого дворца), но толпа, особенно „благородныя жен-

---

[1]) „Общепринятое представленіе этихъ мѣръ (первыхъ мѣръ Льва противъ иконопочитанія), по которому дѣло началось не съ уничтоженія иконъ, а только съ того, что ихъ повѣсили выше и устранили такимъ образомъ возможность прикладываться къ нимъ... совершенно невѣрно. Большинство иконъ въ византійскихъ церквахъ были изображенія живописныя или мозаичныя, то есть не могли быть отдѣлены отъ церковныхъ стѣнъ, часть которыхъ онѣ составляли, и притомъ онѣ и безъ того часто находились на значительной высотѣ“.— Васильевскій, Ж. М. Н. П., ч. 191, стр. 296.

щины“, оттащила лѣстницу, на которую взобрался посланный для исполненія распоряженія придворный, сбросила послѣдняго на землю и убила; такъ, въ ту же эпоху, во время войны съ арабами однимъ воиномъ изъ малоазіатскихъ ѳемъ была разрушена икона Богородицы въ Никеѣ. Но едва ли такія разрушенія производились повсемѣстно: примѣру императора подражали, вѣроятно, только тѣ епископы, которые уже ранѣе враждебно относились къ иконопочитанію „и, по всей вѣроятности, внушили свои воззрѣнія Императору“. Это были епископы малоазіатскіе, какъ, напр., Ѳеодосій Эфесскій, Константинъ, еп. г. Наколіи (во Фригіи), Ѳома, еп. г. Клавдіополя (въ Пафлагоніи или въ Исавріи). Въ другихъ мѣстахъ не только не происходило ничего подобнаго, но начинались серьезныя волненія. Эллада и Цикладскіе острова подняли вооруженное возстаніе противъ императора и провозгласили новаго царя — нѣкоего Козьму; но это возстаніе кончилось полной побѣдой Льва; корабли мятежниковъ, явившіеся къ самому Константинополю, погибли отъ „греческаго“ огня; Козьма былъ казненъ.

Сопротивленіе иконоборству.

Таково было начало борьбы противъ иконъ. Очевидно, оно имѣло въ своей основѣ самыя хорошія стремленія, но едва ли можно сказать, что средства борьбы были выбраны удачно: чѣмъ большими преувеличеніями страдало иконопочитаніе въ ту эпоху, тѣмъ сильнѣе сокрушеніе высокочтимыхъ святынь должно было вооружить ихъ почитателей противъ ихъ гонителей. Потому-то мы видимъ, что уже первыя мѣры Льва вызвали сильное и далеко распространившееся сопротивленіе. Противниками императора выступили низшіе классы населенія городовъ, женщины всѣхъ классовъ, наконецъ, монашество. Напротивъ, свѣтская знать и войско, главнымъ образомъ—азіатское, были на его сторонѣ. Что касается духовенства, то оно, какъ видно, не было единодушно: восточное было по преимуществу на сторонѣ Льва, западное — противъ него. Однако, противъ него былъ и знаменитый ревнитель православія Іоаннъ Дамаскинъ, и патріархъ Германъ. Императоръ хотѣлъ сначала миролюбиво уничтожить сопротивленіе послѣдняго; онъ пригласилъ Германа къ себѣ для объясненій; когда во время этой аудіенціи патріархъ замѣтилъ, что по одному предсказанію уничтоженіе иконъ должно произойти при императорѣ, котораго будутъ звать Кононъ, и когда оказалось, что Кононъ есть имя, данное Льву при крещеніи, Германъ сказалъ: „Да не случится, государь, чтобы въ твое царствованіе совершилось это бѣдствіе; ибо совершающій это — предтеча Антихриста и разрушитель божественнаго домостро-

ительства". Эта рѣчь возстановила императора противъ патріарха, и онъ старался о томъ, какъ бы его устранить. Случай для этого скоро представился. Въ январѣ 730 г. былъ созванъ во дворцѣ „силенцій" [1]) противъ иконъ; сюда былъ приглашенъ и патріархъ, котораго Левъ все еще надѣялся склонить подписать постановленіе противъ иконъ. Но Германъ снялъ съ себя омофоръ и сказалъ: „Если я Іона, бросьте меня въ море; безъ вселенскаго собора я не могу, царь, вводить ничего новаго въ дѣлахъ вѣры". Затѣмъ онъ удалился въ свой домъ и тамъ „жилъ на покоѣ" Въ томъ же январѣ 730 г. въ патріархи былъ рукоположенъ сторонникъ Льва Анастасій, ученикъ и „синкеллъ" [2]) Германа. Теперь Левъ могъ принять болѣе широкія мѣры. Но каковы же были эти мѣры? Очевидно, издавались постановленія относительно истребленія иконъ, разсылавшіяся по всей имперіи, но примѣнялись ли для исполненія ихъ въ широкихъ размѣрахъ насильственныя мѣры, мы не можемъ сказать, такъ какъ извѣстія, передаваемыя объ этомъ Ѳеофаномъ, не заслуживаютъ довѣрія. Во всякомъ случаѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ можно думать, что не таковы были главныя средства борьбы, примѣнявшіяся Львомъ. Очевидно, онъ скоро понялъ, что грубыя, внѣшнія мѣры однѣ не ведутъ къ цѣли. Мы имѣемъ извѣстія, что онъ закрывалъ школы „благочестиваго ученія", т. е., очевидно, монастырскія, духовныя школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть свидѣтельства, что школьное образованіе и грамотность были весьма распространены въ Византіи въ разсматриваемую эпоху. Можно предполагать, принимая въ расчетъ весь характеръ дѣятельности Льва, что онъ, закрывая школы, боролся не противъ образованія, а противъ того направленія, какое оно принимало въ рукахъ монаховъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поощрялъ развитіе образованія,

---

[1]) „Силенціями" (*σελέντιον*) назывались засѣданія того совѣщанія, которое, по приглашенію императора, собиралось около него для обсужденія важныхъ дѣлъ (между проч., для суда по дѣламъ, восходившимъ до императора); въ позднѣйшее время въ составъ его входили обыкновенно только сенаторы, высшіе чиновники, по большей части носившіе званіе сенаторовъ, иногда высшее духовенство. Но въ иконоборческую эпоху силенцій имѣлъ, кажется, нѣсколько иной характеръ и представлялъ бесѣду царя (окруженнаго, конечно, сенатомъ) съ *народомъ*, съ *народной толпой*. — Васильевскій, ib., 286.

[2]) Синкеллъ — сокелейникъ и духовникъ патріарха (можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ кандидатъ на патріаршій престолъ или нѣчто въ родѣ викарія патріарха).

иначе поставленнаго [1]). Весьма вѣроятно, что въ связи съ указанными мѣрами постепенно выяснялась необходимость борьбы и съ самимъ монашествомъ, противъ котораго, какъ противъ учрежденія, такъ рѣшительно выступилъ преемникъ Льва, Константинъ V Копронимъ.

Борьба, начатая такимъ образомъ, длилась до самой смерти Льва (18 іюня 741 г.). Мы видѣли, что преслѣдованіе иконъ было только одной изъ сторонъ широкой преобразовательной дѣятельности этого императора. Но эта сторона заслонила въ глазахъ и современниковъ Льва, и нѣсколькихъ слѣдующихъ поколѣній всѣ другія стороны его реформы; онъ слишкомъ грубо и рѣзко коснулся такихъ вещей, которыя требуютъ особенно мягкаго и осторожнаго отношенія къ себѣ, онъ слишкомъ порывисто и слишкомъ больно затронулъ крѣпко сложившіеся, точно сросшіеся съ людьми взгляды и тѣмъ оттолкнулъ и возстановилъ противъ себя всѣхъ, кому дороги эти взгляды, и заставилъ ихъ забыть или ненавидѣть и все остальное, сдѣланное имъ, какъ бы само по себѣ оно ни было плодотворно. Нѣчто подобное случилось (дѣлаемъ это сопоставленіе со всяческими оговорками), когда Петръ Великій возстановилъ рѣзкими перемѣнами въ сферѣ старинныхъ обычаевъ и обрядовъ, съ которыми сроднились русскіе люди, противъ себя всѣхъ, кому была близка и дорога эта старина.

Отношеніе папы къ иконоборству.

Борьба, затѣянная Львомъ, быстро разгорѣлась, широко раскинулась и не скоро кончилась. Еще при его жизни она принесла много неожиданныхъ для императора, очень важныхъ по своимъ послѣдствіямъ результатовъ. Хотя, какъ замѣчено выше, мы почти не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій о систематическихъ преслѣдованіяхъ и насиліяхъ въ царствованіе Льва, однако иногда они, естественно, имѣли мѣсто: сопротивленіе народа распоряженіямъ императора, въ родѣ того, какое было оказано при разрушеніи Халкопратійской иконы, должно было вызывать крутыя мѣры и со стороны иконоборцевъ. Возникали драки, убійства, постепенно борьба принимала вооруженный характеръ, какимъ она все больше и больше отличается при послѣдующихъ иконоборцахъ. Въ виду всего этого многіе, особенно въ столицѣ, не желая мириться съ ересью, стремились уйти отъ борьбы, покидали родину, „искали убѣжища въ дальнихъ странахъ, на окраинахъ имперіи... движеніе, которое послѣ въ широкихъ размѣрахъ направилось въ Южную Италію, и въ Тав-

[1]) Ср. Васильевскій, „Русско-византійскія изслѣдованія", стр. LIX.

риду". Вызвавъ противъ себя отпоръ на разныхъ концахъ христіанскаго міра и въ Сиріи, откуда Іоаннъ Дамаскинъ слалъ свои краснорѣчивыя, производившія сильное впечатлѣніе посланія въ защиту иконопочитанія, и въ Римѣ, гдѣ противъ Льва возставали папы Григорій II (715—731) и Григорій III (731—741), иконоборство особенно сильно повліяло на отношенія папства къ восточной имперіи. Папа Григорій II, какъ сказано выше, сразу отнесся отрицательно къ дѣлу Льва и одобрилъ возстаніе Рима и средней Италіи противъ императора; но когда лангобардскій король Ліутпрандъ, пользуясь возстаніемъ Италіи противъ Византійцевъ, захватилъ отпавшую отъ послѣднихъ Равенну и нѣсколько городовъ въ Римской области, Григорій измѣнилъ свою политику: онъ сблизился съ находившимися въ Италіи Византійцами, которымъ затѣмъ удалось вернуть Равенну. Однако, низложеніе патріарха Германа и отказъ папы признать патріархомъ Анастасія снова произвели разрывъ, который еще болѣе усилился при Григоріи III. Этотъ папа на мѣстномъ соборѣ въ Римѣ, въ 732 г., произнесъ проклятіе противъ враговъ иконъ, встрѣченное съ большимъ сочувствіемъ въ Италіи. Раздраженный этимъ Левъ, послѣ неудачной морской экспедиціи противъ Италіи, предпринялъ мѣру, имѣвшую громадныя послѣдствія, онъ перевелъ всѣ страны собственной Греціи, Македонію, Критъ (также нижнюю Италію и Сицилію), до тѣхъ поръ подчиненныя въ церковномъ отношеніи Риму, подъ власть Константинопольскаго патріарха. Этотъ шагъ, обусловившій то, что Греція и другія упомянутыя страны (кромѣ, конечно. южной Италіи и Сициліи) стали со временемъ православными, а не католическими, какъ бы закрѣпилъ вмѣстѣ съ тѣмъ окончательный разрывъ съ Римомъ, который съ этихъ поръ начинаетъ дѣятельно сближаться съ франкскимъ государствомъ—союзъ, полный такого громаднаго значенія и для судебъ папства, и для судебъ западно-европейскихъ государствъ...

Значеніе Льва III. Левъ III всею своею дѣятельностью повернулъ Византію на новый путь, по которому она затѣмъ шла въ теченіе столѣтія слишкомъ. Знамя, выставленное этимъ новымъ направленіемъ, знамя иконоборства вызывало противъ себя ожесточенную вражду, дѣлало борьбу жгучей, страстной, но борьба шла не изъ за одного знамени: не говоря уже о разсмотрѣнныхъ выше реформахъ въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, въ соціальныхъ и экономическихъ отношеніяхъ, слѣдуетъ замѣтить, что и самая церковная реформа пріобрѣла съ развитіемъ борьбы болѣе широкій характеръ: Констан-

тинъ Копронимъ стремился уже къ тому, чтобы совсѣмъ уничтожить монашество и монастыри, и конфисковалъ церковныя земли. Однако, знамя иконоборства оказалось такъ чуждо большей части византійскаго общества, что въ половинѣ IX в. борьба, ведшаяся подъ этимъ знаменемъ, окончилась совершеннымъ пораженіемъ: императоръ Левъ и почти всѣ его преемники, до императора Өеофила исключительно, подверглись анаөемѣ, которая съ тѣхъ поръ произносится въ православной церкви ежегодно въ „недѣлю православія“ (первое воскресенье Великаго Поста). Законодатели Македонской династіи, смѣнившей иконоборцевъ, не только смотрѣли на нихъ, какъ на еретиковъ, но и стремились уничтожить созданное ими законодательство и вернуться къ праву Юстиніана. Но дѣло иконоборцевъ не совершенно погибло. Законодательная реакція Македонскихъ императоровъ во многихъ отношеніяхъ потерпѣла крушеніе, и съ теченіемъ времени оказалось не мало случаевъ, гдѣ въ жизнь вошли не ихъ постановленія, а порядки, установленные иконоборцами. Лучшимъ примѣромъ такой живучести иконоборческихъ законовъ можетъ служить судьба Земледѣльческаго закона. Хотя онъ и не вошелъ въ составъ такъ называемыхъ Царскихъ книгъ (Василикъ), изданныхъ первыми императорами Македонской династіи и возстановляющихъ для крестьянскихъ отношеній постановленія Юстиніанова законодательства, но многочисленность его рукописей въ послѣдующіе вѣка, присоединеніе его въ спискахъ къ позднѣйшимъ офиціальнымъ судебнымъ руководствамъ и ихъ частнымъ обработкамъ—все это показываетъ, что Земледѣльческій законъ и въ позднѣйшее время имѣлъ практическое приложеніе; и хотя въ Василикахъ много говорилось о прежнихъ крѣпостныхъ колонатныхъ отношеніяхъ, но это учрежденіе въ прежнемъ своемъ видѣ послѣ Льва Исавра уже навсегда осталось чуждымъ дѣйствительной жизни.

Ө. Смирновъ.

XIII.

Магометъ и начало ислама *).

Бытъ арабовъ.

Около средины V-го столѣтія по Р. Х., разсказываетъ арабское преданіе, самымъ могущественнымъ человѣкомъ во всей Аравіи былъ Кулейбъ, сынъ Раби, вождь сильнаго племени Бену - Тáглибъ, которое кочевало тогда, вмѣстѣ со своими родичами Бену-Бекръ, на сѣверо-востокѣ Аравійскаго полуо-ва, отъ Сирійской пустыни вплоть до самыхъ горъ внутренней Аравіи. Не разъ оба племени вмѣстѣ съ другими сосѣдями удачно отражали нападенія южно-арабскихъ государей, при чемъ Кулейбъ своими подвигами затмѣвалъ всѣхъ остальныхъ вождей. Но вмѣстѣ со славой героя росла и его гордость, превосходившая всякую мѣру; столѣтіями позже еще ходила среди сыновей пустыни поговорка: „надменнѣе, чѣмъ Кулейбъ Вá'ильскій", („Вá'иль" называли себя по общему предку племени Бекръ и Тáглибъ). У него была жена Джелила, родомъ изъ племени Бекръ, со всей семьей которой Кулейбъ былъ въ большой дружбѣ, такъ что одинъ изъ ея братьевъ, Джессасъ, поставилъ свою палатку рядомъ съ шатромъ Кулейба. Однажды у Джессаса гостила тетка, по имени Бесусъ, изъ другого племени, которая, какъ чужая среди Бекръ и Тáглибъ, находилась подъ защитой своего племянника. Къ ней пріѣхалъ одинъ ея землякъ, Сá'адъ, и остановился тоже у Джессаса; онъ привелъ съ собою верблюдицу, которую пускалъ въ стадо вмѣстѣ съ верблюдами своего хозяина,—стало быть, вмѣстѣ и со стадомъ Кулейба. Вотъ разъ пошелъ Кулейбъ осмотрѣть свое пастбище, и видитъ, сидитъ на яйцахъ самка жаворонка. Увидѣвъ человѣка, она испугалась, закричала и захлопала крыльями. Кулейбъ былъ въ хорошемъ рас-

*) Составлено по *A. Müller*, Der Islam im Morgen-u. Abendland, B. I. Berlin, 1885.

положенiи духа. „Не бойся“, сказалъ онъ, „ты и твои яица подъ моей защитой, никто не можетъ тебѣ ничего сдѣлать“. Но когда онъ вскорѣ опять проходилъ мимо этого мѣста, онъ замѣтилъ слѣдъ чужого, неизвѣстнаго ему верблюда, а яица жаворонка были растоптаны. Въ гнѣвѣ ушелъ онъ домой. На другое утро, осматривая вмѣстѣ съ Джессасомъ общее пастбище, онъ замѣтилъ верблюдицу Са́ада. Тотчасъ заподозрилъ Кулейбъ, что она то и растоптала яица, и крикнулъ Джессасу: „Берегись! Я кое-что подозрѣваю, а когда узнаю навѣрное, приму мѣры, чтобы эта верблюдица никогда не появлялась сюда болѣе съ нашимъ стадомъ!“ Джессасъ не стерпѣлъ этого и возразилъ: „И однако же, клянусь Богомъ, верблюдица опять придетъ сюда, какъ и въ первый разъ“... Завязалась перебранка; наконецъ Кулейбъ пригрозилъ, что если увидитъ здѣсь еще разъ верблюдицу, пуститъ ей стрѣлу въ вымя. Тогда Джессасъ отвѣтилъ: „Если ты ей пробьешь стрѣлой вымя, я тебѣ воткну копье въ спину“. Затѣмъ онъ угналъ своихъ верблюдовъ, а Кулейбъ въ ярости возвратился домой. Его жена Джелила, сестра Джессаса, видѣла, что онъ сердитъ, и стала допытываться о причинѣ: „Знаешь ли ты кого-нибудь“ спросилъ ее мужъ: „кто бы осмѣлился защищать своего гостя даже противъ меня?“ „Врядъ ли кто найдется“, отвѣтила та, „кромѣ Джессаса, моего брата“. Кулейбъ не хотѣлъ этому вѣрить и отвѣчалъ ядовитой эпиграммой на своего шурина; тотъ не остался въ долгу, и такъ нѣкоторое время обмѣнивались они эпиграммами, пока Кулейбъ однажды не пошелъ снова смотрѣть верблюдовъ. Какъ разъ въ это время ихъ вели на водопой; впереди—стадо Кулейба. Но верблюдица Са́ада, виновница всей ссоры, которая была связана съ животными Джессаса, вырвалась и первая протѣснилась къ водѣ. Кулейбъ обратилъ на это вниманiе; ему сказали, что это чужая верблюдица; онъ вообразилъ, что Джессасъ на зло ему пустилъ ее впередъ, схватилъ свой лукъ и всадилъ ей стрѣлу въ вымя. Съ воемъ побѣжала верблюдица назадъ къ палаткѣ Джессаса. Бесусъ, тетка хозяина, пришла въ крайнее негодованiе, когда увидѣла, какъ испортили собственность ея родича. „Какой стыдъ, какой стыдъ такъ обходиться съ гостемъ!“ закричала она и стала подстрекать Джессаса отомстить за обиду того, кого онъ взялся защищать. Напрасно старался успокоить свою тетку Джессасъ, обѣщая дать ея родичу богатое вознагражденiе: она по цѣлымъ днямъ продолжала осыпать его насмѣшками и эпиграммами, попрекать его, что гость не находитъ подъ его кровлей защиты, кото-

рую всякій порядочный человѣкъ обязанъ доставлять чужеземцу, принятому имъ въ свой домъ. Наконецъ, у Джессаса вырвались слова: „Замолчи, женщина! завтра будетъ убитый, смерть котораго дороже обойдется Ва́'илю, чѣмъ твоя верблюдица!“ Объ этомъ предупредили Кулей'ба; тотъ подумалъ, что эти слова относятся къ его любимому верблюду, и рѣшилъ, что Джессасу нелегко будетъ его убить. Но Джессасъ съ этихъ поръ сталъ подстерегать самого Кулейба, и, улучивъ минуту, когда тотъ былъ безъ оружія, побѣжалъ за нимъ, крича: „Берегись, я тебя убью“. „Если ты говоришь правду“, отвѣтилъ Кулейбъ, „то стань передо мною“: онъ былъ такъ гордъ, что никогда не давалъ себѣ труда оборачиваться къ кому бы то ни было. Но Джессасъ пронзилъ его копьемъ сзади и Кулейбъ палъ мертвый; тогда убійца обратился въ бѣгство. Его отецъ сидѣлъ въ то время передъ своей палаткой вмѣстѣ съ другими родичами. Когда онъ издали увидѣлъ своего сына, стремглавъ бѣгущаго къ нему, онъ сказалъ: „Право, Джессасъ сдѣлалъ что-то страшное! — Что съ тобою? спросилъ онъ сына. „Я убилъ Кулейба“, отвѣтилъ Джессасъ. „Такъ ты одинъ и расплачивайся за это!“ сказалъ ему отецъ: „пусть закуютъ тебя въ цѣпи и родственники Кулейба убьютъ тебя! И все жъ таки, никогда больше не соединится для доброй цѣли весь Ва'илъ послѣ такого конца Кулейба. Что ты сдѣлалъ со своимъ народомъ, Джессасъ! Убилъ ты его вождя, раздоръ и войну внесъ въ среду нашего племени!“ Но Джессасъ даже еще хвастался своимъ дѣломъ. Тогда отецъ велѣлъ его сковать и отвести въ палатку. Туда созвалъ онъ старѣйшинъ всѣхъ родовъ Бекра и сказалъ имъ: „Что дѣлать съ Джессасомъ? Онъ убилъ Кулейба: вотъ стоитъ онъ предъ вами въ оковахъ; подождемъ, пока его потребуютъ кровомстители убитаго“. Но родичи и слышать ничего не хотятъ о выдачѣ убійцы; правъ онъ или нѣтъ,— честь рода пострадала бы, если бы онъ не нашелъ защиты отъ преслѣдователей. И вотъ, тѣсный союзъ между родственными племенами расторгнутъ, начинается кровопролитная война, которая, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ примиренія, только черезъ 40 лѣтъ закончилась прочнымъ миромъ. Эта „война Бесусъ“ вошла въ пословицу у бедуиновъ и какъ бы ни походили на сказку ея отдѣльныя подробности, въ общемъ она какъ нельзя лучше рисуетъ бытъ кочевыхъ арабовъ до Магомета, а отчасти и до нашего времени.

Ocoбенности страны. Но арабы — кочевники занимаютъ не все пространство этого огромнаго полуострова (Аравія равняется, приблизительно, четвер-

той части Европы). Настоящей классической страной бедуиновъ была великая сирійская пустыня, ограничивающая Аравію съ сѣвера, и примыкающее къ ней обширное, прорѣзанное нѣсколькими горными цѣпями, плоскогорье въ центрѣ полуострова, на востокѣ и югѣ понемногу переходящее въ пустынную равнину, а на западъ заканчивающееся довольно крутымъ обрывомъ. Этотъ „Нелждъ" (en nedschd по арабски „горная страна") представляетъ собою почти вполнѣ замкнутое отовсюду цѣлое: оттого на памяти исторіи только дважды ея населеніе выходило изъ своихъ естественныхъ границъ и вмѣшивалось въ судьбу остального міра: первый разъ при ближайшихъ преемникахъ Магомета, и вторично въ половинѣ прошлаго столѣтія, во время революціи Вахабитовъ, когда содержимое этого вѣчно клокочущаго котла снова полило черезъ край, но на этотъ разъ не надолго. На краяхъ полуострова, гдѣ сильнѣе чувствуется оживляющее вліяніе моря и сосѣдства культурныхъ народовъ, попытки болѣе прочной организаціи встрѣчаются уже до Магомета, впрочемъ только попытки.

На сѣверѣ два арабскихъ „царства",—правда, очень непрочныхъ,—образовались подъ вліяніемъ Римской имперіи съ одной стороны, новой персидской монархіи Сассанидовъ съ другой: и въ томъ и въ другомъ случаѣ культурныя государства старались воспользоваться воинственными наклонностями бедуиновъ для своихъ цѣлей, привлекая отдѣльныя племена на свою службу и образуя изъ нихъ нѣчто въ родѣ „военной границы", или нашей кавказской „линіи". Западное изъ этихъ „царствъ" оставило замѣтный слѣдъ въ римской исторіи: во второй половинѣ III вѣка по Р. Х. царицѣ Батъ-Себинѣ, которую римляне называли Зенобіей, едва не удалось сдѣлать изъ своей столицы, Пальмиры, центръ великой восточной имперіи, простиравшейся отъ Египта до малой Азіи. Но блестящая эпоха этого арабскаго царства длилась не долго: уже въ 273 г. императоръ Авреліанъ разрушилъ Пальмиру и увелъ Зенобію плѣнницей въ Римъ. Пограничныя арабскія племена снова перешли къ своему обычному занятію, мелкой войнѣ и мелкимъ грабежамъ, подъ знаменемъ то персидскаго царя, то римскаго императора. Оба царства дожили до VII вѣка, но не имѣли большого вліянія на судьбу остальной Аравіи.

Немногимъ прочнѣе были государства южной Аравіи („счастливой" „Jemen" [1]). Здѣсь культура была очень древняго происхож-

[1]) Собственно—„правая сторона"; оріентируясь въ пустынѣ по солнцу, слѣ-

денія: царство Сабеевъ (или Савское) знаетъ и Ветхій Завѣтъ, знаютъ и клинообразныя надписи царя Саргона (VIII вѣкъ до Р. Х.) Остатки монументальныхъ сооруженій видны до сихъ поръ въ Іеменѣ; они доказываютъ, что здѣсь нѣкогда дѣйствительно начиналась богатая культурная жизнь, но дальше начала дѣло, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не пошло.

Между плоскогорьемъ Неджъ, которое къ сторонѣ Краснаго моря заканчивается почти непроходимой горной цѣпью, и морскимъ берегомъ лежитъ такъ называемый Хеджасъ („пограничная страна"). Горы близко подходятъ здѣсь къ морю, и прибрежье представляетъ собою узкую полосу земли, съ жаркимъ и нездоровымъ климатомъ: это такъ называемая „низменность" (по арабски Tihama). На всемъ берегу только двѣ небольшихъ гавани. Собственный Хеджасъ обнимаетъ собою горы, двѣ параллельныхъ цѣпи, изъ которыхъ одна тянется вдоль морского берега, другая по направленію къ Неджду, и находящееся между ними плоскогорье, тоже пересѣкаемое въ разныхъ направленіяхъ горными цѣпями. Эта плоская возвышенность является наиболѣе естественнымъ путемъ для каравановъ, которые направляются отъ Іемена къ Палестинѣ или къ Синайскому полуострову; оттого здѣсь еще задолго до Р. Х. пролегала торговая дорога изъ Сабы черезъ Макорабу и Ятриппу въ Петру. Макораба древнихъ можетъ означать только Мекку; Ятриппа, очевидно, „Ятрибъ", названіе теперешней *Медины* до Магомета. Около начала нашей эры оба города, кажется, пріобрѣли нѣкоторое значеніе, какъ мѣста остановки каравановъ; о тогдашнемъ ихъ населеніи мы ничего опредѣленнаго не знаемъ. Изъ запутанныхъ разсказовъ позднѣйшаго происхожденія можно только заключить, что первоначальное населеніе было здѣсь перемѣшано со всевозможными чуждыми элементами, приливавшими сюда съ сѣвера. Еще во время Магомета весь сѣверъ Хеджаса былъ усѣянъ еврейскими поселеніями; задолго до начала дѣятельности пророка основателемъ Меккскаго святилища всѣ считали Авраама; къ этому нужно прибавить, что ни одно изъ именъ лицъ и мѣстностей, которыя мы встрѣчаемъ въ относящихся сюда разсказахъ, не можетъ быть объяснено изъ арабскаго языка. Все это указываетъ, что колонизація со стороны сирійской границы началась уже въ очень

довательно, смотря на востокъ, арабъ имѣлъ югъ на правой сторонѣ, оттого и называлъ южную Аравію „правой", а правая сторона считается у арабовъ счастливой.

раннее время, хотя о національности первыхъ поселенцевъ ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Несомнѣнно только, что это населеніе было вначалѣ очень смѣшаннымъ, но что мало-по-малу оно вполнѣ усвоило себѣ арабскій языкъ и культуру. Центромъ этого населенія была Мекка, гдѣ уже въ древнѣйшее время мы находимъ святилище совсѣмъ не арабскаго характера, которое, тѣмъ не менѣе, по словамъ грека Діодора (писавшаго въ I вѣкѣ по Р. Х.), „было глубоко чтимо всѣми арабами": это Ка́'аба. Насколько можно заключить изъ позднѣйшихъ отношеній, это значеніе Ка́'абы возникло слѣдующимъ образомъ. Мекка расположена довольно близко и отъ границъ древняго царства Сабеевъ, и отъ кочевьевъ бедуиновъ центральной Аравіи. Защитить отъ хищничества этихъ „дѣтей пустыни" идущіе къ сѣверу караваны было главной заботой для обитателей Мекки и ея окрестностей: бедуины во всякую минуту могли спуститься со своего плоскогорья внизъ, къ торговой дорогѣ. Купцы, естественно, старались поставить свою торговлю подъ охрану святилища, чужого и именно поэтому особенно страшнаго для настоящихъ бедуиновъ. Такъ заинтересованные въ торговлѣ племена Хеджаса образовали союзъ, религіозной основой котораго было общее почитаніе Ка́'абы; мало-по-малу этому союзу удалось подчинить нѣкоторымъ общимъ правиламъ и невѣрующихъ, но суевѣрныхъ бедуиновъ. Ежегодно въ Меккѣ и около нея съ большимъ блескомъ справлялся праздникъ весны, встрѣчающійся у большинства семитовъ; здѣсь его ввели, вѣроятно, еще первые переселенцы съ сѣвера. Къ этому празднеству не только допускали, но и старались привлечь сосѣднія племена, устраивая до и послѣ торжества большія ярмарки въ окрестностяхъ Мекки. Сюда дѣти пустыни привозили кожи и другіе продукты своего скотоводства, пригоняли вырощенныхъ ими верблюдовъ, и обмѣнивали все это на различныя произведенія культуры: дорогія ткани изъ Сиріи, разнаго рода украшенія, которыя во множествѣ выработывались искусными еврейскими ремесленниками сѣвернаго Хеджаса, на все, что полудикимъ кочевникамъ казалось рѣдкимъ и заманчивымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если даже и кочевники скоро поняли необходимость мира для подобной торговли, и, по крайней мѣрѣ на время ярмарокъ, стали прекращать свои разбойничьи набѣги. Такъ уже задолго до Магомета въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году по всей Аравіи царствовалъ миръ. Въ это время представители различныхъ племенъ съѣзжались въ Мекку, устраивали тамъ свои дѣла и безопасно возвращались домой. При-

этомъ чужеземцы были свидѣтелями торжественнаго жертвоприношенія, видѣли весь своеобразный церемоніалъ празднества, и не могли не замѣтить, что такое благочестіе принесло мекканцамъ благословеніе свыше, богатство и удачу во всѣхъ дѣлахъ. Скоро стали они подумывать, какъ бы и имъ воспользоваться этими выгодами. Мало-по-малу они начали принимать участіе въ культѣ, и умные купцы сдѣлали все, чтобы облегчить имъ это. Они поставили идоловъ чужихъ племенъ въ свою Ка́'абу и около нея, и достигли постепенно того, что всякій арабъ, который жилъ не очень далеко отъ Мекки, привыкъ видѣть въ меккскомъ храмѣ свое святилище, а въ богѣ Ка́'абы свое божество.

Такъ, когда древнее царство сабеевъ не защищало болѣе караванной дороги на сѣверъ, потребность въ такой защитѣ создала первые слабые начатки гражданскаго порядка и сдѣлала изъ Мекки первый городъ не одного Хеджаса, но и большей части арабскихъ племенъ.

Арабская поэзія. Разрозненность и безконечныя войны сотенъ племенъ не мѣшали, однако, арабамъ сознавать себя единымъ народомъ задолго до того, какъ ихъ пророкъ на короткое время далъ имъ внѣшнее единство. Какъ и греки, арабы противополагали себѣ всѣхъ, кто говорилъ на иномъ языкѣ. Всякій, говорившій не по-арабски, былъ для нихъ „варваръ“; къ нему относились недовѣрчиво и враждебно, почти съ презрѣніемъ. Та гордость своимъ происхожденіемъ, чистотою своей крови, которую мы встрѣчаемъ у теперешняго бедуина, — еще въ древности одушевляла, какъ отдѣльныя лица и племена, такъ и весь народъ. И именно *въ языкѣ* нашло себѣ классическое выраженіе это національное единство. Этотъ языкъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ, выразительныхъ и изящныхъ языковъ міра, былъ превосходнымъ орудіемъ для арабской поэзіи, которая крѣпкой внутренней связью соединяла всѣ племена, какъ ни велика была ихъ внѣшняя разобщенность.

Арабъ не только любитъ поэзію, онъ ею живетъ. Ни одинъ народъ міра не заботится такъ о чистотѣ и изяществѣ выраженія даже въ обыденномъ разговорѣ. Нигдѣ, — исключая развѣ Аѳинъ эпохи процвѣтанія,—поэзія не была въ такой степени предметомъ общаго интереса, дѣломъ всего народа, какъ у арабовъ. Въ этой поэзіи отражалось всякое сколько-нибудь важное событіе; даже происшествія будничной жизни служили для араба поводомъ высказывать въ стихахъ свои наблюденія и размышленія, свою любовь и ненависть и прежде всего гордое самоудовлетвореніе своею

свободой и независимостью. Гдѣ всѣ поэты, гдѣ каждый способенъ понимать и цѣнить поэзію, пѣсня перестаетъ быть только украшеніемъ жизни, она становится до извѣстной степени ея содержаніемъ. Пѣвецъ и герой стоятъ одинаково высоко въ глазахъ араба; пѣсни перваго даютъ его семьѣ такое же право на почетъ и уваженіе въ обществѣ, какъ военные подвиги второго. А когда поэтъ и герой соединяются въ одномъ человѣкѣ, онъ можетъ гордиться, что достигъ высшей ступени земной славы.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя объясненія сущности и характера арабской поэзіи. Нужно только предостеречь отъ одной ошибки, очень распространенной, которая легко можетъ исказить наше представленіе о національныхъ особенностяхъ, а слѣдовательно и объ исторіи этого замѣчательнаго народа. Кто не занимается спеціально изученіемъ литературъ Востока, легко можетъ смѣшать древне-арабскую поэзію съ позднѣйшей придворной поэзіей эпохи Аббассидовъ [1]), возникшей подъ персидскимъ вліяніемъ. То, что обыкновенно говорится съ одной стороны о „пламенной фантазіи“, съ другой о „восточной напыщенности“—вѣрно только относительно персовъ. У араба „фантазіи“ въ нашемъ смыслѣ этого слова очень мало: это, обыкновенно, трезвый, разсчетливый скептикъ. Но жизнь кочевника развиваетъ въ немъ необыкновенную тонкость чувства и наклонность наблюдать окружающую природу. Его сила въ описаніяхъ, тонко отдѣланныхъ, несравненныхъ по богатству красокъ и остроумію выраженій, но предметы этихъ описаній всегда вполнѣ реальны. Арабъ воспѣваетъ своего быстроногаго верблюда, своего благороднаго коня, охоту, степной ураганъ, красоту своей возлюбленной, все, что съ нимъ случилось въ жизни и вызвало его на размышленія: лирическая сентиментальность, глубокія и сильныя душевныя движенія совсѣмъ не его область. Для эпоса или драмы здѣсь нѣтъ почвы, какъ и вообще у семитическихъ народовъ. Арабская пѣсня всегда остается „стихотвореніемъ на случай“, въ лучшемъ значеніи этого слова. А такъ какъ жизнь араба пустыни намъ совершенно чужда, то и поэзія, гдѣ отражается эта жизнь, обыкновенно мало насъ трогаетъ. Кто смотритъ на верблюда съ точки зрѣнія посѣтителя зоологическаго сада, тотъ, конечно, заснетъ надъ длиннымъ описаніемъ идеальнаго образчика этой породы. Но для кого „корабль пустыни“ не только единственное средство существованія, но и

---

[1]) См. статью „Аббассиды“.

незамѣнимый спутникъ въ опасномъ путешествіи, вѣрный помощникъ въ трудную минуту, тотъ легко пойметъ восхищеніе араба. Нѣтъ, однако, недостатка въ случаяхъ, когда мы легко понимаемъ арабскаго поэта, не стараясь искусственно приспособиться къ его точкѣ зрѣнія: когда въ пѣснѣ звучитъ страсть, любовь, ненависть, гордость, или когда злобная насмѣшливость семита выльется въ колючей эпиграммѣ, не всегда вполнѣ опрятной, но часто очень остроумной.

Молодость Магомета

Около 570 года (точная дата [1]) неизвѣстна) родился въ Меккѣ Магометъ [2]), сынъ Абдаллы. Легенда разсказываетъ, что въ эту ночь дворецъ царя Хозроя Нуширвана въ Ктесифонѣ задрожалъ, какъ отъ землетрясенія, и погасъ священный огонь персовъ, безъ перерыва горѣвшій 1000 лѣтъ. Въ самой Меккѣ никакихъ знаменій міроваго событія легенда не запомнила: и, конечно, никому, кромѣ близкихъ родственниковъ, не было дѣла до того, что Амина, дочь Вахба изъ семьи Сохръ, произвела на свѣтъ мальчика. Мать пророка жила въ большой бѣдности. Она недавно только вышла замужъ за Абдаллу, сына Абдъ-эль-Мутталиба, изъ рода Хáшимъ, небогатаго купца, который скоро послѣ свадьбы отправился съ караваномъ по дѣламъ въ Газу, въ Сиріи, на обратномъ пути заболѣлъ, остался въ Ятрибѣ и умеръ тамъ, не дождавшись рожденія своего ребенка. Наслѣдства, которое онъ оставилъ, — пять верблюдовъ, стадо козъ и одна рабыня по имени Оммъ-Эймáнъ,— едва достаточно было, чтобы спасти вдову отъ нищеты. Оттого трудно повѣрить, будто она, какъ это дѣлали позже богатыя горожанки, отдала своего сына женѣ какого-то бедуина въ деревню, чтобы онъ тамъ выросъ и окрѣпъ на свѣжемъ воздухѣ. Преданіе, однако, единогласно утверждаетъ это, прибавляя, что впослѣдствіи, побѣдивъ племя, къ которому принадлежала его кормилица, Магометъ ради нея обошелся съ нимъ необыкновенно милостиво. Все это, какъ и другіе разсказы о дѣтствѣ Магомета, показываютъ только желаніе послѣдователей пророка выставить Магомета человѣкомъ знатнаго происхожденія. Естественно, что нѣтъ недостатка и въ легендахъ, повѣствующихъ о чудесахъ, какими были ознаменованы дѣтство и юность будущаго пророка. Здѣсь можно огра-

---

1) Принятая дата—20 апрѣля 571 г. впослѣдствіи искусственно установлена арабскими историками путемъ очень ненадежныхъ вычисленій.

2) Собств., Мохаммедъ.

ничиться одной, которая достаточно ясно показываетъ, какъ развивалось въ этомъ отношеніи преданіе. „Пророкъ игралъ съ другими дѣтьми. Пришелъ архангелъ Гавріилъ, схватилъ его, разрѣзалъ его тѣло, вырвалъ оттуда кусочекъ мяса съ кровью и бросилъ въ сторону, сказавъ: эта часть лукаваго. Затѣмъ онъ вымылъ внутренность Магомета водою изъ колодца Земземъ, которую ангелъ принесъ въ золотой чашѣ, и сложилъ тѣло опять. Дѣти побѣжали къ своей воспитательницѣ, крича: „Магомета убили!“ Та поспѣшила къ нему и увидѣла, что онъ очень блѣденъ“. „Мы видѣли рубецъ на его груди“, прибавляетъ разсказчикъ. Само собою разумѣется, что эта исторія только вложена въ уста того человѣка, который могъ говорить, какъ очевидецъ: этотъ случай одинъ изъ тѣхъ, гдѣ мы можемъ указать, какъ въ дѣйствительности возникла легенда. Магометъ разсказываетъ въ Коранѣ (Сура 94,1), будто Богъ такъ его утѣшалъ: „Развѣ мы не открыли тебѣ грудь?“, то есть (т. к. мѣстонахожденіе тоски и заботы, по мнѣнію араба, въ груди): „Развѣ я не избавилъ тебя отъ нужды и горя?“ Позже стали понимать это мѣсто буквально и, стараясь его объяснить, напали на мысль, что раскрытіе груди могло быть особымъ средствомъ избавить Магомета отъ первороднаго грѣха. Что очищеніе долженъ былъ произвести спеціальный ангелъ Магомета—Гавріилъ, это само собою разумѣется, и, конечно, для такого дѣйствія нужна была вода не иначе, какъ изъ священнаго колодца Земземъ; что при этомъ потребовалась только золотая, а не бриліантовая чаша, это еще очень скромно.

Мать Магомета не долго пережила своего мужа: она умерла, тоже во время одной поѣздки, и рабыня Оммъ Эйманъ привезла осиротѣвшаго ребенка къ его дѣду, восьмидесяти - лѣтнему Абдъ-эль-Мутталибу. Старикъ очень любилъ и баловалъ мальчика, но ему не удалось его воспитать: черезъ два года онъ умеръ, оставивъ маленькаго Магомета на попеченіи одного изъ своихъ сыновей. Это былъ знаменитый въ біографіи пророка Абу-Тáлибъ, честный и добрый человѣкъ, который съ рѣдкимъ самоотверженіемъ заботился и тогда, и впослѣдствіи о своемъ осиротѣвшемъ племянникѣ. Но онъ былъ бѣденъ, а семья его была многолюдна: двѣ жены и десять человѣкъ дѣтей по общепринятому преданію. Магометъ съ дѣтства долженъ былъ самъ зарабатывать себѣ хотя кое-что: пасъ стада богатыхъ мекканцевъ, собиралъ плоды и ягоды въ окрестностяхъ города. Легенды достаточно затемняютъ и этотъ періодъ его жизни. Первый вполнѣ достовѣрный фактъ относится

къ тому времени, когда Магомету было уже двадцать четыре года. Около этого времени мы находимъ его на службѣ у богатой вдовы купца, по имени Хадиджи; бѣдность, очевидно, не позволяла ему завести собственную торговлю. Въ Аравіи до Ислама положеніе женщины далеко не было такъ стѣснено, какъ теперь у народовъ мусульманскаго востока. Женщина не ходила еще съ ногъ до головы закутанной, и обычай признавалъ самостоятельность ея личности. Гнетъ отцовской власти тяготѣлъ надъ дочерью не сильнѣе, чѣмъ надъ сыномъ, и если мужъ пользовался неограниченнымъ правомъ развода, то и жена могла, въ извѣстномъ случаѣ, закрыть передъ нимъ свою палатку. Въ особенности вдовы, располагавшія состояніемъ, которое позволяло имъ жить независимо отъ своихъ родственниковъ, пользовались почти неограниченной свободой. Не смотря на то, что ея отецъ, Ховейлидъ, былъ еще живъ, Хадиджа сама вела торговлю, доставшуюся ей по наслѣдству отъ двухъ мужей, которыхъ она пережила. Только необходимыя заграничныя поѣздки совершала не она сама, а ея повѣренный, который присоединялся со своими верблюдами къ мекканскимъ караванамъ, направлявшимся въ Сирію или южную Аравію. Магометъ, впрочемъ, сначала занималъ не этотъ довѣренный постъ, а гораздо болѣе скромный, простого погонщика верблюдовъ. Во всякомъ случаѣ, находясь на службѣ у Хадиджи, онъ совершалъ путешествія на югъ, и, можетъ быть, также въ Бостру, главную византійскую крѣпость къ востоку отъ Іордана, которая, въ качествѣ крупнаго хлѣбнаго рынка, была обычной цѣлью торговыхъ поѣздокъ для арабовъ. Скоро однако, его судьба совершенно и необычно измѣнилась. Хадиджѣ было уже 39 лѣтъ, и отъ двухъ мужей у нея было трое дѣтей; тѣмъ не менѣе, она не прочь была еще разъ выйти замужъ. По преданію, въ искателяхъ ея руки не было недостатка: но она уже давно чувствовала симпатію къ Магомету, и вышла за него замужъ, не смотря на сопротивленіе отца и всѣхъ родственниковъ. Магометомъ, съ своей стороны, руководилъ здѣсь не одинъ разсчетъ, что доказывается позднѣйшей судьбой этого брака: Магометъ всегда глубоко уважалъ свою жену, Хадиджа постоянно была ему вѣрнымъ другомъ, и семейная жизнь ихъ, насколько мы ее знаемъ, была болѣе чиста, чѣмъ жизнь иной христіанской семьи.

Религіозные взгляды Магомета. Что Магометъ, прежде чѣмъ выступить въ качествѣ провозвѣстника новаго ученія, раздѣлялъ религіозныя воззрѣнія своихъ земляковъ, это можно принять и безъ всякихъ доказательствъ; имя его сына Абдъ-Менафъ (рабъ Менафа), дошедшее до насъ по сча-

стливому недосмотру преданія, еще болѣе подкрѣпляетъ такое предположеніе. „Менáфомъ“ звали одного изъ языческихъ боговъ Мекки, кумиры которыхъ стояли въ Ка'абѣ и были выброшены оттуда Магометомъ. Преданіе старалось замѣнить неприличное для сына пророка прозвище другими именами (Абдаллахъ „рабъ Аллаха“, Этъ-Тажибъ „добрый“, Этъ-Тáгиръ „чистый“), но въ одномъ случаѣ проговорилось. Нужно, конечно, прибавить, что „религіозныя воззрѣнія“ врядъ ли заслуживаютъ такое громкое имя. Мы немного знаемъ о домагометовской религіи арабовъ, но то, что мы знаемъ, достаточно показываетъ, что представленіе арабовъ о божествѣ, и раньше довольно жалкое, къ этому времени совсѣмъ потускнѣло. У каждаго племени былъ свой богъ и свой идолъ этого бога, рядомъ съ чѣмъ продолжали пользоваться поклоненіемъ уцѣлѣвшіе отъ болѣе древней эпохи фетиши [1]), священныя деревья, источники и т. д. Къ этой племенной религіи примѣшивались неясныя воспоминанія о древне-вавилонскихъ, можетъ быть и о древне-еврейскихъ религіозныхъ представленіяхъ. Мѣстами, прежде всего въ самой Меккѣ, по разнымъ побужденіямъ старались объединить культъ нѣсколькихъ племенъ, какъ уже указано выше. При этомъ исчезала всякая внутренняя связь между даннымъ божествомъ и его поклонниками: держались извѣстнаго культа уже просто по привычкѣ, религіознаго содержанія здѣсь не оставалось почти и слѣда. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при этомъ совершенно забывалось значеніе многихъ празднествъ и обрядовъ; напримѣръ, смыслъ большого весенняго празднества въ Меккѣ, о которомъ шла рѣчь раньше, не былъ ясенъ для арабовъ уже во времена Магомета, въ чемъ убѣждаютъ насъ сбивчивыя объясненія мусульманскихъ богослововъ, которые, однако, брали свои свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Если мекканцы такъ дорожили этимъ празднествомъ, то не изъ религіозныхъ, а изъ коммерческихъ соображеній, какъ это указано выше. Исторія ислама показываетъ, правда, что у нѣкоторыхъ кочевыхъ племенъ сохранились извѣстныя религіозныя наклонности въ неразвитомъ видѣ, но въ большинствѣ случаевъ такія наклонности были совершенно чужды этой трезвой и расчетливой расѣ: и теперешній бедуинъ, по большей части, магометанинъ только по внѣшности. Послѣдствія показали, что Магометъ былъ совсѣмъ не таковъ, какъ большинство его земляковъ. Кто, подобно ему, долженъ былъ ѣздить то на югъ, въ Іеменъ, то въ далекую Сирію, тотъ

---

[1]) Предметъ, по представленію дикаря обладающій чудодѣйственной силой.

поневолѣ знакомился съ религіозными воззрѣніями и культомъ иноземцевъ. Весьма возможно, что въ этихъ странахъ онъ видѣлъ христіанъ, и что они произвели на него нѣкоторое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что уже въ самой Меккѣ встрѣчались явленія, направлявшія вниманіе въ ту же сторону.

Упадокъ старой племенной религіи давно уже сознавался болѣе проницательными людьми: Магометъ не былъ первымъ, у кого пробудилось желаніе лучшаго. Ученики разсѣянныхъ въ сѣверной Аравіи христіанскихъ сектантовъ нерѣдко бывали по торговымъ дѣламъ въ Меккѣ, точно такъ же, какъ и евреи; рабы христіане изъ Эѳіопіи встрѣчались повсюду. По бóльшей части, конечно, всѣ эти люди очень поверхностно знали свою религію, многое забывали, долго живя между язычниками, но основное противорѣчіе монотеизма и многобожія было ясно и для нихъ. Подробности христіанскаго катихизиса не могли бы быть переданы на тогдашнемъ арабскомъ языкѣ; самому Магомету, впослѣдствіи, не всегда удавалось выражать на немъ отвлеченныя понятія; но разница между однимъ Богомъ и 9-ю на всякомъ нарѣчіи была достаточно понятна. Кто потерялъ вѣру въ глухихъ и нѣмыхъ идоловъ, тому не трудно было даже въ самой Меккѣ стать монотеистомъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказахъ о томъ, что Магометъ среди своихъ близкихъ нашелъ людей, которые знать не хотѣли языческихъ боговъ. Нѣсколькихъ такихъ лицъ мы знаемъ по именамъ; наиболѣе заслуживаетъ довѣрія то, что разсказываютъ о Сеидѣ, сынѣ Аира изъ дома Абдъ-эль-Оза и о Вáракѣ ибнъ-Нóфалѣ, родственникѣ Хадиджи. Оба уже не были язычниками. Но Сеидъ, недовольный тѣмъ, что онъ узналъ отъ евреевъ и христіанъ, ограничивался вѣрой во единаго Бога; тогда какъ Вáрака, повидимому, дѣйствительно принялъ христіанство. Такіе люди уже не были рѣдкостью среди арабовъ, и для нихъ уже существовало особое имя: народъ звалъ ихъ *Ханифами* (буквально „безбожный“ или „еретикъ“—слово не арабское, а пришедшее оттуда же, откуда и новыя вѣрованія, отъ евреевъ и сирійцевъ). Разговоры съ этими людьми должны были усилить зародившееся у Магомета сомнѣніе въ истинѣ его прежнихъ языческихъ вѣрованій. Само собою разумѣется, что это нисколько не уменьшаетъ заслуги „пророка“, какъ основателя арабскаго единобожія. Родственники Магомета только за себя лично отказались отъ стараго суевѣрія. Въ душѣ Магомета тѣ же мысли зажгли огонь, который далъ этому скромному и боязливому человѣку силу исповѣдать предъ всѣмъ народомъ то, что онъ считалъ

истиной и начать отчаянную борьбу противъ косности и предразсудковъ.

Начало «откровеній».

Поведеніе Магомета все больше и больше показывало, что онъ не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ; настроеніе его становилось все мрачнѣе. Онъ все чаще и чаще уходилъ изъ города и по цѣлымъ днямъ бродилъ между скалъ, окружающихъ Мекку. Его позднѣйшая проповѣдь, какъ она изложена въ Коранѣ, даетъ намъ возможность отгадать мысли, мучившія его въ это время. Онъ давно зналъ, что идолопоклонство его земляковъ заблужденіе и грѣхъ предъ единымъ истиннымъ Богомъ; но что именно *онъ* долженъ былъ дѣлать? Его христіанскіе друзья разсказали ему о страшномъ судѣ, гдѣ погибнутъ всѣ грѣшники: какъ же поступать, чтобы избѣжать этой участи? Мучительный вопросъ: „Господи, что мнѣ дѣлать, чтобы спастись?“, вопросъ, на который такъ легко отвѣчаютъ поверхностные люди, долженъ былъ глубоко взволновать душу человѣка, страстно стремившагося къ истинѣ, такого человѣка, какимъ былъ Магометъ. Ему тѣмъ труднѣе было найти выходъ, что новыя религіозныя понятія, которыя онъ усвоилъ отъ своихъ друзей, ничѣмъ не были связаны между собою: его друзья, видимо, ничего не съумѣли ему объяснить, а его собственный умъ совсѣмъ не способенъ былъ къ отвлеченному мышленію. Не нужно забывать, что, съ нашей точки зрѣнія, Магометъ былъ человѣкъ вовсе необразованный и къ логическому разсужденію не привычный.

Однажды, въ мѣсяцѣ Рамаданѣ, онъ бродилъ по обыкновенію въ горахъ къ сѣверу отъ Мекки, около горы Гиры, у подошвы которой находилась одна особенно излюбленная имъ пещера. Волнуемый все тѣми же мыслями, онъ заснулъ, наконецъ, безпокойнымъ сномъ. „И вотъ“ разсказывалъ онъ впослѣдствіи, „во снѣ я почувствовалъ, какъ будто ко мнѣ кто-то подошелъ и сказалъ: читай! Я отвѣтилъ: нѣтъ! Тогда онъ сдавилъ меня такъ, что я едва не умеръ, и повторилъ: читай! Вторично отвѣтилъ я отрицательно, призракъ опять сталъ давить меня, и я услышалъ слова: Читай, во имя Господа твоего, создателя, который создаетъ человѣка изъ одной капли крови! Читай! Твой Господь тотъ, кто полонъ милости, который даетъ знать при помощи тростника, даетъ узнать человѣку то, чего онъ не зналъ. Тогда я прочелъ; видѣніе удалилось отъ меня, я пробудился отъ своего сна, и мнѣ казалось, будто слова эти написаны въ моемъ сердцѣ“.

На Магомета это видѣніе подѣйствовало чрезвычайно сильно: онъ счелъ себя одержимымъ злымъ духомъ и въ величайшемъ вол-

неніи пришелъ къ Хадиджѣ. Та стала его утѣшать и послала за Ва́ракой, съ которымъ ея мужъ обыкновенно бесѣдовалъ о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Когда Хадиджа разсказала своему родственнику, что случилось, Ва́рака отвѣтилъ: „Если это правда, то, значитъ, на Магомета сошелъ святой духъ, который нисходилъ на Моисея, и тогда мужъ твой пророкъ нашего народа". Это успокоило Магомета, но такъ какъ видѣніе долго не повторялось, то его колебанія и сомнѣнія возобновились съ удвоенной силой и доводили его до отчаянія. Опять безпомощно блуждалъ онъ въ горахъ и чаще, чѣмъ когда-нибудь ему стала приходить въ голову мысль: броситься съ высокаго утеса внизъ и положить этимъ конецъ сводившей его съума тоскѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что ему все стало ясно; какъ будто свѣтъ изъ другого міра освѣтилъ все его сознаніе: сомнѣнія исчезли. Это такъ потрясло его, что онъ едва не лишился чувствъ: въ горячечномъ ознобѣ прибѣжалъ онъ домой. „Закутайте меня во что-нибудь!" закричалъ онъ своимъ домашнимъ. Это тотчасъ было исполнено, тогда въ сильнѣйшемъ нервномъ возбужденіи Магометъ слышитъ голосъ: „О ты, закутанный! встань, увѣщай! хвали твоего Господа! Очищай твое платье! Бѣги грязи! Не будь добръ по расчету! Жди твоего Господа съ терпѣніемъ!" Съ этой минуты, говоритъ преданіе, „откровенія" уже постоянно слѣдовали одно за другимъ. Другими словами, теперь Магометъ былъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ и не дожидался новыхъ „сверхъ-естественныхъ" явленій, т. е. новыхъ галлюцинацій: всѣ мысли, которыя являлись въ его мозгу въ минуту возбужденія, онъ безъ колебаній объявлялъ внушеніемъ свыше. На близкихъ Магомету людей все это произвело очень сильное впечатлѣніе. Вся его семья и одинъ изъ его друзей тотчасъ увѣровали въ то, что онъ посланъ Богомъ, и подчинились его духовному руководству. Кромѣ жены и дочерей, это были усыновленные имъ его племянникъ Али, сынъ Абу-Та́либа, Сеидъ, невольникъ родомъ изъ христіанской семьи, которому онъ далъ свободу, а затѣмъ давній пріятель Магомета, эль-Атинъ, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ Абу-Бекра (отецъ Бекра), зажиточный, всѣми уважаемый купецъ изъ мекканской фамиліи Бену-Теймъ. Онъ былъ двумя годами моложе пророка; это былъ человѣкъ спокойный и умный, при этомъ прямого характера, человѣкъ, на котораго можно было положиться; кроткій и благодушный, онъ умѣлъ, однако, быть непреклоннымъ, когда этого требовали обстоятельства. Безъ такого помощника Магометъ не справился бы со своею трудной задачей, ему не хва-

тало прежде всего именно спокойствія: онъ быстро возбуждался, но возбужденіе такъ же быстро и падало при первой неудачѣ, превращаясь въ мрачную меланхолію. Съ другой стороны, нѣтъ лучшаго свидѣтельства въ пользу „пророка", какъ то, что человѣкъ, не связанный съ нимъ никакими матеріальными интересами, ни узами родства, всю жизнь вѣрилъ въ чистоту его намѣреній, вѣрилъ, что „пророкъ" посланъ свыше, и не сомнѣвался въ истинѣ его словъ даже въ такихъ случаяхъ, когда самые близкіе люди начинали колебаться.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ араба, Магометъ прежде всего обратился къ своей собственной семьѣ,—въ широкомъ смыслѣ этого слова, къ своимъ дядямъ и двоюроднымъ братьямъ, вообще всѣмъ, принадлежавшимъ къ дому Хáшимъ. Онъ собралъ ихъ и изложилъ передъ ними все дѣло. Но для нихъ Магометъ былъ не больше чѣмъ всякій другой членъ рода, и они были настоящіе корейшиты. Его дядя Абу-Лáхабъ, ожидавшій серьезнаго дѣлового совѣщанія, выразилъ общее впечатлѣніе, сердито закричавъ на племянника: „да провались ты сквозь землю! неужто ты насъ созвалъ только за этимъ?" Раздосадованные хашимиты разошлись. Но и самъ Магометъ не меньше былъ раздосадованъ: если ужъ свои такъ отнеслись къ нему, то чего же было ждать отъ чужихъ? Его чувства выразились въ нѣсколькихъ ядовитыхъ стихахъ, которые и теперь еще можно читать въ Коранѣ. Здѣсь „пророкъ" желалъ своему дядѣ всякихъ золъ и обѣщалъ ему, что онъ на томъ свѣтѣ будетъ горѣть въ огнѣ, а его жена, съ веревкой на шеѣ, будетъ подкладывать въ огонь полѣнья. Эти обѣщанія, болѣе откровенныя, чѣмъ родственныя, до глубины души возмутили Абу-Лáхаба; его сынъ уже посватался передъ этимъ къ второй дочери Магомета, но теперь свадьба разстроилась. Правда, что скоро эта дочь вышла замужъ, и вмѣстѣ съ зятемъ Магометъ пріобрѣлъ новаго ученика: это былъ Османъ, сынъ Аффана изъ знатной семьи Омайи (будущій четвертый халифъ). Но лично зять Магомета имѣлъ мало вліянія и никого не увлекъ своимъ примѣромъ. Вся община послѣдователей пророка въ первую эпоху его дѣятельности не превышала 43 человѣкъ, по большей части людей бѣдныхъ или рабовъ. Отъ этого все движеніе стало, конечно, еще непріятнѣе знатнымъ мекканцамъ, и такъ какъ рѣчь „пророка", раздраженнаго равнодушіемъ большинства, становилась все болѣе рѣзкой, то дѣло должно было кончиться открытой враждой. До того, что кто-то на сходкахъ несъ всякій вздоръ, котораго онъ наслушался

Проповѣдь.

отъ христіанскихъ сектантовъ, богатымъ купцамъ, собственно, было мало дѣла. Но при этомъ позорились боги города, унаслѣдованные отъ предковъ; безъ нихъ казались невозможными торговые договоры и ярмарки, которымъ городъ обязанъ былъ своимъ благосостояніемъ, и, наконецъ, это разрушительное ученіе проповѣдывалось передъ рабами, которымъ внушали, что они не хуже своихъ господъ. Всего этого уже нельзя было стерпѣть.

Но устранить неудобнаго фантазера было однако же, не такъ легко. Онъ все еще пользовался защитой своего дяди, Абу-Тáлиба, бѣднаго, правда, но всѣми уважаемаго человѣка, который съ опасностью собственной жизни сталъ бы защищать племянника; а Абу-Тáлиба нельзя было тронуть, не затронувъ всего рода Хáшимъ. Хашимиты, хотя и знать ничего не хотѣли о „дурачествахъ“ Магомета, но не преминули бы взяться за оружіе, если бы кто вздумалъ обидѣть „ихъ человѣка“. Такъ же, поступили бы, конечно, и другіе, чьи родичи принадлежали къ новой сектѣ. Свободныхъ арабовъ, послѣдовавшихъ за Магометомъ, пришлось пока оставить въ покоѣ, ограничиваясь по отношенію къ нимъ бранью и насмѣшками. Тѣмъ хуже было положеніе рабовъ, которые не имѣли никакихъ правъ передъ господами: съ ними не только дурно обращались, но не разъ заставляли ихъ терпѣть настоящую пытку, если они отказывались поносить Магомета или покланяться старымъ богамъ. Абу-Бекръ охотно употребилъ часть своего большого состоянія, чтобы выкупить нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ. Другимъ пророкъ позволилъ скрывать ихъ истинную вѣру и исполнять то, чего отъ нихъ требовали господа, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ мученій. Община пророка, между тѣмъ, все росла, хоть и очень медленно: шутки и брань мекканской аристократіи ни къ чему не вели. Онѣ даже увеличили число сторонниковъ Магомета одной, очень замѣтной личностью: это былъ его дядя Гамза, будущій „Левъ Ислама“. Онъ не стерпѣлъ обиды, нанесенной его племяннику однимъ изъ мекканцевъ и присоединился къ новой общинѣ, такъ сказать, изъ родового самолюбія.

Еще важнѣе былъ переходъ къ Исламу Омара, сына Каттаба изъ дома Адá, до тѣхъ поръ одного изъ злѣйшихъ враговъ новаго ученія. Это былъ человѣкъ серьезный и вдумчивый; онъ счелъ себя обязаннымъ ближе познакомиться съ тѣмъ дѣломъ, противъ котораго онъ боролся, и постепенно пришелъ къ убѣжденію, что правда на сторонѣ Магомета. Какъ только Омаръ созналъ это, онъ, немедленно и не скрываясь, сталъ его послѣдователемъ; собы-

тіе чрезвычайной важности для новой религіи. Тѣ, кто видитъ въ Омарѣ настоящаго основателя Ислама, идутъ, конечно, слишкомъ далеко: отрицать въ этомъ дѣлѣ заслугу Магомета нельзя, не отрицая совершенно безспорныхъ фактовъ. Но именно Омаръ далъ впослѣдствіи мусульманскому государству ту могучую организацію, безъ которой халифатъ распался бы такъ же быстро, какъ и образовался. Съ той минуты, какъ онъ сдѣлался послѣдователемъ Магомета, у пророка не было болѣе дѣятельнаго помощника.

Спокойный и твердый Абу-Бекръ служилъ нравственной опорой Магомету, болѣе глубокому, чѣмъ его другъ, но непостоянному, увлекавшемуся и рѣдко понимавшему, какъ слѣдуетъ, окружавшую его дѣйствительность; но вліяніемъ, главнымъ образомъ, Омара объясняется та неутомимая дѣятельность пророка, безъ которой немыслимо было распространеніе новой вѣры при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Омару шелъ двадцать седьмой годъ, когда онъ обратился въ Исламъ; въ толпѣ онъ былъ головой выше всѣхъ, смѣлый и рѣшительный характеръ соединялся у него съ необыкновенной проницательностью и здравымъ смысломъ. Такія качества доставили ему общее уваженіе, несмотря на его молодость, и несмотря на то, что онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ. Характерно для того направленія, которое далъ новому дѣлу Омаръ, вступивъ въ общину, что вѣрующіе съ этого времени стали совершать свои моленія явно, а не въ закрытомъ помѣщеніи, какъ прежде. Они начали открыто собираться около Ка'абы и совершали вокругъ священнаго зданія торжественныя процессіи, но уже не въ честь языческихъ кумировъ, а во славу единаго Бога.

Такое поведеніе вѣрующихъ не могло не произвести впечатлѣніе на мекканскую аристократію. Съ такими людьми какъ Гамза или Омаръ, шутки были плохія; на оскорбленіе они отвѣтили бы ударами сабли, а начинать открытую войну купцамъ было не расчетъ: Магомету нечего было терять, а для торговли война создала бы величайшія затрудненія. За нѣсколько времени передъ только что разсказанными событіями, Магометъ, въ одной изъ проповѣдей передъ Ка'абой съ уваженіемъ отозвался о нѣкоторыхъ языческихъ божествахъ; но затѣмъ, когда архангелъ Гавріилъ явился къ нему съ упреками за такую неосторожность, пророкъ взялъ свои слова назадъ. Мекканцы не простили ему этой слабости: они считали себя теперь въ правѣ называть его лжецомъ, и относиться къ нему, какъ къ таковому. Подобная закоснѣлость не могла не воз-

мутить пророка; все больше и больше склонялся онъ къ мысли, что если Богъ терпитъ наглость мекканцевъ, то лишь потому, что они уже заранѣе осуждены на погибель, что самъ Господь не хочетъ ихъ спасенія. Ученіе о предопредѣленіи, всѣ логическія слѣдствія котораго были выведены лишь гораздо позже (см. ст. „Исламъ"), начало складываться именно въ эту пору. Такъ какъ Ветхій Завѣтъ представляетъ самое обильное собраніе примѣровъ того, какъ Господь наказываетъ нераскаянныхъ нечестивцевъ, то разсужденія на библейскія темы наполняютъ теперь Коранъ. Ожесточеніе, очевидно, росло съ обѣихъ сторонъ; поведеніе послѣдователей пророка возбуждало теперь тѣмъ болѣе опасенія, что часть сектантовъ выселилась въ Абиссинію и, повидимому, находилась въ отличныхъ отношеніяхъ съ тамошнимъ правительствомъ, которое, въ свою очередь, вовсе не было расположено къ мекканцамъ.

Гоненіе на послѣдователей Магомета.

Религіозный вопросъ усложнялся, такимъ образомъ, политическими отношеніями. Наконецъ, не рѣшаясь ни начать открытую борьбу, ни терпѣть долѣе въ своей средѣ противника, который день ото дня становился опаснѣе, мекканцы придумали возстановить противъ Магомета его собственную родню. Около 617 года они заключили между собою торжественный договоръ, въ силу котораго жителямъ города воспрещались всякія сношенія съ людьми домовъ Хâшимъ и Мутталибъ; постановлено было не продавать имъ ничего и у нихъ не покупать. Однако, крѣпость родового союза у арабовъ была такъ велика, что родственники пророка три года выдерживали подобное положеніе, но своихъ не выдали. Постепенно, договоръ пересталъ соблюдаться; для Магомета, тѣмъ не менѣе, эта опала не могла пройти безслѣдно: ему становилось все тяжелѣе жить въ родномъ городѣ. Связь, соединявшая его съ Меккой постепенно ослабѣвала; умерла Хадиджа, умеръ Абу-Тâлибъ. Возникалъ вопросъ: будутъ ли преемники послѣдняго также стойко защищать своего родича, какъ онъ? Между тѣмъ одна удачная попытка найти убѣжище за-границей естественно наводила на мысль, что это самый удобный способъ обезпечить новое ученіе отъ козней его враговъ. Но чтобы оно могло распространяться, нужно было найти для него опору непремѣнно въ самой Аравіи: проповѣдь Магомета прежде всего была обращена къ арабамъ, Попытка привлечь на сторону пророка Таифъ (небольшой городокъ къ югу отъ Мекки) кончилась неудачей. Лучшій исходъ имѣли завязанные Магометомъ переговоры съ населеніемъ Ятриба.

Для своей проповѣди Магометъ воспользовался большимъ весеннимъ празднествомъ,—когда въ Мекку стекалось множество иноземцевъ. Въ долинѣ Мина, куда собираются пилигримы, возвращающіеся съ горы Арафатъ (см. ст. „Исламъ"), пророкъ встрѣтилъ людей изъ племени Хазраджъ, одного изъ племенъ, которымъ принадлежитъ Ятрибъ, городъ полу-арабскій, полу-еврейскій, находившійся въ общемъ владѣніи у нѣсколькихъ племенъ. Сосѣди часто ссорились и во время ссоры евреи не разъ грозили арабамъ гнѣвомъ своего пророка, который скоро придетъ и покоритъ всѣ народы. Поученія Магомета произвели сильное впечатлѣніе на ятрибскихъ пилигримовъ. „Вотъ тотъ пророкъ, о которомъ толкуютъ евреи" говорили они другъ другу—и пригласили,—такъ по крайней мѣрѣ, гласитъ мусульманское преданіе,—въ свой городъ Магомета, „чтобы онъ прекратилъ съ помощью Божіей раздоры между жителями". **Бѣгство въ Медину.**

Дѣло не было такъ просто; это доказывается уже тѣмъ, что Магометъ не отправился съ новообращенными, а остался во враждебной ему Меккѣ. Но несомнѣнно, что Исламъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ Ятрибѣ: проповѣдь была здѣсь тѣмъ легче, что мѣстное населеніе давно привыкло видѣть въ своей средѣ иновѣрцевъ, евреевъ и христіанскихъ сектантовъ. Въ слѣдующій праздникъ Магометъ на томъ же мѣстѣ нашелъ уже настоящее посольство отъ арабскихъ племенъ Ятриба, Аусъ и Хазраджъ, въ числѣ 75 человѣкъ. Одинъ изъ дядей пророка,—Аббасъ по имени—держалъ рѣчь отъ его лица. Онъ указалъ на то, что до тѣхъ поръ его племянникъ находилъ защиту отъ враговъ въ своей семьѣ, которая и впредь не отказываетъ ему въ покровительствѣ; но онъ предпочитаетъ защиту людей Ятриба и спрашиваетъ ихъ, обѣщаютъ ли они ее? Слушатели изъявили полную готовность принять къ себѣ Магомета и спросили, какія его условія? Магометъ, разсказываетъ преданіе, снова проповѣдалъ имъ истиннаго Бога и закончилъ татакими словами: „Вотъ, я вступаю въ союзъ съ вами съ тѣмъ, чтобы вы обороняли меня отъ всякаго врага такъ точно, какъ обороняете вы вашихъ женъ и дѣтей". Тогда Эль-Бара изъ племени Хазраджъ, взялъ его за руку и обѣщалъ ему требуемое; такъ же поступили и остальные. Затѣмъ они признали пророка своимъ вождемъ, по обычаю арабовъ, слегка касаясь правою рукою его руки. Послѣ чего Магометъ, въ силу своего новаго званія, назначилъ двѣнадцать человѣкъ,—3 изъ племени Аусъ и 9 — Хазраджъ—какъ руководителей Ятрибской общины—и собраніе закрылось.

Это происходило весной 622 года. Въ теченіе лѣта десятки мусульманъ переселились подъ защиту своихъ новыхъ союзниковъ, какъ ни старались этому помѣшать корейшиты, основательно опасавшіеся новыхъ друзей Магомета, всей Аравіи извѣстныхъ за людей безпокойныхъ и воинственныхъ. Самъ пророкъ дольше всѣхъ оставался въ родномъ городѣ; наконецъ, прошелъ слухъ, что мекканцы хотятъ его убить и тѣмъ уничтожить возникающую враждебную силу въ самомъ корнѣ: тогда онъ рѣшился бѣжать. Въ то время какъ его вѣрный Али, переодѣтый въ костюмъ Магомета, обманывалъ его враговъ, убѣжденныхъ, что пророкъ дома, послѣдній вмѣстѣ съ Абу-Бекромъ тайкомъ вышелъ изъ города и кружнымъ путемъ достигъ Ятриба. Съ этого „бѣгства“ (Хиджра) магометане ведутъ свое лѣтосчисленіе; по очень искусственному расчету оно приходится на 20 сентября 622 года по Р. Х.

Придавая такое значеніе этому событію, мусульмане вполнѣ правы: до сихъ поръ Магометъ былъ духовнымъ руководителемъ небольшой партіи, постоянно остававшейся въ меньшинствѣ, съ этой минуты онъ не только становится во главѣ многочисленной общины, въ которую скоро вошло большинство населенія Ятриба (теперь „Медины“, „города“ по преимуществу), но кладетъ основаніе новому государству, въ которое скоро выросла эта община. Если въ ученіи Ислама и не произошло перемѣны, то для его исторической роли Хиджра была событіемъ первостепенной важности.

Учрежденіе политической общины.

Изъ всего предшествующаго мы достаточно знаемъ, какъ не доставало тогдашней Аравіи того, что называется государственнымъ устройствомъ. Такъ какъ для сохраненія и распространенія Ислама миръ и согласіе среди его послѣдователей были первымъ условіемъ, то нужно было во что бы то ни стало положить конецъ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ и создать какой-нибудь порядокъ. Представимъ себѣ, что въ случаѣ ссоры одинъ правовѣрный убилъ бы другого; по старому праву это вело къ войнѣ между родичами того и другого; какъ тутъ сохранить единство общины? Такъ, въ силу вещей, законодательство религіозной общины, объединявшей людей разнаго происхожденія, должно было разрѣшить вопросъ вполнѣ государственнаго характера. Что сами мусульмане не имѣли никакого понятія о государствѣ и его задачахъ, нисколько не мѣняетъ дѣла, разъ ихъ церковь была государствомъ въ дѣйствительности. Что это смѣшеніе духовнаго и мірского въ концѣ концовъ должно было подѣйствовать на религіозные идеалы принижающимъ образомъ—это само собою разумѣется; какъ увидимъ ниже, это отрази-

лось уже на самой личности Магомета. Но основанное имъ государство было тѣмъ крѣпче, именно потому, что повиновеніе закону становилось въ немъ религіозной обязанностью. Въ короткое время оно достигло такихъ размѣровъ и такого блеска, до какихъ самый одаренный политически народъ древности, римляне, дожилъ только въ тысячу лѣтъ неустанной работы.

Древнѣйшіе біографы Магомета сохранили намъ замѣчательный документъ, который заключаетъ въ себѣ первую попытку дать населенію Аравіи опредѣленный государственный строй, независимый отъ племенныхъ и родовыхъ отношеній. По формѣ это нѣчто въ родѣ протокола, перечисляющаго, статью за статьей, основанія договора, который заключили между собою обитатели Ятриба съ цѣлью обезпеченія внутренняго порядка и общей защиты противъ внѣшнихъ враговъ. Главныя положенія его слѣдующія:

Вѣрующіе корейшиты (мекканцы) и ятрибцы, равно какъ и всѣ, кто бы къ нимъ ни присоединился, составляютъ *одинъ народъ* въ противоположность всѣмъ остальнымъ арабамъ.

Что касается отношеній вѣрующихъ между собою, то какъ переселившіеся изъ Мекки, такъ отдѣльные роды Аусъ и Хазраджъ вѣдаютъ свои частныя дѣла,—уплату головничества, выкупъ плѣнныхъ, поддержку обѣднѣвшихъ членовъ—исключительно сами. Между правовѣрными не должно быть ссоръ и споровъ. Ни одинъ правовѣрный не имѣетъ права убить другого въ силу кровомщенія.— Правовѣрный не долженъ защищать невѣрнаго противъ другого правовѣрнаго.

Напротивъ, всѣ правовѣрные защищаютъ другъ друга противъ всѣхъ невѣрныхъ.... У нихъ общая война и общій миръ; если кто падетъ въ войнѣ за дѣло Божіе, всѣ вмѣстѣ мстятъ за его кровь.— Никто изъ жителей Ятриба,—даже тѣхъ, которые остались язычниками, не имѣетъ права брать подъ свою защиту язычника—мекканца или его имущество.— Кто убьетъ правовѣрнаго, подлежитъ мести, если не удовлетворитъ родственниковъ убитаго, уплативъ имъ головщину. Правовѣрный не долженъ защищать преступника или давать ему убѣжище.— Всякій споръ, возникающій между вѣрующими, разрѣшается Богомъ черезъ Магомета.

Теперь уже не племя, а религіозная община объединяетъ вѣрующихъ; обязанности, вытекавшія изъ кровной связи, и права, которымъ она служила опорой,—месть, родовая защита, солидарность членовъ рода по отношенію ко всѣмъ чужимъ—все это переходитъ теперь къ совокупности вѣрующихъ. Всякая семейная вражда, ка-

кая могла существовать между вѣрующими, должна прекратиться; напротивъ, всякій родственникъ— невѣрующій становится для мусульманина чужимъ.

Въ первую минуту Магометъ сдѣлалъ даже попытку перенести на новыя отношенія понятіе о родовой собственности: 50 послѣдовавшихъ за пророкомъ мекканцевъ должны были побрататься съ 50 вѣрующими изъ Ятриба, при чемъ эта связь должна была считаться выше всякаго родства и по отношенію къ ихъ имуществу—оставшійся въ живыхъ наслѣдовалъ имѣніе своего „брата", предпочтительно передъ всѣми кровными родственниками. Годъ спустя, однако, пришлось это распоряженіе отмѣнить. Но и безъ этого переворотъ, произведенный пророкомъ, былъ достаточно великъ. Племенная самостоятельность скоро стала пустой формой: племенные вожди ничего не значили болѣе для вѣрующихъ, которые признавали власть одного Магомета. Изъ договора видно, что даже и не обратившіеся еще жители Ятриба должны были считаться съ новыми порядками, такъ что человѣкъ, принятый въ городъ лишь какъ руководитель общины „вѣрующихъ", становился въ дѣйствительности его государемъ.

Богослуженіе.

Внѣшнимъ выраженіемъ единства было общее богослуженіе,— которое здѣсь приняло правильную форму. Въ Ятрибѣ не было святилища,—какъ и въ другихъ городахъ Аравіи, кромѣ Мекки. Собираться въ частномъ домѣ, при все увеличивавшемся числѣ мусульманъ, было уже не удобно: для богослуженія понадобилось особое зданіе. Вмѣстѣ съ домами для пророка и его людей былъ отстроенъ и молитвенный домъ,—прямоугольное строеніе 100 локтей въ длину и 60—70 ширины, съ фундаментомъ изъ тесанаго камня и кирпичными стѣнами. Стволы пальмъ поддерживали крышу изъ пальмовыхъ вѣтвей. Такъ какъ въ первое время Магометъ, слѣдуя евреямъ—они, какъ мы знаемъ, составляли значительную часть населенія Ятриба, и пророкъ всѣми мѣрами старался съ ними сблизиться,—обращался при молитвѣ лицомъ къ Іерусалиму, т. е. на сѣверъ, то сѣверная стѣна зданія была оставлена свободной, съ юга была прорѣзана главная дверь, а одна изъ боковыхъ дверей— восточная, вела къ жилищу пророка и пользоваться ею могъ только онъ одинъ.

Таково было устройство этого „мѣста молитвы"— el-Mesdschid („мечеть"; о порядкѣ богослуженія см. статью „Исламъ").

Одно изъ главныхъ затрудненій, которыя приходилось устранять, заключалось въ недостаткѣ денежныхъ средствъ у пророка

и его товарищей. Чѣмъ было содержать тѣхъ мекканцевъ, которые ничего не принесли съ собою въ Ятрибъ? Даже и наиболѣе зажиточные изъ послѣдователей Магомета лишились въ годы преслѣдованія всего почти состоянія: у Абу-Бекра изъ 40,000 диргемъ [1]) осталось не болѣе 5,000. При всемъ гостепріимствѣ новообращенныхъ, не всѣ бѣдняки находили себѣ содержаніе; многихъ приходилось кормить самому Магомету, при домѣ котораго они и проживали, подъ навѣсомъ, около мечети.

Эти вполнѣ зависимые отъ Магомета, недовольные пролетаріи, составляли наименѣе благонадежную часть новой общины, но за то какъ нельзя лучше годились въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пророку нужна была готовая сила. На содержаніе ихъ вѣрующіе были обложены особымъ сборомъ. Исламъ всегда считалъ благотворительность одной изъ обязанностей вѣрующаго; постепенно „милостыня“ (Sakât) стала настоящей податью, доходъ отъ которой впослѣдствіи употреблялся и на другія „богоугодныя“ дѣла и сталъ подъ конецъ основой государственнаго хозяйства. — Болѣе почтенными людьми были прочіе *мохаджиры* (собственно „бѣжавшіе съ родины“), люди испытанной вѣрности, какъ Абу-Бекръ, Омаръ, Гамза, Сеидъ, Али, съ которыми посланникъ Божій ежедневно совѣщался; причемъ удивительнымъ образомъ оказывалось иногда, что мнѣніе того или другого изъ нихъ вполнѣ совпадало съ велѣніемъ Божіимъ, которое вскорѣ же и открывалось Магомету всегда готовымъ къ его услугамъ архангеломъ Гавріиломъ.... Вокругъ этой группы, немногочисленной, но сильной своимъ личнымъ значеніемъ и довѣріемъ Магомета, все быстрѣе росла масса новообращенныхъ, получившихъ позднѣе почетное имя *„помощниковъ“* — El-Anszar.

Ежедневныя молитвы по строго-опредѣленной формѣ, общее преклоненіе передъ волею „посланника Божія“, заботы другъ о другѣ, хотя и не всегда добровольныя, — все это тѣсно сплачивало новую общину и придавало всему ходу ея жизни опредѣленный, устойчивый характеръ, — дѣлало ее совсѣмъ не похожей на прежній бытъ арабовъ. Даже внѣшнія обрядности, сами по себѣ только свидѣтельствовавшія, что у пророка были очень грубыя представленія о Божествѣ, даже онѣ были полезны, внушая арабамъ привычку къ порядку и дисциплинѣ, качество, совершенно имъ чуждое въ прежнее время. Это скоро пригодилось новому ученію. Мекканцы были правы, когда ждали отъ союза пророка съ

---

[1]) Испорченное греческое „*δραχμή*“ — по цѣнѣ металла около 20 коп.

воинственными племенами самыхъ непріятныхъ для себя послѣдствій. Почувствовавъ силу въ своихъ рукахъ, Магометъ скоро перешелъ отъ обличенія нечестивцевъ къ открытой борьбѣ съ ними.

Борьба съ Меккой. Началось съ попытки захватить караваны, возвращавшіеся въ Мекку съ сѣвера. А когда на защиту ихъ выступило все взрослое мужское населеніе города, дѣло дошло до серьезной борьбы, гдѣ фанатизмъ и дисциплина послѣдователей Магомета одержали полную побѣду надъ безпорядочной храбростью корейшитовъ. Война тянулась нѣсколько лѣтъ; врагамъ Ислама удалось образовать обширный союзъ племенъ центральной Аравіи и осадить Магомета въ его Мединѣ, но подъ конецъ стойкость и сплоченность мусульманской общины взяли верхъ. Арабамъ, не привыкшимъ къ осадѣ городовъ, надоѣло стоять передъ Мединой, и племена, одно за другимъ, разошлись по домамъ.

Вмѣстѣ съ успѣхами росла и увѣренность пророка въ своемъ дѣлѣ. Сначала, какъ мы видѣли, онъ заискивалъ передъ евреями, перенималъ ихъ обряды, ссылался на Ветхій Завѣтъ, — все это, между прочимъ, не безъ тайной надежды найти въ нихъ союзниковъ. Но евреи продолжали держаться въ сторонѣ, а ссылки на В. З. возбуждали среди нихъ даже насмѣшки,—потому что пророкъ, плохо знавшій Библію, зачастую приписывалъ ей такія мысли, какихъ тамъ никогда не было. Словомъ, это были очень непріятные сосѣди, которые гораздо больше походили на соперниковъ, чѣмъ на друзей. Побѣды надъ корейшитами послужили для Магомета сигналомъ къ тому, чтобы избавиться отъ евреевъ: одни были изгнаны, другіе прямо перебиты: Медина стала исключительно мусульманскимъ городомъ. Между тѣмъ, и мекканскіе купцы начинали тяготиться враждой; союзники ихъ отпадали одинъ за другимъ, переходя на сторону Магомета и, по крайней мѣрѣ по наружности, принимая Исламъ: на его сторонѣ была побѣда, а, стало быть, и добыча. Въ Меккѣ скоро поняли, что, сопротивляясь пророку, можно только проиграть, а проигрывать тамъ не любили. Съ другой стороны, Ка́'аба сохраняла все свое обаяніе въ глазахъ правовѣрныхъ; послѣ разрыва съ евреями, Магометъ обращался на молитвѣ уже не къ Іерусалиму, а въ сторону Ка́'абы, какъ и теперь дѣлаютъ всѣ мусульмане (см. „Исламъ“). Противники постепенно сближались; наконецъ, пророкъ получилъ позволеніе явиться въ Мекку на поклоненіе святымъ мѣстамъ; старое святилище, очевидно, должно было стать средоточіемъ и новаго культа. Въ 630 году Мекка формально признала верховенство Ма-

гомета и истинность его ученія: у пророка было теперь 10,000 войска, для тогдашней Аравіи такая грозная армія, что ни одному городу не приходилось думать о сопротивленіи.

Владычество Магомета въ Меккѣ.

Незадолго передъ этимъ, Исламъ сдѣлалъ первую попытку выйти за предѣлы своей родины: Магометъ разослалъ всѣмъ сосѣднимъ государямъ, въ томъ числѣ византійскому императору и царю Персіи,—увѣщаніе познать истиннаго Бога и покориться его пророку. Большинство не обратило на манифестъ никакого вниманія; небольшой мусульманскій отрядъ, посланный въ Сирію, былъ разбитъ: все это не помѣшало Магомету начать приготовленія къ обширному завоевательному предпріятію, которое должно было въ одно и то же время распространить истинную вѣру и дать работу пристaвшимъ къ пророку арабскимъ племенамъ. Со всѣхъ концовъ полуострова спѣшили къ Магомету посольства, съ выраженіями преданности посланнику Божію и усердія къ его дѣлу. Уже собрано было войско и назначены его вожди, когда (въ маѣ 632 г.) Магометъ почувствовалъ себя худо; повидимому, его болѣзнь была перемежающаяся лихорадка, очень обычная въ Мединѣ, отъ которой раньше сильно пострадали переселившіеся туда мекканцы. Въ промежуткахъ между припадками пророкъ старался бодриться, появлялся въ мечети, говорилъ съ вѣрующими; 7 іюня 632, онъ еще присутствовалъ при утренней молитвѣ, но наступившій затѣмъ пароксизмъ былъ такъ силенъ, что ослабѣвшій организмъ не могъ съ нимъ справиться: въ тотъ же день около полудня Магометъ умеръ.

Во вторую половину своей жизни, когда онъ былъ не только проповѣдникомъ новаго ученія, а и государемъ Медины, личность Магомета столько же проигрываетъ въ нравственномъ отношеніи, сколько выигралъ Исламъ отъ увеличенія его матеріальнаго могущества. „Воля Божія“ начинаетъ служить совершенно личнымъ цѣлямъ „пророка“; послѣ смерти Хадиджи Магометъ имѣлъ нѣсколько женъ одновременно, какъ это было въ обычаѣ у богатыхъ арабовъ, и его семейная жизнь не стала отъ этого, конечно, чище и спокойнѣе.

Однако и здѣсь, по привычкѣ, дѣло не обходилось безъ „откровеній“, отражавшихъ на этотъ разъ уже не расчеты мединскаго государственнаго совѣта, а интриги, совсѣмъ мелкія и неприглядныя. Трудно сказать, было ли тутъ сознательное злоупотребленіе довѣріемъ поклонниковъ, или же самообманъ. Но и вѣрующіе были не тѣ, что прежде; теперь къ пророку привлекала

не одна его проповѣдь, но и тѣ выгоды, которыя обѣщались „правовѣрнымъ“ за ихъ вѣру. Въ мединской общинѣ смѣшивались религія и политика. Въ государствѣ, которое строили преемники Магомета, политика уже рѣшительно преобладала.

XIV.

Исламъ *).

„Нѣтъ бога, кромѣ Бога, и Магометъ посланникъ Божій“; если прибавить къ этому вѣру въ воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ, то мы будемъ имѣть передъ собою всѣ основные догматы ислама. На первый взглядъ только одинъ изъ нихъ представляется оригинальнымъ: утвержденіе, что Магометъ—посланникъ Божій. Два другіе взяты готовыми у евреевъ и христіанъ. Но на дѣлѣ магометанское понятіе „Бога“ и магометанское „воскресеніе мертвыхъ“ не совсѣмъ тѣ же, что у христіанъ и евреевъ. **Богъ ислама.**

Магометъ считалъ, конечно, Бога творцомъ міра, судьей всѣхъ живыхъ и мертвыхъ въ послѣдній день, „вѣчнымъ“, всемогущимъ“, но не „святымъ“ и не „праведнымъ“. Богъ Корана казнитъ невѣрующаго безъ всякаго милосердія, даже съ удовольствіемъ, точь въ точь, какъ мстительный арабъ расплачивается за личную обиду. Если Богъ приказываетъ то или другое, то не потому, что это хорошо и справедливо, а потому, что ему такъ угодно. Даже позднѣйшіе мусульманскіе схоластики, при всемъ своемъ остроуміи не могли найти въ Коранѣ руководящей мысли, которая бы объясняла его предписанія. „Такъ хотѣлъ Богъ“ — очень часто единственное возможное объясненіе. Нѣтъ ничего удивительнаго, если мусульманинъ не столько любитъ Бога, какъ своего небеснаго отца, сколько боится его, какъ строгаго государя, случайныхъ капризовъ котораго никто не можетъ ни предвидѣть, ни избѣжать. Позднѣйшая догматика въ этомъ отношеніи еще суровѣе Корана.

---

*) По *А. Мюллеру (A. Müller,* D. Islam im Morgen u. Abendland, B. I, s. 184 ff.).

Богъ Магомета, по крайней мѣрѣ, для своего пророка находилъ слова любви и утѣшенія; Богъ позднѣйшей догматики—тиранъ даже для тѣхъ, кто въ него вѣруетъ: человѣкъ передъ нимъ только *рабъ,* не болѣе. Уже у самого Магомета была мысль о „о предопредѣленіи", о томъ, что Богъ прежде всѣхъ вѣкъ рѣшилъ, кто изъ людей увѣруетъ въ него и спасется, кто закоснѣетъ въ невѣріи и будетъ осужденъ. Но представленія Магомета по этому вопросу не отличались ясностью, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Рядомъ съ выраженіями, указывающими на безусловное предопредѣленіе, въ Коранѣ есть мѣста, изъ которыхъ можно заключить, что пророкъ считалъ человѣческую волю свободною. Только впослѣдствіи, въ эпоху ожесточенной борьбы съ Византіей и персами, у арабовъ окончательно выработалось убѣжденіе, что между „правовѣрными" и „невѣрными" лежитъ непереходимая пропасть и что пропасть эту отъ начала временъ положилъ самъ Господь Богъ.

Въ ученіи о безусловномъ предопредѣленіи основа того *фатализма,* который представляетъ собою самую извѣстную и самую характерную черту мусульманскаго міровоззрѣнія. Фатализмъ вошелъ въ плоть и кровь народовъ Востока, исповѣдующихъ исламъ: магометанинъ твердо увѣренъ, что его „жребій" „написанъ" на небесахъ; оттого онъ такъ хладнокровенъ и сдержанъ въ несчастіи, съ такимъ достоинствомъ встрѣчаетъ все, что ни пошлетъ ему судьба, отъ которой, все равно, не уйдешь.

Несмотря на свою простоту, то представленіе о Богѣ, которое мы находимъ въ Коранѣ, подавало не разъ поводъ къ богословскимъ пререканіямъ. Когда Магометъ познакомился съ христіанскимъ ученіемъ о Пресв. Троицѣ, онъ не понялъ его: ему христіанство показалось троебожіемъ. Въ противоположность этому ученію, онъ старался какъ можно яснѣе показать своимъ послѣдователямъ, что есть только *одинъ* Богъ: „Говори: Господь единъ есть, Богъ вѣчный, не рождавшій и не рожденный, и нѣтъ ему равнаго" (Сура 112). Такое опредѣленіе, все составленное изъ отрицательныхъ признаковъ, почти лишенное положительнаго содержанія, вызвало впослѣдствіи ожесточенные споры о свойствахъ Божіихъ. Одни, вслѣдъ за самимъ Магометомъ, представляли себѣ Бога очень грубо, почти въ образѣ человѣка. Другіе, преимущественно ученые богословы, напротивъ, доходили до отрицанія всѣхъ положительныхъ свойствъ Бога, утверждая, что природа Божества совершенно недоступна человѣческому пониманію. Съ этой сто-

Но, какъ и въ вопросѣ о предопредѣленіи, дальнѣйшее развитіе пошло въ сторону болѣе простого и грубаго взгляда: опредѣленія Корана стали понимать буквально, не вдаваясь въ аллегорическія объясненія, которыя такъ любили мусульманскіе схоластики.

Для распространенія новой религіи такое опредѣленіе существа Божія оказалось очень полезно. Богъ ислама такъ простъ и понятенъ для самаго неразвитого ума, что среди варварскихъ народовъ до сихъ поръ рѣдкая религія имѣетъ такой успѣхъ, какъ магометанство. Здѣсь исламъ распространялся и распространяется не только путемъ завоеванія, какъ обыкновенно думаютъ, но и посредствомъ убѣжденія и проповѣди.

Пророки.

Второй догматъ ислама: „Магометъ пророкъ Божій“, не требуетъ длиннаго разъясненія. Изъ Ветхаго Завѣта Магометъ узналъ о грѣхопаденіи: на этомъ строится все его ученіе о пророчествѣ. Чтобы предостеречь людей на счетъ послѣдствій ихъ грѣховной жизни, Господь посылалъ въ разное время на землю пророковъ. Черезъ архангела Гавріила пророки узнавали волю Божію и получали откровеніе; бороться съ идолопоклонствомъ, проповѣдовать возвращеніе къ чистому единобожію было ихъ главной задачей. Полученныя ими откровенія собраны въ Священномъ Писаніи, какимъ для евреевъ и христіанъ, напр., являются Пятикнижіе Моисея и Евангеліе. Предпослѣднимъ пророкомъ былъ Іисусъ: какъ и его предшественники, Іисусъ будто бы предсказалъ появленіе Магомета, послѣ котораго другихъ пророковъ уже не будетъ. Магометъ посланъ прежде всего къ арабамъ, но съ тѣмъ, чтобы при ихъ посредствѣ распространить истинное ученіе по всему свѣту. Это истинное ученіе онъ часто называлъ религіей Авраама, которую евреи и христіане будто бы исказили. О самомъ себѣ Магометъ говорилъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе; въ Коранѣ это не одинъ разъ подчеркивается; пророкъ никогда не заявлялъ притязаній ни на непогрѣшимость, ни на сверхъ-естественныя способности, не выдавалъ, напр., себя за чудотворца. Совершенно естественно, однако, что по мѣрѣ усиленія ислама личность его основателя въ глазахъ людей становилась все выше и выше. Уже черезъ 150 лѣтъ по смерти Магомета преданіе разсказывало о безчисленныхъ его чудесахъ. Но самъ себя Магометъ считалъ только орудіемъ божественнаго откровенія, послѣдняго и окончательнаго, которое Богъ черезъ него изложилъ въ Коранѣ. Коранъ долженъ возстановить истинный смыслъ всѣхъ предшествовавшихъ откровеній и дополнить ихъ, сообразно съ потребностями

времени. Въ немъ выражена окончательная воля Бога; буквальное исполненіе предписаній Корана поэтому—главная обязанность всякаго правовѣрнаго. Но Коранъ содержитъ въ себѣ предписанія, не только касающіяся религіи, а также и свѣтскаго характера, законы гражданскіе: все это, согласно ученію Магомета, непосредственное откровеніе свыше и, какъ таковое, безусловно обязательно навсегда и неизмѣнно. Въ Коранѣ основа всего законодательства мусульманскихъ народовъ.

Коранъ и Сунна. Отсюда знаніе и пониманіе Корана дѣло первой важности. Самый текстъ не представляетъ особенныхъ затрудненій; даже и современная научная критика признаетъ его въ существенныхъ чертахъ подлиннымъ. Но когда заходитъ рѣчь о толкованіи этого текста, трудности становятся гораздо значительнѣе. Многія мѣста сами по себѣ темны и двусмысленны; еще больше такихъ мѣстъ, значеніе которыхъ понятно лишь тогда, когда мы знаемъ, по какому поводу Магометъ получилъ то или другое „откровеніе“. Поэтому мусульманскіе богословы старались собрать возможно больше свѣдѣній о томъ, что говорилъ и дѣлалъ пророкъ. Главнымъ источникомъ было преданіе, шедшее отъ непосредственныхъ свидѣтелей, очевидцевъ, но передававшееся первые сто лѣтъ устно. Мы узнаемъ отсюда, какъ пророкъ самъ понималъ то или другое мѣсто Корана, на какія событія и лица намекаютъ отдѣльныя фразы, въ какое время дано извѣстное „откровеніе“. Это преданіе сохранило много такихъ предписаній Магомета, которыя онъ далъ не въ качествѣ пророка Божія, а какъ руководитель общины своихъ послѣдователей. Хотя здѣсь не было непосредственнаго „откровенія“, авторитетъ пророка все же давалъ его указаніямъ огромный вѣсъ, особенно въ такихъ случаяхъ, которые не были предусмотрѣны Кораномъ. Такимъ образомъ, „*Сунна*“, „преданіе“, является необходимымъ пособіемъ, когда приходится примѣнять „слово Божіе“ къ событіямъ повседневной жизни. Это главный послѣ Корана источникъ, откуда брали матеріалъ для своихъ системъ мусульманскіе богословы и юристы: при указанномъ характерѣ ученія Магомета дѣятельность тѣхъ и другихъ почти совпадаетъ. А такъ какъ вслѣдствіе долговременной устной передачи преданіе успѣло значительно замутиться и исказиться, то его очищеніе отъ позднѣйшихъ прибавокъ, критика преданія, составляетъ одинъ изъ главныхъ отдѣловъ мусульманскаго богословія. Правила этой „критики“, разумѣется, не совпадаютъ съ правилами нашей исторической критики. Мусульманскихъ ученыхъ нисколько не стѣсняютъ

самые невѣроятные разсказы, чудеса, тенденціозное искаженіе фактовъ и т. д., лишь бы древность этихъ разсказовъ не подлежала сомнѣнію. Но, какъ собраніе матеріала, работы магометанскихъ ученыхъ имѣютъ значеніе и для современной науки.

Особенно занималъ мусульманскую догматику вопросъ о *послѣднихъ вещахъ*. Третій догматъ ислама въ самой простой формѣ гласитъ такъ: „Человѣкъ принадлежитъ Богу и долженъ къ нему возвратиться". Но уже Коранъ не удовлетворялся этимъ простымъ положеніемъ, и мы находимъ тамъ по этому поводу довольно много подробностей. Для характеристики загробной жизни Магометъ пользуется большею частью выраженіями, наглядными до грубости. Человѣкъ, по ученію Корана, не можетъ видѣть при жизни „того свѣта", гдѣ стоитъ престолъ Божій и пребываютъ ангелы. Но горе тому, кто поэтому сталъ бы отрицать ихъ существованіе. Страшная дѣйствительность предстанетъ предъ нимъ въ тотъ мигъ, когда труба „послѣдняго суда" разбудитъ спящихъ въ могилахъ, и необозримые ряды грѣшниковъ явятся предъ престоломъ Всевышняго. Тогда видны станутъ вѣсы, на которыхъ взвѣшиваются дѣла каждаго, и два ангела Божія принесутъ книгу, въ которой ведется счетъ всѣмъ хорошимъ и дурнымъ поступкамъ человѣка. Узкій мостъ ведетъ черезъ адскую бездну въ рай, не толще нитки и острѣе, чѣмъ остріе меча. По нему должны проходить души въ ожиданіи приговора Всевышняго; кто спасенъ, тотъ въ мгновеніе ока переносится на другую сторону, а осужденный падаетъ въ бездну и остается тамъ навѣки. Райскія наслажденія описаны очень пространно. Здѣсь позволено вино, запрещенное на землѣ; въ тѣни деревьевъ, надъ ручьями живой воды, возлежатъ правовѣрные; имъ служатъ прекрасные юноши; ихъ ожидаютъ стройныя „гуріи" („дѣвы съ большими глазами"), ихъ райскія жены. Для менѣе чувственныхъ натуръ обѣщается, кромѣ того, наслажденіе высшаго порядка: непосредственное лицезрѣніе Бога.

Послѣдняя судьба міра.

Осужденнымъ въ аду приходится, конечно, очень плохо: ихъ мучитъ то холодъ, то страшный жаръ, они принуждены питаться противными или ядовитыми веществами; адская стража никому не даетъ уйти изъ страшнаго мѣста. Такое представленіе о будущей жизни давалъ самъ пророкъ; впослѣдствіи оно развивалось и украшалось различными подробностями безъ конца. Существуютъ цѣлыя книги, исключительно посвященныя описанію страшнаго суда.

Что требуется отъ человѣка, чтобы заслужить рай,—это опре-

дѣлено вполнѣ только съ отрицательной стороны: ни одинъ невѣрный никогда не попадетъ въ рай и не избѣгнетъ адскаго огня. Но не всякій вѣрующій будетъ съ блаженными: только мученики ислама, павшіе въ священной войнѣ, и затѣмъ невинно погибшіе, если они умерли въ твердой вѣрѣ,—пойдутъ прямо въ рай. Другіе должны указать на извѣстное число добрыхъ дѣлъ, въ особенности должны имѣть за себя ходатайство пророка, чтобы на вѣсахъ чаша добра перетянула тяжесть совершенныхъ ими грѣховъ. Богословы стараются пояснить это цѣлымъ рядомъ примѣровъ, но въ концѣ концовъ получается одинъ несомнѣнный выводъ: все дѣло въ милосердіи Божіемъ; кого Богъ захочетъ, того и спасетъ.

Заповѣди ислама. Религіозныя обязанности мусульманина не стоятъ въ прямой связи съ догматами ислама и, какъ у евреевъ позднѣйшаго времени, носятъ чисто внѣшній, обрядовый характеръ. „Что приказано, должно быть исполнено“:—таковъ законъ ислама; разсуждать не полагается, какъ въ военной службѣ. Все равно, имѣетъ ли предписаніе какое-нибудь нравственное значеніе или нѣтъ. Нужно быть справедливымъ къ людямъ, и нужно мыться передъ началомъ молитвы: и то, и другое стоитъ въ Коранѣ; за неисполненіе какъ того, такъ и другого ждетъ расплата на страшномъ судѣ. Это, конечно, вполнѣ согласно съ представленіемъ мусульманина о Богѣ какъ причудливомъ деспотѣ; но для насъ важно, что изъ религіозности мусульманина отнюдь не слѣдуетъ его добрая нравственность, въ нашемъ смыслѣ этого слова. Безпредѣльная „преданность Богу“ (*„Исламъ“*) гораздо важнѣе добрыхъ дѣлъ. И если среди магометанъ не меньше добрыхъ по натурѣ людей, чѣмъ въ остальномъ мірѣ, то это нельзя считать заслугой ихъ религіи.

Характерно, что какъ разъ самыя ненарушимыя заповѣди ислама, — пять „столповъ вѣры“, исключительно касаются обрядностей и уплаты податей. Первая обязанность правовѣрнаго состоитъ въ *очищеніи*. Онъ долженъ омываться передъ молитвой, всякій разъ, когда ему случится прикоснуться къ чему-нибудь нечистому: напр., къ вину, падали, къ невѣрному, и т. п. Подобно всѣмъ мусульманскимъ обрядностямъ, омовенія вовсе не имѣютъ символическаго значенія, какъ въ другихъ религіяхъ; ихъ цѣль привести человѣка въ такой видъ, въ какомъ Господу угодно его видѣть. Существуетъ два рода омовеній: обыкновенное, малое, когда моются лицо, руки до локтей и ноги до лодыжекъ. Оно совершается послѣ „малыхъ оскверненій“, передъ началомъ каждой молитвы, и утромъ, при вставаніи. Въ извѣстныхъ случаяхъ обя-

зательно омовеніе всего тѣла (большое очищеніе): женщинамъ послѣ родовъ, напр. Гдѣ нельзя достать воды, можно совершить „очищеніе“ при помощи песка.

Молитва. Вторая, и самая главная обязанность, предписанная пророкомъ раньше всѣхъ другихъ это *молитва*. Послѣ всего сказаннаго, нечего удивляться, если мусульманская молитва по своему содержанію мало похожа на христіанскую. Это не довѣрчивое, хотя и исполненное благоговѣнія, обращеніе молящагося къ своему Небесному Отцу, а боязливое изумленіе передъ непостижимымъ величіемъ Божіимъ, почтительный трепетъ подданнаго передъ строгимъ государемъ земли и неба. И такъ какъ нельзя же позволить человѣку обращаться ко Всевышнему съ неподходящими случаю словами или тѣлодвиженіями, то молитва состоитъ изъ ряда разъ навсегда опредѣленныхъ выраженій, между которыми вставляются стихи изъ Корана,—и произносится при опредѣленномъ положеніи тѣла. Всѣ эти фразы и тѣлодвиженія составляютъ *оборотъ* (ре́к'а); каждая молитва состоитъ изъ нѣсколькихъ такихъ „оборотовъ“. Вотъ, для примѣра, одинъ изъ нихъ. Молящійся обращается, прежде всего, лицомъ по направленію къ Меккѣ (нынѣ, для большей точности, иные пользуются при этомъ компасомъ). „Господь великъ“! (Allâhu âkbaru) слѣдуетъ первая *сура* корана: „Во имя Бога, милосердаго помилователя! Хвала Богу, владыкѣ міровъ, милосердому помилователю, господину суднаго дня! Тебѣ покланяемся, Тебя умоляемъ о помощи. Веди насъ по пути правому, по пути тѣхъ, кого Ты удостоиваешь своей милости, на кого Ты не гнѣваешься, кто не сбивается съ прямого пути! Аминь“. Затѣмъ 112 сура (см. выше) „Господь великъ! Совершенство моего Господа великаго; да благоволитъ Богъ выслушать того, кто славитъ Его. Ты славенъ, Господи нашъ!“ (падая на колѣни). „Господь великъ! Господь великъ!“

Въ обыкновенные дни молитва совершается: 1) между разсвѣтомъ и восходомъ солнца (4 оборота); 2) въ полдень (8 оборотовъ), 3) послѣ обѣда, передъ заходомъ солнца (6 обор.); 4) вечеромъ, тотчасъ послѣ захода солнца (5 ре́к'а); 5) при наступленіи ночи (6 р.). Особенно набожные люди молятся еще посреди ночи. Соединять двѣ молитвы вмѣстѣ не позволяется. Часы молитвы возвѣщаетъ *mu'éddhin* (потурецки mu'esin, глашатай) съ высоты *menáret'a* (башня при мечети). Само собою разумѣется, что онъ долженъ обладать хорошимъ голосомъ; кромѣ того, на эту должность предпочтительно берутъ слѣпыхъ, чтобы муэзинъ съ высоты башни не видѣлъ внутренности гаремовъ.

Въ *пятницу* полуденная молитва носитъ характеръ общественнаго богослуженія. Вся община собирается въ мечети; послѣ воззванія муэзина каждый произноситъ молитву въ два „оборота". Затѣмъ два служителя мечети совершаютъ нѣчто въ родѣ литургіи. „Имамъ",—главный чтецъ, входитъ на каѳедру и произноситъ *хотбе*, — рядъ увѣщаній, обильно пересыпанныхъ стихами изъ Корана, нѣчто въ родѣ короткой проповѣди. Слѣдуетъ тихая общая молитва и вторично *хотбе*. На этотъ разъ она начинается исповѣданіемъ вѣры, а потомъ идутъ молитвы: за Магомета и его домъ, за первыхъ исповѣдниковъ ислама, за всѣхъ вѣрующихъ вообще, за успѣхъ мусульманскаго оружія и т. д., въ особенности же за царствующаго государя, который въ магометанскихъ странахъ—по крайней мѣрѣ сначала—былъ одновременно и свѣтскимъ и духовнымъ главой. Молитва общины за него выражала, что правовѣрные признаютъ себя его подданными. Послѣ второй *хотбе* имамъ становится передъ *мехрабомъ*—углубленіе въ стѣнѣ мечети со стороны Мекки,—и совершаетъ молитву въ два „оборота", при чемъ всѣ присутствующіе точь-въ-точь повторяютъ его движенія. Затѣмъ, всѣ расходятся изъ мечети и принимаются за свои дѣла: праздничнымъ днемъ пятница вовсе не считается.

Сложныя, по нѣскольку разъ въ день повторяющіяся, обрядности не могутъ не тяготить правовѣрныхъ; но, тѣмъ не менѣе, онѣ исполняются всѣми съ безукоризненной тщательностью, и, въ первое время существованія ислама, безъ сомнѣнія, принесли свою долю пользы, пріучая арабовъ къ порядку и дисциплинѣ. Спокойныя, размѣренныя движенія и теперь еще выгодно отличаютъ въ толпѣ магометанина. Но, если исключить нѣкоторыя мистическія секты и кое-какія отдѣльныя личности,—мы не встрѣтимъ у него возвышеннаго религіознаго настроенія. Молитва для него—обязанность, возложенная на насъ Богомъ, обязанность вовсе не легкая и не пріятная, но исполнить ее необходимо, чтобы не испортить своего счета въ той книгѣ грѣховъ и добрыхъ дѣлъ, которую ведутъ на небѣ ангелы. Молиться въ нашемъ смыслѣ слова мусульманину незачѣмъ: вѣдь вся его судьба неизмѣнно опредѣлена заранѣе. Если онъ обращается къ Богу, то только для того, чтобы выразить Ему свою безграничную преданность.

Постъ. Третья изъ „главныхъ обязанностей" правовѣрнаго—*постъ* въ теченіе цѣлаго мѣсяца *Рамадана* (или по-турецкому произношенію, Рамазана). Состоитъ онъ въ воздержаніи отъ пищи, питья и всякихъ удовольствій, — употребленія духовъ, табаку, даже отъ ку-

панья — весь день отъ восхода до заката солнца. Когда Магометъ ввелъ этотъ постъ, онъ приходился на декабрь. Но такъ какъ годъ у магометанъ лунный, не совпадающій съ солнечнымъ, то Рамаданъ переходитъ съ одного мѣсяца на другой и въ продолженіе 33 лѣтъ обходитъ всѣ времена года. Когда постъ выпадаетъ на лѣтнее время, онъ въ самомъ дѣлѣ составляетъ тяжелое лишеніе для мусульманина. Хотя люди болѣе свѣтскаго образа мыслей тайкомъ нарушаютъ его, но дѣйствительно вѣрующіе,—а такихъ на востокѣ огромное большинство,—строго исполняютъ предписанное. Можно себѣ представить, каково вынести цѣлый лѣтній день подъ палящимъ солнцемъ Египта или Индіи, не взявъ въ ротъ капли воды. Ночью, разумѣется, стараются вознаградить себя за воздержаніе въ теченіе дня,—и, тѣмъ не менѣе, всѣ ждутъ не дождутся конца мѣсяца. Ночь передъ 27 днемъ Рамадана считается особенно священной: это leilet-el-kadr, „ночь призрѣнія“, ночь, когда Магометъ сталъ пророкомъ Божіимъ черезъ откровеніе, содержащееся въ 96 *сурѣ* Корана (см. выше ст. о Магометѣ). Радость по случаю окончанія Рамадана находитъ себѣ выраженіе въ праздникѣ *„переломъ поста“* (у турокъ „малый“ или „сахарный Байрамъ“,—въ отличіе отъ большого Байрама, о которомъ см. ниже). Онъ приходится на первые три дня слѣдующаго мѣсяца, Шаввала, и проводится среди всевозможныхъ увеселеній. Отъ обязанности поститься освобождаются только больные, путешественники и солдаты въ походѣ: но они должны наверстать пропущенное впослѣдствіи. Кромѣ Рамадана въ теченіе года еще нѣсколько разъ бываетъ постъ, но не обязательный.

Путешествіе ко святымъ мѣстамъ.

Еще труднѣе поста четвертая обязанность правовѣрнаго, — путешествіе ко святымъ мѣстамъ. Когда Магометъ сдѣлалъ обязательнымъ для своихъ послѣдователей посѣщеніе древняго національнаго святилища арабовъ, онъ, конечно, не предвидѣлъ, что исполненіе этого предписанія заставитъ впослѣдствіи тысячи мусульманъ приходить въ Мекку за сотни миль. Ничто такъ не показываетъ, насколько серьезно относится магометанинъ къ своимъ обязанностямъ, какъ это путешествіе въ Мекку милліоновъ людей, живущихъ въ степяхъ средней Азіи, на Зондскихъ островахъ, въ Алжирѣ и Марокко. Небогатымъ приходится питаться иногда въ пути подаяніемъ, наниматься въ носильщики или на другія тяжелыя работы, и все-таки они идутъ, перебиваются кое-какъ въ Меккѣ до конца праздниковъ, а затѣмъ такимъ же способомъ возвращаются обратно. Нѣкоторые толкователи закона, правда, разрѣшаютъ

послать замѣстителя; кромѣ того, существуетъ рядъ случаевъ,— отсутствіе средствъ, болѣзнь, несвободное состояніе и т. д., освобождающихъ правовѣрнаго отъ путешествія вовсе. Въ новѣйшее время, когда даже въ исламѣ вѣра слабѣетъ, большая половина магометанъ обыкновенно прибѣгаетъ къ такимъ предлогамъ, чтобы избавиться отъ тяжелой обязанности. Тѣмъ не менѣе, десятки тысячъ народа стекаются ежегодно въ Мекку съ наступленіемъ мѣсяца Dhul-Hiddsche. Переступивъ городскую черту, паломникъ прежде всего облекается въ *ихрамъ*, одежду странника. Ихрамъ состоитъ изъ двухъ кусковъ любой матеріи, одинъ изъ которыхъ обертывается вокругъ бедръ, другой перебрасывается черезъ плечо; на ногахъ могутъ быть сандаліи, но голова должна оставаться непокрытой, даже если праздникъ приходится въ самое жаркое время года. Тотчасъ по прибытіи въ Мекку, отправляются въ Ка́'абу. Со временъ Магомета святилище не разъ перестраивалось и заново отдѣлывалось, но въ общихъ чертахъ оно еще сохранило первоначальный видъ. Это не вполнѣ правильный кубъ, приблизительно въ 40 футовъ длины, 30 ширины и 35—40 высоты. Точные размѣры неизвѣстны: невѣрнымъ подъ страхомъ смерти запрещено вступать на священную почву; поэтому немногіе европейскіе путешественники, видѣвшіе Ка́'абу (въ XIX в. всего трое) проникли туда тайкомъ, подъ видомъ мусульманскихъ пилигримовъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ они не могли измѣрять, записывать и т. д., и должны были довольствоваться общимъ впечатлѣніемъ. Снаружи Ка́'аба со всѣхъ четырехъ сторонъ покрыта черной шелковой матеріей, которая въ случаѣ надобности можетъ подниматься, какъ занавѣсъ; присылать эту матерію—особая привилегія турецкаго султана, какъ намѣстника пророка. Ка́'аба стоитъ среди открытой площади, шаговъ 200 длины и 150 ширины; площадь окружена широкой колоннадой (6 рядовъ колоннъ), которая представляетъ очень красивое зрѣлище ночью, когда ее освѣщаютъ тысячи лампочекъ. Во внутренности самой Ка́'абы до Магомета стояли идолы; теперь она, повидимому, пуста. Ея четыре угла приблизительно указываютъ 4 страны свѣта; на восточной сторонѣ, 4 или 5 футовъ надъ землей, вдѣланъ въ стѣну знаменитый „черный камень“, овалъ дюймовъ 7 въ поперечникѣ, съ неровной поверхностью. Метеоръ ли это, кусокъ лавы или что другое, до сихъ поръ не установлено, главнымъ образомъ потому, что поверхность его совершенно истерта губами безчисленныхъ поклонниковъ, — подобно большому пальцу статуи св. Петра

въ Римѣ. Въ древней Меккѣ онъ былъ предметомъ религіознаго почитанія: священные камни, вообще, не рѣдкость у семитовъ. Магометъ оставилъ его въ Ка́'абѣ, не потрудившись объяснить, чѣмъ собственно камень заслужилъ себѣ почтеніе со стороны правовѣрныхъ; и вотъ, до сихъ поръ, пилигримы прикладываются къ нему съ глубокимъ благоговѣніемъ, хотя значенія его ни одинъ не понимаетъ. Возникновеніе Ка́'абы возводятъ къ Адаму; послѣ потопа она снова была отстроена Авраамомъ (Ибрагимъ), но затѣмъ язычники оскверняли ее своимъ идолопоклонствомъ до тѣхъ поръ, пока не былъ посланъ Магометъ для возстановленія истинной вѣры. Рядомъ съ Ка́'абой находится колодецъ Semsem—будто бы на мѣстѣ того самаго источника, который спасъ отъ смерти Агарь и Измаила въ пустынѣ. На вкусъ невѣрныхъ вода въ немъ очень плохая, но правовѣрные убѣждены, что она помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней, и пилигримы пьютъ ее съ увлеченіемъ, исполнивъ главную свою обязанность, семь разъ обойдя Ка́'абу и семь разъ поцѣловавъ „Черный камень“.

Главное празднество совершается не здѣсь, а въ долинѣ Mina, въ окрестностяхъ города, 10-го числа мѣсяца Dhul-Hiddsche. Наканунѣ, 9-го, паломники ходятъ на гору Арафатъ, три мили западнѣе Мекки, гдѣ, по преданію, архангелъ Гавріилъ училъ Адама, какъ онъ долженъ молиться своему Творцу. На слѣдующее утро шествіе трогается къ долинѣ Mina. Пилигримы собираются на восточномъ концѣ этой узкой лощины, западный выходъ изъ которой обращенъ къ Меккѣ, и совершаютъ слѣдующую церемонію. На алтарь, или столбъ, который здѣсь стоитъ, каждый бросаетъ семь маленькихъ камешковъ; то же повторяется по срединѣ долины и у западнаго ея конца. Какъ объясняютъ богословы, въ этомъ выражается воспоминаніе объ Авраамѣ, который, по совѣту архангела Гавріила, прогналъ такимъ способомъ дьявола, пытавшагося преградить патріарху путь черезъ долину. Затѣмъ слѣдуетъ жертвоприношеніе, торжественный заключительный актъ праздника. Каждый правовѣрный покупаетъ овцу у бедуиновъ, которые нарочно для этого случая собираются сюда съ большими стадами, и, обратившись по направленію къ Ка́'абѣ, со словами: „Во имя Бога, милосердаго помилователя! Господь великъ!“ перерѣзываетъ животному горло. Жертвоприношеніемъ кончается празднество (*хаджъ:* отсюда названіе мусульманскаго пилигрима „хаджи“); одежда пилигрима снимается, но всѣ еще два дня остаются въ долинѣ Мина, повторяя каждый полдень церемонію бросанія камней.

Для тѣхъ, которые не могутъ совершать *Хаджъ* въ самой Меккѣ, три дня мѣсяца Dhul-Hiddsche (10—12) все же сохраняютъ священное значеніе: повсюду въ мусульманскомъ мірѣ справляютъ въ эти дни „Великій праздникъ“ (у турокъ „*Корбáнъ-Бейрáмъ*“ „праздникъ жертвы“): убиваютъ жертвенныхъ животныхъ, совершаютъ особенныя моленія и т. д. Но, какъ народный праздникъ, конецъ Рамадана (малый Бейрáмъ) гораздо оживленнѣе.

Милостыня. Наконецъ, пятой канонической обязанностью магометанина является *милостыня*, принявшая характеръ настоящаго государственнаго налога съ тѣхъ поръ, какъ община послѣдователей пророка превратилась въ огромную имперію. По правилу эта подать не должна превышать $^1/_{40}$ ($2^1/_2\%$) всего движимаго и недвижимаго имущества и доходъ отъ нея долженъ идти на дѣла благотворительности и на нужды „пути Божія“, т. е. распространенія ислама. Но при этомъ, разумѣется, особенно въ наши дни, открывается широкій просторъ произволу восточныхъ деспотовъ и нечестности сборщиковъ податей. Впрочемъ, въ древнее время налогъ въ пользу бѣдныхъ доставлялъ самую малую часть государственныхъ доходовъ; военная добыча и дань съ покоренныхъ народовъ давали несравненно больше.

Война съ невѣрными. Исполненіемъ пяти перечисленныхъ обязанностей еще далеко не погашается долгъ „правовѣрныхъ“ передъ Богомъ, хотя это самая главная его часть. Есть еще много предписаній, для всѣхъ обязательныхъ, среди которыхъ на первомъ планѣ стоитъ священная война, *Джихáдъ*. Война противъ язычниковъ безусловно обязательна, противъ евреевъ и христіанъ — въ томъ случаѣ, если, по троекратномъ приглашеніи принять исламъ, они все-таки будутъ упорствовать въ своемъ заблужденіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мужчины побѣжденнаго племени должны быть избиты, женщины и дѣти обращаются въ рабство. Убитые на войнѣ мусульмане считаются исповѣдниками вѣры, и райское блаженство для нихъ обезпечено. Впрочемъ, съ евреями и христіанами разрѣшается заключать перемирія и даже договоры, какъ это неоднократно дѣлалъ и самъ пророкъ.

Нравственныя предписанія. Очень строго соблюдаетъ магометанинъ постановленія относительно пищи и питья. Представленіе о „нечистыхъ“ животныхъ, запрещеніе употреблять въ пищу кровь, также мясо животныхъ, околѣвшихъ или удавленныхъ, вообще не зарѣзанныхъ, все это заимствовано Кораномъ изъ Ветхаго Завѣта. Къ числу нечистыхъ животныхъ относятся хищныя, затѣмъ кошки, собаки и свиньи.

Вопреки толкованію нѣкоторыхъ современныхъ магометанъ, пророкъ запретилъ также всякіе опьяняющіе напитки; если въ Коранѣ упомянуто только о виноградномъ винѣ, то это потому, что иные спиртные напитки Магомету не были извѣстны. Однако, были періоды въ исторіи ислама, при послѣднихъ Омайадахъ въ особенности, когда пьянство среди высшаго класса магометанскаго общества становилось очень распространеннымъ порокомъ. И въ наше время не мало грѣшатъ противъ этого закона, хотя пить вино открыто до сихъ поръ рѣшаются очень немногіе.

Изъ другихъ предписаній Корана большое историческое значеніе имѣютъ тѣ, которые касаются брака и семьи. Признавъ и какъ бы освятивъ своимъ примѣромъ многоженство, пророкъ не мало повредилъ мусульманскимъ народамъ. Косвенно, это прежде всего чрезвычайно вредно отразилось на положеніи женщины, которой Коранъ вообще отводитъ невысокое мѣсто: хотя, впрочемъ, вѣрующія мусульманки не исключаются изъ числа блаженныхъ на томъ свѣтѣ; Магометовъ рай доступенъ не для однихъ мужчинъ. Зато на этомъ свѣтѣ предоставленное мужу почти неограниченное право развода лишаетъ ихъ всякой защиты отъ мужского произвола. Положеніе дѣтей, напротивъ, Коранъ значительно улучшилъ. Они наслѣдуютъ положеніе отца, если онъ ихъ признаетъ, впрочемъ, а не матери; сынъ рабыни такой же законный наслѣдникъ своему отцу, какъ и сынъ первой жены. Всѣ сыновья получаютъ равную долю изъ имущества, при чемъ отецъ не имѣетъ права распорядиться по завѣщанію болѣе, нежели $^1/_3$ состоянія; дочери получаютъ вдвое менѣе братьевъ.

Положеніе рабовъ тоже облегчено Кораномъ: господинъ обязанъ обращаться съ невольникомъ кротко, отпустить раба на волю — богоугодное дѣло.

———

XV.

Аббасиды. *)

Положеніе халифа

Ко времени первыхъ Аббасидовъ могущество Арабовъ на востокѣ достигаетъ своего наибольшаго блеска. Воинственныя движенія предшествующихъ лѣтъ, доставившія Арабамъ ихъ грандіозныя завоеванія, окончательно улеглись. Арабы обратились къ мирному пользованію плодами своихъ побѣдъ. Время Аббасидовъ — время спокойнаго устроенія государственныхъ порядковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, роста духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа. Разнообразнѣйшія стороны арабской жизни подъ покровомъ наступившаго мира, достигаютъ теперь своего полнѣйшаго развитія.

И прежде всего власть самихъ халифовъ поднимается въ лицѣ Аббасидовъ на крайнюю вершину своего могущества, дальше которой она уже не поднималась, а, напротивъ, съ теченіемъ времени стала постепенно никнуть вмѣстѣ съ приближающимся распаденіемъ халифата.

Еще до Аббасидовъ, въ то время, когда Дамаскъ служилъ столицей арабскихъ завоеваній, власть халифовъ начала терять свой первоначальный, простой, патріархальный характеръ. Нѣкогда халифы, являясь религіозными и военными вождями Арабовъ, были далеки отъ мысли окружать себя какими-либо царскими почестями и придворною роскошью. То было время первыхъ преемниковъ Магомета. Они жили, какъ всякій другой свободно рожденный арабъ, и только лежавшая на нихъ по общему признанію печать особаго священнаго почета, какъ на замѣстителяхъ пророка, доставляла

*) По Кремеру, Kultur geschichte d. Orients unter d. Chalnfen.

имъ сильную власть надъ безпокойнымъ, воинственнымъ народомъ. Совѣщаясь съ достойнѣйшими сподвижниками пророка, они обсуждали планы военныхъ предпріятій, предводительствовали войскомъ, завѣдывали казной, творили судъ, совершали богослуженіе; предметы ихъ власти и ихъ обязанностей были такимъ образомъ многочисленны и разнообразны, но все это не выдѣляло ихъ рѣзко изъ среды простого народа. Опустѣвшее мѣсто умершаго халифа замѣщалось всенароднымъ выборомъ и, такимъ образомъ, каждый свободный арабъ сознавалъ для себя юрицическую возможность стать такимъ же халифомъ при удачно сложившихся обстоятельствахъ. Арабамъ была чужда мысль о наслѣдственности верховной власти или о передачѣ ея тому или другому лицу какимъ либо чудодѣйственнымъ проявленіемъ божественной воли. — Обрядъ выбора заключался въ томъ, что главные духовные и свѣтскіе сановники и военачальники окружали кандидата и ударяли съ нимъ по рукамъ, послѣ чего онъ приносилъ присягу и держалъ рѣчь собравшемуся въ мечети народу. Затѣмъ происходили вторичные выборы кандидата уже всѣмъ народомъ.

Таковъ былъ первоначальный порядокъ. Затѣмъ началось быстрое расширеніе арабскихъ завоеваній. Арабы стали заражаться идеями, нравами и привычками встрѣченныхъ и отчасти побѣжденныхъ ими народовъ. Тогда совершился переломъ и въ жизни арабскихъ халифовъ. Императоры византійскіе, цари персидскіе послужили имъ образцами повелителей, которымъ они начали подражать. Мысль о божественномъ характерѣ самой ихъ власти и пышный придворный церемоніалъ, какъ внѣшнее выраженіе необычайности ихъ положенія среди народа—вотъ черты, легшія теперь новымъ налетомъ на власть арабскихъ халифовъ подъ вліяніемъ чужихъ образцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ народѣ измѣнялось прежнее отношеніе къ халифамъ. Ко времени появленія Багдадскаго халифата халифы уже совсѣмъ не походили по характеру своей власти и жизни на первыхъ преемниковъ Магомета. Арабы смотрѣли теперь на своего халифа, какъ на лицо недосягаемаго величія, какъ на земное проявленіе Божества, власть котораго не можетъ терпѣть никакого противорѣчія, не можетъ имѣть никакихъ границъ. Халифъ соединялъ въ своихъ рукахъ высшую власть и въ свѣтскихъ и въ духовныхъ дѣлахъ; имущество, жизнь, самая совѣсть подданныхъ были въ его безраздѣльномъ распоряженіи. Онъ былъ для подвластнаго ему народа за-разъ и императоромъ, и папой. Древне-арабскій обычай всенароднаго выбора новаго халифа не могъ погас-

нуть ни въ понятіяхъ, ни въ дѣйствительной жизни народа, однако назрѣвшія перемѣны въ положеніи халифовъ неизбѣжно колебали этотъ обычай. На ряду съ избираніемъ халифовъ по старинному порядку чаще появляются и такіе случаи, когда царствующій халифъ самостоятельно назначалъ своего будущаго преемника. Въ самомъ народѣ образуются постепенно противоположные взгляды на этотъ предметъ,—одни держатся старины, другіе допускаютъ необходимость различныхъ ограниченій прежней всенародности выбора, третьи уже отвергаютъ самый выборъ, проповѣдуя порядокъ правильнаго престолонаслѣдія. Возникаетъ борьба мнѣній, проникающая и въ ученую литературу того времени. Ясно, что подготовляется переворотъ въ прежнихъ порядкахъ. Первые Аббасиды дѣлали прекрасное употребленіе изъ этой могучей власти: они трудились на благо народа, окруженные уваженіемъ подданныхъ и сосѣдей. Оставивъ мысль о славѣ завоевателей; они старались удовлетворять внутреннія нужды страны, и благодѣтельное вліяніе ихъ попеченій сказалось на самыхъ разнообразныхъ сторонахъ жизни. Они усовершенствовали государственныя учрежденія; разумно пользуясь хорошимъ состояніемъ казны, они подарили страну рядомъ полезнѣйшихъ сооруженій: отъ Багдада до Мекки протянулась линія цистернъ къ услугамъ пилигримовъ и торговыхъ каравановъ; тамъ и сямъ были насажены караванъ-сараи; въ различныхъ углахъ халифата—преимущественно въ области Мессопотаміи—шли дѣятельныя работы по реставраціи и дальнѣйшему проведенію каналовъ; по разнымъ направленіямъ государства были устроены почтовые тракты; на организацію почты вообще было обращено достаточное вниманіе: въ Багдадѣ находился подробный списокъ всѣхъ почтовыхъ станцій страны съ подробнымъ обозначеніемъ раздѣляющихъ ихъ разстояній и т. д.

Страна оживала, народное благосостояніе развивалось, но все же надъ всѣми безъ исключенія тяготѣла страшная власть неограниченнаго халифа. Какъ опасна могла быть такая деспотическая власть для развитія народной жизни, показалъ примѣръ послѣдующихъ халифовъ, которые не думали подражать своимъ предшественникамъ въ разумномъ употребленіи власти.

Администрація. Государственныя учрежденія арабовъ первоначально не были сложны. Они разрастаются уже при Аббасидахъ съ развитіемъ внутренней жизни громаднаго государства. Извѣстно, что третій халифъ изъ дома Аббасидовъ главнѣйшими орудіями своей власти считалъ четырехъ сановниковъ: 1) судью (кади), 2) начальника полиціи,

который былъ первоначально собственно охранителемъ особы халифа, 3) министра финансовъ и 4) начальника почты. Всѣ эти лица были безпрекословными исполнителями высочайшихъ повелѣній халифа. Начальникъ почты занималъ среди нихъ нѣсколько особое положеніе, не совсѣмъ совпадающее съ названіемъ его должности. Управленіе самой почтой было лишь побочнымъ дѣломъ въ кругѣ его обязанностей. Собственно говоря, это былъ начальникъ общаго государственнаго контроля, „око государя“, онъ слѣдилъ за ходомъ всей государственной жизни и въ столицѣ, и въ областяхъ, отъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ до мелочей, и о всемъ необходимомъ немедленно доносилъ государю. Его донесенія касались разнообразнѣйшихъ предметовъ: управленія государственными имѣніями, состоянія земледѣлія, положенія крестьянъ, злоупотребленій чиновниковъ, количества обращающейся въ государствѣ монеты и проч., и проч. Къ его услугамъ былъ штатъ провинціальныхъ почтмейстеровъ. Эти послѣдніе всего менѣе были обязаны заниматься пересылкой частныхъ писемъ, они слѣдили за всѣмъ, что творилось въ ихъ провинціи, чтобы на все дать отвѣтъ по первому требованію главнаго начальника почты. Они никому не подчинялись въ своей провинціи, они стояли особнякомъ отъ всѣхъ провинціальныхъ чиновниковъ, какъ безпристрастные наблюдатели провинціальной жизни. Никто ихъ не касался, и всѣ ихъ боялись.

Съ постепеннымъ осложненіемъ государственной жизни Багдадскаго халифата при этихъ главныхъ начальникахъ умножаются присутственныя мѣста, канцеляріи. Они назывались диванами.

Древнѣйшими изъ нихъ были: 1) государственная канцелярія, существовавшая и при Омайядахъ; здѣсь изготовлялись высочайшіе указы, сюда поступали всѣ направленныя къ халифу просьбы и донесенія. Естественно, такимъ образомъ, что это учрежденіе имѣло первенствующее вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Непосредственнымъ начальникомъ здѣсь былъ главный министръ халифа, великій визирь. 2) Управленіе при министрѣ финансовъ. Позднѣе это управленіе распалось на четыре самостоятельные дивана. Каждый отдѣльно вѣдалъ свои особыя дѣла: одинъ—содержаніе войскъ, другой—сборъ податей, третій—назначеніе чиновниковъ, четвертый—общій надзоръ за состояніемъ финансовъ.

Вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ старыхъ учрежденій при Аббасидахъ появляются и совершенно новые диваны, напримѣръ, диванъ при начальникѣ почты и т. п. Такъ при Аббасидахъ идетъ работа надъ болѣе удобнымъ и болѣе совершеннымъ устройствомъ

государственнаго управленія; на мѣстѣ небольшого кружка довѣренныхъ сановниковъ, раздѣлявшихъ между собой всѣ дѣла обширной страны, складывается мало-по-малу рядъ правильныхъ учрежденій. И эта работа не прекращается во все время существованія Аббасидскаго халифата: почти при каждомъ халифѣ новая перестройка въ созданныхъ ранѣе диванахъ, новыя измѣненія и въ ихъ количествѣ, и въ кругѣ ихъ дѣлъ.

Визирь. Самымъ важнымъ нововведеніемъ Аббасидовъ въ государственномъ управленіи было созданіе должности *визиря*. Эта новая должность скоро сдѣлалась первенствующей силой въ государствѣ. Впрочемъ, ея значеніе развивалось постепенно. Аббасиды заимствовали ее у персовъ. Первоначально визирь не имѣлъ никакой самостоятельной власти, онъ былъ назначаемъ, какъ посредникъ между государемъ и народомъ, какъ правая рука и тѣнь халифа. Черезъ его руки проходили всѣ высочайшія приказанія, и онъ подтверждалъ ихъ подлинность приложеніемъ печати и своей подписи къ высочайшимъ указамъ. Онъ былъ первый слуга халифа и второй человѣкъ въ государствѣ. Въ этомъ состоялъ такъ называемый *ограниченный визиратъ* (wizârat tanfyd). Но понятно, что и такое положеніе открывало визирямъ всѣ пути къ настоящему главенству въ странѣ. Умному визирю не трудно было подчинить себѣ и волю самого халифа. Такъ и бывало, какъ только на тронѣ появлялась заурядная личность. Исторія халифата знаетъ періодъ неограниченнаго господства цѣлой династіи визирей изъ фамиліи Бармакидовъ. Гарунъ-аль-Рашидъ свергнулъ ихъ господство. Но уже самое положеніе визирьской должности естественно вело къ перевѣсу визиря надъ халифомъ: никто не стоялъ ближе визиря къ источнику всякой власти, самъ халифъ черезъ одного только визиря сносился съ окружающимъ его дѣловымъ міромъ. Учредивъ визиратъ, халифы заслонились имъ отъ народа, и, такимъ образомъ, сами обрекли себя на постепенную утрату своего значенія, которое трудно было бы удержать въ прежнемъ объемѣ, даже и при дѣйствительномъ желаніи работать лично на пользу страны. А сюда присоединилось еще вырожденіе самой династіи; первымъ Аббасидамъ наслѣдовали ничтожные потомки, добровольно замыкавшіеся въ узкій міръ своихъ гаремовъ. Все это подымало значеніе визирей. Постепенно народился *неограниченный визиратъ* (wizârat tafwyd). Теперь визири, подобно франкскимъ майордомамъ, взяли въ свои руки всѣ дѣла государства, управляли страной по собственному почину, а не какъ исполнители высочайшихъ повелѣній, сами назначали чи-

новниковъ, сами разрѣшали всѣ государственные вопросы. Халифы оставались на тронѣ въ видѣ простого украшенія дворцоваго церемоніала.

Не легко было съ честью занимать отвѣтственный постъ визиря. Для этого требовалось соединеніе весьма разнообразныхъ знаній и талантовъ. На визиря привыкли смотрѣть, какъ на тонкаго знатока и государственныхъ дѣлъ и нелегкаго искусства придворнаго обхожденія, какъ на мудраго политика и находчиваго оратора, остроумнаго и пріятнаго собесѣдника при дворѣ, какъ на образецъ и внѣшняго лоска изысканныхъ манеръ, и разносторонняго образованія. Для визиря считалось обязательнымъ кое-что смыслить въ математикѣ, медицинѣ, астрономіи, исторіи, играть въ шахматы, въ мячъ и на цитрѣ; этого мало, для полнаго завершенія всего круга свѣтскихъ талантовъ приходилось быть также немного поэтомъ, обладать даромъ импровизаціи стихотвореній и занимательныхъ разсказовъ.

Провинціальное управленіе.

Таковы были главнѣйшіе сановники и учрежденія, непосредственно окружавшіе халифа и раздѣлявшіе съ нимъ правительственныя заботы о всемъ халифатѣ. Для ближайшаго управленія отдѣльными мѣстностями халифатъ дѣлился на провинціи. Во главѣ каждой провинціи стоялъ губернаторъ, назначаемый и смѣняемый халифомъ. Онъ былъ для своей провинціи представителемъ верховной власти и потому, подобно самому халифу, совмѣщалъ въ своихъ рукахъ руководительство и свѣтскими, и духовными дѣлами: арабы не знали раздѣленія вождя отъ первосвященника. Губернаторы проповѣдовали въ мечетяхъ, предсѣдательствовали на молитвенныхъ собраніяхъ. Въ свѣтскихъ дѣлахъ имъ была предоставлена широкая самостоятельность, которая все болѣе развивалась съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи халифата. Они самолично назначали судей (кади), финансовыхъ и полицейскихъ чиновниковъ своей провинціи, начальствовали надъ расположенными тамъ войсками и — что еще важнѣе — въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ провинція лежала на границѣ халифата, самостоятельно вели борьбу съ окружными невѣрными. Правда, какъ мы уже видѣли, за всѣми ихъ дѣйствіями неусыпно слѣдили присылаемые изъ столицъ чиновники, мѣстные почтмейстеры. Но все же въ лицѣ губернаторовъ съ ихъ широкими правами назрѣвала грозная сила, весьма опасная для цѣлости халифата. Съ ослабленіемъ власти Аббасидовъ губернаторы превращаются въ маленькихъ халифовъ, не хотятъ знать своей прежней зависимости, и Багдадское правительство изъ страха передъ пол-

нымъ распаденіемъ нѣкогда единой страны вынуждается заключать съ губернаторами особые договоры, какъ съ отдѣльными государями. Все чаще повторялись случаи, когда сильные вельможи противъ воли халифа съ оружіемъ захватывали въ свои руки цѣлыя провинціи. Халифы уступали и путемъ переговоровъ устанавливали съ ними соглашенія, какъ съ завоевателями. Такъ образовался особый разрядъ губернаторовъ-узурпаторовъ. Но, грозя своимъ усиленіемъ могуществу халифовъ, власть губернаторовъ не исключала возможности самоуправленія. Всѣ города и селенія управлялись сами собой.

Назначенные губернаторами чиновники наблюдали только, чтобы населеніе исправно платило государственныя подати. Лишь въ видѣ исключенія правительство само слѣдило за улучшеніемъ обработки полей и особенно за развитіемъ искусственнаго орошенія посредствомъ проведенія каналовъ, и здѣсь была прямая цѣль поднять матеріальныя средства народа и облегчить ему уплату въ казну тѣхъ же податей. Затѣмъ правительство не вмѣшивалось во внутреннюю жизнь городовъ и селеній, развѣ только надо было прекратить какія-нибудь недоразумѣнія и безпорядки. Вотъ почему мы и не находимъ въ арабскихъ провинціяхъ такой массы разныхъ чиновниковъ, какъ, напримѣръ, въ Византіи. Съ этой стороны образецъ Византіи нисколько не повліялъ на арабскую жизнь.

Помимо финансовыхъ чиновниковъ, назначаемыхъ для сбора податей, мы находимъ въ провинціяхъ судей (кади) и полицейскихъ надзирателей (mohtasib). Кади не только разбирали споры и судебные процессы, но также являлись представителями государственной власти при различныхъ случаяхъ семейной и общественной жизни, которые требовали правительственнаго участія и надзора, и тутъ ихъ дѣятельность иногда близко подходила къ дѣятельности полицейскихъ надзирателей; такъ, напр., кади назначали опекуновъ надъ имуществомъ душевнобольныхъ и несовершеннолѣтнихъ, слѣдили за правильнымъ исполненіемъ духовныхъ завѣщаній, за правильнымъ содержаніемъ улицъ и расположеніемъ воздвигаемыхъ зданій и т. п.; они же завѣдывали сборомъ податей, если для этого не было назначено особаго чиновника. Полицейскіе надзиратели тоже слѣдили за соблюденіемъ общественнаго порядка, но они дѣйствовали своей властью помимо кади лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушеніе порядка было очевидно, провинившійся былъ на лицо и оставалось только прекратить противозаконіе и наказать виновнаго, но какъ только требовалось разслѣдовать дѣло, разо-

брать, кто виноватъ и кто обиженъ, опредѣлить самый характеръ проступка,—полицейскій надзиратель тотчасъ уступалъ свое мѣсто кади. Впрочемъ, и помимо того власть полицейскаго надзирателя была сильно ограничена важнымъ узаконеніемъ: полицейскій надзиратель былъ лишенъ всякаго права вмѣшиваться со своимъ надзоромъ въ частныя дѣла мирныхъ семействъ, законъ преграждалъ ему входъ во внутренность обывательскихъ жилищъ; улица, площадь, общественныя мѣста—вотъ гдѣ была арена его служебной дѣятельности.

Взиманіе податей, какъ было сказано, все-таки составляло главное содержаніе отношеній правительства къ народу. Подати были разнообразны. Главнѣйшія изъ нихъ—*зекатъ*—подоходная, *хараджъ*—поземельная, *джизіе*—поголовная. На распредѣленіи этихъ податей между населеніемъ халифата ясно видно, между прочимъ, какъ вліяли на различныя стороны арабской жизни религіозныя понятія: какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и въ отношеніи податей правительство рѣзко различало мусульманъ отъ невѣрныхъ. Мусульмане уплачивали одинъ зекатъ, на невѣрныхъ падали хараджъ и кромѣ того джизіе. Зекатъ собирался въ видѣ десятины съ полученныхъ доходовъ, такъ что размѣръ платежа измѣнялся соотвѣтственно измѣненію дохода. Зекатъ падалъ на весьма разнообразные виды имуществъ: пашни, дома, плоды, стада, товары и денежные капиталы. Впрочемъ, тогда не составляло особеннаго труда „схорониться“ отъ взноса податей, скрывъ часть своего имущества. Размѣры трудно скрываемыхъ имуществъ—пашенъ, домовъ, стадъ — опредѣлялъ на глазъ сборщикъ податей; что же касается до товаровъ и капиталовъ, то правительство прямо признавало себя безсильнымъ слѣдить за измѣненіемъ ихъ количества и вполнѣ полагалось на показанія самихъ владѣльцевъ. Какъ чисто мусульманская подать, зекатъ получался въ казну исключительно съ мусульманскаго населенія. Подати.

Хараджъ и джизіе взимались съ невѣрныхъ. Хараджъ была чисто поземельная подать. Размѣръ этой подати уже не зависѣлъ, какъ размѣръ зеката, отъ временнаго колебанія высоты текущихъ доходовъ. Правительство само назначало для нея опредѣленный размѣръ (окладъ). Но этотъ окладъ въ разное время опредѣлялся различно; первоначально онъ соразмѣрялся только съ пространствомъ занимаемыхъ каждымъ земель, послѣ былъ вводимъ и болѣе выгодный для населенія порядокъ: окладъ стали соразмѣрять со степенью средней плодородности земель и со среднимъ количествомъ затратъ, необходимыхъ для ея обработки, и разныхъ хо-

зяйственныхъ улучшеній, среди которыхъ на первомъ планѣ всегда стояло искусственное орошеніе полей. Оставлять земельные участки невоздѣланными запрещалось. Кто не могъ заниматься воздѣлываніемъ полей, тотъ былъ обязанъ или сдавать свою землю на оброкъ, или совсѣмъ отказаться отъ земли, чтобы она не лежала безъ пользы.

Поголовная подать—джизіе—по нѣкоторымъ извѣстіямъ, взималась въ трехъ различныхъ размѣрахъ, смотря по достатку плательщиковъ. Съ богатыхъ ежегодно взималось въ половину больше, чѣмъ съ людей средняго достатка, а съ послѣднихъ—въ половину больше, чѣмъ съ бѣдныхъ. Но разъ установленные размѣры уже не измѣнялись съ теченіемъ времени. Эта подать, узаконенная еще IX-й главой Корана, имѣла характеръ дани въ пользу мусульманъ съ тѣхъ побѣжденныхъ народовъ, которые, оставаясь при своей прежней вѣрѣ, не желали слиться воедино со своими побѣдителями. Отказъ отъ уплаты поголовной подати разсматривался, какъ государственная измѣна.

Доходы отъ перечисленныхъ податей не смѣшивались въ общую сумму при поступленіи въ казну. Каждая подать имѣла свое особое назначеніе, разъ навсегда опредѣленное. Такъ, сборы съ зеката распредѣлялись на семь различныхъ предметовъ: 1) на вспомоществованіе бѣднымъ, 2) на вознагражденіе сборщикамъ податей, 3) въ пользу людей, оказавшихъ услугу дѣлу ислама денежными пожертвованіями или другими способами [1]), 4) на выкупъ рабовъ на волю, 5) на покрытіе долговъ, сдѣланныхъ частными лицами въ интересахъ государства и ислама, 6) на содержаніе мусульманъ, добровольно отправившихся въ священный походъ, 7) на не имѣющихъ средствъ чужеземцевъ.

Сборы съ зеката расходовались государствомъ на самомъ мѣстѣ ихъ поступленія; въ каждомъ городѣ и округѣ они тотчасъ же

---

[1]) Позднѣе на этихъ же началахъ стали выдавать соотвѣтствующую долю зеката всѣмъ, кто такъ или иначе участвовалъ въ защитѣ государства или даже кого на будущее время желали побудить къ трудамъ на пользу религіи, наприм., по части обращенія въ исламъ подвластныхъ имъ людей или единоплеменниковъ. Вообще, эта часть зеката употреблялась на дѣло религіозной пропаганды. Но только мусульманинъ могъ получать вознагражденіе изъ соотвѣтствующей доли зеката, подобно тому какъ и во взносѣ зеката участвовали одни мусульмане. Если случайно подобную же услугу дѣлу ислама оказывалъ послѣдователь чуждой религіи, онъ тоже былъ вознаграждаемъ, но не изъ зеката, а изъ другихъ суммъ государственной казны.

распредѣлялись между мѣстными жителями, подходившими подъ означенные выше разряды, и только если гдѣ не оказывалось никого съ правами на полученіе своей части зеката, эти сборы могли быть передаваемы въ другія мѣстности.

Совсѣмъ другое назначеніе получали подати, поступавшія съ невѣрныхъ. По прямому предписанію соотвѣтствующаго стиха Корана весь сборъ съ нихъ дѣлился на пять равныхъ частей. Одна изъ нихъ поступала въ распоряженіе пророка и затѣмъ его преемниковъ—халифовъ (они сами уже распредѣляли затѣмъ эту часть на свои личные расходы, на содержаніе своихъ родственниковъ, на милостыню сиротамъ и бѣднымъ путешественникамъ). Остальныя четыре части шли на разныя стороны государственнаго управленія и прежде всего на содержаніе войска и жалованье солдатамъ.

Итакъ, мусульманская подать, зекатъ, обращалась на дѣло религіи и въ пользу различныхъ разрядовъ лицъ, почему либо подпадавшихъ подъ особую защиту государства. А невѣрные, подчиненные мусульманамъ, должны были оплачивать содержаніе самого государства [1]).

Разсмотрѣнныя подати были главными источниками государственныхъ доходовъ. Однако, существовали и многіе другіе второстепенные доходы, напр., разные таможенные сборы, отдача казною на оброкъ пустыхъ земель, казенная разработка рудниковъ, налоги на пользованіе общественными мѣстами, на содержаніе кораблей и т. п. Въ лучшія времена халифата, правительство старалось пополнять казну, не доводя народныхъ силъ до крайняго истощенія своими поборами. Какъ только представлялась возможность, народъ получалъ облегченія. Но съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи халифата все болѣе усложнялись финансовыя затрудненія.. Государство близилось къ распаденію, народъ бѣднѣлъ, казна халифата быстро пустѣла. За 775—786 гг. ежегодный доходъ государства равнялся 411 милліонамъ диргемовъ, къ 819—820 гг. доходъ уже упалъ до 371 милл., за 845—874 гг. до 293 милл. и т. д. Вотъ образчикъ того, какъ быстро изсякали источники государственнаго богатства. Причины финансоваго разгрома лежали въ общемъ разложеніи халифата. Цѣлый рядъ грустныхъ и ненормальныхъ явленій знаме-

[1]) Самое возникновеніе зеката и податей съ невѣрныхъ было различно: зекатъ имѣлъ религіозное происхожденіе и чисто арабское. Коранъ предписывалъ правовѣрнымъ уплату зеката на ряду съ совершеніемъ молитвы (Сур. 2, 40). Подати съ невѣрныхъ имѣли военное происхожденіе, какъ дань побѣдителямъ.

новалъ это разложеніе: внѣшнія и внутреннія войны, гражданскія усобицы, упадокъ всякаго правительственнаго авторитета халифовъ и безумная роскошь ихъ придворной обстановки, безнаказанныя хищенія губернаторовъ, забывшихъ всякую подчиненность багдадскому правительству и превратившихся въ самостоятельныхъ князьковъ въ предѣлахъ подчиненныхъ имъ владѣній.

Войско. Мы сказали сейчасъ, что среди всѣхъ государственныхъ установленій содержаніе войска поглащало наибольшія суммы. Это и понятно. Арабы создали свое государственное могущество съ оружіемъ въ рукахъ и войско естественно являлось въ глазахъ арабскихъ политиковъ привычнымъ оплотомъ народной силы. Впрочемъ, и войско арабовъ не сразу приняло тотъ окончательный видъ, въ какомъ мы застаемъ его при Аббасидахъ. Военный строй первоначально носилъ довольно первобытный характеръ, войско дѣлилось по племенамъ, военныя дѣйствія не подчинялись выработанному плану, единоборство открывало битву, которая затѣмъ быстро переходила въ общую свалку. При Омайядахъ арабское войско начинаетъ преобразовываться главнымъ образомъ подъ вліяніемъ византійскихъ порядковъ; арабы знакомились съ особенностями настоящаго военнаго строя, появляется раздѣленіе арміи на 5 частей: центръ, два крыла, авангардъ и арьергардъ, правильно разбиваемые лагери. При послѣднемъ Омайядѣ прежній строй прямой шеренгой замѣняется цѣлымъ рядомъ небольшихъ, тѣсно сомкнутыхъ солдатскихъ отрядовъ, которые сохраняли свое раздѣльное положеніе и во время битвы. Вооруженіе арабскихъ солдатъ тоже походило на византійское: мечъ, щитъ, лукъ и стрѣлы, копья, пращи, шлемы и кольчуги. Арабы употребляли также перенятые у тѣхъ же византійцевъ метательные военные снаряды: баллисты, катапульты.

Величественно и эффектно было зрѣлище арабскаго войска, вступающаго въ непріятельскую страну. Отряды легкой конницы въ блестящихъ кольчугахъ, стальныхъ шлемахъ, съ длинными копьями, увѣнчанными пучками страусовыхъ перьевъ, шли въ авангардѣ; за ними стрѣлки, темные, мускулистые, полунагіе; такіе же отряды конвоировали армію по бокамъ, прикрывая оба ея крыла отъ нечаянныхъ нападеній; въ срединѣ густая масса пѣхоты, вооруженная мечами и щитами и длинные ряды верблюдовъ, навьюченныхъ провіантомъ, палатками, запаснымъ оружіемъ; сзади двигался обозъ съ больными солдатами и большими военными машинами. Послѣднія разбирались по частямъ и навьючивались на верблюдовъ, ло-

шадей и муловъ. Если въ войскѣ находился халифъ, его окружала блестящая гвардія. Здѣсь были персы въ высокихъ черныхъ барашковыхъ шапкахъ и турки въ блестящихъ тюрбанахъ. На гвардейскихъ знаменахъ красовалось шитое золотомъ имя халифа. Самъ халифъ ѣхалъ на иноходцѣ, убранномъ золотомъ и каменьями, среди придворнаго штата и высшихъ сановниковъ. За нимъ на почтительномъ разстояніи слѣдовали плотно задрапированные паланкины, охраняемые евнухами: здѣсь сидѣли избранныя женщины гарема. Послѣ короткаго дневного перехода войско располагалось лагеремъ на заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ, и вотъ среди пустого поля, какъ по мановенію волшебнаго жезла, моментально выросталъ цѣлый городъ шатровъ съ улицами, рынками, площадями; зажигались костры и послѣ ужина солдаты, разбившись въ кружки, принимались за древне-арабскія пѣсни подъ звуки флейты и скрипки.

Въ завоеванныхъ странахъ арабы еще съ Омара учреждали постоянные военные гарнизоны въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Такъ во всѣхъ провинціяхъ халифата образовались сильныя крѣпости и при нихъ военныя поселенія. Нѣкоторыя изъ этихъ военныхъ поселеній выростали съ теченіемъ времени въ цѣлые города. Такъ возникли, напр., Бассора и Куфа. На границахъ государства такія крѣпости составили сплошныя линіи. По закону Омара, населенію крѣпостей строго запрещались земледѣльческія занятія; каждое лѣто оно отправлялось въ походъ наблюдать за передвиженіями войскъ сосѣднихъ народовъ. Это была правильно устроенная, непрерывно отправляемая сторожевая служба. Раньше всѣхъ такимъ образомъ была устроена сирійская граница; затѣмъ, тотъ же порядокъ былъ введенъ повсемѣстно.

Военная служба была для араба не только самой богоугодной и почетной, но и самой прибыльной дѣятельностью. Арабскій солдатъ, въ полную противоположность скудно оплачиваемымъ византійскимъ наемникамъ, получалъ громадное жалованье изъ казны и, кромѣ того, имѣлъ свою часть въ военной добычѣ. Вотъ почему, можетъ быть, арабы не знали и военныхъ наборовъ.

Вступленіе въ ряды войска было добровольнымъ: богатыхъ привлекало священное назначеніе войны, бѣдныхъ, кромѣ того, и надежда на обогащеніе. Отсюда два разряда воиновъ: богатые добровольцы и солдаты на жалованіи. Сначала на содержаніе войска шли суммы изъ государственнаго казначейства, но съ развивающимся распаденіемъ халифата, когда государственная казна запустѣла и

въ предѣлахъ халифата изъ прежнихъ провинцій стали образовываться почти независимыя владѣнія съ мѣстными военачальниками во главѣ, на содержаніе отдѣльныхъ частей войска стали обращаться непосредственные доходы цѣлыхъ провинцій. Всѣ эти особенности военнаго устройства развились еще до образованія Багдадскаго халифата въ эпоху грандіозныхъ арабскихъ завоеваній. При Аббасидахъ въ жизни арабскаго войска назрѣваютъ нѣкоторыя серьезныя перемѣны. Прежде всего увеличилось количество войска, и измѣнился его составъ.

Первоначально ряды войска пополнялись одними чистокровными арабами. Война была ихъ національнымъ дѣломъ, религіознымъ подвигомъ. Теперь, напротивъ, войско наводнилось иноплеменниками, такъ какъ халифы стали набирать рекрутовъ изъ подчиненныхъ народовъ. Это былъ излюбленный пріемъ Аббасидовъ, которые еще въ борьбѣ съ побѣжденной ими династіей опирались на иноплеменное, а не на національное войско; вмѣстѣ съ тѣмъ разросталось и количество войска. Но въ то же время Аббасиды начинаютъ смотрѣлъ на эту разрастающуюся армію, какъ на опасную, грозную силу въ случаѣ возможнаго общаго солдатскаго бунта и принимаютъ свои мѣры къ отклоненію этой опасности. Они понижаютъ вознагражденіе солдатъ почти на половину сравнительно съ прежними временами. Далѣе, они стараются разбить единство войска и вводятъ раздѣленіе его на отдѣльные корпуса, различаемые по національностямъ. Постепенно образовалось, такимъ образомъ, пять разноплеменныхъ корпусовъ: сѣверно - арабскій, южно-арабскій хорассанскій, ферганскій, составившійся изъ рабовъ-тюрковъ, которыхъ толпами пригоняли на багдадскіе рынки изъ Ферганской области, и африканскій.

Изъ этихъ чужеплеменныхъ наемниковъ, однако, съ теченіемъ времени какъ разъ выработались настоящіе преторьянцы, по произволу распоряжавшіеся судьбами трона.

Кромѣ сухопутнаго войска, арабы имѣли и флотъ. Уже при первыхъ Омайядахъ арабы могли предпринимать довольно большія морскія экспедиціи. Впрочемъ, первоначально сами арабы почти не входили въ составъ морскихъ экипажей, матросы набирались изъ жителей прибрежныхъ сирійскихъ и египетскихъ городовъ, и лишь постепенно создался національный арабскій флотъ. Арабскіе корабли были велики и не ходки. Ихъ дѣлали по образцу византійскихъ триремъ: въ два этажа, по 25 скамей въ каждомъ, на скамьѣ по два гребца. Впрочемъ, были суда и бо́льшаго размѣра.

Но не на одномъ войскѣ, конечно, основывалась сила халифата, а также и на мирной трудовой дѣятельности народа. Здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить широко развитую арабскую торговлю и промышленность. Эпоха Аббасидовъ была временемъ ихъ высшаго процвѣтанія. Багдадъ являлся по своему географическому положенію естественнымъ центральнымъ узломъ важнѣйшихъ торговыхъ путей, лучеобразно-расходившихся отсюда въ разныя стороны. Къ югу отъ Багдада рѣчными системами Месопотаміи шелъ естественный выходъ къ морю, и здѣсь при Аббасидахъ развился первокласный коммерческій портъ Бассора и главная стоянка арабскаго торговаго флота. Отсюда движеніе арабской торговли охватило всѣ острова Персидскаго залива, достигая на западѣ береговъ Африки и на востокѣ Цейлона. Впрочемъ, и Цейлонъ не остался крайнимъ пунктомъ морской арабской торговли: въ 758 г. мы находимъ небольшую арабскую флотилію въ Кантонѣ. Весь западный берегъ Индіи въ VII и VIII вв. покрылся торговыми арабскими факторіями. Торговля и промышленность.

На сѣверо-востокъ и особенно на западъ отъ Багдада отходили еще болѣе замѣчательные торговые пути. Сѣверо-восточные пути связывали халифатъ оживленнѣйшимъ торговымъ движеніемъ съ Китаемъ. И арабскія, и китайскія историческія свидѣтельства съ полнымъ согласіемъ говорятъ намъ о длинномъ рядѣ арабскихъ посольствъ въ Китай, и эти посольства оказываются просто на просто торговыми караванами. Наконецъ, на западъ и сѣверо-западъ отъ Багдада грандіозное торговое движеніе многоразличными путями связывало халифатъ съ отдаленнѣйшими рынками Африки и Европы. Здѣсь можно отмѣтить два главныхъ направленія внѣшней арабской торговли: 1) сѣверные пути приводили къ берегамъ Каспійскаго моря, откуда арабскіе караваны забирали затѣмъ далеко на сѣверъ—такъ, арабскія монеты временъ первыхъ Аббасидовъ были находимы во многихъ кладахъ Россіи и даже Швеціи; 2) рядъ путей втягивалъ халифатъ въ обороты знаменитой Левантской торговли, объединявшей въ оживленномъ торговомъ обмѣнѣ Европу, Африку и Азію. Въ Африкѣ Египетъ являлся важнѣйшимъ передаточнымъ пунктомъ арабскихъ товаровъ къ портамъ Средиземнаго моря. Отъ Испаніи по всему сѣверному берегу Африки тянулся великій караванный путь къ Нильской долинѣ. У стараго Каира путь развѣтвлялся—одна линія шла на Палестину Синайскимъ перешейкомъ, оттуда черезъ Дамаскъ на Куфу и Багдадъ, другая—спускалась долиной Нила къ югу и затѣмъ кара-

ваннымъ путемъ доходила до Краснаго моря, гдѣ товары грузились на корабли для дальнѣйшей переправки моремъ. Самостоятельный путь направлялся также отъ Багдада Евфратомъ чрезъ Антіохію и Алеппо прямо къ сирійскимъ портамъ Средиземнаго моря, гдѣ арабскіе товары подхватывались итальянскими купцами и развозились послѣдними по европейскимъ рынкамъ; наконецъ, опять самостоятельный путь забиралъ еще нѣсколько сѣвернѣе, черезъ Арменію на Трапезундъ, посредствующій пунктъ арабской торговли съ Византіей. Такова была та громадная территорія въ трехъ частяхъ свѣта, которую вдоль и поперекъ изрѣзывали арабскіе караваны. Очевидно, столь широко раскинувшаяся торговля должна была опираться на разнообразную и блестящую промышленность. И дѣйствительно, многочисленныя провинціи халифата соперничали другъ съ другомъ въ развитіи различныхъ отраслей обрабатывающей промышленности. Въ этомъ отношеніи арабы въ полномъ смыслѣ слова пожинали плоды обширныхъ завоеваній: каждый уголокъ халифата вносилъ свой вкладъ въ общее матеріальное благосостояніе государства. Мы можемъ здѣсь только отмѣтить наиболѣе выдающіеся предметы арабской промышленности. Со стороны Аравіи и Месопотаміи, вкладомъ въ кругъ предметовъ арабской торговли являлись стеклянные товары и финики. Стеклянное производство довольно рано развилось у арабовъ, и стеклянныя издѣлія Багдада пользовались въ свое время большой извѣстностью. Лучшіе финики получались изъ Багдада, гдѣ сборъ этого плода былъ популярнѣйшимъ сельскимъ праздникомъ, впрочемъ, не менѣе извѣстные тонкіе сорта вызрѣвали и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи. Вывоза однихъ фиников было бы достаточно для созданія халифату значительной внѣшней торговли. Весь персидскій берегъ являлся въ то же время средоточіемъ обширной сахарной промышленности. Въ той же Персіи, а затѣмъ и въ самой Аравіи находили желѣзо, издѣлія изъ котораго изготовлялись во многихъ провинціяхъ. Въ этомъ отношеніи арабы многому научились у персовъ, у которыхъ, между прочимъ, заимствовали самое названіе стали („булатъ"). Иранъ, Оманъ, Іеменъ въ изобиліи изготовляли оружіе и панцыри, Сирія—мечи. Изъ стали выдѣлывали и зеркала, такъ какъ стеклянныхъ зеркалъ еще не было. Далѣе, высокаго развитія достигаетъ при Аббасидахъ производство тканей. Важнѣйшія провинціи халифата поставляютъ эти издѣлія на внѣшніе рынки. Арабскія ткани отличались большимъ разнообразіемъ и по качеству, отъ грубыхъ до тончайшихъ, и по ма-

теріалу. Понятно, что это производство опиралось на широкое развитіе скотоводства, которое сосредоточивалось преимущественно въ странахъ передней Азіи, гдѣ въ изобиліи разводились верблюды, лошади, ослы, овцы, козы, буйволы. Но тончайшія ткани изготовлялись изъ хлопчатника и шелка. Онѣ отличались яркими красками, крупнымъ рисункомъ, обиліемъ золотого шитья. Иногда на нихъ наносились изображенія цѣлыхъ сценъ въ родѣ, напримѣръ, льва или пантеры, раздирающей верблюда. Замѣчательная роскошь въ отдѣлкѣ тканей поощрялась потребностями придворной жизни и домашней обстановки достаточныхъ классовъ. Халифы и провинціальные намѣстники по укоренившемуся обычаю одаривали ими приближенныхъ при различныхъ торжественныхъ случаяхъ, и во всѣхъ значительныхъ фабричныхъ пунктахъ Ирана, Хузистана, Фарсистана содержались въ этихъ видахъ правительственныя фабрики. Въ частныхъ домахъ драгоцѣнныя ткани служили для украшенія стѣнъ и дивановъ. Здѣсь же развѣшивались знаменитые восточные ковры, производство которыхъ въ средней Азіи восходитъ къ глубокой древности. При завоеваніи Персіи арабы впервые столкнулись съ этимъ производствомъ и уже нашли здѣсь замѣчательные образцы его развитія, поражавшіе своимъ великолѣпіемъ. Ткани и ковры сдѣлались затѣмъ одной изъ важнѣйшихъ статей и внѣшней арабской торговли. Они высоко цѣнились на западѣ, куда ихъ цѣлыми грудами перевозили изъ Левантскихъ портовъ генуэзцы и венеціанцы.

Завоеваніе Египта дало въ свою очередь первоначальный толчекъ развитію въ халифатѣ производства бумаги. Здѣсь арабы впервые столкнулись съ издѣліями изъ папируса, и нѣкоторое время область Нильской дельты оставалась главнымъ центромъ бумажной промышленности халифата. Однако, позднѣе подъ новыми вліяніями арабы опередили египтянъ. Подъ вліяніемъ китайскихъ образцовъ въ халифатѣ развивается туземное производство хлопчатой бумаги. Самаркандъ дѣлается главнымъ центромъ этого новаго вида промышленности. Сарацыны занесли хлопчатую бумагу и въ Европу, гдѣ она быстро начала вытѣснять старый папирусъ. Наконецъ, въ ряду наиболѣе выдающихся отраслей арабской промышленности нельзя не назвать и характернѣйшаго для азіатскаго востока производства различныхъ парфюмерій. Спеціалисты-промышленники достигали необыкновенной изощренности въ изобрѣтеніи разнообразнѣйшихъ растительныхъ маслъ и духовъ... Громадное развитіе парфюмернаго производства характеризуетъ прежде всего

изнѣженные нравы востока, но оно же указываетъ намъ на широкую распространенность въ халифатѣ и другой стороны промышленной дѣятельности, на успѣхи садоводства и земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ обиліе и богатство арабскихъ тканей опиралось на успѣхи скотоводства, такъ изощренная эксплоатація растительныхъ продуктовъ прежде всего являлась однимъ изъ послѣдствій успѣшной обработки земли.

Земледѣліе. И дѣйствительно, на ряду съ широко развитой и разнообразной обрабатывающей промышленностью, земледѣліе играло видную роль въ экономической жизни халифата. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, арабы являлись учениками побѣжденныхъ народовъ и наслѣдниками достигнутыхъ ими ранѣе успѣховъ. Египетъ, Сирія, Месопотамія, Персія давно уже выработали настоящую земледѣльческую культуру въ то время, какъ арабы на своемъ родномъ полуостровѣ дѣлили трудовое время между охотой, рыболовствомъ, скотоводствомъ и сборомъ финиковъ. Но арабы быстро приспособились къ новымъ условіямъ жизни. Имъ принадлежитъ важная историческая заслуга въ распространеніи и усовершенствованіи различныхъ культурныхъ растеній. Такъ, многія индійскія растенія, благодаря арабамъ, проникли въ Европу со своей родины. Арабы первые принесли въ Африку культуру риса, откуда она распространилась затѣмъ по Сициліи и Испаніи. За рисомъ послѣдовало индиго, за распространеніе котораго по Европѣ особенно усердно ухватились венеціанцы, какъ только арабы доставили его изъ Индіи къ Леванту; шафранъ, усердно разводимый арабами для внутренняго потребленія, ради получаемой изъ него краски, и также впервые занесенный ими въ Европу; хлопокъ, давно извѣстный въ Аравіи, но только въ эпоху халифовъ обращенный подъ разведеніе въ промышленныхъ цѣляхъ и при Гарунѣ-аль-Рашидѣ занесенный и въ Вавилонію. Культура льна и конопли была уже значительно развита ко времени установленія халифата въ Сиріи и Египтѣ. Разведеніе конопли получило особый толчекъ послѣ того, какъ изъ листьевъ этого растенія научились приготовлять гашишъ, столь привившійся на востокѣ.

Разведеніе шелковичнаго дерева развилось въ сѣверныхъ провинціяхъ Персіи тоже еще до прихода арабовъ. Но арабы и здѣсь способствовали широкому распространенію встрѣченной ими культуры, они занесли шелковичное дерево въ Испанію. Наконецъ, арабы разнесли съ собой родное дерево—пальму. Пальма, можно сказать, была неразлучной спутницей арабскихъ передвиженій:

Бассора окружилась необозримыми пальмовыми лѣсами, пальмы появились и въ Багдадѣ, гдѣ ихъ совершенно не было въ моментъ основанія города; затѣмъ вслѣдъ за арабами пальмы продвинулись на западъ, проникли и въ Испанію. Но арабы не ограничивались этой посреднической ролью распространенія культурныхъ растеній по разнымъ угламъ своихъ обширныхъ владѣній, они дѣлали успѣхи въ усовершенствованіи и самой земледѣльческой культуры, въ самихъ пріемахъ земледѣльческихъ работъ, они тщательно изучали агрономическія системы древнихъ египетскихъ, сирійскихъ и вавилонскихъ хозяевъ и старались развивать различные способы искусственнаго орошенія и удобренія. Стремленіемъ ихъ къ установленію болѣе интенсивнаго хозяйства объясняется, напримѣръ, одно оригинальное обыкновеніе въ Бассорѣ: время отъ времени объявлялась аукціонная продажа накопившихся въ городѣ человѣческихъ отбросовъ, и на этотъ аукціонъ стекались изъ окрестныхъ имѣній многіе землевладѣльцы; отбросы покупались и развозились по полямъ для удобренія почвы.

На ряду съ земледѣліемъ процвѣтало садоводство. Громадные сады составляли обычное украшеніе большихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Багдада. Ихъ содержали со вкусомъ и заботливою любовью. Обыкновенно вдоль прямоугольныхъ мощеныхъ камнемъ аллей тянулись продолговатыя цвѣточныя клумбы, обложенныя камнемъ и коротко подстриженнымъ дерномъ. На клумбахъ пестрѣли любимѣйшіе арабами цвѣты: розы, лиліи, нарцисы, лотосы, жасмины, левкои, базилика. Между клумбъ группами стояли деревья—все стройно-прямыя, высокія породы: кипарисы, пальмы, апельсины и лимоны или кусты олеандръ, лавровъ и миртъ.

Виноградныя лозы перекидывались надъ тѣнистыми крытыми аллеями. Между зеленью искусственные водопады наполняли водой мраморные чаны. На всемъ лежалъ отпечатокъ изощреннаго искусства, строгаго восточнаго этикета.

Классы населенія.

Мы разсмотрѣли государственное устройство Багдадскаго халифата и тѣ основанія, на которыхъ опиралась сила государства и благосостояніе народа. Остается взглянуть теперь на самое населеніе, жившее среди описанныхъ выше порядковъ и занятій.

Населеніе халифата дѣлилось на различные классы, при чемъ оно распредѣлялось по этимъ классамъ первоначально на основаніи различія въ вѣрѣ и въ племенномъ происхожденіи.—При дѣленіи общества на классы, какъ и при разложеніи податей (см. выше), прежде всего отличались побѣдители отъ побѣжденныхъ и мусуль-

мане отъ невѣрныхъ. Понятно поэтому, что образованіе арабскихъ сословій развивалось постепенно вмѣстѣ съ расширеніемъ арабскихъ завоеваній. Верхній слой общества составляли чистокровные арабы-завоеватели. Съ древнѣйшихъ временъ свободное арабское населеніе дѣлилось на роды. Съ введеніемъ ислама изъ общаго состава этихъ родовъ выдвинулись съ особымъ значеніемъ и вѣсомъ въ народѣ друзья пророка (асхабы) и первоначально примкнувшіе къ нему послѣдователи (ансары и могаджиры), составивъ какъ бы особую религіозную аристократію. Завоеванія и связанныя съ ними передвиженія естественно расшатывали прежнее единство отдѣльныхъ родовъ; нерѣдко часть родичей отправлялась въ далекіе походы, часть оставалась на старыхъ пепелищахъ. Тѣмъ не менѣе арабы продолжали держаться привычныхъ началъ своего быта, обнаруживая даже стремленіе къ искусственному поддержанію родового строя. Члены слабыхъ или вымирающихъ родовъ нерѣдко спѣшили примкнуть къ болѣе сильнымъ родамъ.

Завоеванія создали два другихъ класса арабскаго общества: *рабовъ* и *кліентовъ*. Военный плѣнъ былъ источникомъ рабства. По укоренившемуся обычаю, если чужеплеменный народъ былъ покоряемъ арабами открытою силой, а не сдавался добровольно въ виду приближенія арабскаго войска, мужское населеніе предавалось смерти, женщины и дѣти обращались въ рабство: $^4/_5$ поступало въ собственность войска $^1/_5$ дѣлалась добычею халифа. Впослѣдствіи классъ рабовъ сталъ разрастаться и помимо войнъ, благодаря торговому ввозу; во многихъ мѣстностяхъ возникли постоянные и оживленные невольничьи рынки. Главный привозъ рабовъ шелъ съ двухъ сторонъ: изъ Ферганской области привозили тюрковъ и изъ Африки—негровъ и берберовъ. Питаемое одновременно войной и торговлей, рабство отличалось своей многочисленностью. Впрочемъ, рабамъ была открыта возможность выйти изъ своего безправнаго положенія — принятіемъ мусульманства и изученіемъ арабскаго языка. При исполненіи этихъ условій рабы превращались въ кліентовъ. Кліенты, или новообращенные мусульмане составляли промежуточный слой между свободными полноправными арабами и рабами. По религіозному основанію сословнаго дѣленія кліенты стояли выше рабовъ, по племенному основанію — они были ниже полноправныхъ арабовъ. Несмотря на прямое предписаніе Корана, чтобы всѣ мусульмане безъ различія считали себя полноправными братьями, чистокровные арабы не обнаруживали желанія стать на одну доску съ недавно обращенными иноплеменниками. Съ послѣд-

нихъ попрежнему собирали поземельную и поголовную подати, отъ которыхъ были избавлены прирожденные мусульмане; съ ними обращались свысока, съ ними избѣгали родниться. Въ эпоху Аббасидовъ общественное положеніе новообращенныхъ улучшается. Аббасиды, достигшіе трона при содѣйствіи персовъ, опираются на тексты Корана объ общей равноправности мусульманъ и на развивающееся съ теченіемъ времени естественное смѣшеніе племенъ. Кліенты начинаютъ попадать на высшія государственныя должности. Но и помимо правительственной поддержки со стороны Аббасидовъ этотъ классъ завоевываетъ себѣ въ обществѣ все болѣе почетное мѣсто, еще при Омайядахъ. Въ средѣ этого класса главнымъ образомъ развивается энергичная торгово-промышленная дѣятельность и серьезное научное движеніе. Изъ него выходятъ юристы и богословы, труды которыхъ даютъ важный толчекъ оживленію въ области умственной жизни привнесеніемъ новыхъ взглядовъ въ старинныя народныя воззрѣнія арабовъ. Постепенно классъ новообращенныхъ, какъ болѣе достаточный и болѣе просвѣщенный (а потому занимающій мѣста чиновниковъ), получаетъ руководящую роль въ общественной жизни.

Постепенно первоначальное несложное дѣленіе общества, основанное на завоеваніи и религіозномъ различіи, начинаетъ осложняться. Съ развитіемъ различныхъ сторонъ государственной и народной жизни въ составѣ самого свободнаго класса образуются дальнѣйшія подраздѣленія, основанныя на различіи занятій. Свободные разбиваются на придворныхъ, чиновниковъ, духовныхъ, купцовъ, ремесленниковъ. Послѣдніе соединяются въ общества по роду занятій съ выборными изъ своей среды представителями, образуя нѣчто въ родѣ цеховъ.

Въ то время, какъ классъ горожанъ преимущественно составлялся изъ новообращенныхъ, многія арабскія племена продолжали болѣе или менѣе держаться старыхъ занятій: земледѣлія, скотоводства, военной слубжы.

Ал. Кизеветтеръ.

XVI.

Карлъ Великій, его личность и заботы о просвѣщеніи.

Въ VIII в. просвѣщеніе въ Италіи и Англіи стояло гораздо выше, чѣмъ въ Галліи. Поэтому, когда Карлъ во время своихъ походовъ на Италію познакомился съ тамошними учеными и оцѣнилъ ту пользу, какую образованіе могло принести ему въ сферѣ гражданской и церковной, то для распространенія этой новой силы среди франковъ онъ долженъ былъ обращаться къ содѣйствію ученыхъ итальянцевъ и англо-саксовъ. Всякаго рода обѣщаніями ему удалось многихъ изъ нихъ привлечь во Францію. Главными изъ такихъ пришельцевъ были англосаксъ Алкуинъ, питомецъ, а потомъ и наставникъ знаменитой въ VIII в. школы Іоркской, затѣмъ, грамматикъ Петръ Пизанскій, лангобардъ Павелъ Діаконъ, готъ Теодульфъ, повидимому, тоже уроженецъ Италіи, далѣе—ученые ирландцы и баварцы. Центромъ для нихъ служила руководимая Алкуиномъ придворцовая школа, переходившая вмѣстѣ съ дворомъ изъ одной резиденціи въ другую и только въ концѣ царствованія Карла осѣвшая въ Ахенѣ. Преподавателями были въ ней ученые выходцы, а слушателями, кромѣ настоящихъ учениковъ, присылаемыхъ изъ монастырскихъ школъ для окончанія образованія, самъ король, королева Ліутгарда, сыновья и дочери Карла, а также вельможи, духовные и свѣтскіе. Самъ Карлъ слушалъ грамматику у Петра Пи-

Дворцовая школа.

Источники: *Einhardi,* Vita Karoli Magni; *Monachus Sangallensis*; Poëtae aevi Carolini, ed. *Dümmler*. **Пособія:** *Guizot*, Histoire de la civilisation en France; *Kaufmann*, Deutsche Geschichte, II Bd.; *Wattenbach*, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, I Bd.

занскаго, а прочія науки у Алкуина. Съ послѣднимъ онъ особенно усердно занимался астрономіей, риторикой и діалектикой. Алкуинъ написалъ для него учебники по этимъ предметамъ въ формѣ разговора между королемъ Карломъ и его наставникомъ. Для школьниковъ онъ составилъ грамматику въ формѣ разговора 14-лѣтняго франка съ 15-лѣтнимъ англосаксомъ; франкъ спрашивалъ, саксъ отвѣчалъ, и только изрѣдка въ разговоръ вмѣшивался учитель (Алкуинъ). Изъ этого видно, что обученіе носило не систематическій, а практическій характеръ, что ученики учились не по книгамъ, а изъ устнаго преподаванія и общихъ упражненій. Ученіе шло по-латыни; всего легче усвоивались риторическія фигуры, а кто стремился дальше, тотъ списывалъ для себя Вергилія, Пруденція или какія-нибудь произведенія Августина. Существенную часть обученія составляли упражненія въ обращеніи со словами, пониманіи ихъ значенія, изслѣдованіи ихъ отношеній.

Преподаваніе.

Отъ этого преподаванія въ дворцовой школѣ сохранился странный образчикъ —разговоръ между Алкуиномъ и сыномъ Карла В., Пипиномъ, которому въ то время было лѣтъ пятнадцать. Вотъ переводъ нѣкоторыхъ частей его. „Пипинъ. Что такое буква? — Алкуинъ. Стражъ исторіи. — П. Что такое слово? — А. Истолкователь души. — П. Кто рождаетъ слово? — А. Языкъ. — П. Что такое языкъ? — А. Бичъ воздуха. — П. Что такое воздухъ? — А. Хранитель жизни. — П. Что такое жизнь? — А. Радость для счастливыхъ, печаль для несчастныхъ, ожиданіе смерти. — П. Что такое смерть? — А. Неизбѣжный исходъ, невѣрная дорога, слезы для живыхъ, утвержденіе завѣщанія, похититель человѣка“. — Затѣмъ идетъ рядъ вопросовъ о человѣкѣ. — „Что такое человѣкъ? — Рабъ смерти, мимолетный путникъ, гость въ своемъ домѣ. — Какъ поставленъ человѣкъ? — Какъ лампада на вѣтру. — Гдѣ поставленъ онъ? — Между шестью стѣнами. — Между какими? — Верхней и нижней, передней и задней, правой и лѣвой. — Сколько перемѣнъ съ нимъ происходитъ? — Шесть. — Какія? — Голодъ и насыщеніе, покой и трудъ, бодрствованіе и сонъ. — Что такое сонъ? — Подобіе смерти. — Что такое свобода человѣка? — Невинность. — Что такое голова? — Вершина тѣла. — Что такое тѣло? — Жилище души“. Послѣ ряда вопросовъ о частяхъ человѣческаго тѣла рѣчь заходитъ о внѣшней природѣ. „Что такое небо? — Вращающаяся сфера, неизмѣримый сводъ. — Что такое свѣтъ? — Лица всѣхъ предметовъ. — Что такое день? — Пробужденіе къ труду. — Что такое солнце? — Блескъ вселенной, краса небесъ, прелесть природы, распредѣлитель часовъ. — Что такое

земля? — Мать растущаго, кормилица живущаго, хранительница жизни, пожирательница всего. — Что такое море? — Путь отважныхъ, граница земли, гостиница рѣкъ, источникъ дождей". — Далѣе, изъ временъ года зима оказывается изгнаніемъ лѣта, весна живописцемъ земли, лѣто облаченіемъ земли, созрѣваніемъ плодовъ, осень житницей года, а годъ колесницей міра, которую везутъ ночь и день, холодъ, и тепло, и которою правятъ солнце и луна. Затѣмъ идетъ опредѣленіе ряда отвлеченныхъ понятій: надежда — освѣженіе отъ труда, сомнительный исходъ; дружба — сходство душъ; вѣра — увѣренность въ неизвѣстномъ и чудесномъ. Понятіе чудеснаго поясняются такъ: „я видѣлъ недавно человѣка на ногахъ, гуляющаго мертвеца, который никогда не существовалъ". Оказывается, что это было отраженіе предмета въ водѣ. Наконецъ, учитель задаетъ, а ученикъ разгадываетъ рядъ загадокъ въ родѣ слѣдующихъ: „Со мною говорилъ незнакомецъ безъ языка и голоса; его не было прежде и не будетъ потомъ; я его не слышалъ и не знаю". Это оказывается тяжелый сонъ. — „Я видѣлъ, какъ мертвые породили живого и дыханіе живого пожрало мертвыхъ". Разгадка: огонь родился отъ тренія сучьевъ и пожралъ ихъ.

Намъ можетъ показаться пустой забавой загадываніе загадокъ или требованіе опредѣленій, болѣе похожихъ на дѣтскія шутки, но не слѣдуетъ забывать, что для тогдашнихъ германцевъ многія изъ обычныхъ для насъ сочетаній понятій были новыми и усвоивались съ трудомъ. Съ другой стороны, эта любовь къ загадкамъ и игрѣ въ опредѣленія указываютъ на то жадное любопытство, съ какимъ кидается на все молодой, несвѣдущій умъ, на то сильное удовольствіе, какое доставляетъ ему всякое неожиданное сочетаніе, всякая нѣсколько оригинальная мысль. Такое настроеніе господствовало, безъ сомнѣнія, при дворѣ Карла, и оно-то и вызвало образованіе придворной академіи. Въ составъ ея входили и женщины. Члены ея носили особыя имена, представляющія странное смѣшеніе языческихъ и христіанскихъ воспоминаній. Такъ, самого Карла тутъ называли Давидомъ, его сестру Луціей, его дочерей Деліей и Колумбой, племянницу Эвлаліей, Алкуина Гораціемъ Флаккомъ, поэта Ангильберта Гомеромъ, архитектора и писателя Эйнгарда Веселіиломъ (строитель скиніи). Такое переименованіе стушевывало тутъ сословныя различія и размѣщало людей по ихъ талантамъ.

Академія.

День при дворѣ Карла В.

Въ одномъ стихотвореніи поэтъ Теодульфъ такъ описываетъ день при дворѣ Карла. Сначала во дворцѣ идетъ совѣщаніе, затѣмъ всѣ отправляются въ церковь. На возвратномъ пути Карла

сопровождаетъ большая толпа народа, но во дворецъ входятъ только вельможи. Карла окружаютъ его дѣти, которыхъ онъ превосходитъ цѣлою головою. Старшій изъ сыновей принимаетъ отъ отца плащъ и бѣлыя перчатки, младшій—мечъ. Король садится, и дочери подносятъ ему цвѣты, фрукты, хлѣбъ и вино; онъ благодаритъ ихъ поцѣлуями и ласковыми словами. Послѣ завтрака возобновляется работа. У дверей тѣснятся люди съ просьбами и жалобами; въ передней ихъ выслушиваетъ сначала камергеръ съ прозвищемъ Тирсисъ (пастухъ у Вергилія); однихъ онъ отпускаетъ домой, другихъ проводитъ къ королю. Такъ наступаетъ время обѣда. Король обѣдаетъ вмѣстѣ съ семьей и съ избранными придворными, военачальниками и учеными. Среди послѣднихъ особенно выдается Алкуинъ. Капелланъ читаетъ застольную молитву, храбрый воинъ Меналкъ, въ качествѣ главнаго стольника, командуетъ полкомъ пекарей и поваровъ. Подлѣ Карла секретарь съ двойною дощечкою для записыванья его приказовъ. За обѣдомъ присутствуютъ и нѣкоторые изъ питомцевъ дворцовой школы, между ними маленькій Эйнгардъ, любимецъ Карла; онъ хлопотливо бѣгаетъ взадъ и впередъ, принося то книги, то другія вещи, понадобившіяся неутомимому въ работѣ королю. По окончаніи обѣда и удаленіи прислуги начинается чтеніе; на этотъ разъ читаются стихи Теодульфа. Чтеніе прерывается критическими замѣчаніями. Особенно недоволенъ стихами толстый воевода Вибодъ: онъ смотритъ мрачно, качаетъ головою и проклинаетъ автора, который за то желаетъ ему явиться на зовъ короля въ пьяномъ видѣ, покачиваясь изъ стороны въ сторону и выставивъ впередъ свой безобразный животъ. Еще болѣе недоволенъ ученый шотландецъ, личный врагъ автора; сначала онъ выражаетъ свое неудовольствіе знаками, подталкиваетъ сосѣдей, кривитъ лицо, вздыхаетъ, наконецъ, начинаетъ громко браниться, задѣвая и чтеца. Авторъ отвѣчаетъ ему грубыми ругательствами и съ претензіей на остроуміе замѣчаетъ, что по настоящему противника его нужно звать не Scottus, а sottus (глупцомъ). Чтеніе продолжается до отхода Карла къ послѣобѣденному сну. За нимъ расходятся и придворные, каждый въ свою комнату или въ свой домъ.

Характеръ литературы.

Какъ при арабскихъ дворахъ этой эпохи, здѣсь обмѣнивались поэтическими посланіями, ставили и разрѣшали научныя задачи и загадки. Поэзія была обыкновенной формой выраженія, разъ дѣло не шло прямо о разрѣшеніи практическаго вопроса или объ ученомъ изслѣдованіи. Стихи писались размѣрами античными или

въ формахъ народной и церковной поэзіи. Поэтовъ было много, и писали они усердно. Понятно, что большая часть ихъ произведеній была бездѣлками и очень часто плохими. Обыкновенно это были прямыя заимствованія изъ Вергилія и Венанція Фортуната, а также изъ Овидія, Лукана и др. Мысль тутъ отступала на задній планъ. Много цѣны придавалось всякаго рода ухищреніямъ; напр., слова разставлялись такъ, что начальныя буквы строкъ составляли изреченіе или имя, или даже такъ, что линіи, проведенныя чрезъ стихотвореніе накрестъ, затрогивали такія буквы, изъ которыхъ составлялись опредѣленныя слова. Въ настоящемъ поэтическомъ талантѣ избытка никогда не бываетъ, а такая манера могла губить и таланты. Однако иныя вещи Алкуина, Павла Діакона, Теодульфа Орлеанскаго, особенно въ болѣе легкихъ родахъ, въ баснѣ и поэтическомъ разсказѣ, могутъ нравиться еще и теперь, а тогда должны были дѣйствовать еще сильнѣе, такъ какъ то, что теперь кажется намъ шуткою, представлялось тогда украшеніемъ. Умѣли они выражать и болѣе серьезныя чувства, и жалобу Флора Ліонскаго на упадокъ сильнаго царства нельзя и теперь читать безъ сочувствія. Несмотря на всю ихъ вычурность, въ этихъ стихотвореніяхъ чувствуется здоровое пониманіе и знаніе жизни. Въ этомъ отношеніи поэты времени Карла много выше латинскихъ стихотворцевъ V и VI вѣка, подражателями которыхъ они были. Поэты VIII вѣка стояли близко къ дѣламъ, принимали участіе въ важныхъ рѣшеніяхъ Карла и его вельможъ, и потому ихъ жалобы на непрочность земного блеска, ихъ напоминанія судьямъ о справедливости и буйной молодежи объ умѣренности получаютъ большой вѣсъ, перестаютъ казаться шаблонными фразами.

Наука. Въ сферѣ теоретической поэзія составляла не цѣль, но преддверіе и забаву. Цѣлью служило научное знаніе и прежде всего богословское. Свѣтскія науки, грамматика, риторика, діалектика, физика, изучались только для того, чтобы проникнуть въ тайны богословія. Эти церковные интересы стояли въ противорѣчіи съ любовью къ языческимъ классикамъ. Потому подъ конецъ своей жизни Алкуинъ предостерегалъ отъ увлеченія Вергиліемъ, источникомъ ложной мудрости. Несмотря на всѣ свои слабости и догматическія стѣсненія, Алкуинъ былъ въ полномъ смыслѣ человѣкомъ науки. Даже и теперь мало можно найти такихъ людей, которые могли бы равняться съ нимъ или Павломъ Діакономъ въ глубокомъ изученіи крупныхъ областей или въ многосторонности изслѣдованія. Ученыя средства эпохи были крайне слабы,—даже

прославленная библіотека Іорка заключала въ себѣ меньше книгъ, чѣмъ теперь кабинетъ любого ученаго, — методы изслѣдованія были такъ мало развиты и такъ стѣснены церковными рамками, что теперь всякій начинающій можетъ указать въ нихъ серьезные недостатки; но, несмотря на то, чувствовалось сильное стремленіе къ научному изслѣдованію цѣлаго міра. Ученые стремились къ изученію всего того, что было доступно изслѣдованію. Среди громкихъ призывовъ къ аскетическимъ подвигамъ Алкуинъ сохранилъ потребность въ истинномъ просвѣщеніи, а Агобардъ Ліонскій написалъ нѣсколько сочиненій для опроверженія вѣры въ колдуній и другихъ суевѣрій. Рядомъ съ школьной поэзіей стояла такимъ образомъ литература, исходившая отъ жизни и влiявшая на нее. Эта литература принимала живое участіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ эпохи: по нимъ производились изслѣдованія, составлялись мемуары, и часто являлся цѣлый рядъ сочиненій за и противъ; далѣе, была составлена для вновь учрежденныхъ школъ масса грамматикъ и учебниковъ всякаго рода. Большая часть этихъ работъ была, правда, извлеченіями изъ десятковъ старыхъ сочиненій, предназначенными для тѣхъ, у кого не было библіотеки, но извлеченіе было вмѣстѣ и переработкой, и въ это время возникли нѣкоторые сборники, которые пользовались потомъ извѣстностью въ теченіе всего средневѣковья.

Три разряда школъ.

Школы времени Карла можно раздѣлить на три разряда. Изъ нихъ къ первому относились тѣ, въ которыхъ преподавались „семь свободныхъ наукъ“ и богословіе; назначались онѣ главнымъ образомъ для учениковъ, готовившихся къ духовному званію, но въ нихъ принимались и готовившіеся къ свѣтскимъ занятіямъ. Такая школа была основана Алкуиномъ въ Турѣ и подъ его управленіемъ стала лучшей изъ всѣхъ подобныхъ ей. Свѣдѣнія о ней мы находимъ въ письмѣ Алкуина къ Карлу. „Я, говоритъ онъ, по вашему внушенію и вашей волѣ передаю нѣкоторымъ медъ Св. Писанія; другихъ напояю чистымъ виномъ древнихъ знаній; третьихъ начинаю питать плодами грамматическаго изящества; нѣкоторыхъ просвѣщаю относительно движенія звѣздъ. Особенно стараюсь я воспитать ихъ полезными для св. церкви и способными украшать ваше правленіе, чтобы не оставались незаслуженными мною милости Всемогущаго Бога и не напрасна была щедрость вашей благосклонности ко мнѣ“. Ко второму разряду относились школы церковнаго пѣнія и церковной музыки; сначала такихъ училищъ было только два, одно въ Мецѣ, другое въ Суассонѣ; они долго оставались и самыми знаменитыми. Тре-

тій разрядъ училищъ составляли при Карлѣ первоначальныя школы грамотности для мірянъ-простолюдиновъ. Карлъ хотѣлъ, чтобы учились не одни только люди, предназначенные въ духовное званіе, или дѣти знатныхъ и богатыхъ семействъ, приготовлявшіяся занять высокое положеніе въ государствѣ; онъ желалъ, чтобы благотворное вліяніе образованія проникало въ массу населенія. Въ одномъ указѣ его епископамъ и аббатамъ говорится: „Недостаточно слѣдить за соблюденіемъ въ монастыряхъ и епархіяхъ правилъ религіозной жизни; нужно обучать наукамъ тѣхъ, кто къ этому способенъ, и въ той степени, въ какой это каждому даровано Богомъ. Въ послѣднее время намъ писали изъ нѣкоторыхъ монастырей о вознесеніи за насъ монахами къ небу моленій; въ этихъ посланіяхъ мы нашли похвальныя чувства и неправильный языкъ, результатъ небрежнаго обученія. Не умѣя хорошо писать, люди могутъ легко понимать неправильно Св. Писаніе, при чемъ ошибки могутъ быть еще опаснѣе. Вѣдь въ Св. Писаніи много троповъ и фигуръ; и кто можетъ понимать, какъ слѣдуетъ, эти украшенія изящной рѣчи, не изучивъ древнихъ авторовъ, излагавшихъ риторику? Поэтому мы увѣщеваемъ васъ заботиться объ изученіи словесности для болѣе вѣрнаго и легкаго пониманія Св. Писанія. Выбирайте для этого такихъ людей, которые хотятъ и могутъ учиться и желаютъ обучать другихъ. Какъ воины церкви, вы должны быть набожными въ душѣ и учеными въ рѣчахъ. Если хотите сохранить наше расположеніе, не преминете разослать копіи этого письма всѣмъ подчиненнымъ епископамъ и во всѣ монастыри". Еще замѣчательнѣе распоряженіе Теодульфа, епископа орлеанскаго, предписывающее священникамъ открывать школы въ городахъ и селахъ и запрещающее имъ отказывать дѣтямъ въ пріемѣ, а также требовать плату за обученіе и вообще брать что-либо кромѣ того, что будетъ предложено родителями добровольно и изъ расположенія. Можно полагать, что подобнымъ образомъ поступали и другіе епископы.

Рукописи. Кромѣ школьнаго дѣла вниманіе Алкуина привлекало къ себѣ исправленіе рукописей, сильно пострадавшихъ за время съ VI по VIII в. въ рукахъ невѣжественныхъ переписчиковъ и владѣльцевъ: въ нихъ вкралась масса ошибокъ, листы были перепутаны, исчезла всякая орѳографія и грамматика. Исправленіемъ этого зла Алкуинъ занимался всю свою жизнь, постоянно рекомендовалъ его своимъ ученикамъ, а Карлъ помогалъ ему въ этомъ всею силою своей власти. Самъ Алкуинъ работалъ надъ пересмотромъ полнаго текста Св. Писанія; окончивъ его уже въ аббатствѣ св. Мартина Тур-

скаго, онъ послалъ исправленный списокъ въ подарокъ Карлу. Подъ вліяніемъ внушеній, а отчасти и примѣра Алкуина и Карла, стремленіе къ собиранію древнихъ рукописей стало всеобщимъ. Какъ только Алкуинъ или кто-либо изъ его учениковъ кончали пересмотръ какого-либо сочиненія, списки его разсылались по главнымъ церквамъ и аббатствамъ, гдѣ съ нихъ снимались новыя копіи, свѣрявшіяся и распространявшіяся дальше. Искусство переписки стало источникомъ обогащенія и даже славы; прославляли монастыри, гдѣ изготовлялись самыя вѣрныя и красивыя копіи, и въ каждомъ монастырѣ искусныхъ переписчиковъ изъ монаховъ. Отъ испорченнаго письма VI—VII вв. вернулись къ мелкому римскому шрифту. Скоро разрослись монастырскія библіотеки. Отъ этой эпохи сохранилось много рукописей, и хотя главное вниманіе обращалось на литературу духовную, однако была затронута и свѣтская. Произведенія каллиграфовъ времени Карла до сихъ поръ еще вызываютъ удивленіе, и, можетъ быть, ничто такъ не характеризуетъ тогдашнія стремленія, какъ эти рукописи Св. Писанія, а также Теренція, Горація, съ ихъ уставнымъ письмомъ, ихъ скопированными съ древнихъ образцовъ украшеніями и изображеніями.

Алкуинъ и Карлъ. Вся ученость, вся образованность временъ Карла имѣла Алкуина своимъ представителемъ и сосредоточивалась въ кругу, центромъ котораго былъ онъ. Алкуинъ былъ, такъ сказать, министромъ просвѣщенія при Карлѣ, какъ академію можно назвать министерствомъ духовныхъ дѣлъ. Подъ старость онъ почувствовалъ утомленіе и съ разрѣшенія Карла удалился въ монастырь св. Мартина въ Турѣ, аббатомъ котораго состоялъ и гдѣ устроилъ затѣмъ школу, не уступавшую дворцовой. Сохранилось любопытное указаніе, что почти всѣ ученики его становились потомъ епископами или аббатами; исключеніе составляли два сына мельниковъ изъ крѣпостныхъ св. Колумбана: ихъ не сочли приличнымъ возвести въ такой высокій санъ, а назначили, повидимому, за заслуги учителя, настоятелями монастыря Боббіо, которымъ они и управляли одинъ за другимъ съ большимъ усердіемъ. Другой разсказъ свидѣтельствуетъ, что Алкуинъ въ качествѣ бывшаго наставника сохранилъ за собою право останавливать порывы августѣйшаго ученика. Карлъ очень сожалѣлъ, что образованіе въ его царствѣ не доходитъ до той степени, на которой оно стояло при древнихъ отцахъ церкви, и однажды въ огорченіи воскликнулъ: „О, если бы у меня было двѣнадцать такихъ ученыхъ, какъ Іеронимъ и Августинъ!“ На это Алкуинъ замѣтилъ съ негодованіемъ, котораго не

могъ себѣ позволить никто другой предъ лицомъ грознаго Карла: „Творецъ неба и земли имѣлъ только двухъ такихъ ученыхъ, а ты хочешь двѣнадцать“. Самымъ подлиннымъ документомъ для характеристики этихъ двухъ дѣятелей и того духовнаго движенія, представителями котораго они были, служитъ ихъ переписка. Отъ нея сохранилось 30 писемъ, и по содержанію ихъ можно распредѣлить такъ: 1) письма богословскаго характера; тутъ идетъ рѣчь о Преображеніи, объ ереси адоптіанъ, о происхожденіи названій Пятидесятница и Семидесятница, о смыслѣ нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія; затѣмъ разбираются вопросы, кому была передана цѣна искупленія человѣка и отчего ни въ одномъ Евангеліи нѣтъ пѣсни І. Христа послѣ Тайной Вечери; 2) рядъ писемъ по астрономіи, въ которыхъ, между прочимъ, даются астрономическія вычисленія, объясненіе луннаго круга, движенія солнца и фазъ года; 3) Алкуинъ посылаетъ Карлу свои опыты по орѳографіи и ариѳметикѣ и разборъ нѣсколькихъ синонимовъ. Далѣе идетъ отчетъ о состояніи турской школы; между прочимъ, въ виду недостатка въ лучшихъ книгахъ школьной учености, добытыхъ въ Англіи трудами наставниковъ іоркской школы, Алкуинъ проситъ Карла дозволить посылку туда за ними нѣкоторыхъ слугъ. Оканчивается письмо замѣчательными словами: „На утрѣ моей жизни я сѣялъ сѣмена науки въ Британіи; теперь, на закатѣ ея, когда уже охладѣла моя кровь, я неересталъ сѣять ихъ во Франціи, надѣясь, что при помощи Божіей они процвѣтутъ въ обѣихъ странахъ“. Наконецъ, идетъ рядъ писемъ о текущихъ дѣлахъ; во многихъ изъ нихъ Алкуинъ призываетъ Карла къ милосердію относительно аваровъ, саксовъ и враговъ вообще, даетъ совѣты насчетъ лучшаго обращенія аваровъ, посылаетъ поздравленія, подарки, утѣшенія по поводу смерти королевы, рекомендаціи, извиненія по поводу нарушенія правъ епископа орлеанскаго, совѣты подъ видомъ капитуляріевъ о завѣщаніяхъ, наслѣдствахъ и проч. Въ одномъ мѣстѣ Алкуинъ остерегаетъ Карла отъ похода въ Беневентъ и, оправдывая свое вмѣшательство въ это дѣло, замѣчаетъ: „Все, касающееся вашего благополучія, не чуждо мнѣ: для меня оно дороже моего здоровья и жизни. Ты—счастіе королевства, спасеніе народа, честь церквей, покровитель всѣхъ вѣрующихъ во Христа; подъ сѣнью твоего могущества, подъ покровомъ твоего благочестія, божественная благодать позволила намъ вести религіозную жизнь и служить Христу въ мирѣ и спокойствіи; поэтому съ нашей стороны справедливо и необходимо со вниманіемъ и сердечной преданностью заботиться о

Ихъ переписка.

твоемъ счастьѣ и здоровьѣ и молить о нихъ Бога“. Во многихъ письмахъ послѣднихъ лѣтъ слышится утомленіе тою неусыпною дѣятельностью, которой требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ Карлъ.

Теодульфъ.

Изъ другихъ пришлыхъ ученыхъ, кромѣ Павла Діакона, замѣчателенъ Теодульфъ, лучшій поэтъ эпохи, котораго Карлъ сдѣлалъ епископомъ орлеанскимъ и послалъ на ревизію областного управленія. Изъ произведеній его въ историческомъ отношеніи наиболѣе важны уже упомянутое описаніе двора Карла и наставленіе насчетъ церковно-приходскихъ школъ, а также увѣщаніе къ судьямъ; въ послѣднемъ всего интереснѣе по встрѣчающимся указаніямъ на бытъ общества описаніе попытокъ подкупить ревизоровъ.

„Вокругъ насъ тѣснится большая толпа людей всякаго возраста и пола. Всѣ они настойчиво предлагаютъ намъ подарки и разсчитываютъ такимъ способомъ получить желаемое. Одинъ предлагаетъ мнѣ кристаллы и драгоцѣнные камни Востока, если я позволю ему завладѣть землями сосѣда; другой приноситъ груду монетъ съ арабскими или латинскими надписями, желая пріобрѣсти такимъ образомъ имѣнія, земли, дома. Третій вызываетъ тайкомъ нашего слугу и вполголоса проситъ его передать мнѣ, что у него есть ваза замѣчательная по работѣ и древности; она изъ чистаго металла и нелегка на вѣсъ; изображены на ней подвиги Геркулеса; ее онъ предлагаетъ мнѣ, если я помогу ему уничтожить грамоты, доказывающія отпущеніе на волю его родителями большого числа рабовъ. Иной предлагаетъ мнѣ разноцвѣтные плащи, вѣроятно, работы дикихъ арабовъ, съ изображеніями быковъ и коровъ; краски на нихъ яркія, и большія полосы искусно соединены съ малыми; этотъ скотъ предлагаетъ онъ мнѣ въ обмѣнъ за тѣ стада, изъ-за которыхъ у него идетъ споръ съ сосѣдомъ. Другой предлагаетъ мнѣ прекрасныя чаши, если я дамъ ему то чужое, чего онъ желаетъ. Третій предлагаетъ мнѣ покрывала для постелей и красивыя вазы; покойный отецъ оставилъ ему хорошо орошенное имѣніе съ виноградниками, лугами и садами; братья и сестры требуютъ себѣ изъ него долей, а онъ хочетъ владѣть имъ безъ раздѣла и надѣется успѣть въ этомъ, если я ему помогу. Такъ поступаютъ богатые; бѣдные не менѣе настойчивы. Одни выставляютъ кордовскія кожи; другіе приносятъ ткани шерстяныя или льняныя. Одни предлагаютъ полотенца, другіе готовятъ сундуки; наконецъ, оказался даже подноситель восковыхъ свѣчъ. Какъ перечислить всѣ подношенія? Всѣ полагались на подарки, и никто не надѣялся получить что-либо безъ подношенія. О, позорная язва, всюду раз-

литая! О, пагубный порокъ, подчинившій себѣ весь свѣтъ! Нѣтъ недостатка въ людяхъ и дающихъ, и принимающихъ. Такъ стараются они задобрить меня, но, конечно, они не считали бы меня за такого человѣка, если бы раньше не было тамъ такихъ. Но когда всѣ замѣчаютъ безуспѣшность своихъ рѣчей и безплодность обѣщаній, замѣчаютъ мою недоступность для всѣхъ ихъ уловокъ, то всякій тотчасъ обращается къ своимъ дѣламъ, каждый получаетъ слѣдующее ему по праву и перестаетъ строить козни противъ меня и близкихъ. Однако я опасался придать своимъ дѣйствіямъ характеръ неумѣренности, подать поводъ къ тому, чтобы ихъ считали за притворство, удивить многихъ самою новизною, сдѣлать добро ненавистнымъ вслѣдствіе близости зла, и потому не считалъ нужнымъ отказываться отъ того, что мнѣ предлагали изъ настоящаго расположенія Счастлива добродѣтель, которую умѣряетъ, украшаетъ и поддерживаетъ умѣренность, кормилица всѣхъ добродѣтелей!".

Кромѣ того, поэма Теодульфа замѣчательна по выраженной въ ней мягкости чувствъ: среди безпорядка и варварскаго насилія съ удивленіемъ встрѣчаешь ту деликатную и предусмотрительную доброту, которая представляется исключительною принадлежностью эпохъ высокаго образованія и мира. Онъ убѣждаетъ судей относиться внимательно ко всѣмъ просителямъ: „Ты долженъ заботиться о дѣлахъ сиротъ безъ отца или матери, о дѣлахъ вдовъ; будь ихъ защитой и опорой; будь для сироты отцомъ и матерью, мужемъ для вдовы. Если къ тебѣ обратится бѣднякъ, калѣка, больной или ребенокъ, старуха, старикъ, не отказывай имъ ни въ состраданіи, ни въ помощи. Посади того, кто не можетъ стоять на ногахъ; подай руку тому, кто не можетъ встать. Поддержи и ободри того, у кого дрожитъ сердце, или голосъ, или руки, или ноги. Ободри словами унывшаго, успокой раздраженнаго. Придай силы робкому, укроти заносящагося". У Теодульфа былъ несомнѣнно поэтическій талантъ. Правда, его стихи иногда нарушаютъ правила латинскаго стихосложенія, но за то у него была драгоцѣнная способность живого изображенія; его описанія, всегда живыя, имѣютъ привлекательность, до которой далеко поэмамъ Алкуина и его подражателей. Его „Увѣщаніе къ судьямъ", напримѣръ, богато удачными образами, красивыми стихами и даже по временамъ отличается оригинальностью тона. Это еще грубый поэтъ, но уже поэтъ.

Ангильбертъ. Изъ учениковъ Алкуина старшимъ былъ Ангильбертъ, знатный франкъ, воспитанный при дворѣ и находившійся въ близкихъ от-

ношеніяхъ съ Карломъ и его семьею. Академическое имя Гомера онъ получилъ, вѣроятно, за свои поэтическія произведенія. Алкуинъ, какъ это видно изъ многихъ писемъ и стихотвореній, любилъ его и очень уважалъ его талантъ и образованіе. Онъ занималъ видное мѣсто среди придворнаго духовенства, исполняя важныя порученія Карла. По обычаю, сохранившемуся еще отъ времени Карла Мартелла, ему было предоставлено распоряженіе доходами аббатства св. Рикье (въ Пикардіи). При поддержкѣ Карла и при помощи королевскихъ строителей и художниковъ онъ перестроилъ монастырь заново, воспользовавшись отчасти при этомъ вывезенными изъ Итали колоннами и мраморами; библіотеку его онъ обогатилъ 200 рукописей. Прославляемый впослѣдствіи, какъ святой, Ангильбертъ, по крайней мѣрѣ, до старости, не отличался особою строгостью жизни. Алкуинъ въ письмахъ упрекаетъ его за любовь къ спектаклямъ и параднымъ развлеченіямъ, къ которымъ его привлекало поэтическое чувство. Затѣмъ извѣстно, что онъ былъ близокъ съ дочерью Карла Бертою. Изъ стихотвореній, приписываемыхъ ему, наиболѣе замѣчателенъ большой отрывокъ поэмы о Карлѣ. Онъ уцѣлѣлъ въ одномъ изъ средневѣковыхъ сборниковъ, куда былъ внесенъ, вѣроятно, потому, что очень хорошъ. По замѣчанію знатока, читая этотъ отрывокъ поэмы, нельзя не сожалѣть, что она не дошла до насъ: отъ него вѣетъ свѣжестью той энергической эпохи; онъ переноситъ насъ изъ монотонной сухости монастырскихъ хроникъ въ разнообразный міръ жизни.

Образованіе Карла.

Самъ Карлъ, тоже ученикъ Алкуина, по словамъ его біографа, отлично владѣлъ языкомъ. Кромѣ родного онъ говорилъ свободно по-латыни, лучше понималъ, чѣмъ говорилъ по-гречески; изъ свободныхъ наукъ онъ особенно интересовался астрономіей, что видно и изъ писемъ къ нему Алкуина. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ науки, которая привлекала бы сильнѣе человѣка при выходѣ изъ варварства. Когда является стремленіе разсуждать, человѣка сразу охватываетъ удивленіе при видѣ этихъ движущихся звѣздъ, этихъ особыхъ міровъ, назначенныхъ, повидимому, для наблюденія за нашимъ и для освѣщенія земли, и онъ всюду ищетъ отвѣта на вопросъ о причинѣ чудесныхъ перемѣнъ на небѣ. Въ каллиграфіи успѣхи Карла были невелики: онъ поздно сталъ заниматься ею и потому никогда не могъ сравняться съ современными каллиграфами, которымъ мы обязаны блестящими рукописями IX вѣка. Кромѣ того, Карлъ былъ опытнымъ богословомъ. Въ часы досуга онъ читалъ Св. Писаніе, и если замѣчалъ въ немъ неясности, за разъясненіемъ ихъ обра-

щался къ своимъ ученымъ, а въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта—къ папѣ. Иногда онъ обращался съ запросами къ епископамъ, для того ли, чтобы испытать ихъ ученость, или чтобы разъяснить свои сомнѣнія, или, наконецъ, чтобы публичными объясненіями положить конецъ тѣмъ спорамъ, которые смущали миръ церкви. Говорятъ, онъ исправилъ своею рукою и измѣнилъ въ нѣкоторыхъ частяхъ трактатъ Алкуина противъ ученія адоптіанъ. Подъ его вліяніемъ на франкфуртскомъ соборѣ 794 г. было принято по вопросу о почитаніи иконъ рѣшеніе, выясненное въ такъ называемыхъ Libri Carolini. Трактатъ этотъ былъ составленъ по приказу Карла, при его содѣйствіи, подъ его диктовку; онъ желалъ, чтобы его называли его авторомъ, и издалъ его подъ своею отвѣтственностью.

Эйнгардъ. Представителемъ младшаго поколѣнія ученыхъ, выросшаго подъ вліяніемъ заботъ Карла о просвѣщеніи, служитъ Эйнгардъ, ученикъ фульдской школы, докончившій свое образованіе при дворѣ подъ руководствомъ Алкуина, очень цѣнившаго, подобно Карлу, его способности и привязанность. Эйнгардъ былъ знатокомъ техническихъ искусствъ и особенно архитектуры, которую онъ изучалъ по Витрувію и древнимъ памятникамъ. Онъ былъ главнымъ совѣтникомъ Карла въ дѣлѣ построекъ и главнымъ исполнителемъ ихъ. Карлъ давалъ ему и другія важныя порученія. Подъ старость онъ удалился въ пожалованные ему монастыри. Обязанный Карлу своимъ воспитаніемъ, онъ написалъ біографію императора и тѣмъ не только создалъ памятникъ Карлу, но въ то же время обезсмертилъ и себя. Біографія Карла — полнѣйшее приближеніе къ древнимъ образцамъ, въ данномъ случаѣ къ біографіямъ Светонія. Эйнгардъ стремится описать наиболѣе характерныя особенности героя словами Светонія объ Юліяхъ. При такой манерѣ писать авторъ не могъ отчетливо передавать своеобразныя черты явленій. Но за то, слѣдуя рубрикамъ Светонія, Эйнгардъ долженъ былъ упомянуть о многомъ такомъ, что онъ иначе непремѣнно обошелъ бы молчаніемъ, и отъ этого ни одна средневѣковая біографія не изображаетъ своего героя такъ полно и всесторонне. Къ сожалѣнію, Эйнгардъ имѣлъ въ виду не столько строгую фактическую точность, сколько изящество разсказа, и поэтому его небольшая книга наполнена ошибками. Несмотря на ясно замѣтную привязанность автора къ императору, разсказъ не переходитъ въ панегирикъ; и въ похвалахъ Карлу Эйнгардъ сохраняетъ свою спокойную умѣренность, а правдивость его несомнѣнна, хотя онъ лишь слегка касается слабостей своего героя. Особенно высоко приходится цѣнить Эйнгарда

по сравненію съ лѣтописцами времени первыхъ Каролинговъ: тѣ писали грубымъ варварскимъ языкомъ, а Эйнгардова біографія осталась для слѣдующихъ столѣтій образцомъ чистоты языка и художественности изложенія. Важнымъ дополненіемъ къ Эйнгарду служитъ сочиненіе сангалленскаго монаха, записавшаго въ концѣ IX вѣка изустные разсказы о Карлѣ В. и его потомкахъ. Языкъ его грубъ и неловокъ; по своему содержанію разсказы, передаваемые имъ, принадлежатъ не исторіи, а легендѣ. Но его сочиненіе все-таки важно: оно показываетъ намъ, въ какомъ видѣ представлялся народу образъ Карла, и мы обязаны этому монаху сохраненіемъ массы характерныхъ подробностей о бытѣ того времени.

Занятія нѣмецкимъ языкомъ.

Вся эта литература не была національной. Ея ареной служилъ христіанскій Западъ, а публикой—духовенство и избранная часть мірянъ изъ всѣхъ народовъ франкскаго и англосаксонскихъ государствъ. Но руководителями тутъ были германцы, и подъ вліяніемъ господствующаго умственнаго движенія ихъ языкъ сталъ возвышаться на степень письменнаго. Главный толчокъ къ этому далъ самъ Карлъ. Онъ приказалъ записать и сохранить для памяти древнія пѣсни германцевъ, въ которыхъ воспѣвались подвиги и войны прежнихъ царей. Далѣе, онъ положилъ начало грамматикѣ родного языка, т. е. приказалъ составить ее, слѣдилъ, безъ сомнѣнія, за ея составленіемъ, быть можетъ, руководилъ имъ, но, конечно, не исполнялъ самъ работы. Затѣмъ онъ далъ названія мѣсяцамъ изъ собственнаго языка, а до того франки употребляли названія частью латинскія, а частью германскія; онъ далъ также отечественныя наименованія двѣнадцати вѣтрамъ, тогда какъ прежде можно было подыскать имена не больше, какъ для четырехъ. Еще сильнѣе содѣйствовалъ онъ развитію нѣмецкаго языка въ сферѣ церковной. Онъ спокойно устранилъ возникшее-было сомнѣніе, можно ли возвѣщать слово Божіе на языкѣ варваровъ; затѣмъ по его поощренію было сдѣлано много переводовъ съ латинскаго на нѣмецкій. Каждый священникъ долженъ былъ перевести для своей паствы Символъ Вѣры и Молитву Господню, и Карлъ неоднократно настаивалъ, чтобы всякій зналъ ихъ наизусть по-латыни и по-нѣмецки; за незнаніе назначенъ былъ постъ и розги. Одежду Карлъ носилъ національную франкскую, а иностранной, хотя бы и очень красивой, пренебрегалъ и никогда не позволялъ надѣвать ее на себя, исключая двухъ случаевъ, когда въ Римѣ онъ надѣлъ длинную тунику, хламиду и башмаки, сшитые по-римски, разъ по просьбѣ папы Адріана, а другой по просьбѣ его преемника Льва. На торжествахъ онъ являлся

въ парадномъ облаченіи императора, а въ прочіе дни одежда его мало отличалась отъ обыкновенной одежды простолюдина.

Семья Карла. Замѣчательно также, что его многочисленныя жены всѣ были германскаго происхожденія: Гильдегарда, Фастрада, Ліутгарда и т. д., а еще болѣе многочисленныя дѣти всѣ носили германскія имена (Карлъ, Пипинъ, Людовикъ, Хатруда, Берта, Гизела и т. д.). Матери своей онъ до старости оказывалъ большое уваженіе, такъ что между ними только одинъ разъ возникло несогласіе по вопросу о разводѣ Карла съ дочерью Дезидерія Лангобардскаго. Умерла мать Карла, когда у него было уже три сына и три дочери, и онъ похоронилъ ее съ великою честью въ той же церкви св. Діонисія, гдѣ былъ положенъ его отецъ. Была у него и единственная сестра, по имени Гизела, съ дѣтскихъ лѣтъ отданная въ монастырь; какъ и къ матери, онъ выказывалъ къ ней большую любовь.

Дѣти Карла В. Дѣтей своихъ онъ воспитывалъ такъ: сначала и сыновья, и дочери учились свободнымъ наукамъ; затѣмъ, какъ только позволялъ возрастъ, сыновья переходили къ верховой ѣздѣ, военнымъ упражненіямъ и охотѣ, а дочери, чтобы не коснѣть въ бездѣліи, къ прялкѣ и веретену. Когда умеръ сынъ его Пипинъ, оставивъ послѣ себя сына и дочерей, то Карлъ доказалъ имъ вполнѣ свое расположеніе тѣмъ, что внуку передалъ наслѣдіе отца, а внучекъ взялъ на воспитаніе вмѣстѣ съ своими дочерями. При отличавшемъ его величіи духа онъ недостаточно хладнокровно относился къ смерти дѣтей: сильная любовь къ нимъ доводила его до слезъ. Узнавъ о смерти папы Адріана, бывшаго его близкимъ другомъ, Карлъ заплакалъ такъ, какъ будто потерялъ брата или дорогого сына. Онъ былъ весьма доступенъ для дружбы: легко становился другомъ, постоянно оставался имъ и свято уважалъ тѣхъ, съ кѣмъ разъ сталъ въ такія отношенія. Карлъ такъ заботился о воспитаніи сыновей и дочерей, что, находясь дома, никогда не обѣдалъ и никогда не выѣзжалъ безъ нихъ. Сыновья ѣхали подлѣ него верхами, а дочери слѣдовали позади, и ихъ поѣздъ охраняли особо для того выбранные тѣлохранители. Дочери его были очень красивы и очень имъ любимы, такъ что — странно сказать — ни одной изъ нихъ онъ не хотѣлъ выдать ни за соплеменника, ни за иностранца, но всѣхъ держалъ у себя дома до самой смерти, говоря, что не можетъ обходиться безъ ихъ общества.

Образъ жизни Карла. Карлъ былъ крупнаго и крѣпкаго сложенія, роста высокаго, но не чрезъ мѣру; голова его была закруглена кверху, глаза очень большіе и живые, носъ нѣсколько болѣе умѣреннаго, красивые

сѣдые волосы, лицо веселое, улыбающееся; отъ этого фигура его, стоялъ ли онъ или сидѣлъ, была исполнена величія и достоинства, и хотя шея у него была толстая и короткая, а животъ выдавался впередъ, однако эти недостатки скрадывались соразмѣрностью прочихъ частей тѣла. Походка его отличалась твердостью, и вся фигура носила печать мужества; голосъ у него былъ, хотя и звучный, но несовсѣмъ шедшій къ фигурѣ; здоровье цвѣтущее, кромѣ четырехъ послѣднихъ лѣтъ, когда онъ часто страдалъ лихорадками, а подконецъ даже прихрамывалъ на одну ногу. Да и тогда онъ больше поступалъ по своему усмотрѣнію, чѣмъ по совѣтамъ врачей, которыхъ почти ненавидѣлъ за то, что они совѣтовали ему оставить жареную пищу, къ которой онъ привыкъ, и довольствоваться вареною. Карлъ постоянно упражнялся въ верховой ѣздѣ и охотѣ, любимыхъ забавахъ франковъ; едва ли найдется на землѣ другой народъ, который могъ бы равняться съ ними въ этомъ искусствѣ. Любилъ онъ также паровыя ванны горячихъ источниковъ, часто упражнялся въ плаваніи и достигъ въ немъ такого искусства, что по правдѣ никто не могъ его превзойти. Изъ любви къ источникамъ онъ построилъ въ Ахенѣ дворецъ и жилъ въ немъ постоянно въ послѣдніе годы жизни. Особенно онъ былъ воздерженъ въ питьѣ, такъ какъ ненавидѣлъ пьянство во всякомъ, тѣмъ болѣе въ себѣ и своихъ. Въ пищѣ онъ былъ не такъ воздерженъ и часто жаловался на то, что постъ вредитъ его здоровью. Пиры онъ задавалъ рѣдко и то только въ большіе праздники, но тогда приглашалъ много народа. Обыкновенный обѣдъ его состоялъ всего изъ 4-хъ блюдъ, кромѣ жаркого, которое охотники обыкновенно подавали прямо на вертелахъ, и жаркое онъ ѣлъ охотнѣе всякаго другого кушанья. За обѣдомъ Карлъ слушалъ музыку или чтеніе. Читали ему о дѣяніяхъ древнихъ; любилъ онъ и сочиненія бл. Августина, особенно „О градѣ Божіемъ“. Въ винѣ и всякихъ напиткахъ онъ былъ воздерженъ до того, что за обѣдомъ рѣдко пилъ больше трехъ разъ. Лѣтомъ послѣ обѣда въ полдень, съѣвъ нѣсколько яблокъ и запивъ ихъ, онъ раздѣвался и разувался, какъ на ночь, и затѣмъ отдыхалъ часа два или три. По ночамъ онъ прерывалъ сонъ раза 4—5, не только просыпаясь, но и вставая. При обуваніи и одѣваніи онъ не только допускалъ друзей, но даже, если по заявленію пфальцграфа оказывалось какое-либо дѣло, котораго нельзя было рѣшить безъ его приказа, то онъ приказывалъ тотчасъ ввести къ нему тяжущихся и, разобравъ дѣло, произносилъ приговоръ, какъ будто сидѣлъ на судей-

скомъ креслѣ. Два раза противъ Карла были составляемы заговоры, говорятъ—потому, что онъ подъ вліяніемъ жестокосердой королевы Фастрады слишкомъ отступилъ отъ свойственныхъ его характеру добродушія и кротости. А вообще онъ въ теченіе всей своей жизни выказывалъ ко всѣмъ и въ частныхъ, и въ общественныхъ отношеніяхъ такую любовь и расположеніе, что никто не могъ упрекнуть его въ сколько-нибудь несправедливой суровости. Карлъ любилъ иностранцевъ и очень заботился объ оказаніи имъ должнаго пріема, такъ что многочисленность ихъ не безъ основанія казалась обременительною не только для двора, но и для всего государства. Но самъ онъ по своему великодушію совсѣмъ не тяготился этимъ бременемъ, полагая, что даже крупныя неудобства уравновѣшиваются тутъ славою щедрости и цѣною добраго имени.

Чины двора. Главными чинами двора Карла были: первый стольникъ, кравчій и конюшій. Стольникъ завѣдывалъ кухнею и всѣмъ ея персоналомъ; его называли также главою поваровъ. Кравчій завѣдывалъ погребами, а конюшій конюшнями. Скромные титулы не даютъ понятія о важности лицъ, занимавшихъ эти должности. Такъ какъ принадлежность къ числу слугъ короля считалась уже за величайшую честь, то завѣдыванія кухнею, погребомъ и конюшнями добивались знатнѣйшіе изъ графовъ. За ними слѣдовалъ комендантъ двора, заботившійся о приготовленіи помѣщеній для короля, его семьи и всего штата въ тѣхъ королевскихъ имѣніяхъ, гдѣ дворъ проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ,—наконецъ, четыре ловчихъ, завѣдывавшихъ королевскими лѣсами и охотой. Обстановкой двора и пріемомъ ежегодныхъ подарковъ вассаловъ занимался подъ руководствомъ королевы камераpій (камергеръ); онъ же долженъ былъ заботиться о заготовленіи запасовъ всего, что можетъ понадобиться для двора. Камерарій также принималъ дары, доставляемые иностранными посольствами. Дѣла по управленію въ собственномъ смыслѣ распредѣлялись между пфальцграфомъ (дворецкимъ) и канцлеромъ. Дворецкій разсматривалъ всѣ гражданскія дѣла, поступавшія къ королю, и подготовлялъ рѣшенія по апелляціямъ. Канцлеръ завѣдывалъ государственною канцеляріею, составлялъ правительственные акты, хранилъ королевскую печать. Кромѣ своихъ обычныхъ занятій, сановники, по порученію короля, ѣздили послами къ иностраннымъ государямъ, объѣзжали области, какъ государевы посланцы, уполномоченные контролировать мѣстныя власти, наконецъ, начальствовали надъ войскомъ. Главою франк-

скаго духовенства былъ архикапелланъ, завѣдывавшій дворцовой капеллой; такъ называлось первоначально мѣсто, гдѣ хранился плащъ *(сарра)* св. Мартина Турскаго, самая уважаемая святыня у франкскихъ королей, которую они брали съ собою всюду, даже на войну; потомъ капеллой стали называть вообще святое мѣсто и въ частности дворцовую часовню. Архикапелланомъ назначался епископъ или аббатъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ короля, и чрезъ руки его проходили всѣ важныя церковныя дѣла. Его вліяніе на короля и дворъ, и безъ того значительное, еще болѣе усиливалось, когда придворная канцелярія находилась подъ его надзоромъ, а это бывало очень часто. Канцлеръ и нотаріусы часто выбирались изъ числа придворныхъ капеллановъ. Имъ легко было также пріобрѣтать высшія церковныя должности, а потому званіе ихъ считалось очень завиднымъ.

Хозяйство и постройки.

Каролинги стали королями изъ богатыхъ землевладѣльцевъ и всегда считали свои частныя имѣнія надежнѣйшею опорой своей власти. Они расширяли ихъ конфискаціями и захватомъ выморочныхъ имуществъ, а также внимательно слѣдили за хозяйствомъ въ нихъ, за правильнымъ полученіемъ доходовъ, сборомъ продуктовъ, расходованіемъ или продажей ихъ. Особенно успѣшно занимался этимъ Карлъ В.; заботы о хозяйствѣ дѣлили съ нимъ его жены. До насъ дошелъ уставъ Карла объ управленіи королевскими имѣніями, изъ котораго видно, что онъ самъ вникалъ во всѣ подробности хозяйства. Онъ заботился объ успѣхахъ хлѣбопашества, скотоводства, огородничества, рыбоводства и охоты, чтобы продуктами ихъ можно было удовлетворять потребностямъ двора. Часть произведеній поступала въ кладовыя, другая шла въ продажу, а выручка съ вассаловъ въ казну. Кромѣ сельскихъ промысловъ въ имѣніяхъ Карла были и городскіе: выработка сукна и полотна, изготовленіе одежды и т. п. Подобно своимъ предкамъ, Карлъ въ молодости предпочиталъ жизнь въ своихъ имѣніямъ и часто переѣзжалъ изъ одной усадьбы въ другую. Сначала онъ жилъ больше въ родовыхъ владѣніяхъ Каролинговъ, въ Нидерландахъ; потомъ онъ предпочиталъ Ингельгеймъ и Ахенъ. Вмѣстѣ съ нимъ переѣзжали изъ одного имѣнія въ другое его семейство и дворъ. Жители тѣхъ поселеній, чрезъ которыя проѣзжалъ дворъ, должны были давать ему подводы и содержаніе. Убыточная честь принимать у себя короля выпадала особенно часто на долю епископовъ и аббатовъ.

Для пользы и удобства государства Карлъ, по словамъ Эйн-

гарда, предпринималъ много построекъ; изъ нихъ наиболѣе замѣчательными могутъ по справедливости считаться: соборъ Богородицы въ Ахенѣ и мостъ на Рейнѣ у Майнца; послѣднiй сгорѣлъ за годъ до смерти Карла и не былъ возобновленъ вслѣдствiе скорой кончины его, тогда какъ у него было намѣренiе вмѣсто деревяннаго построить каменный мостъ. Положилъ Карлъ основанiе и великолѣпнымъ дворцамъ: одному въ Ингельгеймѣ, другому въ Нимвегенѣ на Ваалѣ. Но особенно заботился онъ о возстановленiи храмовъ вездѣ, гдѣ они приходили въ упадокъ отъ ветхости, и поручалъ онъ это епископамъ и аббатамъ, на попеченiи которыхъ они находились, а за исполненiемъ порученiй заботливо слѣдилъ чрезъ своихъ посланцевъ. О томъ, какъ производились эти постройки, мы находимъ интересные разсказы у сангалленскаго монаха. Въ тѣ времена предписанныя императоромъ работы въ менѣе важныхъ случаяхъ, напримѣръ, при постройкѣ мостовъ или исправленiи дорогъ, производились графами чрезъ ихъ помощниковъ; но отъ болѣе крупныхъ работъ, особенно отъ новыхъ построекъ, не освобождались ни въ какомъ случаѣ ни герцоги съ графами, ни епископы съ аббатами. Когда Карлъ задумалъ построить въ Ахенѣ великолѣпный соборъ, онъ созвалъ отовсюду художниковъ и мастеровъ всякаго рода и начальникомъ надъ ними поставилъ одного аббата, искуснаго архитектора, но и великаго обманщика. Едва императоръ уѣхалъ изъ Ахена, какъ аббатъ началъ за деньги отпускать домой всѣхъ, кого хотѣлъ, а тѣхъ, кто не могъ откупиться или кто не былъ откупленъ своими господами, онъ угнеталъ безмѣрными работами, не позволяя имъ отдохнуть хоть немного. Предусмотрительный Карлъ приказалъ правителямъ ближайшихъ областей давать нужное содержанiе вызваннымъ отъ нихъ рабочимъ и доставлять всѣ матерiалы, необходимые для работъ; тѣхъ же рабочихъ, которые пришли издалека, онъ поручилъ попеченiю управителя своего двора, съ тѣмъ, чтобы тотъ на счетъ казны доставлялъ имъ пищу и одежду, а также все нужное для постройки. Нѣкоторое время, пока Карлъ оставался на мѣстѣ, приказъ его былъ исполняемъ, а когда онъ удалился, то управитель прекратилъ доставку всего и такимъ образомъ, угнетая несчастныхъ рабочихъ, собралъ огромныя деньги. Въ концѣ концовъ оба они, и аббатъ строитель, и управитель двора, за свои злодѣянiя погибли злою смертью. Такъ, заключаетъ свой разсказъ лѣтописецъ, Промыслъ Божiй бодрствовалъ за благочестиваго Карла, когда онъ, отвлекаемый другими заботами, самъ не могъ слѣдить за дѣлами.

У того же монаха мы находимъ разсказъ, показывающій, какъ опасна была иногда охота, любимое развлеченіе Карла и его современниковъ. Однажды Карлъ охотился за зубрами; на быстромъ конѣ настигъ онъ одного изъ нихъ и хотѣлъ поразить его въ шею обнаженнымъ мечемъ, но промахнулся, и разъяренный звѣрь разорвалъ ему башмаки и чулки и ранилъ рогами ногу; Карлъ пріостановился, а звѣрь имѣлъ время укрыться въ безопасное мѣсто. Спутники предлагали Карлу свою одежду для перемѣны, но онъ отказался, говоря: „Въ такомъ видѣ долженъ я явиться къ Гильдегардѣ". Звѣря преслѣдовалъ Изамбардъ, сынъ Варина; не рѣшаясь приблизиться къ нему, онъ метнулъ копье, поразилъ его въ самое сердце и указалъ Карлу на судороги звѣря. Но онъ какъ будто не обратилъ на это вниманія, оставилъ добычу спутникамъ, а самъ вернулся домой; тамъ онъ призвалъ королеву, показалъ ей разорванныя поножи и спросилъ: „Чего достоинъ тотъ, кто спасъ меня отъ такого противника?"—„Всего лучшаго", отвѣчала она. Тогда Карлъ разсказалъ все по порядку и въ доказательство велѣлъ принести рога зубра. Разсказъ этотъ такъ подѣйствовалъ на королеву, что она начала плакать, рыдать и бить себя въ грудь. Услышавъ, что спасителемъ Карла былъ Изамбардъ, находившійся въ то время въ опалѣ и лишенный всѣхъ почестей, она бросилась къ ногамъ короля, упросила его вернуть все отнятое и сама осыпала его дарами. Другое описаніе охоты въ стихотвореніи, приписываемомъ Ангильберту, даетъ указанія относительно обычаевъ этикета двора, массы участниковъ и пышности обстановки. „Недалеко отъ славнаго Ахена лежитъ зеленый лѣсъ и посреди него луга, орошаемые быстрыми ручьями. По берегамъ ихъ летаютъ всякаго рода птицы; въ длинной долинѣ, на привольныхъ лугахъ пасутся стадами олени и бѣгаютъ робкія лани. Въ этихъ же лѣсахъ укрываются и дикіе звѣри. Здѣсь охотится за ними славный Карлъ. Какъ только Фебъ освѣтитъ вершины горъ и верхушки лѣса, отборная молодежь спѣшитъ отовсюду ко дворцу и останавливается у входа въ него. По всему городу поднимается сильный шумъ: призывное ржаніе коней смѣшивается съ криками слугъ, отзывающихся на зовъ господъ и спѣшащихъ за ними. Вотъ конь въ золотой сбруѣ, радостно ожидающій своего всадника, могучаго короля; онъ поднимаетъ гордо голову и порывается скакать по высокимъ холмамъ. Наконецъ, выходитъ изъ дворца съ большою свитою свѣточъ Европы; на благородномъ челѣ его сверкаетъ корона изъ дорогого золота. Высокій ростъ возвышаетъ его надъ всѣми окру-

Охоты.

жающими. Охотники несутъ остроконечныя рогатины и сѣти и ведутъ на сворахъ быстрыхъ собакъ. Уже король переступилъ порогъ высокаго дворца; за нимъ слѣдуютъ герцоги и графы. При звукѣ трубъ ворота Ахена растворяются, рога звучатъ, и молодежь поспѣшно кидается въ поле. Затѣмъ въ пышномъ нарядѣ выступаетъ королева Ліуттарда, замедлившая въ своихъ пышныхъ покояхъ и сопровождаемая большою свитою. Окруженная дамами и вельможами, она на прекрасномъ конѣ присоединяется къ шествію, а кругомъ волнуется пылкая молодежь. Остальная молодежь ожидаетъ у дверей дѣтей короля. Вотъ выходитъ Карлъ, похожій на отца лицомъ и характеромъ и носящій его славное имя; за нимъ слѣдуетъ Пипинъ, который, нося имя дѣда, воскрешаетъ подвиги отца, искусный въ войнѣ и отважный герой. Затѣмъ показывается блестящій строй дочерей; первой появляется Хатруда, за нею Берта; ея голосъ, мужественное сердце, фигура, сіяющее лицо, глаза—все въ ней напоминаетъ отца. За ними слѣдуютъ прочія. Блестящая толпа, увлекаясь охотничьимъ пыломъ, собирается вокругъ короля. Быстро падаютъ желѣзныя цѣпи, удерживавшія хищныхъ собакъ, и тѣ, слѣдуя своему чутью, кидаются къ убѣжищамъ дикихъ звѣрей и разбѣгаются по пустой чащѣ. Всадники окружаютъ лѣсъ, заграждая пути для убѣгающей дичи. Скоро находятъ въ долинѣ дикаго вепря; тотчасъ всадники вступаютъ въ лѣсъ и направляются на лай; быстрыя собаки преслѣдуютъ звѣря и, разсѣявшись, бѣгутъ по темному лѣсу. По всему лѣсу поднимается сильный шумъ. Звукъ рога возбуждаетъ собакъ къ отчаянной борьбѣ. Страшный вепрь со скрежетомъ мчится по непроходимымъ путямъ, наконецъ, утомленный бѣгомъ, останавливается, задыхаясь, и показываетъ ожесточеннымъ преслѣдователямъ свои страшные клыки; однихъ онъ повергаетъ на землю, другихъ подбрасываетъ на воздухъ. Тотчасъ подскакиваетъ Карлъ: быстрѣе птицы летучей кидается онъ въ средину схватки и мечомъ поражаетъ звѣря въ грудь. Вепрь падаетъ, извергаетъ потоки крови и, издыхая, катается по желтому песку. Дѣти короля съ вершины холма наблюдаютъ за этимъ. Затѣмъ Карлъ приказываетъ возобновить охоту. Вельможи возвращаются въ лѣсъ; самъ Карлъ несется впереди ихъ съ дротикомъ въ рукѣ. Перебивши много дичи, Карлъ дѣлитъ добычу между всѣми охотниками и нагружаетъ спутниковъ тяжелыми трофеями. Вся толпа отправляется на зеленую поляну, гдѣ протекаетъ ручей. Тамъ стоятъ раззолоченные шатры и разсѣяны охотничьи хижины вельможъ. Тамъ устраиваетъ Карлъ для товарищей веселый пиръ

на который приглашаетъ по порядку почтенныхъ стариковъ, затѣмъ людей зрѣлаго возраста и, наконецъ, разсаживаетъ юношей и скромныхъ дѣвицъ, а затѣмъ приказываетъ подать на столъ дорогое вино. Между тѣмъ солнце садится, наступаетъ ночь, и усталые охотники отправляются отдыхать“.

Народныя собранія.

Еще многолюднѣе были, конечно, народныя собранія, которыя изображаются слѣдующимъ образомъ въ почти современномъ Карлу описаніи. Тогда былъ обычай созывать общія собранія не чаще двухъ разъ въ годъ. На одномъ обсуждались дѣла текущаго года, и принятыя тутъ рѣшенія подвергались измѣненіямъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда къ тому вынуждала крайняя нужда, затрогивавшая одинаково все государство. На это собраніе являлась масса вельможъ духовныхъ и свѣтскихъ, крупнѣйшіе—для постановки рѣшеній, болѣе мелкіе—для ознакомленія съ ними, а иногда также для участія въ совѣщаніяхъ и для закрѣпленія рѣшеній своими соображеніями и голосами. То же собраніе служило и для пріема ежегодныхъ подарковъ. На второмъ собраніи присутствовали, напротивъ, только почетныя лица и главные совѣтники; тутъ обсуждались дѣла слѣдующаго года, если оказывалось что-нибудь, требовавшее заранѣе рѣшенія или принятія мѣръ. Въ томъ и другомъ собраніи на обсужденіе и разсмотрѣніе вельможъ предлагались по приказу короля законопроекты, называвшіеся capitula и составленные самимъ королемъ по внушенію Бога или предложенные ему со стороны. Выслушавъ эти сообщенія, вельможи обсуждали ихъ день, два, три или болѣе, смотря по важности дѣлъ. Дворцовые посланцы передавали предлагаемые имъ вопросы и приносили на нихъ отвѣты. Никто изъ иностранцевъ не подходилъ къ мѣсту засѣданія, пока не было закончено обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ и результатъ его не былъ предложенъ на усмотрѣніе великаго государя, который съ данною ему отъ Бога мудростью принималъ свое рѣшеніе, для всѣхъ обязательное. Такъ обсуждались одинъ за другимъ всѣ капитуляріи, пока не были разрѣшены всѣ текущія дѣла. Самъ государь въ это время находился среди собравшагося народа, принимая подарки, привѣтствуя вельможъ, разговаривая съ тѣми, кого видѣлъ рѣдко, выказывая участіе къ старикамъ, шутя съ молодыми, обращаясь одинаково съ духовными и міряналами. Однако въ случаѣ желанія совѣтниковъ король отправлялся къ нимъ, проводилъ съ ними столько времени, сколько они желали, и тамъ они вполнѣ свободно высказывали ему свои мнѣнія обо всемъ и разъясняли возникавшія между ними разногла-

сія. Въ хорошую погоду все это происходило подъ открытымъ небомъ, въ противномъ случаѣ въ отдѣльныхъ зданіяхъ, гдѣ засѣдали члены совѣта и остальной народъ и куда не допускались люди болѣе мелкіе. Мѣсто собранія вельможъ раздѣлялось на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной засѣдали отдѣльно отъ мірянъ епископы, аббаты и высшіе клирики. Равнымъ образомъ графы и другіе сановники съ ранняго утра сходились отдѣльно отъ остального народа до тѣхъ поръ, пока собирались всѣ въ присутствіи короля или безъ него; и тогда названные вельможи, по установленному обычаю, созывались—духовные въ свою залу, а свѣтскіе въ свою, гдѣ для нихъ были, какъ слѣдуетъ, приготовлены сидѣнія. Отдѣленные такимъ образомъ отъ толпы вельможи имѣли право, смотря по свойству разсматриваемаго дѣла, засѣдать вмѣстѣ или отдѣльно. Точно также они могли призывать кого угодно для освѣдомленія и удалять его по минованіи надобности. Такъ обсуждались вельможами вопросы, предложенные имъ королемъ на разсмотрѣніе. Другимъ занятіемъ для короля былъ опросъ каждаго о томъ, что̀ онъ можетъ сообщить интереснаго о своей области. Не только дозволялось, но и прямо предписывалось всѣмъ въ промежутокъ между собраніями собирать какими бы то ни было способами точныя свѣдѣнія о происходящемъ внутри и внѣ государства. Король освѣдомлялся, не волнуется ли въ какой области народъ и что за причина его волненія, не слышно ли народнаго ропота или чего-нибудь необычайнаго, чѣмъ долженъ заняться совѣтъ. Онъ освѣдомлялся и о внѣшнихъ дѣлахъ, не хочетъ ли взбунтоваться какое изъ покоренныхъ племенъ, или изъ взбунтовавшихся племенъ покориться, или изъ еще незатронутыхъ напасть на государство и т. под. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, по поводу всякой опасности, король допытывался прежде всего, какими причинами вызывалось то или другое.

Отношеніе Карла къ церковнымъ дѣламъ.

Въ простодушныхъ разсказахъ сангалленскаго монаха о Карлѣ очень любопытно описывается отношеніе Карла къ церковнымъ дѣламъ. Судя по нимъ, онъ вполнѣ самостоятельно распоряжался церковными должностями, раздавая ихъ по своему усмотрѣнію, кому только заблагоразсудится. Иное удачное замѣчаніе могло доставить человѣку санъ епископа. „Однажды, говоритъ лѣтописецъ, Карлу донесли о смерти одного епископа, и на вопросъ его, не оставилъ ли чего покойникъ на поминъ души, посланный отвѣтилъ: „Всего два фунта серебра“. При разговорѣ присутствовалъ нѣкій юноша, за свое искусство въ чтеніи и пѣніи

взятый Карломъ изъ придворной школы въ свою капеллу. Услышавъ указанный отвѣтъ, онъ не удержался и замѣтилъ: „Невеликъ запасъ для далекаго и долгаго пути!" Тогда Карлъ спросилъ его: „А ты думаешь больше собрать для длиннаго пути, если получишь это епископство?" Тотъ обрадовался, кинулся къ ногамъ Карла и сказалъ: „Государь, это зависитъ отъ Божьей воли и вашей власти". Король велѣлъ ему стать за занавѣсъ и послушать, сколько у него будетъ соискателей. Дѣйствительно, придворные, услышавъ о смерти епископа, начали наперерывъ другъ передъ другомъ хлопотать чрезъ приближенныхъ императора о предоставленіи имъ епископства, но Карлъ стоялъ на своемъ рѣшеніи и отказывалъ всѣмъ, говоря, что онъ не хочетъ оказаться лжецомъ предъ тѣмъ юношей. Сама королева Гильдегарда сначала прислала своихъ вельможъ, а потомъ пришла самолично къ королю просить мѣста для одного изъ своихъ капеллановъ. Король, выслушавъ благосклонно ея просьбу, сказалъ, что не желаетъ и не можетъ ей ни въ чемъ отказать, но не считаетъ себя вправѣ обмануть юношу. Королева скрыла свой гнѣвъ, смягчила громкій голосъ въ просительный и попыталась ласкою подѣйствовать на Карла: „Государь мой и король, сказала она ему: зачѣмъ отдаешь ты этому юношѣ епископство на гибель? Умоляю васъ, добрѣйшій государь, гордость и прибѣжище мое, отдайте его вашему вѣрному слугѣ, моему капеллану". Тогда юноша, стоявшій за занавѣсомъ, обхватилъ короля вмѣстѣ съ нимъ и сталъ жалобно просить его: „Государь, стой твердо на своемъ, не позволяй никому отнять у тебя власть, дарованную тебѣ Богомъ". Тогда Карлъ, постоянно вѣрный своему слову, вызвалъ его изъ засады и сказалъ: „Возьми это епископство и постарайся заготовить больше средствъ и запасовъ для долгаго пути, съ котораго нѣтъ возврата". — Въ другой разъ Карлъ назначилъ уже епископомъ одного капеллана, выдававшагося знатностью и ученостью. Тотъ, обрадовавшись, устроилъ по этому случаю великолѣпный пиръ и не явился ко всенощной, а его припѣвъ исполнилъ, какъ умѣлъ, одинъ бѣдный пѣвчій, всѣми презираемый, недалекій и въ наукахъ. Карлъ не удалялъ его изъ капеллы только по чувству состраданія. По окончаніи службы Карлъ призвалъ его, потребовалъ объясненія и затѣмъ объявилъ, что нареченный епископъ за нерадѣніе къ службѣ лишается своего сана, который переходитъ къ его случайному замѣстителю.—Въ третій разъ Карлъ назначилъ епископомъ молодого капеллана. Когда тотъ обрадованный выходилъ изъ дворца, слуги подвели ему коня и принесли скамейку,

чтобы онъ могъ возсѣсть на него съ важностью, приличной епископу. Юноша вознегодовалъ на то, что его считаютъ за дряхлаго старика, и прыгнулъ съ земли на коня съ такою силою, что едва не перескочилъ черезъ него. Карлъ увидѣлъ это изъ окна, тотчасъ велѣлъ позвать его къ себѣ и сказалъ: „Любезный другъ, ты человѣкъ легкій, ловкій и быстрый въ бѣгѣ, а самъ ты знаешь, что спокойствіе нашего государства постоянно нарушается бурями войны; такой капелланъ нуженъ мнѣ для моей свиты. Такъ оставайся раздѣлять съ нами труды, пока ты можешь съ такою легкостью вспрыгивать на коня“.

Не особенно церемонился Карлъ и съ поставленными уже епископами. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ правдивый, но неосторожный, упрекнулъ его однажды въ томъ, что онъ въ дни поста вкушаетъ пищу въ часъ дня, нарушая такимъ образомъ правила поста. Карлъ смиренно выслушалъ его увѣщаніе и сказалъ: „Замѣчаніе твое, почтеннѣйшій, справедливо, но я повелѣваю тебѣ не ѣсть ничего, пока не кончатъ обѣда послѣдніе слуги моего двора“. За обѣдомъ Карлу служили герцоги и правители или короли различныхъ племенъ, которые затѣмъ сами сѣли за столъ, а имъ стали прислуживать графы и намѣстники или высшіе чины всякаго рода. За ними сѣли обѣдать военные и гражданскіе чины двора, потомъ начальники различныхъ отдѣловъ, затѣмъ слуги и, наконецъ, слуги самихъ слугъ, такъ что послѣдніе садились за обѣдъ не раньше полуночи. Продержавъ въ такомъ положеніи названнаго епископа почти до конца поста, кротчайшій Карлъ сказалъ ему: „Теперь, думаю, ты понялъ, епископъ, что я обѣдаю въ постъ раньше вечерняго часа не по неумѣренности, а изъ благоразумія“.—Другого епископа Карлъ попросилъ благословить трапезу; тотъ, осѣнивъ хлѣбъ крестомъ, сначала себѣ отрѣзалъ кусокъ, а потомъ предложилъ Карлу. „Возьми себѣ весь хлѣбъ“, отвѣтилъ Карлъ и, пристыдивъ того, не захотѣлъ принять его благословенія.

Наставленія приближеннымъ. Та же наклонность Карла при всякомъ удобномъ случаѣ наставлять людей, сначала поставивъ ихъ въ смѣшное положеніе и выставляя превосходство практическаго взгляда на вещи надъ стремленіемъ къ побрякушкамъ, замѣтна и въ такихъ разсказахъ. „Въ одинъ праздникъ послѣ обѣдни — а было дѣло въ Италіи — Карлъ сказалъ приближеннымъ: „Чтобы не привыкать къ бездѣлью, поѣдемъ на охоту и поѣдемъ въ томъ именно платьѣ, какое на насъ теперь“. День былъ холодный и дождливый. На самомъ Карлѣ былъ простой овчинный тулупъ, а остальные, въ виду праздника

и недавняго привоза венеціанцами изъ-за моря восточныхъ нарядовъ, были разряжены въ шелкъ, пурпуръ и дорогіе мѣха. Ихъ одѣянія на охотѣ въ лѣсахъ были изорваны вѣтвями и колючками, вымочены дождемъ, испачканы кровью. Тогда хитрѣйшій Карлъ сказалъ: „Не будемъ снимать съ себя платья, пока не пойдемъ спать, чтобы оно лучше на насъ высохло". Услышавъ приказъ и заботясь больше о себѣ, чѣмъ о платьѣ, охотники бросились всюду искать очаговъ и обогрѣваться; скоро они вернулись, стали прислуживать королю и разошлись по квартирамъ только поздно ночью. Когда они начали снимать съ себя тончайшіе мѣха и ткани, то они стали рваться по всѣмъ складкамъ съ такимъ трескомъ, какъ будто ломались сухія вѣтви, и владѣльцы ихъ подняли громкія жалобы на то, что потеряли въ одинъ день столько денегъ. Между тѣмъ Карлъ приказалъ имъ явиться на другой день въ тѣхъ же мѣхахъ. Увидѣвъ тогда, что ихъ наряды обратились въ лохмотья и безцвѣтные куски, Карлъ велѣлъ своему спальнику принести тулупъ, взялъ его въ руки и, показывая всѣмъ присутствующимъ, что онъ совсѣмъ цѣлъ и бѣлъ, сказалъ: „Глупѣйшіе люди! чья же одежда цѣннѣе и полезнѣе? моя ли дешевая или ваша, за которую вы дали столько денегъ?" Они, опустивъ глаза въ землю, должны были выслушивать его строгій выговоръ.—Другой разсказъ показываетъ, что Карлъ очень интересовался одеждой своихъ приближенныхъ и сохраненіемъ старыхъ франкскихъ обычаевъ. Познакомившись съ пестрыми плащами галловъ, франки покинули изъ любви къ новизнѣ свой старый нарядъ и начали подражать въ одеждѣ галламъ. Одно время суровый Карлъ не запрещалъ этого, такъ какъ новая одежда казалась болѣе удобной для похода. Но когда онъ замѣтилъ, что фризы, злоупотребляя этимъ дозволеніемъ, короткіе новые плащи продаютъ по той же цѣнѣ, какъ прежде длинные, тогда онъ приказалъ покупать у нихъ только старые длиннѣйшіе и широчайшіе плащи по обычной цѣнѣ, замѣтивъ при этомъ: „На что пригодны эти лоскутки? въ постели ими нельзя укрываться, а когда ѣдешь верхомъ, они не защищаютъ отъ вѣтра и дождя". Такимъ же наставникомъ является Карлъ и въ школѣ, и въ церкви. Однажды, вернувшись въ Галлію, Карлъ призвалъ къ себѣ учениковъ дворцовой школы и потребовалъ ихъ работы въ прозѣ и стихахъ. Ученики незнатные, вопреки ожиданію, представили работы безукоризненныя; работы знатныхъ были испещрены ошибками. Тогда Карлъ прилежныхъ поставилъ направо и обратился къ нимъ съ такими словами: „Примите великую благодарность, дѣти мои, за то,

Карлъ и школьники.

что вы старается для вашей же пользы исполнить по возможности мое приказаніе. Старайтесь теперь достигнуть совершенства, а я дамъ вамъ великолѣпныя епископства и аббатства, и всегда въ глазахъ моихъ вы будете достойны уваженія". Затѣмъ, обративъ къ стоящимъ налѣво разгнѣванное лицо и поражая ихъ сверкающимъ взоромъ, онъ скорѣе прогремѣлъ, нежели проговорилъ грозныя слова: „Вы, благородныя дѣти вельможъ, вы, изнѣженные красавчики, вы положились на свое происхожденіе и богатство, пренебрегли моими приказаніями и своею репутаціею и проводили время въ удовольствіяхъ или въ занятіяхъ пустяками". Послѣ такого вступленія онъ поднялъ къ небу священное чело и непобѣдимую десницу и такъ загремѣлъ на нихъ: „Клянусь Царемъ Небеснымъ, невысоко я ставлю вашу знатность и красоту, хоть другіе этому въ васъ и удивляются. Знайте, навѣрное, одно: если вы не загладите вскорѣ прежнюю небрежность усиленнымъ рвеніемъ, вы никогда не получите ничего хорошаго отъ короля Карла". Такимъ же наставникомъ и праведнымъ судьею выставленъ онъ въ разсказахъ сангалленскаго монаха и по отношенію къ епископамъ.

Карлъ и епископы. Его задача—возвеличеніе смиренныхъ и униженіе высокомѣрныхъ. Онъ награждаетъ одного епископа за отличный пріемъ, другого за снабженіе двора прекраснымъ сыромъ, жалуя каждому по дворцовому имѣнію. По его приказу, еврей Исаакъ проводитъ епископа—собирателя рѣдкостей, продавая ему за большую сумму бальзамированную мышь подъ видомъ необыкновеннаго животнаго; продѣлка раскрывается, и епископу приходится выслушивать поученіе Карла. Тотъ же епископъ въ отсутствіе Карла дошелъ до такой дерзости, что потребовалъ себѣ его скипетръ вмѣсто пастырскаго жезла. Карлъ и въ этомъ случаѣ ограничился публичнымъ выговоромъ.

Церковная служба. Карлъ тщательно устроилъ порядокъ чтенія и пѣснопѣнія въ дворцовой церкви и былъ довольно искусенъ въ томъ и другомъ, хотя самъ всенародно не читалъ и не пѣлъ иначе, какъ про себя или въ хорѣ. У Карла въ церкви никто не указывалъ заранѣе, кому что придется читать, никто не отмѣчалъ конца воскомъ, не ставилъ знака ногтемъ, но каждый старался заучить всѣ чтенія такъ, чтобы не заслужить со стороны короля порицанія, если неожиданно придется читать. Очередь каждаго Карлъ указывалъ пальцемъ или посохомъ, а къ сидѣвшимъ далеко онъ посылалъ когонибудь отъ себя; конецъ чтенія онъ произносилъ своимъ голосомъ. Всѣ слѣдили за нимъ такъ внимательно, что, подавалъ ли онъ

знакъ въ концѣ предложенія или въ срединѣ, никто не смѣлъ начать выше или ниже, какъ бы ни казалось ему безсмысленнымъ начало или конецъ. Отъ этого всѣ въ дворцовой капеллѣ были отличными чтецами, хоть и не понимали иногда содержанія читаемаго, и никто не осмѣливался вступать въ его хоръ, если не умѣлъ хорошо читать и пѣть.

Впечатлѣніе могущества Карла на современниковъ.

Въ заключеніе характеристики Карла приведемъ отрывокъ изъ сангалленскаго монаха, который, по замѣчанію Гизо, лучше всякаго новаго описанія передаетъ тѣ чувства удивленія и страха, какія внушалъ своимъ современникамъ Карлъ, его личность и могущество.

Сказаніе повѣствуетъ, какъ встревожился король лангобардовъ при извѣстіи о приближеніи Карла. При дворѣ Дезидерія жилъ въ это время изгнанникомъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ соратниковъ Карла Откеръ, навлекшій на себя его немилость. Дезидерій и Откеръ всходятъ на высокую башню, откуда можно было слѣдить издалека за, приближеніемъ Карла. Сначала показался огромный обозъ, и Дезидерій спросилъ Откера: „Не Карлъ ли въ этомъ огромномъ войскѣ?—„Нѣтъ еще", отвѣчалъ тотъ. Увидѣвъ затѣмъ огромную массу простыхъ воиновъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ государства, король воскликнулъ: „Навѣрное, Карлъ идетъ съ этимъ войскомъ?"—„Нѣтъ, онъ еще нескоро явится". Тогда страхъ охватилъ Дезидерія, и онъ сказалъ: „Чтó мы будемъ дѣлать, если онъ приведетъ съ собой еще больше воиновъ?"—„Ты увидишь, каково будетъ его приближеніе, а чтó будетъ съ нами, я не знаю", отвѣтилъ Откеръ. Въ то время какъ онъ говорилъ, вдали показалась гвардія, не знающая никогда отдыха; при видѣ ея Дезидерій, охваченный ужасомъ, воскликнулъ: „Вотъ онъ, Карлъ".—„Нѣтъ еще", сказалъ Откеръ. За гвардіею показались епископы, аббаты, священники съ ихъ слугами. При видѣ ихъ Дезидерій не взвидѣлъ свѣта, захотѣлъ смерти и разразился рыданіями: „Сойдемъ и скроемся въ нѣдрахъ земли отъ яростнаго взора столь страшнаго врага". Откеръ, знавшій въ лучшія времена могущество и блескъ Карла, сказалъ тогда съ трепетомъ: „Когда поля покроются желѣзною жатвою и воды По и Тичино, потемнѣвъ отъ желѣза и походя на волны моря, поднимутся выше стѣнъ города, тогда только можно ждать прибытія Карла". Еще не кончилъ онъ, какъ на западѣ показалась грозная туча, обратившая ясный день въ темную ночь. По мѣрѣ приближенія императора блескъ оружія разливалъ передъ глазами осажденныхъ свѣтъ страшнѣе самой мрачной ночи. Тогда явился

самъ желѣзный Карлъ. Все вооруженіе его было изъ желѣза, въ лѣвой рукѣ онъ держалъ на вѣсу копье, а правая не оставляла непобѣдимаго меча. Конь его былъ желѣзнымъ по цвѣту и силѣ. Всѣ его спутники носили такое же вооруженіе. Желѣзо покрывало поля и дороги; желѣзныя острія отражали солнечные лучи; твердые доспѣхи прикрывали еще болѣе твердыя сердца. Блескъ желѣза распространилъ страхъ по улицамъ города. „Сколько желѣза, сколько желѣза!“ кричали въ смятеніи горожане. Желѣзо поколебало крѣпость стѣнъ и пылъ юношей, парализовало мудрость старцевъ. Откеръ окинулъ быстрымъ взглядомъ всю эту картину. „Вотъ тотъ, кого ты столько искалъ“, сказалъ онъ Дезидерію и упалъ безъ чувствъ.

Карлъ и норманны. Народная фантазія, предвосхищая будущее, приписала даже Карлу предвидѣніе тѣхъ бѣдствій, которыя должны были причинить государству при его слабыхъ преемникахъ норманны; видно это изъ слѣдующаго разсказа. Однажды Карлъ, путешествуя, прибылъ неожиданно въ одинъ изъ приморскихъ городовъ южной Галліи, и въ то время, какъ онъ расположился обѣдать, у входа въ гавань показались норманнскіе пираты. Его спутники сочли ихъ суда за купеческія, но мудрѣйшій Карлъ по ихъ виду и быстротѣ уразумѣлъ, что это не купцы, а враги, и сказалъ своимъ: „Суда эти везутъ не товары, а злѣйшихъ враговъ“. Услышавъ это, франки кинулись на перегонки къ судамъ, но напрасно: норманны, узнавъ о присутствіи Карла, котораго они называли Мартелломъ, испугались за свои суда и поспѣшнымъ бѣгствомъ ускользнули не только отъ мечей, но и отъ взоровъ преслѣдователей. Между тѣмъ благочестивый Карлъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ окну, выходившему на востокъ, и горько заплакалъ. Никто изъ окружавшихъ его храбрыхъ воиновъ не рѣшался прервать его молчаніе. Наконецъ, самъ онъ такъ объяснилъ имъ причину своей печали: „Знаете, вѣрные мои друзья, отчего я такъ плакалъ? Не того я боюсь, что эти враги могутъ сколько-нибудь повредить мнѣ своими наѣздами, а то меня страшно печалитъ, что они еще при жизни моей рѣшились коснуться этого берега, и тревожитъ меня мысль, сколько зла причинятъ они моимъ потомкамъ и ихъ подданнымъ“.

Н. Шамонинъ.

XVII.

Возстановленіе Западной Римской имперіи.

За событіемъ, о которомъ мы будемъ разсказывать, утвердилось въ исторіи несовсѣмъ точное названіе. Говорятъ о „возстановленіи“ Западной имперіи, какъ будто она когда-то совсѣмъ, безъ остатка, уничтожилась и была заново устроена Карломъ В. Не такъ смотрѣли на дѣло современники. Прежде всего имперія никогда не дѣлилась на два особыхъ государства: не было двухъ Римскихъ имперій; было два императора: одинъ правилъ восточной половиной, другой западной. Въ 476 году римскій сенатъ отослалъ знаки императорскаго достоинства въ Константинополь съ письмомъ, гдѣ говорилось, что на будущее время одного императора будетъ достаточно для имперіи. Съ того времени Римъ считался подвластнымъ тому государю, который жилъ въ Византіи. Но названіе оставалось за нимъ прежнее: imperator Romanorum, *βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων*. Онъ былъ номинальнымъ главой всѣхъ странъ, составлявшихъ въ старые годы Римскую имперію. Это не было только одно притязаніе: варвары, занявшіе эти страны, признавали власть государя, царствовавшаго въ Константинополѣ. Теодебертъ, король франковъ (сынъ Хлодвига), завоевавъ Провансъ, счелъ нужнымъ обратиться къ Юстиніану за утвержденіемъ своего новаго владѣнія. Король бургундовъ Сигизмундъ, котораго императоръ Анастасій (491—518) сдѣлалъ графомъ и патриціемъ, выражалъ

Римская имперія.

Пособія: *Брайсъ.* Священная Римская имперія. *Кудрявцевъ.* Судьбы Италіи. *Fustel de Coulanges.* Les transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne (Institutions, VI). *Döllinger.* Das Kaiserthum Karls des Grossen und seiner Nachfolger. *Waitz.* Deutsche Verfassungsgeschichte.

глубокую благодарность и чувства непоколебимѣйшей преданности тому самому восточному двору, который рѣшительно былъ безсиленъ помогать или вредить ему. Писатели того времени (Григорій Турскій, напр.,) не знаютъ Греческой имперіи и говорятъ только о Римской, imperium Romanum. Еще во времена Карла В. его біографъ Эйнгардъ называетъ Romani imperatores Ирину и Никифора Византійскихъ.

Тѣмъ болѣе должны были господствовать такія воззрѣнія въ самой Италіи, гдѣ императоръ имѣлъ и дѣйствительную власть, правда, постепенно уменьшавшуюся. Въ Равеннѣ жилъ его намѣстникъ, экзархъ; подчиненные ему императорскіе чиновники, дуки, управляли отдѣльными областями. Въ Римѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, находилось „священное изображеніе“ императора; оно помѣщалось въ церкви, и жители преклонялись передъ нимъ въ знакъ подданства. Имя государя поминалось въ молитвахъ; по годамъ его правленія считали время: такое обозначеніе времени мы находимъ, напр., въ папскихъ письмахъ. На монетахъ, выбитыхъ въ Римѣ, стояло изображеніе византійскаго императора.

Этотъ императоръ представлялъ собою высшую власть не только въ свѣтскихъ, но и въ церковныхъ дѣлахъ. Папа по своему положенію не отличался отъ другихъ провинціальныхъ епископовъ имперіи. Онъ избирался духовенствомъ и народомъ, но избраніе имѣло силу лишь въ томъ случаѣ, если оно было утверждено императоромъ. За римскимъ епископомъ не признавалось никакой политической самостоятельности, и если онъ осмѣливался выйти изъ круга чисто-церковной дѣятельности, его подчасъ довольно рѣзко останавливали. За то самъ императоръ считалъ себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣла религіи и слѣдить за правовѣріемъ папы. Въ половинѣ VII в. императоръ Констанцій принялъ нѣкоторыя мнѣнія монофелитовъ и издалъ эдиктъ, подъ названіемъ „Образца вѣры“, гдѣ эти мнѣнія въ качествѣ православныхъ объявлялись обязательными для всѣхъ подданныхъ имперіи. Папа Мартинъ высказалъ сомнѣніе въ правильности нововведеній и созвалъ помѣстный соборъ, который съ нимъ согласился. За это папа былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества. Его арестовали въ церкви, привезли въ Константинополь, здѣсь осудили, предали анафемѣ и сослали въ Херсонесъ гдѣ онъ и умеръ (654 г.).

Власть императора въ Италіи.

Не нужно заключать изъ подобныхъ фактовъ, что власть императора въ Италіи была очень прочна, или что римскій епископъ не могъ обойтись безъ его поддержки. Константинопольское

правительство всегда обращало на Италію меньше вниманія, чѣмъ на другія свои владѣнія. Уже Велизарій во время своего итальянскаго похода противъ остготовъ жаловался, что ему не шлютъ изъ Византіи ни войскъ, ни денегъ. А въ это время Италія была главнымъ театромъ войны. Позже, когда на Востокѣ началась упорная борьба съ арабами, ближайшая опасность заставила императоровъ позабыть всѣ менѣе важныя дѣла. Изъ средствъ имперіи меньше всего доставалось на долю равеннскаго экзарха. Въ самомъ лучшемъ случаѣ онъ былъ безполезенъ для Италіи, но бывало гораздо хуже. Одинъ изъ экзарховъ, нѣкто Исаакій (во второй четверти VII вѣка), принужденный откупаться деньгами отъ лангобардовъ и не получивши ничего изъ Константинополя, неожиданно явился съ вооруженнымъ отрядомъ въ Римъ, захватилъ папскую казну и увезъ съ собою въ Равенну. Отъ подобныхъ защитниковъ странѣ было мало выгоды, и въ большинствѣ случаевъ ее защищали не византійскія войска, а городская милиція подъ руководствомъ римскаго епископа. Папа въ политическомъ отношеніи значилъ гораздо болѣе, нежели экзархъ.

Но политическія и національныя отношенія въ средніе вѣка отступали на второй планъ передъ религіей. Отъ императора, правда, видѣли въ Римѣ мало пользы и много непріятностей, но онъ все же оставался главою христіанства. Хотя онъ и допускалъ порою соблазнить себя еретическими ученіями, но явно, офиціально онъ продолжалъ быть верховнымъ представителемъ правовѣрія. Православіе было послѣдней и самой прочной нитью, связывавшей западную столицу съ восточной; случилось такъ, что греческіе императоры сами перерѣзали эту нить.

Около 712 года въ Римѣ узнали, что новый императоръ Филиппикъ (Барданесъ 711—713)—монофелитъ. Тотчасъ же римскій народъ, говоритъ историкъ папъ Анастасій, рѣшилъ не принимать указовъ еретика, не допускать его изображенія въ церковь и не поминать его имени на ектеніяхъ. Филиппикъ скоро умеръ, волненіе улеглось. Вскорѣ нашелся для него новый поводъ, въ глазахъ массы населенія еще болѣе значительный: Левъ Исавръ (718—741) воспретилъ почитаніе иконъ. Папа (Григорій II) отказался повиноваться указу. Вся Италія поднялась противъ императорскихъ чиновниковъ, но замѣчательно, что никто и не думалъ отложиться отъ имперіи. „Рѣшили выбрать другого государя и вести его въ Константинополь“, говоритъ папскій біографъ. Не желали свергнуть исконную власть, хотѣли только перемѣнить носителя этой

власти; мы увидимъ впослѣдствіи, что это было предзнаменованіемъ избранія Карла В. На этотъ разъ дѣло однако ничѣмъ не кончилось. Около этого времени особенно усилилось (при Ліутпрандѣ) Лангобардское королѣвство. Оно стало сильно тѣснить императорскія провинціи Италіи, такъ что итальянцамъ было слишкомъ достаточно заботъ у себя дома, чтобы думать еще о перемѣнахъ на византійскомъ престолѣ. Но указамъ иконоборческихъ императоровъ они продолжали не повиноваться. Центромъ сопротивленія были папы, пріобрѣтшіе въ эту эпоху значеніе національныхъ вождей итальянскаго народа. Григорій III (наслѣдовавшій въ 731 г. Григорію II) созвалъ въ Римѣ соборъ итальянскихъ епископовъ, и на этомъ соборѣ было произнесено отлученіе противъ всѣхъ, кто осмѣлился бы разрушать иконы, т. е. противъ всѣхъ исполнителей императорскихъ указовъ.

Это былъ полный разрывъ. Изъ Константинополя уже нельзя было ждать помощи, а лангобардскія арміи все ближе и ближе подступали къ Риму. Приходилось искать защитниковъ въ другомъ мѣстѣ, и папа обратился къ палатному меру, правившему франками, къ Карлу Мартеллу.

Папа и франки. Дѣйствительно, изъ всѣхъ варварскихъ государствъ Франкское было наиболѣе подходящей опорой для папскаго престола, послѣ того какъ Восточная имперія впала въ ересь. Франки были съ самаго начала католическимъ народомъ, тогда какъ другіе германцы по большей части приняли христіанство отъ аріанскихъ миссіонеровъ. Съ другой стороны, и политическое значеніе франкскаго народа давало ему право на первое мѣсто среди германцевъ. Ко времени Карла Мартелла (первая половина VIII в.) уже произошло то сосредоточеніе германскихъ силъ около франкскаго племени, которое подготовило почву для будущей имперіи Карла В. Это замѣтили уже и современники: одинъ изъ тогдашнихъ лѣтописцевъ (Isidor Pacensis) называетъ христіанскія войска, дравшіяся при Пуатье съ арабами, европейцами (europenses). А ядро этихъ войскъ составляли франки, и франкскій полководецъ ими начальствовалъ: такъ уже для людей того времени франки были представителями германской Европы.

Былъ и еще поводъ у римскаго епископа искать себѣ помощи за Альпами. Въ Римѣ отвыкли видѣть государя вблизи: восточные императоры почти никогда не посѣщали свою западную столицу. Одна изъ главныхъ причинъ политическаго вліянія римскаго епископа коренилась въ отдаленности сильной государственной власти, которая могла вмѣшиваться въ римскія дѣла только случайно, такъ

сказать, набѣгомъ. Франки жили достаточно близко къ Италіи, чтобы подать помощь Риму въ случаѣ нужды, и достаточно далеко, чтобы не мѣшать папѣ въ его домашнихъ, итальянскихъ дѣлахъ. Что они могутъ современемъ прочно основаться въ Италіи и занять самый Римъ, это тогда еще и въ голову не могло прійти римскому епископу.

На первый разъ сношенія съ франками ни къ чему однако не привели. Карлъ М. былъ въ союзѣ съ лангобардскимъ королемъ Ліутпрандомъ и нуждался въ его помощи для борьбы съ арабами, занимавшими южную Францію (Нарбонну). По нѣкоторымъ извѣстіямъ, папа и римская городская знать (optimates) предлагали ему и самый городъ Римъ въ обмѣнъ за поддержку противъ лангобардовъ. Но такая отдаленная экспедиція не входила, вѣроятно, въ планы франкскаго вождя, когда враги были вблизи. Это могло быть однако лишь временной задержкой: союзъ необходимо вытекалъ изъ всѣхъ политическихъ обстоятельствъ того времени. Карлъ отъ него отказался, но онъ понадобился его сыну.

Каролинги пользовались властью, не имѣя на это прямого права. Это не значитъ, чтобы они были просто узурпаторами: званіе палатнаго майордома, мера, перваго сановника королевства, давало имъ очень широкія полномочія; ихъ родъ былъ самымъ могущественнымъ и къ тому же самымъ почтеннымъ среди франковъ: 9 епископовъ, и 8 святыхъ въ томъ числѣ, вышли изъ этого семейства. Имъ недоставало только королевскаго титула; но отнять этотъ титулъ у Меровинговъ и перенести на новую династію—этого, по понятіямъ того времени, не могла сдѣлать никакая свѣтская власть [1]). Дѣло рѣшилъ папа, но при этомъ Пипинъ получилъ больше, чѣмъ имѣли Меровинги: онъ былъ торжественно помазанъ на царство святымъ Бонифаціемъ. То было важное нововведеніе, сразу поставившее главу новой династіи на высоту, недосягаемую для простыхъ смертныхъ, на одну ступень съ высшими представителями церковной іерархіи.

Это было въ 753 г. Въ слѣдующемъ году папа Стефанъ II явился лично въ Галлію просить помощи противъ лангобардовъ и повторилъ обрядъ помазанія. Пипинъ объявилъ войну лангобардамъ, помогъ папѣ и за то получилъ еще новый титулъ патриція. Титулъ былъ знакомъ и раньше: званіе патриція, первое въ имперіи послѣ

---

1) Нужно помнить, что религіозныя церемоніи въ то время значили несравненно больше, нежели теперь.

званія цезаря, носили всѣ экзархи Италіи. Давали его иногда и варварскимъ вождямъ (см. выше). Но на этотъ разъ онъ имѣлъ болѣе реальное значеніе: съ нимъ связывалась мысль о покровительствѣ церкви и въ частности папскому престолу. Франкскій король получилъ какъ бы право опеки надъ церковью, и онъ, дѣйствительно, сталъ смотрѣть на себя, какъ на опекуна.

Папа Адріанъ принялъ постановленія Никейскаго собора 787 г. относительно почитанія иконъ. Синодъ, созванный Карломъ, сыномъ Пипина, во Франкфуртѣ въ 794 г., осудилъ рѣшенія этого собора и совершенно воспретилъ молиться иконамъ, не требуя, впрочемъ, удаленія ихъ изъ церквей. Карлъ не только предсѣдательствовалъ на этомъ синодѣ и руководилъ преніями, несмотря на присутствіе папскихъ легатовъ; онъ даже велѣлъ составить трактатъ, въ которомъ были изложены постановленія синода и было предписано ихъ принятіе; онъ заставилъ Адріана объявить Константина VI еретикомъ за выраженіе тѣхъ самыхъ мнѣній, которыхъ держался самъ Адріанъ.

Карлъ В. въ Римѣ. Мы видимъ, какъ постепенно въ иной обстановкѣ возрождается знакомое намъ явленіе: свѣтская власть, вмѣшивающаяся въ церковныя дѣла. Пріобрѣтя священный характеръ и право опеки надъ церковью, франкскіе короли стали нѣкоторымъ подобіемъ императоровъ, но пока безъ титула. Къ тому же сначала они были не менѣе далеки отъ Рима, чѣмъ константинопольскіе государи. Пипинъ сдѣлалъ два похода въ Италію и завоевалъ нѣсколько лангобардскихъ городовъ; но онъ не оставилъ ихъ за собою, а отдалъ папѣ. Иначе поступилъ Карлъ: завоевавъ въ 774 г. Лангобардское королевство, онъ присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ. Случилось то, на что не разсчитывали папы: новая власть подошла къ самому Риму. Представитель этой власти прибылъ туда лично послѣ похода и былъ принятъ, какъ въ старину принимали императорскаго намѣстника. „Когда папа Адріанъ узналъ о приближеніи короля франковъ, онъ выслалъ всѣ городскія власти съ городскимъ знаменемъ ему навстрѣчу за 30 миль. А когда Карлъ находился у послѣдняго мильнаго камня передъ Римомъ, его встрѣтили всѣ школы (отряды) городской милиціи съ ихъ начальниками и ученики городскихъ училищъ, которые несли пальмовыя и масличныя вѣтви и пѣли хвалебные гимны королю франковъ. Велѣлъ также папа вынести навстрѣчу Карлу изображеніе св. Креста, какъ это водилось при пріемѣ экзарха или патриція... А самъ св. отецъ всталъ рано утромъ и поспѣшилъ со всѣмъ духовенствомъ и съ римскимъ на-

родомъ въ храмъ св. Петра, чтобы принять тамъ короля франковъ, и ожидалъ его на ступеняхъ паперти. По прибытіи своемъ Карлъ на колѣняхъ, цѣлуя каждую ступень церковной лѣстницы, поднялся къ папѣ, который стоялъ передъ дверями храма. Они обнялись, а затѣмъ король взялъ папу за правую руку, и такъ при пѣніи благодарственныхъ гимновъ вошли они въ церковь, при чемъ все духовенство и всѣ слуги Божіи воскликнули громкимъ голосомъ: „Благословенъ грядый во имя Господне!“ Затѣмъ папа съ королемъ отправились ко гробу св. Петра и, помолившись тамъ, дали другъ другу клятву въ вѣрности. Потомъ, испросивъ предварительно разрѣшенія папы, король вошелъ въ Римъ“ (Vita Hadriani). Просьба о разрѣшеніи войти въ городъ была, конечно, со стороны Карла простою любезностью: городъ принималъ его, какъ господина.

Въ 774 г. городское знамя выносили ему навстрѣчу, а двадцать лѣтъ спустя новый папа Левъ III совсѣмъ отослалъ знамя во Францію, присоединивъ къ этому просьбу прислать въ Римъ довѣренное лицо, чтобы принять присягу отъ жителей на имя Карла. Скоро и самому Льву пришлось отправиться къ Карлу: противъ новаго папы составился въ Римѣ заговоръ. Мотивы его въ точности неизвѣстны, но руководили имъ родственники и довѣренные люди покойнаго Адріана, надо думать, недовольные потерей своего вліянія при новомъ епископѣ. Папѣ едва удалось спастись при помощи франкскаго посла и сполетскаго герцога. Онъ отправился къ Карлу въ Падерборнъ, гдѣ тотъ остановился на походѣ противъ саксовъ. Въ Римъ была отправлена судебная комиссія изъ нѣсколькихъ франкскихъ епископовъ для разслѣдованія дѣла. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя прибылъ въ Римъ и Карлъ вмѣстѣ съ папою. Вѣроятно, слѣдствіе показало, что неправы были обѣ стороны, потому что мятежниковъ не казнили, а только сослали во владѣнія франкскаго короля, какъ нѣкогда ссылали въ византійскія владѣнія. Папа же для доказательства своей невинности долженъ былъ подвергнуться довольно унизительному обряду: принести очистительную присягу въ торжественномъ собраніи, гдѣ предсѣдательствовалъ франкскій король.

Вѣнчаніе Карла В. императоромъ.

Черезъ недѣлю этотъ король сталъ императоромъ. „Въ день Рождества Господня (800 г.), когда король поднялся къ мессѣ послѣ молитвы передъ гробницей блаженнаго апостола Петра, папа Левъ, съ согласія всѣхъ епископовъ и священниковъ и сената франковъ, а также римлянъ, возложилъ золотую корону на его голову при громкихъ восклицаніяхъ римскаго народа. И когда на-

родъ кончилъ пѣніе хвалебной пѣсни, папа поклонился ему, какъ кланялись древнимъ императорамъ. Ибо и это было сдѣлано по волѣ Божіей. Ибо, когда сказанный императоръ пребывалъ въ Римѣ, къ нему были приведены нѣсколько человѣкъ, которые сказали ему, что имя императора исчезло у грековъ и что у нихъ имперіей завладѣла женщина, по имени Ирина, которая коварно схватила своего сына императора (Константина VI), выколола у него глаза и сама завладѣла имперіей, какъ это написано объ Аталіи въ Книгѣ Царствъ. Когда объ этомъ услышали папа Левъ и все собраніе епископовъ, священниковъ и аббатовъ, а также сенатъ франковъ и всѣхъ старѣйшинъ римлянъ, они посовѣтовались съ остальными христіанами и рѣшили наречь Карла, короля франковъ, императоромъ, видя, что онъ владѣетъ Римомъ, матерью имперіи, гдѣ всегда имѣли пребываніе цезари и императоры, и не желая, чтобы язычники могли смѣяться надъ христіанами, если бы имя императора исчезло среди христіанъ" (Chron. Moissiac.).

Конечно, неправда, будто Карлу понадобились случайно зашедшіе въ городъ греки для того, чтобы узнать о происшедшемъ въ Византіи переворотѣ. Но способъ выраженія лѣтописца чрезвычайно хорошо освѣщаетъ взглядъ людей того времени на событіе. Императорское достоинство не было вновь создано для короля: оно было только перенесено на него, послѣ того какъ тронъ Византіи сталъ вакантнымъ, благодаря преступленію Ирины. Новый императоръ былъ преемникомъ Константина VI на тронѣ единой христіанской имперіи. Греки его не признали, выбрали своего императора (Никифора), но не могли заставить западную часть имперіи повиноваться ему. Споръ длился нѣсколько лѣтъ, и только по мирному договору 812 г. константинопольское правительство признало за франкскимъ государемъ его новый титулъ, и византійскіе послы привѣтствовали его, какъ *βασιλευς*'а. Съ этого года собственно и нужно считать дѣйствительное раздѣленіе имперіи.

Въ приведенномъ описаніи коронаціи Карла есть и другая черта, характеристическая для средневѣковаго міросозерцанія. „Такъ какъ Карлъ владѣлъ Римомъ, говоритъ лѣтописецъ, то онъ и долженъ былъ быть императоромъ". Имперія была универсальна въ теоріи, ей подвластны были всѣ христіане, гдѣ бы они ни находились, и въ то же время она была связана съ очень опредѣленной территоріей: императоръ долженъ былъ владѣть одною изъ столицъ цезарей— восточной или западной. Люди не въ силахъ были представить себѣ отвлеченную идею иначе, какъ въ конкретной формѣ. Этимъ

своеобразнымъ матеріализмомъ до извѣстной степени объясняется и необходимость существованія самой Священной Римской имперіи: единое христіанство представлялось въ образѣ народа, управляемаго одною властью, властью императора. Оттого имперія была, если можно такъ выразиться, психологическою необходимостью для средневѣковаго человѣка. Несмотря на всѣ неудачи и перевороты, постигавшіе это учрежденіе, идея его продолжала жить до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ съ возрожденіемъ и реформаціей выступили на сцену новыя понятія, до основанія разрушившія средневѣковое міровоззрѣніе.

Характеристика имперіи была бы неполна, если бы мы опустили еще одинъ существенный элементъ императорской власти — элементъ религіозно-нравственный. Онъ лучше всего выразился въ присягѣ, которую Карлъ въ качествѣ императора потребовалъ въ 802 г. отъ своихъ подданныхъ. Въ капитуляріи, которымъ предписывалась присяга, было такъ объяснено ея значеніе. „Эта присяга заключаетъ въ себѣ гораздо больше, чѣмъ простое обѣщаніе вѣрности монарху. Во-первыхъ, она обязываетъ всѣхъ, кто присягаетъ, жить, сообразно своимъ силамъ и знанію исполняя святую службу Богу, такъ какъ государь императоръ не можетъ обо всѣхъ заботиться. Во-вторыхъ, она обязываетъ ихъ ни силой, ни хитростью не брать и не безпокоить никого и ничего изъ имуществъ и слугъ его короны. Въ-третьихъ, не дѣлать ни насилія, ни измѣны по отношенію къ святой церкви, или ко вдовамъ, или сиротамъ, или страннымъ, такъ какъ государь императоръ нареченъ послѣ Господа Бога и святыхъ покровителемъ и защитникомъ всѣхъ ихъ“. Подобнымъ же образомъ предписывается монахамъ чистота жизни, осуждены убійство, неуваженіе къ долгу гостепріимства и другія преступленія, при чемъ понятія о грѣхѣ и преступленіи отожествляются въ такой степени, какъ нигдѣ, кромѣ Моисеева законодательства“.

М. Покровскій.

-⁂-

XVIII.

Капитуляріи Карла Великаго и общіе выводы о его государственной дѣятельности [1]).

Широкая, разносторонняя государственная дѣятельность Карла Великаго весьма наглядно отражается въ капитуляріяхъ. Эти интересные памятники законодательно-административной дѣятельности Карла Великаго обнаруживаютъ передъ читателемъ основныя идеи, которыми руководствовался этотъ замѣчательный государь при созиданіи своей имперіи.

Капитуляріи написаны на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ и названіе свое—capitulare (мн. число capitularia) получили отъ внѣшней формы изложенія, отъ раздѣленія каждаго капитулярія на параграфы или пункты (capitula).

Весьма поучителенъ способъ составленія этихъ законодательно-административныхъ памятниковъ. Капитуляріи не были плодомъ сухихъ канцелярскихъ измышленій, работой чиновниковъ, которые пренебрегаютъ мнѣніемъ народа, интересами различныхъ слоевъ общества. Карлъ Великій спрашивалъ совѣта у лучшихъ, опытныхъ и образованныхъ людей и даже мнѣніе остальнаго народа принималъ во вниманіе при составленіи и обнародованіи своихъ распоряженій. Въ этомъ случаѣ ему приходилось считаться съ давно укоренившимися основными воззрѣніями подвластныхъ ему племенъ на взаимныя отношенія народа и его правителей. Многія изъ племенъ, покоренныхъ Карломъ Великимъ, привыкли къ участію въ политической дѣятельности совмѣстно съ вождями, стоявшими во главѣ этихъ

---

[1]) **Пособіе:** *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, B. 3. и 4.

племенъ. Старинная любовь къ свободѣ была особенно сильна среди германцевъ, которые менѣе другихъ подвластныхъ Карлу Великому народовъ подверглись римскому вліянію, уничтожавшему народныя вольности и всюду проводившему принципъ единообразія въ управленіи и строгаго подчиненія центральному правительству. Карлъ Великій, несмотря на увлеченіе традиціями Римской имперіи, былъ настолько мудръ, что не рѣшился совсѣмъ устранить народъ отъ всякой политической дѣятельности. Порядокъ составленія и обнародованія капитуляріевъ вполнѣ подтверждаетъ такое внимательное отношеніе Карла Великаго къ народной самодѣятельности. Большинство капитуляріевъ имѣли значеніе общее для всей имперіи, въ отличіе отъ leges (lex), дѣйствію которыхъ подчинялись только люди того или иного племени, каковы, напримѣръ, были Lex Salica, Lex Saxonum, Lex Langobardorum и мног. друг. Въ виду такого общаго значенія капитуляріевъ ихъ составленіе было связано съ дѣятельностью двухъ главныхъ государственныхъ собраній—осенняго и весенняго. На большомъ народномъ собраніи, происходившемъ обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ, представители разныхъ классовъ народа заявляли о своихъ нуждахъ и ходатайствовали передъ государемъ о тѣхъ или иныхъ перемѣнахъ въ законахъ и порядкахъ. Карлъ Великій и его ближайшіе совѣтники принимали во вниманіе эти народныя пожеланія, и на осеннемъ собраніи, состоявшемъ изъ однихъ только выдающихся государственныхъ людей и духовныхъ лицъ, народныя ходатайства подробно обсуждались, и затѣмъ принимались тѣ или иныя рѣшенія, представлялись проекты новыхъ законовъ, которые затѣмъ предлагались на одобреніе народа на ближайшемъ весеннемъ собраніи. Такимъ образомъ въ основѣ многихъ изъ капитуляріевъ Карла Великаго лежатъ ходатайства самого народа, и составленіе ихъ тѣсно связано съ дѣятельностью обоихъ народныхъ собраній. Есть, правда, и такіе капитуляріи, которые были составлены помимо участія народа, самимъ Карломъ Великимъ. Но эти капитуляріи скорѣе носятъ характеръ простыхъ религіозно-нравственныхъ увѣщаній, а не законовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Много также найдется капитуляріевъ, вызванныхъ не народными ходатайствами на весеннихъ собраніяхъ, а личной волей Карла Великаго; но они тѣмъ не менѣе были обработаны и окончательно формулированы на осеннемъ собраніи при участіи знатныхъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ. Эти капитуляріи, какъ и тѣ, происхожденіе которыхъ связано съ народными ходатайствами, предлагались на одобреніе народа на весеннихъ собраніяхъ.

Содержаніе капитуляріевъ Карла Великаго весьма разнообразно. Наиболѣе важны изъ нихъ тѣ, которые имѣютъ характеръ новаго закона, приводятъ основанія для вновь издаваемыхъ распоряженій, устанавливаютъ наблюденіе за исполненіемъ законовъ. Многіе изъ капитуляріевъ Карла Великаго касаются дѣятельности должностныхъ лицъ, контроля надъ ними, устанавливаютъ мѣры для поддержанія права, порядка и единообразія въ управленіи разными составными частями имперіи. Въ нѣкоторыхъ капитуляріяхъ мы находимъ распоряженія о новомъ устройствѣ суда и войска, о податяхъ, налогахъ, пошлинахъ и другихъ государственныхъ сборахъ, о введеніи новой присяги послѣ коронованія Карла Великаго въ Римѣ. Есть капитулярныя распоряженія, всецѣло посвященныя укрѣпленію христіанства и упроченію государственной власти во вновь покоренныхъ языческихъ областяхъ, напр., въ Саксоніи. Въ отдѣльномъ капитуляріи мы находимъ подробныя указанія о веденіи хозяйства въ королевскихъ имѣніяхъ. Замѣчательно, что на ряду съ предписаніями законодательно-административнаго характера въ капитуляріяхъ нерѣдко попадаются распоряженія, имѣющія характеръ религіозно-нравственныхъ увѣщаній, напримѣръ, предписанія о молитвахъ и милостынѣ по поводу голода, распоряженія, устанавливающія надзоръ за поведеніемъ духовенства и свѣтскихъ властей, и многія другія подобныя мѣры.

Для болѣе близкаго знакомства съ капитуляріями Карла Великаго здѣсь помѣщены въ русскомъ переводѣ отрывки изъ нѣкоторыхъ капитуляріевъ, имѣющихъ болѣе важное значеніе.

I. Саксонскій капитулярій [1]). (Capitulatio de partibus Saxoniae, между 775 и 790).

Постановленія главныя (maiora capitula).

1. Рѣшено всѣми (placuit omnibus), чтобы церкви Христовы, которыя строятся теперь въ Саксоніи во имя истиннаго Бога, пользовались бóльшимъ, отнюдь не меньшимъ почетомъ, чѣмъ какимъ пользовались прежде идольскія капища.

2. Если кто-либо укроется въ церкви, да не осмѣлится никто изгнать его оттуда силой: онъ можетъ пребывать тамъ въ безопасности, пока не будетъ представленъ суду, и за почтеніе, ока-

[1]) Capitularia Regum Francorum, denuo edidit Alfredus Boretius. T. I. Hannoverae, 1883.

занное имъ церкви Господа и святыхъ, пощажены будутъ его жизнь и всѣ члены. Пусть онъ вознаградитъ причиненный имъ ущербъ въ томъ размѣрѣ, какъ это будетъ присуждено, насколько сможетъ; а затѣмъ да будетъ онъ представленъ государю королю, который и пошлетъ его, куда заблагоразсудится его милосердію.

3. Кто ворвется въ церковь силою, или возьметъ оттуда что-либо силою или тайкомъ, или сожжетъ самую церковь,—да будетъ казненъ смертью.

4. Кто по неуваженію къ христіанской вѣрѣ нарушитъ постъ святой четыредесятницы, поѣвъ мяса,—будетъ казненъ смертью; но священникъ долженъ принять въ соображеніе, не былъ ли преступникъ вынужденъ какою-либо необходимостью ѣсть мясо.

5. Подобнымъ образомъ подлежитъ смертной казни всякій, убившій епископа, пресвитера или діакона.

6. Кто, будучи совращенъ діаволомъ, повѣритъ,—какъ вѣрятъ въ это язычники—будто кто-либо, мужчина или женщина,—вампиръ (striga), поѣдающій людей, и на этомъ основаніи сожжетъ его, или съѣстъ его мясо, или дастъ съѣсть (другому),—будетъ казненъ смертью.

7. Кто сожжетъ по языческому обряду тѣло умершаго и обратитъ въ пепелъ его кости,—будетъ казненъ смертью.

8. Кто изъ племени саксонскаго будетъ впредь уклоняться отъ крещенія, не явится для совершенія надъ нимъ этого таинства, желая оставаться въ языческой вѣрѣ,—будетъ казненъ смертью.

9. Кто принесетъ человѣка въ жертву діаволу по обычаю язычниковъ, будетъ казненъ смертью.

10. Кто вступитъ въ заговоръ съ язычниками противъ христіанъ или будетъ упорствовать во враждѣ къ христіанамъ, казнится смертью; всякій, кто тайно будетъ содѣйствовать (предпріятіямъ) враждебнымъ государю и роду христіанскому, будетъ казненъ смертью.

11. Подлежитъ смертной казни всякій, кто нарушитъ вѣрность государю королю.

12. Кто похититъ дочь господина своего, будетъ казненъ смертью.

13. Такъ же будетъ наказанъ и тотъ, кто убьетъ своего господина или госпожу.

14. Кто, совершивъ вышеуказанныя уголовныя преступленія, добровольно явится къ священнику и, исповѣдавшись, пожелаетъ подвергнуться эпитиміи, и священникъ засвидѣтельствуетъ это,—тотъ избавляется отъ смертной казни.

15. *На (слѣдующія) менѣе важныя постановленія согласились (также) всѣ.*

Населеніе каждаго церковнаго прихода должно дать церкви: дворъ (curte) и двѣ выти (mansus) земли, и на сто двадцать человѣкъ, какъ благородныхъ, такъ просто свободныхъ или крѣпостныхъ, все равно,—одного раба и одну невольницу.

16. Кромѣ того, угодно было милосердому Спасителю Христу, чтобы отъ всякой подати, поступающей въ казну, какъ обычной, такъ и установленной по особому повелѣнію, и отъ всякаго вообще королевскаго дохода десятая часть шла церквамъ и священникамъ.

17. Точно также предписываемъ и всѣмъ, согласно повелѣнію Божію, давать церквамъ и духовенству десятую часть своего имущества и заработка; всѣ, какъ благородные, такъ и просто свободные и крѣпостные,--всѣ христіане безъ изъятія должны возвращать Господу часть того, что Онъ каждому далъ.

18. Въ воскресные дни не должно быть народныхъ сходокъ и судебныхъ собраній, исключая случаи крайней необходимости и военное время: (въ эти дни) всѣ должны собираться въ церковь слушать слово Божіе и пользоваться досугомъ для поученій и добрыхъ дѣлъ. Подобнымъ образомъ и въ большіе праздники всѣ должны со всеусердіемъ стремиться въ собраніе церковное, отложивъ всякія свѣтскія собранія.

19. Равнымъ образомъ рѣшено включить въ эти постановленія, чтобы всѣ новорожденные въ теченіе года были окрещены; постановляемъ симъ, что тотъ, кто безъ вѣдома и согласія священника не предъявитъ для крещенія своего ребенка, долженъ заплатить штрафъ: если онъ благородный—120 солидовъ, если свободный—60, если крѣпостной—30.

20. Если кто вступитъ въ бракъ, запрещенный и не дозволенный закономъ, долженъ заплатить: благородный—60, свободный—30, крѣпостной 15.

21. Кто произнесетъ обѣтъ у источника, у (священнаго) дерева или рощи, или совершитъ тамъ какой-либо языческій обрядъ, или приметъ участіе въ тризнѣ въ честь злыхъ духовъ, заплатитъ: если онъ благородный—60 солидовъ, если свободный—30, если крѣпостной—15. Если онъ не имѣетъ средствъ немедленно заплатить, его должно употреблять на работы при церкви, пока онъ не выплатитъ долга.

22. Предписываемъ хоронить тѣла умершихъ христіанъ-саксовъ на кладбищахъ при церквахъ, а не въ языческихъ курганахъ.

23. Колдуны и прорицатели должны быть выданы христіанскому духовенству.

24. О разбойникахъ и (другихъ) злодѣяхъ, убѣжавшихъ изъ одного графства въ другое: тотъ, кто приметъ ихъ въ свою область и продержитъ у себя 7 ночей, не представляя (суду), долженъ заплатить штрафъ, какъ нарушитель общественнаго порядка (bannum).

Если укрывателемъ будетъ графъ, который не захочетъ представить преступника на судъ и не дастъ по этому поводу удовлетворительныхъ объясненій, онъ лишается своего достоинства.

25. О залогѣ (de pignore). Никто не имѣетъ права брать въ залогъ другого (человѣка): кто это сдѣлаетъ, платитъ штрафъ (bannum.)

26. Никто не долженъ заграждать доступа къ нашей особѣ кому бы то ни было, ищущему правосудія; кто посмѣетъ это сдѣлать, заплатитъ штрафъ.

28. О наградахъ и подаркахъ.

Никто, т. е. никакое должностное лицо, не долженъ брать подарковъ, кромѣ самыхъ ничтожныхъ (innocentes); кто возьметъ, платитъ штрафъ (bannum). Если возьметъ графъ, онъ лишается сана.

33. За нарушеніе присяги виновный будетъ наказанъ по обычаю саксовъ.

34. Запрещаемъ саксамъ устраивать народныя собранія, общія для всего племени, исключая тотъ случай, когда таковое собраніе созоветъ нашъ посланецъ по нашему приказу. Но каждый графъ долженъ созывать судебныя собранія въ своемъ округѣ. Духовенство должно слѣдить, чтобы постановленіе это не нарушалось.

II. Наставленіе государевымъ посланцамъ (начало 802 года).

Пресвѣтлѣйшій и христіаннѣйшій государь императоръ Карлъ избралъ изъ вельможъ своихъ мудрѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ мужей: архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ и свѣтскихъ, почтенныхъ и богобоязненныхъ людей, и, разославъ ихъ по всему своему царству, предписалъ черезъ нихъ всѣмъ своимъ подданнымъ жить согласно справедливому закону. Они должны со всѣмъ тщаніемъ изслѣдовать, нѣтъ ли гдѣ въ законѣ какого-либо несправедливаго постановленія, и донести ему, государю: онъ намѣренъ это исправить съ помощью Божіею. Но по собственному коварному замышленію никто да не осмѣливается преступать установленные законы, какъ многіе обыкновенно дѣлаютъ; никто да не дерзнетъ обижать

церкви Божіи, нищихъ, вдовъ, сиротъ и прочихъ христіанъ. Напротивъ (того, наши посланцы) должны увѣщевать всѣхъ жить согласно велѣнію Божію и справедливости, чтобы всѣ и каждый по совѣсти исполняли свой обѣтъ и свою должность: люди духовнаго званія жили бы, какъ прилично духовенству, воздерживаясь отъ постыднаго прибытка; монахи (sanctemoniales) проводили бы жизнь, свято храня свой обѣтъ; свѣтскіе люди, какъ слѣдуетъ, исполняли бы законы, воздерживаясь отъ всякой неправды и обмана, живя въ мирѣ и любви другъ съ другомъ. И сами посланцы наши, чтобы не лишиться милости Божіей, нарушивъ данную ими присягу,—должны тщательно разслѣдовать, не жалуется ли кто-либо гдѣ бы то ни было на причиненную ему несправедливость; всюду и всѣхъ заставляя поступать по закону и справедливости, согласно волѣ Божіей и подъ страхомъ Его гнѣва, (не обижая) ни церквей Божіихъ, ни сиротъ, ни вдовъ, ни кого бы то ни было.

Если же встрѣтится имъ что-либо такое, чего они съ помощью областного графа исправить не въ состояніи, пусть со всей откровенностью донесутъ о томъ черезъ чиновниковъ своихъ государю; да не будетъ никому загражденъ путь къ правосудію ни лестью, ни подарками, ни родствомъ, ни страхомъ сильныхъ людей.

2. О томъ, въ чемъ должна заключаться вѣрность государю императору. Предписывается во всемъ государствѣ всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ людямъ, раньше давшимъ присягу на имя государя короля,—повторить нынѣ таковую присягу на имя императора. Такъ же должны поступить и тѣ, кто доселѣ не давалъ присяги вовсе, исключая дѣтей моложе двѣнадцатилѣтняго возраста. И пусть всѣмъ будетъ внушено—всякому сообразно со степенью его пониманія, какое великое значеніе имѣетъ эта присяга и какія обязанности она налагаетъ,—не только, какъ многіе до сихъ поръ думаютъ, обязанность соблюдать вѣрность государю императору даже до смерти, не допуская въ царство его никакого врага, не помогая никому, нарушившему обѣтъ вѣрности, и не покрывая его, но, помимо всего этого, да будетъ всѣмъ вѣдомо, что названная присяга имѣетъ слѣдующее значеніе:

3. Во-первыхъ, каждый за себя лично обязанъ служить Господу Богу, согласно Его велѣніямъ и своему обѣщанію, по мѣрѣ разумѣнія и силъ своихъ, такъ какъ самъ государь императоръ не можетъ заботиться о каждомъ въ отдѣльности.

5. Никто да не дерзаетъ обижать церкви Божіи, вдовъ, сиротъ или иностранцевъ и отнимать ихъ достояніе силою или обманомъ;

ибо самъ государь императоръ послѣ Господа Бога и святыхъ поставленъ ихъ защитникомъ и покровителемъ.

III. Изъ наставленія государевымъ посланцамъ, даннаго въ Тіонвилѣ (Theodonis villa).

...Въ случаѣ голода, пораженія отъ непріятелей, повальной болѣзни, непогоды немедленно обращаться съ молитвою къ милосердному Господу, не дожидаясь нашего указа. И въ нынѣшній голодный годъ пусть каждый помогаетъ своимъ (ближнимъ) по мѣрѣ силъ и не продаетъ хлѣба слишкомъ дорого; запрещается также продавать за границу нашего государства что-либо изъ съѣстныхъ припасовъ.

Оружія, т. е. щитовъ, копій и панцырей, носить внутри государства не должно. Въ случаѣ ссоры пусть разберутъ, кто изъ двоихъ ссорящихся противится примиренію,—и, въ крайнемъ случаѣ, помирить ихъ даже насильно; прислать ихъ къ намъ, если они будутъ упорствовать въ своемъ отказѣ отъ примиренія.

Если же одинъ изъ нихъ послѣ примиренія убьетъ другого, онъ платитъ за убитаго головщину и теряетъ руку, которою совершилъ клятвопреступленіе, а сверхъ всего платитъ штрафъ въ пользу государства.

О торговцахъ, отправляющихся въ страны славянъ и аваровъ,—до какихъ мѣстъ должны они (торговцы) доходить со своими товарами... [1]).

Они не должны возить на продажу оружіе и брони: если таковыя будутъ у нихъ найдены, весь товаръ ихъ конфискуется, при чемъ половина идетъ въ казну, а другая половина дѣлится между нашимъ посланцомъ и тѣмъ, кто открылъ запрещенный товаръ...

О присягѣ: никто не долженъ присягать на вѣрность кому бы то ни было, кромѣ насъ и собственнаго своего сеньера,—для пользы нашей и этого послѣдняго; исключаются (изъ этого запрещенія) обоюдныя клятвы, которыя люди даютъ другъ другу согласно съ закономъ.

Объ утѣсненіяхъ бѣдныхъ свободныхъ людей. Запрещаемъ лю-

---

[1]) Въ перечнѣ, любопытномъ, какъ указаніе крайнихъ пунктовъ франкскаго господства на востокѣ отъ Рейна, стоятъ изъ нынѣ существующихъ Магдебургъ, Эрфуртъ, Форхгеймъ, Регенсбургъ, Лорхъ на Энсѣ.

дямъ сильнымъ какими-либо противными справедливости уловками доводить бѣдняковъ до необходимости продать или отдать свое имущество. Родственники умершаго свободнаго не должны быть лишаемы, въ противность справедливости, принадлежащаго имъ (по праву) наслѣдства, отчего и войско королевское уменьшается, и сами наслѣдники по причинѣ нужды впадаютъ въ преступленіе. Запрещаемъ также призывать (свободныхъ людей) въ судебныя собранія (placita) чаще, чѣмъ это нами предписано (въ другомъ капитуляріи).

IV. Постановленія синода, состоявшагося во Франкфуртѣ (іюнь 794 года).

По благословенію Божію, велѣнію апостольскому [1]) и по приказанію благочестивѣйшаго государя короля нашего Карла, въ 26 годъ его царствованія, собрались епископы и священники всего королевства франковъ, Италіи, Аквитаніи и Прованса на соборъ, при чемъ и самъ всемилостивѣйшій государь присутствовалъ на святѣйшемъ соборѣ.

Здѣсь прежде всего постановлено было (и записано) рѣшеніе относительно скверной и нечестивой ереси Элипанда, епископа толедской каѳедры, и Феликса Ургельскаго съ ихъ послѣдователями, которые зломысленно утверждали, что Сынъ Божій (только) усыновленъ (Богомъ Отцомъ); каковое мнѣніе всѣ вышепоименованные отцы единогласно отвергли и признали неправильнымъ, и постановили: означенную ересь съ корнемъ, до основанія истребить изъ святой церкви.

Между тѣмъ пришла жалоба на новый соборъ, созванный греками по поводу почитанія иконъ [2]), гдѣ было написано, что (греки) постановили отлучать отъ церкви тѣхъ, кто не будетъ воздавать изображеніямъ святыхъ той же чести и поклоненія, какъ изображенію Божественной Троицы; всѣ вышеперечисленные святѣйшіе отцы отвергли и осудили рабское поклоненіе (иконамъ), а равно осудили и тѣхъ, кто изъявилъ свое согласіе (на такое) поклоненіе.

[1]) Т. е. намѣстника апостола Петра, римскаго папы.

[2]) Седьмой вселенскій соборъ, у насъ называемый Никейокимъ 2-мъ, начавшійся въ 787 году. Нужно имѣть въ виду, что мы имѣемъ передъ собою постановленіе *западнаго* помѣстнаго собора: хотя формальнаго раздѣленія церквей еще и не было, но отношенія далеко уже не были дружественными.

3. Когда было окончено это дѣло, состоялось постановленіе о Тасилонѣ, прежнемъ герцогѣ Баваріи и родственникѣ государя короля Карла. Онъ предсталъ предъ святѣйшимъ соборомъ, прося прощенія за то, въ чемъ онъ провинился передъ королемъ и королевствомъ франковъ какъ при жизни государя короля Пипина, такъ и впослѣдствіи, въ царствованіе благочестивѣйшаго государя нашего Карла короля,—при чемъ онъ, Тасилонъ, явился нарушителемъ данной имъ присяги на вѣрность. Онъ униженно молилъ о позволеніи ему заслужить прощеніе, чистосердечно раскаиваясь въ своей злобѣ и ненависти и во всемъ, что онъ (подъ ихъ вліяніемъ) сдѣлалъ или думалъ сдѣлать (sciebat). Онъ отказывается совсѣмъ и навсегда (gurpivit atque proiecit) отъ всѣхъ своихъ правъ и отъ всего имущества, по закону принадлежащаго какъ ему, такъ и его сыновьямъ и дочерямъ въ герцогствѣ Баварскомъ, отдаетъ (все это) безвозвратно, обязуясь на будущее время никакого (по поводу этого имущества) спора не заводить, сыновей же своихъ и дочерей поручаетъ милосердію государя короля.

Посему государь нашъ, движимый милосердіемъ, простилъ сказанному Тасилону его вину, помиловалъ его и пожаловалъ, вернулъ ему свою любовь и расположеніе, чтобы жилъ онъ, по милосердію Божію, въ безопасности, какъ и прежде. И приказалъ изготовить одновременно 3 списка этого постановленія: одинъ оставить въ канцеляріи, другой передать сказанному Тасилону, чтобы онъ взялъ его съ собой въ монастырь, третій же сохранять въ церкви собственнаго его величества дворца.

25. Всѣ, кто состоитъ должникомъ церкви по бенефицію или по владѣнію другимъ церковнымъ имуществомъ, пусть вносятъ десятину и девятую часть, а равно и оброкъ, согласно тому, какъ предписано прежними капитуляріями государя короля; и всякій пусть вноситъ исправно законную десятину въ пользу церкви. Поелику опытъ показалъ намъ въ годъ сильнаго голода (793), что пустые колосы, выѣденные демонами, встрѣчались въ изобиліи, при чемъ слышались слова укоризны [1]).

V. Письмо о занятіяхъ науками (780—800)

Мы, Карлъ, Божіею милостью король франковъ и лангобардовъ и патрицій римскій, аббату Баугульфу и всей общинѣ, а также

[1]) Очень обычное въ средніе вѣка представленіе о наказаніи, которому подвергаются неисправные плательщики десятины.

вѣрнымъ молитвенникамъ нашимъ, тебѣ порученнымъ, во имя Бога Всемогущаго посылаемъ нашъ ласковый привѣтъ.

Да будетъ вѣдомо богоугодному благочестію вашему, что мы съ вѣрными нашими разсудили за благо, чтобы во всѣхъ епископіяхъ и монастыряхъ, милостью Христовою порученныхъ нашему управленію, сверхъ соблюденія правилъ монашеской жизни и бесѣдъ о святой вѣрѣ, тѣ, кому Богъ далъ способность къ ученію, прилежали бы еще къ научнымъ занятіямъ и обучали бы (другихъ), насколько могутъ; ибо. какъ соблюденіе правилъ монашеской жизни возвышаетъ чистоту нравовъ, такъ прилежаніе къ ученію должно украшать рѣчь, чтобы тѣ, кто стремится угодить Господу праведной жизнью, не пренебрегали угождать Ему также и правильной рѣчью. Такъ какъ написано: „Отъ словъ твоихъ оправдаешься и отъ словъ твоихъ осудишься“ [1]). И хотя лучше хорошо поступать, чѣмъ (хорошо) знать, знаніе однако же должно предшествовать нашимъ дѣйствіямъ. Итакъ, каждый долженъ изучить то, что̀ онъ желаетъ исполнять, и душа наша тѣмъ лучше будетъ понимать, что̀ нужно дѣлать, чѣмъ правильнѣе будетъ языкъ хвалить Господа, не оскорбляя Его ошибками. Ибо, если всѣмъ вообще людямъ слѣдуетъ избѣгать неправды, тѣмъ болѣе должны по мѣрѣ возможности правильно говорить тѣ, кто избранъ именно для того, чтобы служить истинѣ.

Въ послѣдніе годы къ намъ неоднократно доставлялись письма отъ разныхъ монастырей, и въ этихъ письмахъ говорилось, что братія, въ тѣхъ монастыряхъ пребывающая, поминаетъ насъ въ своихъ святыхъ и благочестивыхъ молитвахъ; въ большинствѣ сказанныхъ писемъ мы нашли смыслъ вѣрный, но рѣчь неправильную: такъ какъ рѣчь ихъ, необработанная вслѣдствіе небрежнаго ученія, не въ состояніи была выразить безошибочно то, что правильно диктовало ей внутреннее благочестивое чувство. Откуда явилось въ насъ опасеніе, что, можетъ быть, (для тѣхъ, кто обнаруживаетъ) такъ мало навыка въ письмѣ, пониманіе смысла священнаго писанія еще менѣе доступно (чѣмъ письмо). А всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что, какъ бы ни были опасны ошибки словесныя, еще опаснѣе ошибки въ пониманіи смысла словъ. Посему увѣщеваемъ васъ не только не пренебрегать изученіемъ словесныхъ наукъ, но со всѣмъ смиреніемъ и Богу угоднымъ тщаніемъ изучать ихъ, чтобы вы могли легче и лучше проникать въ тайны божественнаго

---

1) Матѳ. XII—37.

писанія. Такъ какъ на страницахъ его встрѣчаются образныя выраженія, тропы и тому подобное,—безъ сомнѣнія, всякій, читающій писаніе, тѣмъ легче пойметъ его смыслъ, чѣмъ лучшую получилъ онъ ранѣе научную подготовку. Избирать же для этого слѣдуетъ такихъ мужей, которые съ одной стороны обладаютъ желаніемъ и способностью къ ученію, а съ другой имѣютъ призваніе учить другихъ. Дѣлать это нужно съ тѣмъ намѣреніемъ, какое предписывается нашимъ благочестіемъ.

А желаніе наше, чтобы вы, какъ и прилично это воинамъ церкви, были и благочестивы, и учены, и цѣломудренны по образу жизни, и люди образованные по рѣчи: чтобы всякій, кто ни пожелалъ бы васъ видѣть ради имени Божія и благочестивой вашей бесѣды, поучался не только видомъ вашимъ, но и вашею мудростью, слушая ваше чтеніе или пѣніе, и наученный вами вернулся домой, благодаря всемогущаго Бога. Списки этого письма не оставь разослать помощникамъ твоимъ (suffraganis), соепископамъ, а равно во всѣ монастыри,—если хочешь заслужить нашу милость.

VI. Капитулярій объ императорскихъ помѣстьяхъ. (De villis).

Мы желаемъ, чтобы наши земельныя имѣнія, которыя нами предназначены для нашего собственнаго пользованія, служили исключительно для удовлетворенія нашихъ потребностей, а не кого-либо другого.

2. Чтобы наши слуги содержались хорошо и чтобы никто не доводилъ ихъ до нищеты.

3. Чтобы управители не смѣли употреблять нашихъ слугъ для своей службы, ни на полевыя работы, ни для рубки лѣса, ни для какого иного своего дѣла, и не принимали отъ нихъ какихъ-либо подарковъ, ни коня, ни быка, ни коровы, ни свиньи, ни овцы, ни поросенка, ни ягненка, ни чего-либо другого,—кромѣ напитковъ, овощей, плодовъ, цыплятъ и яицъ.

4. Если кто изъ нашей челяди причинитъ намъ убытокъ воровствомъ или другимъ проступкомъ, онъ долженъ возмѣстить убытокъ; сверхъ того онъ подвергается бичеванію, исключая случаи убійства и поджога, за которые полагается fredum *). Прочимъ людямъ пусть будетъ дано вознагражденіе за убытки (iustitia) по

*) Штрафы за нарушеніе мира.

закону: а вмѣсто fredum, слѣдуемаго намъ, наши слуги, какъ уже сказано, подвергаются тѣлесному наказанію. Что же касается людей свободныхъ, проживающихъ въ нашихъ имѣніяхъ, то они за совершенныя ими преступленія наказываются по ихъ закону, а внесенное ими въ возмѣщеніе убытка, натурою или деньгами, идетъ въ нашу пользу.

5. Когда наступитъ время полевыхъ работъ, пашни, посѣва, жатвы, сѣнокоса или сбора винограда, каждый управитель долженъ смотрѣть за работами въ довѣренной ему мѣстности и распоряжаться такъ, чтобы все было хорошо и цѣло. Если же управителя не будетъ дома, или если онъ не въ состояніи будетъ лично прибыть въ какое-либо мѣсто, пусть пошлетъ добраго посланца изъ нашей челяди или другого какого надежнаго человѣка, который бы и смотрѣлъ за дѣломъ, какъ оно ведется. Пусть управитель тщательно выбираетъ надежнаго человѣка для этой цѣли.

6. Мы желаемъ, чтобы наши управители десятую часть всего выработаннаго полностью отдавали церквамъ, находящимся въ предѣлахъ нашихъ имѣній,—а чужимъ церквамъ нашей десятины не давать, развѣ только изстари установился такой обычай. И духовенство этихъ церквей должно быть изъ нашей челяди или изъ придворной капеллы.

8. Управители наши должны убирать наши виноградники, которые находятся подъ ихъ управленіемъ, держать ихъ въ порядкѣ и самое вино сливать въ прочные сосуды, тщательно слѣдя за тѣмъ, чтобы не было утечки; пріобрѣтать вино въ другихъ мѣстахъ и свозить въ наши имѣнія. Если этого послѣдняго будетъ заготовлено больше, чѣмъ сколько нужно выслать въ наши имѣнія, извѣщать насъ, а мы сдѣлаемъ о томъ распоряженіе. Плоды же лозъ изъ нашихъ виноградниковъ должны идти (исключительно) для нашего употребленія. Оброкъ съ тѣхъ нашихъ имѣній, которыя платятъ таковой виномъ, складывать въ наши погреба.

10. Наши старосты (maiores), лѣсничіе, конюхи, погребщики, десятскіе, сборщики и прочіе служащіе (ministeriales) должны обработать извѣстный участокъ земли и нести натуральныя повинности съ своего участка, а вмѣсто барщины—хорошо отправлять свои обязанности. Тѣ изъ старостъ, которые имѣютъ бенефиціи, пусть посылаютъ своихъ помощниковъ, которые бы отбывали за нихъ и барщину, и всю остальную службу.

16. Мы желаемъ, чтобы все, что прикажемъ какому-либо управителю мы, или королева, или слуги наши, дворецкій и чашникъ,

нашимъ именемъ, было исполнено, какъ приказано, къ тому же совѣщанію. Кто по небрежности не исполнитъ приказа и получитъ замѣчаніе, пусть ничего не пьетъ, пока не явится предъ лицо наше или королевы и не испроситъ прощенія. Если же управитель будетъ въ войскѣ, или на какой другой пограничной службѣ (wacta), или въ посольствѣ, и приказаніе будетъ дано его подчиненнымъ и ими не исполнено, пусть они явятся во дворецъ пѣшкомъ и воздерживаются отъ пищи и питья, пока не дадутъ объясненій, почему не исполнили приказа. А затѣмъ пусть прочтутъ наше рѣшеніе—на своей спинѣ или какъ иначе—согласно волѣ нашей или королевы.

18. Пусть при нашихъ мельницахъ содержатся куры и гуси, смотря по сорту мельницы, и вообще сколь можно больше.

28. Мы желаемъ, чтобы каждый годъ, великимъ постомъ, въ Вербное воскресеніе, называемое Осанною, намъ доставлялись деньги съ имѣній,—послѣ того, какъ мы разсмотримъ отчетъ о доходахъ за послѣдній годъ.

34. Вообще нужно съ особеннымъ вниманіемъ наблюдать, чтобы все, что обдѣлывается или приготовляется руками, какъ-то: свиное сало, вяленое мясо, колбасы, свѣжая солонина, вино, уксусъ, настойки, наливки, маринованная рыба (garum), горчица, сыръ, масло, солодъ, пиво, медъ, воскъ, мука,—чтобы все это приготовлялось съ величайшею чистотою.

36. Наши лѣса и рощи должны быть тщательно охраняемы; тамъ, гдѣ нужно, слѣдуетъ производить расчистки, не допуская, чтобы поля заростали лѣсомъ: но гдѣ должно быть лѣсу, не позволять слишкомъ большихъ порубокъ или какихъ иныхъ поврежденій. Хорошенько стеречь также звѣринцы (feramina) въ нашихъ лѣсахъ, и чтобы сокола и ястреба всегда были для насъ наготовѣ. Доходъ нашъ (съ лѣсовъ) долженъ быть собираемъ неукоснительно. Управляющіе, или старосты наши, или ихъ люди, если свиньи ихъ пущены для откормленія въ наши лѣса, первые должны доставлять намъ должную десятину, чтобы и другимъ подать хорошій примѣръ: пусть впослѣдствіи и другіе выплачиваютъ десятину сполна.

42. Во всякомъ имѣніи должны находиться въ кладовой: кровати, занавѣски, перины, простыни, скатерти на столъ, сосуды мѣдные, оловянные, желѣзные, деревянные, ухваты, цѣпи (для подвѣшиванія котловъ на очаги), долота, топоры, буравы, ломы и вся утварь, чтобы не было надобности искать это въ другомъ мѣстѣ или занимать. И все вооруженіе также должно быть на ихъ (управляющихъ) отвѣтственности, а по возвращеніи изъ похода убираться въ кладовыя.

45. Каждый управляющій въ своемъ хозяйствѣ долженъ имѣть хорошихъ ремесленниковъ: кузнецовъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, портныхъ, токарей, плотниковъ, оружейниковъ, рыбаковъ, птицелововъ, мыловаровъ, пивоваровъ, умѣющихъ дѣлать сидръ изъ яблокъ и другіе вкусные напитки; хлѣбопековъ, которые приготовляли бы для насъ пеклеванный хлѣбъ; людей, умѣющихъ вязать сѣти, какъ для охоты, такъ и для рыбной ловли, и на птицъ, и другихъ всякаго рода мастеровъ, которымъ названія было бы долго исчислять.

'57. Если кто изъ рабовъ нашихъ захочетъ донести намъ на своего старшаго по нашему дѣлу, не преграждать ему дороги къ намъ. Если же управляющій узнаетъ, что подчиненные хотятъ идти ко двору жаловаться на него самого, тогда онъ самъ долженъ отправить ко двору объясненіе противъ нихъ, чтобы жалоба ихъ, дойдя до нашего слуха, не раздражила насъ. Такимъ способомъ мы хотимъ узнать, по дѣлу они пришли или же попустому.

62. Чтобы мы могли знать, какимъ и въ какомъ количествѣ имуществомъ мы владѣемъ, наши управляющіе обязаны ежегодно ко дню Рождества Христова представлять намъ отчетъ, о каждомъ предметѣ отдѣльно и въ порядкѣ, по всему нашему хозяйству, а именно: сколько обработано земли быками нашихъ пахатниковъ, сколько оброчными; сколько взято за охоту въ заповѣдныхъ чащахъ безъ позволенія, сколько другихъ различныхъ штрафовъ; сколько съ мельницъ, сколько съ лѣсовъ, съ полей, съ мостовъ и перевозовъ, съ рынковъ, съ виноградниковъ, съ сѣна, съ дерева, лучины, осей и другого матеріала, съ выгоновъ, съ полотна, съ овощей, съ шерсти, съ древесныхъ плодовъ, съ орѣховъ крупныхъ и мелкихъ, съ садовъ, съ рыбныхъ садковъ, съ красильныхъ фабрикъ, съ кожъ, съ роговъ, съ меду и воску, съ жиру, сала и мыла, съ наливки, меду и уксусу, съ пива, съ молодого и стараго вина, съ хлѣба, съ куръ, яицъ, гусей, рыбы; съ кузнецовъ, оружейниковъ, скорняковъ, столяровъ, токарей, сѣдельниковъ; съ желѣзныхъ и свинцовыхъ рудъ, которыя отданы на откупъ, съ жеребцовъ и съ кобылицъ.

Достаточно даже этихъ немногихъ выдержекъ изъ капитуляріевъ Карла Великаго, чтобы видѣть, какъ широки были задачи государственной дѣятельности Карла и какое положеніе его имперія занимала въ средневѣковой Европѣ. Карлъ Великій объединилъ подъ своею властью почти всѣ западно-европейскіе христіанскіе на-

роды и распространилъ свое господство въ новыхъ областяхъ, отвоеванныхъ у языческихъ племенъ, наприм., въ Саксоніи и земляхъ западныхъ славянъ. Но къ расширенію имперіи Карла Великаго побуждала не грубая жажда завоеваній. Онъ предпринималъ ихъ, заботясь объ охранѣ государства отъ страшныхъ враговъ, грозившихъ его существованію,—язычниковъ-саксовъ и мусульманъ-арабовъ. Кромѣ того въ своей дѣятельности Карлъ Великій былъ не чуждъ идеаловъ, почерпнутыхъ изъ знакомства съ классическими литературными памятниками Римской имперіи. Послѣ коронованія въ Римѣ Карлъ Великій заимствуетъ у древнихъ римскихъ монарховъ и внѣшніе знаки ихъ императорскаго достоинства—полусвященническое облаченіе и римскій титулъ. Карлъ оставляетъ свой прежній титулъ „Rex Francorum et Langobardorum“ и сталъ называться „Augustus, magnus et pacificus imperator“. Встрѣчается также еще болѣе пространный и величественный титулъ—„Serenissimus Augustus, a Deo coronatus, magnus et pacificus imperator, Romanum gubernans imperium, qui et per misericordiam Dei rex Francorum et Langobardorum“. Христіанскіе писатели и высшіе представители духовенства, окружавшіе Карла Великаго, внушили ему представленіе о божественномъ происхожденіи царской власти, представленіе, которымъ онъ поспѣшилъ воспользоваться для упроченія своей власти и всѣхъ своихъ мѣропріятій среди варварскихъ племенъ, не привыкшихъ жертвовать своими личными и мѣстными интересами въ пользу высшихъ общихъ интересовъ всего государства.

Церковь оказывала Карлу Великому и непосредственную помощь въ расширеніи предѣловъ его имперіи своей миссіонерской дѣятельностью среди языческихъ племенъ. Проповѣдь христіанства среди язычниковъ обыкновенно предшествовала уничтоженію ихъ политической независимости и облегчала включеніе ихъ въ составъ имперіи Карла Великаго.

Изъ сочиненій классическихъ писателей и изъ твореній отцовъ церкви Карлъ Великій позаимствовалъ однако не одну только идею централизаціи, идею подчиненія народовъ единой власти государя и представленіе о божественномъ происхожденіи этой власти. Вліяніе римскихъ классиковъ и церковныхъ писателей выразилось еще въ новомъ пониманіи Карломъ Великимъ задачъ государственной дѣятельности, въ новомъ взглядѣ на власть государя и на его отношенія къ народу. Карлъ Великій въ противоположность варварскимъ государямъ смотритъ на свою власть, какъ на должность, какъ на обязанность передъ народомъ, возложенную на него самимъ

Богомъ для блага народа, для уничтоженія самоуправства, насилій, грубыхъ языческихъ нравовъ и обычаевъ, вообще для устраненія всего того, что противорѣчитъ понятію культурности, гражданственности и христіанской нравственности. Задачи государственной дѣятельности онъ видитъ въ объединеніи всѣхъ подвластныхъ ему племенъ и народовъ въ одномъ христіанскомъ культурномъ государствѣ и съ этою цѣлью, пользуясь по преимуществу услугами церкви, стремится перевоспитать варварское общество, внушить ему новыя идеи, новыя понятія о подчиненіи узкихъ личныхъ и мѣстныхъ интересовъ интересамъ цѣлаго, интересамъ всего общества или государства. Желая придать своимъ требованіямъ большій вѣсъ въ глазахъ политически неразвитыхъ, малокультурныхъ своихъ подданныхъ, онъ, какъ мы видѣли, прибѣгаетъ къ церковной идеѣ божественнаго происхожденія царской власти. Кромѣ того, чтобы отвратить вновь обращенныхъ въ христіанство язычниковъ отъ многихъ преступленій, связанныхъ съ языческими обрядами, а также и отъ обыкновенныхъ политическихъ проступковъ, и чтобы возвысить среди нихъ значеніе духовенства, Карлъ старается внушить населенію покоренныхъ областей, что эти преступленія— грѣхъ, нарушеніе заповѣдей Божіихъ, и только одинъ священникъ властью, данною ему самимъ Богомъ, можетъ избавить преступника отъ тяжкаго наказанія, даже отъ смертной казни, если согрѣшившій прибѣгнетъ къ таинству покаянія. Отсюда можно видѣть, какое важное положеніе занимало духовенство въ имперіи Карла Великаго. Для проведенія въ жизнь своихъ замысловъ, для перевоспитанія грубаго, варварскаго народа, не привыкшаго къ порядкамъ культурнаго государства, Карлъ обратился за содѣйствіемъ именно къ духовенству, какъ къ единственному въ тѣ времена образованному сословію, представлявшему собою строго организованное и дисциплинированное общество служителей церкви, подчиненныхъ въ лицѣ римскаго епископа центральному духовному правительству. Духовенство пользовалось въ имперіи Карла Великаго особымъ привилегированнымъ положеніемъ, даже особой уголовной защитой, чтó видно, напр., изъ статьи объ убійствѣ, въ которой пресвитеръ (священникъ) сравненъ съ графомъ, высшимъ чиновникомъ въ государствѣ, а епископъ поставленъ даже выше графа: за убійство графа и пресвитера назначена пеня въ 600 солидовъ, а за убійство епископа въ 900 сол.

Карлъ ввелъ новый порядокъ надзора за дѣятельностью своихъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ—графовъ, поручивъ этотъ

надзоръ епископамъ. Для контроля надъ дѣятельностью всѣхъ во обще чиновниковъ въ разныхъ областяхъ имперіи Карлъ Великій воспользовался еще существовавшимъ до него обычаемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отправлять въ области такъ называемыхъ государевыхъ посланцевъ (missi dominici). Но теперь, при Карлѣ Великомъ, эта мѣра получила новое значеніе постояннаго и правильно дѣйствующаго учрежденія. При этомъ въ число государевыхъ посланцевъ попадали не только свѣтскія лица, пользовавшіяся довѣріемъ Карла, но и духовныя, и такимъ образомъ духовенство пріобрѣтаетъ новое значеніе; оно кромѣ своихъ прямыхъ церковныхъ обязанностей получаетъ участіе въ управленіи государствомъ. дѣлается органомъ свѣтской правительственной власти.

Стараясь упрочить свою власть въ разныхъ частяхъ имперіи, вводя новыя учрежденія, новые порядки, внушая народу новыя понятія о его обязанностяхъ по отношенію къ государству и церкви, Карлъ Великій въ то же время не порывалъ, да и не могъ порвать связей со многими порядками, издавна укоренившимися среди его подданныхъ. Два общегосударственныхъ собранія, весеннее и осеннее, какъ мы видѣли, сохраняли свое значеніе и продолжали дѣйствовать при Карлѣ Великомъ. Карлъ не могъ также не признать извѣстнаго рода отношеній, установившихся между различными сословіями въ государствѣ, не могъ по своему личному усмотрѣнію создать новый сословный и экономическій порядокъ, хотя тогдашній сословный строй заключалъ въ себѣ противогосударственныя начала. Такой именно характеръ имѣли права богатыхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, или сеньеровъ, по отношенію къ людямъ, жившимъ на ихъ земляхъ и принужденнымъ, благодаря разнымъ несчастнымъ случайностямъ, искать покровительства знатныхъ и стать въ зависимое положеніе. Сеньеры, какъ извѣстно, пользовались властью, приближавшей ихъ къ положенію, занимаемому настоящими государями. Они начальствовали надъ зависимыми людьми во время войны, судили ихъ по нѣкоторымъ дѣламъ и требовали отъ нихъ подчиненія распоряженіямъ административно-полицейскаго характера. Карлъ Великій не могъ создать новыхъ, болѣе справедливыхъ сословныхъ отношеній и принужденъ былъ признать сеньератъ [1]), хотя это явленіе противорѣчило общей политикѣ этого государя, направленной къ уничтоженію мѣстныхъ самостоятельныхъ властей и къ подчиненію всего народа одной центральной

[1]) Отношенія между сеньерами и зависимыми отъ нихъ людьми.

государственной власти, органами которой въ разныхъ частяхъ имперіи служили вполнѣ зависимые отъ государя, назначаемые имъ чиновники, какими были графы при Карлѣ Великомъ.

Имперіи Карла Великаго не суждено было просуществовать долгое время. Вскорѣ послѣ смерти Карла она распалась на свои составныя части. Увлекаясь воспоминаніями о всемірной Римской имперіи и стремясь по ея образцу создать новую имперію, которая бы объединяла въ своихъ предѣлахъ всѣ христіанскіе народы западной Европы, Карлъ Великій упустилъ изъ виду, что единства вѣры недостаточно для политическаго объединенія различныхъ племенъ и народовъ въ одно государство. Поэтому объединеніе, достигнутое Карломъ Великимъ, отличалось искусственностью, и его имперія въ самой себѣ заключала элементы разложенія. При такомъ маловадежномъ основаніи для единства имперіи все сводилось къ вліянію личности императора. Единство и порядокъ въ этой обширной имперіи могли поддерживаться только личной энергіей могущественнаго и мудраго монарха, какимъ былъ Карлъ Великій, неусыпно заботившійся о благѣ народа и прочности своего государства. Но когда не стало могущественной личности Карла, тотчасъ проявили свое дѣйствіе силы, враждебныя государственному объединенію, и обширная имперія прекратила свое существованіе. Первой причиной разложенія имперіи Карла Великаго было различіе племенныхъ, національныхъ интересовъ у народовъ, вошедшихъ въ составъ этой имперіи. Они не могли примириться съ уничтоженіемъ своей прежней политической независимости, и при первой возможности постарались возстановить потерянныя права на самостоятельное существованіе. Громадное вліяніе духовенства въ дѣлахъ чисто свѣтскаго, государственнаго характера представляло также немалую опасность для имперіи, созданной Карломъ Великимъ, и вообще для правильнаго развитія государства. Еще болѣе серьезнымъ тормазомъ для подчиненія всего народа единой государственной власти служило частное могущество крупныхъ землевладѣльцевъ. Зависимость отъ этихъ сеньеровъ людей, жившихъ на ихъ земляхъ, порывала связь между народомъ и государемъ, раздробляла имперію на множество какъ бы отдѣльныхъ государствъ въ государствѣ. Созывались, правда, общегосударственныя собранія, но они не могли служить вполнѣ достаточнымъ средствомъ для поддержанія связи между отдѣльными частями имперіи; ихъ дѣятельность не приняла вполнѣ опредѣленныхъ формъ народнаго представительства, т. е. не привела къ образованію законодательныхъ собраній со строго

узаконенными правами. Эти собранія не могли, слѣдовательно, играть роли прочныхъ общегосударственныхъ учрежденій и служить противовѣсомъ всѣмъ тѣмъ силамъ, которыя стремились нарушить единство, съ такимъ трудомъ установленное, въ созданной Карломъ громадной имперіи. Наконецъ, уже самые размѣры государства служили большимъ препятствіемъ къ поддержанію и упроченію единства: при обширности территоріи и государю трудно было установить вполнѣ успѣшный надзоръ за положеніемъ дѣлъ въ отдаленныхъ провинціяхъ имперіи, и народу, жившему въ этихъ провинціяхъ, нелегко было пользоваться своимъ правомъ участія въ общегосударственныхъ народныхъ собраніяхъ, такъ какъ длинныя путешествія требовали значительной потери времени и большихъ расходовъ. Всѣ эти неблагопріятныя условія роковымъ образомъ привели имперію Карла Великаго къ распаденію на ея составныя части, лишь только не стало могущественной, энергической личности императора, поддерживавшаго единство въ имперіи своей неусыпной дѣятельностью.

Несмотря однако на свое кратковременное существованіе, имперія Карла Великаго занимаетъ весьма важное мѣсто въ исторіи средневѣковой Европы, и государственная дѣятельность Карла не пропала безслѣдно. Имперія, созданная геніальною личностью Карла Великаго, представляла первый въ западной Европѣ опытъ культурнаго государства, возникшаго послѣ паденія Западной Римской имперіи. Карлъ Великій смотрѣлъ на свою государственную дѣятельность, какъ на миссію, направленную къ перевоспитанію варварскаго общества, къ распространенію среди него новыхъ понятій, новыхъ взглядовъ на отношенія народа къ государственной власти. Въ союзѣ съ церковью онъ весьма много сдѣлалъ для распространенія христіанской цивилизаціи среди народовъ германскаго племени.

В. Ѳ. Икономовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Германцы до великаго переселенія народовъ. *С. Моравскій.* 1

Сношенія германцевъ съ римлянами. 1. Степень культуры. 1. Постепенныя измѣненія въ бытѣ. 2. Различіе между германскими племенами въ культурномъ отношеніи. 2. Бытъ хавковъ. 3. Земледѣліе и война. 4. Способъ обработки. 4. Землевладѣніе. 7. Скотоводство. 9. Охота. 10. Селенія и постройки. 10. Пища. 11. Одежда. 12. Оружіе. 13. Ремесла. 15. Родъ и племя. 16. Гостепріимство. 19. Значеніе рода въ хозяйствѣ и правѣ. 19. Народное собраніе. 20. Областные судьи и герцоги. 21. Король. 22. Князья. 24. Дружина. 25. Союзы племенъ. 26. Свободные люди 27 Знать. 29. Война. 29. Походъ. 31. Сраженіе. 31. Образъ жизни. 34. Женщины. 35.

2. Религія германцевъ. *В. Розановъ*. 37

Арійскія основы. 37. Измѣненіе вѣрованій вслѣдствіе историческихъ условій. 39. Извѣстія о германскомъ язычествѣ. 40. Безсмертіе души. 40. Эльфы и карлики. 42. Демоны. 43. Дуализмъ міровоззрѣнія. 45. Асы и Ваны. 46. Ціу—богъ неба. 46. Ціу—богъ войны. 47. Воданъ. 47. Воданъ — богъ культуры. 48. Воданъ—богъ воздуха. 49. Воданъ—богъ плодородія. 49. Воданъ—богъ войны. 49. Воданъ - богъ мертвыхъ. 50. Валгалла. 51. Воданъ—богъ неба. 53. Его внѣшній обликъ. 53. Донаръ. 54. Его внѣшній обликъ. 55. Донаръ - Торъ. 55. Торъ и великаны. 56. Богини. 58. Нерта. 59. Фригга. 59. Богиня смерти. 59. Норны. 59. Бальдеръ. 60. Локи. 62. Конецъ міра. 62. «Сумерки боговъ». 63. Культъ. 63. Жертвоприношенія. 64. Праздники. 64. Жрецы. 65. Гаданія. 65.

3. Разселеніе славянъ. *П. Милюковъ* 67

Современное разселеніе славянъ. 67. Древнее разселеніе славянъ. 68. Извѣстія о разселеніи. 68. Древнѣйшая родина славянъ. 69. Названія славянъ. 69. Начало нападеній на Византію. 69. Набѣги при Юстиніанѣ. 71. Набѣгъ 552 г. 72. Набѣги славянъ при Тиверіи и прочное поселеніе ихъ на Балканскомъ полуостровѣ. 75. Борьба Маврикія со славянами. 77. Разселеніе славянъ въ теперешней Австріи. 78 Авары въ Панноніи. 79. Заселеніе Далма-

Стр.

тіи. 80. Заселеніе Сербіи. 80. Болгары за Дунаемъ. 81. Само и западные славяне. 81. Разселеніе славянъ отъ Вислы до Эльбы. 82.

4. Древнѣйшій бытъ славянъ. *П. Милюковъ* 83

Древніе писатели о политическомъ бытѣ славянъ. 83. Остатки древняго строя въ позднѣйшемъ быту. 85. Общественныя дѣленія. 85. Домашняя община. 86. Братство. 87. Племя. 89. Разложеніе родового строя. 90. Образъ жизни. 93. Города. 94. Гостепріимство. 96. Военные нравы. 98. Характеръ славянъ. 100.

5. Религія славянъ. *П. Милюковъ*. 102

Прокопій о славянской религіи. 102. Миѳическое творчество 103. Славянскіе боги. 106. Вліяніе язычества на народныя преданія о святыхъ. 107. Круговоротъ главныхъ праздниковъ. Рождество и святки. 109. Марена и Май. 110. Канунъ Ивана Купалы. 111. Поклоненіе предкамъ. 112. Загробная жизнь. 113. Способы погребенія. 114.

6. Аларихъ и вестготы. *И. Гревсъ* 118

Расчлененіе Римской имперіи. 118. *I. Очеркъ исторіи отношеній между римлянами и германцами въ первые три вѣка по Р. Хр.:* Движеніе арійцевъ. 119. Кимвры и тевтоны. 121. Свевы. 121. Наступленіе римлянъ. 122. Римская граница. 123. Маркоманны. 125. Германскіе народы. 126. Движеніе готовъ. 129. *II. Римъ и вестготы. (Нашествіе Алариха):* Реформы Діоклетіана и Константина 132. Примиреніе имперіи съ церковью. 135. Обращеніе готовъ въ христіанство. 136. Переходъ вестготовъ въ предѣлы имперіи. 137. Федераты и лэты. 139. Преемники Ѳеодосія. 140. Походъ Алариха на Грецію. 143. Первое нападеніе Алариха на Италію. 145. Вторженіе Радагайса. 146. Гоненіе Стилихона. 147. Второе нападеніе Алариха на Италію. 148. Римъ въ началѣ V вѣка. 149. Первая осада Рима. 151. Императоръ Атталъ. 153. Взятіе Рима. 155. Смерть Алариха. 156. *III. Основаніе Вестготскаго государства въ Галліи*: Впечатлѣніе произведенное взятіемъ Рима. 157. Атаульфъ. 160. Галлія въ началѣ V вѣка, 161. Тулузское королевство вестготовъ. 163. Военный постой варваровъ. 163. Отношенія между вестготами и имперіей. 166.

7. Меровингское общество. *Н. Романовъ*. 169

I. Сигбертъ и Хильперикъ: Королевская вилла. 169. Король Хлотарь. 170. Бракъ Сигберта. 171. Придворная поэзія. 172. Образованность. 174. Галло-римская аристократія. 175. Бракъ Хильперика. 177. Погибель Галесвинты. 177. Вліяніе римско-христіанской культуры на варварскій міръ. 179. *II. Исторія Меровига*: Брунегильда. 180. Убѣжище Турской церкви. 181. Бѣгство Меровига. 183. *III. Левдастъ и Григорій Турскій*: Біографія Левдаста. 184. Доносъ на Епископа Григорія. 185. Судъ надъ Григоріемъ Турскимъ. 187. Погибель Левдаста. 188. *IV. Мятежъ въ Лиможѣ*. Подати въ Галліи. 189. Борьба противъ подати. 190.

Стр.

8. Варварскія Правды. *М. Богословскій* 192

Составленіе правдъ. 192. Общій характеръ правдъ. 194. Судоустройство. 195. Судопроизводство. 196. Взысканія за убійство. 198. Взысканія за увѣчья. 202. Взысканія за оскорбленія чести. 203. Взысканіе за нанесеніе имущественнаго вреда. 203. Родовыя и семейныя отношенія 206. Имущество. 207. Отпускъ на волю. 208. Взысканія за политическія преступленія. 209. Преступленія противъ религіи. 209. Право убѣжища. 210. Полицейскія постановленія. 210. Цѣнность денегъ. 211.

9. Имперія VI вѣка и Юстиніанъ. *Павелъ Виноградовъ*. . . 212

Историческое назначеніе Римской имперіи. 212. Области имперіи Египетъ и Азія. 214. Балканскій полуостровъ. 217. Западъ. 219. Императорская власть. 222. Государство и національности. 222. Финансы. 224. Церковь. 224. Левъ I и Зенонъ. 225. Анастасій. 226. Юстинъ. 227. Юстиніанъ. 228. Өеодора. 229. Политическія партіи и циркъ. 229. Мятежъ „Ника". 231. Войны съ вандалами и готами. 234. Войны съ Персіей. 236. Борьба съ сѣверными варварами. 237. Религіозная политика. 238. Церковное зодчество. 240. Corpus juris 241. Новеллы. 241. Устройство провинцій. 242. Бюрократія 243. Административная роль церкви. 244. Низшіе классы. 245.

10. Италія и папство въ VI вѣкѣ. *Б. Панченко* 247

Упадокъ Италіи. 247. Императорское управленіе. 249. Духовенство и папы. 251. Біографія Григорія В. 254. Хозяйственная дѣятельность Григорія. 256. Церковная администрація. 257. Монашество. 258. Отношенія къ низшимъ классамъ. 259. Борьба съ лангобардами. 261. Отношенія къ Византіи. 262. Споръ съ константинопольскимъ патріархомъ. 266. Отношенія къ вестготамъ. 268. Отношенія къ франкамъ. 269. Отношенія къ англосаксамъ. 271. Сочиненія Григорія. 273. Аскетъ-правитель. 275.

11. Бонифацій, апостолъ Германіи. *В. Розановъ* 278

Начало обращенія германцевъ въ христіанство. 278. Франкскіе миссіонеры въ Германіи. 279. Ирландскіе миссіонеры. 280. Слабыя стороны ирландской миссіи. 283. Англосаксонская церковь. 284. Біографія Бонифація. 285. Проповѣдь у фризовъ. 286. Карлъ Мартелъ. 287. Бонифацій архіепископъ. 289. Характеръ проповѣди. 290. Уступки язычеству. 292. Ереси. 293. Реформа франкской церкви. 294. Основаніе фульдскаго монастыря. 297. Пипинъ Короткій. 297. Мученическая смерть. 299.

12. Левъ III Исавръ и начало иконоборства. *Ө. Смирновъ* 323

Задачи Византійской имперіи. 302. Областное управленіе. 303. Религіозное броженіе. 304. Біографія Льва III. 306. Борьба противъ арабовъ. 308. Военное сословіе. 310. Эклога. 311. Земледѣльческій законъ. 313. Вопросъ о почитаніи иконъ. 315. Первыя мѣры Льва противъ иконопочитанія. 318. Сопротивленіе иконоборству. 319. Отношеніе папы къ иконоборству. 321. Значеніе Льва III. 322.

Стр.

13. Магометъ и начало Ислама. Составлено по *A. Müller*. Der Islam im Morgen-u.-Abendland. B. I. Berlin. 1885. 324

Бытъ арабовъ. 324. Особенности страны. 326. Арабская поэзія. 330. Молодость Магомета. 332. Религіозные взгляды Магомета. 334. Начало откровеній. 337. Проповѣдь. 339. Гоненіе на послѣдователей Магомета. 342. Бѣгство въ Медину. 343. Учрежденіе политической общины. 344. Богослуженіе. 346. Борьба съ Меккой. 348. Владычество Магомета въ Меккѣ. 349.

14. Исламъ. Составлено по A. Müller Der Islam im Morgen-u.-Abendland. B. I., S. 184 f.). 351

Богъ ислама. 351. Пророки. 353. Коранъ и Сунна. 354. Послѣдняя судьба міра. 355. Заповѣди ислама. 356. Молитва. 357. Постъ. 358. Путешествія къ святымъ мѣстамъ. 359. Милостыня. 362. Война съ невѣрными. 362. Нравственныя предписанія. 362.

15. Абассиды. *Ал. Кизеветтеръ* 364

Положеніе халифа. 364. Администрація. 366. Визирь. 368. Провинціальное управленіе. 369. Подати. 371. Войско. 374. Торговля и промышленность. 377. Земледѣліе. 380. Классы населенія. 381.

16. Карлъ Великій, его личность и заботы о просвѣщеніи. *Н. Шамонинъ* 384

Дворцовая школа. 384. Преподаваніе. 385. Академія. 386. День при дворѣ Карла В. 386. Характеръ литературы. 387. Наука. 388. Три разряда школъ. 389. Рукописи. 390. Алкуинъ и Карлъ 391. Ихъ переписка. 392. Теодульфъ. 393. Ангильбертъ. 394. Образованіе Карла. 395. Эйнгардъ. 396. Занятіе нѣмецкимъ языкомъ. 397. Семья Карла. 398. Дѣти Карла В. 398. Образъ жизни Карла. 398. Чины двора. 400. Хозяйство и постройки. 401. Охоты. 403. Народныя собранія. 405. Отношеніе Карла къ церковнымъ дѣламъ. 406. Наставленія приближеннымъ. 408. Карлъ и школьники. 409. Карлъ и епископы. 410. Церковная служба. 410. Впечатлѣніе могущества Карла на современниковъ. 411. Карлъ и норманны. 412.

17. Возстановленіе Западной Римской имперіи. *М. Покровскій*. 413

Римская имперія. 413. Власть императора въ Италіи. 414. Папа и франки. 416. Карлъ В. въ Римѣ. 418. Вѣнчаніе Карла В. императоромъ. 419.

18. Капитуляріи Карла Великаго и общіе выводы о его государственной дѣятельности. *В. Ѳ. Икономовъ*. 422

I. Саксонскій капитулярій. 424. II. Наставленіе государевымъ посланцамъ (начало 802 года). 427. III. Изъ наставленія государевымъ посланцамъ, даннаго въ Тіонвиллѣ (Theodonis villa). 429. IV. Постановленія синода, состоявшагося во Франкфуртѣ (іюнь 794 года). 430. V. Письмо о занятіяхъ науками (780—800). 431. VI. Капитулярій объ императорскихъ помѣстьяхъ. (De villis). 433.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка* *сверху*	*снизу*	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
17	—	2	въ своихъ родственникахъ	у своихъ родственниковъ
25	11	—	которые	которыя
40	8	—	сѣвернаго	Сѣвернаго
»	—	8	соотвѣтствуютъ	соотвѣтствуетъ
41	—	2	потому	по тому,
45	1	—	ничто	не что
48	—	15	римскхъ	римскихъ
51	19	—	Тогда	«Тогда
58	19	—	они	онѣ
»	—	4	наряжалн	наряжали
60	1	--	др в. нѣм.	древне-в. нѣм.
67	2	—	юго-востокъ	юго-западъ
83	—	14	Kranss	Krauss
98	—	1	amilias	familias
106	6	—	мы должны	мы не должны
116	—	13	поможетъ	помогъ
125	15	—	течетъ	текла
»	—	17	появилась	появилось
170	—	3	Теодобертъ	Теодебертъ
181	9	—	Гильперика	Хильперика
186	—	19	отвѣтственнось	отвѣтственность
»	—	3	ленно	медленно,
247	-	3	Komanorum	Romanorum
255	22	—	апокрпсіаріемъ	апокрисіаріемъ
281	5	—	VII, вѣка	VII вѣка
285	—	5	апостолъ	апостола
304	19	—	предоставляя	предоставляя имъ
339	—	9	четвертый	третій
352	—	1	пониманію. Съ этой сто-	пониманію.
364	—	1	Chalufen	Chalifen
383	—	1	слубжы	службы
395	13	—	осбсою	особою
420	—	11	*βασιλευς'α*	*βασιλεύς'α*

На стр. 118 въ спискѣ *пособій* добавитъ *Лампрехтъ*, Исторія германскаго народа, т. I, перев. П. Николаева; *Amédée Thierry* Récits de l'histoire romaine au V-e siécle.